Komparatīvistikas almanahs
Journal of Comparative Studies

CILVĒKS VALODĀ: ETNOLINGVISTIKA, LINGVISTISKĀ PASAULES AINA

HUMAN IN LANGUAGE: ETHNOLINGUISTICS, LINGUISTIC VIEW OF WORLD

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ: ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
AKADĒMISKAIS APGĀDS "SAULE"
2014

Koroļova J., Kovzele O. (red.) *Komparatīvistikas almanahs Nr. 4 (33). Cilvēks valodā: etnolingvistika, lingvistiskā pasaules aina*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2014, 520 lpp.

Koroļova J., Kovzele O. (eds.) *Journal of Comparative Studies No 4 (33). Human in Language: Ethnolinguistics, Linguistic View of World*. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press "Saule", 2014, 520 p.

Ковзеле О. Г., Королёва Е. Е. (ред.) *Альманах компаративистики № 4 (33). Человек в языке: этнолингвистика, лингвистическая картина мира*. Даугавпилс: Академическое издательство Даугавпилсского университета «Сауле», 2014, 520 с.

Zinātniskā komiteja / Scientific Committee / Научный комитет

Dr. habil. philol., Marina Belyaeva, Krievija / Russia / Россия
Dr. habil. philol., Yelena Berezovich, Krievija / Russia / Россия
Dr. philol., Maija Burima, Latvija / Latvia / Латвия
Dr. philol., Tatyana Filosofova, Amerikas Savienotās Valstis, Lielbritānija / United States of America, United Kingdom / Соединенные Штаты Америки, Великобритания
Dr. habil. philol., Aloyzas Gudavicius, Lietuva / Lithuania / Литва
Dr. habil. philol., Zaiga Ikere, Latvija / Latvia / Латвия
Dr. habil. philol., Natalya Ilyinskaya, Krievija / Russia / Россия
Dr. habil. philol., Mariola Jakubowicz, Polija / Poland / Польша
Dr. philol., Jeļena Koroļova, Latvija / Latvia / Латвия
Dr. philol., Igors Koškins, Latvija / Latvia / Латвия
Dr. philol., Oksana Kovzele, Latvija / Latvia / Латвия
Dr. philol., Lilivera Kristeva, Bulgārija / Bulgaria / Болгария
Dr. philol., Anatolijs Kuzņecovs, Latvija / Latvia / Латвия
Dr. habil. philol., Ljubov Parubchenko, Krievija / Russia / Россия
Dr. philol., Anzhelika Shteingold, Igaunija / Estonia / Эстония
Dr. philol., Gaļina Sirica, Latvija / Latvia / Латвия
Dr. habil. philol., Ljudmila Stepanova, Čehija / Czech Republic / Чехия

Žurnāla izdošana apstiprināta Daugavpils Universitātes Zinātnes padomes sēdē 2014. gada 27. maijā, protokols Nr. 7.

The publication of the Journal has been approved at Daugavpils University Science Council meeting on May 27, 2014, Minutes No 7.

Журнал утвержден к печати 27 мая 2014 года на заседании Ученого совета Даугавпилсского университета, протокол № 7.

Redkolēģija / Editorial Staff / Редколлегия:

Jeļena Koroļova, Oksana Kovzele (redaktores / editors-in-chief / редакторы), Jana Butāne-Zarjuta

Korektori / Proof-readers / Корректоры:

Jana Butāne-Zarjuta, Sandra Meškova, Gaļina Sirica

Makets / Lay-out / Макет:

Marina Stočka

ISSN 2255-9388
ISBN 978-9984-14-684-3

© Daugavpils Universitāte, 2014
Daugavpils University, 2014
Даугавпилсский университет, 2014

DAUGAVPILS UNIVERSITĀTES
HUMANITĀRĀS FAKULTĀTES
KOMPARATĪVISTIKAS INSTITŪTS

DAUGAVPILS UNIVERSITY
FACULTY OF HUMANITIES
INSTITUTE OF COMPARATIVE STUDIES

Komparatīvistikas almanahs
Nr. 4 (33)

CILVĒKS VALODĀ: ETNOLINGVISTIKA, LINGVISTISKĀ PASAULES AINA

*

Journal of Comparative Studies
No 4 (33)

HUMAN IN LANGUAGE: ETHNOLINGUISTICS, LINGUISTIC VIEW OF WORLD

*

Альманах компаративистики
№ 4 (33)

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ: ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Daugavpils Universitātes *Komparatīvistikas almanahs* ir iekļauts EBSCO elektroniskajā datubāzē, kas ir viens no pilnīgākajiem zinātnisko žurnālu, periodisko izdevumu un citu avotu pilnu tekstu apkopotājiem. Izdevums *Komparatīvistikas almanahs* lasāms EBSCO datubāzē *Humanities Source*.

Journal of Comparative Studies of Daugavpils University has entered into an electronic licensing relationship with EBSCO Publishing, the world's most prolific aggregator of full text journals, magazines and other sources. The full text of *Journal of Comparative Studies* can be found on EBSCO Publishing's database called *Humanities Source*.

Издаваемый Даугавпилсским университетом *Альманах компаративистики* включен в электронную базу данных EBSCO – одно из наиболее обширных собраний полных текстов научных журналов, периодических изданий и других источников. Издание *Альманах компаративистики* доступно к прочтению в базе данных EBSCO *Humanities Source*.

Vienības iela 13-323, Daugavpils LV-5401, Latvija • Tel. (371)65424238 • Fakss: (371)65422611 • E-pasts: compare@du.lv

Zinātnisko žurnālu *Komparatīvistikas almanahs* trīs reizes gadā izdod Daugavpils Universitātes Komparatīvistikas institūts, Daugavpils, LATVIJA
Visi raksti tiek anonīmi recenzēti.

Journal of Comparative Studies is published three times a year by the Institute of Comparative Studies, Daugavpils University, Daugavpils, LATVIA
All papers are anonymously peer-reviewed.

Альманах компаративистики издается три раза в год Институтом компаративистики Даугавпилсского университета, Даугавпилс, ЛАТВИЯ
Все статьи проходят анонимное рецензирование.

RUSSKIY MIR FOUNDATION ФОНД РУССКИЙ МИР

Komparatīvistikas almanahs Nr. 4 (33). Cilvēks valodā: etnolingvistika, lingvistiskā pasaules aina izdots ar fonda *Russkij mir* finansiālo atbalstu (granta numurs 1179Гр/I-333-13).

Journal of Comparative Studies No 4 (33). Human in Language: Ethnolinguistics, Linguistic View of World has been published with the financial support of the *Russkiy Mir Foundation* (grant No 1179Гр/I-333-13).

Альманах компаративистики № 4 (33). Человек в языке: этнолингвистика, лингвистическая картина мира издан при финансовой поддержке фонда *Русский мир* (номер гранта 1179Гр/I-333-13).

SATURS / CONTENTS / СОДЕРЖАНИЕ

Priekšvārds 13

Foreword 15

Вводное слово 17

Oļegs Žolobovs
"Augmentais imperfekts"?
The 'Augment Imperfect'?
«Аугментный имперфект»? 19

Anatolijs Kuzņecovs
Konjunktīva formas evaņģēlijā *Codex Marianus*
The Subjunctive Forms in *Codex Marianus*
Конъюнктив в *Мариинском евангелии* 33

Olga Trofimova
Topogrāfiskie apraksti kā 18. gadsimta krievu runas pierakstu variatīvuma izpētes avots
Topographical Descriptions as a Source of Studying Variations of Russian Written Language of the 18th Century
Топографические описания как источник изучения вариативности русской письменной речи XVIII века 47

Igors Koškins
Etnonimizācija vārdu vēsturē kā valodu kontaktu atspoguļojums
Ethnonymization in the History of Words as the Reflection of Language Contacts
Этнонимизация в истории слов как отражение языковых контактов 66

Valentīna Zakrevska
"Aizstājējverbu" darbības veida un verbālo paņēmienu izpausme (Arhangeļskas izlokšņu materiāls)
Manifestation of Aspect and Ways of Verbal Action with 'Mestoglagolnykh' Words (on the Material of the Arkhangelsk Subdialects)
Проявление вида и способов глагольного действия у «местоглагольных» слов (на материале архангельских говоров) 82

Daiki Horiguči
Latviešu priedēklis *pa-* (un tā paustais subjektīvais vērtējums) sastatījumā ar krievu priedēkli *po-*
Latvian Prefix *pa-* (and the Subjective Evaluation Expressed by it) in Comparison with Russian Prefix *po-*
Латышская приставка *pa-* (и выражаемая ею субъективная оценка) в сопоставлении с русской приставкой *по-* 90

Marina Beļajeva
Krievu valodas divdabji un to ekvivalenti ukraiņu valodā
Participles in the Russian Language and their Ukrainian Equivalents Expressed by Concretions
Причастия русского языка и их украинские эквиваленты-слияния 104

Jeļena Kolosjko
Stabili savienojumi ar piederības īpašības vārdiem kā komparatīvu pētījumu materiāls
Steady Combinations with Possessive Adjectives as a Basis for the Comparative Research
Устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными как материал для компаративных исследований 118

Kristīne Kuņicka
Latgales poļu valodas iekšējā diferenciācija: no idiolekta līdz dialektam
Internal Differentiation of the Polish Language Spoken in Latgale: from an Idiolect to the Dialect 128
Внутренняя дифференциация польского языка Латгалии: от идиолекта к диалекту

Vilma Šaudiņa
Dažu Latvijas dienvidaustrumu izlokšņu sociolingvistiskā situācija 142
Sociolinguistic Situation of Some Subdialects of Southeast Latvia
Социолингвистическая ситуация некоторых юго-восточных говоров Латвии

Nataļja Boļšakova
Autokomentārs dialektu diskursā
Self-Comment in the Dialect Discourse
Автокомментарий в диалектном дискурсе 150

Nataļja Iļjinska
Tīklveida zvejas rīku nosaukumi krievu literārajā valodā un Kamčatkas iedzīvotāju izloksnēs
The Names of Fishing Mesh Devices in the Russian Literary Language and Kamchadals' Subdialects
Названия сетных орудий лова в русском литературном языке и в говорах жителей Камчатки 162

Nataļja Ivanova
Latgales vecticībnieku aizliegumi
Prohibitions of the Old Believers of Latgale
Запреты староверов Латгалии 182

Irina Kačinska
Radniecības termini un cilvēku apzīmējumi pēc dzimuma un vecuma: nozīmju difūzija
Terms of Kinship and the Names of the People According to Gender and Age: Diffuse Meanings
Термины родства и наименования людей по полу и возрасту: диффузность смыслов 198

Jeļena Mateikoviča
Svešvalodas sociālais dialektisms *жебрак* Latgales krievu izloksnēs
The Foreign-Language Dialectal Word of the Social Sphere *жебрак* in the Russian Subdialects of Latgale
Иноязычный диалектизм социальной сферы *жебрак* в русских говорах Латгалии 215

Anna Stafecka
Jēdzieni *pusnakts* un *pusdiena* latviešu un lietuviešu valodas izloksnēs: etnolingvistiskais aspekts 229
The Notions of *Midnight* and *Noon* in Latvian and Lithuanian Subdialects: the Ethnolinguistic Aspect
Понятия *полночь* и *полдень* в латышских и литовских говорах: этнолингвистический аспект

Jeļena Koroļova
Divu valodas personību dialektrunas salīdzinājums
Comparing Dialectal Speech of Two Linguistic Personalities
Сравнение диалектной речи двух языковых личностей 238

Anna Kokonova
Par mirušā apzīmējumiem Arhangeļskas izloksnēs. Etnolingvistiskā un lingvoģeogrāfiskā analīze
On Terms for a Dead Body in Arkhangelsk Subdialects. Ethno- and Areal Linguistic Analysis
О названиях покойника в архангельских говорах. Этнолингвистический и лингвогеографический анализ 258

Nadežda Teļminova
Krievu un latviešu frazeoloģismi ar nozīmi *(no)mirt*
Russian and Latvian Phraseological Units with the Meaning *to Die*
Русские и латышские фразеологизмы со значением *умереть* 266

Elvīra Isajeva
CILVĒKS krievu un latviešu lingvistiskajā apziņā
HUMAN in the Linguistic Consciousness of Russians and Latvians
ЧЕЛОВЕК в языковом сознании русских и латышей 275

Marina Halimone
Cilvēka raksturojums pēc ārējām emociju izpausmēm (krievu un latviešu frazeoloģismu ar semantiku *dusmas* salīdzinājums)
Characteristics of a Person according to External Emotional Expression (by Comparing Russian and Latvian Phraseologisms with the Semantic Pattern *Anger*)
Характеристика человека по внешним проявлениям эмоций (на материале сопоставления фразеологизмов с семантикой *гнев* в русском и латышском языках) 285

Gaļina Pitkeviča
Hokeja līdzjutēju virtuālie antroponīmi internetkomunikācijā
Virtual Anthroponyms Used by Hockey Fans in Internet Communication
Виртуальные антропонимы хоккейных болельщиков в интернет-коммуникации 295

Valentīna Kaļiņina
Personvārds kā vērtība: studentu uztvere
Person Name as the Value: Students' Perception
Имя собственное как ценность: восприятие студентов 306

Jana Butāne-Zarjuta
Antroponīmi mūsdienu jauniešu komunikācijā (latviešu un krievu valodas materiāls)
Anthroponyms in Contemporary Youth Communication (Based on the Latvian and Russian Languages)
Антропонимы в современной молодежной коммуникации (на материале латышского и русского языков) 317

Zaiga Ikere
Cilvēka pasaules simboliskās realitātes dimensijas: telpa un valoda
Dimensions of Human World's Symbolic Reality: Space and Language 325
Грани символической реальности человеческого мира: пространство и язык

Gaļina Sirica
Frazeoloģismu semantiskā grupa *vecums*: aksioloģiskais aspekts
Phrasal-Semantic Group *Age*: the Axiological Aspect
Фразеосемантическая группа *возраст*: аксиологический аспект 333

Jeļena Tretjakova
Cilvēks transporta terminu metaforiskajā reprezentācijā
Human in Metaphorical Representation of Transport Terms 341
Человек в метафорической репрезентации транспортных терминов

Ilze Oļehoviča
No angļu un krievu valodas aizgūtā frazeoloģija latviešu periodikā
English and Russian Loan Phraseology in Latvian Journalese 353
Английская и русская заимствованная фразеология в латышской периодике

Birute Jasjūnaite, Jeļena Koņicka
Antropomorfās vēja metaforas lietuviešu un krievu dzejā
Anthropomorphic Metaphors of the Wind in Lithuanian and Russian Poetry
Антропоморфные метафоры ветра в литовской и русской поэзии 369

Tatjana Stoikova
Mākslinieciskie apzīmējumi *mēness*, *zvaigzne*, *saule* autora estētiskajā sistēmā: Ivans Buņins, Vladimirs Nabokovs (sastatāmais aspekts)
Poetic Words *the Moon*, *the Star*, *the Sun* in an Author's Esthetical System: Ivan Bunin, Vladimir Nabokov (Comparative Aspect)
Художественные слова *луна*, *звезда*, *солнце* в авторской эстетической системе: Иван Бунин, Владимир Набоков (сопоставительный аспект) 387

Valentīna Ščadņeva
Mihaila Bulgakova romāna *Meistars un Margarita* un tā tulkojuma igauņu valodā temporālā arhitektonika
The Temporal Architectonics of Mikhail Bulgakov's Novel *Master and Margarita* and its Translation to Estonian
Темпоральная архитектоника романа Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита* и его эстонского перевода 402

Faina Timošenko
Arhetipa *cilvēks-trauks* poētiskie frazeoloģismi Valērija Brjusova un Edvarta Virzas dzejā
Poetic Phraseology Based upon the Archetype *Human-Vessel* in the Poems by Valery Bryusov and Edvarts Virza
Поэтические фразеологизмы, восходящие к архетипу *человек-сосуд*, в стихотворных произведениях Валерия Брюсова и Эдварта Вирзы 421

Ļubova Parubčenko
Valoda un cilvēks (20. gs. 20. g. zinātniski metodisko publikāciju materiāls)
Language and Human (Based on the Issues of the Scholarly Papers Published in the 1920s)
Язык и человек (на материале научно-методических публикаций 20-х гг. XX в.) 446

Svetlana Polkovņikova
Valodniecības rakstu nosaukumi: funkcionālais un sastatāmais aspekts 470
Titles of Articles in Linguistics: the Functional and Contrastive Aspects
Названия лингвистических статей: функциональный и сопоставительный аспект

Solvita Pošeiko
Daugavpils un Narvas vietējo uzņēmumu un iestāžu nosaukumu izveides īpatnības 479
The Features of Creating Names of Local Companies and Institutions in Daugavpils and Narva
Особенности образования названий местных предприятий и организаций Даугавпилса и Нарвы

Nataļja Trofimova
Šķirstot veco albumu
Looking through the Old Photos
Листая старый альбом 498

Autori 508
Contributors 512
Авторы 516

PRIEKŠVĀRDS

Krājumā *Cilvēks valodā: etnolingvistika, lingvistiskā pasaules aina* apkopoti Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Komparatīvistikas institūta 2013. gada 14. – 16. novembrī rīkotā I Starptautiskā komparatīvistikas kongresa *Cilvēks valodā, literatūrā, kultūrā* materiāli. Kongress bija veltīts institūta 10 gadu jubilejai un izvērsās plaša mēroga reprezentablā zinātniskā pasākumā, kurā piedalījās ievērojami zinātnieki un jaunie pētnieki no 14 pasaules valstīm: Amerikas Savienotajām Valstīm, Azerbaidžānas, Baltkrievijas, Francijas, Gruzijas, Igaunijas, Japānas, Krievijas, Ķīnas, Latvijas, Lietuvas, Nīderlandes, Polijas un Ukrainas. Trīs dienu laikā tika nolasīti un aktīvās diskusijās apspriesti 122 referāti. Vislielākais dalībnieku skaits bija no Krievijas un Baltkrievijas. Krievijas zinātnieki pārstāvēja Kazaņu, Maskavu, Petropavlovsku-Kamčatku, Pleskavu, Sanktpēterburgu, Tveru, Tjumeņu un Ufu. Uzaicinātie Krievijas eksperti kongresā nolasīja divas atklātās lekcijas. Nataļjas Boļšakovas (Pleskava) lekcija *Elektroniskā bibliotēka "Pskoviāna": izveides priekšnosacījumi un pieredze* bija veltīta kultūras atmiņas kategorijai un iepazīstināja klātesošos ar Pleskavas novada folkloras un dialektoloģijas ekspedīciju laikā iegūtās kultūrvērtīgās informācijas fiksēšanas un saglabāšanas iespējām jaunākajā elektroniskajā sistēmā. Oļegs Žolobovs (Kazaņa) lekcijā *Baltu un slāvu nonālās skaitīšanas sistēmas vēsture* atklāja baltu un slāvu valodu kontaktu dziļākos slāņus.

Kongress tika organizēts ar Krievijas fonda *Russkij mir* finansiālo atbalstu (granta numurs 1179Гр/I-333-13).

Izdevumā *Cilvēks valodā: etnolingvistika, lingvistiskā pasaules aina* apkopoti 36 referāti krievu, latviešu un angļu valodā, kas veltīti Cilvēka fenomena izpratnei un tā pasaules ainas atspoguļojumam valodā, par pamatu ņemot salīdzināmo un sastatāmo metodoloģiju un kontaktlingvistikas atziņas. Rakstos aplūkoti dažādi pasaules ainas atveides modeļi atšķirīgās senslāvu, baznīcslāvu, krievu, ukraiņu, poļu, latviešu, lietuviešu, igauņu, angļu un vācu valodas apakšsistēmās salīdzināmajā aspektā. Autori aktualizē valodas vēstures, etimoloģijas, krievu, latviešu un poļu teritoriālās un sociālās dialektoloģijas, gramatikas, vārddarināšanas, onomastikas, nominācijas, pragmatikas, leksikas un frazeoloģijas, mākslinieciskā diskursa un internetkomunikācijas jautājumus dažādās valodās no antropocentrisma viedokļa. Izmantojot etnolingvistisko pieeju, kas, pēc Ņikitas Tolstoja etnolingvistiskās skolas pamatnostādnēm, atklāj

garīgumu caur valodas prizmu, Cilvēks krājumā pārstāvēts daudzveidīgi un no dažādiem aspektiem. Šāda pieeja izkristalizē valodas lietotāju apziņu un atklāj jaunas personības – sabiedrības – kultūras – valodas mijiedarbības šķautnes.

Izdevuma redaktores: ***Jeļena Koroļova***
Oksana Kovzele

FOREWORD

The collection *Human in Language: Ethnolinguistic, Linguistic View of World* has been compiled with the materials of the 1st International Congress of Comparative Studies *Human in Language, Literature, Culture* that was held in 14 – 16 November 2013 by the Institute of Comparative Studies of the Faculty of Humanities, Daugavpils University. The venue was dedicated to the 10th anniversary of the Institute of Comparative Studies and had wide representation by participants from 14 countries: Azerbaijan, Belarus, China, Estonia, France, Georgia, Japan, Latvia, Lithuania, the Netherlands, Poland, Russia, Ukraine, the USA. The participants of the congress, both mature scholars and their younger colleagues, listened to and discussed 122 papers. The majority of the participants came from Russia and Belarus. Russian researchers were from Kazan, Moscow, Petropavlovsk-on-the-Kamchatka, Pskov, St.Petersburg, Tomsk, Tver, Tyumen, Ufa. The invited scholars from Russia delivered two open lectures. N. V. Bolshakova's (Pskov) lecture titled *Electronic Library "Pskoviana": Prerequisites and Experience of Formation* was dedicated to culture memory and contemporary electronic system of registering and storing culture significant information collected in folklore and dialectological field trips in Pskov district. The lecture by O. F. Zholobov (Kazan), *The History of Nonenic Counting with Baltic and Slavic Peoples* revealed the most ancient layers of the cultural and linguistic interaction of the Baltic and Slavic peoples. The congress was supported by the *Russkiy Mir Foundation* (grant No 1179Гр/I-333-13).

The present collection comprises 36 papers in Russian, Latvian, and English, dedicated to the problems of Human and the reflection of the world picture in language from the point of view of methodology of comparative and contrastive linguistics as well as contact linguistics. The papers regard various aspects of the description of the world picture in different sub-systems of Old Slavonic, Church Slavonic, Russian, Ukrainian, Polish, Latvian, Lithuanian, Estonian, English, German in a comparative perspective. Authors of the papers consider the problems of the language history and etymology, Russian, Latvian, and Polish territorial and social dialectology, grammar, word formation, onomastics, nomination, pragmatics, lexicology and phraseology, poetic discourse and internet communication in various languages focusing on the reflection of anthropocentrism. Owing to the ethnolinguistic approach rooted

in the ethnolinguistic school of N. I. Tolstoy in the reflection of spirituality through language, Human finds a multi-faceted and many-sided representation in the given collection. This approach makes it possible to reach the linguistic consciousness of language bearers and locates new aspects of the interaction of personality, society, culture, and language.

Editors of the collection: ***Jeļena Koroļova***
Oksana Kovzele

ВВОДНОЕ СЛОВО

Сборник *Человек в языке: этнолингвистика, лингвистическая картина мира* подготовлен по материалам Первого Международного конгресса по компаративистике *Человек в языке, литературе, культуре*, который с 14 по 16 ноября 2013 года проводил Институт компаративистики гуманитарного факультета Даугавпилсского университета. Конгресс был посвящен десятилетию данного научно-исследовательского центра. Конгресс был представительным. В его работе приняли участие видные ученые и их молодые коллеги из 14 стран мира: Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Китая, Латвии, Литвы, Нидерландов, Польши, России, Соединенных Штатов Америки, Украины, Франции, Эстонии, Японии. Участники конгресса заслушали и обсудили 122 доклада. Наибольшее количество участников было из России и Белоруссии. Российские ученые представляли Казань, Москву, Петропавловск-на-Камчатке, Псков, Санкт-Петербург, Тверь, Томск, Тюмень, Уфу. В рамках конгресса приглашенные специалисты из России прочли две открытые лекции. Лекция Н. В. Большаковой (Псков) *Электронная библиотека "Pskoviana": предпосылки и опыт формирования* была посвящена культурной памяти и современной электронной системе фиксации и хранения культурно-значимой информации, собранной во время фольклорно-диалектологических экспедиций в Псковской области. Лекция О. Ф. Жолобова (Казань) *К истории девятиричного счета у балтов и славян* открывала древнейшие пласты культурно-языкового взаимодействия балтов и славян. Конгресс проходил при поддержке российского фонда *Русский мир* (номер гранта 1179Гр/I-333-13).

В настоящий сборник вошло 36 докладов на русском, латышском, английском языках, посвященных проблемам Человека и отражению картины мира в языке с точки зрения методологии сравнительного и сопоставительного языкознания, а также контактной лингвистики. В статьях рассматриваются разнообразные аспекты описания картины мира в разных подсистемах старославянского, церковнославянского, русского, украинского, польского, латышского, литовского, эстонского, английского, немецкого языков в сравнительном аспекте. Авторы затрагивают проблемы истории языка и этимологии, русской, латышской и польской территориальной и социальной диалектологии, грамматики, словообразования, оно-

мастики, номинации, прагматики, лексики и фразеологии, художественного дискурса и интернет-коммуникации в разных языках с точки зрения отражения антропоцентризма. Благодаря этнолингвистическому подходу, заключающемуся с позиций этнолингвистической школы Н. И. Толстого в отражении духовности сквозь призму языка, Человек представлен в сборнике многогранно и многоаспектно. Такой подход позволил выйти на языковое сознание носителей языка, а также выявил новые ракурсы взаимодействия личности – общества – культуры – языка.

Редакторы издания: ***Елена Евгеньевна Королёва***
Оксана Геннадьевна Ковзеле

Олег Феофанович Жолобов

«АУГМЕНТНЫЙ ИМПЕРФЕКТ»?

Summary

The 'Augment Imperfect'?

The special Imperfect forms with the 'primary' ending '-tь' for the 3rd person singular and plural became widespread in the Old Russian written sources. Just from the 11th – 12th centuries manuscripts used such word forms along with the original ones which had the 'secondary' endings '*-t' (e.g. 'хваляшетъ', 'хваляхутъ' vs. 'хваляше', 'хваляху'). The tendency to use the '-хутъ' forms exclusively before the enclitic pronoun 'и' 'him' appeared quite early and merely to avoid such an obscene sound combination as 'хваляхуи'. In the scientific literature the Imperfect with '-tь' is called the Imperfect with augment. The term 'augment' is not suitable at all because in the Indo-European linguistics it is used in quite a different sense. The variability of the Old Russian Imperfect word forms may be compared with the same variability of the Present word forms (e.g. 'гасне' and 'гаснетъ', 'моли' and 'молитъ', 'су' and 'сутъ'). The variability cannot be explained by an equal usage of the primary and secondary endings because of its stability and functional determination. Use of 'хутъ-и-'imperfect is an artificial tradition of liturgical texts. These literary forms cannot be considered as a source of 'тъ-' imperfect forms in general. Proto-Slavic 'тъ-'imperfect was used in a variety of morphosyntactic positions – as in the original ancient writings.*

Key-words: Imperfect, Old Russian, primary and secondary endings, augment

*

Известно, что имперфект 3 л. ед. и мн. числа на -тѧ характерен в основном для восточнославянских источников, хотя встречается также в древнесербском (*Волканово ев.* XII в., *Учительное ев.* Константина Болгарского XIII в.) и древнечешских глоссах, как указывал А. И. Соболевский.[1] Данные факты затруднительно объяснить поздней инновацией, а не праславянским наследованием вариативных словоформ с первичными и вторичными окончаниями[2] 3 л. ед. числа **-ti*> **-tь* vs. **-t*> **-ø* и 3 л. мн. числа **-(o)-nti*> **-ǫtь* vs. **-(o)-nt* > **-ǫø*. Продуктивность праславянской модели с вариативностью

первичных и вторичных окончаний нашла яркое выражение в системе форм презенса, а также имперфекта и отчасти – аориста.[3]

А. Тимберлейк в известной статье *Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи*[4] после скрупулезного анализа пришел к выводу, что употребление словоформ с приращением-*аугментом* -ть первоначально возникло перед энклитикой и в условиях сандхи. А. Тимберлейк предположил, что в случаях вроде молꙗаше и, люблꙗахоу и vs. молꙗшеть и, люблꙗхоуть и *неудобная последовательность* $[C_1V_1|V_2]$ *замещалась более естественной* $[C_1V_1C_2|V_2]$, *где* $C_2 = [t']$. Однако в действительности в первом случае уже изначально существовал иной тип последовательности – $[C_1V_1|C_2V_2]$ [mol'a|š'e|jь], поскольку слабая энклитика и не просто восходит к сочетанию **jь*, а таким сочетанием и является в древнерусском, о чем свидетельствуют довольно обычные написания с отражением напряженного редуцированного перед энклитикой молꙗшети и. Еще более явственно на это указывают написания предложно-аккузативных сочетаний: **wъn jь* > въ нь и под. В переводе на русский язык статьи А. Тимберлейка терминологическое словосочетание *аугмент имперфекта* было сохранено, после чего оно получило распространение в научной литературе и стало использоваться вместо традиционных терминов *имперфект с первичным окончанием* или *имперфект с приращением*. В. М. Живов в статье 2003 г. *ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов*, перепечатанной затем в сборнике[5], использует термин *имперфект с аугментом*, непосредственно опираясь на вышеназванную работу А. Тимберлейка. В. Б. Крысько в морфологическом описании недавно изданного древнерусского Синаксаря термины *формы с приращением* и *аугментные формы* использует как синонимы.[6] В новейшей работе, посвященной имперфекту на -ть и опирающейся на исследования А. Тимберлейка, новое терминообозначение *аугментный имперфект* используется без обсуждения – как данность.[7] Между тем в научной традиции термины *аугмент*, *аугментированные формы* до появления статьи А. Тимберлейка употреблялись только по отношению к индоевропейским формам аориста, имперфекта и плюсквамперфекта с особым префиксальным элементом, придававшим им строго претеритальное значение, в то время как аорист и имперфект без префиксального аугмента ассоциировались не столько с претеритальной, сколько с косвенно-модальной функцией.[8] Этот термин критически обсуждался нами в связи с рассмотрением упомянутой статьи В. М. Живова.[9]

Безусловно, главная причина избыточности терминологических нововведений *имперфект с аугментом* или *аугментный имперфект* состоит в том, что словоформы имперфекта ѩблѩшеⷮ, тѣорѩхоуⷮ и под. являются исконными и не содержат никакого приращения, о котором можно говорить лишь условно при сопоставлении со стандартными словоформами имперфекта ѩблѩше, тѣорѩхоу и под. Нейтральное, казалось бы, название статьи С. Штоль *On the Desinence {-t(·)} of the Early East Slavic Imperfect*[10] в этой связи звучит чуть ли не вызывающе. Автор отстаивает исконный флективный характер имперфекта на -тъ в ранних древнерусских источниках, подвергая критике аугментную гипотезу А. Тимберлейка. Статья С. Штоль стала в свое время единственным критическим откликом на работу А. Тимберлейка. К сожалению, в ключевой пункт работы вкралась техническая ошибка. В таблице 5, где предполагалось продемонстрировать различия между индоевропейскими первичными и вторичными окончаниями, в графе 3 л. ед. и мн. числа приведены лишь вторичные окончания на *-*t* в обоих разделах – и для первичных, и для вторичных окончаний; кроме того, дана неправильная форма 1 л. мн. числа.[11] С. Штоль опирается при этом на известный учебник А. Лескина, в котором в действительности дана корректная реконструкция, а чуть выше она подкрепляет приводящиеся (с ошибками, к сожалению) праформы ссылкой на относительно новую работу.[12] Странной представляется интерпретация редуцированного в формах на -тъ в качестве вокалического аугмента, возникшего при обобщении первичных окончаний.[13]

С. Штоль рассмотрела употребление словоформ имперфекта на -тъ в древнерусском переводе *Пленения Иерусалима* Иосифа Флавия и пришла к выводу, что дистрибуция вариативных словоформ согласуется с принципами, установленными А. Тимберлейком на материале *Лаврентьевской летописи* и *Слова о полку Игореве*. В итоге авторская концепция сводится к следующему: вторичные окончания сохраняются перед клитиками, благодаря аугментному редуцированному, расширяющему вторичные окончания в результате генерализации первичных окончаний. Безусловно, это весьма спорный взгляд. Он, как и аугментная гипотеза Тимберлейка, игнорирует существование устойчивых модельных рядов с вариативностью первичных и вторичных окончаний как в системе презенса, так и в системе претеритов, которое было обусловлено их функциональной мотивированностью. Аугментная гипотеза распространения словоформ на -тъ вызывает сомнения уже по той простой причине, что в

целом ряде сходных морфосинтаксических позиций за рамками претеритальных форм 3 л. ед. и мн. числа никаких намеков на аугментные модификации не наблюдается.

И. Г. Добродомов[14], поддержавший доводы С. Штоль и считающий словоформы на -ть исконными, флективное -ть именует по каким-то причинам *постфиксальным приращением* и предлагает фантастическую реконструкцию модельного контекста образования словоформ на -ть: *-t>ø*, *-t+ī>-tī*. Что такое здесь это **ī* и как *-tī* превращается в *-tь*? Все это остается загадкой: иначе и быть не может, если приводятся несуществующие формы. Праславянская форма указательно-анафорического местоимения, как уже указывалось выше, имела другой вид. Работа И. Г. Добродомова посвящена критике наблюдений В. М. Живова над особыми случаями дистрибуции словоформ на -ть в ряде древнерусских евангелий. Критические соображения И. Г. Добродомова не достигают цели, поскольку наблюдения В. М. Живова опираются на большой массив данных и подтверждаются материалом других источников, описанных недавно.[15] Доводы И. Г. Добродомова основываются не на историческом материале, а на анализе современных текстов разного рода, основанных на языковой игре.

В. М. Живов[16] установил на примере нескольких рукописных евангелий – *Архангельского евангелия* 1092 г., *Мстиславова евангелия* до 1117 г., *Юрьевского евангелия* 1119 – 1128 г., *Добрилова евангелия* 1164 г. и *Галицкого четвероевангелия* 1144 г. – развитие узкой функциональной специализации словоформ на -ть. В данных источниках словоформы на -ть встречаются исключительно или почти исключительно в 3 л. мн. числа перед полуэнклитикой и, так что вывод В. М. Живова о преодолении писцами обсценного звучания с помощью данных словоформ имперфекта представляется обоснованным и естественным (см.: молѧхоуть и, оугнѣтахоуть и, въпрашахоути и, биѩахоуть и и мн. др.). Вероятно, следует сделать лишь одно уточнение: речь скорее нужно вести не об обсценных, а о «неблагозвучных звукосочетаниях», если иметь в виду сомнительность обсценного характера лексики из того же ряда в берестяной грамоте № 955.[17] По-видимому, в этом случае писцы стремились избегать звукосочетаний с нежелательными ассоциациями в сочетаниях типа хвалѧхоу и начиная с момента нарастающей русификации книжного языка в кодексах конца XI в. Позднее словоформы 3 л. мн. числа с флективным -ть перед энклитическим и становятся атрибутом профессиональной выучки переписчиков литургических и паралитургических текстов.

В. Б. Крысько отмечает следование отмеченному принципу в разных списках древнерусского Синаксаря, так что введение орфографического правила с использованием словоформ типа стръгахоути и, хотѧхоуть и оусѣкноути и под. следует отнести к раннему древнерусскому протографу.[18] Он отмечает также распространение данного правила в более поздней традиции на сочетания с полноударными формами местоимений с начальным глайдом типа ѥмоу.

Наши наблюдения над употреблением имперфекта в таком паралитургическом сборнике, как *Паренесис* Ефрема Сирина, также подтвердили то, что словоформы 3 л. мн. числа на -ть перед энклитическим местоимением и восходят к раннедревнерусскому периоду и являются атрибутом книжной традиции и свидетельством профессионализма переписчиков. См.:

1.

Погодинский список 1269 – 1289 гг. (П)	**Типографский список 70 – 80-е гг. XIII в. (Т)**	**Троицкий список около сер. XIV в. (Тр)**	**Академический список 1377 г. (А)**
и въ|негда же прихожаху| старѣишины сбора и|хъ. и молѧхути и ство|рити мл҃тву себе ради да| створить съ нимь г҃ь мл҃ть 54в[19]	чтение отсутствует, список неполный	и҆ внегда прихожаху ста|рѣи҆шꙑнꙑ . молѧху ство|рити мл҃тву себе ради . ꙗ҆|ко да створить с ними ми|лость г҃ь 38б	и҆ внегда| же прихожаху старѣи҆|шины сбора и҆хъ . молѧ|ху ѡтворити мл҃твꙑ| себе ради ꙗко да створи|ть с ними мл҃ть г҃ь 39г

2.

П	**Т**	**Тр**	**А**
ѡнъ бо ба҃|тꙑи ѡблачашесѧ во| оусу и пѡрфиру . и ве|селѧшесѧ на всѧкъ| дн҃ь свѣтло . ѡбла҃ху|ть и сн҃ове вѣка сего| а не анг҃ли би҃и 80б	ѿнъ ба҃тꙑй ѿ||блачашесѧ въ по|рфироу · и̇ веселѧшесѧ| на весь дн҃ь свѣтло · и блж҃а|хоуть и̇ сн҃ве вѣка сего ·| ӓнг҃ли же би҃и гноуща|хоусѧ [так] ѥ̈го 12а–б	о̇нъ| ба҃тꙑи ѡ̇блачашесѧ во| всю перфіру . и веселѧще҃ | на всѧ дни свѣтло . і хва|лѧхуть и сн҃ве свѣта се|го. а не анг҃ли би҃и 53а	ѡнъ ба҃|тꙑй ѡблачашесѧ · во| всю перфиру . и̇ веселѧ|сѧ на всѧкъ дн҃ь· свѣ|тло· ї хвалѧ̈хуть ї сн҃о|ве вѣка сего 57а

3.

П	Т	Тр	А
но и пси| приходяще ѡбли|заху гнои его . ла|зор же не желаше ѿ бра|шенъ. добрыхъ ѿ| трапезы ба̀того но| желаше крупиць . ѿ| нихже и пси| ядяху 80б–в	нъ пси приходяще ѻ̈бл҃и|заху гноӥ ӗго · лазa|рь же не желаше ѿ брaше|нъ дрⷭ҃ыхъ ѿ трапезы| ба̀таго желаӥ крюпиць ·| ѿ нихъже ӥ пси ӥдаху 12б	но и| пси приходяще ѻ̀близa|хуть гноі его . лазарь же| не желаше ѿ брашенъ до|брⷭ҃ ѿ трапезы ба̀таго .| но желаше ѿ крупиць ѿ ни|хъже пси| ӥдаху 53б	ӥ пси приходя|ще ѡблизаху гноӥ его.| лазарь же не желаше ѿ| брашенъ добрыхъ ѿ тра|пезы ба̀таго . но жела|ше ѿ крупиць . ѿ нихъ|же пси ӥдаху 57а

4.

П	Т	Тр	А
ругаю|щеся ему цр҃ на|рицахуть и плюну|ша же безаконьни|и на лице прⷭ҃таго| вл҃кы нашего иго|же ѿ ѹ̀нию бояться| купьно же вся си|лы нⷭ҃снꙗа не терпя|ще видѣти славы| иего 124б[20]	роугающеся| иемоу · и цр҃ нарицающе· и плюноуша безa|коньнии ти на лице| прⷭ҃стаго вл҃кы · ӗго|же ѿ оуиѡ бояться ·| коупно же вся силы не|бесныӥ · не тьрпяща| славы иего 37б	ругаю|щеся| ѐму и цр҃ нарицающе ·| плюнуша ти безаконьнии на лице прⷭ҃тго вла|дыкы . ѐгоже ѿ ѹ̀ꙗю бо|яться . купно же вся си|лы нⷭ҃ныӥ ї не терпяще| славы ѐго 76в	руга|ющеся иему цр҃ нари|цающе . плюнуша бе|законьниї ти на лице| вл҃кы иегоже шуюю боя|тся купно же вся силы.| нⷭ҃ныа не терпяще сла|вы иего 85а

5.

П	Т	Тр	А
они же| со дрвокольемь| ако камене безъ|душна быху и| повергъше и за выю влаваху вонъ вь| вси 134б	и они же посохы · ако каме|не бездоушьна биахоу · и по|вьргъше и за вꙗю · влⷭ҃ваⷭ҃ть и вонъ изъ вьси 39а	они же дрекольѣмь| ако камень бездушна| биаху . и повергъшеи| за шию влеваху ӥ вонь| изо вси 81б	они же дреколи|емь ако камень| бездушныӥ быаху ӥ повергъше . ӥ за оушию вле|ваху вонъ изъ вси 90г

6.

П	Т	Тр	А
и паꙑ оужемь повергъше| и за шию влава|ху иего по ѡбꙑваю 134г	и паꙑ повьрзъше| и оужьмь по вꙗю · вла|ваху по ѻ̈бꙑваѡ 39б	ӥ паꙑ ѹ̀жемь повергъ|ше ӥ · за вꙗю влаваху ӥ| по ѡбꙑваю 81в	ї паꙑ оуже|мь ѡпровергъше . ї за|вꙗю влаваху ть ӥ по ѡ|бꙑваю 91а–б

7—8.

П	Т	Тр	А
си люблахy| и во дн҃и ноєвы ѣдахy и пса|гахy . дондеже приде по|топъ 162г	сицеваа люблахоу и въ| дн҃и ноєвы ѣдахоу и пиѣ|хоу и женахоусѧ и посага|хоу и коуплю творахоу· до|ндеже приде потопъ и погоу|би всѧ 57г	сицевая бо люблa|хy всѧ дн҃и ѡны ноєвы .| ѣдахyть и пиахyть · и| женахyсѧ й поєа̑хy . й| куплю творахy . дондѣ|же приде потопъ и погyби| всѧ 96а	сице|вая бо люблахy въ дн҃и| ноєвы ѣдахy и пиахy| й женахyсѧ й посагахy| й куплю творахy . донде| приде потопъ й погyби| всѧ 108а

9.

П	Т	Тр	А
по| сборѣ же рекши по ѡ҃пу|щ҃ѣньи . призвавшеи ѡ҃ц҃и| бра̑ оупрашахyть и гл҃ще| иже ти сказалъ ї҃сть бг҃| повѣжь намъ да и мы| полzyємъ 241а	по сборѣ же ре|къше по ѡ҃пощений мл҃твѣ|нѣмь призвавъше б҃ци бра|та въпрашахоу й гл҃ющє· ї҃е|же ти показалъ ї҃сть бг҃ по|вѣжд҃ь намъ да й мы поль|zоyї҃ємъ 115г	по сборѣ же рекъ|ше по ѡ҃пущеньи мо|литвьнѣмь · призва|къ же й о҃ц҃и й бра̑а въ|прашахyть й гл҃ще ·| иже ти показалъ ї҃е҃ь| бг҃ повѣжь намъ да и| мы полzyємъ 146г	по сборѣ же рекше по ѡ҃|пущеньй мл҃твенѣ|мь · призвавше брата| ѡ҃ц҃и въпрашаху гл҃ще ·| иже ти пока̑л҃ъ ѥсть бг҃| повѣжь намъ й мы по|лzyї҃ємъ 158в

10—11.

П	Т	Тр	А
рѣка ѻ҃гнь|на прѣд нимь теyаше| тысѧща тысѧщами .| прѣдъстоиаху ємy .| и тьмы тмами слy|жаху ємy судьство по|садисѧ и книгы разъ|гнyтьсѧ 324г	чтение отсутствует, список неполный	рѣка пламе|ньна пред нимь те|yаше · тысyща ты|сyщь прѣстоѩхyть| ємy · й тмы тма|ми слyжахyть ѥмy ·| судний сѣде · й кни|ги й растегнyшасѧ 207а–б	рѣка пла|мана пред нимь те|yаше . тысyща ты|сyщами предъстоиаху ємy. й тьмы ты|мами слyжаху ємy.| судьѝ сѣде . й книги| растегнyшасѧ 204в

12.

П	Т	Тр	А
бѣ же| нѣкто имѧ имꙑи че|рнечьскоѥ . иже хожа|ше къ блаженому ꙗ|ко виною полезною со| тщаньѥмь много|мь видоваше же бла|женую сию дверцѧ|ми иже и бꙑвъ нѣ|истовъ хотѧше ѥи бе|сѣдовати 143а	бѣ|| же нѣкто имѧ имъ чьрнь|чьскоѥ и хожаше къ бл҃же|номоу ꙗко виною поль|зьноѭ съ тъщаниѥмь мно|гъмь · видѧше бл҃жнꙑи| сиѭ· двьрцами имиже хо|тѧше бесѣдовати 44в–г	бѣ же нѣкто и|мѧ и҆мꙑи҆ чернечьскоѥ .| и҆ хожаше къ бл҃жному .| ꙗ҆ко виною полезноѭ со| тщаниѥмь многомь .| видѧшеть же и҆ бл҃жнуѭ| сию дверцами . і бꙑвъ не|и҆стовъ и хотѧше к ней| бесѣдовати 85в	бѣ же| нѣкто и҆мѧ и҆мꙑи҆ че|рнечьскоѥ. и҆ хожаше| къ бл҃жному ꙗко вино|ю полезною со тщаньѥ|мь многимь · видова|ше же бл҃жную сию две|рцами . ї҆же бꙑвъ ней|стовъ хотѧше ѥи бесѣ|довати 95г

Общие черты в употреблении двух серий имперфекта в разных списках свидетельствуют об их присутствии в ранних первоисточниках. Вариативность представлена и в Слове 48 из *Паренесиса*, дошедшем в гораздо более раннем списке по *СбУ*. См.: биꙗхꙋ|ть ѥго 295в (ѥго здесь заменило более раннее и); влачахоуть| и 295г vs. прихожаахоу по вьсѧ д҃ни 295б; влѣꙋаахоу вънъ| из вьси 295в. Противопоставление словоформ здесь точно отражается и в признаке стяженности или нестяженности. В Типографском списке, где встречаются нестяженные формы, с добавочным -ть также употребляются только стяженные формы.

Употребление словоформ отличается в рукописях индивидуальностью, тем не менее в Погодинском, Типографском и Академическом списках характеризуется общностью, несмотря на расхождения в конкретных словоформах и даже лексемах, региональной и хронологической принадлежности рукописей (в Типографском списке – с небольшими отклонениями от традиции). Факультативные словоформы на -ть здесь обнаруживаются только в 3 л. мн. числа перед энклитикой и. Однако в Троицком списке, имеющем судя по отдельным архаическим написаниям раннедревнерусский антиграф, эта тенденция не выдерживается: словоформы на -ть употребляются в разных позициях, а кроме того, здесь возможно их употребление в ед. числе. Троицкий список отражает не упорядоченное по указанному выше принципу употребление имперфектных словоформ на -ть, которое, по-видимому, фиксирует более древнее состояние в распределении данных форм, не соотнесенное с их функционированием перед энклитиками. Нужно заметить, что и глава артели писцов, создавших Погодинский список, отступает от принципов, выдержанных в самом богослужебном тексте. В выходной записи он исполь-

зует словоформу 3 л. ед. числа на -тѧ, в употреблении которой опирается на совсем иные основания: ѥ|гоже оуда оучити сѧ҃имѫ| книгамѫ . наказꙗѥаш[ѥ]| а҃пл҃ьскꙑими ꙁаповѣдьм[и]| на всꙗ ꙗсꙑ . самъ же сꙑ [-]| строюшетѧ сию книгꙑ [сѫ]| многомѫ тщанꙗемѫ П, 328в [которого отдал учиться священным книгам, поучал апостольскими заповедями постоянно; сам же/ в это время/ **заботился**/ о написании/ этих книг со многим старанием]. Словоформа строюшетѧ имеет значение постоянного возобновляющегося действия в прошлом, соотносительного с другим обозначением прошедшего времени в контексте. По отношению к нему это – своего рода соотносительное настоящее в прошедшем. Это значение подчеркивается действительным причастием настоящего времени сꙑи. В связи с этим мотивированный характер приобретает и замена словоформы имперфекта нарицахѫтѧ (при греч. ἐκάλουν) действительным причастием настоящего времени нарицающе/ нарицающе в приведенном выше примере 4, хотя она и спровоцирована, вероятно, особенностями контекста – соседней причастной словоформой. В Академическом списке нарицающе – очевидная контаминация словоформ нарицахѫтѧ и нарицающе, что подчеркивается чрезвычайной редкостью написаний цѧ вместо цѧ в данной рукописи. Такой же тип употребления представлен в примере 12 – кидашетѧ.

О. Б. Страхова[21] рассмотрела функционирование *аугментного имперфекта* на материале разножанрового корпуса источников и привела для некоторых из них точные статистические данные.

В *Архангельском евангелии* 1092 г. во всех 14 случаях, когда возникает последовательность -хоу + и, представлен имперфект 3 л. мн. числа на -тѧ. Перед полноударными формами данного местоимения из 19 случаев только 1 раз представлен имперфект с флективным -тѧ. В 3 л. ед. числа перед энклитикой флективное -ти встретилось 1 раз в 7 контекстах.

В *Мстиславовом евангелии* до 1117 г. словоформы 3 л. мн. числа с флективным -тѧ перед энклитическим и представлены в 26 случаях из 34 потенциально возможных; перед полноударными формами местоимения в 2 случаях из 42, а в 3 л. ед. числа в 1 случае из 21. Сходное положение, хотя и с отдельными отступлениями, наблюдается в *Оршанском евангелии* XIII в., *Евсевиевом евангелии* 1283 г., *Троицком евангелии* XIV в., несколько менее последовательно – в *Чудовском Новом Завете* XIV в.

В *Выголексинском сборнике* XII в. имперфект с флективным -тѧ встречается только в одном из 2 житий – в *Житии Феодора Студита*: на первых 65 л. обнаружена 81 словоформа рядом с 183 обычны-

ми, регулярными словоформами, а на следующих 72 л. лишь 2 словоформы на -тѧ при 128 регулярных. Считается, что житие переписано 2 писцами, но второму принадлежит лишь несколько листов. Таким образом, можно предположить, что словоформы на -тѧ или их отсутствие связаны с двумя ранними антиграфическими источниками. В *Выголексинском сборнике*, что довольно необычно, преобладают словоформы 3 л. ед. числа на -тѧ: 63 словоформы из 83. Другой показательной чертой является отсутствие сколько-нибудь строгой зависимости данных имперфектных словоформ от последующих энклитик.

Сходная картина наблюдается в *Успенском сборнике*, а точнее – в *Житии Феодосия Печерского*, в котором представлено 52 словоформы тѧ-имперфекта из 74 во всем сборнике. Словоформы 3 л. ед. числа встречаются только у первого писца – 18 из 38, у него же перед энклитикой и регулярно представлено флективное -ти. Как и в *Выголексинском сборнике*, здесь отсутствует строгая зависимость имперфектных словоформ от локальной, постпозиционной энклитики и. Заметим, что это особенно показательно, поскольку *Житие Феодосия Печерского* является оригинальным древнерусским произведением, созданным на рубеже XI – XII в.

О. Б. Страхова толкует 2 типа употребления словоформ на -тѧ генетически. Письменную традицию, представленную евангелиями, она связывает с возникновением имперфекта на -ⷯ҃оуѵтѧ з во второй половине XI в., а расширенное употребление имперфекта 3 л. ед. и мн. числа на -тѧ – с более поздним распространением подобных словоформ на разнообразные контексты в течение XII в. Между тем такие источники, как *Архангельское евангелие* 1092 г. и *Мстиславово евангелие* до 1117 г., фактически имеют такую же датировку, как протограф *Жития Феодосия Печерского*, представляя совершенно различные типы употребления имперфекта с флективным -тѧ. Приписка в Мстиславовом евангелии ѥже бѣшєтѧ кѧзѧѧѧ кѫ‖нѣзѧ 213а25–231б1 отличается от нормы, представленной в самом евангельском тексте, и отражает реальные узуальные приметы восточнославянского имперфекта, в то время как евангельский текст содержит искусственную норму – узко специализированное употребление словоформ на -ⷯ҃оуѵтѧ и. Увеличение количества тѧ-словоформ имперфекта и разнообразия контекстов их употребления в текстах XII в. не свидетельствует о динамике самих форм, а отражает нарастающую русификацию книжного языка. Это явление в квантитативном

отношении точно соответствует другим явлениям, связанным с русификацией книжного языкового регистра. Так, если на рубеже XII – XIII в. количественно абсолютно преобладает и утверждается как норма восточнославянский рефлекс **dj* > ж вместо старославянского **dj* > жд, то это вовсе не означает реального исторического изменения, поскольку рефлекс **dj* > ж имеет праславянский возраст, как и имперфект на -тъ.

> *Вообще говоря, значимым является употребление* ***-ть*** *перед энклитиками, начинающимися с согласного (****ся****, ****бо****, ****же****): если речь идет о флексии, унаследованной из праславянского, она должна сохраняться и перед клитиками; если же речь идет об аугменте, появляющемся в условиях сандхи, употребление его перед данными клитиками является вторичным и необязательным. В ГЕ* [в Галицком евангелии 1144 г. – О. Ж.] ***-ть*** *перед энклитиками, начинающимися с согласного, отсутствует (за исключением одного случая), однако этот факт ни о чем не говорит, поскольку <...> употребление* ***-ть*** *перед* ***ся****,* ***бо****,* ***же*** *было вовсе не нужно.*[22]

В этих важных замечаниях В. М. Живова, однако, отсутствует одна важная деталь: глагольную систему пронизывает вариативность, обусловленная параллельным усвоением первичных и вторичных окончаний, которая сопровождается разнонаправленной семантизацией формальных различий. В таких ранних оригинальных текстах, как *Сказание о Борисе и Глебе*, *Житие Феодосия Печерского*, *Повесть временных лет* и др., словоформы имперфекта с флективным -тъ наблюдаются в различных морфосинтаксических позициях, что свидетельствует о них как о праславянском наследии. Другой вероятной восточнославянской приметой имперфекта в целом является довольно обычное образование словоформ от перфективных основ.[23] К древнерусским источникам, содержащим подобные словоформы и названным В. Б. Крысько, должен быть добавлен такой показательный текст, как *Житие Феодосия Печерского*. Сомнения В. Б. Крысько в собственно восточнославянском характере подобных образований справедливы только отчасти. Перфективный имперфект отмечается и в источниках южнославянского происхождения, но представлен единичными образованиями. Согласно существующим подсчетам, такие формы составляют около 1% от числа всех форм.[24] В старославянских памятниках точно так же представлены лишь 2 словоформы имперфекта с флективным тъ (в *Зографском евангелии* мѡжѧшетъ[25]; в *Саввиной книге* ꙗпр҃ѣщѧшетъ[26]). Имперфект перфективов, таким образом, как и *tь*-имперфект, является праславянским наследием, од-

нако у восточных славян оба явления сохранились в наиболее масштабном и концентрированном выражении.

---

[1] Соболевский А. И. *Лекции по истории русского языка*. Москва, 1907, с. 161.

[2] О первичных и вторичных окончаниях см.: Leskien A. *Handbuch der altbulgarischen Sprache*. Weimar, 1886, S. 99; Poldauf I. Indo-European Personal Endings. *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft* No 9 (2), 1956, pp. 159–160; Семереньи О. *Введение в сравнительное языкознание*. Москва, 1980, с. 250.

[3] Жолобов О. Ф. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках. *Русский язык в научном освещении* № 23 (1), 2012, с. 194–231; Жолобов О. Ф. О рефлексах ti- и t-форм глаголов в древнерусском языке. *Russian Linguistics* No 38 (1), 2014, с. 121–163.

[4] Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи. *Вопросы языкознания* № 5, 1997, с. 76.

[5] Живов В. М. ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов. *Восточнославянское правописание XI – XIII века*. Москва, 2006, с. 200–224.

[6] Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога. *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль*. Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва, 2011, с. 826–828.

[7] Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных. *Palaeoslavica* No XIX/2, 2011, с. 240–293.

[8] См.: Кузнецов П. С. *Очерки по морфологии праславянского языка*. Москва, 1961, с. 11; Елизаренкова Т. Я. *Грамматика ведийского языка*. Москва, 1982, с. 288–289.

[9] Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* № 42 (4), 2010, с. 9.

[10] Stoll S. On the Desinence {t(')} of the Early East Slavic Imperfect. *Russian Linguistics* No 24, 2000, pp. 265–285.

[11] Ibid., p. 275.

[12] Bielfeldt H. H. *Altslawische Grammatik*. Halle (Saale), 1961.

[13] Stoll S. On the Desinence {t(')} of the Early East Slavic Imperfect. *Russian Linguistics* No 24, 2000, pp. 266, 283.

[14] Добродомов И. Г., Щербакова Л. А. Конфуз курьеза. Ложный идиосинкратический фактор и незаметная фонема <?>. *Palaeoslavica* No XX/2, 2012, с. 255–256, 268.

[15] Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* № 42 (4), 2010, с. 5–11; Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского про-

лога. *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль.* Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва, 2011, с. 828.

[16] Живов В. М. ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов. *Восточнославянское правописание XI – XIII века.* Москва, 2006, с. 200–224.

[17] Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. *Вопросы языкознания* № 3, 2006, с. 8, 11.

[18] Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога. *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль.* Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва, 2011, с. 828.

[19] В молѧхѹти и -ти исправлено из -тѣ, отражая либо развитие напряженного редуцированного перед энклитикой и < **jь* в раннем антиграфе рукописи, либо орфографическую контаминацию в самой рукописи.

[20] В греч. претерит ἐκάλουν (см.: Bojkovsky G., Aitzetmüller R. *Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*. B. II. Freiburg, 1986, S. 234).

[21] Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных. *Palaeoslavica* No XIX/2, 2011, с. 240–293.

[22] Живов В. М. ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов. *Восточнославянское правописание XI – XIII века.* Москва, 2006, с. 202–203.

[23] Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога. *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль.* Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва, 2011, с. 829.

[24] Večerka R. *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax*. B. II. *Die innere Satzstruktur*. Freiburg, 1993, S. 157.

[25] Мф XXII, 46.

[26] Мк VII, 36.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

А – *Паренесис* Ефрема Сирина (1377 г.), БАН 31.7.2. 258 л.

П – *Паренесис* Ефрема Сирина (1269 – 1289 гг.), РНБ, Пог. 71а. 328 л.

СбУ – *Успенский сборник* XII – XIII вв. Москва, 1971.

Т – *Паренесис* Ефрема Сирина (70 – 80-е гг. XIII в. или XIII – XIV вв.), РГАДА, Тип. 38. 143 л.

Тр – *Паренесис* Ефрема Сирина (около середины XIV в.), РГБ, Тр. 7. 246 л.

ЛИТЕРАТУРА

Bielfeldt H. H. *Altslawische Grammatik*. Halle (Saale), 1961.

Bojkovsky G., Aitzetmüller R. *Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*. B. II. Freiburg, 1986.

Leskien A. *Handbuch der altbulgarischen Sprache*. Weimar, 1886.

Poldauf I. Indo-European Personal Endings. *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft* No 9 (2), 1956, pp. 156–168.

Stoll S. On the Desinence {t'} of the Early East Slavic Imperfect. *Russian Linguistics* No 24, 2000, pp. 265–285.

Večerka R. *Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax*. B. II. *Die innere Satzstruktur*. Freiburg, 1993.

Добродомов И. Г., Щербакова Л. А. Конфуз курьеза. Ложный идиосинкратический фактор и незаметная фонема <?>. *Palaeoslavica* No XX/2, 2012, с. 255–271.

Елизаренкова Т. Я. *Грамматика ведийского языка*. Москва, 1982.

Живов В. М. ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов. *Восточнославянское правописание XI – XIII века*. Москва, 2006, с. 200–224.

Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики* № 42 (4), 2010, с. 5–11.

Жолобов О. Ф. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках. *Русский язык в научном освещении* № 23 (1), 2012, с. 194–231.

Жолобов О. Ф. О рефлексах ti- и t-форм глаголов в древнерусском языке. *Russian Linguistics* No 38 (1), 2014, с. 121–163.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. *Вопросы языкознания* № 3, 2006, с. 3–13.

Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога. *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль*. Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва, 2011, с. 798–837.

Кузнецов П. С. *Очерки по морфологии праславянского языка*. Москва, 1961.

Семереньи О. *Введение в сравнительное языкознание*. Москва, 1980.

Соболевский А. И. *Лекции по истории русского языка*. Москва, 1907.

Страхова О. Б. Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных. *Palaeoslavica* No XIX/2, 2011, с. 240–293.

Тимберлейк А. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи. *Вопросы языкознания* № 5, 1997, с. 66–86.

Анатолий Михайлович Кузнецов

КОНЪЮНКТИВ В *МАРИИНСКОМ ЕВАНГЕЛИИ*

Summary

The Subjunctive Forms in 'Codex Marianus'

The problem the author discusses is the role of subjunctive in the development of compound forms of Slavonic verb which included the participle with suffix '-lъ'. Complete excerpting of subjunctive forms from 'Codex Marianus' shows that only the subjunctive mood had a full personal paradigm but the paradigm of the perfect and pluperfect tense was defective. More often the aorist was used in the Gospels instead of perfect and pluperfect.

Slavonic subjunctive usually participated in the clause of purpose and conditional clause. The former included the conjunction 'da', but when the action referred to the future or present, the subjunctive and indicative forms became synonymous. Clauses of purpose sometimes had an optative meaning which might also be expressed by supine and infinitive. The optative meaning may also be expressed by the conjunction 'ashte' and rarely without any conjunction. The negative particle was always used before the compound form, with either the verb 'bimь' in the first place or the participle.

The most interesting is the fact that the verb 'bimь' in combination with passive participles, adjectives and nouns got an analytic form 'bimь bylъ', but in combination with the active participle with the suffix '-lъ' kept its original synthetic form. It demonstrates that this participle was already interpreted not as a participle but as a conjugated form. Therefore this compound form became a pattern for new forms – the perfect and pluperfect.

Key-words: subjunctive, analytic and synthetic forms, perfect and pluperfect

*

Старославянский конъюнктив, хотя и не восходит к индоевропейским формам, тем не менее является достаточно архаической формой, поскольку включал в себя формы типа **кнмѣ**, представлявшие остаток желательного наклонения.[1] Особый интерес формы конъюнктива должны вызывать уже потому, что личная парадигма

конъюнктива в евангельских текстах, о чем можно судить по данным *Мариинского евангелия* (далее: *Мар*, см. Источники), представлена полностью в единственном и множественном числе (двойственное число не отмечено):

	ед. ч.	мн. ч.	
1 л.	9	3	
2 л.	5	18	
3 л.	42	22	
	= 56	= 43	**Всего: 99**

При подсчете случаи употребления одной формы вспомогательного глагола при двух причастиях на -лъ рассматривались как 2 формы, например:

(1) Ин 15.22 а҆ще| не бимь пришелъ и гл҃алъ (εἰ μὴ ἦλθον καὶ ἐλάλησα aor. ind. act.) имъ· грѣха не бѫ имѣли (οὐκ εἴχοσαν imperf. ind. act.).

Учитывались не только случаи с исконной формой 3 л. мн. ч. бѫ, но и с возникшей под влиянием аориста формой бишѧ и собственно аористической бъішѧ:

(2) Лк 5.1 належѧштю е|моу народоу· да бѫ слъішали (τοῦ ἀκούειν G. inf. praes. act. со значением цели) слово бж҃не;
(3) Лк 6.11 гл҃хѫ… что бишѧ сътворили (ἂν ποιήσαιεν opt. aor. act.) н҃сви;
(4) Ин 18.36 аште отъ|сего мира би было цр҃тво мое· слоу|гы оубо моѩ подвизалы сѧ бышѧ (ἠγωνίζοντο imperf. ind. med.) · да не прѣданъ бимь июдѣомъ.

Обычно же в описаниях старославянских сложных форм глагола, включающих причастие на -лъ, на первом месте располагают перфект с реконструированной полной личной парадигмой, за ним следует давнопрошедшее время, затем преждебудущее, а условное наклонение – в самом конце, причем основное внимание обращено на изменение форм вспомогательного глагола под влиянием аориста.[2] Однако полная выборка примеров с перфектом в *Мар* показывает, что личная парадигма этих форм оказывается ущербной:

	ед. ч.	мн. ч.	
1 л.	2	—	
2 л.	51	10	
3 л.	21	2	
	= 74	= 12	**Всего: 86**

При этом нельзя сказать, что контекстов, допускающих формы перфекта, в Евангелии присутствует меньше, чем конъюнктива. Конечно,

старославянский перфект представлен только в прямой речи персонажей или в составе косвенной речи, что ограничивает его использование, но и конъюнктив встречается исключительно в тех же контекстах. Просто наряду с перфектом в прямой речи значительно чаще используется аорист. Достаточно привести данные по замене в переводе греческих перфектных форм славянским аористом именно в составе прямой речи:

	ед. ч.	**мн. ч.**	
1 л.	38	7	
2 л.	5	10	
3 л.	50	6	
	= 93	= 23	**Всего: 116**

Но еще больше случаев, когда и в греческом оригинале, и в славянском тексте в прямой речи используется аорист, тогда как в английском или латышском переводе Евангелия на этом месте представлена сложная форма с «перфектным» значением. По сути, прав А. Вайан, отмечавший преобладание форм перфекта именно во 2-ом лице ед. ч. и объяснявший этот факт стремлением избежать омонимии форм аориста 2-го и 3-го лица.[3]

Что же касается плюсквамперфекта, то в евангелии таких форм еще меньше, и это все формы 3-го лица в режиме нарратива: 9 примеров ед. числа (8 – муж. рода, 1 – сред.) и 6 мн. числа (5 – муж. рода и 1 – жен.). Таким образом, в славянской речи парадигмы перфекта и давнопрошедшего времени в период работы Константина-Кирилла и Мефодия над переводом евангелия полностью и активно еще не использовались.

Славянский конъюнктив в евангельских текстах обычно представлен в придаточных предложениях с целевым значением, оформленных при помощи союза-частицы да:

(5) Лк 18.15 Приношаахѫ же къ| немоу и младенъцѧ· да би сѧ ихъ| коснѫлъ (ἵνα αὐτῶν ἅπτηται conj. praes. med.);

(6) Мт 6.16 просмраждаѭтъ бо лица своѣ· да б(ѫ)| сѧ авили (ὅπως φανῶσιν conj. praes. act.) чл҃вко(мъ) постѧще;

(7) Лк 4.29 вѣсѧ и до връхоу| горы… да бѫ и низъринѫли (ὥστε κατακρημνίσαι inf. aor. act);

(8) Ин 8.6 искоушаѭште и· да бѫ имѣли (ἵνα ἔχωσιν conj. praes. act.) на нь| что гл҃ати;

(9) Лк 20.20 творѧщѧ сѧ праведьници| сѫште да имѫтъ і въ словеси·| да бѫ и прѣдали (ὥστε παραδοῦναι inf. aor.) владыѵъствоу, см. также (2).

Как видим, славянский конъюнктив независим от грамматики греческого текста. Так же оформляются изъяснительные конструкции со значением желания:

(10) Мт 8.34 ι видѣвъше и молишѧ· да би прѣшелъ (ὅπως μεταβῇ conj. praes. act.) отъ прѣдѣлъ ихъ;
(11) Мк 5.18 молѣаше… да би съ нимь бълъ (ἵνα μετ' αὐτοῦ ᾖ conj. praes.); то же в Лк 8.38, Ин 4.40;
(12) Мк 7.24 не хотѣаше да би и къто чюлъ (οὐδένα ἤθελεν γνῶναι inf. aor.);
(13) Лк 7.36 Молѣаше… да| би ѣлъ (ἵνα φάγῃ conj. aor.) съ нимъ;
(14) Лк 22.31 сотона проситъ <просил> васъ да би сѣ|лъ (ἐξῃτήσατο ὑμᾶς τοῦ σινιάσαι G. inf. aor.) ѣко пшеницѫ;
(15) Ин 8.56 авра|амъ от҃цъ вашъ радъ би былъ· да би видѣлъ (ἵνα ἴδῃ conj. aor.) дьнь мои.

При этом за союзом да часто – 14 примеров – сразу следует форма глагола бимь, создавая почву для образования нового союза *дабы*. Однако еще достаточно много примеров (их 7), где вспомогательный глагол отделен от союза да:

(16) Лк 15.29 не далъ еси козьлѧте· да съ| дроугы моими възвеселилъ сѧ би|мь (ἵνα... εὐφρανθῶ conj. aor. pass.);
(17) Мк 12.13 посълашѧ… да и бѫ обльстили (ἵνα... ἀγρεύσωσιν conj. aor. act.) сло|вомь;
(18) Мк 9.21 въ огнь въвръже· ι въ водѫ| да и би погоубилъ (ἵνα ἀπολέσῃ conj. aor. act.);
(19) с отрицанием: Ин 18.36 аште отъ| сего мира би было цр҃тво мое· слоу|гы оубо моѩ подвиѕалы сѧ бышѧ· да не прѣданъ бимь (ἵνα μὴ παραδοθῶ conj. aor. pass.) июдѣомъ;
(20) Лк 4.42 дръ|жаахѫ и да не би отъшелъ (τοῦ μὴ πορεύεσθαι G. inf. aor. med.) отъ нихъ;

изъяснительные конструкции –

(21) Лк 19.27 не хотѣвъшѧѩ мьнѣ [да]| да цр҃ь бимь былъ (με βασιλεῦσαι acc. cum inf. aor. act.) надъ ними;
(22) Ин 11.53 съвѣшташѧ да и бѫ| оубили (ἵνα ἀποκτείνωσιν conj. praes. act.).

Иногда изъяснительное придаточное оформлено без союза-частицы да, подчинительную связь в таком случае оформляет вопросительное местоимение:

(23) Лк 22.2 искаа|хѫ архиереи и кънижьници како и бѫ оубили (τὸ πῶς ἀνέλωσιν conj. aor. act.);
(24) Лк 1.62 Помаваахѫ же отъцю его· како би хотѣлъ (τὸ τί ἂν θέλοι conj. praes. act.) нарешти е;
(25) Мк 11.18 и искаахѫ како и бѫ погоубили (ἀπολέσωσιν conj. aor. act.);
(26) Мк 14.40 не| оумѣхѫ чъто бѫ отъвѣшталн (ἀποκριθῶσιν conj. aor. pass.) е|моу; см. также (3).

Формы конъюнктива конкурируют в целевых предложениях с формами наст. времени индикатива, если результат ожидается после момента речи:

(27) Мт 6.17–18 ты же постѧ сѧ помажи| главѫ своѭ҆· ι лице твое оумыи· да не авиши сѧ (μὴ φανῇς conj. aor.pass.) чл҃вкмъ постѧ сѧ;
(28) Мт 7.12 Вьсѣ оубо елико аще хощете да творѧ|тъ (ἵνα ποιῶσιν conj. aor. act.) вамъ чл҃вци· тако и вы тво|рите имъ.

Такие случаи представлены в прямой речи персонажей, однако здесь возможны и формы конъюнктива, см. (6). А при совпадении субъекта главной части и субъекта целевой части используется форма супина или инфинитива с союзом ѣко:

(29) Мт 14.23 вьꙁиде на горѫ единъ по|молитъ сѧ (κατ' ἰδίαν προσεύξασθαι inf. aor. med.);
(30) Мт 13.30 ι съ|вѧжате и въ снопы· ѣко съжешти ѩ (πρὸς τὸ κατακαῦσαι inf. aor. act.).

А. Вайан, кроме того, приводит примеры из *Супрасльской рукописи* (*Супр*, указываются страницы издания) дативно-инфинитивных конструкций с долженствовательным значением, смягченным за счет конъюнктива от быти оттенком пожелания:

(31) Супр 149 колико паче би| ѹ҆жасати сѧ намъ х҃а и҆соуса… би оубо| боѩти сѧ паче бога· и҆ г҃а нашего ї҆соу х҃а па|че сихъ рекомыи҆хъ богъ· и҆же соуѥ҆тьи҆| сѫтъ;
(32) Супр 403 ѹ҆не| бы (ὤφελον 'о если бы') сице гнѣвати сѧ на тѣхъ· и҆же плѧсце|мъ събираниѥ пишѫтъ;
(33) Супр 508 прии҆мѣте ѹ҆готованоѥ вамъ цѣсаръ|ствиѥ· о҆тъ съложеньꙗ вьсего мира· ѥ҆гоже бы| вьсѣмъ намъ не погрѣшити (ἧς γένοιτο... ἐπιτυχεῖν opt. aor. + inf. aor. act.).

Подобные инфинитивные конструкции с будущим и настоящим временем глагола быти и другими модальными значениями известны в древнерусском языке.[4]

Так же часто встречается условно-следственная конструкция с союзом аще, формы конъюнктива представлены в обеих частях:

(34) Ин 11.21 г҃и аште би сьде| былъ· не би братръ мои оумрълъ (εἰ ἦς… οὐκ ἂν ἀπέθανεν conj. praes., conj. aor. act.), то же Ин 11.32;
(35) Ин 4.10 аште би вѣдѣла да|ръ б҃жіи… ты би просила оу него и далъ| ти би водѫ живѫ (εἰ ᾔδεις... ἂν ᾔτησας... ἔδωκεν ἄν plusquam., aor., aor.);
(36) Мт 24.43 аще би вѣдѣлъ г҃нъ храма… бьдѣлъ оубо би· ι не би оставилъ| подъръти храма (ὅτι εἰ ᾔδει... ἐγρηγόρησεν ἂν καὶ οὐκ ἂν εἴασεν plusquam., aor., aor.), то же (67);
(37) Лк 7.39 съ аште| би былъ п҃ркъ· вѣдѣлъ би оубо (εἰ ἦν... ἐγίνωσκεν imperf., aor.);

(38) Мт 23.30 аште бимь бꙑли вь дни отецъ нашихъ· не бимь оубо обещь|ници имъ бꙑли (εἰ ἤμεθα... οὐκ ἂν ἤμεθα imperf. med.);
(39) Ин 14.28 а|ште бисте любили мѧ· въздрадо|вали сѧ бисте оубо (εἰ ἠγαπᾶτέ με ἐχάρητε ἂν imperf. act., aor. pass.);
(40) Лк 17.6 аште бисте и|мѣли вѣрѫ... гл҃а|ли бисте оубо сѵкаминѣ сеи... и послоушала би васъ (εἰ ἔχετε... ἐλέγετε ἂν... ὑπήκουσεν ἂν praes., imperf., aor.);
(41) Ин 9.41 аще би|сте слѣпи бꙑли· не бисте и|мѣли грѣха (εἰ τυφλοὶ ἦτε, οὐκ ἂν εἴχετε imperf., imperf.).

Сочетание союза с непосредственно примыкающим конъюнктивом би в результате контракции дало формы ащи, ащишѧ, отраженные в *Супр*. Однако очень часто союз и глагол разъединены другими словами (см. также 1, 21):

(42) Ин 15.24 аште дѣлъ не бимь съ|творилъ въ нихъ... грѣха не бѫ имѣли (εἰ... μὴ ἐποίησα... οὐκ εἴχοσαν aor., imperf. ind. act.);
(43) Ин 18.30 аште не би бꙑ|лъ сь зълодѣи· не бимь прѣдали| его тебѣ (εἰ μὴ ἦν..., οὐκ ἄν... παρεδώκαμεν imperf., aor. ind. act.);
(44) Ин 8.42 Аще б҃ъ от҃цъ вашъ би| бꙑлъ· любили мѧ бисте (εἰ... ἦν ἠγαπᾶτε ἂν imperf., imperf. ind. act.);
(45) Ин 9.33 аште не би отъ б҃а бꙑлъ съ· не моглъ би творити ничесоже (εἰ μὴ ἦν... οὐk ἠδύνατο imperf. ind. act., imperf. ind. med.);
(46) Мк 13.20 аште не би г҃ъ прѣкратилъ дьнии·| не би бꙑла съпасена вьсѣка плъть (εἰ μὴ ἐκολόβωσεν, οὐκ ἂν ἐσώθη aor. ind. act., aor. ind. pass.);
(47) Ин 14.7 аште мѧ би|сте знали и отъца моего знали| бисте (εἰ ἐγνώκατε... γνώσεσθε perf. ind. act., fut. ind. med.);
(48) Ин 15.19 аште отъ мира бисте бꙑли· ми|ръ оубо свое любилъ би (εἰ... ἦτε, ἂν... ἐφίλει imperf. ind. act., imperf. ind. act.);
(49) Ин 5.46 аште бо би|сте вѣрѫ имали мосеови· вѣрѫ би|сте ѩли и мьнѣ (εἰ γὰρ ἐπιστεύετε... ἐπιστεύετε imperf. ind. act.);
(50) Ин 8.19 аште мѧ бисте вѣдѣли·| и от҃ца моего бисте вѣдѣли (εἰ... ᾔδειτε... ᾔδειτε plusp. ind. act.);
(51) Ин 8.39 аште чѧ|да авраамлѣ бꙑсте бꙑли· дѣла| авраамлѣ творили бисте (εἰ... ἐστε,... ἐποιεῖτε praes. ind. act., imperf. ind. act.);
(52) Мт 12.7 аще ли бисте вѣдѣли... николиже оубо бисте осѫдили (εἰ δὲ ἐγνώκειτε... οὐκ ἂν κατεδικάσατε plusp. ind. act., aor. ind. act.);
(53) Мт 11.21 аще въ тоурѣ и сидо|нѣ· бѫ силꙑ бꙑлꙑ... покаали сѧ бѫ (εἰ... ἐγένοντο... μετενόησαν aor. ind. med., perf. ind. act.), то же (70), Лк 10.13;
(54) Мт 24.22 и аще| не бишѧ прѣкратили сѧ дъне ти· не би| оубо съп҃слсѧ вьсѣка плъть (εἰ μὴ ἐκολοβώθησαν... οὐκ ἂν ἐσώθη aor. ind. pass., aor. ind. pass.).

Главная часть может представлять собой риторический вопрос, предполагающий отрицательный ответ:

(55) Ин 14.2 въ домоу о҃тца моего обн|тѣли мъногы сѫтъ· аште ли же| ни реклъ бимъ (εἶπον ἂν aor. ind. act.) вамъ· ѣко идѫ оугото|вати мѣсто вамъ.

Редкий постпозитивный протасис встречаем в примере:

(56) Ин 19.11 не имаши (οὐκ εἶχες imperf. ind. act.) области на мьнѣ никоеѩже·| аще не би ти дано (εἰ μὴ ἦν δεδομένον imperf. ind.) съ выше,

причем в аподосисе использована форма индикатива не имаши вместо ожидаемого конъюнктива. Вероятно, для передачи значения 2-го лица в начале фразы переводчик посчитал возможным употребление однозначной формы индикатива, ведь конъюнктив 2-го лица совпал бы с формой 3-го лица. Эта форма индикатива сохранена даже в церковнославянском тексте, используемом сегодня.

Форму индикатива – перфекта – вместо конъюнктива встречаем еще в одном контексте с условным значением:

(57) Мф 15.5-6 вы же г҃лте· ıже| колижъдо речетъ (εἴπῃ aor. conj.) о҃тцю ли матери даръ·| ıже колижъдо отъ мене польѕевалъ| сѧ еси (ἐὰν... ὠφεληθῇς conj. aor. pass.)· ı҆же не почьтетъ (οὐ μὴ τιμήσει fut. ind.) о҃тца ли ма|тере своеѩ; ср. также Мк 7.11 вы же г҃лте аште речетъ ч҃лкъ отъцоу ли матери корван: еже естъ даръ· ı еже аште отъ мене польѕевалъ еси (ὠφεληθῇς).

Предложение оказалось довольно сложным: внутрь основной условной конструкции ıже колижъдо (Ὃς ἂν) речеть о҃тцю ли матери даръ... ı҆же не почьтеть о҃тца ли ма|тере своеѩ ‘всякий, кто скажет..., тот...’ вставлена определительная условно-уступительная – даръ· ıже колижъдо (ὃ ἐὰν) отъ мене польѕевалъ сѧ еси ‘дар (Богу), что бы ты ни использовал из моего (имущества)’. Передать в переводе значение 2-го лица формой славянского конъюнктива польѕевалъ сѧ би невозможно. Поэтому здесь появилась форма перфекта 2-го лица, несколько нарушающая временные отношения событий. Заметим, остальные случаи конъюнктива 2-го лица в Евангелии сопровождаются формами личного местоимения ты или обращением, см. (34, 35, 63). В современном церковнославянском тексте формы исправлены на контаминированные – конъюнктив со связкой перфекта: Мф 15.5 и҆мже бы ѿ менѐ по́льзовалсѧ є҆сѝ; Мк 7.11 и҆же (вар.: и҆мже бы) а҆́ще по́льзовалсѧ є҆сѝ. Подобные формы 2-го лица конъюнктива с перфектной связкой используются в церковнославянском и в других контекстах.[5]

В *Супр* отмечено, кроме того, сочетание абы в роли условного союза:

(58) Супр 12 да аѣꙋ не бꙑлъ влъхвꙋ· и насъ ꙋ бгⷬ| тъ пожеглъ, аѣꙋхомъ не ꙗзѣѣглн и те|бе ꙋ пожеглъ ѫтрь ѕставъша.

Условные конструкции с постпозицией протасиса могут выражать желание:

(59) Мт 26.24 доврѣ бн бꙑ|ло (ἦν imperf. ind.) емꙋ аште сѧ бн не роднлъ (εἰ οὐκ ἐγεννήθη aor. ind. pass.) ѵ҃к҃ъ тъ;

(60) Мк 14.21 добро бн емꙋ бꙑло· аште не бн роднлъ сѧ (εἰ οὐκ ἐγεννήθη aor. ind. pass.) ѵ҃л҃вѣкотъ;

(61) Лк 17.2 ꙋнѣе е|мꙋ бн бꙑло· аште бн камень жрънов|кънꙋ вѣзложенъ на вꙑнѫ его· и вѣвр҃женъ (εἰ... περίκειται... ἔρριπται praes. ind. pass., perf. ind. pass.) въ море· неже да сканъдалн|саатъ малꙑнхъ.

Поэтому конструкция может оформляться и союзом да:

(62) Мт 18.6 ꙋнѣе емꙋ естъ да обѣ|сатъ (ἵνα κρεμασθῇ conj. aor. pass.) жръновъ на вꙑн… и потопатъ і.

Редко встречаются случаи выражения неисполнимого желания в препозитивном предложении, оформленном при помощи союза-частицы аще:

(63) Лк 19.42 аште бн разꙋмѣлъ (εἰ ἔγνως aor. ind. act.) въ днь сь твон·| и тꙑ ѣже къ мнроу твоемꙋ· нꙑнѣ же| ꙋкрꙑ сѧ отъ ꙋнѫ твоею ‘если бы познал в сей день и ты, что ведет к миру (обращение к Иерусалиму), но теперь это сокрыто от глаз твоих’.

Возможны и случаи, когда желательная конструкция не получает специального оформления:

(64) Мт 25.27 по|добаашє тн ꙋбо вдатн сребро| мое трѫжникомъ· і| пришьдъ азъ вꙑзлъ ꙋбо внмь (ἐκομισάμην aor. ind. med.)| свое;

(65) Лк 19.23 по ѵ҃то| не вдастъ моего сребра пѣнѧ|жникомъ· и азъ пришедъ сь лн|хвоѭ нстѧзалъ е внмъ (ἂν... ἔπραξα aor. ind. act.).

В других старославянских памятниках, например, в *Синайской псалтыри* (*Син*), встречаются желательные конструкции с союзом-частицей неда (частица не здесь не имеет отрицательного значения[6]), отмеченной только в одном словаре[7]:

(66) Пс 118.5 Не да їсправꙑлн сѧ (ὄφελον κατευθυνθείησαν aor. ind. pass.) пѫ|тье мои:, Съхранити о|правданнѣ твоѣ:-- Тогда не постыжджѫ сѧ – О, если бы направлялись пути мои к соблюдению уставов Твоих! Тогда я не постыдился бы – Не да исправлн сѧ Болонская пс.; Аще бнша исправилн сѧ Погодинская пс.

В этом примере причастие на -лъ употреблено без глагола кѫ / бнша.

Славянский конъюнктив, как и перфект, представлял собой единую сложную форму, поэтому отрицание не или ни всегда располагалось перед всем комплексом независимо от того, что стоит на первом месте – глагол бимь или причастие:

(1) Ин 15.22 а҆ще| не бимь пришелъ и г҃лалъ имъ· грѣха не бѫ имѣли;
(67) Лк 12.39 аште би вѣдѣлъ г҃нъ| храмины… бьдѣлъ оубо би и не далъ би подъко|пати домоу (οὐκ ἂν ἀφῆκεν aor. ind. act.).

Ср. с формами перфекта:

(68) Мф 25. 24 вѣдѣхъ тѧ ѣко жестокъ еси ч҃лкъ· жьнѧ идеже нѣси сѣлъ;
(16) Лк 15.29 ι николиже ꙁаповѣди твоеѩ не прѣстѫпихъ· ι мьнѣ николиже не далъ еси коꙁьлѧте.

Замечание Г. А. Хабургаева[8] о различии смысла отрицания в подобных примерах (отрицание действия и отрицание всего высказывания) не кажется убедительным. А пример А. Вайана[9]:

(69) Мф 19.20 чесо есмъ еште не доконьчалъ (ὑστερῶ наст. ‘мне недостает’)

– ошибочен, поскольку здесь представлен глагол с приставочным комплексом недоконьчати[10].

Однако в евангелиях есть единственный пример, где отрицание оказывается перед второй – причастной – частью конъюнктива:

(59) Мт 26.24 горе же ч҃лвкоу томоу имьже с҃нъ| ч҃скъ прѣдастъ сѧ· добрѣа҆ би бы|ло емоу аште сѧ би не родилъ ч҃къ тъ (так же в *Зогр*; аще сѧ бы не родилъ *Сав*; аще бі не ро|дилъ сѧ *Ас, ОЕ*; А. А. Зализняк энклитике *бы* (*би*) приписывает ранг 5, а *ся* – 7[11], так что здесь би не энклитика, а неродилъсѧ надо понимать как одну лексему);

– ср., однако, с обычным расположением отрицания:

(60) Мк 14.21 добро би емоу было· аште не би родилъ сѧ ч҃лвѣкотъ.

Что касается позиции связки, то преобладает препозиция:

	препозиция	**постпозиция**
1 **ед.**	4	5
2	5	0
3	34	8
1 **мн.**	3	0
2	13	5
3	18	4
Всего:	**77**	**22**

Самым интересным в формах славянского конъюнктива оказываются формы самого глагола **бимъ**. Ведь синтетическая форма сослагательного наклонения экзистенциального глагола **бꙑти** должна была состоять только из одного слова: **бимъ** уже и значило ‘я бы был’. Именно поэтому формы конъюнктива от других глаголов включают только эту форму и причастие на **-лъ**. Эта форма еще использовалась и в сочетании со страдательными причастиями или существительными:

(19) Ин 18.36 **аште отъ| сего мира бн бꙑло цⷭ҃тво мое· слоу|гы оубо моⷩ подвизалы ся бꙑшⷩ· да не преданъ бимь** нюдѣомъ – так же в ЗЕ; **да не преданъ бꙑхъ** в *Сав*, *ОЕ*, *МстЕ*;

(61) Лк 17.2 **оунѣе е|моу бн бꙑло· аште бн камень жрꙑно|вꙑнꙑ вꙑзложенъ** на **вꙑⷩ** его· **и вꙑ|кроженъ** въ море· неже да **скандалн|саатъ малꙑихъ** – так же в ЗЕ; **бꙑ… вꙑзложенъ** в *МстЕ*;

(56) Ин 19.11 **не имаши области на мнѣ никоеⷩже·| аще не бн тн дано** съ **вꙑше** – так же в *Зогр*, *Ас*, *Боян*; **не бꙑ тн дано** в *Сав*, *ОЕ*, *МстЕ*;

(70) Мт 11.23 **аште** въ **содомѣхѣ| бⷢ силы… пребꙑлы бⷢ** – но в *Зогр*: **бишⷩ сили| бꙑлы… пребꙑлы бꙑшⷩ.**

Как видим, синтетическая форма в большинстве случаев подтверждается другими списками евангелия.

Однако гораздо чаще и сам экзистенциальный глагол **бꙑти**, и предикаты со страдательными причастиями и существительными представлены уже аналитическими формами конъюнктива:

(11) Мк 5.18 **молѣаше… да бн** съ **нимь бꙑлъ**; то же в Лк 8.38, Ин 4.40;

(21) Лк 19.27 **не хотѣвшⷩихъ мнѣ** [да]| **да цⷭ҃рь бимь бꙑлъ надъ ними;**

(38) Мт 23.30 **аште бимь бꙑли** въ **дни отецъ нашихъ· не бимь оубо обещь|нщи нмъ бꙑли;**

(53) Мт 11.21 **аще** въ **тоурѣ и сидо|нѣ· бⷢ силы бꙑлы…** покаали ся бⷢ, то же (70), Лк 10.13;

(41) Ин 9.41 **аще бн|сте слѣпи бꙑли· не бисте н|имѣли грѣха;**

(46) Мк 13.20 **аште не бн** ⷣъ **прекратилъ дьнии·| не бн бꙑла** съпасена **вьсѣка плътъ.**

Главное же то, что новое оформление конструкций с пассивными причастиями, существительными и прилагательными и аналитической формой **бн бꙑлъ** не распространилось на конструкции с действительным причастием на **-лъ**, т.е. формы типа **бимь прншьлъ** не заменяются на **бимь бꙑлъ прншьлъ**. А это говорит о том, что само причастие **прншьлъ** уже не воспринимается как именная форма подобно другим причастиям и именам, что это особая форма глагола (форма прошедшего времени), а **бимь, бн, бн** – это не отдельный глагол в конъюнктиве, а некий спрягаемый компонент (вспомогательный глагол, ср. современные польские формы *słyszałem* ***był***, ***będę*** *czytał*) в составе сложной формы сослагательного наклонения. За-

мена этого старого компонента во фразах типа да не прѣданъ бимь формами аориста бꙑхъ, бꙑ, бꙑ происходит, вероятно, тогда, когда он уже начал утрачивать самостоятельность глагола бꙑти, откуда формы конъюнктива да не прѣданъ бꙑхъ в *Сав*, *ОЕ*, *МстЕ*, которые появляются в результате фонетико-силлабической аналогии, а в дальнейшем будут заменены на да не прѣданъ бꙑхъ бꙑлъ.

Причастие на -лъ отличалось от причастий на -ъш-/-въш- не только тем, что использовалось только в предикате, но и строго относительным значением прошедшего времени. В евангельских текстах редко, но отмечаются случаи синонимического использования причастий прошедшего времени несовершенного вида на -ъш-/-въш- и причастий настоящего времени для указания на одновременность с действием, обозначенным личной формой прошедшего времени. Правда, при этом славянские примеры оказываются зависимыми от греческого оригинала, где причастия аориста и презенса противопоставлены по значению ‘завершенность – незавершенность действия’, но славянские глаголы восприятия несовершенного вида и сегодня могут обозначать как завершенное, так и незавершенное действие, поэтому причастия прошедшего времени в евангельских текстах могут прочитываться со значением незавершенности, а главное – синонимия обнаруживается и в самом греческом тексте:

(71) Мт 20.30 ι се дъва слѣ|пъца сѣдѧшта (καθήμενοι particip. praes.) при пѫти· і҆| слꙑшавъша (ἀκούσαντες particip. aor.) ѣко и҆с҃ъ мимо| ходитъ· възъписте гла|голѭшта· помилои нꙑ| г҃и с҃ноу дв҃дв҃ъ;

(72) Мт 14.26 ι видѣ|въше (ἰδόντες particip. aor.) и оученици ходѧштъ по морю· съ|мѧшѧ сѧ г҃лѭште· ѣко призракъ естъ, ср.: Мт 14.30 видѧ (βλέπων particip. praes.) же вѣтрꙑ крѣпь|кꙑ оубоѣ сѧ· ι наченъ оутапати;

(73) Мт 8.8 ι отъвѣщавъ (ἀποκριθείς particip. aor.) сотьникъ рече емоу;

(74) Мт 26.6-7 Іс҃ѵ же| бꙑвъшю (γενομένου particip. aor.) въ витании· въ до|[до]моу симона прокаженаго· при|стѫпи кь немоу жена, – ср. Мк 14.3 ι сѫштю (ὄντος particip. praes.) емоу въ ви|тании· въ домоу симона прокаже|нааго· вьзлежѧштю емоу приде же|на.

В предикативной позиции, однако, для указания на одновременность могло использоваться только причастие настоящего времени:

(75) Лк 5.1 бꙑстъ же належѧштю е|моу народоу· да бѫ слꙑшали сло|во б҃жие ·:·к҃·:· ι тъ бѣ стоѩ (ἦν ἑστὼς partic. perf.) и҆с҃ъ при| езерѣ ѣенисаретъсцѣ, в *ОЕ* стоѩаше.

Невозможно: бѣ стоѩлъ, потому что действие окажется предшествующим следующему, как в известном примере с плюсквамперфектом:

(76) Ин 20.12 ι видѣ дъва анг҃ла въ бѣлахъ сѣдѧшта· едино|го оу главы· ι едиⷩого оу ногоу· ідѣ|же ѣ҃ лежало тѣло и҃сво, ср. Мт 28.6 ідеже ле|жа г҃ъ (ὁ κύριος, в *Ac*, *Сав*: г҃ь).

В конъюнктиве причастие на -лъ обозначало прошедшее действие по отношению к условной точке отсчета: если речь шла о прошлом, то точка отсчета располагалась позже воображаемого, желаемого действия, о настоящем или будущем – где-то в будущем, но после того же события, т.е. в любом случае воображаемое событие оказывалось прошлым. Замечательно, что в конъюнктиве неограниченно используются глаголы несовершенного вида: глаголалъ, разоумѣлъ, имѣлъ, зналъ, любилъ, хотѣлъ, ѣлъ, сѣлъ (сѣдѣлъ), подобилъ сѧ, бѣдѣлъ, могълъ, волѣлъ и т.д. По аналогии с формами конъюнктива бимъ пришълъ > бъіхъ пришълъ в языке появляются формы иесмь пришълъ, бѣхъ пришълъ, бѫдѫ пришълъ, в которых причастие пришълъ уже не являлось в собственном смысле причастием, а формой «предействия», относительным прошедшим временем.

---

[1] Мейе А. *Общеславянский язык* / Перевод П. С. Кузнецова. Под ред. С. Б. Бернштейна. Москва: Иностранная литература, 1951, с. 213–214.

[2] *Граматика на старобългарския език: Фонетика. Морфология. Синтаксис*. София: Издателство на Българската академия на науките, 1991.

[3] Вайан А. *Руководство по старославянскому языку* / Перевод В. В. Бородич. Под ред. В. Н. Сидорова. Москва: Иностранная литература, 1952, с. 382.

[4] Кузнецов А. М. *Инфинитивные предложения в смоленских грамотах XIII в. Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве*. Материалы Международной научной конференции (26 – 28 апреля 2012 г., Псков). В 2-х частях. Часть 2 / Отв. ред. Н. В. Большакова. Редакционная коллегия: В. К. Андреев, Н. Л. Вершинина, Л. Я. Костючук, И. В. Мотеюнайте, Т. Г. Никитина, Н. И. Яковлева. Псков: Издательство ПсковГУ, 2012, с. 68–73.

[5] Иеромонах Алипий (Гаманович). *Грамматика церковнославянского языка*. Москва: Художественная литература, 1991, с. 118.

[6] *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Выпуск 24 / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва: Наука, 1997, с. 91–93.

[7] *Словарь старославянского языка*. Репринтное издание. Том 2. К–О. С.-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006, с. 349.

[8] Хабургаев Г. А. *Старославянский язык*. Москва: Просвещение, 1974, с. 284.

[9] Вайан А. *Руководство по старославянскому языку* / Перевод В. В. Бородич. Под ред. В. Н. Сидорова. Москва: Иностранная литература, 1952, с. 280.

[10] *Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков)* / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва: Русский язык, 1994, с. 362.

[11] Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. Москва: Языки славянских культур, 2008, с. 32–35.

ИСТОЧНИКИ

Ac – Evangeliář Assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovanský. Díl II / Vydal Josef Kurz. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955.

Боян – Добрев Иван. *Глаголическият текст на Боянския палимпсест. Старобългарски паметник от края на XI век*. София: Българската Академия на Науките, 1972.

Зогр – Quattuor Evangeliorum Codex Glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Edidit V. Jagić. Berolini: apud Weidmannos, 1879.

Мар – Памятник глаголической письменности: Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. С.-Петербург: Имп. Академия Наук, 1883.

МстЕ – Апракос Мстислава Великого / Изд. подготовили Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. Под ред. Л. П. Жуковской. Москва: Наука, 1983.

ОЕ – Остромирово евангелие 1056 – 1057. Москва: Издательский отдел Московского патриархата; Ленинград: Аврора, 1988.

Сав – Саввина книга. Труд Вячеслава Щепкина. (Памятники старославянскаго языка. Том I, выпуск 2-ой). С.-Петербург: ОРЯС Имп. АН, 1903.

Син – Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Подг. к печати Сергей Северьянов. (Памятники старославянскаго языка. Том IV). Петроград: ОРЯС Российской АН, 1922.

Супр – Супрасльская рукопись. Труд Сергея Северьянова. Том I. (Памятники старославянскаго языка. Том II, выпуск 1-ый). С.-Петербург: ОРЯС Имп. АН, 1904.

ЛИТЕРАТУРА

Вайан А. *Руководство по старославянскому языку* / Перевод В. В. Бородич. Под ред. В. Н. Сидорова. Москва: Иностранная литература, 1952.

Граматика на старобългарския език: Фонетика. Морфология. Синтаксис. София: Издателство на Българската академия на науките, 1991.

Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. Москва: Языки славянских культур, 2008.

Иеромонах Алипий (Гаманович). *Грамматика церковнославянского языка*. Москва: Художественная литература, 1991.

Кузнецов А. М. Инфинитивные предложения в смоленских грамотах XIII в. *Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве*. Материалы Международной научной конференции (26 – 28 апреля 2012 г., Псков). В 2-х частях. Часть 2 / Отв. ред. Н. В. Большакова. Редакци-

онная коллегия: В. К. Андреев, Н. Л. Вершинина, Л. Я. Костючук, И. В. Мотеюнайте, Т. Г. Никитина, Н. И. Яковлева. Псков: Издательство ПсковГУ, 2012, с. 68–73.

Мейе А. *Общеславянский язык* / Перевод П. С. Кузнецова. Под ред. С. Б. Бернштейна. Москва: Иностранная литература, 1951.

ССС – Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва: Русский язык, 1994.

ССЯ – Словарь старославянского языка. Репринтное издание. Том 2. К–О. С.-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006.

Хабургаев Г. А. *Старославянский язык*. Москва: Просвещение, 1974.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Выпуск 24 / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва: Наука, 1997.

Ольга Викторовна Трофимова

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ XVIII ВЕКА

Summary

Topographical Descriptions as a Source of Studying Variations of Russian Written Language of the 18th Century

The paper presents topographic sketches of Siberian regions made in 1784 – 1785, a unique collection from the St.Petersburg state archives. Tachygraphic documents are published with philological commentary and analysis of the graphical, orthographical, lexical, and grammatical variations of the texts.

The situation of topographic sketches of the country have determined the creation of the 'speech conditions of the same type' (term of Y. Sorokin). The questionnaire method of Russia scientific description set by V. N. Tatischev and developed by M. V. Lomonosov, 'Free Economic Society' members and others enables linguists to conduct comparative studies with standardized criteria employed.

The topographic sketches are viewed as interaction between scientific and administrative discourses in their formation process. This genre shows how the 'speech norm' of the capital city in the wording of questions interacts with the regional variants in the answers worded by local clerks. That forms the final result of collective speech subject's multi-stage work in creating a secondary text based on the disembodied sources.

The comparative analysis of the regional and metropolitan data reveals the language functioning in the 18th century. The results interpreted broaden the understanding of the scientific and administrative paradigms as well as of the linguistic world view of the 18th century Russian statesmen, both metropolitan scholars and local officials, voivode and district chancery representatives.

Key-words: cursive, topographical descriptions, language documents

*

Введение

Проблемы языкового варьирования – *фундаментального свойства языка, обеспечивающего его выразительные способности и развитие*[1], в том числе в региональном аспекте, продолжают оставаться актуальными. Приветствуя участников конференции *Региональные варианты национального языка* (Улан-Удэ, 17 – 20 октября 2013 г.), академик А. М. Молдован подчеркнул:

> *Особое значение для понимания природы и причин появления территориальных разновидностей языка имеет диахронический аспект. Идет ли речь о специфических региональных чертах в языке древних памятников или о диалектных вариантах и их взаимодействии с «общенациональным» стандартом, или о локальных новообразованиях и заимствованиях, свойственных языку определенной территории на разных этапах его развития, включая современный, – наш исследовательский аппарат должен включать приемы исторического описания языковой гетерогенности, а интерпретации обращены к соответствующим моментам истории национальной культуры. Региональные характеристики историчны по своей сути.*[2]

Восемнадцатый век, с которым связано, по выражению Г. В. Судакова, *начало нормализации великорусского языка*[3], в том числе в связи с развитием, по словам В. В. Колесова, *государственной культуры*[4], в истории России ознаменован и последовательно возрастающим административным и научным интересом государства к изучению природных ресурсов страны. Одной из задач государства в направлении развития было создание историко-географического описания и страны в целом, и отдельных ее регионов.

Грандиозная практическая цель для своей реализации требовала разработки метода исследования, который объединил бы усилия многих людей, занимавших разные ступени на иерархической лестнице государства, и позволил бы не только собрать сведения, необходимые для всестороннего развития государства, но и определить объективные параметры его единства и многообразия. Таким методом стал анкетный метод, начало которому было положено В. Н. Татищевым. В его чрезвычайно подробных анкетах (82 и 198 вопросов)[5], которые рассылались по стране посредством «административной машины», уже в формулировку вопроса включались те известные на начало века сведения о России, которые могла бы послужить «фо-

новой» информацией для провинциальных канцеляристов, вынужденных организовать на местах поиск запрашиваемых сведений и обобщить их в документе, адресованном властному адресату, но ничего, как правило, о России, кроме как из поступавших из центра документов, о России не знавших.

Затем были анкеты М. В. Ломоносова, Сухопутного шляхетского кадетского корпуса и другие. В 1784 – 1785 гг. в городах и уездах Сибири составлялись описания, собранные впоследствии в рукописную книгу под названием *Топографическое описание одиннадцати уездов Тобольского наместничества 1784 г.*, которая хранится сегодня в архиве Русского географического общества; документы частично проанализированы и опубликованы (с использованием современной графики и пунктуации) в конце 2013 г.[6]

Наличие одиннадцати вариантов запросных пунктов и ответов на них, составленных по единому трафарету, позволяет лингвисту провести сопоставительное исследование русской письменной речи, созданной *в однотипных речевых условиях* (Ю. С. Сорокин)[7], по единым параметрам. Таким образом, этнолингвистическая ситуация в стране предопределила создание топографического описания как новой жанровой разновидности научно-административного текста.

Так в России возник прецедент взаимодействия научного (формулирование запросов преимущественно в научных институциях) и административного (организация геодезистов для поиска необходимых сведений, переработка созданных ими первичных текстов в единые «ответствия» канцеляристами городских и уездных канцелярий) дискурсов в процессе становления каждого из них. Следовательно, топографические описания – это и результат многоэтапной работы коллективного субъекта речи по созданию вторичного текста на основе разрозненных первичных источников.

Этот жанр текста оказался способным сохранить и взаимодействие речевой «нормы» столицы, в которой формулировались вопросы анкеты, и регионального ее варианта, возникавшего в ситуациях, когда эти же вопросы переписывали и отвечали на них местные канцеляристы, разделенные в реальном географическом пространстве государства сотнями и тысячами верст, но скреплявшие его в административном и языковом аспектах. Представляется, что тексты топографических описаний (если когда-либо удастся их собрать в одном научном центре и на их основе создать своеобразный банк данных) вполне подходят под определение «ценный материал»; ср. мнение Ю. В. Кагарлицкого:

В 1720 г. выходит в свет Генеральный регламент <…> Перемены касаются и языка, однако для их изучения необходим тщательный отбор сопоставляемого материала: разнородные по тематике, назначению, условиям подготовки и использования документы трудно сравнивать в плане языковых особенностей. Ценный материал могли бы представить дела, в которых одни документы подготовлены в столичных департаментах, где уже уловлены новые веяния, а другие – в провинциальных канцеляриях, в известной мере работающих, что называется, по старинке.[8]

Материал исследования

Настоящая статья написана на материале рукописных (скорописных) документов, составленных в 1784 – 1785 гг. в канцеляриях четырех сибирских городов: Тобольска, Ялуторовска, Тары и Ачинска (расстояния между ними, по расчетам сайта http://www.avtodispetcher.ru, в XXI веке измеряются соответственно 250 км, 610 км и 1575 км; при этом пространство от Даугавпилса до Тобольска в длину протянулось на 3129 км, а до Ачинска – на 4756 км).

Рукописные, тем более региональные рукописные документы относительно недавно стали входить в круг лингвистических источников, на основании которых строится академическое описание русского языка XVIII века.

Известно, что составление картотеки *Словаря русского языка XVIII века* было начато в 1960 г. по инициативе Г. П. Блока. В публикации 1967 г. сотрудники словаря Е. Э. Биржакова и З. М. Петрова писали:

В отношении круга источников приняты <…> ограничения. Почти не привлекаются рукописные материалы. Обилие печатных изданий XVIII в. и позднейших публикаций вполне обеспечивает картотеку материалами, объективно отражающими состав, семантико-стилистические свойства и грамматические особенности русской лексики той поры. Поэтому обращение к рукописному наследию XVIII в., возможное в дальнейшем, в настоящее время не представляется необходимым.[9]

По прошествии полувека ситуация изменилась: привлечение рукописных (а это в первую очередь местные) источников стало осознанной необходимостью для современного этапа развития лингвистического источниковедения и описания лексико-грамматического строя русского языка XVIII века.

Проблема точности воспроизведения текстов, неизменно актуальная для лингвистического источниковедения, в середине XX в. разрешалась в пользу привлечения типографских изданий: <...> *предпочитаются издания XVIII в. как наиболее достоверные, наиболее свободные от позднейших языковых, орфографических и графических наслоений, исправлений и упрощений*[10].

Представленная в настоящей статье филологическая публикация скорописных сибирских документов позволяет делать выводы о графической, орфографической и лексико-грамматической вариативности текстов и в то же время об «островах стабильности» в них (которые в дальнейшем могут проецироваться на другие тексты – в зависимости от задач, стоящих перед исследователем). Отдельные графико-орфографические ситуации вариативности (условно – «слабые звенья») сопоставляются с нормативным источником – *Словарем Академии Российской* 1789 – 1794 гг.[11], составители которого не только выработали для Словаря определенные орфографические правила, но много времени посвящали решению конкретных вопросов, связанных с употреблением, а именно выбору одного из вариантов:

> *Принимая какое-либо конкретное решение, составители Словаря исходили из принятого ими положения, что «хотя Российское правописание в кратких содержательных правилах, однако много в оном зависит от употребления» (Т. II. Предисл. С. XIII). Осторожная позиция создателей Словаря предопределила известный разброс и непоследовательность в орфографическом оформлении слов, признание допустимым вариантных написаний, а также отступление от исходных позиций в пользу «употребления».*[12]

Дополнительная содержательная информативность публикуемых ниже документов (основополагающие сведения о границах уездов, а также об особенностях в них земледелия, любопытные в лексическом отношении включением в текст традиционной «крестьянской» лексики, которая продолжает оставаться актуальной и в современных диалектологических исследованиях) обеспечивается публикацией не только 20 вопросов единой столичной анкеты, но и ответов на первые вопросы соответствующей тематики.

Оригиналы документов представляют собой таблицы, состоящие из двух колонок: 1) переписанные местными канцеляристами вопросы анкеты, 2) ответы на них. Всего в книге насчитывается до семи разных почерков, при этом документ может быть написан как одним и тем же почерком (см. ниже описания Ачинского и Тарского

уездов и Ялуторовской округи), так и несколькими. Так, в записи вопросов для описания Тобольского уезда фиксируем три почерка; в других текстах запросы и ответы могут быть записаны разными почерками, с их чередованием внутри колонок. Всего в исследуемых четырех документах фиксируем пять почерков.

По распределению почерков делаем вывод, что листы архивной книги – это переписанные в одном центре (вероятнее всего, в Тобольской наместнической канцелярии) копии с документов, поступивших из 11 провинциальных канцелярий. Следовательно, анализируя тексты и фиксируя в них многочисленные варианты написания и разночтения, мы не всегда можем установить их «авторство». (В этом отношении самые информативные тексты – это черновики, особенно сохранившие следы правки. Однако анализируемый в настоящей статье материал представляет собой беловики документов.) Но информация о реализованной в тексте потенциальной вариативности графической, орфографической и лексико-грамматической систем русского языка на синхронном срезе третьей трети XVIII века, обнаруживаемая документами, достаточно очевидна.

Дальнейшее введение в научный оборот филологических публикаций анализируемых документов позволит детально исследовать их преимущественно в направлении одной из *осей, или параметров, варьирования русского языка*, классификацию которых для современного языка привел в недавней статье Л. П. Крысин[13] (поуровневая ось, стилистическая, социальная, ситуативная, территориальная, этнокультурная), а именно поуровневой: <...> *имеется в виду варьирование средств русского языка, принадлежащих разным уровням его структуры, – фонетике, морфологии, лексике, синтаксису*[14].

Представленный в настоящей статье материал – вопросники, записанные в четырех сибирских городах и переписанные, вероятнее всего, в Тобольске в 1784 – 1785 гг., аналогичны друг другу в *стилистическом* (научно-административный текст), *социальном* (составленный в провинциальных канцеляриях Сибири), *ситуативном* (неперсонифицированный «диалог» властных структур государства различных уровней, каждая из которых руководствуется своей стратегической задачей, – что доказывается, например, несколькими уровнями правки в ответной ведомости, составленной в Тюменской воеводской канцелярии в 1746 г. на вопросы второй татищевской анкеты[15]) отношении. В *территориальном* отношении – документы фиксируют варианты сибирского узуса (без региональной диффе-

ренциации). Представляется, что *этнокультурный* уровень может быть исследован не на материале вопросов, но на материале ответов (которые лишь фрагментарно приводятся в статье для возможных читательских сопоставлений; думается, что фактор читателя-адресата должен актуализировать в текстах ответов разные нюансы содержания).

Цель настоящей статьи – возможный *поуровневый* сопоставительный анализ документов. В ситуации письменного текста его фонетический аспект «трансформируется» в графико-орфографический. Второй актуальный для сопоставлений аспект – морфологический, на который могут оказывать «незаметное» влияние особенности устной (включая диалектную) речи субъекта письменной речи; однако лексико-синтаксический «каркас», заданный оригинальным вопросником, априори должен оставаться стабильным в специфической языковой ситуации переписывания государственно значимого текста.

Табличная презентация вопросников

При публикации источников ниже сохраняем графику (в том числе буквы «ѣ», «ї», «і», «ѡ», употребление которых, как оказалось, позволяет дифференцировать почерки), надстрочные буквы, слитное написание союзов, частиц и предлогов со знаменательными словами. Сохраняем пунктуацию. Перенос слова в оригинале отмечаем косой чертой « / ». Вводим в текст прописную букву для обозначения имен собственных.

Обращая внимание на графико-орфографическую вариативность, разночтения и описки, пропущенные в каком-либо документе фрагменты, изменение порядка слов, использование традиционных для скорописи сокращенных написаний слов, подчеркнем их, за исключением слитного/раздельного написания служебных слов, выносных букв и слогов (что может провоцировать употребление/неупотребление «ъ» для обозначения открытости слога), а также использования сочетания с диакритическим знаком «и́», которым характеризуются первый и второй почерки, на месте букв «и», «й».

Описанїе Табольскаго уѣзда [*1-м почерком*]		**Таковыяжъ описанiи объуезде** [Ялуторовская округа] [*2-м почерком*]	**Описание объ уѣздѣ** [Тарский уезд] [*4-м почерком*]	**Описание уезда** [Ачинский уезд] [*5-м почерком*]
1е съ какими уѣзда^{мї} гра-/ничитъ насколько въши-/рину идлину простирается.	1	уездами′	уѣздами	уездами′
	2	насколки	носколко	насколко
	3	прости/раетца.	простирае^{т}ца.	простираится
2е мѣсто положенїя его / вообще гористое или / ровное	1	место положение	мѣсто положение	место положение
	2	ево	ево	его
	3	вообще	воо^{б}ще	вообщѣ
	4	или′	jли	или′
	5	равное.	ровное	равное
3е какой матери^{к} вообще / и плодородїе земли какой / хлѣ^{б} поболшей части сѣютъ / и каковъ попримеру уро-/жай бываетъ.	1	воо^{б}/ще	во/обще	вообщѣ
	2	иплодородие	иплодородіе	иплодородия
	3	земъ/ли	зе^{м}ли	зѣмли′
	4	хлебъ	хлѣ^{б}	хлебъ
	5	по / болшеи	поболшой /	поболшои′
	6	сеютъ /	сеютъ	сеютъ
	7	урожаи′	урожаи	урожаи′
	8	бываетъ	бы/ваетъ:	бываитъ,
4е каки^{мї} орудїя^{мї} зе^{м}лю / пашутъ, тоесть плуго^{м} / илисохою волами или / лошадьми икакъ иче^{м} / землю удобряю^{т} тоесть / навозомъ или други^{м} че^{м} / посколько разъ пашу^{т} / иборонятъ которое / время года начи-/наютъ паха^{ть} исѣя^{ть} / ипротчїя обстоятель-/ства до сего касающї-/яся означить,	1	каки′ми′	какими	какими
	2	орудиями′	орудіями′	орудиями′
	3	или′ съ / сухо^{и}	или сохою	или′ сохою
	4	волами′	ва/лами	волами′
	5	илоша/дми′	или лошадми	или′ лошадми′
	6	икаку	икакъ	икакъ
	7	посколку	поско^{л}ку	поско^{л}ку
	8	вкоторое	вкоторое	вкоторое
	9	сеять	сѣя^{ть}	сеять
	10	протчие	про^{т}чія	про/тчее
	11	обстоятелства	обстоятелства	обстоятелства′
	12	касающияся	касающія	каса/ющияся
5е имѣю^{т} ли жители / довольное количество / лѣса какъ для строе-/нїя такъ инадругїя / надобности такъ же / довольныли пашенною / землею и сѣнокосами или заизлишествомъ / нележитъ ли земля / впустѣ.	1	имеютли	имеютли	имеютли
	2	доволное	доволное	дово^{л}ное
	3	леса	лѣса	леса
	4	стро/ения	стро/енія	строенія
	5	другия	дру/гія	другия
	6	доволными′	дово^{л}ныли	доволныли′
	7	сенными поко/сами′	сенокос-/ными	сенокосными′
	8	втуне,	впусте;	впусте
6е озера ихъ окру-/жно^{сть} долгота иширо-/та рѣки въ нихъ впа-/дающїя иизънихъ / истекающїя ___ ихъсъ / другими озерами / иль рѣками и ка-/кія рыбы въни^{х} нахо-/дятся. [*далее вторым почерком*]	1	озеръ	озера	озера
	2	окружность	окружнω^{сть}	окружность
	3	реки′	ре/ки	реки′
	4	впадающия	впадающия	впадающия
	5	истекающия	истекающія	истекающия
	6	протоки′ соединяющия	про/токи соединяющія	протоки соединяющия
	7	и^{х} здругими′	изъ другими	ихъ здруги′ми′
	8	иль	или	или′
	9	реками	реками	реками′
	10	икакия	какія	икакия
	11	вни^{х} / рыбы	рыбы вни^{х}	вни^{х} рыбы
	12	находятся	находятся:	находитса
7е сколковсехъ / рекъ иречекъ въ / уезде какъ ика^{ж}дая / изни^{х} называе^{т}ся / где ея вершина / вкакую реку впадае^{т} / инаско^{ль}ко верстъ / попримеру теченiе / свое простираетъ.	1	сколко всехъ	сколко все^{х}	сколко всехъ
	2	въуезде	въуездѣ	въ /уезде
	3	называе^{т}ца	называи^{т}ца	называится
	4	где	гдѣ	где
	5	ея	ея	ее
	6	ве^{р}шина	вершины	вершина
	7	вкаку	въ / какую	авкакую
	8	инасколко	ина ско^{л}ко	ина/сколко
	9	попримеру	пω-/ примеру	поприме^{ру}
	10	течение	те/ченіе	те/чение

8[е] нетли таки[х] / уречишъ кои зна/мениты покаки[м] / ниесть исторически[м] произшествия[м] [*далее третьим почерком*]	1	каки[х]	таки[х]	каки[х]
	2	урочищь	урочищь	уро/чищъ
	3	како[и]	кои	кои
	4	происшествиямъ,	произшествия[м]	произъ/шествиямъ
9 число мн[е]треи ипу/стынеи ке[м] они пос[т]рое/ны нетли чего вни[х] / достоиного примера / вкако[м] ра[з]стоянии о[т]го/рода исколко вни[х] мо/нашествующи[х]	1	монастыреи′	манастырей	манастыреи′
	2	ипу/стынеи	и / пустынеи	ипустынеи′
	3	чевовни[х]	чево / вни[х]	чего / внихъ
	4	досто/иного	достоинаго	досто[и]наго
	5	примечания	при/мечанія	примечания
	6	растояни′и′	раз/стояніи	ра[з]стояніи′
10 сколко вовсе[м] уезде / приходо[в] иприте[х] сколко / с҃щенно ищерковно / служителеи иуи[х] де/тей	1	уезде	уѣздѣ	уезде
	2	священно ищерковно /служи′телеи	с҃вщенно и / церковно служителей /	с҃вщенноцерковнослу/жителей
	3	и′уни[х]	иуи[х]	иунихъ
	4	детеи,	дѣтеи,	детеи′
11 число селение[в] поме/щичьи[х] домо[в] ивладел/цовъ поуезду воо[б]ще / показавъ особо число / слободъ селъ идеревень / соособы[м] иподробны[м] опи/сание[м] знатнеишихъ / изни[х] пригородко[в] слобо[д] / исель кои повеличине / и[х] рукаделию ремеслу / жителеи или покаки[м] / други[м] о[б]стоятелс[т]ва[м] / примечателне про[т]чи[х]	1	селениевъ	селеніевъ	селениевъ
	2	поуезду	поуѣзду	поуезду
	3	показа[пъ]	показать	показавъ
	4	слобо[т]	слободъ	словомъ
	5	подро/бнымъ	подробнеиши[м]	по/дробнымъ
	6	опи′саниемъ	описа/ніе[м]	описаниемъ
	7	слободъ селъ	слободъ / исе[л]	словомъ иселъ
	8	рукоделию	рукоделию	рукоделению
	9	ремеслу / жителеи	ремеслу жите[ли]	иремеслу жителеи′
	10	при′мечателнее	приме/чате[л]нѣе	при′мечателнее
	11	про[т]чимъ,	протчи[х].	протчихъ
12 сколко въуезда му/жеска иженска пола / душъ по последнеи ре/визии какъ вообще та[к] / ипорознь поразличны[х] / и[х] состояниемъ	1	въ уезде	въ уѣздѣ	вуездѣ
	2	полу	полу	пола
	3	попоследнеи	по / послѣдней	попоследнеи
	4	ревизи′и′	ревизіи	ревизіи′
	5	состоя/ниямъ,	чинѡ/стояниямъ	состояния[м]
13 сколко каки[х] заводо[в] / фабрикъ имелницъ / пилны[х] имучны[х],				
14 сколкой какой зе[м]ли / подвсеми селения[мі] / помежеванію ежели[ж] / межева[щя] небыло по/каза[ть] примерно	1	сколко	сколко	сколко
	2	какои	какой	какои′
	3	селениями′	селеніями	селени′/ями′
	4	помежеванию	по / межеванію	помежеванию
	5	межева[и]я	межеванія	межевания
15 бываю[т]ли′ вуезде / ярмонки иторги′ вкото/рое время вкоторы[х] / имянно селения[х] дол/голь продолжаю[т]ся ско[лъ] / велико течение быва/етъ народа икакия / поболшои части товары	1	въуезде	въуездѣ	вуезде
	2	ярманки′	ярмонки	ярмонки
	3	селения[х]	селенія[х]	се/ленияхъ
	4	стечения	стеченіе	стечение
	5	бываес[т]	бываес[т]	бываютъ
16[с] вчемъ поболшои ча/сти упражняются жи/тели какие имѣю[т] про/мыслы ремесла куда трудовъ свои[х] про/изращения ивещи / отвозя[т] нео[т]ходя[т] / ли попашпорта[м] / для промысло[в] ирабо[т] / свои[х] вдругия города / куда имянно идля / каки[х] рабо[т].	1	жители	жители	жй/тели′
	2	какия	какія	какие
	3	имею[т]	имѣю[т]	имеютъ
	4	произвращения	произращенія	прои[з]/ращения
	5	вещеи	вѣщи	вещи′
	6	попашпорта[м]	попашпорта[м]	попачпѡртамъ
	7	промысловъ;	промысло[в]	про/мыслу
	8	ирабо[т]	ирабѡ[т]	работъ
	9	другия	другія	дру/гие
	10	горада	города	города′

17^{е} не^{т}ли въуе^{з}де о^{т}менны^{х} / каки^{х} деревьевъ неупо/требляю^{т}ли жителямъ / какия травы лекарства / или краски неводятсяли / какия особливыя звери / птицы пресмыкающияся / гады инесекомыя,	1	въуезде	въ уѣздѣ	вуездѣ
	2	употре/бляютцали′	употребляются	употребляютсяли′
	3	жите/лямъ	жителями	жи/телями′
	4	какия травы	какои травы	какия травы
	5	влека^{р}ства	влекаръ/ство	влека^{р}ство
	6	неводя^{т}сяли	нево/дятсяли	неводятцали′
	7	какия	какія	какия
	8	звери	зверй	звери′
	9	при′смы/кающия	пресмекающіяся	пресмы/кающия
18^{е} неимею^{т}ли жители′ / уезда воо^{б}ще жижитіи / свое^{м} странны^{х} каки^{х} / обычаевъ нетли чего / особливаго въи^{х} ндра/ва^{х} поверия^{х} обряда^{х} / образе жития иобхо/ждения нео^{б}нося^{т}сяли′ / между ими каки пре/даніи′ относящияся / кдревни^{м} произшестви/ямъ бытия^{м} неиме/ютли′ какой о^{т}мены / впокрое своего пла^{ть}я / впостроеніи′ свои^{х} / домовъ въисправле/ніи′ своего домово^{д}/ства. [*далее вторым почерком*]	1	вообще жи/ти′и′	вообще житіи	вообщѣ^{м} / житіи′
	2	чево	чего	чего
	3	особли′ваго	осо/бливаго	особливагѡ
	4	ндрава^{х}	ндрава^{х}	нравахъ
	5	поверья^{х}	по/верія^{х}	повериях ъ
	6	житие	житія	жития
	7	и′обжидание^{м}	иобхожденія	иобхо^{ж}дения
	8	обносятся	обносятся	обно/сятца
	9	какиі	какія	какіи
	10	предани′и′	преданіи	преданіи
	11	относящияся	отно/сящіяся	о^{т}носящияся
	12	дре/внимъ	древнимъ	деревнямъ
	13	произшествия^{м}	произшествіямъ	произше^{д}/ствиямъ
	14	бытиямъ	бы/тія^{м}	–
	15	въи′справле/ни′и′	воисправленіи	ивъысправле/ніи
	16	домо/водства,	домообзаводства	домоводство
19 озавода^{х} металны^{х} / иминералны^{х} ко^{му} прина^{д}лежа^{т} / когда ике^{м} построены о^{т}куда / достаю^{т} руду ивсе ну^{ж}ное для / заводского содержания ско^{ль}ко / посложности′ выплавли′/вается или вырывае^{т}ся / мета^{л}ловъ иминерадловъ / куда ика^{к} и^{х} отвозятъ	1	менералны^{х}	минералны^{х}	минера^{л}/ныхъ
	2	все	ивсіб	все
	3	заводского	заво^{д}скаго	заво^{д}/скаго
	4	соде^{р}/жания	со/держанія	содержания
	5	сколко	ско^{л}ко	сколко
	6	посло^{ж}ности	послѡ^{ж}/ности	посло/жности′
	7	выплавлевается	выплавливаи^{т}ца	выплавливаится
	8	–	или вывариваитца	или′ вываривается
	9	мени/раловъ	минерало^{в}	мене/ра^{л}ловъ
	10	куда какъ	куда икакъ	куда икакъ
20 нетли где ма^{р}мора′ / или други^{х} ___ камней ка/менны^{х} иземлены^{х} уголье^{фъ} / торфу.	1	каки^{х}	–	–
	2	ка^{м}неи	камней	камнеи
	3	угодьевъ	угольевъ	угольевъ
	4	торфу ипроч:	торфу.	и торфу ипротчаго,
РГО. Научный архив. Р. 55. Сибирь. Оп. 1. Д. 47				
Лл. 4 – 16 об.		Лл. 49 об. – 54	Лл. 19 об. – 30	Лл. 118 – 122

Комментарии и дополнения к таблице

Как видим, основные графико-орфографические варианты связаны, во-первых, с употреблением буквы «ѣ»; во-вторых, с употреблением, часто в одной и той же позиции, букв «и», «и′», «ї», «й», «і», «j». Сопоставление вариативных по представленным выше источникам написаний с материалами *Словаря Академии Российской* 1790 – 1794 гг. (САР) показало, что все представленные ниже лексемы не имеют в словаре вариативных фиксаций, а именно:

1а) написания с «ѣ»: *впустѣ*, *гдѣ*, *дѣти*, *имѣть*, *лѣсъ*, *мѣсто*, *послѣдний*, *примѣръ*, *рѣка*, *сѣнокосъ*, *сѣять*, *уѣздъ*, *хлѣбъ* – подобные написания отмечены в анализируемых сибирских документах хотя бы один раз, однако словарные варианты *звѣрь* и

рукодѣлїе в вопросниках не зафиксированы, хотя в ответах писцов отмечены;

1б) написания с «е»: *вещи*, *вообще*, *земля* – эти слова в записях вопросов хотя бы раз зафиксированы с буквой «ѣ»;

2) в САР по традиции отглагольные существительные имеют в финали букву «ї», например, *селенїе*, *межеванїе*, *плодородїе*, *строенїе* – такие написания в анализируемых источниках поддерживаются только первым почерком, как и большинство отмеченных в САР написаний с «ѣ».

По этим параметрам можем сделать вывод о том, что тобольский канцелярист – обладатель первого почерка – демонстрирует максимальное приближение к графической «норме», зафиксированной *Словарем Академии Российской*; обладатель второго почерка (в котором нет «ѣ», «ї» и единичны «і», однако максимально количество диакритических значков) наиболее приближен к современному варианту русской графики. В прочих почерках обнаруживаем большую нестабильность в употреблении буквенных обозначений.

Данные таблицы позволяют отметить колебания в написании недавних заимствований: *минералъ*, *паспортъ* (так в САР).

Отражение на письме фонетических особенностей речи можно обнаружить в вариантах личных окончаний глагольных форм (например, 1.3, 3.8, 6.12, 17.2, 18.8, 19.7); в отдельных написаниях, в том числе 4.4, 18.4, 18.15. Вариативное отражение на письме мягкости демонстрируют случаи 1.2; 4.5; 4.7; 4.11, 5.6. Вариативное написание окончаний родительного падежа разных частей речи: местоимения (2.2, 7.5, 9.3); прилагательного (9.4, 19.3).

Также фиксируем неединичные описки, иногда затемняющие смысл (по крайней мере, вводящие в недоумение, если прочитывать документ без того, чтобы «заглянуть» в аналогичные): 1.2, 8.2, 11.4, 11.7, 11.8, 18.12, 20.3, а также значимые пропуски слов (18.14, 19.8). Правда, в отдельных случаях замены можно воспринимать в принципе как синонимичные, например, 5.8:

> *Впустѣ (также раздельно) – без употребления, без хозяйственного использования <…> без населения, без владельцев; Лежать, оставлять впусте – быть под паром (о земле)*.[16]

> *Втуне (-ѣ, также раздельно) – без пользы, напрасно, понапрасну; <…> в бездействии; <…> без внимания*.[17]

Запись 17-го вопроса ярко демонстрирует разночтения, которые связаны с грамматической структурой предложения. Для более детального анализа этой и последующих записей вопросов обратимся и к транслитерированной публикации семи вопросников, не вошедших в настоящую статью, но опубликованных в издании 2013 г.[18]

Разночтения касаются двух случаев:

1) особенностей грамматической связи между существительным *жители* и глаголом *употреблять(ся)* и, следовательно, использования активной конструкции *не употребляют ли жители* (Курганский, Тюменский, Каинский уезды) или пассивной конструкции *не употребляются ли жителями* (Сургутский, Ачинский уезды). Прочие варианты можно считать описками: *не употребляют ли жителям* (Тобольский уезд) – *не употребляются ли жители* (Тарский уезд) – *не употребляются ли жителям* (Ишимский уезд, Ялуторовская округа);
2) восприятия писцами:
   а) существительного *травы* в одной из омонимичных форм со значением объекта:
      a) множественного числа именительного падежа в функции подлежащего (*не употребляются ли жителями* – что?) *травы* или
      b) винительного падежа в функции дополнения (*не употребляют ли жители* – что?) *какия травы*,
      c) единственного числа родительного падежа с партитивным значением в функции дополнения (*не употребляют ли жители* – чего?) *какой травы*,
   б) существительных *лекарства или краски* в форме:
      a) множественного числа именительного падежа в функции подлежащего (*не употребляются ли жителями* – что?) *лекарства или краски*,
      b) винительного падежа с целевым значением *в лекарство/лекарства или краски*.

В оригиналах находим варианты: *какия травы лекарства или краски* (Тобольский уезд) – *какой травы в лекарство или краски* (Тарский уезд) – *какия травы в лекарства или краски* (Ишимский, Курганский, Тюменский уезды, Ялуторовская округа) – *какия травы в лекарство или краски* (Сургутский, Ачинский, Каинский уезды).

Во всех одиннадцати текстах фиксируем шесть вариантов написания слова *пресмыкающиеся*; различия связаны с приставкой (*пре-*,

при-, *пере-*) и возвратной частицей *-ся*: *пресмыкающияся* (Тобольский, Тарский уезды) – *пресмыкающия* (Ишимский, Курганский, Ачинский уезды) – *присмыкающия* (Ялуторовская округа) – *пересмыкающиеся какия* (Тюменский уезд) – *пресмокающие* (Сургутский уезд) – *присмыкающияся* (Каинский уезд).

Во всех оригиналах фиксируем ненормативное для столичных текстов XVIII в. написание *несекомыя*, ср.:

> *Насѣкомый (-се-), ая, ое. <...> – 1. Принадлежащий к классу беспозвоночных членистоногих животных. <...> 2. Насѣкомое – небольшое беспозвоночное членистоногое животное <...> мн. Зоол. Класс беспозвоночных членистоногих животных.*[19]

Такие же «ненормативные», с позиции САР и других исторических словарей, но традиционные для сопоставляемых сибирских документов варианты отмечаем для слов *именно* (см. вопрос 15), *прочие* (4.10).

Вопрос 18. Во всех оригиналах написано в три слова: *во обще житии*; ср. разночтения: *во общем житии* (Ачинский уезд), *в обще жижитии* (Тобольский уезд); вместо *домоводства* в ишимском тексте читаем *домовотства*, в тарском – *домообзаводства*.

Вопрос 19. В сургутском тексте вопрос сокращен наполовину: после слова *построены* читаем *и пр.*

Варианты написания формы *минералов* (Тарский, Курганский уезды, Туринская округа): *минераллов* (Тобольский, Ишимский, Тюменский уезды) – *мениралов* (Ялуторовская округа) – *менералов* (Ачинский уезд), в каинском тексте слово пропущено. Варианты написания слова *выварiвается* (5 фиксаций): *вырывается* (Тобольский уезд) – *выговариваитца* (Ишимский уезд); в ялуторовском и тюменском вопросах слово пропущено.

Вопрос 20. Разночтения: в четырех текстах вместо (*земляных*) *угольев* читаем *угодьев* (Ялуторовская округа, Курганский, Тюменский, Сургутский уезды); в каинском вместо *торфу* читаем *торгу*. Варианты: в курганском варианте вопроса – *мрамора*, во всех прочих текстах – *мармора* (ср. в САР: *марморъ, или мраморъ*).

Не останавливаясь на прочих вариантах и разночтениях, обнаруживаемых на материале вопросников четырех анализируемых в настоящей статье документов, обратимся к сопоставлению ответствий.

Несколько замечаний о синтаксической структуре и лексическом наполнении ответов

Обратимся к четырем ответным текстам, записанным четырьмя разными почерками (нумерация ниже – по почеркам), составленным в Тобольске, Ялуторовске, Таре и Ачинске на первый вопрос анкеты (*С какими уездами граничит, насколько в ширину и длину простирается*):

> 1. [Тобольский уезд] *граничитъ съ восточную съ Тарскимъ, съ полуден/ную съ Ишимски и Ялуторовски, съ западную съ Тюменски / и съ Турински, съ съверную сторону съ Березовски, / и Сургутски уѣздами, простирается вдлину на 461 / версту, вширину на 362 версты.*
>
> 2. *Ялуторовска округа граничит / сокружными Тюменско Ишѝ /мско Курганско и Пермского / наместничества Шадринско / и Камышловско вширину про/стирается на 152 вдолину на / 212 верстъ.*
>
> 4. *Тарскои уѣздъ граничит свосточную / сторону сНарымскимъ иКаинскимъ / сполуденную сОмскимъ иИшимскимъ / ззападную сТаболски, ссеверную съ / Сургуцки уѣздами.*
>
> 5. [Ачинский уезд граничит] *съсеверу ивостока съЕнисеиски сподню Колыванско губерниі / сКрасноярскимъ зъзападу сТомскимъ уездами ѝ аонѡи ѝ / уездъ простираится вдлину на 305 вширину на 140 / верстъ.*

Как видим, ответы 2 и 4 построены по модели простого двусоставного предложения с тематической препозицией вербализованного подлежащего (обратим внимание, что в заголовке текста имя административно-территориальной единицы – округи или уезда – отсутствует) и повтором заданного в вопросе сказуемого *граничит*, вводящего списком рематическую информацию.

Ответы 1 и 5 реализуют неполную модель, при этом если тематическое подлежащее присутствует на том же листе документа в описании Тобольского уезда, то в тексте 5 его можно восстановить, только обратившись к абсолютному началу документа *Топографическое описание города Ачинска иуезда егѡ/назапросные пункты*[20]. Следовательно, ответы на первый же вопрос демонстрируют разную степень автосемантичности предложений, разную степень их изолированности от запроса, в том числе в грамматическом отношении. Представим условные схемы ответов:

1. $[T_{подл.}] + T_{ск.1\ (граничит)}\ R_1 + T_{ск.2\ (простирается)}\ R_2$
2. $T_{подл.} + T_{ск.1\ (граничит)}\ R_1 + T_{ск.2\ (простирается)}\ R_2$
4. $T_{подл.} + T_{ск.1\ (граничит)}\ R_1$
5. $[T_{подл.} + T_{ск.1\ (граничит)}]\ R_1 + T_{ск.2\ (простирается)}\ R_2$

Формулировка второго вопроса (*Местоположение его вообще гористое или ровное*) уже содержит потенциальный ответ, которым так или иначе пользуются все канцеляристы: 1 – *гористое*; 2 – *несколько гористых*, *ровное*; 4 – *ровное*, *несколько возвышен*; 5 – *гористое*, *ровное*, хотя ответы даны с разной степенью детализации и дополнительной информации. Все ответы построены по модели вопроса, а именно двусоставного тема-рематичного предложения с составным именным сказуемым:

> 1. *мѣсто положенїе по праву сторону рѣки Иртыша гори/стое илѣсное называется дубровное ипообѣи*^{м} *сторона*^{м} */ рѣкъ ирѣчекъ въ уѣздѣ, шириною небольшее пяти и двухъ / верстъ и менее луговаго и мѣстами взгористаго мѣста / в[п]ротчем*[21] *болотные окружаютъ мѣста, накоторы*^{х} */ острова их*[22] *лесныя жъ инаоны*^{х} *промыселъ есаш-/ныхъ народовъ разного роду звѣрей.*
>
> 2. *место положение вокруге / несколко зарекои Таболомъ / кполудни гори́стых небо/лшеи высоты авпро*^{т}*чи*^{х} *ро*^{в}*ное.*
>
> 4. *мѣсто положенїе ровное и неско*^{а}*кѡ / возвыше*^{н} *увало*^{м} *подлѣ реки акъ / Сургуцкому уѣзду чернолесие / иболота.*
>
> 5. *место положение гористое апоболшои части́ равное / болотные илесное.*

Запрашиваемая информация на четвертый вопрос анкеты, содержащий по крайней мере пять тематических подпунктов, называющих этапы весенней полевой страды (*Какими орудиями землю пашут, то есть плугом или сохою, волами или лошадьми*; *и как и чем землю удобряют, то есть навозом или другим чем*; *по сколько раз пашут и боронят*; [в] *которое время года начинают пахать и сеять, и прочие обстоятельства, до сего касающиеся, означить*), в ответных текстах представлена так же с различной степенью детализации. Для удобства восприятия информации разобьем сплошной текст ответов, сохраняя пунктуацию и переносы, на тематические абзацы:

> [Тобольский уезд]
> 1.1. *землю пашут*^{т} *сохою илошадьми*
> 1.2. *удобряю*^{т} *навозо*^{м} */ по возможности скотоводства то есть у кого / достаточно скота, тотъ инавозу имѣетъ / больше другаго*

и здабриваетъ черезъ годъ, ^{два} или / три года, а которые имѣютъ малое скотовод-/ство, ипритомъ отдаленные отъ дому и^{х} / пашни, то тѣ удобряютъ черезъ 3= 4= 5= лѣ^{т} / а отдаленные пашутъ по нуждѣ ибезъ удоб-/ренїя навозомъ съ перепа^{р}кою черезъ годъ или / два года на таковыя поля даютъ произраще/нія неболѣе какъ 10 лѣтъ и послѣ даютъ/ раздыху илѣжатъ въ пустоша^{х} тошъ 10 лѣ^{т} / которые уже опя^{т} распахиваютъ

1.3. *когда прїуго-/вляютъ поля къ посѣву хлѣба то сперва расъ пропашутъ ипроборонятъ, тогда нава-/живаютъ навосъ и послѣ онаго зорютъ расъ / ипроборонятъ и еще расъ зорютъ тогда уже сѣютъ хлѣбъ всякаго роду и послѣ онаго одинъ / расъ забороня^{т}, а иные подъ еровой хлѣбъ пашу^{т} / иборони^{т} только подва раза, равно такъ же /и паровые поля пашутъ иборони^{т} постолькужъ / разъ*

1.4. *еровые сѣютъ по большой части / съ маїя 1го числа и о зимовальную / рошъ съ середневa Спасова дни*

1.5. *начинаютъ жать съ Ильина дни прорастаетъ въ хлѣбѣ трава есть ли посѣется / хлѣба половина нерослого или хотя и рослой да / посѣвъ его въ холодное идожливое время, то уже / то боронитъ нетакъ хорошо можно иотътого / усиливается трава жабрей осотъ, лебеда, метли-/ца иизъ оны^{х} осотъ заблаговременно вырываю^{т} / когда еще хлѣбъ идетъ въ помоломы а протчїе свиваю^{т}-/ся съхлѣбомъ, которые вмѣстѣ жнутся ивывѣваютъ-/ся уже изъ онаго съ мекиной*

[Ялуторовская округа]

2.1. *пашутъ сохою анеплугомъ / лошадми́*

2.2. *здабри́ванье / назма впещаномъ грунте / коего очень мало приемъ / летъ авпротчи^{х} грунта^{х} / неприемле^{т}*

2.3. *подозими́ пере/пахиваютъ иборонят подва / ипотри раза*

2.4. *ро^{ж} сея^{ть} начинаю^{т} / августа съ 1го числа подъ ярицу / пшени́цу овесъ ячмень / приуготавли́ваю^{т} на пе^{р}во^{й} / разъ съ 1го на друго^{и} съ 25го июня / а натретеи́ попрошествии / зимы апреля съ 23 ч= просу / гречюху сею^{т} маи́я съ 25 горо^{х} / съ 15 ч= апреля июня съ 25 коно/плю съ 27 и 30 числъ впосевъ / надесятину употребляютъ ржи нановые земли́ по че^{т}ве^{р}/те подва че^{т}верика на выкопа/нные почетве^{р}те по четыре / четверика пшени́цы поче^{т}ве^{р}ти / по шести́ четвериковъ яри́цы / то^{ж} овса потри четве^{р}ти / ячменю подве четверти́ просы / почетыре че^{т}верика лну поче^{т}/верте иодному четвери́ку ко/нопля подве че^{т}ве^{р}ти́ засеваю^{т} / старымъ аи́ногда иновымъ / ипоболшеи части́ сею^{т} ро^{ж} и ярицу / апро^{т}чия посре^{д}ственно*

2.5. *жатвы все^{м} про/дукта^{м} бывае^{т} июля съ 25 ч= оканчива^{е}е^{т}ся / сентября къ 1^{му} числу естли́ самая хорошая / по^{в}года авненасливое наранее 2 ч= аиногда послучи^{в}ши^{м} / мороза^{м} авыпадаемы^{х} инье^{в} иснеговъ остается / без жа^{т}вы*

[Тарский уезд]

4.1. *землю пашу^{т} сохами нолошадя^{х}*

4.2. – 4.3. *по^{б}ли/зости^{ж} около города ито невомноги^{х} / мѣста^{х} здабриваю^{т} назмо^{м} авпро^{т}чи^{х} / селенія^{х} перепахиваю^{т} подва разъ /*

4.4. *сеять начинаю^{т} зимовые въ јюле / и августе, яровые въ маіе м^{с}цахъ /*

4.5. *хлѣбъ снимаютъ въ августе и / сентябрѣ*

[Ачинский уезд]

5.1. *землю пашутъ сохою илошадми́*

5.2. *землю ничемъ неудо/бряютъ потому что удобрения непринимаетъ / апроизрастение происходитъ нео^{т}удобрению ао^{т}са/маго грунта*

5.3. *ввешнеи́ севъ пашутъ по^{д}ерѡ/вое поодинъ разъ боронятъ поодинъже разъ / посеменамъ подзимовое залогъ смякотные / земли пашутъ наперво зборонятъ поодному / разу апотомъ перепахиваютъ заборонятъ посе/менамъ поодному^{ж} разу*

Выводы

Все представленные выше не описки, но грамматические и орфографические варианты конструкций и написаний давно известны. И сами по себе, без «подкрепления» сведениями из других документов, созданных в том же времени и в том же месте, они, вероятно, не представляют особой ценности для характеристики той или иной региональной канцелярской школы или языковой личности отдельного субъекта делового письма. Однако как паспортизированные фиксации различных языковых явлений они, будучи включенными в некую базу данных, такую ценность приобретают. Следовательно, все более насущной становится проблема создания соответствующих баз данных и доступа к ним исследователей.

Но сопоставительное изучение вторичных текстов, в основе которых лежит единый вопросник, позволяет сделать и еще один важный (хотя и совсем не новый) вывод. Это вывод о степени доверия каждому источнику, лингвистическая составляющая которого могла бы быть спроецирована на любые потенциальные обобщения.

Представленный в статье сопоставительный анализ региональных и столичных материалов демонстрирует фрагменты жизни русского языка в XVIII веке. Интерпретированные результаты углубленного исследования указанных и прочих возможных аналогичных источников позволят в будущем расширить представления о становлении русской научной и административной парадигмы, а также о

языковой картине мира русского государственного человека (как столичных ученых, так и представителей региональных властных структур – воеводских и уездных канцелярий) XVIII века.

---

[1] Молдован А. М. Приветственное слово директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. *Региональные варианты национального языка*. Материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Удан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013, с. 4.

[2] Там же.

[3] Судаков Г. В. Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке. *«Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»*. Сборник научных трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. А. Малышева. Санкт-Петербург: Наука, 2007, с. 331–341.

[4] Колесов В. В. *История русского языка*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2005, с. 18.

[5] Татищев В. Н. *Избранные труды по географии России*. Москва, 1950.

[6] *РГО*. Научный архив. Р. 55. Сибирь. Оп. 1. Д. 47; Транслитерированные ответы на запросы анкеты опубликованы в издании: Трофимова О. В., Коновалова Е. Н. *Топографические описания Западной Сибири XVIII века*. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013, с. 245–282, 292–406.

[7] Сорокин Ю. С. К вопросу об основных понятиях стилистики. *Вопросы языкознания* № 2, 1954, с. 68–82.

[8] Кагарлицкий Ю. В. Формирование новой системы относительного подчинения: региональный аспект. *Региональные варианты национального языка*. Материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Удан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013, с. 234.

[9] Картотека словаря XVIII века. *Лингвистические источники*. Москва: Наука, 1967, с. 96.

[10] Там же, с. 97.

[11] http://www.runivers.ru/lib/book3173.

[12] Биржакова Е. Э. Словарь Академии Российской (1789 – 1794 гг.). *Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010, с. 127.

[13] Крысин Л. П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка. *Региональные варианты национального языка*. Материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Удан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013, с. 66–71.

[14] Крысин Л. П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка. *Региональные варианты национального языка*. Материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Удан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013, с. 68.

[15] Ведомость, учиненная на вопросные пункты геодезии прапорщика Павлуцкого по силе присланного указу из Сибирской губернской канцелярии, о состоянии города Тюмени и о протчем. Трофимова О. В., Коновалова Е. Н. *Топографические описания Западной Сибири XVIII века*. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013, с. 112–165.

[16] *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 4 (Воздух – Выпись). Ленинград: Наука, 1988, с. 119.

[17] Там же, с. 180.

[18] Трофимова О. В., Коновалова Е. Н. *Топографические описания Западной Сибири XVIII века*. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013, с. 283–291.

[19] *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 14 (Напролет – Непоцелование). Санкт-Петербург: Наука, 2004, с. 39.

[20] *РГО*. Научный архив. Р. 55. Сибирь. Оп. 1. Д. 47. Л. 117.

[21] Начало слова прочитано предположительно.

[22] Слово прочитано предположительно.

ЛИТЕРАТУРА

Биржакова Е. Э. *Русская лексикография XVIII века*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010.

«Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность». Сборник научных трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения) / Отв. ред. И. А. Малышева. Санкт-Петербург: Наука, 2007.

Колесов В. В. *История русского языка*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Издательский центр «Академия», 2005.

Региональные варианты национального языка. Материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А. П. Майоров. Удан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013.

Сорокин Ю. С. К вопросу об основных понятиях стилистики. *Вопросы языкознания* № 2, 1954, с. 68–82.

Татищев В. Н. *Избранные труды по географии России*. Москва, 1950.

Трофимова О. В., Коновалова Е. Н. *Топографические описания Западной Сибири XVIII века*. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.

Игорь Кошкин

ЭТНОНИМИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ СЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Summary

Ethnonymization in the History of Words as the Reflection of Language Contacts

In the semantic history of certain words there could be observed the origin of the ethnonymical meaning when the concrete word begins to denote the representatives of a definite ethnic group. The present article deals with such historical meanings that represent the result of ethnonymization as Polish ***chłop*** *'Latvian' (regionalism), comp. Latvian* ***kalps*** *'farm worker; servant' (the standard language) ← East Slavic ****cholәp*** *← Proto-Slavic ****cholp*** *(Old Russian* ***холопъ****); Latvian* ***burlaks*** *'Russian, Belarusian' ← Russian* ***бурлак*** *'bargehauler'. The new meaning is semantically derived: it develops both on the basis of the meaning associated with the designation of a particular activity, and on the basis of an evaluative, debased meaning. Both motivating factors are related to each other as far as the activity, being the result of social experience, is evaluated by the society. New ethnonymical meaning of the analyzed word is manifested as a result of language contact, and this is evidenced by regional markedness of this meaning. Pejorative meaning can be considered as a further development of both meaning of the social term, and ethnonymical meaning. The choice depends on whether the concrete pejorative meaning is widespread in the specified territory beyond the area where the common ethnonymical meaning is distributed.*

Key-words: ethnonymical meaning, historical semantics, ethnonymization, language contacts, Latvian, Russian

*

Введение

В семантической истории некоторых слов можно проследить возникновение так называемого этнонимического значения: слово денотативно начинает обозначать представителей определенного этнического коллектива. С точки зрения семантической мотивации новое значение является производным. При этом немаловажным является

выяснение того, непосредственно с каким другим значением связано данное этнонимическое значение. Здесь возможны два варианта семантического развития: или этнонимическое значение развивается на базе значения, связанного с обозначением определенного вида деятельности, или этнонимическое значение производно от оценочного, как правило, сниженного значения. В первом случае мотивирующим фактором для новой лексической номинации является род деятельности представителей обозначаемого этнического коллектива, во втором – оценка их поведения, образа жизни. Поскольку, в свою очередь, род деятельности в результате социального опыта также получает оценку со стороны общества и, как показывают примеры, в семантической структуре слова часто присутствуют оба соответствующих значения, постольку важным является установление иерархии производности по отношению к этнонимическому значению (в историческом плане). В пользу же того, что новое этнонимическое значение у рассматриваемых слов выступает как результат языковых контактов, говорит региональная маркированность этого значения. Во-первых, значение регистрируется именно на территории, где происходили длительные контакты представителей разных этнических коллективов и, следовательно, языков. Во-вторых, по данным лексикографических источников и специальной литературы часто такое значение не регистрируется как общеупотребительное. Указанные особенности можно проиллюстрировать на примере таких исторических значений, представляющих результат этнонимизации, как польск. (рег.) *chłop* ‘латыш’, ср. латыш. *kalps* ‘наемный сельскохозяйственный рабочий; слуга’ ← вост.-сл. **cholərъ* < псл. **cholp* (дррусск. *холопъ*); латыш. *burlaks* ‘русский; белорус’ ← русск. *бурлак*. Важно подчеркнуть, что этнонимические значения выявляются по данным лексикографических источников, имеющих отношение к Латвии.

Польск. *chłop* ‘латыш’

Значение польск. *chłop* ‘латыш’ могло быть распространено на территории бывших Инфлант Польских (*Inflanty Polski*) – части Речи Посполитой, которая территориально занимала земли юго-восточной Латвии после распада Ливонии. Польск. *chłop* имеет, согласно толковому словарю польского языка, три значения: 1. ‘drobny rolnik, najczęściej prowadzący samodzielną gospodarkę’ [мелкий земледелец, чаще всего ведущий самостоятельное хозяйство], 2. ‘dorosły mężczyzna’

[взрослый мужчина], 3. ‘mąż, narzeczony, kochanek’ [муж, любовник].[1] В известном *Словаре польского языка* (*Słownik języka polskiego*) С. Б. Линде, созданном в первой половине XIX века и отражающем лексику всей территории бывшей Речи Посполитой, зафиксировано и этнонимическое значение ‘латыш’ как филиация значения ‘rolnik poddany’ [зависимый земледелец, крестьянин]: *chłop Inflantski*, *латыш*.[2] В свою очередь, значение ‘зависимый земледелец, крестьянин’ выделяется в словаре С. Б. Линде как первое значение для слова *chłop*, как второе фиксируется значение ‘mężczyzna’ [мужчина], по отношению к которому в качестве производного значения, наделенного дополнительной коннотацией, выступает экспрессивное сниженное значение – ‘grubianin... ein grober Bauerkerl, ein Bauer, ein grober Kerl’ [грубиян... грубый крестьянский парень, крестьянин, грубый парень].[3]

Приведенные значения, кроме регионального этнонимического значения, являются историческими значениями польского существительного: польск. *chłop* ‘wieśniak’ [сельский житель] (XIV – XV вв.), ‘ribaldus, kmetho, rusticus, plebeius’, ср. также чеш. *chlap* ‘niewolnik, poddany; silny, dobrze zbudowany mężczyzna’ [раб, холоп; сильный, хорошо сложенный мужчина].[4] Сема ‘зависимый’ → ‘принадлежащий к зависимому сословию (в социальной иерархии общества)’, как и сопутствующая ей коннотация могли возникнуть в ходе дальнейшего развития этимологического значения общеславянского слова **cholpъ* > *chłop*, а также в результате «ухудшения» значения, отразившего понижение социального статуса обозначаемых данным словом людей.

По данным этимологического словаря польского языка Фр. Славского одним из вариантов этимологизирования этого слова является этимологизирование на славянской почве: слово связано с глаголом **choliti* ‘pielęgnować, ubierać, zdobić’ [лелеять, одевать, украшать], первичным значением существительного было значение ‘niedorosły chłopiec, wychowanek’ [подросток, мальчик, зависимый (от других) человек].[5] Веслав Борысь поддерживает приведенную Фр. Славским славянскую этимологию, согласно которой **cholpъ* связано с псл. **choliti* ‘otaczać, ogarniać, osłaniać’ [окружать, ограждать, защищать] → ‘pielęgnować, czyścić, pieścić’ [лелеять, чистить, ласкать].[6] Аналогично трактуются в словаре В. Борыся и этапы последующего развития этимологического значения существительного: ‘taki, którego otacza się opieką, człowiek nedorosły lub bezwłasnowołny’ [тот, кого опекают, несамостоятельный человек] > ‘człowiek znajdujący się pod

czyjąś kuratelą' [человек, находящийся под чьим-либо попечительством] > 'sługa, parobek' [слуга].[7] О формально-семантической связи с **choliti* свидетельствуют также образования с этим историческим корнем в славянских языках, отражающие развитие этимологического значения '(любимый) ребенок' → 'слуга', например: укр. *пахо́лок* 'слуга; хлопчик' < **pacholę* 'плекана дитина' [любимый ребенок].[8] Однако следует обратить внимание на то, что объяснение происхождения суффиксального элемента **-р(ъ)* в существительном является проблематичным, а также на утверждения авторов этимологических словарей: *все существующие этимологии недостоверны*[9], *brak pewnej etymologii*[10] [отсутствие надежной этимологии].

Семантика социальной зависимости, что может считаться, как видно, дальнейшим развитием этимологического значения псл. **cholpъ* > вост.-сл. **cholopъ*, зап.-сл. (польск.) **chłopъ*, лежит в основе и исторического значения латыш. *kalps* 'слуга'. Латыш. *kalps* является древнейшим славизмом (русизмом) в лексике латышского языка, который принадлежит к слою заимствований из древнерусского языка (традиционно до XIII в.), чье вхождение в латышский язык связано с контактами древних латышей, преимущественно латгалов, с древними русичами (кривичами).

В *Словаре латышского языка* К. Мюленбаха и Я. Эндзелина по отношению к слову *kalps* отмечены три значения: 1. 'der Knecht, Arbeiter' [слуга, рабочий], 2. значение выступает в выражении *dieva kalps* 'слуга бога', 3. 'der Bube im Kartenspiel' [валет в карточной игре].[11] Этот словарь отражает также словоупотребления существительного *kalps*, связанные с оттенками значения 'крестьянин, рабочий, слуга' → 'мужчина' (ср. со значениями соответствующих лексем в западнославянских языках – польск. *chłop* 'мужчина', словац. *chlap* 'мужчина', чеш. *chlap* 'мужлан'), например: *kalpa puisis* 'der Unverheiretete' [неженатый], *kalpa vīrs* 'der verheiratete Knecht' [женатый слуга].[12] В современном латышском литературном языке *kalps* имеет следующие значения: 1. 'Algots laukstrādnieks' [наемный сельскохозяйственный рабочий], ср. *kalpa ļaudis* 'laukstrādnieki' [сельскохозяйственные рабочие], 2. 'Cilvēks, kas ir atkarīgs no kāda un aktīvi darbojas tā labā par atlīdzību, arī aiz padevības, bailēm vai cita iemesla' [человек, зависимый от другого и работающий на его благо за вознаграждение, по подчинению, из страха или по другой причине], 3. 'Spēļu kārts ar jauna vīrieša attēlu' [игральная карта с изображением молодого мужчины].[13] В словаре основное прямое значение (первое) отмечено пометой латыш. *neakt.* – «неактуальное», т.е. в этом значении слово выступает

как историзм (данный том словаря составлялся в 70-е годы XX в.). Но именно значение ‘слуга, наемный сельскохозяйственный рабочий’, отраженное в лексикографических источниках латышского языка XX в., очевидно, было историческим значением латышского слова. Это значение, по сути, значение социального термина является дальнейшей модификацией того значения, которое было присуще заимствованному слову в момент заимствования, т.е. в период контактов древнелатышских племен с восточными славянами.

И в *Словаре латышского языка*[14], и в работе, посвященной акцентологии славизмов в латышском языке[15], Я. Эндзелин однозначно указывает на заимствованный характер латыш. *kalps* ‘Knecht’ и считает источником «*прарусскую*», т.е. принадлежащую восточнославянскому диалекту праславянского языка, форму **cholpъ* > русск. *холóп* ‘Leibeigener, Knecht’ [раб, слуга]. На заимствование из дрр. *холпъ* (?) ‘nebrīvs kalps, vergs’ [несвободный слуга, раб] указывается и в этимологическом словаре латышского языка.[16]

Фонетическая адаптация восточнославянской лексемы отражает закономерную субституцию слав. [x] → латыш. [k] в говорах латышского языка, ср. латыш. *klodniks* [klodńiks] ‘холодный суп’ ← польск. *chłodnik*, латыш. *kreni* [kreńi] ‘столовый хрен’ ← бел., русск. *хрен*.[17] Не совсем ясным является характер фонетического освоения восточнославянского слова, которое на период заимствования должно было иметь фонетическую форму полногласного сочетания (*холопъ*): звуковой облик латышского слова, однако, не отражает второго гласного компонента [o], ср. также приведенную выше из словаря К. Карулиса не совсем ясную древнерусскую форму *холпъ*. Здесь можно сослаться на положения А. А. Зализняка по поводу развития сочетаний типа ****tort*** в части древних говоров, легших в основу древненовгородского диалекта, отраженного в новгородских грамотах на бересте (НГБ).[18] Речь идет о говорах кривичского ареала, в котором рефлекс был *не типа* ***ToroT****, а типа* ***Tor^{o}T*** *или* ***Tor^{o}T****, где вторая гласная фонологически не тождественна первой*; ученый приводит в качестве примеров диалектные слова *балэнья*, *балынья* ‘болотистое место’ < **bolnьje*.[19]

По характеру семантической адаптации возникает вопрос о семантике древнерусского слова *холопъ* и ее отражении в семантике латышского слова. В древнерусском языке, судя по данным НГБ, в паре лексем *роба* ‘рабыня’ – *холопъ* ‘раб’ слово *холопъ* получило значение социального термина, обозначающего раба мужского пола.[20] Ср.: *Господине ѡнсиворе, роба і* ***холопо*** *твоі, дѣтѣ моі*... – НГБ № 98.[21] Другая грамота дает ясное представление о том, что *роба* – это именно

рабыня, приобретенная путем купли-продажи: *коупилъ еси робоу плъскове* ‘ты купил рабыню в Пскове’ – НГБ № 109.[22] Ср. другой пример словоупотребления существительного *холопъ* в НГБ: *крали ти братъни холопи а оу брата...* ‘крали-то братнины холопы, и у брата...’ – НГБ № 907.[23] Ср. также значение заимствованного слова латыш. *kalps* ← дрyсск. *холопъ*, отраженное в языке латышских народных песен: *Auzai liela sēnaliņa/* ***kalpam vęrga*** *dzīvošana* [Зерно овса в большом плевеле/ жизнь слуги в рабстве] – № 9723[24]; латыш. *vergs* имеет значение ‘раб’. Очевидно, в момент заимствования древнерусская лексема уже имела значение ‘несвободный человек, раб’ < ‘зависимый человек, слуга’.

Параллельно в более позднюю эпоху на территории контактирования латышского и польского языков функционирует польская лексема, выступающая главным образом в значении ‘(зависимый) крестьянин’. При этом трудно определить, в какой степени в зоне контактов выступают как семантически коррелятивные слова латыш. *kalps* и польск. *chłop*: в польско-латышском (латгальском) словаре *Lexicon Lothavicum* Яна Каригера в качестве перевода слова *chłop* выступают слова – латыш. *zemnieks* ‘крестьянин’, латыш. *arājs* ‘пахарь’: *Chlop. Zemniks. Arrais.*[25] Иезуит Ян Каригер (*Jan Kariger*), предположительно владевший латышским языком, жил как польский миссионер в первой четверти XVIII в. на территории Инфлант Польских (Латгалии). Важно отметить, что параллельное латыш. *kalps* литовское заимствование отсутствует в ряду общих древнерусских (восточнославянских) заимствований в латышском и литовском языках, относящихся к древнейшему периоду. Однако в лексике литовского языка отмечено более позднее заимствование – литов. *klãpas* ‘Bauer’ [крестьянин] ← польск. *chłop*, пример отмечен в тексте *Postilla Lietuwiszka* (1600 г.).[26] На признаки полонизма указывает как фонетика, так и семантика лит. *klãpas*.

Таким образом, этнонимическое значение *chłop* ‘латыш’ является региональным историческим значением, которое зафиксировало взаимосвязь этнической и социальной характеристик на определенной территории Латвии. Можно полагать, что эта взаимосвязь постепенно стала заметной, ощутимой, так как в словаре Я. Каригера, который был создан приблизительно на сто лет раньше словаря С. Б. Линде, этнонимическое значение для польского существительного отсутствует. Оценочное (пейоративное) значение может быть дальнейшим развитием как значения социального термина, так и этнонимического значения. В данном случае оно отражает историю

социального термина, отражает ономасиологические условия развития социальной семантики и никак не связано с этнонимическим значением. В пользу этого говорит тот факт, что указанное оценочное значение у лексем, восходящих к **cholp*, встречается и за пределами территории, где польское слово согласно словарю С. Б. Линде имеет значение ‘латыш’ (ср. аналогично ниже о значениях латыш. *burlaks* и русск. *бурлак*).

Латыш. *burlaks* ‘русский; белорус’

Латыш. *burlaks* ‘работник на стругах; грубиян; разбойник, грабитель’ ← русск. *бурлак* ‘тот, кто тянет баржи по реке, рабочий на речных судах’ является, в отличие от древнейших русизмов, заимствованием более позднего времени, распространившимся в разных значениях в латышском разговорном и диалектном языке.

Согласно *Словарю латышского языка* К. Мюленбаха и Я. Эндзелина слово *bùrlaks*, *bùrlaka* выступает как в значении ‘der Strusenzieher’ [тот, кто тянет струги], так и в значении ‘der Strassenräuber, Mörder’ [разбойник на дорогах, убийца].[27] Нетрудно заметить, что первое указанное значение связано с профессиональной деятельностью бурлаков и может квалифицироваться как основное историческое значение заимствованного слова (см. также ниже об этимологии русск. *бурлак*). Второй ряд значений, имеющих кроме денотативного содержания и оценочную, экспрессивную коннотацию, выступает как пейоративные значения латышского слова. В цитируемом словаре указано и на происхождение заимствования: источником является русск. *бурлак* и в историческом, и в экспрессивном значениях.[28] В *Словаре латышского литературного языка* латыш. *burlaks* имеет те же два ряда значений, только экспрессивное значение выступает как первое значение латышского существительного, а историческое значение как второе: 1. ‘Laupītājs, slepkava; brutāls, varmācīgs cilvēks’ [грабитель, убийца; кровожадный человек, насильник], 2. ‘Strūdzinieks, laivu vilcējs (pirmsrevolūcijas Krievijā)’ [рабочий на стругах, тот, кто тащит баржи (в дореволюционной России)].[29] В сленге латышского языка зафиксировано исключительно экспрессивное значение – *burlaks* ‘laupītājs; kauslis’ [грабитель], ср. приводимый в словаре сленга пример, зарегистрированный в 1996 г., – *neviens burlaks netiks iekšā* [ни один «бурлак» не попадет вовнутрь].[30] В памятниках исторической лексикографии латышского языка – в двуязычных латышско-немецких словарях Г. Ф. Стендера (1761 г.), К. Улманиса и

Г. Браже (1872 – 1880 гг.), в трехъязычном русско-латышско-немецком словаре, созданном под руководством Кр. Валдемарса (1872 г.), – зафиксированы как историческое значение ‘работник на стругах’, так и пейоративные значения ‘грубиян; разбойник; грабитель’.[31] Но только в Словаре Г. Ф. Стендера (*G. F. Stenders*), составленном во второй половине XVIII в., зафиксировано этнонимическое значение латыш. ***burlaks*** – ‘ein gemeiner Russe, der sich herum treibt, wie die Quernmacher, Strusenzieher’ [простой русский, который нанимается тянуть струги].[32]

Надо полагать, что такой род занятий, как бурлачество, в Балтийском регионе был тесно связан с этнической принадлежностью бурлаков. Это проявляется в существовании этнонимических значений у слов, называющих бурлаков. Кроме русских, бурлаками, по-видимому, были белорусы по национальности. Так, например, краевед и языковед Иван Желтов в статье *О русском говоре в Риге* (1874 г.), характеризуя городское просторечие Риги, упоминает слово *ягу́тка*, *jahutka*, которым обозначали белоруса, работающего на стругах; слово происходит от формы белорусского местоимения *ягo* ‘его’.[33] Это слово-название выступает как синоним слова *бурлак*, ср. данные местного русско-немецкого словаря, составленного в тот же период, что и словарик И. Желтова: *ягу́тка* ‘der Burlak, Schlepper (der Lastkähne an einem Schlepptau längs dem Ufer hinzieht)’ [бурлак, который тянет посредством бечевы баржи вдоль берега].[34] Ср. также значение коррелятивного существительного в средненижненемецком языке – официальном деловом языке Балтийского региона периода средневековья (см. ниже об этимологии русского слова); с этим связано и этнонимическое значение соответствующего слова в литовском языке: литов. *burlõkas* ‘Russian or Polish man’ [русский или поляк].[35]

Как можно судить по данным лексикографических источников латышского языка, а также по данным латышского диалектного языка, этнонимическое значение латыш. *burlaks* не было устоявшимся значением. Напротив, экспрессивная семантика этого слова представлена в говорах латышского языка повсеместно и достаточно богато. По данным картотеки говоров[36], латыш. *burlaks*, *burlaka* выступает в диалектном языке в пяти значениях (значения расположены не с точки зрения их распространенности, а с точки зрения их внутренней иерархии, отражающей предполагаемую историческую производность): 1. ‘Работник на стругах’ [латыш. *strūdzinieks*]; 2. ‘Грубый, несдержанный человек’ [латыш. *rupjš*, *kauslīgs cilvēks*], ‘хулиган’ [латыш. *huligāns*], ‘плохой человек’ [латыш. *slikts cilvēks*]; 3. ‘Грабитель’

[латыш. *laupītājs*], ‘убийца’ [латыш. *slepkava*]; 4. ‘Малоземельный, безземельный крестьянин, который отправляется на заработки’ [латыш. *mazzemnieks, bezzemnieks, kas gāja peļņā*]. Менее всего встречается примеров на историческое значение (указано первым), отражающее род деятельности бурлаков, ср. *burlaks* – ‘strūdzinieks, kas vęlk laivas, baržas pa upi pret straumi’ [рабочий на стругах, который тащит лодки, баржи по реке против течения] (пример зафиксирован в окрестностях Валмиеры (Valmiera)); *bùrlaks* – ‘strūdzinieks, slāvu tautības plostu dzinējs’ [рабочий на стругах, сплавщик плотов (славянской национальности)]: *senoàk po Vòlgu plústūs dzinuši bùrlaki* [когда-то по Волге плоты гнали бурлаки] (отмечено в Дигнае (Dignaja), на территории селонских говоров). В основном в говорах латыш. *burlaks* выступает во втором и третьем указанных значениях, т.е. как экспрессивное слово со сниженной окраской. Сами диалектоносители его часто определяют как *lamu vārds* ‘ругательное слово’. Ср. зафиксированные в различных населенных пунктах Латвии значения: ‘плохой человек; бродяга, вор’ в Алсунге (Alsunga), ‘грабитель’ в Лимбажи (Limbaži), ‘злодей, хулиган’ в Кулдиге (Kuldīga), ‘плохой человек; грабитель’ в Калнцемпьи (Kalncempji), ‘грабитель’ в Дундаге (Dundaga). В отличие от русского диалектного языка (см. ниже), латыш. *burlaks* в говорах стало синонимом таких слов, как *slepkava* ‘убийца’, *razbainieks* (устаревшее заимствование) ‘разбойник’: *senùos laĩkùos tèica bùrlaki, tìe bìja tàdi, kas làupìja ùn slępkavùoja ļàudis, nelabu cilveku arì sàuc bùrlaks* [в старые времена говорили «бурлаки», это были те, кто грабил и убивал людей, нехорошего человека тоже зовут «бурлак»], *burlaks – kas nuokauj, aplaupa, tādi, pēc pasakām, dzīvojuši mežuos savās pilīs ar dūci aiz stilbainā zābaku stilba* [бурлак – кто избивает, грабит, такие, по сказкам, жили в лесах в своих замках с кинжалом за голенищем сапога], *senoàk jòu zagļus un sla:pkavas par bùrlakìm sàuce* [когда-то воров и убийц бурлаками называли]. В латгальских говорах зафиксировано употребление в значении, развившемся на базе исторического значения, – ‘тот, кто отправляется на заработки’ (см. указанное выше четвертое значение); ср. зарегистрированное в Наутрены (Nautrēni) значение ‘kalps, kas gāja darbu meklēt uz Vidzemi, Kurzemi’ [наемный рабочий, который ходил искать работу в Видземе, Курземе], зафиксированное в Малте (Malta) выражение *jī aizbraucia burlakûs* [уехал «бурлаком», т.е. на заработки].

Следует, однако, исключить прямую взаимосвязь экспрессивной семантики латышского слова и этнической принадлежности тех, кого называли соответствующим словом. Пейоративные значения, как

было сказано выше, часто являются отражением социального опыта носителей языка. В данном случае в основе развившихся экспрессивных значений слова, называющего бурлака, безусловно, лежит восприятие образа жизни и поведения. Но многие производные значения, в том числе и пейоративные, развились у русск. *бурла́к* и за пределами зоны языковых контактов, т.е. за пределами территории латышского языка. Ср. значения в русском диалектном языке: *бурла́к* 1. ‘Крестьянин, идущий на заработки’, 2. ‘Рабочий на речных судах’, 3. ‘Рабочий-плотник, отправляющийся работать по деревням’, 4. ‘Рабочий – сплавщик леса’, 5. ‘Работник’, 6. ‘Грубый, необразованный, дерзкий человек’, 7. ‘Холостой, неженатый человек // Холостой мужчина, ведущий разгульную жизнь’, 8. ‘Бесхозный, ничего не умеющий делать человек’.[37] Ср. также укр. *бурлак* 1. ‘Бобыль, бездомный человек, работник вдали от родины’, 2. ‘Холостяк’.[38] Как видно, восточнославянское слово отразило расширение своего исторического значения, оно стало обозначать главным образом человека, занимающегося наемным трудом, как правило, далеко от своего дома. Семантика слова отражает и обобщение некоторых особенностей образа жизни таких людей – грубое поведение, необразованность, холостой образ жизни. Показательны в этом смысле приведенные шестое, седьмое и восьмое значения русск. *бурлак* в диалектном языке и контексты употребления слова в этих значениях, например: *В Синеньких народ грубый, бурлак на бурлаке; не хочешь учиться, так бурлаком ходи* (к шестому значению), *Шатается по бабам – бурлак* (к седьмому значению).[39]

Указанные производные значения, выступающие в русском диалектном языке, являются диалектными значениями, при этом экспрессивные производные значения не отражены в нормативном словаре русского языка (в отличие от лексикографических источников латышского языка, отражающих и пейоративные значения латышского существительного). Ср. толкование значения в четырехтомном *Словаре русского языка*: *бурла́к* ‘В старину: рабочий на реке, входивший в какую-либо артель, которая передвигала суда при помощи бечевы или гребли’.[40]

Как видно из сопоставления, латыш. *burlaks*, *burlaka* в говорах характеризуется некоторыми пейоративными значениями, которые не отмечены у русского диалектного слова, например, ‘грабитель’, ‘убийца’. Если предположить, что могла быть заимствована и сопутствующая экспрессивная семантика русск. *бурлак*, то трудно оценить, в какой степени на развитие дополнительных пейоративных значе-

ний латышского слова повлияло или не повлияло бытование этого слова на территории Латвии в этнонимическом значении. Другие экспрессивные значения могли самостоятельно развиться как производные на базе заимствованного экспрессивного значения.

Историческую иерархию значений помогает установить выяснение происхождения этого слова, которое в балтийских языках является славянским заимствованием, но с точки зрения этимологии не может считаться исконно славянским словом. Надо отметить, что существуют альтернативные варианты этимологизирования русск. *бурлак*, в том числе и те, в которых постулируется исконный характер слова; см., например, обзор этимологий в этимологическом словаре белорусского языка (под ред. В. Мартынова)[41], в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера[42], в этимологическом словаре украинского языка[43]. Очевидно, слово связано со снн. *bûrlach*, которое обозначало объединение людей, происходящих из одной и той же местности, в рабочие артели (нем. *Arbeitsgenossenschaften*); ср. снн. *bûr-lach* = *bûrschop*, *bûrschap* 1. 'Bürgerrecht' [гражданское право], 2. 'Gemeinde, Bauernschaft' [крестьянская община], 3. 'Amt eines Bauermeisters' [должность крестьянского старосты], 4. 'Bürgerpficht' [гражданский долг][44], снн. *lach*, *lag*, *loch* 1. 'Gesetz, Statut' [закон, статут], 2. '(gesetzmäßige) Willenserklärung' [волеизъявление (согласно закону)][45]. Первоначальным значением русск. *бурлак* как заимствованного слова являлось значение – 'men who are sent far from their home to work' [люди, посланные далеко от дома на работу].[46] Значение, связанное с конкретным родом деятельности бурлаков (см. выше), является тем основным историческим значением русского существительного, в котором слово было заимствовано в латышский язык в ходе языковых контактов.

Заключение

Рассмотренные исторические значения – польск. *chłop* 'латыш' (регионализм), латыш. *burlaks* 'русский; белорус' – отражены в лексикографических источниках (соответственно в словаре С. Б. Линде и в словаре Г. Ф. Стендера) и представляют собой результат этнонимизации в семантической эволюции, отражающей бытование указанных слов в определенных социально-исторических условиях. Семантическая эволюция обоих слов выступает как сложный, многоаспектный процесс, в характеристике которого немаловажную роль играет этимологическая реконструкция. Польск. *chłop* функциони-

рует на территории контактирования латышского и польского языков, в то время как в самом латышском языке функционирует с древнейших времен славизм латыш. *kalps* ‘слуга’ ← вост.-сл. **cholərъ* < псл. **cholp* (ср. дрруссk. *холопъ*). В свою очередь, источником латыш. *burlaks* ‘работник на стругах; грубиян; разбойник, грабитель’ является русск. *бурлак* ‘тот, кто тянет баржи по реке, рабочий на речных судах’. Этнонимическое значение является семантически производным: оно развивается на базе значения, связанного прежде всего с обозначением определенного вида деятельности. Новое этнонимическое значение у рассматриваемых слов выступает как результат языковых контактов, об этом свидетельствует региональная маркированность этого значения. Оценочное, сниженное, значение в данном случае может считаться дальнейшим развитием значения социального термина. Мотивирующим фактором является то, что род занятий, образ жизни, а также характер поведения (в случае с латыш. *burlaks*) в результате социального опыта получают оценку со стороны общества. Экспрессивные значения рассмотренных слов встречаются и за пределами территории, где распространено этнонимическое значение.

---

[1] *Słownik języka polskiego*. T. I. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2002, s. 248.

[2] Linde S. B. *Słownik języka polskiego*. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone. T. I. Lwów: W drukarni zakładu Ossolińskich, 1854 – 1861, s. 246–249.

[3] Ibid., s. 246.

[4] Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. I. Kraków: Nakładem towarzystwa miłośników języka polskiego, 1952 – 1982, s. 68.

[5] Ibid.

[6] Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005, s. 62.

[7] Ibid.

[8] *Етимологічний словник української мови*. У семи томах. Т. IV. Київ: Наукова думка, 2003, с. 321.

[9] Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Второе изд. Т. I–IV. Т. IV. Москва: Прогресс, 1986 – 1987, с. 257.

[10] Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. I. Kraków: Nakładem towarzystwa miłośników języka polskiego, 1952 – 1982, s. 68.

[11] Mīlenbahs K., Endzelīns J. *Latviešu valodas vārdnīca*. 2. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923 – 1932, 144. lpp.

[12] Turpat.

[13] *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 8 sējumos. 4. sējums. Rīga: Zinātne, 1972 – 1996, 108.–109. lpp.

[14] Mīlenbahs K., Endzelīns J. *Latviešu valodas vārdnīca*. 2. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923 – 1932, 144. lpp.

[15] Endzelīns J. *Darbu izlase*. 2. sējums. Rīga: Zinātne, 1974, 525. lpp.

[16] Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. 2 sējumos. 1. sējums. Rīga: Avots, 1992, 372. lpp.

[17] Reķēna A. *Raksti valodniecībā*. I daļa. Liepāja: Liepājas Universitātes izdevniecība "LiepPA", 2008, 231. lpp.

[18] Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры, 2004, с. 39–40.

[19] Там же.

[20] Арциховский А. В., Борковский В. И. *Новгородские грамоты на берёсте (из раскопок 1953 – 1954 гг.)*. Москва: АН СССР, 1958, с. 26.

[21] Там же, с. 25.

[22] Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры, 2004, с. 257.

[23] Там же, с. 255.

[24] Mīlenbahs K., Endzelīns J. *Latviešu valodas vārdnīca*. 2. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923 – 1932, 144. lpp.

[25] Kariger J. *Lexicon Lothavicum*. Рукопись. Библиотека Вильнюсского университета (Vilnius), шифр F1-D11, с. 11.

[26] Skardžius P. *Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen*. Kaunas: Akc. "Spindulio" B-vės Spaustuvė, 1931, S. 102.

[27] Mīlenbahs K., Endzelīns J. *Latviešu valodas vārdnīca*. 1. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923 – 1932, 354. lpp.

[28] Turpat.

[29] *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 8 sējumos. 2. sējums. Rīga: Zinātne, 1972 – 1996, 144. lpp.

[30] Bušs O., Ernstsone V. *Latviešu valodas slenga vārdnīca*. 2. izdevums. Rīga: Zvaigzne ABC, 2009, 83. lpp.

[31] Zemzare D. *Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam)*. Rīga: Latvijas Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1961, 478. lpp.

[32] Turpat.

[33] Желтов И. О русском говоре в Риге. *Rīgas vecticībnieku krājums. Materiāli vecticības vēsturē*. II laidiens. Rīga: Latvijas Vecticībnieku biedrība, 2011, 5.–43. lpp.

[34] Pawlowsky I. *Russisch-Deutsch Wörterbuch*. 3., vollständig neu bearbeitete, berichtigte und vermehrte Auflage / *Русско-немецкий словарь*. Третье, совершенно переработанное, исправленное и дополненное издание. Riga: Verlag von N. Kymmel, 1900, с. 1768.

[35] Thomas G. *Middle Low German Loanwords in Russian*. München, 1978 (Slawistische Beiträge, 123), p. 74.

[36] *LU Latviešu valodas institūta izlokšņu leksikas kartotēkas materiāli* / *Материалы картотеки диалектной лексики Института латышского языка Латвийского университета*. Rīga. (Далее примеры употребления слова в латышском диалектном языке даются по материалам указанной картотеки.)

[37] *Словарь русских народных говоров*. Выпуск 3. Ленинград: Наука, 1968, с. 291; Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956, с. 143.

[38] Грінченко Б. *Словарь української мови*. Т. 1–4. Репринтне видання, 1907 – 1908. Т. I. Київ: Видавництво «Довіра» – УНВЦ «Рідна мова», 1997, с. 113.

[39] *Словарь русских народных говоров*. Выпуск 3. Ленинград: Наука, 1968, с. 291.

[40] *Словарь русского языка в 4-х томах*. Т. I. РАН, Ин-т лингвистич. исслед. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1999. http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma112624.htm (21.04.2014).

[41] *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. I. Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1978, с. 418.

[42] Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Второе изд. Москва: Прогресс, 1986 – 1987, с. 245–246.

[43] *Етимологічний словник української мови*. У семи томах. Т. I. Київ: Наукова думка, 2003, с. 302–303.

[44] Lübben A. *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Vollendet von Christoph Walther. Reprogr. Nachdruck. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995, S. 70.

[45] Ibid., S. 195.

[46] Thomas G. *Middle Low German Loanwords in Russian*. München, 1978 (Slawistische Beiträge, 123), p. 75.

СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

бел. – белорусский
вост.-сл. – восточнославянский (прадиалект)
двн. – древневерхненемецкий
древр. – древнееврейский
дррусск. – древнерусский
дсканд. – древнескандинавский
евр.-нем. – еврейско-немецкий
зап.-сл. – западнославянский (прадиалект)
латыш. – латышский
литов. – литовский
нем. – немецкий
польск. – польский язык
пск. – псковский (диалект)
псл. – праславянский
рег. – регионализм
русск. – русский
словац. – словацкий
снн. – средненижненемецкий
стбел. – старобелорусский
укр. – украинский
чеш. – чешский

ЛИТЕРАТУРА

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005.

Bušs O., Ernstsone V. *Latviešu valodas slenga vārdnīca*. 2. izdevums. Rīga: Zvaigzne ABC, 2009.

Endzelīns J. *Darbu izlase*. 2. sējums. Rīga: Zinātne, 1974.

Kariger J. *Lexicon Lothavicum*. Рукопись. Библиотека Вильнюсского университета (Vilnius), шифр F1-D11.

Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. 2 sējumos. Rīga: Avots, 1992.

Latviešu literārās valodas vārdnīca. 8 sējumos. Rīga: Zinātne, 1972 – 1996.

Linde S. B. *Słownik języka polskiego*. Wydanie drugie, poprawne i pomnożone. T. I–VI. Lwów: W drukarni zakładu Ossolińskich, 1854 – 1861.

LU Latviešu valodas institūta izlokšņu leksikas kartotēkas materiāli / Материалы картотеки диалектной лексики Института латышского языка Латвийского университета. Rīga.

Lübben A. *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Vollendet von Christoph Walther. Reprogr. Nachdruck. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995.

Mīlenbahs K., Endzelīns J. *Latviešu valodas vārdnīca*. 1.–4. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923 – 1932.

Pawlowsky I. *Russisch-Deutsch Wörterbuch*. 3., vollständig neu bearbeitete, berichtigte und vermehrte Auflage / *Русско-немецкий словарь.* Третье, совершенно переработанное, исправленное и дополненное издание. Riga: Verlag von N. Kymmel, 1900.

Reķēna A. *Raksti valodniecībā*. I daļa. Liepāja: Liepājas Universitātes izdevn. "LiepPA", 2008.

Skardžius P. *Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen*. Kaunas: Akc. "Spindulio" B-vės Spaustuvė, 1931.

Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. T. I–V. Kraków: Nakładem towarzystwa miłośników języka polskiego, 1952 – 1982.

Słownik języka polskiego. T. I–III. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2002.

Thomas G. *Middle Low German Loanwords in Russian*. München, 1978 (Slawistische Beiträge, 123).

Zemzare D. *Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam)*. Rīga: Latvijas Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1961.

Арциховский А. В., Борковский В. И. *Новгородские грамоты на берёсте (из раскопок 1953 – 1954 гг.*). Москва: АН СССР, 1958.

Грінченко Б. *Словарь української мови*. Т. 1–4. Репринтне видання, 1907 – 1908. Київ: Видавництво «Довіра» – УНВЦ «Рідна мова», 1997.

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.

Етимологічний словник української мови. У семи томах. Т. I. Наукова думка, 1982. Т. IV. Київ: Наукова думка, 2003.

Желтов И. О русском говоре в Риге. *Rīgas vecticībnieku krājums. Materiāli vecticības vēsturē*. II laidiens. Rīga: Latvijas Vecticībnieku biedrība, 2011, 5.–43. lpp.

Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры, 2004.

Словарь русских народных говоров. Выпуск 3. Ленинград: Наука, 1968.

Словарь русского языка в 4-х томах. РАН, Ин-т лингвистич. исслед. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1999. http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma112624.htm (21.04.2014).

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Второе изд. Москва: Прогресс, 1986 – 1987.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. I. Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.

Валентина Анатольевна Закревская

ПРОЯВЛЕНИЕ ВИДА И СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ У «МЕСТОГЛАГОЛЬНЫХ» СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

Summary

Manifestation of Aspect and Ways of Verbal Action with 'Mestoglagolnykh' Words (on the Material of the Arkhangelsk Subdialects)

Arkhangelsk subdialects contain verbs with the value of any action – the so-called 'mestoglagolnyje' ('местоглагольные') or pronominal words, close to the English verb 'to do'.

Among them there is the verb 'могоделать' and its derivatives with different prefixes: 'затогодить', 'оттогодить', 'растогодить', etc. Value data verbs are manifested in the context and are explained by ordinary verbs.

On the example of these verbs it is interesting to trace the grammar category of aspect, as they regularly form aspectual pair of verbs by using a suffix. Prefixes indicate spatial values, and the values of the ways of action: temporal, quantitative and specially-effective.

This phenomenon enables to consider pronoumen not as a separate part of speech, and not as a group of words that are in compliance with different parts of speech, and as a small system of parts of speech that is parallel to the primary. This small system of parts of speech is characteristic first of all of oral speech. In this respect, dialects are a valuable source of knowledge about the structure of the oral forms of the language.

Key-words: Arkhangelsk subdialects, verbs with the value of any action, category of aspect, pronoumen

*

Введение

Слово едино в своем лексическом и грамматических значениях. Но языковеды со времен «глокой куздры» Л. В. Щербы задавались целью разграничить эти два понятия, выделить так называемые «чистые», идеальные грамматические значения. Коснулось это и категории вида. Так, М. Я. Гловинская предприняла попытку вычленить

из толкований парных по виду глаголов совершенного и несовершенного видов содержание именно видовой семантики.[1] Задача это очень сложная, поскольку грамматическое значение вида трудно представить без смыслового компонента, а он не поддается однозначной интерпретации. Даже в случае с так называемыми «местоглагольными» словами, видовая характеристика которых является целью данной статьи, мы не можем утверждать, что вид – чисто формальная категория.

Материалом исследования послужили собственные записи, сделанные во время диалектологических экспедиций в Архангельскую область, а также богатейшая картотека *Архангельского областного словаря*, хранящаяся в кабинете диалектологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

О статусе местоимений

Вопрос о статусе местоимений не имеет однозначного решения, что объясняется особенностью их семантики и, напротив, отсутствием специфических морфологических и синтаксических свойств. Отсюда местоимение рассматривают то как самостоятельную часть речи (иногда только местоимение-существительное), то как группу слов, имеющих соответствия в разных частях речи: существительных, прилагательных, числительных, наречиях, служебных словах. В данном перечне не хватает заместителя глагола. И он был найден. Это так называемый аналитический глагол *что делать*, используемый в вопросительных конструкциях и не предполагающий конкретного объектного наполнения местоимения *что*.[2] Правда, выделение такого типа «местоименных» глаголов вызывает сомнение: все-таки это сочетания слов, функционирующие, в основном, в вопросительных конструкциях. Тем не менее этот факт позволил ряду исследователей рассматривать местоимение как особую, вторую микросистему частей речи, параллельную основной.[3]

Феномен «местоглаголия» в архангельских говорах

Ю. С. Маслов считал, что в русском языке «местоглаголие» не получило развития. Однако интересно его замечание о том, что в русском просторечии в качестве заместителя глагола (или неглагольного предиката) могут выступать местоимения *того*, *не того*: *Мы его сейчас того. Ему было немного не того* (например, когда говорящий

затрудняется в выборе нужного слова). С. О. Карцевский приводил такой пример: *Ты уже растого печку?* (то есть ‘растопил’ – *того* выступает как замена корня какого-то глагола, образованного с префиксом *раз-*).[4]

Тот диалектный материал, которым мы располагаем, позволяет говорить с большей определенностью о существовании «местоглагольных» слов.[5] Так, в речи жителей Архангельской области, преимущественно Лешуконского и Мезенского районов, отмечен некий феномен в функционировании глаголов, а именно: употребление глагола *тогоделать* (также *тогодить*, *тогодлить* и подобных фонетических вариантов), образованного, по-видимому, сращением указательного местоимения *того* в форме родительного падежа и глагола *делать* и бытующего в соединении практически со всеми приставками (*вытогодить*, *дотогодить*, *истогодить*, *затогодить*, *оттогодить*, *растогодить* и т.п.).

Данный глагол и производные от него имеют, на первый взгляд, очень широкое указательное значение, распространяющееся на любое действие. О. Г. Гецова отмечает, что *названные глаголы, соответственно значению корня, обозначают действие вообще, конкретизация же его целиком связана, во-первых, со значением приставки, во-вторых, с окружающим контекстом – языковым и внеязыковым*[6]. В 8-ом и 12-ом томах *Архангельского областного словаря* (под ред. О. Г. Гецовой), где представлены глаголы с приставками *вы-* и *до-*, в соответствующих словарных статьях так и записано: *о любом действии, конкретизирующемся в речевой ситуации*[7].

Кроме бесприставочного глагола *тогоделать* (также *тогоделаться*, *тогодиться* и т.п.), существуют образования с приставками *вы-*, *до-*, *из-*, *за-*, *на-*, *о-*, *об-*, *пере-*, *при-*, *по-*, *под-*, *про-*, *рос-*, *с-*, *у-*, хотя, по замечанию О. П. Ермаковой, местоимения не располагают системой аффиксального словообразования[8]. Бесприставочные формы в архангельских говорах, наоборот, реже встречаются, чем приставочные. Приведем фактический материал, отражающий функционирование бесприставочных форм:

> *До колхоза своё тогоделала. Они яица тогоделают, выробатывают, по курам роботают. Стенул да в лотке-то его тогоделат* [‘бьет’]. *Хто много, хто мало полуцил – зацынут тогодице* [‘ругаться’]. *Ревут, што надо турнепс тогоделать, чистить. Нынче рук не тогоделают, не намнут. В окошко не видно, как молния тогоделат. Ты не тогодей там, не делай, у нас это говорят. С*

нами не тогодеют, не дружат. Я с има-то, видиш, не тогодилась [‘не общалась’], *я с тобой только. Творок накопят да ето масло ф творок спустят, штобы оно не тогоделось. Холодильник не тогодит* [‘не работает’]. *Ф ту пору много людей тогоделалось* [‘кончали жизнь самоубийством’].

Видовой потенциал «местоглаголия»

Морфологически рассматриваемые глаголы идентичны знаменательным: проявляют переходность-непереходность, возвратность-невозвратность, а с точки зрения вида обнаруживается преобладание форм совершенного вида, что вообще характерно для устной речи. В основном это приставочные глаголы, которые регулярно образуют имперфективную видовую пару с помощью суффикса *-ыва-/-ива-* (*вытогодить – вытогадивать*, *затогодлить – затогодливать*, *ростогодиться – ростогодиваться*, *утогодить – утогодливать* и.п.). Как видим, процесс имперфективации может сопровождаться чередованиями гласных и согласных в корне, что свойственно и обычным глаголам. Причем возможны и вариантные формы, создающие как бы цепочку глаголов: *притогодить – притогодивать – притогадывать – притогадивать – притогаживать*; *затогодить – затогодивать – затогадивать – затоганивать – затогодливать* и подобные.

Приведем примеры контекстного употребления видовых пар:

Стали фсех в одно место стогадивать, дак ы стогодили [‘собрали’]. *На угорышке ростогодлили одеяло и повалились. Неси там ростогодливай, розвешай* [носки]. *Ремёнку из кожи сплетем, на палку натогоделам и лупим. На копыл цяповицю натогадивают. Карбас г берегу притогодило. Шестом притогадиваем г берегу. Если нигде притогоделывать* [‘подрабатывать’] *не будешь – не проживёшь. Я только 16 рублей заработала пензию да 20 рублей притогодлили к тому.*

Приставки выражают пространственные значения, а также указывают на способ глагольного действия, то есть меняют лексическое значение глагола. Поэтому мы не рассматриваем префиксальную видовую пару как факт грамматики (здесь, скорее, словообразовательные отношения), тем более что бесприставочный глагол *тогоделать* менее употребителен в говорах.

Основные значения префиксальных глаголов

Итак, прежде всего приставки участвуют вместе с контекстом и ситуацией речи в создании пространственных (самых древних) значений:

> *На скатерть выпружат, а со скатерти на лопату ростогодеют и ф пець. Двери завешу, затогоделаю, там и жыву. На берек вытогодился да и фсё. Я грелки натоводелаю на ноги, а в одежде никогда не сыпала. О пецьку притогоделюсь и грею* [спину]. *Фсё оптогоделили, опсадили, фсё скошоно, фсё жито жжато, ф суслонах стоит, ф снопах. Дыра-то протогодена, дырой ходят.*

Как известно, глагольные префиксы могут модифицировать значение глагола, подчеркивая временную, количественную или специально результативную характеристику действия. Отсюда условно выделяют три группы способов глагольного действия: временные, количественно-временные и специально-результативные.[9] Различия между ними относительны. Тем не менее, не претендуя на исчерпывающий анализ, мы можем отметить в нашем материале временные (с оттенком количественности) и специально-результативные способы действия. Например, временные:

> *Посидели, потогоделали, поговорили, большэ фсё высказала. Нать только цяй поттогодить, поговорка така – подогреть. Протогодилась с печяли* [‘провозилась и ничего не успела сделать’]. *Валидол неможно пить, перетогодилось* [‘перестоял, испортился’]. *Перетогодилось то время* [‘прошло’].

Здесь представлены ограничительный и уменьшительный способы действия, так как речь идет об ограничении действия временными рамками и о его небольшом количестве.

Специально-результативные способы действия характеризуются обычно семантикой большей интенсивности действия, его распространением на многие объекты. Например:

> *Шэвелиця надо, годы-то не те, а то стогодлишся. Не будеш шэвелиця, ак софсем отогодиссе. Мы-то фсё удяржывали, утогодливали. Пенсионероф много ходит, они фсё оптогоделывают* [‘обирают все ягоды, вылавливают всю рыбу’]. *Мы фсе заморёны смолоду, затогодены. Навьёт, намотат, везде натогодит* [паук]. *Ты так в людях-то ростогодился* [‘разбаловался’], *не слушаш* [ребенку]. *Их налогами утогодило* [‘обременило’]. *Руки фсе притоводелила, вередила.*

Как видно из примеров, часто в контексте уже есть обычные глаголы с той же приставкой, что и «местоглагольное» слово, или содержится толкование другими словами. Иногда с помощью «местоглагольного» слова объясняют полнозначный глагол. Например: *Когда комната от сырости протогодлица, то говорят «лисет». От сырости загусет, почернеет – говорят «протогодлица»*. Подобные объяснения помогают понять смысл глагола. Чаще же значение бывает ясным из ситуации речи. Интересно в связи с этим замечание Ю. С. Маслова о том, что «местоглагольные» слова *в большей или меньшей мере связаны с наглядным показом, с жестом, с ориентацией относительно элементов той конкретной ситуации, в которой происходит общение*[10]. Любопытно, как толкуют эти глаголы сами информанты:

> *Нать сказать «очишчено», а она – вытогодила, луковица-то вытогодила, вытогодила. Колёфкой оптогоделан дом – это обит. Цё ли, бат, с кем розругалась – так цё ростогодилась – скажэш. Если софсем сломалось, ничего большэ не зделаш – скажут: фсё ростогодлилось. Потогодить, ростогодит, тогодить – чё розделать, истогодить – тожэ говорят, притогодить – приметать можно, перетогодить – тожэ склоняеця по падежам.*

Выводы

1. Наличие «местоглагольных» слов в архангельских говорах позволяет рассматривать местоимение в целом как параллельную основной малую систему частей речи.
2. «Местоглагольные» слова органично вписываются в видовую систему русского глагола, а именно:
   а) они регулярно образуют имперфективную видовую пару с помощью продуктивного суффикса *-ыва-/-ива-*;
   б) перфективы, превалирующие в говорах, выражают либо пространственные значения, либо значения различных способов действия, преимущественно временных (ограничительных) и специально-результативных (интенсивных). Данная семантика формируется префиксами в сочетании с контекстом и ситуацией речи.
3. Наша задача – определить, все ли описанные в языке типы предикатов способны замещать данные глаголы. Пока представляется, что они замещают только глаголы конкретного действия, поэтому вопрос об их статусе остается открытым. Однако это не

только языковая проблема. Поскольку, как мы отметили ранее, «местоглагольные» слова чаще встречаются в двух северных районах – Мезенском и Лешуконском – правомерно выяснить причину этого. С. А. Мызников (в устной беседе) обратил наше внимание на существование в финском языке глагола, похожего по звучанию на местоимение *того* и близкого по значению глаголу *делать*. Вероятно, ранее эту территорию заселяли финно-угорские племена, позднее переместившиеся севернее. Какое-то время они сосуществовали с новым, русским населением и оставили след в русском языке в виде «местоглагольного» слова *тогоделать*, которое вполне органично вошло в морфологическую систему русского языка, поскольку сама эта система отнюдь не исключает наличия глаголов с обобщенным, дейктическим смыслом. Можно предположить, что «местоглаголие» – факт не только диалектной, но и устной речи вообще, что требует дальнейших наблюдений.

---

[1] Гловинская М. Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: Наука, 1982.

[2] Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений. *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика*. Москва: Наука, 1989, с. 147; Панов М. В. *Позиционная морфология русского языка*. Москва: Наука, 1999, с. 173–174.

[3] Маслов Ю. С. *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа, 1975, с. 217; Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений. *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика*. Москва: Наука, 1989, с. 147–148; Яцкевич Л. Г. Структурные особенности диалектных местоимений в вологодских говорах. *Слово и текст в культурном сознании эпохи*. Сборник научных трудов. Ч. 7. Вологда: Легия, 2011, с. 274.

[4] Маслов Ю. С. *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа, 1975, с. 218.

[5] Закревская В. А. Местоглагольные слова в архангельских говорах. *Проблемы современной русской диалектологии*. Тезисы докладов международной конференции 23 – 25 марта 2004 г. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 2004, с. 50–51; Закревская В. А. Глаголы «местоименного» типа в архангельских говорах (об одном субстратном явлении как свидетельстве языковой толерантности). *Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и межконфессиональной толерантности*. Сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции 14 – 17 апреля 2009 г. в 2-х частях. Ч. 1. Санкт-Петербург: Астерион,

2009, с. 447–449; Закревская В. А. «Местоглаголие» в архангельских говорах. *Семантика и прагматика языковых единиц*. Тюмень: Титул, 2013, с. 34–37.

[6] Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика. *Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания*. Вып. VII. Москва, 1997, с. 163.

[7] *Архангельский областной словарь*. Вып. 8. Под ред. О. Г. Гецовой. Москва: Изд-во МГУ, 1993, с. 287; Вып. 12. Москва: Наука, 2004, с. 156.

[8] Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений. *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика*. Москва: Наука, 1989, с. 156.

[9] *Русская грамматика*. Том I. Москва: Наука, 1982, с. 596–604.

[10] Маслов Ю. С. *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа, 1975, с. 218.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский областной словарь. Вып. 8. Под ред. О. Г. Гецовой. Москва: Изд-во МГУ, 1993; Вып. 12. Москва: Наука, 2004.

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика. *Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания*. Вып. VII. Москва, 1997.

Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений. *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика*. Москва: Наука, 1989.

Закревская В. А. Глаголы «местоименного» типа в архангельских говорах (об одном субстратном явлении как свидетельстве языковой толерантности). *Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и межконфессиональной толерантности*. Сборник статей по материалам XI Международной научно-практической конференции 14 – 17 апреля 2009 г. в 2-х частях. Ч. 1. Санкт-Петербург, Астерион, 2009.

Закревская В. А. «Местоглаголие» в архангельских говорах. *Семантика и прагматика языковых единиц*. Тюмень: Титул, 2013.

Закревская В. А. Местоглагольные слова в архангельских говорах. *Проблемы современной русской диалектологии*. Тезисы докладов международной конференции 23 – 25 марта 2004 г. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 2004.

Маслов Ю. С. *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа, 1975.

Панов М. В. *Позиционная морфология русского языка*. Москва: Наука, 1999.

Русская грамматика. Том I. Москва: Наука, 1982.

Яцкевич Л. Г. Структурные особенности диалектных местоимений в вологодских говорах. *Слово и текст в культурном сознании эпохи*. Сборник научных трудов. Ч. 7. Вологда: Легия, 2011.

Даики Хоригути

ЛАТЫШСКАЯ ПРИСТАВКА *PA-* (И ВЫРАЖАЕМАЯ ЕЮ СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА) В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ ПРИСТАВКОЙ *ПО-*

Summary

Latvian Prefix 'pa-' (and the Subjective Evaluation Expressed by it) in Comparison with Russian Prefix 'po-'

The aim of this article is to analyze the Latvian prefix 'pa-' and the subjective evaluation expressed by it, based on the previous studies on the Russian prefix 'po-' and also the crossing point between delimitative and attenuative Aktionsarten and the subjective evaluation. Both languages differ in the nature of the verbal aspect category: unlike Russian, Latvian does not represent the verbal aspect as a grammatical category. However, they have developed the category of Aktionsart by means of prefixation and suffixation. The analysis proves that the Latvian prefix 'pa-' also expresses the subjective evaluation of the speaker to the action named by the verb through the aspectual characteristics of the action – delimitative and attenuative. The subjective evaluation is elucidated contextually, by drawing a parallel between the delimitative and attenuative 'pa-'verbs and the diminutives, and also comparing or replacing the 'pa-'verbs by their base-verbs or other prefixed verbs. Thus the 'pa-' prefixed verb is an example of the category of the subjective evaluation which is manifested among verbs.

Key-words: prefix, aspect, Aktionsart, subjective evaluation, delimitative, attenuative, diminutive

*

Введение

Целью данной статьи является контрастивный анализ латышской глагольной приставки *ра-* в сопоставлении с русским префиксом *по-*. Обе приставки на основе делимитативного и аттенуативного значений выражают субъективную оценку, которая наглядно высвечивается с учетом контекста в параллели с деминутивами, а также при замене глагола исходным или другими приставочными глаголами. Рассмотренные языковые факты взяты из баз данных газетно-пуб-

лицистических текстов: для латышских примеров – *Laikrakstu Bibliotēka* (Библиотека публицистики; http://www.news.lv) и для русских примеров – *Integrum* (http://www.integrumworld.com).

В сопоставляемых языках глагольные приставки помимо своих пространственных значений придают глаголам различные аспектуально релевантные значения. Как известно, если в русской языковой картине мира глагольное действие представлено в двух видах, что отражено в грамматической категории, то латышский язык не обладает грамматической видовой системой.

Однако оба языка имеют схожую словообразовательную систему для отражения способов действия. Способы действия, или акционсарты, выражают *модификацию значения действия, названного простым глаголом в направлении количественно-временных уточнений его протекания и специальных характеристик результативности, причем эта модификация обязательно формально выражена*[1].

Основными средствами для выражения способов действия являются префиксы, суффиксы и конфиксы (в латышском языке – циркумфиксы). В отличие от дуальной характеристики глагольного вида (*совершенный* и *несовершенный*) способы действия классифицированы более широко. Для краткого обзора на латышском материале приведено несколько примеров и выделены соответствующие словообразовательные средства:

начало	***ie**runā**ties*** (заговорить)
ограничение	***no**slavēt* (похвалить)
интенсивность	***sa**slavēt* (расхвалить), ***pa**slavēt* (немного похвалить)
продолжительность	***no**sēdēt* (просидеть), ***pa**sēdēt* (посидеть)
итеративность	*braukāt* (ездить), *tīstīt* (мотать)

В теории русского и славянского словообразования существует большое количество работ, свидетельствующих о том, что способам глагольного действия присуща оценочная функция. При этом она связана не только с объективной, но и с так называемой субъективной оценкой. Как принято считать, субъективная оценка наиболее представлена в именных производных типа *книжка*, *мальчуган*, *хорошенький*, *тяжеленный*. Однако она широко распространяется и на другие части речи, в том числе глаголы: в глагольном словообразовании она чаще всего выражается через различные способы действия.[2]

Например, большинство латышских циркумфиксов обозначает интенсивное действие, завершение которого сопровождается поло-

жительным или, на наш взгляд, чаще – отрицательным следствием. Рассмотрим латышские примеры с русским переводом: *izrunāties* (наговориться), *aizrunāties* (заговориться), *pārstrādāties* (переработаться), *nostrādāties* <изработаться>. Русский язык обладает суффиксами, которые на основе значений мгновенности, внезапности и интенсивности показывают отношение говорящего к действию: *сказануть*, *шокирнуть*. Такие глаголы стилистически окрашены: они экспрессивны и чаще употребляются в разговорной речи. Это неудивительно, потому что часть акционсартных глаголов отражает субъективное представление о времени и нередко связана с эмоциями говорящего.[3]

Приставки *ра-/по-*

У рассматриваемых приставок *ра-* и *по-* в каждом из языков есть специфические значения, которых нет в другом: у латышской приставки *ра-* подчеркнутое значение способности в сочетании с модальным глаголом *varēt* (мочь), у русской же *по-* дистрибутивное значение (*повывести*) и ингрессивное значение (*пойти*). Далее рассмотрим подробно общие значения приставок, а именно: делимитативность и аттенуативность.

Делимитативный способ действия указывает на ограниченность действия во времени. Наглядным примером является *ра-/по-*глагол, сопровождающийся временным дополнением в винительном падеже: *palasīt stundu/почитать час*. Аттенуативный способ действия выражает ослабленность, неполноту действия. Как видим, в примерах (1) и (2) для него типично употребление наречия типа *mazliet/немного*, которое дублирует семантику приставки:

(1) *Es* ***paretušēju*** *viņu fotogrāfijas:* ***mazliet*** *mīkstināju sejas vaibstus un* ***mazbiškīt*** *noņēmu platās nāsis.*
<Я **поретушировал** их фотографии: **немного** смягчил выражение лица и **немножечко** убрал широкие ноздри.>
(*Diena*: 28.10.2006.)

(2) *Если верить городским газетам, то учить в вузе будут, по обыкновению, чему-нибудь и как-нибудь: немного* ***порисуем****, чуть-чуть* ***попоем*** *и* ***потанцуем****, слегка* ***помузицируем****.*
(*Культура*: 22.06.2006)

Однако два значения могут не разграничиваться четко, если глагол не имеет показателя временного ограничения, а имеет семанти-

ческий компонент *mazliet*/*немного*, который, по мнению Й. Крекича, может обозначать и кратковременность, и аттенуативность действия. Он относит аттенуативность к побочному значению делимитативности, утверждая, что значение короткого отрезка времени может отодвигаться на задний план, и в таком случае проявится измерение определенного количества или меры действия.[4] Как видно в примере (3), при употреблении глаголов могут отсутствовать и временной, и количественный маркеры. В данном случае музыкант рассказывает, что за непродолжительное время он понемногу занимался различными видами музыкальной деятельности. Следует отметить, что в латышском языке возможно употребление *ра*-глаголов в неактуальном настоящем времени. В русском переводе уместными были бы имперфективные *по*-глаголы, однако не все глаголы допускают вторичную имперфективизацию (в первую очередь это относится к глаголам на *-ировать*), вследствие чего в настоящем времени пришлось бы выражать аттенуативность аналитически: *дирижирую*, *пою*, *играю понемногу*:

(3) *Vispār manā dzīvē sanācis tā:* ***padiriģēju, padziedu, paspēlēju*** *ērģeles.*

<Вообще в моей жизни получилось так: **подирижировал**, **попел**, **поиграл** на органе.>

(*Zemgales Ziņas*: 23.09.2010.)

Способы глагольного действия и субъективная оценка

Во многих описаниях русского (и шире – славянского) словообразования отмечается взаимосвязь между *по*-глаголами и субъективной оценкой. Ц. Перникарски на польском материале указывает на плавный переход количественной оценки действия в прагматическую. Он называет последнюю *психологической* или *аффективной*.[5] Соотношение количественной и прагматической оценок в семантике делимитативов в славянских языках рассматривает и Е. В. Петрухина.[6] Вслед за ней сопоставительный анализ русских и польских делимитативов в связи с эмоциональной и количественной оценкой проводит Я. Ставницка.[7] На примерах русскоязычных СМИ А. Мустайоки и О. Пуссинен эмпирически анализируют ряд *по*-глаголов, которые помогают референту *транспозиционно расширить и усилить когнитивную установку высказывания и эмоционально-экспрессивно актуализировать описываемые события*[8]. Ю. П. Князев сравнивает русские деминутивы с английскими конструкциями *have a sleep* (по-

спать), *have a chat* (поболтать)[9], которые обозначают *self-centered pleasure-seeking human activities* (виды человеческой деятельности, ориентированные на субъект, стремящийся к удовольствию)[10]. Называя субъективную оценку *по*-глаголов модусным значением, А. А. Караванов намекает на параллель между *по*-глаголами и деминутивами.[11]

Не представляется возможным утверждать, что это универсальное явление, но существует тенденция, при которой *все то, что в ситуации хорошо и приятно для нас, мы воспринимаем кратковременным, длящимся быстро и недолго, стремимся в своем сознании продлить, а то, что плохо и неприятно для нас, мы воспринимаем продолжительным, затяжным, стремимся в сознании сократить*[12].

В латышском словообразовании пересечение способов действия и субъективной оценки на данный момент описано недостаточно.[13] Мы находим лишь обозначение *deminutīvs* (деминутивный) в некоторых описаниях приставочных глаголов.[14] О наличии субъективной оценки свидетельствует замечание в работе о латышской культуре речи, что в определенных ситуациях нежелательными считаются *pa*-глаголы, которые обозначают длящееся действие без временного ограничителя или интенсивное действие и придают глаголу оттенок несерьезности.[15]

Предыдущие описания данных глаголов русского языка в связи с субъективной оценкой позволяют думать, что и латышские *pa*-глаголы находятся в параллели с деминутивами. По мнению голландского языковеда П. Ньивенхейса, типологически деминутивы не ограничиваются субстантивами и относятся к различным частям речи. В соответствии с его классификацией, глагольные деминутивы делятся на три типа: собственно деминутивные глаголы, употребляемые при общении с родными, глаголы, выражающие повторное или повторно-прерывистое действие, и наконец, глаголы, обозначающие *маленькое действие*.[16] Первый тип можно сравнить с таким глаголом с деминутивным суффиксом, как *stāviņāt* (стоять), образованным от *stāvēt* (стоять) и употребляемым в речи, обращенной к детям.[17] Последние два типа глагольных деминутивов, несомненно, относятся к способам действия: итеративный, а также рассматриваемые нами делимитативный и аттенуативный способы действия.

В латышском языке итеративные суффиксы стилистически маркированы, особенно суффиксы с согласными звуками *l* и *ļ* (палатализованный *l*) имеют явный пейоративный оттенок[18]: *rauduļot* (ныть). (ср. нейтральный глагол *raudāt* (плакать)). Последний тип

наиболее продуктивно реализуется по сравнению с остальными типами и выражается в основном *ра*-глаголами, которые будут описаны далее.

Анализ *ра-/по*-глаголов, выражающих субъективную оценку

Субъективная оценка у глаголов выявляется в основном контекстуально. Методологически уместным считается сравнение *ра*-глагола с нейтральным исходным глаголом или другими приставочными глаголами. По нашему мнению, употребление более чем двух глаголов с одной и той же модификационной приставкой снижает вероятность замены или устранения приставки и облегчает интерпретацию языковых фактов. Поэтому по возможности анализируются примеры, куда включены разные *ра*-глаголы. При этом для приставок *ра-/по-* характерен целый ряд приставочных глаголов. Это объясняется тем, что данные приставки присоединяются к широкому кругу глаголов, в первую очередь, к глаголам деятельности.

Субъективную оценку принято разделять на положительную и отрицательную. В примере (4) находим положительную оценку говорящего по отношению к названным действиям:

(4) *Un viņiem klubā nav garlaicīgi: gan* ***pašaudīt*** *var, gan* ***paskriet****, gan* ***pavizināties****, gan* ***pamēroties*** *spēkiem, gan kaut ko lietderīgu uzzināt.*

<Им в клубе не скучно: и **пострелять** можно, и **побегать**, и **покататься**, и **помериться** силами, и что-то полезное узнать.>

(*Rīgas Balss*: 11.09.2010.)

В примерах (5) и (6) действия направлены на ребенка. Здесь глаголы физического действия – такие, как *pamasēt* (помассировать) или *paturēt* (подержать) – выражают, действительно, умеренную интенсивность, но наряду с другими одноприставочными глаголами в них также выражается отношение к действиям и их получателю – ребенку. Обращает на себя внимание факт, что в предложениях употребляются различные деминутивы:

(5) *Pirms miedziņa,* ***palasot*** *pasaciņu,* ***paturot*** *rociņu vai* ***pamasējot*** *muguriņu, noteikti būs lielāks ieguvums, nekā pusstundu klausīties, kā bērns [..] niķojas [..].*

<Перед сном, **почитав** сказочку, **подержав** ручку или **помассировав** спинку, вы добьетесь бóльшей пользы, чем если будете полчаса слушать, как ребенок капризничает.>

(*Alūksnes Ziņas*: 05.07.2010.)

(6) *Перед сном Маша просит массажик сделать, ножки* ***погладить****, растереть,* ***помассировать*** *стопы. Иногда просит* ***почитать****, иногда – во что-нибудь* ***поиграть****.*

(*Сегодня. Киев*: 22.12.2010)

На наш взгляд, данные глаголы даже при объективном временном ограничении выражают субъективное отношение говорящего. Глагол приравнивается к деминутиву, который указывает на реальный размер предмета и обозначает действие, которое длится, по восприятию говорящего, недолго. В примере (7) *pa*-глагол можно сравнить, во-первых, с исходным глаголом *demonstrēt* (демонстрировать), который нейтрально сообщает о факте двухчасовой демонстрации, и, во-вторых, с другим приставочным глаголом *nodemonstrēt* (продемонстрировать), который функционировал бы как коррелят совершенного вида или пердуративный глагол, который обозначает длительное для говорящего действие. Замена *pa*-глагола этим глаголом позволила бы сохранить таксисное отношение, но лишила бы предложение субъективной оценки:

(7) *Piektdien importa nacbolševiki uztika Pēterbaznīcas tornī un divas stundas* ***demonstrēja****. Divas stundas* ***pademonstrējuši*** *un brangi nosaluši, padevās policijai.*

<В пятницу нацбольшевики импорта поднялись на башню церкви Петра и два часа **демонстрировали**. **Подемонстрировав** два часа и здорово замерзнув, они сдались полиции.>

(*Jaunā Avīze*: 20.11.2000.)

В примере (8) автор, критикуя сегодняшние враждебные отношения между прокурором и защитником, ностальгирует о временах, когда они, сохраняя свою позицию в суде, в нерабочей обстановке могли обсудить ошибки или достижения друг друга:

(8) *Pagātnē ir laiki, kad pēc sprieduma pasludināšanas abas puses varēja iedzert konjaciņu,* ***paironizējot*** *par otra kļūdām un* ***paslavējot*** *par veiksmēm, tādējādi faktiski bagātinot juridisko domu.*

<В прошлом были времена, когда после объявления приговора обе стороны могли выпить коньячка, **слегка иронизируя** по поводу ошибок другого и **хваля** его удачи, таким образом, фактически обогащалось юридическое мышление.>

(*Neatkarīgā Rīta Avīze*: 31.05.2012.)

Как показывает пример (9), шкала «положительный – отрицательный» трудно поддается объективной интерпретации тогда, когда говорящий иронично описывает действия или самих деятелей:

(9) *Французы, парижане, как известно, очень любят* ***помитинговать, повыступать, побунтовать, подемонстрировать.***

(*Радио Свобода*: 15.10.2008)

Отрицательная оценка в публицистике часто направлена на политических деятелей. В соседстве с глаголами наблюдаются другие языковые элементы – деминутивы, словообразовательные форманты, отдельные лексические единицы, которые также указывают на субъективную оценку. В русском примере (10) наряду с *по*-глаголом употребляется слово *писака* вместо нейтрального *писатель*. В примере (11) бросаются в глаза отдельные деминутивы. Глагол *paarestēt* <поарестовать> не допускает интерпретации ‘содержать кого-то в течение недолгого времени’, и сама семантика ‘немного’ трудно сочетается с действием. Здесь приставка просто выражает отношение автора к ситуации:

(10) *Вот мне интересно, кто все это пишет – ну вышли бы эти писаки сами на ринг и* ***повыступали*** *бы.*

(*Известия*: 02.09.2003)

(11) *[..] prokuroriem un KNABistiem derētu pieķert arī dažas citas lietiņas – kaut vai bijušo kolēģi Šabansku tā druscin* ***paarestēt.*** *Un par laikraksta "Diena" privatizācijas lietām procesiņu iešūpāt.*

<[..] прокурорам и КНАБистам [KNAB/КНАБ – транслитерация названия латвийского *Бюро по предотвращению и борьбе с коррупцией*. – Д. Х.] стоило бы прихватить и другие дельца – хотя бы бывшую коллегу Шабанску так немножко **поарестовать**. И по поводу дел приватизации газеты *Диена* процессик раскачать.>

(*Vakara Ziņu Žurnāls*: 23.07.2007.)

В примере (12) используется глагол *pabankrotēt* (побанкротиться). Выявлению субъективной оценки автора способствует сравнение с исходным глаголом в примере (13), в котором политик упоминается в нейтральном тоне:

(12) ***Pabankrotējušās*** *Auseklīša īpašnieks un tagad Saeimas deputāts Krisbergs publiski paziņoja, ka šajā Saeimā ievēlētas 100 gudrākās galvas Latvijā [..].*

<Владелец **побанкротившегося** (букв.) Аусеклитиса и ныне депутат Сейма Крисбергс публично заявил, что в этом Сейме выбрано 100 умнейших голов Латвии [..].>

(*Rīgas Balss*: 29.01.1996.;
Rīgas Balss: 05.03.1996.)

(13) *Bijušais Saeimas deputāts un par krāpšanu notiesātais* ***bankrotējušās*** *firmas "Auseklītis" vadonis Valdis Krisbergs bija viens no pirmajiem, kurš ieradās uz "Pērkoņkrusta" prāvu.*

<Бывший депутат Сейма и обвиненный в мошенничестве руководитель **обанкротившейся** фирмы *Аусеклитис* Валдис Крисбергс был одним из первых, кто явился в суд *Перконкрустса*.>

(*Vakara Avīze Vakara Žurnāls*: 21.03.2000.)

С точки зрения таксисных, то есть временных отношений между разными действиями, с целью подчеркнуть последовательность действий в примере (14) было бы возможно *pa*-глагол заменить перфективным глаголом *nopozēt* (спозировать). Однако в этом случае не передавалась бы субъективная оценка. Говорящий описывает, как президент покинул церемонию без ожидавшегося обращения к народу:

(14) *Bet viņš tikai nolika ziedus,* ***papozēja*** *žurnālistiem un aizskrēja prom.*

<Но он только положил цветы, **попозировал** журналистам и убежал.>

(*Latvijas Avīze*: 29.03.2008.)

В примере (15) встреча политиков сравнивается с болтовней. При этом здесь употребляется не стандартное обозначение *pļāpātava* (место для болтовни), образованное от глагола *pļāpāt* (болтать), а производное слово от глагола *papļāpāt* (поболтать):

(15) *[..] pie Dombrovska iet kā uz garlaicīgu papļāpatavu, kur interneta portālus valdības sēdes laikā* ***palasīt, pačatot*** *un* ***patvītot****.*

<[..] К Домбровскису [чиновники. – Д. Х.] идут как на скучную болтовню, где во время заседания правительства можно **почитать** интернет-порталы, **початиться** и **потвитить**.>

(*Neatkarīgā Rīta Avīze*: 07.04.2011.)

В русском языке присутствует двойная префиксация, или, согласно термину С. Г. Татевосова, – *множественная префиксация*[19]. Это процесс, в ходе которого к приставочному глаголу присоединяются модификационные приставки. Начальная приставка обычно лексикализована и неотделима от исходного глагола – в примере (16) приставки *воз-* и *за-*:

(16) *Депутаты попробовали* ***повозражать, позадавать*** *каверзные вопросы, но как-то не впечатлили.*

(*УралПолит.ru*: 22.10.2013)

Не исключены случаи, когда разные аспектуально релевантные значения комбинируются: *по-на-выдумать* – ‘выдумать много и постепенно’, *пере-до-записать* – ‘записать до конца и повторно’.

Хотя и в латышском языке префиксация является активным процессом, двойная префиксация применяется не так свободно, как в русском языке. Она допускается только тогда, когда начальная приставка лексикализована и исходный глагол уже вышел из обихода или употребляется редко. Так как двойная префиксация считается аномалией латышского словообразования, в *ра*-префиксации намечается особая причастность говорящего к выражению своей субъективной оценки словообразовательным путем. Однако, как видно на примере деминутивов, удаление форманта субъективной оценки не влияет на пропозицию предложения. Поэтому у глаголов, образованных путем двойной префиксации, приставка *ра*-, выражающая субъективную оценку, может быть отброшена при редактировании текста.[20]

В двойной префиксации чаще всего у начальных приставочных глаголов приставка лексикализована. В примере (17) – *piedalīties* (участвовать). (ср. *dalīties* (делиться)):

(17) *Prezidenta aparāts funktierējot, ka Ulmanis hokejskatīšanas starplaikos varētu arīdzan kādās citās valstiski svarīgās tikšanās* ***papiedalīties.***

<Президентский аппарат подумывает, что Улманис в перерыве между просмотром хоккейных матчей мог бы **поучаствовать** в каких-то других государственно важных встречах.>

(*Jaunā Avīze*: 13.04.1999.)

В корпусе немногочисленны, но зафиксированы и *ра*-глаголы, которые образованы от приставочных глаголов, где приставки модифицируют глаголы в аспектуально релевантном плане. В примере (18) по поводу проекта строения Национальной библиотеки *Замок света* политики критикуются при помощи *ра*-глагола, образованного от *uzbūvēt* (построить). (ср. *būvēt* (строить)). В примере (19) автор текста отговаривает читателей от просмотра рубрики *Мнения*, для чего используется *ра*-глалол, образованный от приставочного глагола *nodemonstrēt* (продемонстрировать). (ср. *demonstrēt* (демонстрировать)):

(18) *Un vēl atceras, kad tie puiši iedomājas par tautas sīkajiem grašiem gaismas pili* ***pauzbūvēt.***

<И еще помнят, когда эти парни придумали за мелкие гроши народа замок света **попостроить**.>

(*Jaunā Avīze*: 24.03.2000.)

(19) *Ņemot vērā to, ka "viedokļus" nekad nelasa gandrīz neviens, atļaušos mazbiškĭ tos* ***panodemonstrēt****, lai kādam nezinātājam neienāktu prātā tos lasīt arī turpmāk.*

<Учитывая то, что «мнения» почти никогда не читаются, позволю себе немножечко их **подемонстрировать** (букв. **попродемонстировать**), чтобы кому-то незнающему не пришло в голову их читать и дальше.>

(*Jaunā Avīze*: 10.11.2000.)

Выводы

Основываясь на описании русской приставки *по-* и усматривая параллель с деминутивами в формальном и содержательном плане, у латышской приставки *pa-* на основе делимитативного и аттенуативного способов действия также можно выявить субъективную оценку говорящего к названному глаголом действию, а также связанным с ним явлениям – деятелю, объекту – и к ситуации в целом. Как и деминутивы, *pa*-глаголы отражают различные эмоции говорящего. Если в русском языке приставка чаще добавляется к префиксальным образованиям, латышское словообразование ограничивает двойную префиксацию. Поэтому *pa*-глаголы, возникшие в этом процессе, характеризуются явной стилистической окрашенностью.

Соотношение количества словоупотреблений и разнообразие прагматических оценок, продемонстрированные на примере *pa*-глаголов, позволяют по-новому взглянуть на описание глагольных способов действия и категории субъективной оценки в разных частях речи в латышском языке.

---

[1] Авилова Н. С. *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: Наука, 1976, с. 266.

[2] Шейдаева С. Г. *Категория субъективной оценки в русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Автореферат. Новгород: Удмуртский государственный университет, 1998, с. 32–36; Химик В. В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования. *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование*. Москва: Московский университет, 2010, с. 380.

[3] Vajda E. *Constraints on Aspectual Pairing in the Russian Verb*. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philology. Washington: University of Washington, 1987, p. 64.

[4] Крекич Й. *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений*. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1989, с. 132.

[5] Piernikarski C. *Czasowniki z prefiksem po- w języku polskim na tle rodzajów akcji w językach słowiańskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975, s. 28–30.

[6] Петрухина Е. В. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Второе издание. Москва: URSS, 2012, с. 147–151.

[7] Stawnicka J. Delimitatywa w języku rosyjskim i polskim. *Język i rzeczywistość: rusycystyczne studia konfrontatywne*. Katowice: Uniwersytet Śląński, 2005, s. 94–98.

[8] Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки ПО в современном русском языке. *Slavica Helsingiensia* No 34. 2008, с. 273.

[9] Князев Ю. П. Сильные и слабые позиции видового противопоставления. *Труды аспектологического семинара* 4. Москва: Московский государственный университет, 2009, с. 113.

[10] Wierzbicka A. Why Can You *Have a Drink*, When You Can't **Have an Eat*? *Language* No 58 (4), 1982, p. 797.

[11] Караванов А. А. Денотативный и модусный аспекты аттенуативности. *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология. 2006, с. 107.

[12] Крекич Й. *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений*. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1989, с. 134.

[13] Horiguči D. Priedēkļi kā internacionālismu nacionalizācijas līdzekļi. *Valoda: nozīme un forma* 3. *Teorija un metodoloģija latviešu valodniecībā*. Rīga: Latvijas Universitāte, 2013, 51.–53. lpp.

[14] Bergmane A. (red.) *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*. I. *Fonētika un morfoloģija*. Rīga: PSR Latvijas PSR zinātņu akadēmija, 1959, 565. lpp.; Staltmane V. *Verbu veidi mūsdienu latviešu literārajā valodā*. Doktora disertācija. Rīga: PSR Latvijas zinātņu akadēmija, 1958, 233.–246. lpp.

[15] Freimane I. *Valodas kultūra teorētiskā skatījumā*. Rīga: Zvaigzne, 1993, 158. lpp.; Riekstiņa R. Nepareizs priedēkļa lietojums verba formās. *Latviešu valodas kultūras jautājumi* 10. Rīga: Liesma, 1974, 25.–26. lpp.

[16] Nieuwenhuis P. *Diminutives*. Ph.D. Dissertation. University of Edinburgh, 1985, pp. 70–73.

[17] Rūķe-Draviņa V. *Diminutive im Lettischen*. Lund: Håkan Ohlssons Boktryckeri, 1959.

[18] Soida E. *Vārddarināšana*. Rīga: Latvijas Universitāte, 2009, 196.–197. lpp.

[19] Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола. *Корпусные исследования по русской грамматике*. Москва: Пробел-2000, 2009, с. 92–156.

[20] Horiguchi D. Newspaper as Linguistic Material for the Study of Latvian Verbal Prefixation. *Kultur im Spiegel der Wissenschaften*. Hildesheim: Universität Hildesheim, 2014, pp. 207–217.

ЛИТЕРАТУРА

Bergmane A. (red.) *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*. I. *Fonētika un morfoloģija*. Rīga: PSR Latvijas PSR zinātņu akadēmija, 1959.

Freimane I. *Valodas kultūra teorētiskā skatījumā*. Rīga: Zvaigzne, 1993.

Horiguchi D. Newspaper as Linguistic Material for the Study of Latvian Verbal Prefixation. *Kultur im Spiegel der Wissenschaften*. Hildesheim: Universität Hildesheim, 2014, pp. 207–217.

Horiguči D. Priedēkļi kā internacionālismu nacionalizācijas līdzekļi. *Valoda: nozīme un forma* 3. *Teorija un metodoloģija latviešu valodniecībā*. Rīga: Latvijas Universitāte, 2013, 45.–56. lpp.

Nieuwenhuis P. *Diminutives*. Ph.D. Dissertation. Edinburgh: University of Edinburgh, 1985.

Piernikarski C. *Czasowniki z prefiksem po- w języku polskim na tle rodzajów akcji w językach słowiańskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975.

Riekstiņa R. Nepareizs priedēkļa lietojums verba formās. *Latviešu valodas kultūras jautājumi* 10. Rīga: Liesma, 1974, 22.–26. lpp.

Rūķe-Draviņa V. *Diminutive im Lettischen*. Lund: Håkan Ohlssons Boktryckeri, 1959.

Soida E. *Vārddarināšana*. Rīga: Latvijas Universitāte, 2009.

Staltmane V. *Verbu veidi mūsdienu latviešu literārajā valodā*. Doktora disertācija. Rīga: PSR Latvijas zinātņu akadēmija, 1958.

Stawnicka J. Delimitatywa w języku rosyjskim i polskim. *Język i rzeczywistość: rusycystyczne studia konfrontatywne*. Katowice: Uniwersytet Śląński, 2005, s. 89–101.

Vajda E. *Constraints on Aspectual Pairing in the Russian Verb*. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philology. Washington: University of Washington, 1987.

Wierzbicka A. Why Can You *Have a Drink*, When You Can't **Have an Eat*? *Language* No 58 (4), 1982, pp. 753–799.

Авилова Н. С. *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: Наука, 1976.

Караванов А. А. Денотативный и модусный аспекты аттенуативности. *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология. 2006, с. 104–111.

Князев Ю. П. Сильные и слабые позиции видового противопоставления. *Труды аспектологического семинара* 4. Москва: Московский государственный университет, 2009, с. 108–118.

Крекич Й. *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений*. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1989.

Мустайоки А., Пуссинен О. Об экспансии глагольной приставки ПО в современном русском языке. *Slavica Helsingiensia* No 34. 2008, с. 247–275.

Петрухина Е. В. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Второе издание. Москва: URSS, 2012.

Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола. *Корпусные исследования по русской грамматике*. Москва: Пробел-2000, 2009, с. 92–156.

Химик В. В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования. *Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование*. Москва: Московский государственный университет, 2010, с. 376–389.

Шейдаева С. Г. *Категория субъективной оценки в русском языке*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Автореферат. Новгород: Удмуртский государственный университет, 1998.

Марина Юрьевна Беляева

ПРИЧАСТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ УКРАИНСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ-СЛИЯНИЯ

Summary

Participles in the Russian Language and their Ukrainian Equivalents Expressed by Concretions

The purpose of the author in the present article is to assess the correspondence between participles in the Russian language and their equivalents in Ukrainian expressed by concretions. The research setting makes use of the translation dictionary by S. Karavansky.

The major attention in this work is devoted to the structural analysis of Ukrainian derivations. In accordance with a number of immediate constituents and their grammatical characteristics the words used as the base for concretions were divided into several groups. The most productive of them is the following: Verb in Imperative mood plus Noun in Accusative Case > Noun (‘голи борода’, ‘крути хвіст’, ‘бори вітер’) – 36.14 %. A less productive model consists of Negative Particle plus Adjective/Participles > Adjective – 21.69 %. The third place is occupied by Steady Combinations (syntactic groups with terminology meanings): Participles + Noun > Noun + Noun – 25 %.

The semantic aspect is also regarded in the present research. The most productive model spreads to the words with exceptionally intense emotion coloration. An inequality in expressing the same meanings depends upon differences perceptible even between closely related languages.

Key-words: participles, concretion, lexico-syntactic method of word-formation, the Ukrainian language

*

Введение

Целью настоящего исследования является обнаружение лексико-семантических аналогов русским причастным формам среди украинских слитных слов – результатов применения лексико-синтаксического способа словопроизводства (сращения, слияния). Сопоставительной мишенью в рамках исследования являются модели словопроизводства слияний в близкородственных языках. В задачи

исследования входит выявление типичных/нетипичных моделей образования украинских слияний – эквивалентов русским причастиям.

Источником языкового материала послужил труд С. Караваньского *Російско-український словник складної лексики*, содержащий около 40 тысяч переводов русских слов, грамматических форм и фразеологизмов.[1] Двухстраничная *Передмова для другого видання* (из американского Дентона), с ее резкой критикой *імперії* и *дружби народів*, призывами к независимости украинских лексикографов от *соловецької традиції*[2], отражает идеологию лиц, инициировавших недавний запрет русского языка в Украине в целом и Львове в частности. Однако обретенная составителем словаря «незалежність» не избавила его труд от серьезных недочетов, в т.ч. в подборе заглавных слов русского языка (*набушлатиться*, *куролесица*, *конюшенька*, *ловчайший* и др.). Термин *складний*, вынесенный в паратекст словаря-новодела, не охватывает полностью ни вокабул русского языка, ни их украинских аналогов.

С учетом вышесказанного положительную сторону прокладывания дороги *від малоросів до українців* филологу можно усмотреть в том, что впервые в украинской лексикографии предлагаются переводы причастных форм, *від кожного наведеного в реєстрі дієслова*[3]. Для решения задач нашего исследования из корпуса словаря (с А по Н включительно) были выбраны переводы на украинский язык русских причастий при помощи тех слияний, чей статус был подтвержден графически – слитным или дефисным написанием. Дефисную запись, уравнивающую в правах слова по обе стороны дефиса, рассматривают как частный случай слитной записи слов, т.е. идеограмму-классификатор, как исчезновение разницы между существительным и прилагательным, определяемым и определяющим. Последнее родственно пониманию частей речи в некоторых европейских языках в зависимости от синтаксической роли звуко-буквенных последовательностей в структуре фразы.[4]

Сущность трактовки понятия «слияние» совпадает с пониманием его как неморфемного способа словопроизводства на базе нескольких подоснов без изменения компонентов[5], за исключением отнесения к слияниям образований от служебных слов со знаменательными, чаще всего с отрицательной частицей *не*: *не далёкий – недалёкий*, *не удача – неудача*, *не важно – неважно* и проч. (в смешанном варианте – к слияниям с суффиксацией). Производящими для слияний могут выступать не только знаменательные, но и служебные слова, напр.,

частицы, получающие в морфемной структуре новых слов статус префиксов (*не живой – неживой*, *не пряха – непряха*). Данная точка зрения на роль служебных слов в словопроизводственном процессе восходит еще к концепции А. А. Шахматова и приводится в ряде научных трудов.[6]

Методика обнаружения лексико-синтаксических аналогов русским причастным формам в фонде украинских слияний предполагает учет грамматической специфики этнических языков. В качестве начальной информации предлагается следующая:

1. Причастные формы в русском языке не создаются способом слияния.
2. Будучи формами глагола, причастия не могут выступать в функции вокабул словаря.
3. В украинском языке действительные причастия настоящего времени с суф. *-ущ- // -ющ-*, *-ащ- // -ящ-* образуются не от всех глаголов, редко употребляются, при переводе на русский язык заменяются придаточными предложениями: *движущаяся колонна – колона, що* (*яка*) *рухається*[7].

Модели слияний

Лексикографические описания украинских аналогов русским причастиям в словаре (а) могут совпадать или не совпадать с синтаксическими шаблонами (б), включающими производящие (в) для полученных слияний (г). Напр.: рус. *дарованный Богом* (а) – укр. [*Богом даний*] (б) – укр. *Богом даний* (в) – укр. *богомданий* (г); рус. *гибнущий* – укр. *от-от* [*будэ мэртвий*] – укр. *от-от мэртвий* – укр. *от-от-мэртвий*. Ономасиологические шаблоны представляют собой модели содержаний, которые сложились в словопроизводственной практике языка, в то время как синтаксические шаблоны суть переработанные синтаксические описания, предшествующие выбору непосредственных производящих. Некоторые компоненты цепочек далее в тексте статьи не приводятся из соображений экономии места.

Эквивалентные русским причастиям, извлеченные из статей словаря с вокабулами-глаголами украинские сращения группировались с учетом структуры и частеречной принадлежности их производящего(-их).

I. Слияния по модели Не + прил./прич. > прилаг. (36 ед.). ***Образец***: *не значний > незначний*.

Реализации модели соответствуют синтаксические описания русского языка:

а) прич.: *бездействующий – не активний*, *не зайнятий*; *беснующийся – не самовитий*; *болтающийся – не закріплений*, *не твердий*; *ладящий – не сварливий*; *меняющийся – не стійкий*, *не сталий* и др. (30 ед.);

б) прич. + сущ. Р. // В. п.: *выражающий неудовольствие – не задоволений*; *лезущий в голову – не відступний*; *лишенный сил и средств – не спроможений* (3 ед.);

в) не + прич. + сущ./мест. Р. // В. п.: *ничего не говорящий – не значний/не значущий* и др. (3 ед.).

Единичны: не + мест.-прил.: *не таковий – нетаковий*; прич. + наречие: *длящийся бесконечно – не скінченний*; *идущий не к делу – не слушний*.

Причастия рассматривались также с позиций наличия // отсутствия предшествовавших им синтаксических описаний (ономасиологических шаблонов). Соотношение синтаксических шаблонов с зависимыми именами существительными и без оных представлено в данной группе как 8: 30.

II. Слияния по модели Глаг. пов. накл. + сущ. И./В.п. > сущ. (60 ед.). ***Образец***: *заверни голову – заверни-голова*.

Реализации модели соответствуют синтаксические описания русского языка с главным словом-причастием и зависящим от него существительным:

а) прич. +/- (в, на) + сущ. В. п.: *бреющий бороды – голи борода*; *глотающий шпаги – лигай шворень*; *завораживающий душу – заворожи душа*; *замазывающий глаза – забий баки*; *мотающий нервы – мотай нерви*; *мыкающий горе – тягни біда*; *вводящий в заблуждение – заверни голова*; *венчающий на царство – вінчай на царство*; расширение модели: *ведущий скитальческую жизнь – обходи світ*;

б) прич. + сущ. Р. п.: *ищущий приключений – знайди біда*; *лишающий разума – позбав тяма*;

в) прич. + сущ. Д. п.: *верующий Богу – моли бога*;

г) прич. +/- (с) + сущ. Т. п.: *зацепляющий ногою – чепи нога*; *крути хвостом – крути хвіст*; *борющийся с ветром – бори вітер*; *играющий с огнем – знайди біда*.

Синтаксическое описание может состоять из причастия без зависимых слов: *выманивающий – дури світ*; *важничающий – задри ніс*; *вытворяющий – пали вода*; *дерзающий – одчай душа*; *егозящий – вер-*

ти хвіст; *завершающий – верши гора*; *интригующий – интригуй душу*; *крохоборствующий – загни біда*; *кочующие – перекоти поле*; *колесящий – обходи світ*; *кормящий – корми люд*; *куролесящий – урви голова*, *пали вода* и мн. др.; расширение модели: *запивающий – не минай корчма*; *душераздирающий – роздери-душу-крик*; *ждущий у моря погоды – чекай-з-моря-погоді*.

Соотношение шаблонов глаголов с зависимыми именами существительными и без оных составляет 28: 32.

Особенности грамматических форм производящих женского рода (*біда*, *борода*, *вода*, *душа*, *голова*, *гора*, *копійка* (*збивай копійка*), *корчма*, *краса* (*загуби-краса*), *нога*, реже – мужского рода – *хвіст* (*крутихвіст*)) свидетельствуют не о чистом сращении, но о сращении с нулевой аффиксацией (суффиксацией): управляемые существительные имеют форму В. п., характерную в русском языке для обозначения неодушевленных существительных. Формы отдельных компонентов сращений соответствуют современным падежным формам: *выматывающий душу – выйми душу*; *вытягивающий душу – тягни душу*.

III. Слияния по модели Нар. + прич./прилаг. > прилаг. (15 ед.). ***Образец***: *часто зминний – часто зминний > частозминний*.

Синтаксические описания реализуется в примерах: *красующийся – велико пишний*, *гордо пишний*; *волнующий – гостро цікавий*; *выздоравливающий – мало хворий*; *дико несущийся – шалено плиний*; *закисающий – мало кислий*; *констатирующий – твердо свідчий*; *ликующий – бучно веселий*; *медленно гниющий – тихо гнилий*; *мыслящий иначе – різно мыслящий*; *нагоняющий скуку – мало цікавий*; *нарастающий – прудко рослий*; *неоднократно меняющийся – часто змінний*.

В модели Нареч. + прил. в 10 случаях из 15 синтаксическое описание русского языка содержит зависимые слова.

IV. Слияния по модели Звукоподражание + звукоподражание > звукоподражание (6 ед.). ***Образец***: *калякающий – бали, бали*.

Соответствия русским причастиям выявляются в сопоставлении: *защелкивающийся – клац, клац*; *калякающий – бали, бали*; *галу, балу*; *кашляющий – кахи, кахи* и др. Все синтаксические шаблоны русских причастий не имеют зависимых слов.

V. Слияния по модели Глагол ультрамгновенного вида + глагол ультрамгновенного вида > глагол ультрамгновенного вида (8 ед.). ***Образец:*** *махающий – мах, мах*; *влачащийся – диб диб*; *дибуль, дибуль*; *дры-*

гающий – дрыг, дрыг; *мниха*; *вспархивающий – пурх, пурх*; распространение модели: *бросающийся из стороны в сторону – тик сюди, мик туди*; *сюди мик, туди мик*. 6 из 8 ед. соответствуют синтаксическим шаблонам без зависимых слов.[8]

В группах IV, V преобладают сращения, полученные путем полного повтора производящих (*кромсающий – чик, чик*) (9 ед.); реже – частичного (*кромсающий – мих, мах*) (5 ед.).

VI. Слияния по малопродуктивным моделям (16 ед.):

а) прилаг. + прилаг. суб. оценки: *избитый – співаний, переспіваний*; *дивний, предивний*;
б) прилаг. + прилаг. (парные): *миндальничающий – добренький*, *солоденький*;
в) кратк. прилаг. + не + кратк. прилаг.: *рад, не рад*;
г) нареч. + прилаг. Т. п.: *гідким гідкий*; *дивним дивний*;
д) частица + частица + прил.: *гибнущий – от-от мертвий*;
е) сущ. + сущ.: *выматывающий душу – нудьга чоловик*;
ж) не + сущ.: *не базіка*, *не пащекун*;
з) нареч. + нареч.: *лавирующий – скоком, боком*; *перекатывающийся – клубком, клубком*.

Расширение модели происходит за счет употребления производящих-фразеологизмов: прилагательное (прил. + союз как + сущ. И. п.): *безмолвствующий – німий-як-сфінкс*; *як найповніший*; *як найдогадний*; *як з неба впалий*; (предлог + сущ. + глаг.): *возвышающийся – в-небо-кличний*.

VII. Терминологические фразеологизированные словосочетания, прич. + сущ. > сущ. + сущ. (25 ед.). ***Образец***: *ныряющий буй – буй-нурець*: *балансирующая вага*, *балансирующий рычаг*, *бастующий пилот*, *благоденствующий крез*, *блуждающий огонь*, *ведущее колесо*, *возвращающая пружина*, *гниющие водоросли*, *конкурирующая фирма*, *летающая лодка*, *мешающий сигнал* и др.

Данные о количестве образований по моделям сращений представлены в таблице (за 100% принято общее количество сращений – 166 ед.):

№ п/п	Модель	Кол-во (ед.)	Кол-во (%)
1	**2**	**3**	**4**
1.	Глаг. пов. накл. + сущ. И./В. п. > сущ.	60	36,14
2.	Не + прилаг./прич. > прилаг.	36	21,69
3.	Нареч. + прич./прилаг. > прил.	15	9,00

1	2	3	4
4.	Звукоподражание / + звукоподражание > звукоподражание	6	3,61
5.	Глагол ультрамгновенного вида + глагол ультрамгновенного вида > глагол ультрамгновенного вида	8	4,82
6.	Малопродуктивные модели	6	9,36
7.	Терминологические словосочетания: прич. + сущ. > сущ. + сущ.	25	15,06
Итого:		166	100

Итак, наибольшее количество слияний украинского языка создано по модели Глаг. пов. накл. + сущ. И/В. п. > сущ. (36,14 %), далее по мере убывания располагаются результаты использования модели Не + прилаг./прич. > прилаг. (21,69%) и терминологические словосочетания от Прич. + сущ. > сущ. + сущ. (15,06%). Примечателен разброс морфологических признаков украинских аналогов русским причастиям: от имени существительного (в т.ч. с сущ. – приложением) и прилагательного до глагола и звукоподражания. Согласно выводам С. М. Еникеевой о словопроизводстве английского языка, *в результаті інтеграції словосполучень та речень утворюються цільнооформлені полікомпонентні лексичні одиниці, які за своїми лексичними та граматичними ознаками відповідають прикметникам та іменникам*[9].

Как видим, в украинском языке возможны и другие частеречные аналоги причастиям близкородственного языка.

Словообразование от неадъективных частей речи (глагол, частица) вынуждает обращаться к арсеналу морфологического способа – аффиксации (суффиксации), что усложняет морфемную структуру дериватов. С использованием слияния и аффиксации образованы: *блуждающие – тут-і-тами* (нареч. + союз + нареч.); *наступающий – от-от-отний* (повтор частицы + суф.); *молящийся – отченашник*; *взятый откуда ни возьмись – бозна-звідкишній* и нек. др. слияния.

Присутствие зависимых слов в лексикографическом описании наблюдается в моделях I и III, производящие внутри которых связаны подчинительной связью. В модели Нареч. + прил. в 10 случаях из 15 лексикографические описания русского языка содержат зависимые слова. Примерно поровну распределены описания глаголов с зависимыми именами существительными и без оных (28: 32). При слиянии *не* с причастиями количество описаний без зависимых имен существительных в 5 раз превышает их же, но с зависимыми словами;

аналогичную ситуацию наблюдаем со звукоподражаниями и глаголами ультрамгновенного вида.

Связь словообразования с фраземообразованием

Результаты формального, структурного анализа дают основания рассматривать функционирование моделей слияний (даже если не признавать слияния с частицей *не* разновидностью лексико-синтаксического способа) в тесной связи с фраземообразованием.

Исследования целого ряда ученых (А. А. Потебня, А. М. Бабкин, Б. А. Ларин, В. Л. Архангельский, А. И. Фёдоров, В. П. Жуков, Л. И. Ройзензон, В. М. Мокиенко, Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, В. Н. Телия, Н. Ф. Алефиренко, Д. И. Добровольский, М. М. Копыленко, З. Д. Попова, Harry Walter, Wojciech Chlebda, Željka Fink, Стефка Георгиева, Wolfgang Fleischer и их продолжателей[10]) позволили выявить основные проблемы природы и сущности фраземообразования, обусловили понимание онтологических свойств фраземы *как знака косвенно-производной номинации*[11]. Находят возможным выделение и такой разновидности логической мотивационной модели, как логико-фразеологическая, детерминируемая фразеологической рефлексией (*подкаблучник*, *капельные близнецы*).[12] Часть украинских слияний из нашего материала представляет собой фразеологические единицы (*выздоравливающий – вже-на-ногах*; *безмолвствующий – німий-як-сфінкс*; *нашумевший факт – тертий-на-язиках*; *наступающий внезапно – як з неба впалий*).

К области фразеологии, с нашей точки зрения, относятся такие примеры, как *благоденствующий крез*, *німий-як-сфінкс*, содержащие знания об исторических фактах и датах, об именах, вошедших в историю и память народа, о его верованиях (*блуждающий огонь – блукай-вогонь*).

Немоделируемость, по мнению исследователей, принадлежит к характерным чертам фраземообразования.[13] Окказиональные модели образования избираются, чтобы материализовать в морфемной структуре дериватов зависимые слова из производящего словосочетания: *безмолвствующий – німий-як-сфінкс* [как статуя, сфинкс]; *возвышающийся* [до неба] – *в-небо-кличний*; *наступающий* [прямо сейчас, вот-вот] – *от-от-отний*. В качестве производящих используются формы с редупликацией (*от-от-отний*, *от-от-мертвий*), синонимы (*добренький-солоденький*).

Базой для образования фразеологических концептов служат такие явления реальной действительности, которые становятся объектами оценочно-образного отражения действительности в языковом сознании говорящих. В нашем материале семантика вращается вокруг целого ряда *фасет* (оптимальных для выделения интерпретант дискурсивного поля, внутри которого рождается и с которым сохраняет свою генетическую связь фразема, преобразующая соответствующее семиотическое содержание объекта культуры в семантику фраземы).[14] Среди них отметим такие фасеты, как:

– *душа народа* (знания о жизненных установках народа и его ментальности, знания образа жизни народа, правил социального поведения);
– *мифология // верования*;
– *нравственные ценности* (знания о правосознании, морали, об отношении людей к свободе и собственности и т.п.);
– *исторические события*;
– *обычаи* (знания традиционных правил поведения в определенных ситуациях, знания о традиционном порядке совершения каких-либо общественных действий);
– *труд* (знания о современных профессиях и древних ремеслах).

Большая часть фразеологизированных наименований лиц в украинском языке, соответствующих русским причастиям, образована по модели Глаг. пов. накл. + сущ. И. п. > сущ. С позиций выражаемой семантики, лица дифференцируются:

а) по действиям: *блуждающие – тут-и-тами*; *колесящий – обходисвіт*; *кочующие – перекотиполе*;
б) по внутренним качествам: *важничающий – задриніс*; *возвышающийся – в-небо-кличний*; *дерзающий – одчай-душа*; *егозящий – вертихвіст*; *миндальничающий – добренький-солоденький*; *мямлящий – штриха-мниха*; *крохоборствующий – загнибіда*; *лавирующий – крутихвіст*, *скоком-боком*;
в) как создающие временные состояния: *запутывающий – заверниголова*; *интригующий – интригуй-душу*; *молящийся – молибога*; *нарастающий – прудкорослий*; *завершающий – вершигора*; *запивающий – не-минай-корчма*;
г) испытывающие временные состояния: *гибнущий – от-от-мертвий*; *ликующий – бучно-веселий*.

На архаический, фольклорный характер подобных единиц указывают и стилистические пометы словаря С. Караваньского, подтверждая мысль Ю. Н. Караулова о том, что национальное всегда

диахронно. Б. О. Унбегаун считал, что некоторые слияния данной группы не имеют смысла, в особенности в фамилиях, где *являются* свидетельством *неповторимого украинского юмора*.[15] Они содержат элемент языковой игры, стихии карнавала. Элемент молодечества превращает абсурдность в образность, гиперболичность: *поверни гору*, *подопри гору*, *коли дуб*. Чтобы отделиться от чужих, переворачивают с ног на голову правила, нормы общения: *не делись с другими* (*жили борщ, не дай каши, не бери кутьи*), ищи беды на свою голову (*куй беду*). Конгломеративы-производящие выражают, на наш взгляд, значение заведомой бесполезности предлагаемых действий: *вертеть порох* (‘пыль’), *палить воду* (‘жечь’). (ср.: *стрелять в молоко* ‘промазать’). Считаем, что здесь имеет место переносное употребление наклонений: форма императива используется в значении условного, – своего рода палиндром предупредительного наклонения, оптатив.[16]

Оторванность содержания слияний от семантики корня превращает их в наиболее самобытные единицы украинского языка, которые, подобно фразеологизмам, служат *постоянным напоминанием о прошлом народа, связавшего с ним свои мысли и представления о называемых предметах и явлениях*[17].

Не приходится удивляться количеству составных терминов, удельный вес которых значителен во всех сферах терминологии. Попрежнему остро стоит вопрос о природе двухкомпонентных терминов, то включающихся в состав фразеологической системы языка, то выводящихся за ее пределы.[18] Основанием для первого считают наличие основных признаков фразеологии.[19] К терминам в функции названия явно относится большинство примеров VII группы (*ведущее колесо*, *возвращающая пружина* и др.). К области фразеологии, как было сказано выше, принадлежат такие устаревшие сочетания, как *благоденствующий крез*, *блуждающий огонь*.

Выводы

Сравнение эквивалентности двух близкородственных языков – украинского и русского – входит в задачи сопоставительного словообразования и лексикологии.

Изучение конкретики передачи русских причастий посредством слияний украинского языка позволяет сделать выводы о механизмах регуляции количества и частеречной принадлежности производящих в рамках лексико-синтаксического способа, а также о семантических закономерностях процесса словопроизводства.

С учетом вышеуказанных формальных признаков эквивалентные русским причастиям украинские слияния были распределены нами по 7 основным моделям. Результаты квантитативного анализа данных представлены в таблице. Наибольшее количество слияний украинского языка создано по модели Глаг. пов. накл. + сущ. И/В. п. > сущ. (36,14 %), далее по мере убывания располагаются результаты использования модели Не + прилаг./прич. > прилаг. (21,69 %) и терминологические словосочетания от Прич. + сущ. > сущ. + сущ. (15,06 %).

Жесткость ограничения количества производящих компенсируется вовлечением в процесс словопроизводства самых различных частей речи – от прилагательных и глаголов до звукоподражаний и частиц. Словообразование от неадъективных частей речи (глагол, частица) и фразеологизмов вынуждает обращаться к смешанным способам и разновидностям словообразования (в частности, слиянию с суффиксацией).

Присутствие зависимых слов в лексикографическом описании наблюдается в моделях I и III, производящие внутри которых связаны подчинительной связью.

Взаимообусловленность значения слова и формы его выражения проявляется, с одной стороны, в использовании фразеологизмов и терминологических словосочетаний в качестве производящих, с другой – в формировании фразеологического значения у архаичных моделей и отдельных образований. Большая часть фразеологизированных наименований лиц, соответствующих русским причастиям, в украинском языке характеризует субъектов по внутренним качествам, временным состояниям.

---

[1] Караваньский С. *Російско-український словник складної лексики*. Львів, 2006.

[2] Там же, III.

[3] Там же, II.

[4] Квеселевич Д. И. *Интеграция словосочетания в современном английском языке*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Житомир, 1985; Єнікєєва С. М. *Ад'єктивація та субстантивація синтаксичних одиниць у сучасній англійській мові*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Запоріжжя, 2005; Ковынева И. А. *Голофразис как способ словообразования в русском языке*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Орел, 2007; Корытова О. М. Лексикализация словосочетаний или сращение? *Языковой дискурс в социальной практике*. Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь, 2007, с. 167–172; Корытова О. М. Лексико-синтаксический способ словообразования как

преобразование синтаксической конструкции в слово. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. Сб. науч. тр. Вып. 5. Тверь, 2007, с. 143–151.

[5] Торопцев И. С. *Словопроизводственная модель*. Воронеж, 1980; Улуханов И. С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы. *Вопросы языкознания* № 1, 1984, с. 44–55; Улуханов И. С. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва, 1996.

[6] В. Н. Немченко квалифицирует существительные типа Причерноморье как *отпредложно-суффиксальные*, в отличие от традиционных *предложно-суффиксальных*: Немченко В. Н. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва, 1984, с. 255; И. С. Улуханов – как сращения с суффиксами (*отсебятина*): Улуханов И. С. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва, 1996, с. 110. См. также: Габинская О. А. *Слияние как способ образования слов в современном русском языке*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Орел, 1970; Габинская О. А. Общая характеристика производящей базы слияния и производных слитных слов. *Проблемы ономасиологии*. Т. 21 (114). Орел, 1974, с. 129–146; Малеева М. С. Ономасиологическая характеристика словообразовательных контекстов (на материале окказиональных слов). *Закономерности словопроизводственного процесса в ономасиологическом аспекте*. Науч. тр. Курск. гос. пед. ин-та. Т. 205. Курск, 1980, с. 25–40; Корытова О. М. *Когнитивное пространство словосращений (на материале русского и английского языков)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 2008, с. 16 и др.

[7] Терлак З. М. *Украинский язык для начинающих*. Львов, 1990, с. 158.

[8] Єнікєєва С. М. *Ад'єктивація та субстантивація синтаксичних одиниць у сучасній англійській мові*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Запоріжжя, 2005.

[9] Кроме вышеупомянутого термина *глагол ультрамгновенного вида* (В. В. Виноградов, А. Н. Тихонов, Н. М. Шанский) встречаются также: *глагольные частицы* (звукоподражательные) (В. А. Богородицкий), *глагольные междометия* (А. А. Шахматов), *междометные глаголы* (С. О. Карцевский), *глаголы мгновенно-производного действия* (А. Н. Гвоздев), *глагольно-междометные формы* (И. Н. Кручинина), «*усеченные*» глаголы (А. М. Ломов).

[10] Золотых Л. Г. *Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка)*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Белгород, 2008, с. 3.

[11] Там же, с. 4.

[12] Сидорова Т. А. *Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты)*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2007.

[13] Ермакова Е. Н. *Фразео- и словообразование в сфере фразеологии*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Тюмень, 2008.

[14] Золотых Л. Г. *Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка)*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Белгород, 2008, с. 22–23.

[15] Унбегаун Б. О. *Русские фамилии*. Москва, 1989, с. 243.

[16] Беляева М. Ю. *Фамилии западных районов Кубани: морфодеривационный аспект*. Монография. Ставрополь, 2008, с. 43–45.

[17] Манакин В. Н. *Сопоставительная лексикология*. Киев, 2004, с. 240.

[18] См. неоднозначный подход к решению проблемы В. В. Виноградова: Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва, 1947, с. 22.

[19] Прохорова В. Н. *Русская терминология (лексико-семантическое образование)*. Москва, 1996, с. 60.

ЛИТЕРАТУРА

Беляева М. Ю. *Фамилии западных районов Кубани: морфодеривационный аспект*. Монография. Ставрополь, 2008.

Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва, 1947.

Габинская О. А. Общая характеристика производящей базы слияния и производных слитных слов. *Проблемы ономасиологии*. Т. 21 (114). Орел, 1974, с. 129–146.

Габинская О. А. *Слияние как способ образования слов в современном русском языке*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Орел, 1970.

Єнікєєва С. М. *Ад'єктивація та субстантивація синтаксичних одиниць у сучасній англійській мові*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Запоріжжя, 2005.

Ермакова Е. Н. *Фразео- и словообразование в сфере фразеологии*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Тюмень, 2008.

Золотых Л. Г. *Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка)*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Белгород, 2008.

Караваньский С. *Російско-український словник складної лексики*. Львів, 2006.

Квеселевич Д. И. *Интеграция словосочетания в современном английском языке*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Житомир, 1985.

Ковынева И. А. *Голофразис как способ словообразования в русском языке*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Орел, 2007.

Корытова О. М. *Когнитивное пространство словосращений (на материале русского и английского языков)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Тверь, 2008.

Корытова О. М. Лексикализация словосочетаний или сращение? *Языковой дискурс в социальной практике*. Материалы Международной научно-практической конференции. Тверь, 2007, с. 167–172.

Корытова О. М. Лексико-синтаксический способ словообразования как преобразование синтаксической конструкции в слово. *Иностранные языки:*

лингвистические и методические аспекты. Сб. науч. тр. Вып. 5. Тверь, 2007, с. 143–151.

Малеева М. С. Ономасиологическая характеристика словообразовательных контекстов (на материале окказиональных слов). *Закономерности словопроизводственного процесса в ономасиологическом аспекте*. Науч. тр. Курск. гос. пед. ин-та. Т. 205. Курск, 1980, с. 25–40.

Манакин В. Н. *Сопоставительная лексикология*. Киев, 2004.

Немченко В. В. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва, 1984.

Прохорова В. Н. *Русская терминология (лексико-семантическое образование)*. Москва, 1996.

Сидорова Т. А. *Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты)*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2007.

Терлак З. М. *Украинский язык для начинающих*. Львов, 1990.

Торопцев И. С. *Словопроизводственная модель*. Воронеж, 1980.

Улуханов И. С. *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва, 1996.

Улуханов И. С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы. *Вопросы языкознания* № 1, 1984, с. 44–55.

Унбегаун Б. О. *Русские фамилии*. Москва, 1989.

Елена Валентиновна Колосько

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Summary

Steady Combinations with Possessive Adjectives as a Basis for the Comparative Research

The present article is devoted to figurative meaning of the steady combinations with possessive adjectives, which express an assessment of appearance, actions and character of the person. The article draws parallels of steady combinations with the possessive adjectives formed from names of animals and birds, having figurative senses, which characterize appearance, character and behavior of the person, and also the phenomenon of public life, in the Russian and Chinese languages. Comparative studies of figurative meanings of steady combinations with possessive adjectives can provide a material for the processes of studying loans. It is possible to explain by means of loan that many tropes in different languages coincide. Comparative research can activate studying process both of a person's native language and a language compared to it, because many expressions are connected with features of mentality, traditions, people's beliefs. It is necessary for research to use the material of informal and dialect conversation.

Key-words: lexical semantics, idiomatics, steady combinations, possessive adjective, metaphor

*

Притяжательные прилагательные не являются излюбленной темой лингвистических исследований, может быть, потому, что лингвисты не находят в этой теме глубины проблематики или практической необходимости.

> *Легко заметить*, – писал В. В. Виноградов, – *что большая часть прилагательных в русском языке выражает качество или признак не непосредственно, а опосредственно, через отношение к предмету и действию*.[1]

Формальная простота притяжательных прилагательных, их семантическая прозрачность основаны на устойчивости ассоциаций,

заложенных в сознании человека с давних времен. Эти ассоциации явились основой многочисленных сравнений, метафор, устойчивых сочетаний, фразеологизмов.

Языковая форма реализации значений притяжательных прилагательных – сочетание. Многие из них имеют синтагматическую устойчивость, обусловленную практической направленностью деятельности человека. В самом деле, при слове *лисий* мы можем легко выделить наиболее часто встречающиеся сочетания *лисий воротник*, *лисья нора* и *лисьи следы*. В современных работах, посвященных отыменным прилагательным, очень скупо упоминается о том, что притяжательные прилагательные могут выражать типичные для относительных прилагательных значения: 'изготовленный из' (*соболий воротник*), 'предназначенный для' (*охотничье ружье*), 'состоящий из' (*птичья стая*) – и могут развивать качественные значения (*волчий аппетит*, *собачий холод*).[2] Отмечается, что качественные переносные значения образуются именно у сочетаний слов, часто употребляющихся вместе. Качественные значения объединяют номинативную функцию с характерологической, экспрессивной и эмотивной, т.е. не просто называют предмет или понятие, но и выделяют наиболее важные его свойства, выражают к нему отношение говорящего, дают оценку. Выражения *волчий аппетит* – 'сильный аппетит', *собачий холод* – 'сильный холод' содержат экспрессивную и негативно-оценочную семы. В. В. Виноградов называл такие значения экспрессивно-синонимическими, т.к. они обычно являются вариантами, синонимами других нейтрально-оценочных сочетаний.[3]

В исследованиях по фразеологии устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными рассматриваются в тематических группах вместе с другими фразеологическими выражениями. Отдельных исследований, рассматривающих устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными нет. Нет их и в работах по лексической семантике, посвященных образным, метафорическим средствам языка, как правило, рассматриваются отдельные субстантивы или фразеологические обороты. Метафора использует образ, на основе этого же образа формируются и устойчивые сравнения. Есть версии, что именно из таких сравнений «вырастает» метафора. Подробные исследования по притяжательным прилагательным отсутствуют в современной российской лингвистике, может быть, еще и потому, что Виноградов характеризовал состояние притяжательных прилагательных как вымирание, вытеснение, угасание, непродуктивность. Виноградов считал, что форма с конкретным значением оказывается

мало востребованной в современной речевой практике и начинает *вытесняться более универсальными формами: относительными прилагательными, выражающими отношения вообще и не исключающими отношения обладания; родительным падежом субстантива, также способным выражать разные отношения, в том числе и отношения владения*[4].

Однако в конце XX века с русским языком произошли изменения, которые неожиданно выявили перспективы функционирования притяжательных прилагательных, вернулись в оборот устаревшие идиомы, отсутствующие в словарях современного литературного языка. Кроме журналистов и писателей, притяжательные конструкции используют авторы брендов, которые рассчитывают на эмоции читателей-покупателей: сорт хлеба *Бабушкин хлеб*, шоколад *Нянюшкины сказки*; шампунь *Бабушкины рецепты*, соль для ванн с экстрактами трав изготовители именуют *Фараоновы ванны*. Пишущие сегодня свободно образуют новые прилагательные. Так, в журнале *Итоги* статья о российском рынке программ для обмена мгновенными сообщениями называется *Аськины дети* (1.07.07); а юную смену американских хоккеистов автор статьи назвал *Клюшкины дети* (15.07.07). Свидетельством живости притяжательных прилагательных оказывается образование их от несуществующих слов, как в заголовке статьи о сектантах, замуровавшихся в Пензенской области в ожидании конца света, – *Параноев ковчег* (*Московский комсомолец*, 17.11.07). Можно убедиться в том, что современный литературный язык не исключил притяжательные прилагательные из арсенала своих средств, более того, по утверждению Н. С. Валгиной, мы можем констатировать оживление их употребления, в частности, в языке рекламы.[5]

Однако основная область функционирования русского языка, которая предъявляет нам факты живого присутствия притяжательных прилагательных, – это русская разговорная экспрессивная речь, по мнению В. В. Химика, известного исследователя устойчивых выражений разговорной речи.[6]

Автор данной статьи обратила внимание на устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными в процессе компаративных исследований, посвященных метафоре, характеризующей человека, в русском и китайском разговорном языке. До этого антропоцентрическая метафора рассматривалась автором на обширном материале русских народных говоров в сравнении с литературным нормированным языком.[7] В русском языке метафорические модели переноса признака с одного объекта действительности на другой (конкретно на человека) могут реализоваться в форме существительного,

иногда в сочетании с прилагательным, и в форме устойчивых сочетаний с притяжательными прилагательными (*медвежья походка* у неуклюжего человека; метафора *медведь* – 'неловкий, неуклюжий человек'). Сочетания с притяжательными прилагательными часто используются для метафорического переноса Животное→Человек. В данной статье приводятся примеры реализации этой метафорической модели. Было отмечено, что существуют совпадения устойчивых выражений с субстантивными метафорами и расхождения (*медвежья услуга* не имеет соответствующей метафоры, а метафорическое значение слова *медведь* – 'невоспитанный человек' не может быть выражено сочетанием, например, *медвежье воспитание*). Еще пример: значение сочетания *осиная талия* – 'о тонкой талии' не соотносится с метафорой *оса* – 'о надоедливом человеке'. Автор исследования пришел к выводу, что метафорическая модель имеет несколько уровней: образный, семантический и словообразовательный – уровень языковой реализации. Компаративные исследования метафорической лексики имеют научную ценность при условии рассмотрения всех этих уровней. На образной основе метафорических моделей в различных языках существует максимальное количество сближений (образы диких и домашних животных, образы птиц, растений совпадают во многих языках), на семантическом уровне меньше (значения некоторых метафор частично не совпадают или различаются полностью), на уровне языковой реализации, естественно, также существуют различия. В результате практической работы с китайскими студентами РГПУ им. А. И. Герцена, будущими филологами, которые заполняли анкеты, выполняли научные работы, были получены языковые факты, позволившие автору провести сравнительное исследование. Студентам предлагалось подобрать соответствующие образному типу (животное, птица, рыба, предмет, человек, артефакт) китайские метафоры или устойчивые сравнения, и, если они существуют, устойчивые выражения с притяжательными прилагательными, характеризующие человека. В дальнейшем студенты выполняли работы по сравнительному изучению метафорической лексики, фразеологии китайского и русского языков, опираясь на данные словарей литературного языка. При изучении способов реализации образного сравнения обнаружилось, что форма метафоры менее задействована в китайском языке, чаще используется сравнительный оборот со словом *как*. В китайском языке также имеется множество устойчивых выражений, которые широко используются в речи, как в прямом, так и в переносном значении (*лисий хвост*, *волчьи*

глаза, *кошачья походка*). Обычно слова соединяются суффиксом, обозначающим принадлежность, и употребляются с союзом *как* или со словами *подобно*, *похожий на*. По сути – это сочетания двух существительных, переводить которые на русский язык можно при помощи сочетаний двух существительных или притяжательного прилагательного и существительного (*лисий хвост* или *хвост лисы*). Следует заметить, что в китайском языке более распространенными являются другие формы обозначения принадлежности, так как китайцы не любят двусмысленности. Например, предложение *Мне нравится мамин подарок* имеет два значения, поэтому чаще говорят: *Мне нравится подарок, который подарила мама*. В то же время, образное мышление ярко проявляется в китайском языке. Так, например, сочетания *чистое небо* нет. Вместо него употребляется витиеватое выражение: *на тысячу километров нет облаков*. Переносные значения словосочетаний с существительными, обозначающими принадлежность, широко используются в китайской публицистике и художественной литературе. В стихотворении: *Долгий путь, нужно много лошадиных сил, много времени, чтобы понять людей*[8].

Как уже упоминалось выше, в китайском языке редко используется субстантивная метафора, главным образом сравнение передается оборотом со словом *как*. И поэтому именно сравнительные обороты – наиболее продуктивная тема для компаративных исследований русского и китайского языков. К сожалению, из поля зрения исследователей-компаративистов, опирающихся на прямой перенос наименований (собака – человек, свинья – человек), выпадают сочетания с притяжательными прилагательными, возможно потому, что переносные значения в китайском языке часто связаны с денотатом не прямо, а при помощи атрибута, на который переносится признак, соотносимый с признаком субъекта номинации. Так, в китайском языке устойчивое сочетание *лисий глаз* означает желание человека соблазнить, обольстить. Выражение *лисий хвост* характеризует человека, старающегося показать другого человека с плохой стороны или запутать людей. В китайской художественной литературе это выражение популярно: *Но он также сказал слишком явно, явно его лисий хвост показал*[9]. В русском литературном языке есть только метафора *лиса*. В китайском языке активно используется выражение *собачья конура*, которое означает ‘неубранная комната, где всегда беспорядок’ (и это выражение употребляется только в сравнительном обороте, например: *Он никогда не приводит комнату в порядок, как собачья конура*). В русском языке собачья конура – это

обозначение очень плохого жилья. В китайском языке существует выражение: у кого-либо *собачьи ноги*. Это означает, что кто-либо или чей-то приспешник, или, наоборот, изменник. В словаре русского литературного языка есть бранные выражения *собачий сын* и *собачья душа*. Следует заметить, что, если сравнивать метафорическую лексику только русского литературного языка с лексикой китайского литературного языка, может показаться, что в китайском языке атрибутивные признаки при переносе значений чаще используются, чем в русском языке. Но, обратимся к материалам русских народных говоров. Там мы можем найти кроме метафор, таких как *собачуга* – 'о сварливом, бранчливом человеке' и 'о лживом обманщике' (Смол.), сочетания *собачье мясо* – 'о ком-либо никуда не годном' и *собачий хвост* – 'о клеветнике, сплетнике' (Ворон.), *собачья натура* – 'о злопамятном человеке' (Костром.), *собачья совесть* – о бессовестном человеке' (Урал) и др.[10] Мы увидим, что атрибутивные признаки в русском разговорном языке широко используются для создания экспрессивных устойчивых выражений с переносным значением, характеризующим человека. Таким образом, метафорическая модель СОБАКА – ЧЕЛОВЕК имеет широкое распространение в русском и китайском языках, раскрывая различные смысловые грани, часть из которых может адекватно восприниматься в чужом языке, как например, *собачий нюх*, *собачья работа*, а часть имеет затемненную мотивацию, понятную только носителям языка. Многие выражения связаны с особенностями менталитета, традиций, верований. Так, непонятными могут оказаться бранные русские выражения *собачья жизнь*, *к чертям собачьим*.

Поиск семантических универсалий должен осуществляться на основе большого количества различного языкового материала из исторических, литературных, диалектных и других словарей. Тогда мы можем увидеть реальные, а не видимые сближения, увидеть скрытые семантические связи, параллельное развитие одних и тех же семантических моделей в разных языках. В современной лингвистике проводится много сравнительных исследований на материале неродственных языков в целях развития языковой компетенции студентов-иностранцев. Вместе с тем подобные исследования имеют теоретическую научную ценность, выявляя универсальные семантические модели, реализация которых присутствует во многих языках. В данной статье проводятся параллели устойчивых сочетаний с притяжательными прилагательными, образованными от наименований животных, имеющих переносные значения, которые характеризуют

внешность, характер и поведение человека, а также явления общественной жизни в русском и китайском языках. Прилагательные, образованные от наименований животных, есть во всех языках. Это древнейший языковой код. Но именно поэтому он обогащен традиционными народными представлениями.

Примером широкого применения в русском и китайском языках переносных значений у наименований животных может служить слово ***зверь***. Слово ***зверь*** является общим наименованием дикого животного. От этого слова образовано притяжательное прилагательное ***звериный***. В русском языке распространены устойчивые сочетания со словом ***звериный***, получившие переносные значения. Например, *звери́ное число* – библейское число 666, с которым в Апокалипсисе связано появление Антихриста. Здесь противопоставляется божественная природа человека и дьявольская – нечеловека. Переносные значения слова ***звериный*** – 1) ‘жестокий, свирепый, дикий’; 2) ‘чрезмерно сильный, невероятно сильный’.

Устойчивые выражения, мотивированные первым переносным значением: *звериная натура*, *звериные нравы*, *звериные законы*. Устойчивое выражение *звериная тоска* мотивировано вторым переносным значением.

В китайском языке есть аналогичные прямое и переносное значения у слова ***звериный***. Благодаря этим значениям в китайском языке существуют устойчивые выражения *звериные нравы*, *звериная натура*. Эти выражения соответствуют русским устойчивым сочетаниям. В китайской художественной литературе сравнение со зверем популярно. Цио Дуовэн писал: *Наши пожилые люди уязвимые и много невинной крови пролили… Это показывает звериную натуру врагов*. Бин Синь писала: *В моей жизни, я не видела, а моя мать почувствовала звериную натуру злых солдат*.[11] Но образного выражения *звериная тоска* в китайском языке нет, возможно, потому, что китайцы много работают и им некогда тосковать. Но вернее всего, это – культурная особенность китайской нации, основанная на учении Конфуция, который проповедовал необходимость развивать стойкость и упорство.

Сочетания со словом ***кошачий*** часто имеют в русском языке отрицательную коннотацию, кроме *кошачей походки*, имеющем скрытую двоякую оценочность. В китайском языке существует устойчивое выражение *кошачьи глаза*. Пример из китайской художественной литературы: *кошачьи глаза, розовые, как любовь*[12]. Это выражение совершенно не соответствует русскому представлению о кошачьих глазах. Известно, что в русских народных верованиях кошка –

одно из воплощений ведьмы, и светящиеся в темноте глаза кошки связываются в сознании русского человека с нечистой силой, колдовством, направленным против человека.

Примером частичного совпадения реализации образной семантической модели ЧЕЛОВЕК – ВОЛК могут служить устойчивые сочетания со словом ***волчий***. Широко известно во многих языках сочетание *волчий аппетит*. Но в китайском языке оно употребляется в определенной ситуации, что отражено даже в словарной статье китайско-русского словаря: *волчий аппетит* – ‘сильный голод и быстрое движение на обед’. Выражения русского языка со словом ***волчий*** – *волчий билет*, *волчий паспорт* нуждаются в подробном историко-культурном комментировании. В России начала XX века – это был документ с отметкой о неблагонадежности, закрывавший доступ на государственную службу, в учебное заведение и т.п. Выражение это, возможно, ассоциативно отсылало к известной охотничьей практике окружать и загонять волков.

Примером развития устойчивых сочетаний служит сочетание *волчья душа*. В китайском художественном языке издавна существует это выражение, оно определяет характер человека, который отличается неблагодарностью. Вэн Менлун писал: *То, что знаю, это то, что этот человек, который как волчья душа, был неблагодарным*[13]. В старых советских словарях есть такое выражение – как бранное, но если мы дадим запрос в интернете, то получим много примеров употребления сочетания *волчья душа* в названиях российских видеоклипов. И не всегда это выражение, относящееся к человеку, будет с отрицательной коннотацией. В настоящее время образ волка часто употребляется для подчеркивания независимого характера и силы человека-одиночки.

Сравнительное изучение переносных значений устойчивых сочетаний с притяжательными прилагательными может дать материал для изучения процессов заимствования. Заимствованием можно объяснить то, что многие образные выражения в разных языках совпадают. Например, в русском языке: *крокодиловы слёзы* – ‘притворные слезы’. В китайском языке *крокодиловы слёзы* тоже ‘фальшивые слезы’. Сходная мотивация объединяет русское и китайское выражение *лебединая песня* – ‘самое последнее и самое прекрасное произведение автора’. Но в русском языке это старое заимствование из греческой басни, а в китайском языке – недавно появившееся слово из европейской или американской литературы. Новыми современными заимствованиями часто являются выражения из профессио-

нальной лексики (банковское дело, спорт), например, *медвежий рынок* – ‘рынок, на котором наблюдается устойчивая тенденция к понижению цен в течение длительного периода времени’. Это выражение появилось недавно в русском и китайском языках, что также представляет интерес для компаративных диахронических исследований, создающих картину параллельного развития лексики, семантики и путей взаимовлияния языков.

При упрощенном подходе к метафорическим обозначениям, с опорой только на наименования и на объект метафорического значения, существует опасность получения недостоверных сведений. Так, фразеологическое сочетание *утиное яйцо* в китайском разговорном языке означает ноль балла или плохой результат на экзамене не потому, что утиное яйцо хуже куриного, а потому, что оно намного больше других. Сема ‘выделяющийся среди других’, конкретизированная в семе ‘наихудший’, обусловила популярность данного выражения вместе с визуальным совпадением формы субъекта и объекта сравнения. Если сейчас, в наше время мы еще можем ответить на вопросы, как и почему данное слово или выражение появилось в языке с таким переносным значением, то спустя некоторое время произойдет затемнение признаков, мотивирующих их применение. Компаративные исследования могут активизировать процесс семантического и словообразовательного анализов как неродного, так и своего языков. Изучение лексики с метафорическими переносными значениями в компаративных целях будет неполным, возможно, неточным, если не привлекать к рассмотрению устойчивые сочетания с притяжательными прилагательными, распространенными в разговорно-просторечной и диалектной речи. Данные литературного языка и художественной авторской речи могут быть существенно дополнены в целях отражения всего многообразия и потенциала лексики и фразеологии сравниваемых языков.

---

[1] Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* Москва: Высшая школа, 1972, с. 151–152.

[2] Акопян А. А. Трансформации в семантической структуре отыменных существительных. *Языковая динамика в синхронии и диахронии.* Тверь: Изд-во ТГУ, 1993, с. 4–9.

[3] Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* Москва: Высшая школа, 1972, с. 125.

[4] Там же, с. 123.

[5] Валгина Н. С. *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос, 2003, с. 78–80.

[6] Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: Норинт, 2004, с. 4.

[7] Колоськo Е. В. *Метафорическая лексика в русских народных говорах*. Автореф. канд. дис. Санкт-Петербург, 2002.

[8] Цэн Юйлян. *История о жизни*. Пекин, 1980, с. 9.

[9] Вэн Юйсян. *Моя жизнь*. Шанхай, 2003, с. 32.

[10] *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–45. Вып. 39. Москва – Санкт-Петербург: Наука, 1965 – 2013, с. 146–147.

[11] Жан Дихуа, Жан Бин. *Китайский язык*. Аньхой, 1988, с. 89.

[12] Там же, с. 196.

[13] Вэн Менлун. *Правда*. Шанхай, 1600, с. 310.

ЛИТЕРАТУРА

Акопян А. А. Трансформации в семантической структуре отыменных существительных. *Языковая динамика в синхронии и диахронии*. Тверь: Изд-во ТГУ, 1993.

Большой словарь китайского языка. Пекин, 1986.

Валгина Н. С. *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос, 2003.

Виноградов В. В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа, 1972.

Вэн Менлун. *Правда*. Шанхай, 1600.

Вэн Юйсян. *Моя жизнь*. Шанхай, 2003.

Жан Дихуа, Жан Бин. *Китайский язык*. Аньхой, 1988.

Колоськo Е. В. *Метафорическая лексика в русских народных говорах*. Автореф. канд. дис. Санкт-Петербург, 2002.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1–45. Москва – Санкт-Петербург: Наука, 1965 – 2013.

Словарь современного русского литературного языка. В 20 томах. Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. АН. СССР. Ин-т рус. яз. Москва: Русский язык, 1991.

Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: Норинт, 2004.

Хуа Жен, Вун Женхуй. *Основный словарь китайского языка для студентов*. Аньхой, 2007.

Цэн Юйлян. *История о жизни*. Пекин, 1980.

Kristīne Kuņicka

INTERNAL DIFFERENTIATION OF THE POLISH LANGUAGE SPOKEN IN LATGALE: FROM AN IDIOLECT TO THE DIALECT

Summary

Internal Differentiation of the Polish Language Spoken in Latgale: from an Idiolect to the Dialect

Poles living in Latgale have settled here over various periods of history and come from different backgrounds and are subject to permanent language contact situations. It is clear that the Polish language is only one of the languages used by Latgalian Poles and its utility outside family, informal contacts, and religion is currently low. The Northern Peripheral Polish used by the local Polish community is not homogenous. In fact the dialect in question is a gathering of idiolects.

The author of the present paper argues that the studied dialect can be further subdivided into a number of varieties, coined by overlapping features of separate idiolects. The aim of the research is to describe the current sociolinguistic situation of the Polish language in Latgale, to attempt at providing an internal division of the dialect and to describe linguistic peculiarities, which allow isolating varieties within the dialect.

Considering traces common for different generations of recorded informants, coming from diverse backgrounds, the Polish language spoken in Latgale can be subdivided into: (1) cultural and (2) rural varieties of the Peripheral Polish spoken by the eldest generation of speakers, who acquired the language at home; (3) language of the middle generation that is based on the Peripheral Polish with elements of Standard Polish and was partly acquired at home; and (4) the 'New Peripheral Polish' spoken by the youngest generation of speakers, based on Standard Polish with elements from Peripheral Polish, acquired mostly at educational institutions.

Key-words: the Northern Peripheral Polish language, Poles in Latgale, minority language

*

Introduction

Any dialect first of all is a gathering of idiolects, as any group is a gathering of individuals. The term idiolect, which according to Weinreich stands for *the total set of speech habits of a single individual at a given time*[1], has been heavily criticized on various grounds and by many researchers, including Weinreich himself. An idiolect implies features characteristic to a single person and as such may not be useful for language theoreticians, who aim at describing a language as a fixed system. For practitioners it appears to be indispensible because it enables to manifest the slightest changes among speakers and thus determine the variability of language use. The exploration of definitions of an idiolect failed to give the author of the paper a satisfactory one, which at large should also consider the fact that a person may speak more than one language. Weinreich's definition presented above lacks reference to speakers that know more than one language or should it be considered that a person has one idiolect, regardless of how many languages he or she speaks. For the sake of this research an idiolect will be viewed as the total set of speech habits of a single individual in one language at a given time.

Dialect is another term that needs elaboration. In the broad sense a dialect is a regional or social variety of language, in the narrow and classical sense a dialect is a variety that along with other varieties forms a single national language.[2] The term dialect in this paper refers to the Peripheral Polish[3] language that is used in the former territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth – the land that today belongs to Belarus, Latvia, Lithuania, and Ukraine. Taking into consideration the fact that the variety in question is not one of the core dialects of the Polish language, the term dialect here should be considered in its first, broad meaning.

Peculiarities of the speech of every particular language user allow us to determine the origin of a person, his or her affiliation to any social or age group, as well as to detect languages that are known to the speaker and interfere to form every particular person's speech. Studying a particular idiolect also leads to the dialect or the dialectal variety it belongs. Since Poles living in Latgale have settled here during various periods of the history, come from different backgrounds, and are subject to permanent language contact situations, the Northern Peripheral Polish used by the local Polish community is not homogenous. In the process of assessing the material gathered for a PhD thesis on the current state of

the Polish language spoken in Latgale, the author of the paper has come to a conclusion that the studied dialect can be further subdivided into a number of varieties, coined by overlapping features of separate idiolects. The aim of the research is to describe the current sociolinguistic situation of the Polish language in Latgale, to attempt at providing an internal division of the dialect and to describe linguistic peculiarities, which allow for isolating varieties within the dialect.

The Past and Present Situation of Poles

The territory of Latgale was incorporated into the Polish-Lithuanian Commonwealth during the 16th – 18th centuries. Even after the partitioning of Poland, Polish influences in Latgale were considerable, due to the fact that the territory was inhabited by Polish gentry and nobility.[4] Polish elements settled in Latvia, mostly in Latgale in a several phases. The first wave of settlers during the time of the Commonwealth was composed of gentry and nobility, who were given land in Latgale and came here with their households. Another group that came at that time was the clergy that spread the ideas of the Holy Church. The second wave of Polish settlers were participants of many Polish national uprisings during the 19th century. Numerous soldiers, public servants, and writers fled to Latgale to avoid imprisonment or trial in Poland. The next wave of Polish settlers came with the independence of Latvia. During the 1930s, Latvian farmers and landowners employed a noticeable number of Polish agricultural and seasonal workers. Finally, during the Soviet period Poles from Belarus came to live in Latvia because it was considered a prosperous republic and they thought they would be able to find better jobs there. Needless to say, a considerable number of Poles abandoned Latvia during both wars and after the reestablishment of the Latvian Republic in the 20th century.

According to the Population Census in 2011 there were 20806 Poles in Latgale (7%)[5], which constitutes almost a half of Latvia's Poles. Still the results show that only 858 Poles use Polish as the main language in the family (4%).[6] In Latgale there are two Polish secondary schools (in Daugavpils and Rēzekne) and one elementary school (in Krāslava). Education in these schools is bilingual – in Polish and Latvian languages. In each of the considered cities there is an actively operating branch of the Latvian Union of Poles and in Daugavpils there is also the Centre of Polish Culture, which is situated in the Polish House – the only building

that belongs to the Latvian Union of Poles. Members of the Union organise countless local and international cultural events such as folklore, religious, and modern music festivals, exhibitions of local and foreign artists, contests, holiday celebrations and much more. The organisation issues a quarterly journal *Polak na Łotwie* and has a number of local TV and radio programmes in Polish. In general, Poles living in Latgale have undoubtedly good conditions for the cultivation of their language and traditions.

Sociolinguistic Description of Informants

The study of the Polish language in Latgale is based on records of oral interviews' with eighty-six Poles currently living in the three cities of the Latgale region with the largest Polish diasporas – Daugavpils, Rēzekne, and Krāslava. Informants entail sixty-one woman and twenty-five men born from 1922 till 2006 in Latvian cities: Daugavpils (30), Rēzekne (24), Krāslava (18) and their vicinity, in Riga (2); and other countries: Belarus (10)[7], Ukraine (1), and Lithuania (1). Thirty-six informants have different level university education, fourteen – secondary or professional secondary education, nine – elementary education. Informants that have elementary education were born in the 1920s and 1930s, when this type of education was the most common and sufficient, especially in the rural areas. Twenty-six informants were attending Polish primary or secondary schools at the time of the research. The vast majority of pupils are determined to study at the university after graduation. Seventy-one informants are multilingual, meaning they know the Polish, Russian, and Latvian languages and sometimes even Ukrainian, Lithuanian, or Gypsy in addition. Fifteen are bilingual – fourteen know Polish and Russian, one knows Polish and Latvian.

Considering the age and sociolinguistic situation of the informants, they were divided into three groups. The eldest generation – persons born until, approximately, the year 1950, whose mother tongue is Polish and who spoke Polish with their parents, usually also attended Polish schools (until they were closed by the Soviet authorities) and participated in Polish cultural and social activities until the late 1940s. The middle generation – persons born in the Soviet period until the beginning of the 1980s, who mostly spoke Polish with their parents or parent until they went to school. As the result of multinational marriages or pressure at educational institutions, many parents decided to abandon speaking Polish

with their children and made a deliberate choice to speak Russian or, not so commonly, Latvian. Informants of the middle generation had no possibility to attend Polish educational or cultural institutions. The only relatively available public institution that cultivated the Polish language during Soviet rule was the Catholic Church, but, again, it was not safe to be a believer and attend services. The youngest generation – local Poles born after 1980, who had and still have free access to Polish education, have the possibility to cultivate their cultural traditions and maintain their historical heritage. Still due to the low Polish language used by the middle generation, the majority of the representatives of the youngest generation have learned Polish at Polish schools or from their grandparents, thus the oldest generation.

In order to understand the usage of languages used by the informants, we have to assess the use of the Polish, Latvian, and Russian languages in particular spheres or sociolinguistic domains. With regard to research on classification of the domains of language use conducted by Schmidt-Rohr, Fishman, and Druviete[8], the author has developed her own classification (Table 1), based on the actual domains for the studied community.

Table 1

Domains of Language Use: Polish, Latvian, Russian Languages

Language	Polish	Latvian	Russian
Family	xx	xx	xx
Work	x	xx	xx
Informal contacts	xx	xx	xx
Administration	-	xxx	x
Everyday life	x	xx	xx
Education	xx	xxx	x
Mass media	x	xx	xx
Culture	xx	xx	xx
Religion	xxx	x (Latgalian)	x

x – occasional use, xx – parallel use, xxx – relative monopoly

For the studied community none of the languages used by Poles has absolute monopoly in any sphere. The first and undoubtedly the most important domain of language use is family. Forty-five per cent of our informants use Polish when speaking with their parents and children, but just for twelve people Polish is the only language used in the family. More than one third (36) of informants in the family speak only the Russian language and five only the Latvian language, others use different

combinations of two or three considered languages. In the domain of work the Polish language is used occasionally, mostly by people working in trade and commerce. All informants pointed out that they use the Polish language along with Russian and Latvian in informal contacts. The eldest and middle generation mostly interacts with local Poles but the youngest generation has also extensive contacts (mostly via the Internet) with native speakers from Poland. The only domain, where the Polish language is not used is administration but it is conditioned by the fact that governmental institutions by law have to operate in the state language – Latvian. Occasionally, the Russian language is used in this domain mostly by the representatives of the eldest and middle generation, who have no knowledge of Latvian. In everyday life (trade, healthcare, services) informants use Russian and Latvian but occasionally also the Polish language, with their acquaintances working in these spheres. Education in Polish schools is acquired in the Polish language during the first few grades and is gradually transferred into the Latvian language. Considering the share of each language in the whole study process during twelve years, the situation is as follows: Latvian has a relative monopoly, Polish is used commonly, and there are occasions, where Russian is used as a supporting language.[9] The vast majority of informants stated that they read the press, watch TV, and listen to the radio in all three languages. The use of Polish in this domain is occasional, the reason being that there are no local everyday sources in Polish in the given territory. As far as cultural life is concerned almost all informants pointed that they attend events in all three languages and do not give priority to any particular language, when choosing an event. Until the 1990s the domain of religion was dominated by the Polish language but the collected data demonstrates that lately this sphere has been 'invaded'[10] by the Latvian (Latgalian) and Russian languages, terminating the continuous monopoly of the Polish language. Many Poles, who do not speak Polish in everyday life, pray only in Polish. The Polish language today remains as the main language of the individual and less of collective prayer.

It is clear that the Polish language is only one of the languages used by Latgalian Poles and its use outside family, informal contacts, and religion is low. The continuous use of two or three languages by the informants has led to linguistic interference[11], which mostly affects the Polish language. The variability of the dialect is determined by the interaction of all idiolects of one person among themselves and also at the same time with idiolects of other people.

The Diversity of the Northern Peripheral Polish Spoken in Latgale

The wish of every researcher is simplicity of results and clear-cut boundaries between the studied objects, but this rarely is the case, especially, in situations of language contacts. The main idea of the study of the Polish language in Latgale was to describe it as a system with all characteristic elements no matter how common or rare in the actual situations of language use. The gathered material proved the hypothesis of previous researchers such as Małgorzata Ostrówka[12] that the Polish language used by Latgalian Poles is, first of all, highly idiolectal but in general composes a single variety of the Northern Peripheral Polish. In this paper the author makes an attempt to subdivide the Polish language spoken by Latgalian Poles into a number of varieties manifested by the most characteristic linguistic features.

The current variability of the dialect is determined by the diverse background of Poles living in Latgale today. There are no studies on the origin of the Polish language in the given territory but there is no need to dwell on the fact that the history of Latvia differs from the territory of Lithuania and Belarus, while the Polish element spread to these countries earlier than to Latvia, and the Polish language there interacted with Lithuanian and Belorussian.[13] In Latvia, the first and second wave of settlers came mostly from the territory of ethnic Poland, thus the language they brought was mostly Standard Polish. The local German nobility was polonised and the Polish language spread around the territories of Polish manors and Catholic churches. The difference of the Polish language used by Latgalian Poles from Polish used in other territories was apparent to the ethnographer and historian Gustav Manteuffel. In the work on Inflantia at the end of the 19th century he wrote:

> *Local gentry speaks pure Polish language that is not so hard as in Samogitia, not so drawn as in Lithuania, and not mixed with the Belorussian language as in many parts of White Rus', it has its provincialisms and peculiarities, for example, they say 'grunt oromny' and not 'orny', 'pogost' instead of 'włość', 'stecka' and not 'ścieszka' and other.*[14]

It can be assumed that the language of Polish nobility and gentry was the base for the cultural dialect of the Polish language, which is today spoken mostly by the oldest generation of the investigated speakers. This variety is marked by rich vocabulary, fluent speech, and very few peculiarities on every level of language. Consider these:

- Preservation of the dental lateral approximant *ł* that in modern Polish has evolved into a semi-vowel *u̯* (*łapa*, *pułka*, *stał*, *łuk*, *iaskułka*, *słova*, *łotva*, *była škoła*);
- Pronunciation of the voiced velar fricative *ɣ* instead of voiceless velar fricative *x* (*ɣilary*, *ɣrabʹa*, *ɣryńevʹič*, *ɣromyki*, *ɣau-ɣau*);
- Lexical archaisms (*juška*, *gumno*, *kontromarka*, *końečne*, *kul*, *kvatera*, *navlečka*, *rozeństvo*, *śivǫtkovać*, *zedelek*);
- Use of such grammatical structures as preposition *u* + Genitive to express possession (*u mńe ńe byu̯o*, *u mn'e teš i̯est vnuk*, *u mamy n'e było vykštałce:n'a*, *u mn'e dv'e vnučki*, *xur i̯est u nas*, *u n'ei̯ n'e było ʒ'eci fcale*, *brat u n'ei̯ był*, *u mńe był šok*) and highly frequent use of the auxiliary *trzeba* (eng. must) to express the necessity of doing something (*čšeba płac'ic'*, *mn'e tčeba było is'c' za stol'aža*, *čeba pačyc' i̯aki pšedmńot*, *čas tšeba xr̓on'ic'*, *čšeba do kośćołu iść*, *čeba popačyc'*; *i̯eżeli tšeba domuvitsa*).

One of the reasons for general 'correctness' of this variety is education acquired by the oldest generation in Polish schools (at least a few years). Also crucial is a passion for reading Polish books. All in all, the cultural variety of the Latgalian Polish has very few peculiarities, some of which are presented above.

Another variety spoken prevailingly by the oldest generation of studied speakers can be referred to as the rural variety of the Northern Peripheral Polish. It is spoken by informants who were born in the territory of the Wilno Voivodeship before the Second World War or during the early Soviet period and later migrated to Latvia. According to a number of scholars this variety appeared in the 19th century during the polonisation of peasants from Belarus and Lithuania.[15] The rural variety is characterised by the abundance of phonetic, morphological, and grammatical peculiarities. These are only a few of them:

- Stress on the oxytonic syllable in adjectives (*akuˊrat*, *taˊńei*, *barˊʒei̯*), nouns (*piuˊka:š*, *pisańki*, *jeńzyk*, *paˊłac*, *foˊtel*, *zaˊdań*, *sekreˊter*, *ǘelkaˊno:c*), verbs (*puˊs'ac'*, *ńe ˊǘem*), prepositional phrases (*po ˊmn'e*, *u ˊnas*) or proparoxytonic stress in verbs (*ˊńe była*, *ˊzač'ełа*, *ˊi̯eʒ'ic'e*) and nouns (*rol'ˊnikami*, *traˊʒ'icyie*);
- 'Singing pronunciation' i.e. prolonged production of vowels (*mužl'i:v'e*, *Hyl'e:na*, *inžy:n'er*, *z B'ałoru:śon*, *zma:r*, *časupi:sma*, *pusta:vic'*, *v miška:n'u*, *n'e zdonžy:ła*, *rozuńe:i̯o*, *Pl'ate:ruf*);
- Vowel reduction (*akanie*), when vowels */a/*, */o/*, */e/* are reduced to (a) in non-stressed positions (*razmaǘa*, *s kampotem*, *pracavała*, *b'ałaruski*

paplafska, *stada koni*, *cała žyc'a*, *ix była dužo*, *tam była dužo gos'ci*, *školy ni była*);

- Higher degree of palatalisation of consonants (*v l'e:c'e*, *c'ᵘoc'a*, *ʒ'ałka*, *uroʒ'iny*, *ʒ'indobry*, *v'onzac'*, *złov'ic'*, *z'l'e*, *s'p'imy*, *v l'es'e*, *š'ipko*, *maš'ina*, *ž'idufka*, *źb'eramy*, *nazvisko*, *kl'asy*, *pol'sku*, *l'as*);
- Frequent borrowings, nonce borrowings, calques, citations from the Russian language (*sas´tau̯*, *buk´var'*, *fan´tan*, *fu´žer*, *pa´las*, *sta´kan*, *kre´źit*, *den´tyst*, *ka´vor*, *za´cix*, *inžy´ner-mexanik*, *pre´zent*, *sertyfi´kat*, *nač'el'´nik*, *pra´v'ei*, *´spina, botanič'es´k ego*, *z ´ros'iiei buɣal'´teruf*, *kan´trabas*, *pis'´mennyi*, *´taxta*);
- Use of other than in Standard Polish cases of verbal arguments (*vyučyu̯a s'ę temu ienzyku*, *n'e pytau̯am i̯ǫ*, *roʒ'ice sǫ pola:cy*, *polski teš n'e znai̯ǫ*, *m'ał kšyža*);
- Changes in the use of prepositions, which follow verbs (*mama s tatǫ modlǫ na i̯ęzyku rosyiskim*, *mama po zakupy i̯eźʒi*; *śeźeliśmy za stołem*; *na praca čšeba była vyxoʒ'ic'*; *i: oni: pošli v las*; *xoʒe do tei̯ škou̯y i̯uš s ɸerfšei̯ klasy*; *pu skai̯pu ruzmav'amy*).

In general, the rural variety is the most saturated with linguistic peculiarities characteristic of the Peripheral Polish and was also highly influenced by the Belorussian language.

A distinct variety of the studied dialect is coined by many speakers of the middle generation who started learning Polish at home, then attended Russian (in fewer cases Latvian) schools and higher educational institutions, and revived their Polish language with the emergence of the independent Latvia in the 1990s. The main marker of this variety is simultaneously used phonetic traces of Standard Polish and Peripheral Polish, as well as grammatical peculiarities stemming from the Russian language. For example:

- Interchangeable use of dental lateral approximant *ł* and semi-vowel *u̯* (*łotva-u̯otva*, *byłam-byu̯am*, *pošłem-pošu̯em*, *popadła-popadu̯a*, *ładny-u̯dny*, *stuł-stuu̯*);
- Interchangeable use of synchronous, asynchronous and denasalized nasal vowels (*na piu̯kem nožnǫ*, *śvęta śventui̯u*. *v mrongove*, *monš*, *skońč'ił*, *vendlina*, *menža*, *l'ataju*, *jo*, *sekretarku*, *zgineli*, *płyneli*, *roʒ'ił sa*, *zustała s'a*);
- Use of dental lateral approximant *ł* instead of alveolar lateral approximant *l* before vowel *i* (*połski*, *kiłometruf*, *kłasy*, *ałe*, *vigiłije*, *połak*, *męškali*, *mǥeškaliśmy*, *budovali*, *na łitv'e*, *bałe*);
- Absence of the reflective pronoun *się* in reflexive verbs (*naučyu̯am bes 'problem (języka)*, *učyu̯a za:vut*, *na v'ečorki zb'eral'is'my*,

uroʒ'iłam ịa v byfšej polsce, *polkǫ čuię, zastanovil'i nad tym*, *caụy tyʒeń s s'ostro staraliśmy muvić tylko v ịenzyku polskim*) or addition of the particle *się* to non-reflexive verbs (*ịak ịa poznałem s'en z ž"ono*, *to zostało s'e tam*, *zostal'i s'e žyc' v łotve*, *błat zostaie s'e błatem*), also the reflective pronoun can be reduced to *s*, *s'* or *sa* and added to the verb (*l'enkal'is'*, *n'e gʒ'e była ´učitsa*, *bende bogu modlitsa*, *ona učiłas'*, *ukazal'is' oni v Dynaburgu*).

Informants using this variety consciously try to use Standard Polish but when speaking for a long time they forget to control their speech and it shows more and more peripheral elements.

Finally, a considerable number of informants born after 1980 seem to speak a new variety of Latgalian Northern Peripheral Polish. Their language is based on the Standard Polish learned mostly at school, and maintained by communication with Polish native speaking peers and grandparents, who mostly speak the rural variety of the Northern Peripheral Polish. According to Kerswill and Trudgill: *new-dialect formation refers to the emergence of distinctive, new language varieties following the migration of people speaking mutually intelligible dialects*[16]. Obviously, the considered situation involves no migration but interaction of mutually intelligible varieties, spoken by native speakers of the Polish language, teachers of the Polish language (native speakers and local Poles, who have studied Standard Polish at university), and users of local dialectal varieties. The recorded material allows for the presumption that the language of the youngest generation is marked by the use of phonetics of the Standard Polish, lack of vocabulary in basic areas of everyday life (speakers may not know the word for chair or cup in Polish). Consider the following peculiarities:

- Hypercorrectness in phonetics in synchronous pronunciation of nasal vowels in final position[17] (*muše śę pilnovač'*, *będę*, *s'ostrę mam*, *skończyụo śę*);
- The use of palatalised affricates *č'*, *ǯ'* instead of the Standard Polish pre-palatal *ć*, *ʒ́* (*śpevač'*, *babč'a*, *na fleč'e*, *muvič'*, *studiovač'*, *ǯ'adek*);
- The use of hard consonants before vowel *i*: *niby*, *universytetu*, *łipa*, *ńeškali*, *ńeškaliśmy*, *budovali*, *na łitv'e*);
- Lack of archaisms.

The emerging variety could be called the 'New Peripheral Polish', while the strong phonetics of the Standard Polish allow its users to converge with native speakers and only longer conversation shows the influence of the Peripheral Polish. Still, thorough continuous research is necessary

to determine, whether the language of the youngest generation should be given such a stigmatic name.

The above-presented features prescribed to one of the varieties of the Polish language in Latgale can be easily used by the representatives of all other varieties. As has been mentioned before, the discussed dialect is strictly idiolectal and every speaker has his or her own characteristic set of peculiarities. Speakers belonging to a particular variety can be determined by the use of a number of traces and not one in particular.

Conclusion

Today, the dialectal variety spoken by an individual is no longer a crucial marker of the social class, but only a way of finding out about one's social background and possibly family history. With the change of the sociolinguistic domains for the Polish language in Latgale and the general decrease in its use, the variability of the dialect is the least of its users' concerns. Still the analysis of the recorded material allows proposing internal division of the dialect in question.

The Polish regiolect in Latgale encompasses: (1) cultural and (2) rural varieties of the Peripheral Polish spoken by the oldest generation of speakers, who come from a different territory but all acquired the language at home; (3) language of the middle generation that is based on the Peripheral Polish with elements of the Standard Polish and was partly acquired at home; and (4) the 'New Peripheral Polish' spoken by the youngest generation of speakers, based on the Standard Polish with elements from the Peripheral Polish, acquired mostly at educational institutions. All varieties have numerous common elements on every level of language but they are all also marked by some peculiarities. The cultural variety has very few phonetic and lexical traits that distinguish it from the Standard Polish and sound archaic to a modern Polish ear, while the rural variety has an abundance of peculiarities on all levels and there can be no doubt that a person speaking the variety comes from the Polish Periphery. The language of the middle generation incorporates either the cultural or rural variety with elements from Standard Polish, for example, phonetics that have changed over time. The 'New Peripheral Polish' is based on the Standard Polish taught at school and is influenced by the Peripheral Polish (either cultural or rural) spoken by the surrounding people. It has to be admitted that there are exceptions: persons from the middle generation, who speak almost faultless Standard Polish, or teenagers, who have strong phonetics, morphology, and gram-

mar of the Peripheral Polish. But these are only exceptions that prove the rule. Moreover, all varieties of the Polish language in Latgale today are strongly influenced by the Russian language, while the impact of Latvian is insignificant.

This article provides only a narrow insight into the study of the Polish language spoken by Poles in Latgale. Thorough analysis of the recorded material planned in future will allow for more detailed consideration and description of the varieties marked above.

---

[1] Weinreich U. Is a Structural Dialectology Possible? *Word. Journal of the Linguistic Circle of New York*. Vol. 10. New York: The Linguistic Circle of New York, 1954, p. 389.

[2] Definitions by www.oxforddictionaries.com.

[3] The Peripheral Polish or *polszczyzna kresowa* has two main varieties the Southern – spoken on the territory of current Ukraine, and the Northern – spoken on the current territory of Belarus, Latvia, Lithuania. Grek-Pabisowa and Ostrówka (Grek-Pabisowa I., Ostrówka M. Zakres wpływów obcych we współczesnej polszczyźnie północnokresowej. Wpływy litewskie. *Rozprawy komisji językowej* LVIII. Lódź: ŁTN, 2012, s. 111) further subdivide the Northern variety into regional varieties spoken in five areas: Vilnius district, Kaunas district, Eastern Belarus, Western Belarus and Latvia.

[4] Walewander E. (ed.) *Polacy na Łotwie*. Lublin: Redakcja wydawnictw KUL, 1993, s. 23–24.

[5] Centrālā statistikas pārvalde (CSP). *2011. gada tautas skaitīšana – galvenie rādītāji*. http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/2011gada-tautas-skaitisana-galvenie-raditaji-33608.html (skatīts 01.08.2013.).

[6] The author believes that the question *What is the main language of interaction at home?* incorporated in the population census, is incorrect because it fails to account for the actual situation of language use and forces to choose one language even in the situation, where two languages are used equally.

[7] All informants born in Belarus, come from the borderland territory near Braslaw that during the Second Polish Republic was incorporated into the Wilno Voivodeship.

[8] Author's classification is based on sociolinguistic domains of Schmidt-Rohr and Fishman (Fishman J. *Language in Sociocultural Change*. Essays by Joshua A. Fishman. Stanford: Stanford University Press, 1972, pp. 248–252) and Druviete (Druviete I. *Skatījums. Valoda, sabiedrība, politika*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2010, 194.–195. lpp.).

[9] Teachers use the Russian language, when they explain things to pupils, whose mother tongue is Russian. More alarming is a fact that some teachers conduct lessons in Russian, but pupils have to put down information in Latvian.

[10] Many Poles cannot accept the fact that in Catholic churches more and more priests conduct services and preach in Latgalian or Russian languages. The situation has been caused by two reasons: young priests do not have sufficient knowledge of Polish (it is scarcely taught at the Seminar in Riga); parishioners follow the example of priests and abandon Polish as the only language of prayer. Today there are no daily services in Polish in any of the considered cities.

[11] On linguistic interference see Weinreich U. *Languages in Contact. Finding and Problems.* Ninth edition. New York: De Gruyter, 1968, p. 1.

[12] Ostrówka M. Regiolekt polski na Łotwie. *BULLETIN DE SOCIETE POLONAISE DE LINGUISTIQUE* LXI, 2005, s. 97.

[13] Kurzowa Z. *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI – XX w.* Kraków: UNIVERSITAS, 1993, s. 4–5.

[14] Manteuffel G. *Inflanty Polskie.* Poznań, 1879, s. 44–65.

[15] On the origin of the rural variety of the Northern Peripheral Polish see: Kurzowa Z. *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI – XX w.* Kraków: UNIVERSITAS, 1993, s. 49–54; Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. *Studia nad polszczyzną kresową.* Tom I. 1982, s. 22–29.

[16] Kerswill P., Trudgill P. The Birth of New Dialects. *Auer P., Hinskens F. & Kerswill P. (eds.). Dialect Change: Convergence and Divergence in European Languages.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005, p. 196.

[17] In Standard Polish nasal vowel *ę* in final position is denasalised into *e*.

BIBLIOGRAPHY

Centrālā statistikas pārvalde (CSP). *2011. gada tautas skaitīšana – galvenie rādītāji.* http://www.csb.gov.lv/statistikas-temas/2011gada-tautas-skaitisana-galvenie-raditaji-33608.html (skatīts 01.08.2013.).

Druviete I. *Skatījums. Valoda, sabiedrība, politika.* Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2010.

Fishman J. *Language in Sociocultural Change.* Essays by Joshua A. Fishman. Stanford: Stanford University Press, 1972.

Grek-Pabisowa I., Ostrówka M. Zakres wpływów obcych we współczesnej polszczyźnie północnokresowej. Wpływy litewskie. *Rozprawy komisji językowej* LVIII. Lódź: ŁTN, 2012, s. 112–122.

Kerswill P., Trudgill P. The Birth of New Dialects. *Auer P., Hinskens F. & Kerswill P. (eds.). Dialect Change: Convergence and Divergence in European Languages.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005, pp. 196–220.

Kurzowa Z. *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI – XX w.* Kraków: UNIVERSITAS, 1993.

Manteuffel G. *Inflanty Polskie.* Poznań, 1879.

Ostrówka M. Regiolekt polski na Łotwie. *BULLETIN DE SOCIETE POLONAISE DE LINGUISTIQUE* LXI, 2005, s. 87–99.

Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie. *Studia nad polszczyzną kresową*. Tom I. 1982, s. 19–122.

Walewander E. (ed.) *Polacy na Łotwie*. Lublin: Redakcja wydawnictw KUL, 1993.

Weinreich U. Is a Structural Dialectology Possible? *Word. Journal of the Linguistic Circle of New York*. Vol. 10. New York: The Linguistic Circle of New York, 1954, pp. 388–400.

Weinreich U. *Languages in Contact. Finding and Problems*. Ninth edition. New York: De Gruyter, 1968.

Vilma Šaudiņa

DAŽU LATVIJAS DIENVIDAUSTRUMU IZLOKŠŅU SOCIOLINGVISTISKĀ SITUĀCIJA

Summary

Sociolinguistic Situation of Some Subdialects of Southeast Latvia

In the same way as changes occur in the literary language, they come about also in the subdialects; the linguistic picture of subdialects is varying along with the changes the social situation is undergoing. The sociolinguistic processes of south-eastern, Selonian subdialects are influenced also by the geolinguistic situation of these subdialects; they are peripheral (borderland) subdialects and they come into contact with other languages, i.e. the space of use of the subdialects comes into contact with the areas of the use of another language (or other languages) in the border areas.

The exploration of the sociolinguistic situation in a particular area implies the research of historical, administrative, economic, and social processes, it includes the analysis of the demographic (including the number of population) and migration processes, the study of education and language use, the traditions and culture orientation of the ethnic groups, as well as the analysis of their confessional belonging and other aspects.

The paper considers the sociolinguistic situation in the Selonian subdialects of southeast Latvia by analyzing the stable and the variable under the influence of the social, historical, and ethnic factors. Particular attention is paid to the migration processes, the language contacts, as well as the materials of 'The Atlas of the Latvian Dialects, 1999', which allow for considering the changes in the area under research in the definite period of time. The area considered includes the southeast part of Selonia – the territory of the subdialects of Laši, Rauda, Svente, Kurcums, Demene, Saliena, Silene, Laucesa, and Skrudaliena.

Broadening of contacts, which had begun in the 1920s – 1930s, with the contacts among the inhabitants of different regions becoming more active and the influence of the literary language growing, along with the changes in the spheres of politics and economy, culture and education, facilitated the partial loss of the subdialectal peculiarities. The subdialects became more similar, the different features started to disappear, resp.,

the levelling of the subdialects took place. That can be mainly referred to the subdialects of Laši and Rauda, the southeast Selonian subdialects have been influenced by various language contacts because the subdialects here are in the contact area of the Baltic and the Slavic languages.

The sociolinguistic situation of the subdialects of southeast Latvia has been influenced by the numerous administrative and territorial reforms, but a special impact has been produced by the migration of population (both in earlier periods and nowadays). The restructuring and the exhaustion of the economic activity, which is strongly felt in the border area, as well as the deterioration of the economic situation, have caused today's wave of migration thus causing the decrease in the number of population and changing also the ethno-linguistic situation in the border areas, which mark certain linguistic changes and further levelling processes of the subdialects in the areas considered.

For a long time the stable components in the subdialects have been the contacts of the Baltic and the Slavic languages and the mixed national composition of the population; they have influenced also the linguistic situation in the subdialects – the development of a locally specific subsystem of the literary language, rather than independent subdialects. There is a possibility that independent subdialects have never existed in some places, since a certain part of the subdialects have not had the majority nationality since the end of the 19th century.

Key-words: sociolinguistic situation, language contacts, Selonian subdialects, the stable and the variable, migration

*

Tāpat kā mainās literārā valoda, pārmaiņas notiek arī izloksnēs; mainoties sociālajai situācijai, mainās arī izlokšņu lingvistiskā aina. Dienvidaustrumu sēlisko izlokšņu sociolingvistiskos procesus ietekmē arī šo izlokšņu ģeolingvistiskā situācija; tās ir perifēras (pierobežas) izloksnes un nonāk saskarē ar citām valodām, t. i., izlokšņu valodas lietojuma telpa nonāk saskarē ar citas valodas (valodu) lietojuma areālu pierobežā.

Ko ietver sociolingvistiskās situācijas apzināšana noteiktā areālā? Tā ir vēsturisko, politisko, administratīvo, ekonomisko, sociālo procesu, demogrāfisko (t. sk. iedzīvotāju skaita) un migrācijas procesu, izglītības un valodu lietojuma, etnisko grupu tradīciju un kultūras orientāciju izpēte, kā arī konfesionālās piederības u. c. aspektu analīze.

Rakstā aplūkota sociolingvistiskā situācija Latvijas dienvidaustrumu sēliskajās izloksnēs, analizējot stabilo un mainīgo sociālo, vēsturisko, etnisko faktoru ietekmi. Īpaša uzmanība pievērsta migrācijas procesiem,

valodu kontaktiem, kā arī *Latviešu valodas dialektu atlanta*[1] materiāliem, kas ļauj aplūkot lingvistiskās pārmaiņas pētāmajā areālā noteiktā laika posmā.

Jāpiebilst, ka arī pati latviešu izlokšņu sistēmas izveide ir ekstralingvistisko faktoru balstīta, proti, muižām pakļautajos pagastos teritoriālais ierobežojums un savstarpējo kontaktu trūkums noveda pie norobežošanās arī lingvistiskā ziņā un atšķirīgu izlokšņu izveidošanās. Tradicionāli izloksnes areāls atbilst pagasta teritorijai 1939. gadā, taču ne visos gadījumos izlokšņu robežas ir identificējamas ar attiecīgo pagastu robežām.[2] Arī profesore M. Rudzīte ir uzsvērusi, ka latviešu izlokšņu izveidē vislielākā nozīme ir bijusi ekonomiskiem un politiskiem apstākļiem.[3]

Pētāmais areāls aptver Sēlijas dienvidaustrumu daļu[4] – Lašu, Raudas, Sventes, Kurcuma, Demenes, Salienas, Silenes, Laucesas, Skrudalienas izlokšņu teritoriju; šī teritorija ilgu laiku ietilpa Ilūkstes apriņķī (1819 – 1949), vēlāko administratīvi teritoriālo reformu gaitā tā ir bijusi Grīvas un Ilūkstes rajonu sastāvā; tad, turpinoties centralizācijas procesiem, 1955. gadā Grīvas rajons, bet 1962. gadā arī Ilūkstes rajons tiek pievienots Daugavpils rajonam[5]; tam paralēli norisinājās arī mazāku administratīvo vienību (ciema padomju) apvienošana, pārdale u. tml.

Atjaunotajā Latvijas Republikā 1990. gadā ciema padomes tika pārdēvētas par pagastiem, bet jau 21. gs. sākumā sāka veidoties jaunas administratīvas vienības – novadi, un jau 2003. gadā izveidojās Ilūkstes novads[6], kurā ietilpa arī daļa no rakstā analizēto izlokšņu teritorijām – Lašu izloksne, bet administratīvajā iedalījumā tā tagad ir Šēderes pagasta sastāvdaļa (Lašu pagasts[7] pārdēvēts par Šēderes pagastu jau 1991. gadā), tajā ietilpst arī Raudas izloksnes teritorija. Pārējās dienvidaustrumu sēlisko izlokšņu teritorijas (izņemot Krāslavas novadā ietilpstošo Kaplavas izloksnes teritoriju) ir 2009. gadā izveidotā Daugavpils novada administratīvās teritorijas[8]. Arī šeit ir notikusi pagastu (ciema padomju) teritoriju pievienošana, apvienošana, pārdale, pārdēvēšana u. tml., piem., Medumu pagasts izveidots bijušajā Kurcuma pagasta teritorijā, pievienojot arī Laucesas pagasta daļu, bet bijušā Silenes pagasta teritorija iekļauta Demenes, Skrudalienas un Salienas pagastu teritorijās[9]. Neapšaubāmi, ka šādas administratīvi teritoriālās pārmaiņas, robežu pārbīdes atstāj iespaidu arī uz lingvistisko situāciju, tomēr dienvidaustrumu sēliskajās izloksnēs šīs pārmaiņas ir cieši saistītas arī ar etnisko situāciju.

Tautas skaitīšanas dati Latvijas Republikā 20. gs. 20. – 30. gados rāda, ka šajā areālā tolaik ir bijis ļoti jaukts iedzīvotāju nacionālais sastāvs.[10] Tā, piem., 1930. gadā visvairāk latviešu ir bijis Raudas pagastā (31%), bet vismazāk Laucesas pagastā (11%), poļu visvairāk ir bijis

Kurcuma pagastā (32%), vismazāk Silenes pagastā (3%), krievu iedzīvotāju visvairāk Skrudalienas pagastā (48%), vismazāk Kaplavas pagastā (9%), savukārt baltkrievu visvairāk ir bijis tieši Kaplavas pagastā (53%) un vismazāk Raudas izloksnē (1%).[11]

Būtībā latviskākā bija toreizējo Lašu un Raudas pagastu teritorija. Līdzīga situācija ir arī 21. gs.: Šēderes pagastā latviešu skaits ir ap 64%, pārējos pētāmajos pagastos no 11 – 24%; šajos pagastos procentuāli lielāks ir krievu (pat vairāk nekā 50%), poļu (15 – 25%, bet Kaplavas pagastā pat 37%) un baltkrievu skaits (no 8% līdz 26% Kaplavā); Lietuvas pierobežas pagastos ir arī neliels lietuviešu skaits (piem., Šēderes pagastā 2%, Medumu pagastā ap 6%).[12] Kā norādījis akadēmiķis J. Stradiņš, Sēliju izsenis raksturoja multikonfesionalitāte un ciešā saistība ar Lietuvu, ciešāka nekā jebkurā citā Latvijas daļā.[13]

Visu dienvidaustrumu izlokšņu teritoriju ļoti būtiski ir ietekmējusi arī migrācija. 19. gs. 2. pusē par to ir rakstījis A. Bīlensteins, proti, ka Ilūkstes apkaimes latvieši, kuri dzīvoja starp lietuviešiem, nav seno sēļu pēcteči, tie ir ienācēji pēc 1850. gada (piem., Vecgrīnvaldē un Jaungrīnvaldē [Lašu izloksnes teritorija – V. Š.], Šarlotē un Raudā no Vidzemes)[14], migrācija turpinājās 20. gs.[15] un turpinās arī tagad. Tikai cēloņi ir atšķirīgi: 20. gs. tie bija pasaules kari, bēgļu gaitas[16], deportācijas. 21. gs. migrāciju un līdz ar to arī iedzīvotāju sastāvu un skaitu dienvidaustrumu izloksnēs galvenokārt ietekmē ekonomiskie apstākļi. Par to liecina arī pagastu pašvaldību mājaslapas, piem., Medumu pagasta mājaslapā ir iekļauta informācija par to, ka iedzīvotāji darbspējas vecumā dodas darba meklējumos uz Latvijas pilsētām un ārzemēm.[17]

To, kā migrācija ietekmējusi lingvistisko situāciju pētāmajā areālā, rāda *Latviešu valodas dialektu atlanta*[18] avotu raksturojums.

No LVDA izlokšņu vācēju un teicēju apraksta izriet, ka atlantā iekļautais leksiskais materiāls dienvidaustrumu sēliskajās izloksnēs galvenokārt ir vākts 1960., 1961. gadā. Izlokšņu materiāla pārbaude notikusi 1972. – 1989. gadā, bez pārbaudes ir palikušas Demenes, Kurcuma, Lašu, Raudas izloksnes (Salienas un Skrudalienas izloksnēs materiāls vākts 1982. gadā, taču tas ir nepilnīgs).[19]

Materiāls fiksēts arī no izloksnēm, kur iedzīvotāju sastāvs ir etniski jaukts vai iepriekšējās paaudzēs iedzīvotāji ienākuši no citiem novadiem (Demenes izloksnē). Materiālu nav no dažām pierobežas izloksnēm (Laucesas, Silenes, Sventes), jo tur laika gaitā ir mainījies iedzīvotāju sastāvs un pēc 2. pasaules kara nav atrasti izlokšņu pratēji. Kaut arī Laucesas, Silenes un Sventes izloksnēs nav latviešu izlokšņu dialektoloģijas tradicionālajā izpratnē, tomēr literārās valodas paveids šeit ir lietots.[20] Jāno-

rāda, ka izloksnes vietā nestājas tīra literārā valoda, saglabājas intonācijas, šaurās un platās *e*, *ē* skaņas lietojuma paradumi, atzīmē M. Rudzīte.[21] Jāpiebilst, ka dienvidaustrumu sēliskajās izloksnēs intonatīvo sistēmu ir skārušas pārmaiņas (vērojama intonāciju opozīcijas nivelēšanās).[22]

Kontaktu paplašināšanās, kas aizsākās 20. gs. 20. un 30. gados, aktivizējoties dažādu novadu iedzīvotāju valodiskajai mijiedarbei un pastiprinoties literārās (kopnacionālās) valodas ietekmei, kā arī pārmaiņas politikā un ekonomikā, kultūras un izglītības jomā veicināja daļēju izlokšņu īpatnību zudumu.

Izloksnes kļūst līdzīgākas, atšķirīgais zūd, un to mijiedarbes ietekmē vienas izloksnes īpatnības pāriet citās izloksnēs. Notiek izlokšņu nivelēšanās. To galvenokārt var attiecināt uz Lašu un Raudas izloksni, dienvidaustrumu sēliskās izloksnes vairāk ir skāruši dažādu valodu kontakti, jo šīs izloksnes ir baltu un slāvu valodu kontaktzona. Valodu kontaktus dienvidaustrumu sēliskajās izloksnēs shematiski var attēlot šādi:

P i e r o b e ž a s s ē l i s k ā s i z l o k s n e s
↑ ↑ ↑ ↑
lietuviešu, poļu, krievu, baltkrievu valoda

Valodnieki A. Baņģiere un O. Bušs atzīst, ka mūsdienās, notiekot atkāpšanās procesam no teritoriālajiem ierobežojumiem, kam par iemeslu ir arī izlokšņu literarizēšanās, šo procesu raksturo 3 posmi: *tīrā izloksne* (literārās valodas adstrāts parādās dažu izloksnes pārstāvju valodā); *izloksne ar literārās valodas adstrātu* (resp., izloksnes sistēmas sastāvdaļa) un *literārā valoda ar izloksnes substrātu* (lokāli specifiska literārās valodas apakšsistēma, kurā saglabājas izloksnes substrāts).[23] Ņemot vērā pētāmā areāla migrācijas procesus, lingvistiskos kontaktus pierobežā, iedzīvotāju etnisko sastāvu un arī literārās valodas ietekmi, lielākā daļa izlokšņu zināmā mērā atbilst iepriekšminētajam trešajam posmam – lokāli specifiska literārās valodas apakšsistēma.

Arī lietuviešu dialektologi atzīst, ka tradicionālās izloksnes zūd, rodas jauni veidojumi, paplašinās to lietuviešu valodas teritoriālo veidojumu skaits, kuri ir ārpus izlokšņu sistēmas.[24] Daļā dienvidaustrumu sēlisko izlokšņu, kā to rāda LVDA materiāli, šie procesi ir norisinājušies jau 20. gs. (vai pat agrāk).

Cik noturīga ir dienvidaustrumu sēlisko izlokšņu sistēma? Mūsdienās tās vairs nevar raksturot kā stiprās izloksnes, kas saglabājušas fonētiskās, gramatiskās, leksiskās īpatnības; par vāju izloksni atzīstama Lašu izloksne, kas daļēji saglabājusi leksiskās, arī fonētiskās (prosodiskās) īpatnības,

piem., *kŕ́eķìnc* 'cepts jaunpiens', *kvašeľine* 'malta aukstā gaļa (maltais galerts)', *lùņģùos ít'* 'raudzībās iet'[25].

Lielākā daļa pētāmā areāla izlokšņu ir raksturojamas kā zudušās (resp., nav identificējamas tradicionālajā izpratnē) izloksnes – Demenes, Kurcuma, Raudas, Skrudalienas izloksnes, iespējams, dažviet pat nav bijis patstāvīgu izlokšņu (daļā izlokšņu jau kopš 19. gs. beigām nevienai tautībai nav bijis vairākuma).[26]

Latvijas dienvidaustrumu izlokšņu sociolingvistisko situāciju ir ietekmējušas daudzās administratīvi teritoriālās reformas, bet īpaši to ir ietekmējusi iedzīvotāju migrācija (gan senākos laika posmos, gan mūsdienās). Saimnieciskās darbības pārstrukturēšanās un apsīkums, kas izjūtams pierobežā, un ekonomiskās situācijas pasliktināšanās izraisījusi mūsdienu migrācijas vilni, tādējādi samazinot iedzīvotāju skaitu un mainot arī etnoligvistisko situāciju pierobežā, kas iezīmē noteiktas lingvistiskas pārmaiņas un arī izlokšņu tālākas nivelēšanās procesus pētāmajā areālā.

Jau izsenis stabilas komponentes izloksnēs ir baltu valodu un slāvu valodu kontakti un jaukts iedzīvotāju nacionālais sastāvs, kas ietekmējis arī lingvistisko situāciju izloksnēs – lokāli specifiskas literārās valodas apakšsistēmas izveidošanos, nevis patstāvīgas izloksnes.

---

[1] *Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika*. Rīga: Zinātne, 1999 (LVDA).

[2] Turpat, 6. lpp.

[3] Rudzīte M. *Darbi latviešu dialektoloģijā*. Atb. red. L. Leikuma, A. Andronovs. Rīga: LU, 2005, 16. lpp.

[4] Par Sēlijas dienvidaustrumu izloksnēm skat. arī Šaudiņa V. Latvijas dienvidaustrumizlokšņu etnolingvistiskās attieksmes. *Latgale kā kultūras pierobeža*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2008, 418.–423. lpp.; Šaudiņa V. Ethno-Linguistic Relations of the Southeastern Subdialects of Latvia. *Comparative Studies. Latgale as a Culture Borderzone*. Vol. II (1). Daugavpils: Daugavpils University Academic Press "Saule", 2009, pp. 208–214.

[5] *Latviešu konversācijas vārdnīca*. VII sējums. Rīga, 1931 – 1932, 12574.–12581. sl.; *Latvijas padomju enciklopēdija*. V sējums. 2. daļa. Rīga: Galvenā enciklopēdiju redakcija, 1984, 32.–33. lpp.

[6] www.ilukste.lv (skatīts 28.10.2013.).

[7] Lašu pagasta teritorija ir iekļauta ne tikai Šēderes, bet arī Eglaines un Pilskalnes pagastos. Skat. *Latvijas pagasti*. Enciklopēdija. Rīga: A/S Preses nams, 2001, 2002.

[8] www.dnd.lv/Text.aspx?qid=m9760; http://kraslava.lv/novads (skatīts 28.10.2013.).

[9] www.medumi.lv; www.skrudaliena.lv (skatīts 05.11.2013.).

[10] Sal., Lašu pagastā dzīvo poļi, krievi, latvieši, lietuvieši, katoļi (latgaļi) (*Folkloras krātuves materiāli*, 1947. g. ekspedīcija).

[11] *Latviešu konversācijas vārdnīca*. VII sējums. Rīga, 1931 – 1932, 12574.–12581. sl.

[12] 20. gs. 20. – 30. g. bija arī Latvijas lietuviešu apvienības Kurcuma, Lašu, Laucesas, Raudas nodaļas; skat. www.biographien.lv/Biedribas pagastos.html (skatīts 12.02.2014.).

[13] Stradiņš J. Sēlija un tās reģionālās identitātes meklējumi. *LZA Vēstis*. A daļa. 64. sējums. 2010. gada 5./6. nr.

[14] Bielenstein A. *Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart un dim 13. Jahrhundert*. St.Petersburg, 1892, S. 567.

[15] Sal., *Eglainē* (Lašu pagasta daļa) *iedzīvotāji pamatā ir ienācēji, krievi vecticībnieki no Lietuvas, latvieši no Vidzemes, lietuvieši ienākuši nesen* (*LU Latvijas Vēstures institūta Etnogrāfijas materiālu krātuves* 1967. g. ekspedīcijas dati).

[16] 1. pasaules kara laikā ap 80% iedzīvotāju no Eglaines pagasta [Lašu izloksnes teritorija – V. Š.] dodas bēgļu gaitās uz Krieviju. www.ilukste.lv (skatīts 28.10.2013.).

[17] www.medumi.lv (skatīts 05.11.2013.).

[18] *Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika*. Rīga: Zinātne, 1999. Skat. arī *Latviešu valodas dialektu atlants. Fonētika*. Rīga: Latviešu valodas institūts, 2013.

[19] Turpat, 13., 266., 275., 276., 286., 288., 290. lpp.

[20] Turpat, 13. lpp.

[21] Rudzīte M. *Darbi latviešu dialektoloģijā*. Atb. red. L. Leikuma, A. Andronovs. Rīga: LU, 2005, 17. lpp.

[22] Skat. Sarkanis A. *Latviešu valodas Augšzemes sēlisko izlokšņu prosodija un vokālisms: Eksperimentālie pētījumi*. Disertācija humanitāro zinātņu doktora grāda iegūšanai. Viļņa, 1993, 169. lpp. (Manuskripts). Sal. Breidaks A. Влияние прибалтийско-финских языков на латгальские говоры Лудзенского района Латвийской ССР. *Breidaks A. Darbu izlase*. 2. sējums. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, Daugavpils Universitāte, 2007, 253. lpp.

[23] Baņģiere A., Bušs O. Dažas pārdomas par literāro adstrātu izloksnes tekstā. *Linguistica Lettica* 2. Latviešu valodas institūta žurnāls. Rīga: Latviešu valodas institūts, 1998, 43. lpp.

[24] Visada darbų sūkuryje. *Gimtoji kalba* Nr. 9, 2012, p. 29 (A. Leskauskaites intervija ar D. Mikulėnieni).

[25] V. Janovskas vākums 1957. g.

[26] Skat. tautskaites datus 1897. g. – Ilūkstes apr. dienvidaustrumos 8 pagastos nevienai tautībai nav vairākuma (*Первая всеобщая перепись населения Россiйской империи, 1897 г. XIX, Курляндская губерния*. 1905, с. 60, 62).

LITERATŪRA

Baņģiere A., Bušs O. Dažas pārdomas par literāro adstrātu izloksnes tekstā. *Linguistica Lettica* 2. Latviešu valodas institūta žurnāls. Rīga: Latviešu valodas institūts, 1998, 43.–48. lpp.

Bielenstein A. *Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart un dim 13. Jahrhundert*. St.Petersburg, 1892.

Breidaks A. Влияние прибалтийско-финских языков на латгальские говоры Лудзенского района Латвийской ССР. *Breidaks A. Darbu izlase*. 2. sējums. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, Daugavpils Universitāte, 2007.

http://kraslava.lv/novads (skatīts 28.10.2013.).

Latviešu konversācijas vārdnīca. VII sējums. Rīga, 1931 – 1932.

Latviešu valodas dialektu atlants. Fonētika. Rīga: Latviešu valodas institūts, 2013.

Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika. Rīga: Zinātne, 1999.

Latvijas padomju enciklopēdija. V sējums. 2. daļa. Rīga: Galvenā enciklopēdiju redakcija, 1984.

Latvijas pagasti. Enciklopēdija. Rīga: A/S Preses nams, 2001, 2002.

Rudzīte M. *Darbi latviešu dialektoloģijā*. Atb. red. L. Leikuma, A. Andronovs. Rīga: LU, 2005.

Sarkanis A. *Latviešu valodas Augšzemes sēlisko izlokšņu prosodija un vokālisms: Eksperimentālie pētījumi*. Disertācija humanitāro zinātņu doktora grāda iegūšanai. Viļņa, 1993. (Manuskripts).

Stradiņš J. Sēlija un tās reģionālās identitātes meklējumi. *LZA Vēstis*. A daļa. 64. sējums. 2010. gada 5./6. nr.

Šaudiņa V. Ethno-Linguistic Relations of the Southeastern Subdialects of Latvia. *Comparative Studies. Latgale as a Culture Borderzone*. Vol. II (1). Daugavpils: Daugavpils University Academic Press "Saule", 2009, pp. 208–214.

Šaudiņa V. Latvijas dienvidaustrumizlokšņu etnolingvistiskās attieksmes. *Latgale kā kultūras pierobeža*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2008, 418.–423. lpp.

Visada darbų sūkuryje. *Gimtoji kalba* Nr. 9, 2012, pp. 26–31 (A. Leskauskaites intervija ar D. Mikulėnieni).

www.dnd.lv/Text.aspx?qid=m9760 (skatīts 28.10.2013.).

www.ilukste.lv (skatīts 28.10.2013.).

www.medumi.lv (skatīts 05.11.2013.).

www.skrudaliena.lv (skatīts 05.11.2013.).

Первая всеобщая перепись населения Россiйской империи, 1897 г. XIX, Курляндская губерния. 1905.

Наталья Валентиновна Большакова

АВТОКОММЕНТАРИЙ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Summary

Self-Comment in the Dialect Discourse

The object of the present research is the communicative behavior of the speaker manifested in the dialect text. The studied empirical material is presented by numerous audio recordings of the dialect speech which are stored in the Pskov dialect and folklore and ethnographic archives. In the communicative respect texts can be divided according to genre that is more strictly outlined (for example, fairy tales) and the texts representing free narration that is possible to define as an oral narrator's comment.

During research it was revealed that the structure of the dialect text foregrounds interpersonal interaction of the story-teller and the listener that is verbally expressed in different insertions and comments within the text.

The most interesting manifestation in the text is the metalinguistic activity of the narrator as the dialect speaker that is often expressed in a parallel use of semantically identical synonyms, one of which is a dialect word, the other appears to be a speaker's 'translation' into the Russian language understood by the listener.

The conclusion is that self-comments, along with repetitions and pauses are immanent properties of oral and dialect speech. In the substantial relation self-comment can be considered to be a self-reflection of the speaker.

Key-words: narrator's comment, dialect discourse, dialogical nature of oral text

*

Введение

Диалектный текст в широком его понимании, т.е. как вербальная форма репрезентации диалектной речи, осознается не только как способ хранения традиционной народной речи, но и как важнейший источник когнитивной информации и сведений о коммуникативной деятельности человека и, конечно, о человеке в целом.

Текст вряд ли следует рассматривать только как эмпирический материал для последующего анализа фонетики, семантики или грам-

матики. Сами по себе тексты, отражающие записи спонтанной речи либо жанрово закрепленные (например, сказки, легенды, предания), являются синтетической формой отражения речи в ее коммуникативно-прагматических свойствах.

Теория речевой деятельности сформировала понятие дискурса, свойства и границы которого до настоящего времени являются предметом дискуссии. При всей содержательной множественности дискурс (в силу, вероятно, междисциплинарного характера понятия) относится к таким категориям, которые получают распространение вне зависимости от четкости дефиниции. Неоднозначность и даже противоречивость данного понятия, однако, не мешают сопоставлению его содержания со смежными категориями. Так, теория дискурса включает в себя вопросы соотношения дискурса и концепта, дискурса и речи, дискурса и нарратива, дискурса и текста.

Диалектная речь, разумеется, существует объективно вне зависимости от факта ее осознания исследователем. Однако научному описанию, как правило, доступны лишь записи, сделанные собирателем-исследователем. Отдельные исключения могут составлять нечастые случаи совпадения в одном лице роли собирателя и диалектоносителя. В большинстве же диалектные архивы являются результатом научного эксперимента исследователей, предпринятого в условиях функционирования диалекта.

Целью настоящей работы является изучение коммуникативного поведения говорящего, которое проявляется в диалектном тексте, в аспекте межличностного взаимодействия рассказчика и слушателя.

Диалогичность диалектного текста

Ведущими для диалектной речи являются позиции участников коммуникации: диалектоносителя и собирателя. Взаимодействие двух сторон коммуникации влечет за собой обнаружение явной или скрытой диалогичности диалектных текстов. Наблюдения показывают, что повествование, оформляемое говорящим как монолог, имплицитно содержит в себе признаки диалога рассказчика и слушателя.

Диалогичность диалектного текста отражена как в рассказах на заданную или свободную тему, так и в текстах, имеющих жанровую закрепленность (например, в необработанных народных сказках). Коммуникативное взаимодействие двух сторон – информанта-диалектоносителя и собирателя-исследователя – раскрывается в мно-

гочисленных пояснениях, попутных комментариях вставочного характера, направленных к слушателю. Такие тексты, имеющие вид монолога, в скрытом виде представляют собой «нарративный ответ» на заданный вопрос.

Диалогическую основу повествований, явное или скрытое участие собирателя (интервьюера), отмечают и этнографы, работающие с вербальным полевым материалом.[1]

Автокомментарий в системе других свойств устной речи

Коммуникативная лингвистика, изучающая устную речь, выделяет такие ее свойства, как самокомментарии, самоперебивы, возвраты, повторы, паузы хезитации – вокализованные или незаполненные. Причем элементы незаконченности, обрывочности, некоторые лакуны и, наоборот, факты избыточности, повторы – все это не находится в противоречии с признаком связности как важнейшей категории текста, т.к. отражают категорию дискретности, свойственную спонтанной речи.

Более того, современные исследования, *объектом которых является аутентичная устная речь разных жанров, убедительно свидетельствуют, что устная речь не только не может отвечать нормативности, закрепленной в письменной речи, но должна ее нарушать, что многие так называемые огрехи устной речи – функционирование незаконченных высказываний, слабая структурированность, введение перебивов, автокомментаторов, контакторов, реприз, элементов колебания и пр. – являются необходимым условием успешности и эффективности устного способа коммуникации*[2].

В соответствии с типологией интенциональных типов устной речи диалектные тексты могут быть квалифицированы как *коммуникация сотрудничества, имеющая целью обеспечение взаимодействия субъектов коммуникативного процесса*[3].

Исследование строится на основе экспедиционного архивного аудиоматериала, хранящегося в лаборатории региональных филологических исследований Псковского государственного университета. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты наполнены различными вербальными оценками, самокомментариями, а также реакциями невербального характера, к которым относится смех как одна из форм самооценки. Все они сопровождают речь говорящего, что в совокупности определяет адресный, диалогический характер диалектного текста. Так, смеховое поведение информанта является естественной

реакцией на собственный рассказ комического содержания либо, как нам представляется, часто бывает вызвано неосознанным стремлением говорящего к самозащите, к защите традиций, того, что сейчас в глазах нового поколения уже теряет актуальность.

Самокомментарии, вербально выраженные в различного рода включениях, вставках, которые не предусмотрены основной темой повествования, рассказчик также вводит с целью пояснить, прокомментировать, дать оценку сообщаемому, донести до слушателя истинный, не искаженный смысл повествования.

Жанровое разнообразие исследованных текстов, содержащих автокомментарии, позволяет видеть в подобного рода вставках внутренне присущее устным текстам свойство.

Автокомментарии можно наблюдать в текстах разного типа, причем даже в песенных жанрах, где важна именно исполнительская интенция, информант прерывает свое исполнение и вводит комментарий.

В текстах повествовательных жанров автокомментарий нередко выступает в функции усиления степени достоверности сообщаемого. Например, на вопрос собирателя *А где собиралась молодежь на Ивана Купалу?* информант отвечает (приводим лишь фрагмент текста, записанного в Себежском районе): *А в этай диревни (мне расказывала Вера Григорьивна, ей 89 лет, ана толька што уехала) зьдесь есть Цвитная гара, и на Ивана Купалу, эта... называлась, как у них, Цвитной Иван*[А]. Говорящий, отступая от темы, вводит пояснение об исходном источнике информации, более авторитетном в силу пожилого возраста лица: указание на возраст следует рассматривать как залог особой надежности сообщаемого.

Яркие примеры самокомментария демонстрируют сказочные тексты. Необработанная народная сказка представляет собой двуединство фольклорного произведения и спонтанной диалектной речи, коммуникативно-прагматические черты которой обусловлены ситуацией повествования, личностью рассказчика, а также, что особенно существенно, образом собирателя, как правило, более молодого по сравнению с рассказчиком.

Функциональные типы вставок в тексте народной сказки

Тексты народных сказок, записанных на Псковщине, отличает информационная насыщенность, обусловленная их сюжетным разнообразием, богатством мотивов, связью с различными фольк-

лорными жанрами (например, свадебными песнями, причитаниями), поверьями, бытующими на территории Псковской области[5]; важен также факт вариативности текстов. В настоящее время готовится выпуск диска, где будут опубликованы архивные тексты сказок с максимальным сохранением всех коммуникативных особенностей речи, будут представлены также аудиозаписи имеющихся текстов, что особенно важно для диалектологов и для всех интересующихся особенностями устной народной речи. Записи текстов рисуют образ информанта не только как живого рассказчика, но и как мудрого хранителя материального, духовного и языкового опыта. Вместе с тем каждый рассказчик – это реальное лицо со своими индивидуальными чертами, в том числе и со своими собственными языковыми предпочтениями и жизненным знанием. В связи с этим авторские комментарии так существенны для обеих сторон коммуникации: для рассказчика – это способ самовыражения и передачи коллективного знания, для слушателя – это приобщение к национальным культурным традициям.

Эмоционально-экспрессивный и модальный план текстов еще малоизучен; можем только наметить функциональные разновидности авторских включений в текст повествования: эмотивные вставки (*Ах ты, маткин берег!*; *Ахти, тошненько!*; *Ах ты, едрит твою!*); высказывания, оценивающие ситуацию, поведение героев (*Вот такой волк нехороший*; *Ена ж, лисица, гад, хитрая!*; *Вот такой аферист нашёлся и барина провёл!*); обобщения, связанные со сказочными мотивами (*Ну дураки-то вечно здоровые*); житейское обоснование свойственных определенным типам сказок нелепостей (*Народ-то в те времена глупый был*); многочисленные пояснения, связанные с особенностями быта, ведения хозяйства, социального устройства (*А раньше ж жили тольки со своего хозяйства*; *А в старое время люди праздновали всякие религиозные праздники и ходили в гости друг к другу из деревни в деревню. В одной деревне одни праздники празднуют, в другой другие, так и ходят*).

Помимо отмеченных функциональных типов вставок, выделим также усиление рассказчиком интерпретационного элемента своего повествования с целью обеспечения реализации поучительной (не только нравоучительной) функции сказки.

Приведем целиком текст, записанный от информанта-мужчины 1937 года рождения в 2008 г. (год записи, возраст и гендерная характеристика информанта определяют слабую выраженность диалектных черт текста). Сюжет основного повествования прерывается про-

странными вставками разъяснительного характера (собственно текст сказки обозначен цифрой 1, комментарии рассказчика – цифрой 2). Интерпретационная составляющая текста вдвое превышает по объему основное повествование, при этом коммуникативная задача представляется рассказчику реализованной в необходимой полноте.

(1) *Пётр Первый патходит, ну, не толька Пётр-та Первый – царь. Патходит к камнетёсам, работают камнетёсы.*

(2) *Камнетёсы, ты слышала такое выражение? Знаеш, чем занимаюцца камнетёсы? Ну, агромные валуны, камни, там, скалы, адделывали их: адбивали, шлифавали, ну, делали для пастаментаф, для памятникаф. Панимаеш? Вот. И так далее... эти шли адделанные камни. Вот, ани зарабатывали очень харашо.*

(1) *Царь спрашывает аднаво: «Сколька ты зарабатываеш – в день?» А он гаварит: «Восьмьсят капеек, ваше эта... императар...». – «Оγо-γо, такие деньги!» – «А куда же ты их тратиш?» – «А вот, – гаварит, – дватцать капеек – я долк аддаю, дватцать капеек – я в долк даю, дватцать капеек за акно выбрасываю и на дватцать капеек сам жыву са старухой».*

Царь думал-думал, гаварит: «Слушай, ты мне разйасни фсётаки, што-та да меня не даходит, што ты даже и за акно выбрасываеш деньги!»

«Долг аддаю – эта я радителей старых кармлю».

(2) *Смысл паняла? Старых радителей, каторые ево васпитывали раньше, вот, вырастили, вот он долг аддаёт, кормит старых радителей.*

(1) *«А в долг даёт – эта я сынавей рашшу. Сынавей! А за акно выбрасываю дватцать капеек – я дочек рашшу».*

(2) *А пачему? Патаму што он работает-работает им на приданае, дочкам, а патом замуж оддаст – фсё! Её дома нет, ана уже ф чужой семье. А раньше как ф чужой семье, ана магла и не притти никагда к сваим радителям: не атпустят, некагда, там упирались, работали, асобенно крестьяне. Ана уже была... себе не принадлежала, ана находилась в распоряжении чужой семьи. Вот и паэтаму шшиталось, дватцать капеек за акно выбрасывает атец, радители, – дочку растят* [смеется]. *Панимаеш? Приданае чем багаче, тем* [нрзб.] *больше.*

Ф старые времена, ф старай Рассии, радицца девчонка, нарадится девачка ф семье, радится – на неё землю не давали, давали землю толька на сынавей. Панимаеш? Даже не давали землю на девчонак. А на сынавей давали. Патаму што шшиталась, што девчонка, ана замуж выйдет, у таво парня, её уже, уже её мужа, он землю будет иметь: ему давалась земля.

А приданае абязательна – бальшой кованый сундук, одделанный медью, акован, расписан, и замок музыкальный. Вот в этам сундуке складывалась фсё новае, пастельные принадлежности и её там фсевозможная адежда. (Невельский район)

Из аудиозаписи следует, что рассказ направлен в адрес собирателя-девушки (по-видимому, студентки), при этом сам рассказчик, излагая сказку, считает необходимым раскрыть не только иносказательный характер ответов каменотеса царю.

Сначала рассказчик дает пояснение к содержанию слова *камнетёсы*, несмотря на то, что на вопрос, слышала ли молодая собирательница *такое выражение*, последовал утвердительный ответ. И далее с педантизмом учителя, наставника жизни, в форме поучения рассказчиком вводится комментарий к собственному рассказу о гендерном неравенстве, существовавшем *в старые времена, в старой России*.

Увлекшись историческими подробностями, говорящий переходит на другую тему – тему замужества и приданого, видимо, с учетом и половозрастных особенностей собеседника. Так, незаметно меняется сама коммуникативная интенция говорящего.

Пересказ сказки *Про царя и камнетёса* нельзя назвать исполнением (такие сказки также имеются в архиве), в ходе которого слушатель сам должен догадаться о содержании иносказательного выражения. Более того, текст включает в себя несколько относительно самостоятельных текстов: собственно текст сказки, автокомментарий рассказчика и новый текст о социальных и экономических отношениях, существовавших в историческом прошлом. Так, жанрово определенное повествование переходит в свободный нарратив.

Устный нарратив, как правило, отнесен в план прошлого: обычно ведется повествование о том, что произошло с самим говорящим или известными ему людьми. В приведенном примере сказка стала «поводом» для того, чтобы преподать жизненный урок представителю молодого поколения. При этом рассказчик учитывает социальный и возрастной статус слушающего, его жизненный опыт, как правило, недостаточный, с точки зрения рассказчика. Все это определяет наличие дополнительной когнитивной информации, вносимой говорящим в ткань повествования.

Тема прошлого с характерными для него особенностями быта, хозяйствования, социального устройства, обычаев и нравов, норм поведения и т.д. продолжает оставаться актуальной для старшего и более опытного диалектоносителя. Модально-временной план кон-

струкций отражает семантику обычности, типичности происходивших событий:

> *А пачему? Патаму што он работает-работает им на приданае, дочкам, а патом замуж аддаст – фсё! Её дома нет, ана уже ф чужой семье.*

Наблюдения над проиллюстрированным и многими другими текстами показывают, что повествование прерывается говорящим не только для объяснения старого и забытого слова (в данном случае слова *камнетёсы*). Автокомментарий касается исторических фактов, деталей старого быта, что придает рассказу, в том числе и сказочному повествованию, информационно-когнитивную ценность. Особенно важным нам представляется проявление в архивных записях такой функции сказок, как воспитательная, поучительная.

Старые люди вспоминают, что сказки рассказывались часто на молодежных собраниях – супрядках:

> *Ну вот... скаски расказывали не тока детям. Нет, нет, нет! И не тока дети их харашо знали, а и взрослые тоже. Вот сабирались на гулянки. Снимали чью-та хату на вечер. Придут и рукаделье с сабой принасили: кто вяжет рукавички, кто насочки, кто прядёт, кто чем занимались дефки. Так не сидели, как шшас: на дискатеку пришли, тока паплясали и пашли, абязательна што-та делали дефки. На супря́дки они ешшо собирали. И пряли там и фсё делали. А парни – между ними.* (Себежский район)

Сказителями нередко выступали как раз пожилые мужчины:

> *И вот, нада сказать, што фсё-таки лутшые сказачники... Ну, я ня знаю, как γде, а у нас, навернае, эта были мужыки. Вот были такие, каторые... у каторых язык падвешен и знали они многае и магли расказывать. Вот такой уже дет, старава я ево знала, дет Фетька Беладедаф, адинокий такой старик был. О-о, как он харашо рассказывал! Фсякий скажет! «Так, расскажу я вам бывальщину», – и начнёт заливать.* (Там же)

Таким образом, на примере одного из неопубликованных текстов мы попытались показать, как автокомментарий рассказчика усиливает поучительную функцию сказки. Будучи рассказанной в новых условиях, сказка продолжает выполнять роль учебника жизни для молодежи. Занимательный сюжет повествования, часто развертывающегося в нереальном мире, а также яркое, эмоциональное исполнение обеспечивают полифункциональность сказки. Старшее поколение транслирует через сказку знание о мире и прививает мо-

лодым традиционно сложившиеся и поддерживаемые нормы поведения в обществе. Нам представляется, что в ситуации, когда сказка не читается по книге, а рассказывается, то ее интерпретационный характер не только усиливается, но сами комментарии являются обязательным атрибутом устного общения, строящегося в форме скрытого диалога между рассказчиком и слушателем.

Метаязыковая функция автокомментария

Наиболее интересным представляется проявление метаязыковой деятельности рассказчика-диалектоносителя, что выражается путем введения им в ткань повествования различных типов пояснений. Это могут быть развернутые комментарии, сделанные к какому-либо устаревшему слову или этнографизму. Возможны пояснения, по типу соответствующие дефинициям. В текстах часто встречается также прием синонимической замены: рядом с диалектизмом рассказчиком вводится слово в качестве «перевода» на общерусский язык, понятный слушателю, либо, наоборот, упоминается диалектное наименование реалии.

Так, в сказке *Наливное яблочко, золотое блюдечко* (Опочецкий район) по сюжету употреблено слово *горшан* – ‘кто изготовляет и продает горшки’, отражающее реалию, уже не знакомую современной деревне: *Ф то время праяжжал там гаршан. (Приежжая, бывала, в деревню – тук-тук кнутовьем в акно: «Эй, хазяйка! Выхади, не нада ли гаршков?»)*. Рассказчица дает разъяснение, иллюстрируя употребление слова описанием характерной в прошлом ситуации.

В сказке *Купец и волшебная монета* (Усвятский район) герой одет в армяк: *Идеть-идеть, а карман всё почему-то тяжелееть, даже полу ормяка (ормяк – это такое вроде пальто без подкладки из самотканого сукна)* [оттянуло]. Текст сказки находится в архиве в записи от руки: сказочница попутно дает определение слова *армяк* (приводя его в гиперкорректной орфографии) через близкий по смыслу синоним (*вроде пальто*), отражающий отнесение армяка к верхней одежде, с добавлением важных дифференциальных признаков этой старинной одежды.

Введение смысловых параллелей, близких к синонимам, используется как для «перевода» диалектизма, так и для привлечения в повествование местного или старого слова, существенного для стилистики текста необработанной народной сказки:

Етот пиражок табе, дачушка! Ён дуже харошый удался! Будем ево украшать! (Там разные и курачки кладуть и разные тамачка хрястки по пирогу, крестики: крутють теста и кладуть вот)...

Ср. также:

А ступенек-та многа, как па-дерявенски крыльцы-та. Вот ани тот сундук па этым ступенькам толька гром-гром, гром-гром!; Сабрал собрание (как бы сходка, по-раньшему).

Итак, опасаясь неточного или неполного понимания, информант вводит как краткие, так и развернутые пояснения для отдельных реалий и ситуаций.

Интересные результаты дает сопоставление фрагментов текстов односюжетных сказок. Так, тексты *Сказки про волка* (Порховский район) и *Про волка и деда с бабой* (Куньинский район) включают сходные сюжетные линии, когда *старуха/баба* прячется от волка *под корыто/в горшок*, но волк ее обнаруживает. Причина обнаружения в обоих случаях исходно, по-видимому, одна и та же, однако во второй сказке происходит явная подмена диалектного слова *оборы*, которое является наименованием этнографической детали старинного крестьянского костюма, общерусским словом *оборки*, более знакомым современным молодым людям. При этом ни рассказчик, ни слушатель этого не замечают, т.к. общее содержание от подмены не страдает.

Сказка про волка:

Старик молчал, а шепотом старухе: «Прячься под корыто!» (Раньше старик со старухой носили лапти, портянки закручивали оборам, тесемка такие). И эта оборина с-под корыта у бабы и торчала... Волк вскочил в избу, углядел оборину, схватил за нее старуху и поволок по крыльцам в лес!

Про волка и деда с бабой:

Приходит волк. Глядить: нет никого. Нюх, нюх – русским духом пахнеть! А у бабы с горшочка оборка юбки торчала (раньше юбки с оборками были вот). Он дерг за оборку – баба с полки свалилась и вбилась.[6]

Обнаруживая описанную ошибку, мы, тем не менее, склонны считать ее не просто речевой погрешностью рассказчика. Этот случай относится к разряду когнитивно обусловленных явлений. Диалектная речь в ее динамическом развитии в современных условиях при-

обретает признаки широкого просторечия. К числу таких признаков следует относить и субституцию, яркий пример которой мы здесь наблюдаем. В современных записях сказок неоднократно встречается замена тех или иных агнонимов – неизвестных, малопонятных или непонятных слов или фразеологизмов, находящихся за пределами лексикона данной конкретной личности (например: *Сивка-бурка, вечная каурка* (вместо *вещая*), *встань передо мной, как лист перед травой!*).

Выводы

Таким образом, различного рода трансформации традиционной сказки представляют интерес как для фольклористов, так и для языковедов, в первую очередь – диалектологов, т.к. отступления и включения, идущие от рассказчика-диалектоносителя, содержат ценные, оригинальные пояснения этнографического, когнитивного, лингвистического характера.

Теоретики в области нарратологии (а таких работ сейчас множество: философы и психологи пишут даже о второй когнитивной революции под названием дискурсивного или нарративного переворота) сходятся на том, что рассказываемая история (в нашем случае сказки, примеры обрядового нарратива) сильна своим интерпретативным характером.[7] Доминирование ценностной интенции повествования обнаруживают и проанализированные нами тексты.

Роль самокомментария в нарративном тексте, представляющем диалектный дискурс, существенно возрастает. Автокомментарий приобретает особый ценностный статус, т.к. является отражением авторефлексии: рассказчик, представитель традиционной национальной культуры, обладающий большим жизненным опытом, осознает, по-видимому, свою особую роль и степень ответственности за сказанное, в связи с чем его повествование, отражая и личный опыт, представляет коллективное знание.

Автокомментарий, таким образом, несмотря на его структурную и коммуникативную обособленность в тексте, нельзя рассматривать как речевой сбой; он, без сомнения, представляет типологическую особенность текстовой организации диалектного дискурса.

С точки зрения диалектного жанроведения, автокомментарий с известной степенью условности можно определить как разновидность речевых актов, под которыми понимаются фрагменты речи, как правило, менее развернутые и соответствующие отдельному выс-

казыванию, но также обладающие особой интенцией, не менее коммуникативно значимой, чем коммуникативная задача самих речевых жанров.

---

[1] Штырков С. А. *Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины)*. Автореф. дис. канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2002.

[2] Бубнова Г. И. Теоретические проблемы лингвистики. Устнопорождаемая речь как объект лингвистического исследования. *Вопросы филологии* № 1, 1999, с. 18–19.

[3] Олешков М. Ю. Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход. *Вопросы филологии* № 1, 2006, с. 42.

[4] Фрагменты диалектных текстов приводятся в упрощенной фонетической транскрипции.

[5] Площук Г. И. Сказки Псковской области из фонда фольклорного архива Псковского государственного педагогического института. *Сказки Псковской области* / Под ред. Г. И. Площук. Псков: ПГПИ, 2004, с. 24.

[6] Цитируются фрагменты опубликованных текстов сказок: *Сказки Псковской области* / Под ред. Г. И. Площук. Псков: ПГПИ, 2004, с. 75, 81.

[7] Тюпа В. И. Нарратив и другие регистры говорения. *Narratorium* № 1–2, 2011. http://narratorium.rggu.ru/section.

ЛИТЕРАТУРА

Большакова Н. В. Коммуникативно-прагматические черты псковской сказки. *Сказки Псковской области* / Под ред. Г. И. Площук. Псков: ПГПИ, 2004, с. 532–546.

Большакова Н. В. Смех как невербальное коммуникативное средство в диалектном тексте. *Русская речь в современных парадигмах лингвистики*. Материалы Международной научной конференции (Псков, 22 – 24 апреля 2010 года). Т. I. / Под ред. Н. В. Большаковой и др. Псков: ПГПУ, 2010, с. 10–15.

Бубнова Г. И. Теоретические проблемы лингвистики. Устнопорождаемая речь как объект лингвистического исследования. *Вопросы филологии* № 1, 1999, с. 16–19.

Олешков М. Ю. Системное обоснование дискурсивной модели: лингвопрагматический подход. *Вопросы филологии* № 1, 2006, с. 39–43.

Тюпа В. И. Нарратив и другие регистры говорения. *Narratorium* № 1–2, 2011. http://narratorium.rggu.ru/section.

Штырков С. А. *Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины)*. Автореф. дис. канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2002.

Наталья Глебовна Ильинская

НАЗВАНИЯ СЕТНЫХ ОРУДИЙ ЛОВА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В ГОВОРАХ ЖИТЕЛЕЙ КАМЧАТКИ

Summary

The Names of Fishing Mesh Devices in the Russian Literary Language and Kamchadals' Subdialects

Different mesh devices are the main fishing gears for Kamchadals that allow them to provide themselves and their dogs, which they keep in abundance, with food. The analyzed lexico-semantic group is characterized by its subsumption way of organization, numerous differential features, developed synonymy and variance. The fishing gears have scientific interest in their motivation, which is characterized by their variety of motivational signs.

Key-words: Kamchadals' subdialects, fishing mesh devices, semantics, synonymy, variance

*

Введение

Рыболовство занимало особое место в жизни камчадалов, поэтому неотъемлемой частью их быта считаются орудия лова. Для рыбной ловли *мужчины и женщины вместе выезжают на лодках; мужчины закидывают плоские сети; неводов нельзя употреблять, так как они лопнули бы*[1]. Сезон лова начинался ранней весной и заканчивался поздней осенью: *первым в году вылавливали гольца, когда в апреле-мае очищались верховья рек ото льда; в июне – корюшку, которая заходила в реки; в июне-июле заготовляли чавычу; в июле начинался массовый лов горбуши, а самые важные промысловые рыбы – кета и кижуч – вылавливались в августе-сентябре; поздней осенью, в октябре-ноябре, ительмены вновь заготовляли гольца*[2]. Однако в некоторых местах, *особенно у морского побережья, не исключался и зимний подледный лов*[3]. В. Н. Тюшов так описывал процесс лова:

> *В июне месяце <...> по ночам промышляют рыбу-чавычу <...>, которая первая поднимается из моря в вершины рек для метания икры... Ловят сетями, или, как они говорят, плавят рыбу, обык-*

новенно соединяясь в партии по четыре человека на два бата, и за одну ночь добывают (уплавляют) до 20 – 30 штук.[4]

Сетные приспособления – основные орудия промысла камчадалов

Изученные материалы свидетельствуют о том, что основными орудиями промысла с давних времен являются различные сетные приспособления:

<...> сети, невода. Незначительное количество рыбы били острогой. В начале сезона, когда в реках еще стояла большая вода, ительмены ловили рыбу сетями, изготовленными из крапивных нитей, привозной пряжи. С распространением последнего материала стали вязать не только сети, но и невода.[5]

Часто сильный ход какой-нибудь мелкой рыбы требует от рыбаков быстроты и проворства, поэтому для удобства они используют так называемые *сачки*:

Уек обычно просто черпается сетчатым сачком. Он идет такой густой массой, что всякий раз, как сачок опускается в воду и вытаскивается, – он полон рыбы. Как уже сказано, ход уйка не длится больше семи дней. В годы, когда сельдь заходит в устья корякских рек, ее тоже много, но все-таки не такая масса, как уйка.[6]

Для подледного зимнего лова или для вылова крупной одиночной рыбы чаще всего используются крючковые орудия: крючки у них могут быть разных форм, размеров и видов в зависимости от назначения и размера рыбы. Так, например, удочка использовалась для ловли наваги зимой через проруби в реках и морских бухтах. Кету ловят большим железным крючком, который *привязан ремнем из шкуры к шесту, и когда рыба поймана на острие крючка, то он соскальзывает с шеста, как гарпун, и висит только на длинном ремне...*

Таким же крючком, но меньшего размера, коряки ловят гольцов. В старые времена употребляли костяные крючки и гарпуны с бородками для ловли рыбы.[7]

Запор

Многие исследователи жизни камчадалов не могли не отметить еще один вид ловушки, связанный с частичным или полным перегораживанием реки, – *запóр*. Такой способ промысла до настоящего

времени не сохранился, но диалектоносители подробно рассказывают об этом орудии лова, о его сложном строении.

> *Запира́ли запо́ры: э́та ре́чка Анто́нофка, в йейо́ забива́ут ко́лья во фсю ре́чку друк од дру́га ме́тра на четы́ре. Запо́р состои́т: таки́е ре́йки, вот таки́е аты́ры – ре́йки, а тут прикрепля́ют па́лки санти́метроф по де́сять, ф трёх места́х свя́зываешь. Ле́том запо́ры ста́вили. Те́ же запо́ры запира́ть – э́то ручно́й трут: на́до пригото́вить ато́лы – ко́лья; вот э́ти ато́лы вот та́к ка́мнем прибива́ть; э́тот пропуска́ет хот кра́сницы, ста́вят запо́ры на кету́.* (Млк.)

В. И. Иохельсон отмечал: *Приморские коряки редко ставят запоры или ловушки из прутьев ивы, потому что такой способ ловли не применим в море или нижних течениях рек, но на горных речках оленные коряки пользуются ими*[8].

Таким образом, разнообразие основных орудий лова, сохранившихся в таком большом количестве, подтверждает большую значимость рыболовства в жизни камчадалов. Все многообразие названий орудий промысла составляет лексико-семантическую группу (ЛСГ) *Названия орудий рыбной ловли*, включающую общерусские и собственно диалектные лексемы, как однословные, так и составные атрибутивные.

Снасть

ЛСГ характеризуется представленностью родового наименования *снасть*$_1$, которое хорошо известно и современному русскому литературному языку (ЛЯ), и говорам в значении: ‘орудия и приспособления для рыбной ловли и лова птиц’[9].

> *Йа охо́тник и рыба́к – у меня́ фсе сна́сти для э́тово йесть, йа и сам мно́го де́лаю. Сна́сти свои́ йесть. Чи́руч – рыболо́вные сна́сти для ло́вли гольцо́ф.* (Млк.)

Ловушка

Для названия какого-либо единичного приспособления для лова рыбы используется общерусская лексема *лову́шка* с собственно диалектным фонематическим вариантом *лову́ска*. В ЛЯ слово *лову́шка* имеет следующие значения: 1. ‘Приспособление для поимки зверей, птиц, реже – рыбы. ‖ *перен.* Такое место, из которого нет выхода, нельзя выйти, выбраться.’ 2. *перен.* ‘Специально подстроенная кем-л. хитрость, уловка с целью поймать, изобличить кого-л. в чем-л.’.[10]

Лексема в диалектном языке имеет значение, совпадающее с первым из указанных в МАС.

> *Карася́ лови́ли вентиля́ми, по-ме́сному чи́руч – лову́шка для ло́вли карася́. Де́лали лову́шки для гольца́, запо́р для гольца́ – теричини́к. Стайо́шь пря́мо на аты́ре и па́лкой туда бу́х ры́бу, и она́ в лову́шку забега́ет. Теса́ли пласти́ночки на фсю высоту́ запо́ра, на глубину́ реки́, она́ зайдёт сюда́, хо́чет вы́скочить, пры́гает, стои́т в лову́шке. Лову́шка стои́т на 100 ме́тров в мо́ре, ме́тров на 30 ширино́й. О́коло лову́шки 2 кунка́. В лесу́ на зве́ря лову́ски ста́вили. Лову́ски в реке́ устана́вливали.*

В номинации производного существительного *лову́шка* участвует мотивация по смежности: название дано по функциональному признаку. Мотивация полная: лексическая (*лову́шка* ← *используемая для лова*) и структурная (*лову́шка* ← усеченная основа инфинитива *ловить* + *-ушк-*[11]). Продуктивный суффикс *-ушк-*, с которым существительные *называют предмет (одушевленный и неодушевленный), характеризующийся действием, названным мотивирующим словом*[12].

Дифференциальные признаки ЛСГ и ее структура

В исследуемой ЛСГ номинативы различаются по разным дифференциальным признакам (ДП): ‘способ изготовления’, ‘материал, из которого изготовлено’, ‘размер’, ‘способ установки’, ‘форма’, ‘устройство’, ‘способ лова’. С учетом перечисленных признаков ЛСГ включает три родо-видовые группы (РВГ): I. РВГ *Названия сетных орудий лова*. II. РВГ *Названия деревянных орудий лова*. III. РВГ *Названия крючковых орудий лова*.

Состав РВГ *Названия сетных орудий лова*

РВГ *Названия сетных орудий лова* включает слова, основным семантическим признаком которых является указание на различные ловушки, изготовленные из сети: *сеть*$_1$: *се́тка* = *снерево́д* → [*се́тка пла́вная* : *се́тка плавна́я* : *се́тка плавежна́я*/*се́тка ставна́я* : *ставну́шка* : *ставну́ска*; *се́тка сельдева́я*; *се́тка проста́я*; *телеви́зор*$_2$ = *компью́тер*$_2$ = *экра́н*$_2$; *сороко́вка*; *сорокапя́тка*; *четвери́к*$_1$; *омёт*; *ве́нтерь* : *ве́нтель* : *ве́нтер* : *ве́нтарь* = *чи́руч* : *чиру́ч* : *тимрутъ* : *ци́руц*; *трёхсте́нка*; *по́лог*$_2$; *ку́кла*$_3$; *ути́ль*$_2$] ⟷ [*не́вод*; *не́вод заводно́й* = *не́вод сплавно́й*; *не́вод закидно́й*; *не́вод ставно́й*; *бре́день* : *бро́день*$_1$: *бредешо́к*; *части́к*$_1$: *ча́стик*$_1$ = *межеу́мок*$_2$] ⟷ [*сак*; *сачо́к* = *черпа́к* : *черпу́шка*].

Среди названий сетных орудий лова возможна дифференциация по различным признакам, в соответствии с которыми выделяем подгруппы и микрогруппы. Так, ДП ‘устройство’ и ‘способ лова’ лежат в основе выделения трех подгрупп: *Названия сетей*, *Названия неводов* и *Названия сачков*.

Названия сетей

I подгруппа *Названия сетей*. Можно ловить рыбу, перемещаясь в лодке вниз по течению и передвигая ловушку с места на место. По этому ДП противопоставлены слова: *сеть*$_1$: *се́тка* = *снерево́д* → *се́тка пла́вная* : *се́тка плавна́я* : *се́тка плавежна́я*; *се́тка ставна́я* : *ставну́шка* : *ставну́ска*; *се́тка сельдева́я*; *се́тка проста́я*; *телеви́зор*$_2$ = *компью́тер*$_2$ = *экра́н*$_2$; *сороко́вка*; *сорокапя́тка*; *четверу́к*$_1$; *омёт*; *ве́нтерь* : *ве́нтель* : *ве́нтер* : *ве́нтарь* = *чу́руч* : *чиру́ч* : *ти́руть* : *ци́руц*; *по́лог*$_2$; *трёхсте́нка*; *ку́кла*$_3$; *ути́ль*$_2$.

Подгруппу возглавляет общерусская лексема *сеть*$_1$ со словообразовательным вариантом *се́тка* в значении: ‘приспособление для ловли птиц, рыб и т.п. из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами’[13], которые могут претендовать на роль родовых, так как используются всеми носителями языка.

> *Ки́жуч в све́тлой воде́ бои́ца, так оди́н кида́ет крапи́вную сеть и плывёт, ки́жуча како́е-то коли́чество ска́пливаеца, а фторо́й отреза́ет йево́, тре́тий сюда́ кида́ет сеть и четвёртый в другое ме́сто. На ве́с зо́лота сеть была́. Сеть больша́я быва́ет, йещё ра́ньше промышля́ли. Се́ть выставля́еца ф ти́хих места́х, поста́вят – стои́т су́тками. Йа дал племя́ннику се́ти, со́ли. Йе́сли попадёт ф се́ти мно́го ры́бы, быва́ли слу́чаи, не зна́ли, куда́ деть. Се́тку скла́дывают на нево́ <бат>, попла́фки ря́дом и каме́нья отде́льно. Йа гребу́, а дя́дя Серёжа выбра́сывает се́тку, а пото́м тя́нем се́тку. Се́тки вяза́ли ис просты́х ни́ток. Се́тки проса́шивали обяза́тельно, но́вые вяза́ли к но́вому сезо́ну. Се́тки плели́ с кату́шечных ни́ток обыкнове́нных, их скру́чивали, што́бы пото́лще была́ и пото́м вяза́ли се́тки. Се́тки с ра́зными йачейа́ми быва́ют: с кру́пными и ме́лкими. Се́тки гото́вые привози́ли из ни́ток. Речни́к, се́тку выбра́сывали по воде́, вдвойо́м или оди́н на берегу́, так их зову́т бережники́, де́ржат се́тку. Се́ткой ста́вили, зимо́й и ле́том вме́сте ходи́ли. Се́тки йа щас сам плету́ ис капро́новой ни́ти, а ра́ньше оте́ц мой – ис крапи́вной ни́тки.*

На роль родового слова претендует и собственно диалектный синоним *снерево́д*. *Рыбака́м шы́ли снерево́ды*.

Дифференциальные признаки при номинации сетей

Определим дифференциальные признаки, с учетом которых в говорах происходит номинация сетей. Ими являются: ‘способ использования’, ‘название вылавливаемой рыбы’, ‘наличие/отсутствие добычи’, ‘размер сети’, ‘размер ячеи’, ‘составные части’:

1. Сети противопоставляются по способу использования. Так, значение ‘сеть, которую забрасывали сверху реки и сплавляли по течению’ актуализируется в составном атрибутивном наименовании *се́тка пла́вная* с акцентным вариантом *се́тка плавна́я* и комбинированным *се́тка плавежна́я*.

> *Плавна́я се́тка, йейо́ зако́дывас, пловёт. Сеть быва́ет плавна́я: выбра́сываеца буй и сеть, и она́ плывёт по ре́чке. И плавно́й се́ткой лови́ли – са́мая дли́нная се́тка омколо пидися́т ме́троф. Плавёжная сеть посреди́не реки́, по бока́м плывёс на дву́х ба́тах, в зави́симости кака́ река́ ширино́ю, 40 ме́троф, не бо́льше. Рыба́чили се́ткой на ло́тке: бы́ли се́тки пла́вные – све́рху забра́сываешь по тече́нию, плывёшь до боро́ф. Ры́бу лови́ли здесь, ф Чёрном Йару́, йейо́ мно́го бы́ло, осо́бенно кра́сной, плавежно́й се́ткой не вы́берешь, ры́бу на косу́ побросáешь.*

2. Значение ‘сеть, закрепленная на одном месте’ актуализируется в атрибутивном словосочетании *се́тка ставна́я*, имеющем в говорах однословный эквивалент *ставну́шка* с фонематическим вариантом *ставну́ска*.

> *Ставна́я се́тка коро́че, а сплавно́й не́вод до ста́ ме́троф; когда́ коса́ оголи́ца, тогда́ невода́ми. Лови́ли не́рку то́лько ставны́ми сетя́ми. Се́ти называ́юца ставну́шки, потому́ што ста́вяца. Сеть-ставну́шка, йейо́ г бе́регу кре́пят. Ставну́шки ме́троф по два́цать. Ставну́ски – се́ти ста́вили на у́ловах.*

3. Атрибутивные словосочетания построены по модели «существительное + прилагательное», где прилагательное выполняет номинирующую функцию, так как содержит прямое указание на действия, совершаемые над данными предметами, что вполне закономерно в отношении орудий лова. В ЛЯ прилагательное *ставно́й*, входящее в составное наименование, употребляется со значением: ‘укрепленный на месте, неподвижный (об орудиях лова)’.[14] Следует отметить, что оно имеет помету *рыб.*, что указывает на терминологический характер общерусского словосочетания. Слово образовано от глагола *ставить* при помощи суффикса *-н-* в сочетании с усечением произ-

водящей основы.[15] *Се́тка у меня́ была́ ну ме́тров два́цать, о́коло тридцати́, ставна́я така́я, йа йейо́ на́ ночь ста́вил, заки́нули и сра́зу со́тню поймали́ там кеты́*. Прилагательное *пла́вный* в говорах имеет собственно диалектное значение, так как образовано от глагола *плавить* в значении ‘плыть’ суффиксальным способом, вероятно, по аналогии с производным *ставной*.

Диалектные наименования *ставну́шка* с фонематическим вариантом *ставну́ска* являются суффиксальными образованиями и характеризуются полной мотивацией (продуктивный суффикс *-ушк-* указывает на то, что существительное называет неодушевленный предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом).

4. По названию вылавливаемой рыбы выделяют *се́тку сельдеву́ю* – ‘сеть для лова сельди’. *Пото́м се́тки сельдевы́е – йаче́йка ма́ленькая, оптя́гивают, оставля́ют ды́рку.*

5. Прилагательное *сельдева́я*, входящее в состав словосочетания и выполняющее номинирующую функцию, является диалектным акцентным вариантом литературного *се́льдевая*, образованного от существительного *сельдь* при помощи суффикса *-ев-*.[16]

6. По наличию/отсутствию добычи рыбаки-камчадалы выделяют пустую, без улова, сеть, для обозначения которой употребляют составное атрибутивное наименование *се́тка проста́я. Насли́ одну́ се́тку, вы́кинуло з двумя́ бобра́ми пойе́денными в воде́, а другу́ю насли́ о́коло конца́ Лопа́тки просту́ю*. Общерусское прилагательное *просто́й* в говорах приобретает собственно диалектное значение ‘пустой’.

7. По размеру камчадалы выделяют такие виды сети, как *телеви́зор*$_2$ = *компью́тер*$_2$ = *экра́н*$_2$. Лексемы стали синонимами лишь в говорах, так как приобрели собственно диалектное значение: ‘маленькая сеть’.

> *На рыба́лку хожу́, на телеви́зоры не хожу́ – приспособле́ние для ло́вли ры́бы; на металли́ческой трубе́ де́лаеца ды́рочки, на неё ве́шают се́тку, а све́рху наплава́. Телеви́зор – э́то ма́ленькая сеть, нани́занная на желе́зный прут; забра́сывают в во́ду и она́ то́нет; прут крепи́лся на верёфку, верёфку крепи́ли на берегу́, пото́м верёфку тя́нут и выта́скивают. На телеви́зор – се́тка така́я – навяжу́: труба́ ложы́ца на ни́с, и ры́ба запу́тываеца туда́; йейо́ з бе́рега кида́ешь. Телеви́зор – э́то се́тка де́лаеца ме́тра 4, де́лают по 6 ме́троф; ну вот па́лка, прецта́вим, што э́то желе́зная труба́*

ф ха́те, де́лают се́тку. Телеви́зор на реке́ ста́вят: па́лка, а у ней кусо́чек се́тки. Здесь мно́гие телеви́зоры де́лают о́коло кра́я ре́чки. Чё там де́лают браконьйе́ры, телеви́зоры э́ти. А телеви́зор – э́то тако́й труба́, а наверху́ наплава́. Телеви́зор – э́то желе́зная труба́ на дне и се́тка рыба́цкая. А щас ста́ли называ́ть сеть-телеви́зор и сеть-компьйу́тор йещё, – э́то то́же разнови́дности се́тки. Экра́н – та́ же сеть, то́лько ма́ленькая, телеви́зор.

8. Считаем, что названия в говорах даны в результате метафорического переноса по общей семе ‘растянутая поверхность’. В языке диалектоносителей данные синонимические слова являются заимствованными из ЛЯ, в котором они удачно ассимилировались, будучи заимствованными из других языков: *компью́тер* – из английского; *экра́н* – из французского; *телеви́зор* = *теле-* – из древнегреческого + *-ви́зор* – из латинского.

9. По размеру ячеи сети имеют следующие однословные наименования: *сороко́вка*; *сорокопя́тка*; *четвери́к*$_1$. В диалектном значении общерусской лексемы *сороко́вка* актуализируется сема ‘сорок’, которая также является мотивирующей – ‘сеть, размер ячеи которой равен 40 миллиметрам’. *Се́ти вяза́ли са́ми, сороко́фка была́, разме́р тако́й.* В значении собственно диалектного сложного слова *сорокопя́тка* актуализируется мотивирующая сема ‘сорок пять’ – ‘сеть, размер ячеи которой равен 45 миллиметрам’. *На горбу́шу шла сорокопя́тка.* Общерусская лексема *четвери́к*$_1$ в говорах получает собственно диалектное значение: ‘размер ячеи сети в четыре пальца’, в котором сема ‘четыре’ также является мотивирующей. *Четвери́к – се́тка така́я ф четы́ре па́льца. Ес’ оц’ко четверик на кету.*[17]

Все три названия сетей полностью мотивированы, так как кроме лексической имеют и структурную мотивацию: *сороко́вка* ← *сороков-* + *-к-*; *сорокопя́тка* ← *сорок-о-пят-* + *-к-*[18]; *четвери́к*$_1$ ← *четвер-* + *-ик*[19]. Все названия являются суффиксальными образованиями.

10. По составным частям сети различают *оме́т*; *ве́нтерь* : *ве́нтель* : *ве́нтер* : *ве́нтарь* = *чи́руч* : *чиру́ч* : *ти́руть* : *ци́руц.* Так, по наличию *ко́льев* = *тычко́в* диалектоносители выделяют сетку, для наименования которой используют слово *оме́т* – ‘сетка на тычка́х’[20]. *Ста́влю оме́т. Оме́т – э́то се́тка, она́ стои́т на тыцка́х.* В ЛЯ это слово зафиксировано с другим значением: ‘большая куча, в которую складывается оставшаяся после обмолота солома; скирд’.[21] Слово непроизводное, немотивированное.[22]

В известном и ЛЯ, и говорам значении слова *ве́нтерь*: ‘рыболовная снасть, представляющая собой мешкообразную сеть, натянутую на ряд обручей’[23], актуализируется сема ‘натянутая на обручи’.

Карася́ на вентеря́ лови́ли — э́то не́сколько коле́ц: са́мое пе́рвое кольцо́ большо́е, а пото́м поме́ньше; ф цэ́нтре, внутри́, са́мое ма́ленькое, по разме́ру карася́; ко́льца оптя́нуты дэ́лью — ме́лкойачейстая; кре́пица на па́лках: спе́реди и зза́ди; — по бока́м ве́нтеря кры́лья из дэ́ли. Кара́сь (стервец) возьмёт ля́жет на дно́, неводи́ть неудо́бно, обы́чно ло́вят ве́нтерями, у́шлый кара́сь, а быва́л дурако́м, захо́дит в мо́рду. Та́г же онда́тру ло́вят ве́нтерем. Вентеря́ шы́ли для подво́дново ло́ва гольца́. Ве́нтерь — се́тка для ло́вли ры́бы.

Для говоров характерна фонематическая вариантность: *ве́нтель* : *ве́нтер* : *ве́нтарь*.

Кры́лья обы́чно у ве́нтелей больши́х быва́ют, што́бы ры́ба ска́пливалась, ста́вяца крыло́, два крыла́ з двух сторо́н от ве́нтеля, што́бы ры́бе не́ было куда́ дева́ца. Ве́нтель почему́ называ́еца, потому́ што он с кры́льями, похо́ш на ве́нтель. Ве́нтель — э́то одно́ кольцо́, да́льше фторо́е, да́льше мо́жет быть тре́тье кольцо́ и фсё э́то оптя́гиваеца се́ткой, а сюда́, што́бы ры́ба заходи́ла, коле́чко ма́ленькое де́лаеца вну́трь, где-то на сто пися́т-чуть поме́ньше и се́точкой вовну́трь — э́то фсё внутри́. Ве́нтель — как морда, но вместо ато́ла крылья 1 — 1,5 м. На карася́ ста́вили вентиля́ — э́то как месо́к вя́заный, де́лали ис тальника́. Ве́нтелем ло́вят, ры́ба туда́ не идёт, а кара́сь, голе́ц.

Ве́нтель для подво́днава ло́ва ры́бы.[24]

Ве́нтер, или чи́руч, — приспособле́ние для ло́ва ры́бы. Ве́нтер — гольцо́ф ло́вят, запо́рчик запира́ют, се́тка така́я. Ве́нтер находи́лся у бе́рега, и ча́ще фсево́ в нево́ попада́лись гольцы́. Лови́ли йе́то вентера́ми, туда́ голе́ц захо́дит. Вентера́ бы́ли — мешо́к для ло́вли ры́бы. Ве́нтарь два ме́тра длино́й. Ве́нтарь, гольцо́ф ло́вят у бе́рега, э́то се́тка из дэ́ли побо́льшэ па́льца.

Йирдан’, где стоит сам вентар’.[25]

В говорах также зафиксирован собственно диалектный синоним *чи́руч* с различными вариантами (акцентный — *чиру́ч* и фонематические — *ти́руть* : *ци́руц*) ‘из ительменского (в седанкинском диалекте)’[26].

Карася́ лови́ли вентиля́ми, по-ме́сному чи́руч — лову́шка для ло́вли карася́; э́то така́я беда́ кру́глая, ис черёмуховых пру́тьеф, оптя́гиваешь дэ́лью, се́тью; мо́жет быть с кры́льями, што́бы захва́т был бо́льше. Карасе́й здесь ло́вят ве́нтилем, ме́сное назва́ние чи-

ру́ч. Чу́руч, или ве́нтерь, для зи́мней подлёдной рыба́лки ис се́тки – э́то ра́мка на ко́льях – их в дно́ фтыка́ют, и не́сколько обруче́й, как на сачо́к по фо́рме похо́ш. Чу́руч – обруча́ вили́сь и на ни́х одева́лась се́тка; чу́ручем лови́ли гольцо́ф, ме́лкую ры́бу. Чиру́ч – э́то ве́нтель. Ту́руть – ло́вяца гольцы́, постро́ен по тече́нию, зде́лан из дэ́ли. Старики́ на рыба́лки ходи́ли на ме́сяцы, де́лали из де́рева, ис тальника́, чу́ручи, ко́рюска туда́ захо́дит. Ф чу́руч ме́лкая ры́ба ло́вица. Чу́руч, или ве́нтер, мешо́к кру́глый с ни́ток для гольца́. Чу́руч де́лаеца из дэ́ли, для гольца́ лову́шка: загиба́ем о́бруц, де́лаем горлови́ну, оплета́ем дэ́лью, ста́вим цы́руц. Чу́руч – сачо́к, где захо́дит кара́сь, голе́ц, в во́ду ста́вят ко́лья. Ве́нтель с о́бручем, ра́ньше цы́руц называ́ли. Жделаешь ци́руц – ше́тка, ми́-то нажива́ем по-камцеда́льшки-то цы́руц. Цы́руц ис крапи́вы суцы́ли. Чиру́ч стои́т про́тиф тече́ния, ста́вили на дно́, штоп голе́ц не поднырну́л; о́н же на бы́стром тече́нии, голе́ц, по дну́ идёт. Йа вам пакажу́ чу́руч, на гольцо́ф ста́вить, э́то подви́д запо́ра, то́лько ко́льца и се́ткой оптя́нуто, они́ туда́ захо́дят, а обра́тно вы́йти не мо́гут, потому́ што там шы́ре, э́то запо́рчик называ́еца, на гольцо́ф ста́вят. Чу́руч по тече́нию ста́вят, как идёт голе́ц, так ф чу́руч захо́дит. Подыма́ют чиру́ч вме́сте с рыбой, пря́мо в ба́т высыпа́ют. Ста́вили не на фсю́ ре́чку, а на ме́троф 4 – 5, называ́лся чиру́ч, на ко́нус йево́ де́лали. Чу́руч – кру́глая се́тка. Ис се́тки де́лали чу́руч, ф прото́ки ста́вили. К припо́днятому концу́ атто́ла прикрепля́еца чу́руч – се́тка, свя́занная мешко́м. Чу́руч – плетённый ис тальника́ рыболо́вный снаря́т, ме́лкие ру́пки захо́дят, ни одново́ гво́здика там не́ту.

Вариантно-синонимический ряд представлен немотивированными, непроизводными словами.

11. По количеству различают следующие сети: *трёхсте́нка*; *по́лог*$_2$. Сложное существительное *трёхсте́нка* в своем составе содержит первую часть *трёх-*, которая и в ЛЯ, и в говорах имеет значение – ‘состоящий из трех частей, разделов или мерой в три какие-л. единицы’[27] и является мотивирующей. Слово в ЛЯ не отмечено, следовательно, является диалектным, значение которого конкретизируется функциональной семой ‘для карасей’ – ‘сетка для лова карасей, состоящая из трех, разных по величине ячеи, стенок’. *Трёхсте́нка – э́то на карасе́й, здесь не по́льзуюца: ме́лкая, све́рху сре́дняя, там кру́пная; попадёт в ме́лкую, пу́таеца, вме́сте с се́ткой захо́дят во фторумю, покрупне́е йачейу́.*

Существительное *по́лог*$_2$ в говорах также приобретает собственно диалектное значение – ‘несколько сшитых вместе рыболовных сеток’. *По́лог зде́лают – чёрная се́тка – сшива́ют йейо́ и ста́вят.*

По́лок – не́сколько се́ток вме́сте сшива́ют. В ЛЯ лексема имеет другое значение, известное и диалектоносителям: ‘Занавеска, закрывающая кровать.’ ‖ ‘Вообще занавеска, закрывающая, завешивающая что-л.’ ‖ *перен.; чего или какой.* ‘То, что покрывает, окутывает что-л.; покров.’.[28] *По́лок – ма́рля де́лаеца в ви́де пала́точки на одново́ челове́ка, што́бы кома́р тудам не шёл. Пологá ра́ньше на фсю́ го́рницу шы́ли.* Предполагаем, что слово мотивировано по общей функциональной семе ‘закрывать, загораживать какое-либо пространство от кого-либо’.

12. Для называния сетки, свернутой в рулон, камчадалы-рыбаки используют общерусское существительное *ку́кла*$_3$.

> *Ку́кла – мото́к се́тки. Ку́кла – э́то когда́ се́ти в збо́ре, пото́м она́ разделя́лась и получа́лась сеть. Дэль – э́то сама́ се́тка бес приспособле́ний; дэль или ку́кла; дэль плюс приспособле́ния равно́ сеть. Рулóн, наса́женная сеть – ку́кла, што́бы зде́лать не́вот, сеть наса́живают. Ку́клы намóтаны, се́тка намóтана ку́клой. Щас цэ́лые ку́клы приво́зят. Приво́зят ку́клы нам – се́ти.*

Слово мотивируется значением, известным и ЛЯ, и говорам – ‘Детская игрушка в виде фигурки человека.’ ‖ *Устар.* ‘Статуэтка.’ ‖ ‘Фигура человека или животного из дерева, тряпок и т.п. для театральных представлений, игрищ и т.п.’.[29] *Ку́кол шы́ли ис тря́пок. Ку́клы шы́ли ба́бушки.* Название в говорах дано в результате метафорического переноса по общей семе ‘в виде фигурки’.

13. По качеству камчадалы различают поврежденные сети, для называния которых употребляют общерусское слово *ути́ль*$_2$. *Ути́ль – повреждённые се́ти. Се́ти повреди́ли, вы́тащили на бе́рек, йе́сли мóжно, то подлата́ли, йе́сли нет – ути́ль.* Слово мотивировано значением, известным и ЛЯ, и говорам – ‘Вещи, предметы, негодные к употреблению, но годные в качестве сырья; полезные отбросы (металлический лом, тряпье, бумага и т.п.).’ ‖ *Разг.* ‘Ненужный, негодный предмет; хлам.’.[30] *Весь ути́ль отношу́ ф ста́йку, на заты́чки пойдёт, ф сте́ны наты́кать.* Название в говорах дано в результате метафорического переноса по общей характеризующей семе ‘поврежденный, негодный’.

Названия неводов

Во II подгруппу *Названия неводов* объединяются следующие лексемы: *не́вод* → *не́вод заводно́й* = *не́вод сплавно́й*; *не́вод закидно́й*; *не́вод ставно́й*; *неводо́к* = *бре́день* : *бро́день*$_1$: *бредешо́к*; *части́к*$_1$: *ча́стик*$_1$ = *межеу́мок*$_2$.

Подгруппу возглавляет общерусская лексема *не́вод*, имеющая и в ЛЯ, и в говорах тождественное значение: ‘большая рыболовная сеть’[31].

> *Ухо́дят в загóн: ходи́ли два бата́ вы́ше по тече́нию от не́вода, киломе́тра за два-три от не́вода. По дву́м сторона́м з двух бато́ф колоти́ли ры́бу, ка́г бы загоня́ешь; пото́м по кома́нде обруба́еца сто́рный коне́ц не́вода и не́вот вытя́гивают на косу́. Начина́ем закру́чивать не́вот: присто́енную ры́бу, она́ пристойа́лась, йещё не тро́нулась у́тром, пото́м она́ идёт хо́дом, ве́чером она́ опя́ть пристойа́лась. Невода ста́вили в мо́ре, броса́ли га́льки. Невода́ми кра́сницу лови́ли. По́сле войны́ пригоня́ли пле́нных йапо́нцеф, они́ рабо́тали на не́воде.*

Рыбаки-камчадалы четко отличают *невод* от *сети* по нескольким признакам: во-первых, *сети* – насаженная снизу и сверху на трос сеть с грузилами и наплавами.

> *Не́вод де́лаеца ис капро́новой ни́тки и ра́ньше вяза́ли ис капро́новой ни́ти се́тка, а с нейо́ начина́ют сади́ть не́вот: растя́гивающа верёфки, раскру́чивают две верёфки – нис, верх; на ни́жнюю грузила́, на ве́рхнюю часть – наплава́, или поплафки́. Ве́рхняя часть не́вода кати́лась на блок. Игли́чка для наса́тки не́вода, што́бы насади́ть не́вот, вот э́той игли́чкой и по́льзуюца. Руло́н, наса́женная сеть – не́вод, што́бы зде́лать не́вот, сеть наса́живают.*

Во-вторых, *невод* позволяет долгое время сохранять рыбу живой во время лова. *Основны́е ору́дия: се́тка, не́вод дли́нный, – поса́жена не как се́тка; се́тка сади́ца так, што́бы ры́ба ска́пливалась; ф се́тке ры́ба ужэ́ мёртвая, а в не́воде ры́ба жива́я.* В-третьих, *невод* больше *сети*. *Ры́бу лови́ли не́водом – дли́нная се́тка. Йа ви́дела, как тяну́ли не́вот лошадьми́, не́вод больш о́й, верёфку подаю́т и тя́нут не́вот.*

Подробное описание *невода* имеется в статье Н. Е. Поповой *Из наблюдений над лексикой, обозначающей орудия рыбного промысла*, где автор уточняет семантику слов, время фиксации в памятниках, выясняет вопрос о территориальной распространенности изучаемого наименования в сибирских деловых документах XVII – начала XVIII вв. В книге *Описная книга рыбных ловель Тюменского уезда* автор находит еще один отличительный признак *невода* – *Независимо от размеров невода необходимой принадлежностью при ловле рыбы данным способом является лодка: «а длиною тотъ неводъ восмидесятъ саженъ, а вышина три сажени печатныхъ... да к тому жь неводу лотка неводникъ... а ловятъ они временемъ наймуютъ работныхъ людей и работаютъ с*

работниками двенатцатеромъ»[32]. Подтверждение данному факту находим и в языке камчадалов.

> *Не́водом неводи́ть на́до 3 – 4 челове́ка: оди́н остайо́ца на берегу́ с одни́м концо́м, други́е на ло́тке отплыва́ют вглу́пь реки́, а пото́м потихо́ньку выта́скивают не́вот. Набира́ют не́вот: э́тот берёт верёфку, завя́зывают за ло́тку оди́н коне́ц, вот та́к набира́ют на́плоф, ка́мень ф ку́чку так сла́живаем, оди́н берёт наплова́, другой ка́мни, – вот сла́живают и сла́живают. Верёфка наверху́ концева́я и коне́ц оддайу́т тому́, кто бережни́чает, на берегу́, и он, когда́ отплы́ли на тако́е растойа́ние, он верёфку дёргает, штоп растяну́ть не́вот. Бережни́чать, а э́то вот зна́ете, не́вот когда́ заки́дывают з ба́тоф, то вот йево́ с одно́й стороны́ удёрживают на берегу́ верёфками.*

Также важной для нас стала находка автора, заключающаяся в том, что слово *невод* отмечается не только в русских *памятниках письменности с XI века (Остромирово евангелие 1056 – 1057 гг.; Повесть временных лет 1065 г.)*, но и в *областных словарях (Даль, Кулик., Мирт.), в терминологических словарях (Дуров, Клыков)*, а также в *других славянских языках: старославянском, чешском, польском, верхнелужицком, нижнелужицком (Фасмер, Преобр.)*[33]. Обратимся к словарю В. И. Даля:

> *Самая большая из всех рыболовных сетей, состоящая из матни посредине и двух приводов или крыльев; невод закидывают и вытаскивают с берега, а все устройство это: рыбалка, ватага, тоня. Невода бывают длиною до 500 саж.; а по величине, по частности ячей и по устройству: распорные, стержневые, рысаки, жиротопные (ворвенные), речные, морские, волокуши.*[34]

Таким образом, слово *невод* является общерусским и широко распространенным.

Дифференциальные признаки при номинации неводов

Определим дифференциальные признаки, с учетом которых в говорах камчадалов происходит номинация неводов. Ими являются: ‘способ использования’, ‘размер’, ‘размер ячеи’:

1. По способу использования различают *не́вод заводно́й = не́вод сплавно́й*; *не́вод закидно́й*; *не́вод ставно́й*, которые обозначены в основном составными наименованиями, первый компонент которых – родовое слово, а атрибутивный – обозначение конкретного вида дан-

ного орудия лова, мотивированного функциональным признаком. Так, значение: ‘невод, которым рыбачат, сплавляясь по течению реки’ актуализируется в словосочетаниях *не́вод заводно́й* = *не́вод сплавно́й*.

> *Чавы́чу лови́ли се́тью с наплава́ми, заводны́ми невода́ми, или сплавны́ми. Ставна́я се́тка коро́че, а сплавно́й не́вот до ста́ ме́троф; когда́ коса́ оголи́ца, тогда́ невода́ми. В бра́чном наря́де ужэ́ зи́мник лови́ли то́же неводны́ми сетя́ми, сплавны́ми невода́ми. Ставно́й не́вот ста́вица на моря́х, там стойа́т йакоря́ мо́щные, ста́вят буи́ ра́зные, што́бы огради́ть не́вот, а у на́с на ре́ках закидно́й не́вот.*

В ЛЯ прилагательное *заводно́й* образовано от глагола *заводи́ть* в значении 4: ‘отвести одним концом в сторону, назад, вперед’.[35] Прилагательное *сплавно́й* образовано от глагола *спла́вить*[2] в значении 1: ‘отправить вплавь по течению реки’[36]. Способ образования – суффиксальный в сочетании с усечением производящей основы: *заводно́й* ← *завод-* + *-н-*[37]; *сплавно́й* ← *сплав-* + *-н-*[38].

В значении атрибутивного наименования *не́вод закидно́й* актуализируется дифференциальная сема ‘удерживать один конец’ – ‘невод, которым ловят рыбу в реке, закидывая с лодки и удерживая один конец на берегу’. *Ставно́й не́вот и закидно́й не́вот. У на́с на ре́ках закидно́й не́вот. Не́вод закидно́й, а сеть плавезна́я, сетя́ми бо́льше лови́ли*. Прилагательное *закидно́й* образовано от глагола *заки́нуть* в значении 1: ‘кинуть, бросить куда-л. (обычно с силой или далеко); забросить’[39]. Способ образования – суффиксальный в сочетании с усечением производящей основы и чередованием *θ//д*: *закидно́й* ← *заки-* + *-н-*[40].

В значении атрибутивного наименования *не́вод ставно́й* актуализируется дифференциальная сема ‘укрепленный’ – *рыб.* ‘укрепленный на месте невод, неподвижный (об орудиях лова)’[41]. *Ставно́й не́вот ста́вица на моря́х, там стойа́т йакоря́ мо́щные, стамвят буи́ ра́зные, што́бы огради́ть не́вот. У ставно́во не́вода кры́лья до лову́шки то́же из дэ́ли, на стально́м тро́се, ме́троф по 12, вдоль кры́льеф идёт ры́ба в лову́шку.* Помета *рыб.* указывает на терминологический характер наименования. Способ образования прилагательного – суффиксальный в сочетании с усечением производящей основы и чередованием *в’//в*: *ставно́й* ← *став’-* + *-н-*[42].

2. По размеру различаются невода, обозначенные односложными лексемами: *неводо́к* = *бре́день* (с фонематическим вариантом *бро́день*$_1$ и со словообразовательным – *бредешо́к*), объединенными в один сино-

нимический ряд значением, известным и ЛЯ, и говорам: ‘небольшой невод, которым ловят рыбу вдвоем, идя вброд’[43].

Бре́день – не́вот ма́леньких разме́роф с мотнёй посереди́не. Бре́день кида́ешь в во́ду и ло́вишь. Бре́день – ма́ленький неводо́к. Бре́день – небольшо́й не́вот, бредешо́к; он мо́жет быть и се́точкой.

Ловить рыбу бродним /вид невода/.[44]

В номинации существительного *неводо́к* участвует лишь структурная мотивация: слово образовано при помощи продуктивного суффикса *-ок*, вносящего в слово значение ‘маленький’. Варианты *бре́день* : *бро́день*$_1$: *бредешо́к* полностью мотивированы: лексическим и структурным мотиватором стал глагол *брести* (*бре́день* ← *бре́с-* + *-ень*).

3. Признак ‘размер ячеи’ является дифференцирующим для вариантно-синонимического ряда *части́к*$_1$: *ча́стик*$_1$ = *межеу́мок*$_2$. Так, в значении общерусской лексемы *части́к*$_1$ (с диалектным акцентным вариантом *ча́стик*$_1$) актуализируется сема ‘частый’, являющаяся также мотивировочной – ‘частый, густой невод’[45]. *Ча́стик, или части́к, – ча́стая, ма́ленькие йаче́йки, да́же гольца́ ло́вят.*

4. Для общерусской лексемы *межеу́мок* значение: ‘невод с небольшими ячеями’[46] является собственно диалектным. В словаре К. М. Браславца зафиксировано еще два значения, не отмеченных в ЛЯ: 1) ‘Узкий топор’ и 2) ‘Вещи средней величины’. Предполагаем, что название дано по общей семе ‘средний размер’.

Названия сачков

III подгруппа *Названия сачков* представлена наименьшим количеством слов: *сак*; *сачо́к = черпа́к : черпу́шка*, в значении которых актуализируется дифференциальная гиперсема ‘с рукояткой’.

В ЛЯ лексемы *сак* и *сачо́к* находятся в градуальной оппозиции, так как значение слова *сак*: ‘рыболовная снасть в виде сетчатого мешка на обруче, прикрепленного к шесту’[47] является частью значения слова *сачо́к*: ‘конусообразная сетка на обруче или прямоугольной рамке с длинной рукояткой, служащая для ловли рыб, насекомых, птиц’[48], конкретизирующей стала функционально направленная сема ‘рыболовная’, то есть предмет используется только для лова рыбы.

В говорах же отношения, в которые вступают данные слова, характеризуются нами как привативная оппозиция – «большой/не-

большой». Для наименования большого рыболовного орудия, насаженного на обруч и прикрепленного к шесту-рукоятке, используется существительное *сак*. *Сак – большо́й сачо́к. Сак – э́то усо́к па́лки, коле́чко и дэ́лью там. Сак – большо́й мешо́к ис сети́ на пя́лах, прикреплённый г дли́нному шэсту́.*

В значении же слова *сачо́к* нейтрализуется сема ‘большой’, и поэтому оно объединяет в один синонимический ряд лексемы *сачо́к* = *черпа́к* (со словообразовательным диалектным вариантом *черпу́шка*).

> *Черпу́шка – сачо́к, морску́ю ры́бу ло́вят. Ры́бу лови́ли черпу́шками. Ры́ба зашла́ вот сюда́, и вот таки́м путём, а здесь фсё загоро́жено то́же, и она́ тут пото́м захо́дит сюда́ и гуля́ет. И вот она́ таки́м путём здесь гуля́ет и гуля́ет, и гуля́ет. И выла́вливают йейо́ черпака́ми, и фсё, – э́то как лову́шки в мо́ре.*

Варианты *черпа́к* : *черпу́шка* мотивированы по функциональному признаку, выраженному глаголом *че́рпать*: ‘доставать, набирать чем-н. что-н. (жидкое, сыпучее)’[49]. Как отмечается в сборнике *История и культура коряков*, *<...> имелись две разновидности сачковых орудий лова: обычный сачок для мелкой рыбы (в основном уйка) и черпушка – глубокий сетной мешок с конусообразными стенками.*

> *Черпушку опускали в воду и быстро поднимали. Такое рыболовство носило, как правило, индивидуальный характер и было распространено у пенжинских, гижигинских и рекинниковских коряков.*[50]

В языке камчадалов по признаку ‘рыба, которая им вылавливается’ данные орудия лова не различаются, то есть признак нейтрализуется.

Выводы

1. Разнообразие сетных орудий лова, сохранившихся с конца XVIII в., с помощью которых можно было обеспечить пропитанием и свою семью, и собак, которых содержали в большом количестве камчадалы, подтверждает большую значимость рыболовства в их жизни. Именно с этим связано то многообразие лексем, которые составляют достаточно объемную группу.
2. Группу *Названия сетных орудий лова* можно с полным основанием считать родо-видовой, характеризующейся наличием гиперонимов *сеть*$_1$: *се́тка* и достаточным количеством гипонимов.
3. Исследуемая РВГ допускает членение на ряд подгрупп и микрогрупп с учетом различных ДП: ‘устройство’, ‘способ использо-

вания', 'название вылавливаемой рыбы', 'наличие/отсутствие добычи', 'размер', 'размер ячеи', 'составные части', 'качество'.

4. В описанной РВГ имеют место синонимия, многозначность и вариантность (акцентная, фонематическая, словообразовательная, лексическая). Возникновение вариантности связано с фонетическими особенностями диалектной речи.
5. Значительная часть названий (32 – 74,4%) является мотивированной, в номинации лексем участвуют различные мотивировочные признаки: качественные особенности, функциональные, нумеральные и др.

---

[1] Стеллер А. *Из Камчатки в Америку*. Кн. 11. (*Быт и нравы камчадалов в XVII в.*). Изд-во «П. П. Сойкин», 1927, с. 37.

[2] *История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки* / под ред. А. И. Крушанова. Ленинград: Наука, 1990, с. 40.

[3] Там же.

[4] Тюшов В. Н. *По западному берегу Камчатки. Записки императорского Русского Географического Общества*. Т. 37. № 2. Санкт-Петербург, 1906, с. 9.

[5] *История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки* / под ред. А. И. Крушанова. Ленинград: Наука, 1990, с. 40.

[6] Иохельсон В. И. *Коряки. Материальная культура и социальная организация*. Санкт-Петербург: Наука, 1997, с. 87.

[7] Там же, с. 87–88.

[8] Там же, с. 88.

[9] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 228.

[10] Там же, т. 2, с. 263.

[11] Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Т. 1. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990, с. 549.

[12] *Русская грамматика*. В 2 томах. Т. I. Москва: Наука, 1980, с. 150.

[13] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 119.

[14] Там же, с. 245.

[15] Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Т. 2. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990, с. 159.

[16] Там же, с. 88.

[17] *Словарь русского камчатского наречия* / под ред. К. М. Браславца. Хабаровск, 1977, с. 187.

[18] Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Т. 2. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990, с. 146.

[19] Там же, с. 373.

[20] *Словарь русского камчатского наречия* / под ред. К. М. Браславца. Хабаровск, 1977, с. 175.

[21] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 2. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 844.

[22] Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Т. 2. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990, с. 878.

[23] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 1. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 185.

[24] *Словарь русского камчатского наречия* / под ред. К. М. Браславца. Хабаровск, 1977, с. 58.

[25] Там же.

[26] Бархатова О. Т. Названия основных орудий рыбной ловли в русских говорах камчадалов. *Русские говоры Дальнего Востока*. Сборник научных трактатов. Хабаровск, 1984, с. 46.

[27] *Словарь русского языка.* В 4 томах. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 401.

[28] Там же, т. 3, с. 365.

[29] Там же, т. 2, с. 193.

[30] Там же, т. 4, с. 725.

[31] Там же, т. 2, с. 591.

[32] Попова Н. Е. Из наблюдений над лексикой, обозначающей орудия рыбного промысла (на материале сибирских деловых документов XVII – н. XVIII вв.). *Вопросы русской диалектологии*. Сборник научных трудов. Ленинград, 1976, с. 44.

[33] Там же, с. 47.

[34] Даль В. И. *Словарь живого великорусского языка*. В 4 томах. Т. 2. Москва, 1956, с. 505.

[35] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 1. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 501.

[36] Там же, т. 4, с. 225.

[37] Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Т. 1. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990, с. 159.

[38] Там же, с. 770.

[39] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 1. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 526.

[40] Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Т. 1. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990, с. 426.

[41] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 337.

[42] Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Т. 2. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990, с. 159.

[43] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 1. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 137.

[44] *Словарь русского камчатского наречия* / под ред. К. М. Браславца. Хабаровск, 1977, с. 32.

[45] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 654.

[46] *Словарь русского камчатского наречия* / под ред. К. М. Браславца. Хабаровск, 1977, с. 101.

[47] *Словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 4. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984, с. 15.

[48] Там же, с. 4.

[49] Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва, 1999, с. 882.

[50] *История и культура коряков*. Санкт-Петербург: Наука, 1993, с. 57.

ЛИТЕРАТУРА

Бархатова О. Т. Названия основных орудий рыбной ловли в русских говорах камчадалов. *Русские говоры Дальнего Востока*. Сборник научных трактатов. Хабаровск, 1984, с. 40–47.

Даль В. И. *Словарь живого великорусского языка.* В 4 томах. Москва, 1956.

Иохельсон В. И. *Коряки. Материальная культура и социальная организация*. Санкт-Петербург: Наука, 1997.

История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки / под ред. А. И. Крушанова. Ленинград: Наука, 1990.

История и культура коряков. Санкт-Петербург: Наука, 1993.

Ожегов С. И. *Толковый словарь русского языка* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва, 1999.

Попова Н. Е. Из наблюдений над лексикой, обозначающей орудия рыбного промысла (на материале сибирских деловых документов XVII – н. XVIII вв.). *Вопросы русской диалектологии*. Сборник научных трудов. Ленинград, 1976, с. 43–54.

Русская грамматика. В 2 томах. Т. I. Москва: Наука, 1980.

Словарь русского камчатского наречия / под ред. К. М. Браславца. Хабаровск, 1977. (В тексте – СРКН).

Словарь русского языка. В 4 томах / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы, 1981 – 1984. (В тексте – МАС).

Стеллер А. *Из Камчатки в Америку*. Кн. 11. (*Быт и нравы камчадалов в XVII в.*). Изд-во «П. П. Сойкин», 1927.

Тихонов А. Н. *Словообразовательный словарь русского языка*. В 2 томах. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1990.

Тюшов В. Н. *По западному берегу Камчатки. Записки императорского Русского Географического Общества*. Т. 37. № 2. Санкт-Петербург, 1906.

Наталья Иванова

ЗАПРЕТЫ СТАРОВЕРОВ ЛАТГАЛИИ

Summary

Prohibitions of the Old Believers of Latgale

The present article examines the ideas about everyday prohibitions existing in the spoken traditions of present-day old believers of Latgale, their influence on the communication of believers in family, community and within it. The research is based on the field notes materials. In old believers' consciousness the settled system of prohibitions and prescriptions allows to divide the members of the society by the principle of 'one's own/other'. The main functions of prohibitions are the protection of genuine pristine belief and the distinction of the relationships with the gentile world. In the article the collected data about the prohibitions are systemised in accordance with the areas of life it relates to. Old believers – informants name the prohibitions regarding the food in the first place. Those may be prohibitions on consuming particular types of food as well as the rules that regulate the process of eating and drinking. Everyday prohibitions are concerned with the appearance of old believers, abidance of ecclesiastic holidays and rules of conduct primarily. Special importance is attributed by old believers to prohibitions on various types of entertainment. Social prohibitions regulate the professional activities of old believers, gender relations and relationships with the representatives of other religious confessions. Ritual prohibitions regulate the rules of conduct in the church and holding of the ceremonies.

Key-words: prohibition, old believer, governed, belief, sin

*

Введение

Запреты – это система правил, регламентирующих бытовое и обрядовое поведение, хозяйственную деятельность индивидуума и коллектива.[1] В сознании староверов сложившаяся система запретов и предписаний позволяет разделять членов коллектива по принципу «свой»/«чужой», сохраняет членам общины в условиях падения канонической грамотности значение ориентира для определения собственной идентичности. Для рассеянных по миру и не имеющих сильного

центра старообрядцев запрет взял на себя и часть функций церковной организации. Не случайно выработке системы запретов и ее соблюдению значительное внимание уделяют не имеющие церковной иерархии беспоповские направления старообрядчества, распространенные в Латгалии. Отношение к запретам амбивалентно. С одной стороны, запреты рассматриваются как каноническая, сакральная ценность, целью их соблюдения является предотвращение греха, греховного поведения. Информанты отмечают:

> *За каждым «нельзя» стоит сохранение старообрядца от духовной гибели, защита веры и праведной жизни.* (С.Т.Е.)

С другой стороны, система запретов вовсе не отличается стабильностью. Информанты редко могут объяснить причину появления того или иного запрета:

> *Запреты никогда не обсуждались, почему это нельзя. Каждый человек раньше свято верил, что это нельзя. Это принималось на веру. Это как бы догмат, который не поддаётся каким-то там объяснениям. То есть правила жизни, чтобы жить и быть старовером, надо их просто соблюдать, потому что так завещали наши предки.* (С.Т.Е.)

> *Это передаётся из поколения в поколение. Это не записано нигде. Как предание.* (К.Е.Е.)

Собранные сведения о запретах в работе систематизированы в соответствии со сферами жизни, к которым они относятся.

Пищевые запреты

Староверы-информанты в беседах, в первую очередь, называют пищевые запреты. Это могут быть как запреты на употребление определенных видов пищи, так и правила, регламентирующие процессы еды и питья. Издревле считалось, что еда староверов должна быть простой, скромной. Люди ели то, что выращивали сами:

> *Не делать идола из пищи. Не надо там выжаривать, вываривать, украшать, всякие деликатесы. Вот это вот не принято было. Ели то, что выращивали сами. Раньше все держали свой скот.* (К.Е.Е.)

Староверам не разрешается есть мясо кролика, зайца и нутрии, потому что детеныши этих животных рождаются слепыми. Похожий запрет на употребление в пищу мяса зайца существует у печорских

коми-староверов. Они это объясняют тем, что *заяц писает кровью* (заяц в зимнее время питается ивовой корой, и его моча приобретает красноватый оттенок). Встречаются и другие объяснения: *у зайца лапы, как у собаки*.[2] У староверов Латгалии не встречается упоминания запретов, связанных со способом умерщвления животных и птиц. В то время, как коми-старообрядцы не употребляли в пищу мясо удавленной птицы или зверя. По этой причине многие из них предпочитали пользоваться сетями для ловли птиц (несмотря на то, что подобный способ был менее продуктивен, нежели с использованием силков).[3] Большим грехом у латгальских староверов считается употребление в пищу мяса животных, умерших естественной или насильственной смертью, но без пролития крови:

> *Батюшка на исповеди всегда спрашивает: «Не едал ли ты мертвечины?» Заставляет всех в этом грехе каяться и кланяться, потому что люди не знают, какое мясо покупают в магазине.* (И.Н.В.)

Некоторые запреты связаны с «новшествами»: продуктами не местными, а завезенными из других стран. Речь идет, в первую очередь, о кофе и чае:

> *Нельзя пить чай, кофе, потому что это как наркотик, неисконное. Староверы не пьют. Всё это идёт с Запада. Только с вареньем пили чай или растения собирали, какие-то листики. Никакого чая не было.* (К.Е.Е.)

Однако запрет на употребление картофеля как завезенный продукт староверы в Латгалии не отмечают, хотя у коми-староверов такой запрет существовал.[4] Информанты говорят о запрете на употребление и продуктов неместного происхождения, появившихся в последнее время, например, морепродуктов:

> *Нам нельзя заморские устрицы. Обыкновенно, вот рыба и всё. В озёрах что водится и в реках.* (К.Е.Е.)

Однако, по рассказам староверов Латгалии, им запрещено есть сомов, потому что сомы питаются человеческим мясом. Для сравнения, у коми-староверов запрещено по той же причине есть налимов.

Запреты на определенные виды пищи существуют во время постов. Прежде всего, запрещены продукты животного происхождения: мясо, молоко, масло, творог, сметана, яйца. А в самые строгие посты (Великий и Успенский) запрещалось есть даже рыбу и растительное масло:

У католиков можно рыбу кушать, молоко, всё творожное. У нас своя корова была, и мы не имели права кушать. Бабушка один раз услышала, как я пила молоко в чулане. Я не успела войти, как она меня палкой по спине. Среда, пятница, вообще по разу ели. (И.А.Е.)

Постишь. А вы знаете, как готовили перед праздником? Всю ночь готовим, кушать нельзя было. Как ты будешь мясное готовить, когда утром только надо разговляться? Так что делали, чтобы попробовать, хватает ли там соли? Готово ли там мясо или что? Пробовали и выплёвывали. Проглотить – это был большой грех. Очень большой грех. Строгие посты, очень строгие. (И.А.Е.)

Посты соблюдали все, даже дети:

Раньше посты постили. И дети все. Только до двух лет не постили. Посты строгие. В Великий пост есть такие дни, что даже масло постное не ели. (Р.Л.И.)

Маленьких детей, как только начинали жевать, уже заставляли соблюдать пост. (С.В.П.)

Одна из информанток вспоминает, что очень боялась строгости религии и особенно постов, поэтому даже не вышла замуж за попа, хотя ее сватали:

Уже строже, как у нас, этой религии, всех постов и этих праздников уже, наверное, нету. Вот почему я и не вышла замуж за попа. Меня же хотели выдать замуж за батюшку. Очень боялася вот этой строгости Закона. Такой был пост, что можно было только перед Пасхой покушать раз в семь недель рыбу. На Благовещенье, такой был праздник большой, можно было покушать только рыбу. А так вот попробуй семь недель без ничего. (И.А.Е.)

У староверов нет запрета на алкоголь, но существуют ограничения в количестве его употребления:

Рюмку не грех. Ести ж писано: «Была свадьба. Ну, и не хватило, водки было мало. Ну, и как раз Исус Христос шёл. Ну, и ему: “С воды сделай водку!”» Ну, и вот люди все пили и веселилися. Только нельзя до безумия напиваться. Ну, первая рюмка – на здоровье, вторая – на веселье, а третья – уже на безумие. (Р.Л.И.)

Вино можно, как кровь Христа. Но упиваться нельзя. (К.Е.Е.)

Когда праздник, можно вина выпить для радости, чтобы зла не наделать никому. (С.В.М.)

Таким же отношение к выпивке было у коми-старообрядцев. Вино можно было употреблять в определенные дни, которые регламентированы церковным календарем. Но излишество в выпивке порицается. Осуждается как непомерно частое употребление алкогольных напитков, так и количество выпиваемого. Как отмечают информанты, если выпить одну чарку (кружку), то это не является грехом, а вторая идет на гулянье, третья – на блуд. При этом емкость этой чарки (посуды) не уточняется.[5]

Среди правил, регламентирующих процесс приема пищи, староверы прежде всего вспоминают о запрете на пользование одной посудой с иноверными. Для «мирских», пришедших в дом, предназначалась особая посуда. Этот запрет ярко демонстрирует желание сохранить чистоту веры, исключить любое смешение с представителями другого вероисповедания:

> *Если человека не знаешь, можа, он католик или другой веры, значит – нельзя. Специально была кружка, держали. Если уже знаешь, что человек там свой, русскай, все. А так – не. А теперь, Господи прости, и чашки, и ложки, и кружки – всё общее.* (Р.Л.И.)

> *Когда приходят нищие, родители говорят: «Лукерья, Дарья, посуду мирскую несите.» Когда они уходят, они снова перемывают её, эту посуду.* (Ц.А.И.)

Посуда, предназначенная для «чужих», часто имела у староверов и более грубое название – «поганая кружка», которое демонстрирует отрицательное отношение к представителям другой конфессии. Из-за данного запрета родители-староверы иногда не хотели, чтобы их дети дружили с детьми других вероисповеданий:

> *Бабушка не хотела уже, чтобы мы с поляками дружили, чтобы дети приходили, потому что она говорила: «Дети придут. Детям и то надо дать отдельную посуду. А потом попробуй там с этой посуды кушать. Прежде чем ты будешь кушать, её надо помыть хорошенько.» У нас большая стена была икон. Под иконами стоял такой круглый стол, и кастрюли, всё намывали, ставили на этот стол и молились тогда на эту посуду. Чтобы потом самим поесть.* (И.А.Е.)

Существовал также запрет на общую трапезу с иноверными:

> *Каждая трапеза начинается и заканчивается молитвой. А молитву ты не можешь разделить с иноверными, потому что молитвы разные. В течение всей трапезы должна была читаться*

молитва, то есть кто-то один должен был читать молитву. (С.Т.Е.)

Следует отметить, что у современных староверов эти запреты не соблюдаются, хотя еда из одной посуды по-прежнему считается грехом:

Батюшка сказал, что в кафе там ходите, кушаете из одной посуды, грех. (Д.Е.С.)

Но правило перекреститься перед едой выполняют многие:

Не сотворив молитвы, не пей воду, не режь хлеб, не кушай. (Ц.А.И.)

Перед едой, когда завтрак, обед или ужин, всегда надо молиться. Вот дед у нас был таких старых времён, он был 1895 года, и вот у него все такие правила были, и нас научил. (Д.Е.С.)

В солонку ни пальцем, ни яйцем не лезь – запрет, ограничивающий пользование общей солонкой:

Это точно большой грех. Приехала я на родину мамину, а там солонка и в солонке ложечка. Понимаете, даже не каждой ложкой туда. Только той ложкой посолить, где надо. (Ц.А.И.)

В солонку общую нельзя было макать хлеб там, мясо. Посыпать надо было. Грех был. (Д.С.П.)

Появление этого запрета староверы связывают с библейским сюжетом, когда во время тайной вечери Спаситель объявил апостолам, что тот, кому Он подаст кусок хлеба, обмакнув в соль, предаст Его:

Когда сидели двенадцать апостолов, а у Исуса Христа спрашивают: «Кто тебя предаст?» А Он говорит: «Вот если я помокну в солонку и дам тому.» (Ц.А.И.)

За столом во время еды нельзя было петь:

«Ты не в ресторане,» – так бабушка говорила. (И.Н.В.)

Также за столом запрещалось сидеть нога на ногу, тем более качать ногой:

Беса качаешь. (И.Н.В.)

Запрещалось пить воду, которая оставалась на ночь в незакрытой посуде:

Там бесы купались. (И.Н.В.)

Бытовые запреты

Бытовые запреты, прежде всего, касались внешнего вида староверов. Мужчинам запрещалось брить бороды:

> *Старовер он должен с бородой быть. Без бороды это уже не старовер. Раньше даже и не признавали это. Обязательно, если ты старовер, должен быть с бородой. И вот сейчас, которые такие закалённые староверы. Это уже если ты без бороды, ты не старовер.* (И.А.Е.)

Женщинам нельзя было стричь волосы:

> *Волосы подстригать нельзя. Волосы, как родился, с такими должен и умереть. Женщина, конечно. Вот моя дочка ходила в баню на той неделе и видела старушку, старенькую-старенькую. Волосы седые, длинные, реденькие-прореденькие и по полу в бане таскались. Это уже точно староверка.* (С.В.П.)

> *Волосы стричь нельзя женщинам. Бабушка не стригла. Всегда ходила: юбки длинные, станухи, сарафаны.* (Д.Е.С.)

> *Волосы и бороды стричь нельзя. Волосы – это проводники энергии Божьей.* (С.Т.Е.)

Запреты касаются и одежды, повседневной, а особенно той, в которой ходишь в храм. Женщинам запрещается носить брюки:

> *В брюках, крой Бог и помилуй!* (Ц.А.И.)

> *Никаких брюк, женщина не имеет права носить мужскую одежду, так же, как и мужчины женскую.* (К.Е.Е.)

В храм нельзя ходить в неподобающей одежде, потому что все должно быть сосредоточено на молитве, а любые вольности во внешнем виде отвлекают. Нельзя надевать короткую юбку, одежду с короткими рукавами, голова обязательно должна быть покрыта платком:

> *Одежда длинная, без голых, оголённых мест, волосы спрятаны, потому что это всё отвлекает.* (К.Е.Е.)

> *Всё должно быть прикрыто: локти, колени, волосы.* (С.Т.Е.)

Женщинам нельзя ходить с непокрытой головой даже дома, ведь староверы большую часть дня должны были проводить в молитве, а молиться, не покрыв голову платком, нельзя:

> *Вот я и сейчас в платке сижу. А если мне понадобится помолиться? А без платка нельзя.* (С.В.П.)

Строго соблюдается запрет на работу в церковный праздник. Запрещались все полевые работы, работы по дому, посещение бани:

> *Бабушка в праздник запрещала брать в руки иголку и ножницы, а мама не разрешала даже голову помыть, говорила, что тогда голова болеть будет. Особенно трудно было на Пасху. Этот праздник целую неделю длится. Всю неделю приходилось с грязной головой ходить.* (И.Н.В.)

Этот запрет силен у староверов и в наши дни. Считается, что выполненная в праздничный день работа пойдет не впрок, нарушившие запрет даже по незнанию боятся наказания:

> *Но если ты знаешь, что это праздник, и ты делаешь, рано или поздно Бог тебя накажет. Не накажет тебя, отразится на твоих близких, кровных.* (И.А.Е.)

С некоторыми праздниками связаны особые запреты и предписания, например:

> *Благовещенье – такой большой праздник, что даже птичка гнёздышко не вьёт.* (Б.В.К.)

В праздник Усекновения головы Иоанна Предотечи запрещается резать ножом, особенно капусту и хлеб, так как они имеют круглую форму:

> *Батюшка говорил: «Я сегодня и картошку ногтем чистил, ножик в руки не брал.»* (С.В.П.)

До яблочного Спаса нельзя есть яблоки, а после Ильи – купаться:

> *Илья лёд бросил в воду, вода холодная.* (С.В.П.)

На Воздвижение нельзя ходить в лес, потому что:

> *Все гады и змеи вместе собираются.* (Б.В.К.)

> *Все гады вместе сдвинулись. Чтоб змеи не кусили, папа корочку хлеба в карман клал.* (С.В.П.)

Одна из информанток рассказала связанную с этим запретом быличку:

> *Таперь встречаем в городе, продаёт ягоды этот мужик и говорит: «Бабы, а все-таки поехал на Воздвиженье в лес. У-у-у, что я видел! Это надо токо кинокамеру и сфотографировать. Как собравши, – говорит, – змеев видимо-невидимо. Вот именно там, на горы, где мы ягоды собирали, – говорит. – Они так кишма-*

кишат. А посередине их, – говорит, – наверно, царица: корона красная, большая, – говорит, – голова такая, как ладонь моя мужская. Так я, – говорит, – тихонько-тихонько и, как мог, задом, и передом и ушёл». И вот таперь поверю, что зато в лес нельзя ходить на Воздвиженье. (Р.Л.И.)

В комплекс бытовых запретов входят и поведенческие правила. Самыми главными из них являются запреты на сквернословие и курение:

Нельзя ругаться нецензурными словами. Мат – это от дьявола. Бог словом сотворил мир, а плохим словом мы его разрушаем. Нельзя курить, потому что, как говорит предание, первую трубку выкурил дьявол. (С.Т.Е.)

Сквернословие и курение в доме означало осквернение «своего», «чистого» пространства. В доме также запрещалось свистеть, а мужчинам находиться в шапке. Последнее считалось неуважением к хозяевам и иконам, которые всегда есть в доме старовера. Свистеть означало вызывать нечистую силу, поэтому этого нельзя было делать не только дома, но и на улице:

Свистеть – это грех большой. Вечный покой, мальчишки свистульки делают весной и свистят. Бабушка, бывало, ругается: «Что вы это нечистую силу созываете?» (Р.Л.И.)

Староверам запрещалось держать в доме собаку:

Собаку нельзя в доме. Богородица плачет. Кота – да. (Р.Л.И.)

Объяснить причину этого запрета информанты не могут. У староверов Причудья удалось найти такое толкование:

Держать собаку в доме – грех. Если собака вошла в комнату, дом надо освятить, прочесть канон, потому что собака водилась с сатаной. Держать кота можно. То, что собаку нельзя впускать в дом, связано с рождеством Христа. Когда Исус родился, паук сплел при входе в пещеру паутину, чтобы младенца не нашли, а собака указала путь в пещеру.[6]

В староверском быту сохранились запреты, связанные с порогом дома, который является границей между «своим» и «чужим» пространствами. Они восходят к общерусской традиции и известны также и православным. Например, запрещается сидеть и стоять на пороге:

Мы в детстве любили играть, сидя на пороге, а бабушка всегда ругалась, говорила: «Не сиди на пороге: через него всякие люди перешагивают, может передаться какая-нибудь зараза» (И.Н.В.);

передавать что-либо через порог; здороваться за порогом и через порог:

> *За порогом здороваться нельзя. Заходи в дом, тогда здоровайся. Нас так учили. Чего, я не знаю.* (И.А.Г.)

Если кто-то уезжает из дома, нельзя мыть и подметать пол:

> *Следы заметаешь.* (Б.В.К.)

Считается, что уехавший не вернется назад:

> *Как уехал, три дня пол не мой и мусор не выкидывай. Я пашу и в щит.* (И.А.Г.)

Особое место у староверов имеет запрет на различные виды веселья. Старовер свой день должен посвящать молитве и работе, а веселье – это соблазн, который отвлекает от молитвы. Запрет на веселье может быть как постоянным, так и временным, связанным с постом. В пост запрещены все виды увеселений. Это время очищения души и тела, время покаяния, поэтому запрещалось петь, танцевать, устраивать праздники, играть свадьбы:

> *Весельев никаких не было во время поста. Что ты, что ты! Никаких весельев. Пост – это пост. Ничего не было. Борони Бог! Никаких весельев!* (Р.Л.И.)

Танцы вообще староверы считают грехом, так как голову Иоанна Предотечи отрубили в награду за танец:

> *Это великий грех. Танцы у староверов – величайший грех. Из-за истории этого праздника.* (С.В.П.)

Из былички узнаем, что бывает с теми, кто нарушает запрет:

> *Танцевать – это грех считается. Если даже молодой. Это грех, это чертовские игры. Рассказывал папы брат двоюродный. Вот он сильно был такой весёлый, вечный покой ему. Любил вальс танцевать сильно и песни петь. Ну, и вот он... Прохладно так... В сарае... Зачем он в сарай пошёл? Как в деревне же большие сараи. Ну и вот засвистал на какую-то мелодию и насвистывал, и давай кружиться вальс. И говорит: «Вдруг женщина передо мной оказалась и со мной танцует». Так мы не верили ему. Так а тут прямо когти были выпущены, вот в эти места. А он уже видит, что что-то так нехорошо, начал молитвы творить и ругаться. И ругался там, и молитвы творил и всё, и как-то так она и сгинула от его. Потом все боялися в тот сарай, бывало, борони Господь, ни за что не ходили.* (Р.Л.И.)

У староверов существует запрет на посещение театра, так как это игра, актеры надевают маску, личину, скрывают свое настоящее лицо, а это от лукавого. С развитием техники появляются новые запреты: на телевидение и радио.

> *Телевизор нельзя было смотреть, у них даже не было телевизора. Ни телевизор смотреть, ни радио слушать нельзя было. Это бесовская игра.* (Е.С.Д.)

> *Знаете, какой был грех? Даже радио не разрешали. Для того, чтобы провести радиоточку в наш дом, тётя еле упросила бабушку, свою мать, чтобы в дом разрешили провести точку. Грех. «Бесовские песни слушать, – сказала, – бесовские разговоры». Большой был грех.* (И.А.Е.)

Запрещены и азартные игры:

> *В карты – не, в карты не разрешают. Это вже такая игра. Бабушка говорит: «Это чёртова игра».* (Р.Л.И.)

В настоящее время запрет на различные виды веселья утратил свою силу.

Социальные запреты

Социальные запреты регулируют профессиональную деятельность староверов, гендерные отношения и отношения с представителями других конфессий.

В староверской среде существует запрет на профессиональную деятельность в сферах, связанных с мирскими соблазнами, разрушением духовных ценностей:

> *Нам, староверам, допустим, нельзя работать: водку продавать в магазине, там, в ломбарде сидеть, хотя бы даже ты бумажки там подписываешь, всё – нельзя. Сигареты нельзя продавать. Это нам нельзя.* (К.Е.Е.)

Запреты в отношениях межу полами, в первую очередь, направлены на сохранение чистоты семейных отношений. Самым большим грехом здесь считается блуд:

> *Нельзя заниматься блудом, потому что семья – это святое. В семье хранятся все законы жизни, в том числе, что можно и что нельзя староверу. А блуд – это от дьявола.* (С.Т.Е.)

Важным считается запрет на супружеские отношения во время поста, нарушение которого грозит отразиться на потомстве:

> *В посту зачать нельзя. Ребёнка тогда крестить нельзя. Ребёнок, сделанный не тогда, когда надо. Нельзя заниматься этим всем в посту. Это грех.* (С.В.М.)

Главная функция запретов, регулирующих отношения с представителями других конфессий, – защита чистоты веры. Самым страшным, «непрощеным», грехом здесь считается смена веры:

> *Нельзя перекрещиваться ни в какой веры: ни в католическую, ни в староверческую. В какой ты вере крещёный, в такой ты и должен оставаться. Это так наши толкуют. А как остальные религии, я не знаю.* (С.В.П.)

> *Это непрощёный грех, если поменял свою веру, всё, уже Бог не простит никогда.* (С.В.М.)

Современные староверы в большинстве своем нарушают запрет на заключение брака с иноверными:

> *Это был большой грех, это был очень большой грех выйти не за свою веру. Каждый старался за свою веру.* (И.А.Е.)

Часто, когда межконфессиональные браки не складываются, староверы винят себя в том, что совершили грех, нарушив запрет:

> *Ну, а как я замуж вышла? Как меня приняли? Как я свою жизнь отжила? Я вышла замуж за поляка. Я не послушалась, пошла поперёк. Ну вот, отжила с мужем 55 лет. Но как отжила? В аду.* (И.А.Е.)

Посещать чужие храмы у староверов запрещено. Информанты вспоминают, как в детстве, запрещая им посещать чужой храм, родители пугали страшными наказаниями:

> *А бабушка меня строго держала. Например, грех было, мы как староверы, грех было заходить в другой храм, например, в костёл, в церковь. Это очень большой грех было заходить. Если как в православных и в поляках: ковш такой и кисть, и свентют. Так бабушка говорила: «Боже упаси!» Мы как огня боялись этих капель воды, потому что это был большой грех, если попадёт капля воды на тебя эта, то это место надо выжигать. И боялись этого, и не ходили.* (И.А.Е.)

> *Я помню, мы детьми придём, бывало, в костёл посмотреть там молебен какой, или праздник, или какая свадьба. Только ксёндз*

берётся за эту, мы бегом, летком с этого костёла. Капли эти надо выжигать. (Б.В.К.)

Со временем этот запрет видоизменился, в первую очередь, из-за необходимости посещать венчания и похороны, проходящие в костелах и церквях. Остался запрет на молитву в чужих храмах: нельзя молиться на чужие иконы и креститься.

Ты можешь войти в другой храм, но ты не молишься вместе с ними. В храме молятся на иконы, там наших икон нет. (С.Т.Е.)

У староверов считается грехом молиться за души умерших, если они были другого вероисповедания. Запрет наложен и на молитву за живого человека, крещенного в другую веру:

Нельзя за них молиться. За другую веру нельзя молиться. Вот у меня невестка православная, вот у меня муж православный. Иногда грешу, когда какое-то там горе, какое-то что-то. Прошу Господа простить меня. (С.В.П.)

Ритуальные запреты

Ритуальные запреты регламентируют правила поведения в храме, ведения служб и проведения обрядов. Женщины не имеют права выполнять роль батюшки, участвовать в ведении службы, они не имеют права брать в руки Евангелие. Раньше женщины даже не читали молитвы и не пели на клиросе:

Раньше, в старину, не ходили женщины на клирос, только мужчины ходили. (С.В.П.)

Все службы ведут только мужчины и читают мужчины на клиросах, и поют мужчины. (С.Т.Е.)

Мы однажды убирали храм, я подошла к Евагелию, чтобы приподнять. Батюшка как заорёт: «Не трогай! Не сметь! Не трогать!» (С.Т.Е.)

В настоящее время, когда в храмах осталось мало обученных церковной грамоте людей, этот запрет постоянно нарушается:

Служили раньше только мужчины. Женщин в клироса не пускали. Теперь и уставщицей ставят, потому что нет мужчин, только поэтому. Уставщицы даже заменяют батюшку, кодят сами. Как бы это не очень правильно, не очень хорошо. Не может быть женщина всё-таки. (К.Е.Е)

Среди обрядовых больше всего известны запреты при похоронах и крещении. Самым важным здесь является запрет на погребение без покаяния. Для староверского мировоззрения очень важно покаяние в совершенных грехах. Умереть без исповеди считается большим грехом:

> *Нельзя хоронить без покаяния. У нас, если не пойдёшь на исповедь, ну, похоронить тебя похоронят, но поминать тебя в моленной уже не будут. Имя твоё называть. Потом надо слишком долго отмаливаться в моленной, чтобы потом, со временем, поминали твоё имя. Вот такие староверские нравы, очень жестокие, я считаю, очень строгие.* (И.А.Е.)

Запреты при крещении касаются выбора крестных родителей. Этот обряд связан с установлением духовного родства. Чтобы не происходило смешение кровного и духовного родства, крестными родителями не могут быть близкие родственники:

> *Близкие родственники не могут быть крёстными, не из первого колена нужно брать родню.* (С.Т.Е.)

Один человек может крестить только мальчиков или только девочек. Все крестные дети одного крестного родителя считаются духовными родственниками, и браков между ними следует избегать:

> *Если первым покрестила мальчика, значит, дальше можешь крестить только мальчиков.* (С.Т.Е.)

> *Раньше говорили, если начал крестить мальчиков, значит надо только мальчиков крестить, уже девочек нельзя.* (С.В.М.)

Крестным родителям тоже нельзя заключать брак друг с другом:

> *Крёстным жаниться потом нельзя.* (Р.Л.И.)

Соответственно, муж и жена не могут быть крестными родителями:

> *Муж и жена нельзя крёстными идти. Грех.* (С.В.М.)

Крестными родителями не могут быть люди другой веры:

> *Свою веру ты должен передать своим детям-крестникам. В этом смысл крещения. Свою веру ты несёшь дальше. Ты берёшь ответственность за этого человека как за будущего настоящего старообрядца.* (С.Т.Е.)

К ритуальным относится и запрет на стирку белья в Родительские дни:

В родительскую неделю нельзя стирать бельё тем, у кого родители умерли. (Б.В.К.)

Выводы

Итак, у староверов Латгалии выработана система запретов, которая служит основой их конфессиональной и культурной идентичности. Запреты затрагивают различные сферы жизни староверов. В работе выделены пищевые, бытовые, социальные и ритуальные запреты. Их основные функции – защита истинной древней веры и разграничение отношений с иноверным миром. Нарушение запрета для старовера – это грех, за совершение которого ждет наказание. Чтобы его избежать, необходимо раскаяние и отмаливание грехов.

Среди запретов, названных информантами, можно выделить общерусские и узкоконфессиональные.

У современных староверов Латгалии, живущих в условиях полиэтнического общества, когда избежать контактов с иноверным миром не представляется возможным, многие запреты видоизменились или не соблюдаются вовсе. Например, утратил свою силу запрет на использование общей посуды и общую трапезу с иноверными, распространены межконфессиональные браки. В век развития новых технологий нет возможности выполнять запрет на просмотр телевидения, слушание радио. Отсутствие обученных церковной грамоте людей ведет к нарушению запретов при ведении служб в храме:

Ну, сейчас как-то послабее законы стали, раньше у старовер был пожёще закон. Сейчас распустились все. Учёные стали. (Д.Е.С.)

Сохранится вот наше поколение. А потом – прогресс. Ведь мы же живём уже в другом мире. (И.А.Е.)

Большей сохранностью отличаются запреты, которые меньше связаны с жизнью в обществе, например, многие староверы соблюдают посты и не работают дома в церковный праздник. Сильны запреты, связанные с исполнением религиозных обрядов.

В условиях модернизации общества запрет таит в себе две опасности: строгость правил грозит староверам утратой преемственности поколений, отталкивает молодых, в то время как разрушение системы запретов может оказаться равносильным утрате религиозной идентичности.

Со временем эти религии все уйдут. Ну, не уйдут, но что-то изменится. Не будут так праздноваться все праздники. Сейчас теряются корни староверские. (И.А.Е.)

---

[1] *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого в 5 томах. Том 2. Москва: Международные отношения, 1995, с. 269.

[2] Чувьюров А. *Пищевые предписания и запреты в религиозно-обрядовой культуре коми старообрядцев-беспоповцев*. http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2049 (30.09.2013).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Кохлер В. *Хозяйка музея в Колкья всегда рада гостям*. http://rus.postimees.ee/545760/hozjajka-muzeja-v-kolkja-vsegda-rada-gostjam (30.09.2013).

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

Б.В.К. – 70 лет, Грива
Д.Е.С. – 42 года, Пантелишки
Д.С.П. – 42 года, Пантелишки
И.А.Г. – 88 лет, Науене
И.А.Е. – 78 лет, Грива
И.Н.В. – 45 лет, Грива
К.Е.Е. – 47 лет, Грива
Р.Л.И. – 92 года, Грива
С.В.М. – 70 лет, Пантелишки
С.В.П. – 88 лет, Грива
С.Т.Е. – 48 лет, Даугавпилс
Ц.А.И. – 78 лет, Науене

ЛИТЕРАТУРА

Кохлер В. *Хозяйка музея в Колкья всегда рада гостям*. http://rus.postimees.ee/545760/hozjajka-muzeja-v-kolkja-vsegda-rada-gostjam (30.09.2013).

Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого в 5 томах. Москва: Международные отношения, 1995.

Чувьюров А. *Пищевые предписания и запреты в религиозно-обрядовой культуре коми старообрядцев-беспоповцев*. http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2049 (30.09.2013).

Ирина Борисовна Качинская

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И НАИМЕНОВАНИЯ ЛЮДЕЙ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ: ДИФФУЗНОСТЬ СМЫСЛОВ[1]

Summary

Terms of Kinship and the Names of the People According to Gender and Age: Diffuse Meanings

The terms of kinship (TK) have the property of relativity: one and the same person can be both the son, grandson, uncle, nephew, grandfather and so on in relation to different people. Hence, TK depends on the specific familial relationship of this person with other relatives. At the same time quite the opposite trend is manifested: a family member calls the other not according to his/her direct relation to the speaker, but according to the one of the 'next' level. So, the wife never uses the term 'husband' to her husband, usually she calls him 'father', 'dad', 'daddy', if they have children; if they have grandchildren, she calls him 'grandfather', 'granddad'. In addition to the scattering of values within the group TK interference occurs with meanings between this group and the lexical group revealing the gender-age theme in the history of the language and at the present stage: the old man = 'father', 'grandfather'; girl = not only 'girl', but 'daughter', 'granddaughter'. On the other hand: grandmother means 'old woman', Sonny = 'native son' and 'boy', 'fellow', 'young man', etc. Connotations, characteristic of the lexico-semantic group TK affect regular alternating with the group 'Names of People by Age and Gender'.

This work is produced on the material of the Arkhangelsk subdialects: the illustrations are taken from the 'Arkhangelsk Regional Dictionary' and its large catalogue.

Key-words: terms of kinship, the Arkhangelsk subdialects, Russian dialectology

*

Введение

Этнографически структура родственных отношений на русскоязычной территории, как и во всем славянском и общеевропейском мире, сходна. В современных русских диалектах (как в древнерус-

ском языке или других славянских языках и диалектах) в этой лексической группе могут наблюдаться некоторые структурные отличия от современного русского литературного языка: старшая сестра может называться иначе, чем остальные сестры (*няня*, *чича*); могут иметь собственные (не составные) термины двоюродные брат и сестра (*братан*, *брательник*, *двоюродник*; *сестренница*, *сеструха*, *двоюродница*), имеют собственные однословные термины родственники по боковой линии свойства (жена родного дяди – *деденка*, *дедня*, *дейна*) и др. Часть терминов родства (ТР) может употребляться как в номинативной, так и в вокативной функции, некоторые термины – лишь в номинативной (*свекровь*).

Диффузность смыслов внутри терминов кровного родства

Несмотря на четкую соотнесенность собственно ТР (означающего) с системой ТР (означаемого), ТР обладают высокой степенью диффузности. Они обладают свойством релятивности (т.е. относительности): *Одно и то же лицо может быть одновременно сыном, внуком, дядей, племянником, дедушкой и т.д. по отношению к разным людям*[2]. ТР зависят от конкретных родственных отношений данного лица с другими родственниками.

Однако и в городском просторечии, и в говорах наблюдается часто проявляющаяся тенденция называть близкого человека не по его «прямой» функции, а как бы по «соседней». Так, жена не только не использует термин *муж* ни в обращении к своему мужу, ни даже в номинации, а чаще всего называет его *отец* (*батя*, *тятя*, *папа*), если у них есть общие дети, или *дед* (*дедушка*, *дедко*), если у них есть внуки. При множестве лексем, имеющих протозначение ‘родной дед’, оказалось достаточно трудно выделить безусловные примеры именно с этим значением. Из контекстов часто бывает неясно, о ком именно идет речь: собственно о ‘родном деде’ или ‘родном отце’, ‘муже’, ‘свёкре’. Направление экстраполяции очевидно: как только мужчина при появлении детей (внуков) получает новый статус, т.е. становится *отцом* (*дедом*), то во всей большой семье меняется и обращение к нему, и его номинация. До появления детей жена обращается к мужу по имени (т.е. в функции вокатива выступает личное имя), в номинации используются лексемы **хозяин**, **муж**, **мужик**, местоимения **сам**, **мой** и проч. При появлении детей он становится **отцом** (используется эта лексема, либо другие термины с значением ‘родной отец’ – *батя*,

тятя), при появлении внуков он становится **дедом**. Есть контексты, в которых ‘муж’ одновременно называется *отцом* и *дедом*:

> *Отец – муж, а нынче **дедушко**. Старый у меня **дедушко**.*
> [семантический перевод-«подстрочник»: ‘Я называла своего мужа *отец*, а теперь называю *дедушко*. Старый у меня муж.’]

> ***Тата** говорит: **Матка**, поезжай. – Ошалел, **дедко**? Дорогой рожу.*
> [‘Муж говорит: Жена, поезжай. – Ошалел, муж? В дороге рожу.’]

Вот жена говорит о своем муже, имея в виду отношения между внуком и дедом:

> *Воспитанной, **дедушко** тут воли не даё.*

Жена говорит о муже, речь идет об отце и дочери:

> ***Дедко** тыкалсе к доцери, к Нинке.*

Информантка рассказывает о своем муже, которого она сначала, вслед за детьми, называла **папой** (хотя дети называли его **отцом**), а потом, опять же вслед за детьми, стала звать **дедком**:

> *Юрко у наз звал «отец», и Валя «отец», а я «папой». А Юрко последне время ево стал звать **дедом**. Ленка как родилась – **дедо**. Мы ведь не опасаемся ребят, он пришёл – **дедко** да **дедко**.*

Та же информантка называет *дедком* своего родного отца:

> *Владька, поди, с **дедком** чего. Когды **дедком** назовёш, и то хорошо.*

Номинация часто производится неосознанно, информант настолько привыкает называть старшего члена семьи (отца, мужа, свёкра) *отцом*, *дедом*, что даже не замечает наложения, возникающего при этом чуть ли не комического эффекта:

> *Отец в колхозе, **дедко** в колхозе, сейчас заступить некому.*
> [‘Отец в колхозе, муж в колхозе...’]

> *Мамка уш восемнадцать лет умерла, а **дедка** уж восьмой год пошёл. Восьмой год вдовею я.*
> [‘Родная мать умерла уже 18 лет назад, а муж умер 7 лет назад. Восьмой год я вдовею.’]

См. обращение женщины к пожилому человеку:

> *Дедушка, не видал ли моего **дедка**?*
> [‘Старик, не видел ли ты моего мужа?’]

Примеры диффузности значений с другими терминами родства:

*Она-то им **тёта**, а они всё **бабой** Лизой зовут.*

Диффузность смыслов между ЛСГ *Термины родства* и ЛСГ *Обозначение людей по полу и возрасту*

При диффузности значений внутри группы *Термины кровного родства* (ТКР) возникает интерференция смыслов между этой группой и лексической группой, обслуживающей половозрастную тематику – как в истории языка, так и на современном этапе: с одной стороны, движение идет **от родства к неродству**: *бабушка* = ‘родная бабушка’ и ‘старая женщина’, *сынок* = ‘родной сын’ и ‘мальчик, парень, юноша’, ‘взрослый мужчина’. Другое направление – **от неродства к родству**: *старик* = ‘старый человек’, ‘отец’, ‘родной дед’; *девка* = ‘девушка, девочка’, ‘родная дочь’, ‘внучка’, *мужик* – ‘мужчина’ и ‘муж’, *жёнка* – ‘женщина’ и ‘жена’.

Мы не затрагиваем здесь примеры, когда ТКР распространяются на приемных родителей (которых часто принято называть так же, как и родных, – *отцом* и *матерью*), на *духовных родителей* (*крёстная мать*, *крёстный отец*, *крёстные дочь* и *сын*) и свойственников, в обращении к которым и в номинации которых тоже принято использовать ТКР.

Порой диффузность настолько привычна, что мы не обращаем на нее внимания. Так, в узусе, связанном с детьми, чужих, посторонних мужчин и женщин принято называть *дядями* и *тётями* – т.е. использовать ТКР. Само слово **дети** является собирательным обозначением ‘невзрослых человеческих особей’ и ‘родных сыновей и дочерей’, из-за чего оказываются возможны сочетания *взрослые дети* и т.п. **Баба** – ‘женщина’, ‘обращение к пожилой женщине’ (*баба Маша*), ‘обращение к родной бабушке’.

Родство > неродство

Практически каждый ТКР имеет значение, связанное с номинацией человека-неродственника или обращением к нему (в данной публикации опущены примеры, которые представляются нам очевидными).

Бабушка (+ дериваты *баба*, *бабка* и мн.др.) имеет значения, связанные с кровным родством: ‘родная бабушка по отцу или матери’, ‘прабабушка’, ‘мать’;

свойством: ‘свекровь’, ‘тёща’, ‘жена’;

неродством: ‘престарелая родственница’, ‘старая женщина’, ‘женщина, сведущая в колдовстве’, ‘повитуха, принимающая роды’, ‘духовная наставница’ – и т.д.

Дедушка (*дедо*, *дедко*, *дедушко*).

Кровное родство: ‘родной дед по отцу или матери’, ‘прадед’, ‘отец’.

Свойство: ‘свёкор’, ‘тесть’, ‘муж’.

Неродство: ‘престарелый родственник’, ‘старик’, ‘колдун’.

Мать (*матка*, *мамка*, *матушка*, *маменька*, *мамаша*).

Кровное родство: ‘родная мать’, ‘бабушка’ (главным образом в словосочетаниях типа *папына мама*, *отцова матка*).

Свойство: ‘свекровь’, ‘тёща’, ‘жена’:

> *А каг Борька зовёт, так и ты зови. Я* ***матерь****-то всё* ***мамой*** *звала* [= свекровь]. ***Матерь*** *– гнила картофелина. Эта «гнила картофелина» – не* ***бабушка****, нешто!*

Неродство: ‘женщина’, ‘старая женщина’, ‘водящий в игре’:

- ‘женщина’:

> *У новых у* ***маток*** *жёноцька пошла. Убедил* ***маток****-то, радёхоньки пошли. Росселась – ростолстела. Идёт кака-то женщина по улице – ну и расселась* ***матушка****! Худа, экая* ***матушка****, страшно глядеть. И нас шесть* ***матушек*** *ничево сделать не могли. Она и кусается, и лягается.*

- ‘старая женщина’:

> ***Матушкой*** *звали старушек раньше. Старушек* ***мамкой*** *звали.*

- ‘немолодая женщина (при уважительном обращении)’:

> *Это ишо,* ***мамаша****, не закон.*

- ‘девочка (в обращении к женщине любого возраста)’ (в ед. и мн. числе):

> *Молци,* ***матенка****, не реви, куплю.* ***Матенка****, поди домой. Што вы,* ***матенки****! Так,* ***матинка****, много ли наливать? Сцяс нальём тебе, нальём,* ***матинка****. Ладно,* ***матинки****, приеду. Што ты,* ***матушка****, где нам держать скотину! Всё в портяном ходили, ницево не было куплено,* ***матушка****. По грибы-то непошто,* ***матушка****,*

идти. А порато дорогие – не зорись, ***матушка****, не покупай. Ничего не вижу,* ***матушки****, ничего не цюю, совсем недвижима. Ой, любушка, ой,* ***матушка****, с добрыми людьми и поговорить не худо.*

- ‘девушка, родившая вне брака’:

Девушек, которыйе родили раньше времени, тех ***матоцьками*** *называли, позор сильный сцитался.*

- ‘водящий в игре’:

Два ведущих: у каждой команды. А старший – это ***матка****. Приходим: «****Матки****,* ***матки****, выбирайте», кому дано выбирать – идёт в ту команду. Мы с корешом подходили:* ***Матки-матки****, берите! Один забирал в свою команду, другой в другую. Все делятся на две команды, выбираются* ***матки****, старшие типа.*

Отец (*батя*, *батька*, *батюшка*)

Кровное родство: ‘родной отец’.

Свойство: ‘свёкор’, ‘тесть’, ‘муж’.

Неродство: ‘в обращ. к мужчине любого возраста’, ‘священник’, ‘командир’.

- ‘в обращ. к мужчине любого возраста, в том числе юноше, мальчику’:

Коля*, ничево не говори,* ***батюшка****, ничево.* ***Уйди****,* ***батюшка****, уйди* [молодому парню]. *Што ты,* ***батюшка****, у ево родовые такие кудри. На,* ***батюшко****, я тебя вытру* [ребёнку двух лет]. *На,* ***батюшко****, пей* [ребёнку]. *Ой, Олёша, суп занеси,* ***батюшко****.*

- ‘священник’:

Приходит к ***бате*** *в дом. Когда* ***батько*** *был, всё отпевали.* ***Батько*** *светит воду. Для нас кто поп – тот и* ***батько****. Я ещё помню,* ***батюшка*** *подал нам причастие, красненько вино. Хороши* ***батюшки****, молоды, а как поют, за душу так прям и задеват!*

- ‘начальник разведки’, ‘командир’ (нов.):

Нас с ***батей*** *ранили.*

Для лексем **тата**, **татка**, **татя**, **татенька**, **тятя**, **тятенька**, **тятька** с основным значением ‘родной отец’ зафиксирован перенос только на свойство, нет примеров использования этих слов для номинации или обращения к неродственникам.

Дочь
Кровное родство: ‘родная дочь’.
Неродство:

- ‘в обращении к младшей девушке, женщине’:

> *У кого,* ***доць****? Хватит, ты много,* ***доча****, сделала, мне ведь нешто делать. Уверни,* ***доча****, радиолу.* ***Доча****, куда денешься! Вот так, дорогая* ***доча****. Уж унуки есть,* ***доченька****, я уж прабабка. Ой,* ***доци****, не выходите вы взамуж за беззаконников-то! Слуш,* ***дочка*** [женщине младшего возраста]*, с бабушкой хоть весь вечер трёкай. И вот,* ***доцька****, я иду с обредни, с фермы, она мне говорит: Оксенья!..*

Сын
Кровное родство: ‘родной сын’.
Свойство: ‘зять’:

> *Он назвал, ей было интересно –* ***мамой*** *назвал* [тёщу]. *Ему* [она] *скажет: «****сынок****».*

Неродство:

- ‘человек, по возрасту годящийся в сыновья’:

> *Тот сосед – мне* ***сын****, моему сыну одногодок.*

Неродство > родство

Почти к каждому ТР мы имеем параллель среди ЛСГ *Распределение лиц по полу и возрасту*. Так, например, терминам родства и свойства соответствует возрастная номинация. Во многом параллельно устроены значения слов **старик**, **старичок**, **старый** (в знач. существительного) и **дед**, **деда**, **дедо**, **дедушка**, **дедушко** (у всех этих терминов родства, в свою очередь, имеется значение ‘старый человек’). **Старик** – это не только ‘старый человек’, но и ‘родной дед’, ‘состарившийся отец’, ‘свёкор’; ‘муж в отношении к своей жене, если семейная пара имеет внуков’. Слова **старуха**, **старушка**, **старая** (в знач. существительного) тоже обладают всем объемом значений, связанных с терминами родства **бабка**, **бабушка**. Это не только ‘старая женщина’ или ‘женщина, сведующая в колдовстве’, но и ‘родная бабушка’, ‘состарившаяся мать’, ‘свекровь’, ‘тёща’; ‘жена в отношении к мужу, если семейная пара имеет внуков’. Во множественном числе **старики**, **старые** (в знач. существительного) могут обозначать родителей – своих или родителей мужа, свёкра со свекровью:

*Со **старыма**-ти жила, с мамкой* [= со свекровью], *со всема. Дак двое **старых** было: матка да татка* [= свёкор и свекровь]. *Было у меня их пять, да двое **старых**: бабушка и дедушка* [= свёкор и свекровь]. *Пошла* [замуж] – *уж женился, жёнка-то умерла, да ребёнок, да двое **старых**. Потом ребёнок-то умер, и **стары** умерли, он приехал.*

Старики, *старые* во мн. ч. не только ‘родители’ или ‘родители мужа/жены’, но и ‘предки’:

*Наши **старики** так уж заселились, это ведь не отсюда. Рано закосили ведь, рано, раньше **старики** не косили до Прокопьева дня. Щас бы **стариков** поднять бы сюда наверх, дак они с ума бы сошли, всё кругом пошло, всё утащено.*

Ср. в том же значении употребление терминов родства:

*Это давнёшно ишшо, от **дедков**, **бабков**. Наши **дедки** да **бабки-прабабки** разрабатывали, а мы заращивам* [поля]. ***Дедки-прадедки** сказывали...*

Термины родства и половозрастное обозначение могут объединяться и давать новые значения: **старая бабушка** = ‘прабабушка’, **молодая бабушка** = ‘бабушка’, **старой дедушка** = ‘прадед’:

*От **старой бабушки** осталось, это-то **молода бабушка**.* [А прадедушку как называли?] – *А **старой дедушко**, наверно. **Стариком**-то уж грубо будет. Нет што-то **старых дедушков** у нас, не живёт никто до правнуков.*

Старик (*старичок*, *старой* и мн. др.):

Кровное родство:

- ‘отец’:

*И весело, к тятеньки придут, к **старику**.*

- во мн. ‘родители’:

*Время-то тако подходило, што и нацели мы строится, от **стариков**-то отходили. **Старики**-те мои век прожили, да я сама век живу.*

Свойство: ‘муж’, ‘свёкор’:

- ‘муж’:

*У меня есть **старик**. У меня ещё год не вышел **старику*** [= муж умер меньше года назад]. *Мы со **стариком** двоима строили. А **старик** ищё живой? **Старик** умер десять лет. Нет **старика**, никто*

не брезжит надо мной. И вот ***старикан*** *у меня всё определял. Дет-то ушёл боле, не доел,* ***старина****-то. Одна, одна,* ***старицёк*** *был да умер дак. А я тоже испужена была шибко, а у меня* ***старицёк*** *был жил. Хорошой у меня* ***старицёк*** *был, хороший, хороший, грамотный был.*

- ‘свёкор’:

Были, ***старик****-от, старуха. Свекровь – матушка, а* ***старика*** *батюшком звали. И молодая молодица, да нать* ***старика*** *сходить намыть.* ***Старик****-то помер, дедка-то, продала* [дом]. *А* ***старичёк****-то остался со мной.*

- во мн. ‘родители мужа, свекровь и свёкор’:

Ой, умерла рано свекровка, женилися мы с мужем, ***стариков*** *не было. Я пришла* [в новую семью], *дак* ***старики****-те были хороши, здоровы. А та печка у* ***стариков*** *ещё была сделана. У меня* ***старики*** *выходили все в выходные стоговать. Никово не было,* ***старицьки****-те были. Жила со* ***старыми****. Сошлись вместе со* ***старыми****. Я доупокаивала* ***старых****-то обех.*

Старуха (*старушка*, *старая* и др.).
Кровное родство – ‘престарелая мать’:
Свойство:

- ‘свекровь’:

И на работу шли и всё ровно рожали, и на покосе рожали. Оставят там со старшим, если ***старухи*** *у ково нет, опять пошли. У ей* ***старуха****-то была слепая тожо. Я свою* ***старуху*** *до смерти додержала. Матушкой* ***старуху*** *свекровку звали. Наша ныловська* ***старушка*** *в Ильинске живёт, она сбилася с толку.* ***Стара****-та была сродни – ейной дедушка да у меня батюшко – матушки-то мужик – братья были.*

- ‘тёща’:

Вот у братана у меня тёшша ***старушка****-то у Замятиных живёт.*

- ‘жена’:

Раньше овдоветь бы, можно было бы завести ***старуху****. Хозяин-от, не было* ***старухи****-то у ево, он всё один кормил корову-то.*

В обращ.:

Старуха*, подай жердину.*

В значении ‘сын’ постоянно используются лексемы *парень*, *парнёк*, *мальчик*, *малой* и др. В значении ‘дочь’ – *девушка*, *дева*, *девка*, *девочка*, *малая* и мн. др. Субстантиваты *малый*, *молодой* оказываются многозначными с точки зрения терминов родства и используются как для обозначения кровного родства, так и свойства. **Малая**, **молодая** (в знач. существительного) это и ‘девочка’, ‘дочь (маленькая; младшая, в том числе взрослая)’, ‘невеста’, ‘молодая жена сына, невестка’, ‘женщина в первый год брака’ (ср. **молодка**, **молодица**, **молодуха**).

Кровное родство:

- ‘младшая дочь’:

  __Мала__-то больше скидыват на отця, в йих породу.

- ‘взрослая младшая дочь’:

  А __мала__-то повостреe, дак уехала учиться. Та __мала__-то пошла взамуж-то. Щас __молода__-то [дочь] *два сына ростит, один уж женатой.*

Свойство:

- ‘невеста’:

  Сели за стол, __молодую__ завели, передали жениху.

- ‘жена сына, невестка’:

  У нас веть __молодая__ севодни приедет [невестка]. *__Молодая__ убежала в шомышу, а __молодой*** [молодожён] *в избе остался.*

Малой, **молодой** (в знач. существительного) – ‘мальчик’, ‘сын (маленький; младший)’, ‘молодой человек’, ‘жених’, ‘молодой муж дочери, зять’; ‘мужчина в первый год брака’.

Неродство – ‘мальчик’:

Цей это ревёт __малый__?

- ‘молодой человек’:

  Серёжа ладил ко мне в принеты [в мужья] – *__малой__-то был.*

Кровное родство:

- ‘младший сын’:

  А __малой__-то курит.

- ‘взрослый младший сын’:

  А этот __mal__, иш, на вино обзариwся. __Малого__ сё Вовкой зовут, ходил-ходил, не пожонилса, да застарел [уже за 30 лет].

Свойство:

- ‘жених’:

*Почёстно отойдёт, даг байну истопят – **молодого** мыть.*

- ‘мужчина в первый год брака’:

*Молодку заволокут и **молодого**.*

Молодые во мн. ч. в знач. существительного – ‘молодежь’, ‘молодые люди’, ‘жених с невестой’; ‘молодожёны’; ‘муж и жена в первый год брака’:

Неродство – ‘молодежь’:

*Некому роботать-то в колхозе, **молодых** тут мало. **Молоды** все стали уезжать, народу не стало.*

Свойство:

- ‘молодожены’:

*А для свадьбы для **молодых** пекли блины, пресны. С кораваем **молодых** встречают. Пожелаю **молодым** всего хорошего, жить не блажить, друг дружку любить и не расходитсе.*

Однонаправленность коннотаций со стороны ЛСГ *Термины родства* и ЛСГ *Наименования людей по полу и возрасту*

Для терминов родства характерна широкая экстраполяция – перенос значений: эти термины используются для обозначения животных, в осмыслении космологии и мифологии, в абстрактных понятиях (*лень-матушка*, *правда-матка*), в названии растений (*мать-и-мачеха*), для обозначения предметов; используются как антропонимы и микротопонимы, оказываются междометиями или входят в их состав (*батюшки! батюшки мои!*).[3]

Как отмечает С. М. Толстая, одна система может становиться «донором» для других систем. К группам-«донорам» в первую очередь относятся слова с богатым коннотативным потенциалом. Ю. Д. Апресян, говоря *об основных разрядах коннотирующей лексики*, называет *имена терминов родства, животных, частей и органов тела, природных объектов и явлений, физических действий, цветообозначений...*:

Метафоризация, словопроизводство, фразеологизация, провербиализация, грамматикализация, семантическое взаимодействие

> *слов – вот те языковые процессы, которые могут разворачиваться на основе коннотаций и в которых коннотации вещественно себя обнаруживают… В коннотациях проявляется, таким образом, важный творческий аспект языка: они являются одним из потенциальных источников его семантического и лексического обновления.*[4]

К группе «доноров» относится и ЛСГ *Термины родства*. С. М. Толстая подходит *к категории родства как к* ***коду*** *или семантической модели, используемым в языке и культуре. Сюда могут относиться вторичные значения терминов (или шире – лексики) родства, используемые системно в языковой номинации различных объектов и целых классов объектов, а также мотивы родства, метафоры семьи и родственных отношений, присутствующие в текстах фольклора, обрядах и верованиях*[5].

Коннотации, характерные для ЛСГ *Термины родства*, затрагивают и регулярно перемежающуюся с ней группу *Наименования людей по полу и возрасту*, хотя количество примеров в этих переносах значительно уступает количеству примеров, связанных с терминами родства.

Мифологические персонажи

Мифологические персонажи могут называться через ТР: **дедко**, **дедушко ~ бабушка**, **батюшка ~ матушка**, **тётка**, а могут – через ЛСГ *Наименования людей по полу и возрасту*: **старик**, **старушка**, **девка-белоголовка**, **девица** и проч. Так, ‘мифологический хозяин леса’ (леший) – **дедко**, **дедушко**, **царь лесной** – и **лесной старик**, **старичок, старичок-лесовичок**:

> ***Старичок-лесовичок****, пусти меня в свои владения, открой мне ягоды да грибы. Лесной* ***старик*** [пугали детей]. *Его где-то на островок, на песоцек выбросило* [из чащи леса], ***старицёк****, говорит, его водил, кормил. Идут, и попадат* ***старичок*** *– не повертуваца.*

> *Паренька трои сутки искали. Трои сутки искали: меня* ***дедушко*** *седатой водил,* ***дедушко*** *седатой, с палочкой ходит.* ***Дедушко****-то отвёл домой,* ***дедушко****-то лесовик* [= леший]. *В лесу есть* ***дедушко****-лесовицёк.*

Илья-пророк – **старик Илья**:

> *До второго-то* [августа] *купайся, а со второго старик Илья прибежит, камень в воду бросит.*

Животные

ТР постоянно используются для обозначения животных: самца, самки, детенышей. Самка животного, женская особь – **матка**, **мама**, **маточка**, **невеста**, а также **баба**. Самец, мужская особь – **батько**, **папа**, **жених**, а также **мужик**:

*Косач да тетеря – те меньше. **Мужик** да **баба**.*

И в обращении к животным, и в качестве номинанта могут использоваться лексемы **девка**, **девушка**, **девочка** (по отношению к самке), **парень**, **мальчик**, **пацан** и т.д. – по отношению к самцу:

*Это **деушка** у меня помалкивает в хлеву, всё Малька-то, Малька* [корова]. *У меня три **девочки** да два **мальчика**, бараны-ти. Гли-ко, **девушка** кака толкова* [кошка], *три месяца, а уже три мышки заловила.*

Подзывные для овец – **дочи-дочи**, для коров – **сыни-сыни**. Овец могут также подзывать словами **девки-девки** или **подружки-подружки**:

*Я выду: **девки-девки-девки-девки**, **подружки-подужки**! Цыгы-цыгы-цыгы-цыгы, подите домой! А Кочина ешшо **дочи-дочи-дочи** зовёт: **Дочи-дочи**, подите домой!*

Растения

В народной культуре растения часто разделяются на *мужские* и *женские*. Это может быть связано не с ботаническим распределением двудомных растений на мужскую и женскую особь, а с каким-то внешним атрибутом растения – высотой стебля, круглыми или продолговатыми цветками (листьями), наличием ложбинки (дырочки, ямочки), расположенной на цветке (или листьях), расцветкой цветка (листьев). «Женские» атрибуты – это нечто низкое, круглое, с ямочкой-ложбинкой, розовое или алое:

*Зверобой – он бывает **женский**, а бывает **муской**, по росту. Пижма есть, возле дорог растёт, бывает **женская**, с дырочкой, а бывает **мужская**, без дырочки, она от желудка. С бугорком – **мужская**, а с ямочкой – **женска**. **Муська** да **женьска** трава, **женьска** розова, **муськая** белая.*

Иногда имеется более конкретная привязка: *женское* растение связано с лечением женской детородной системы:

*Подколодная вот **женская** трава. Подколодная она действительно для женщин, женщины её собирают и лечят.*

Бабьи сплетни – комнатное вьющееся ампельное растение (со стеблями, опущенными вниз):

*А тут вот запуталось, фсё сплели, эти **бабьи** сплетни мы зовём. **Бабьи** сплетни, они сплелися фсе.*

Бабий язык – комнатное растение алоэ:

*У нас ещё кто-то говаривал: **бабий** язык. Не столетник, а **бабий** язык.*

То же растение называют и ***тещин** язык*:

*У меня был алоэ, он всё называл **тёщин** язык.*

И комнатные, и полевые цветы могут называться **девьей (девичьей) красой (красотой)** – например, гвоздика полевая или комнатное растение бальзамин:

*Цветы: петушки, гребень, душнянка, **девья** краса. **Девья** краса всё цветёт. **Девичья** краса, тут у меня в огородце есть. Раньшэ называли **девочья** красота, тоненький стебелёк, четыре лепестка. **Девья** краса зовётся весь цветок.*

Растение репейник – **вдовец**. Репейник – название нескольких растений, имеющих цепкие плоды или соплодия, «колючки». Чаще всего под «репейником» имеется в виду лопух или чертополох:

*Стоит **вдовець** до самой осени, растёт везьде, процветёт в конце июня, ево ведь скотина-то не ест. **Вдовець** – тот колюций, налипится на скотину.*

Предметы

Термины, обслуживающие ЛСГ *Распределение лиц по полу и возрасту*, используются и при обозначении предметов: как соматизмы, карточные масти, предметы одежды, строительные термины. Сюда же примыкают слова, связаные с социальным семейным статусом.

Безымянный палец руки – ***вдовий** палец*. Вздувшаяся вена на внутренней стороне пальцев рук – ***вдовья** жила*. Другое значение той же ФЕ – вздувшийся на переносице кровеносный сосуд, свидетельствующий о (будущем) вдовстве женщины:

Есть ***вдовья жила****, так такой целовек знает.* ***Вдовья жила*** *– если идёт жилка с переносицы под глаз.*

Вдовье *мясо* – полнота, развивающаяся у стареющей женщины:

Я была с мужиком сухонька такая, а осталась одна – ожирела, вот, говорят, ***вдовье*** *мясо накопила.*

Жировые отложения на основании шеи, загривок – ***вдовий*** *холмик*:

Вдовий *холмик, говорят, массировать. Горб-то растёт –* ***вдовий*** *холмик говорят.*

Кость щиколотки – **девушка**:

Доцька упала, обе ***девушки*** *от лытки отломила.* ***Девушки*** *обе отломила от лытки-то, обе костоцьки.*

Зрачок глаза в некоторых архангельских говорах называется **человечек** – действительно, в зрачке отражается человек:

Белый, цёрныш – там ***целовецек*** *есть у нас. Каки хош глаза, а* ***целовецек*** *у кажного есть. Зрацёк –* ***целовецек****, в* ***целовецька*** *тыкнеш – и не завидиш.*

ТР и близкие к ним гендерные термины, определяющие половозрастные категории, распространяются на карточные масти. Карточная дама – **бабушка**, **жёнка**, а также **девка**, **девочка**, **девушка**; король – **дедко**, **дедушко** и **хозяин**; валет – **мальчик**, **парень**:

Девушкой *мне отбиться разе. Дома, нету* ***мальчика****. Дома. Эту* [карту] *к Лизы ложь.*

Зафиксирована экстраполяция у слова **молодой**, соотносимого с терминами свойства *молодая*, *молодка* (‘женщина в первый год брака’, ‘невестка, сноха’). **Молодой** – ‘платок, завязанный особым образом, который надевала женщина сразу после замужества’:

Вот раньше как взамуж отдают – носили платок: ***«молодой»*** *называцца. Так повяжут, с рожками.* ***Молодой*** *– сделают прямой платок, как рожками, загнут уголочки-то.*

В том же значении используются лексемы **молодуха**, **молодушка**:

Замуж выйти – надо ***молодухой*** *подвязаться, красный плат.* ***Молодушкой*** *оповязываютсе, носят эк.*

Слово **старик**, соотносимое с ТР ‘дед’, – ‘инструмент, с помощью которого забивают колья в дно реки для устройства рыболовной ловушки’:

> ***Старик*** *– которым забивали сваи в дно.* ***Старик*** *– вручную били забор. Это когда вручную били,* ***стариком*** *называли.*

Чаще в архангельских говорах ‘деревянный молот’ называют **баба**, **бабка**:

> *На подушку-от* [нижняя выступающая горизонтальная опора] *кидают доски и* ***бабкой*** *колотят, чуркой деревянной.*

Старик – ‘столб, поддерживающий стропила дома’:

> *В середине стены ставице стол, ево называют* ***стариком****, в эти столы вставляютсе стрелы, в* ***старики****-то. Под крышу потом на эти* ***старики*** *кладётсе князёк. Вот он зашит посередине,* ***старик****-от. Тут пола-то дыра,* ***старик****-от виден. Стояк, и под стропилами* ***старик****, или* ***бабоцька****, где как зовут.* ***Старик*** *– такое ставица большое бревно, правилье, под стропилье –* ***старик****. Стропиловка ставится на этово* ***старика****.*

Заключение

Хотя работа выполнена на материалах *Архангельского областного словаря*, близость лексико-семантических групп *Термины родства* и *Наименования людей по полу и возрасту*, по-видимому, характерна для любого языка, что проявляется во взаимозамене терминов, взаимопроникновении смыслов, однонаправленности развития переносных значений.

---

[1] **Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-0013** ***Термины родства в архангельских говорах: Словарь.***

[2] Википедия. *Термины родства*. http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E5%F0%EC%E8%ED%FB_%F0%EE%E4%F1%F2%E2%E0 (02.01.2014).

[3] Качинская И. Б. *Термины родства и языковая картина мира*. Дис. канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2011. http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kachinskaya.i.b/kaczinska-dis.pdf.

[4] Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова. *Апресян Ю. Д. Избранные труды*. Том II. *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995, с. 173, 169.

[5] Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия). *Категория родства в языке и культуре* / Отв. ред. С. М. Толстая. Москва: «Индрик», 2009, с. 9.

ЛИТЕРАТУРА

АОС – *Архангельский областной словарь* / Под ред. О. Г. Гецовой. Москва, 1980 – 2013. Вып. 1–15 (изд. продолжается). http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/.

Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова. *Апресян Ю. Д. Избранные труды.* Том II. *Интегральное описание языка и системная лексикография.* Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995, с. 156–177.

Википедия. *Термины родства.* http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E5%F0%EC%E8%ED%FB_%F0%EE%E4%F1%F2%E2%E0 (02.01.2014).

Качинская И. Б. *Термины родства и языковая картина мира*. Дис. канд. филол. наук. Москва: МГУ, 2011. http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kachinskaya.i.b/kaczinska-dis.pdf.

Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия). *Категория родства в языке и культуре* / Отв. ред. С. М. Толстая. Москва: «Индрик», 2009, с. 7–22.

Елена Матейкович

ИНОЯЗЫЧНЫЙ ДИАЛЕКТИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ *ЖЕБРАК* В РУССКИХ ГОВОРАХ ЛАТГАЛИИ

Summary

The Foreign-Language Dialectal Word of the Social Sphere 'жебрак' in the Russian Subdialects of Latgale

Russian subdialects in Latgale take a special place in the foreign-language environment as they have been present there throughout several centuries. The foreign-language lexicon gets into the Russian subdialects mostly by means of the conductor, which in this case was the Polish language as the history of Latgale has been closely connected to that of Poland.

The word functions in the literary languages spoken in Latgale, such as Belarusian, Latgalian, Lithuanian, Polish and Ukrainian having the western area of distribution.

We consider the dialectal word 'жебрак' in the present paper from the point of view of etymology. The word is of German origin that was borrowed by Polish, and it could have entered the Russian subdialects through Polish. In the paper we regard the semantic changes that the word has undergone. The dialectal word 'жебрак' has received an additional pejorative connotation. The word has synonyms in Latgalian Russian subdialects.

Participation of the word in word-formation processes testifies to its adaptation in the Russian subdialects.

In modern Russian subdialects of Latgale the word is falling out of use, but is still used by older generations. It is connected with the diminishing of Russian villages, and the social phenomenon of poor people moving to the towns.

Key-words: Russian subdialects, dialectal word 'жебрак', foreign-language word, Polish influence

*

Введение

В речи русских старожилов Латгалии встречаются иноязычные лексемы, которые появились через посредство польского языка, что

объясняется историей данной территории, которая более двух столетий находилась в составе Польско-Литовского государства (с 1561 до 1772 года, когда был произведен первый раздел Речи Посполитой).

Данная статья является продолжением исследования о польском влиянии на русские говоры Латгалии. Целью настоящего исследования является анализ адаптации иноязычного слова *жебра́к* в русских говорах Латгалии.

Лексический материал извлекался из нескольких источников: из картотеки русских говоров гуманитарного факультета Института компаративистики Даугавпилсского университета, *Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики* 1963 года под редакцией М. Семеновой и из собственных полевых записей автора, сделанных во время диалектологических экспедиций 2011 – 2013 гг.

О нищих в истории

История появления нищих, по мнению П. Прыжова, связана со Средневековьем, однако *в эпоху падения древнего мира и Греции стали появляться нищие, жившие подаяниями во имя божества*.

> *<...> С переходом христианства в Европу, явилось и учение о нищих; <...> и стали они требовать себе, во имя Христа, подаяний. <...> Папа Лев XII приказывал иметь некоторое число нищих для того, чтобы люди не позабыли заповеди о милостыни.*[1]

Нищие на Руси делились на несколько классов и подразделений. Нищими высшего разряда считались *калики*, их занятием было пение, они ходили по селам и городам, пели и собирали за это милостыню. *Украинские слепцы-старцы – это или неспособные к земледелию работники, или нищие, сохраняющие из поколения в поколение народные думы и предания*[2]. Эти певцы ходили по домам и пели, за это им платили.

> *Причастность к сакральному делала их особыми, повышала их социальный статус. <...> Кроме того, молитвам нищего Господь отдает предпочтение, поэтому староверы их охотно пускали переночевать, кормили, давали еду с собой.*[3]

Е. Е. Королёва отмечает, что такое древнее представление сохраняется в памяти староверов Латгалии до сих пор:

> *Ён слепой, а она глумоватая, а стихи пели будь-будь.*[4] (Прейльский р-н, д. Пизани)

> *Допустимым развлечением на супрядках в посты, особенно в великий, было пение духовных стихов. Эти стихи чаще исполняли нищие «жебраки», живущие в деревне или странствующие.*[5]

Анализируя происхождение странствующих нищих, К. Михайлова пишет:

> *Странствующие певцы-нищие – это явление, общее почти для всех славян, начиная со времен Средневековья вплоть до 30–40-х гг. XX в. У русских это слепые нищие, наследники древних калик перехожих.*[6]

В экспедиции 2013 года мы записали такое свидетельство об обычае давать подаяние нищим на кладбище во время поминальной службы на Троицу:

> *Были и такие, которые пели и получали за это милостыню. Появлялись на Троицу на могилки, в торбочку им обязательно давали. На Рождество ходили, на Пасху ходили, ежедневно, чтобы специально жебровать, не было.* (Прейльский р-н, д. Фольварк, 2013)

В этом отражается религиозное представление о нищих как святых, которых нельзя обижать и которым нужно подавать милостыню в церковные праздники:

> *Жабракам давали, не обижали.* (Прейльский р-н, д. Большие Дзеркали, 1992)

> *На кладбище жебракам булочки давали.* (Даугавпилс, 1990)

> *Перва жебраки отмолются, и мы бегим, маленькие молились.* (Даугавпилсский р-н, п. Грозборы, 1991)

С давних времен отношение к нищим имело противоречивый характер. С одной стороны, нищий – это человек, не имеющий средств к существованию, часто он имел физический недостаток, а с другой стороны, – как человек, имеющий физический недостаток, он внушал страх: *мифические верования получили мрачный, дьявольский характер, где в слепоте видели связь с нечистыми силами*[7]. В польских говорах слово *żebrak* имеет значение – ‘искалеченный человек, калека’.[8] В русских говорах Латгалии такое значение у слова *жебрак* не зафиксировано.

Нищенство в старообрядческих деревнях было редкостью. В 1863 году губернатор Корецкий по поводу нищенства писал: *Между раскольниками вовсе нет неимущих; общества, соединенные пособиями, не допускают своих братий до нищенства, и поэтому, где идет дело о деньгах, платят и за других*[9].

После неурожаев 1867 – 1868 гг. в Северо-Западном крае появились нищие, которые, *несмотря на общую незажиточность*[10], всегда находят поддержку у собратий по вере: *свойственная русскому народу щедрость на милостыню особенно развита у староверов*[11].

В Белоруссии была сделана попытка издания словаря[12], посвященного нищенству. В этом словаре приводится лексика, характерная для лексикона нищих.

Этимология

Исторически слово *жебрак* восходит к старонемецкому слову *Seffr.*[13] По данным В. М. Жирмунского, *старое германское* ***s*** *имело в немецком (древневерхненемецкий и средненемецкий языки) близкое к шипящему произношение, это находит отражение в произношении [**ж**] в заимствованных из немецкого славянскими языками словах: польск. żołnierz 'солдат' – из нем. Sőldner, żegnać 'осенять крестным знамением' – segnen, róża 'роза' – Rose*[14].

Этот ряд продолжает слово *żebrak* 'нищий' – *Seffr.* Таким образом, слово было заимствовано устным способом, оно фонетически адаптировалось к языковой системе принимающего языка: *s* > *ż* [ж].

Ареал распространения

Слово *жебрак* отмечается во многих западных и южнославянских языках: чеш. *žebrák*, *žebrati*, славац. *žobrak*, *žobrat'*, в-луж. *žebrjak*, *žebrić*, н.-луж. *žebrak*, *žebriś*, словен. *żebrâvec*, *zebráti*, серб.-хорв. *жёбрак*, *жебрачити*.[15]

В восточнославянские языки, украинский и белорусский, а также в литовский (*žebrõkas* – 1. 'нищий'; 2. 'обманщик, жулик, плут', *žebravoti* – 'просить милостыню, нищенствовать, попрошайничать'[16]) и латгальский языки (*žabraks*, *žabravuotuojs* – 'нищий', *žabravuot* – 'нищенствовать'[17]) лексема *жебрак* могла прийти через посредство польского языка. Это объясняется историческим прошлым этих государств, входящих в государство Речь Посполита с государственным польским языком. Данные слова входят в состав литературного украинского и белорусского языков, где активно употребляются в связи с происходящими в обществе процессами обнищания населения. Например, в украинском языке слово *жебрак* – 'нищий':

> *Регулярно поповнюють кількість бомжів та жебраків люди, які повертаються з місць позбавлення волій не можуть адаптуватися в нормальному житті.*
>
> *Українські міста для вирішення проблеми бомжів, бродяг, жебраків використовують досвід розвинених країн, зокрема західноєвропейських.*[18]

В статье *Хто просить у нас грошей в Інтернеті, або подавати на глобальній паперті?* автор рассматривает современное положение нищих, которые перешли из реального мира в виртуальный, а Интернет используют как хорошую возможность для заработка:

> *Сьогодні в Інтернеті можна знайти більше двадцяти порталів для кібер-жебраків і безліч особистих сторінок характерного змісту. <...> Далеко не всі ці люди страждальці, але також не можна огульно називати всіх жебраками і шахраями.*[19]

Носители современного украинского языка отмечают, что в городах бомжей (аббревиатура расшифровывается как человек ‘без определенного места жительства’) называют *жебраками*. У носителей диалектной речи Латгалии мы спросили: *Одинаковы ли слова бомж и «жебрак»?* – и получили ответ:

> *Бомжи не хочут работать, одинаковые, ходют жабруют.* (Прейльский р-н, д. Фольварк, 2013)

В данном случае слово *жебрак* получает отрицательную, сниженную коннотацию и воспринимается носителями говора как человек, не желающий работать. Другое свидетельство:

> *Таперь вси жабраки, таперь жабраков как никогда. Вот в этом доме живут два: Янка и Валерка, Янка старый, пенсию получает, Валерка молодой, ён нигде не работает, так кто ж ён, нигде не работает, бутылки только собирает – вот табе и жабраки!* (Прейли, 2014)

Жебрак в польском языке и русских говорах

В русские говоры Латгалии слово могло прийти разными путями: через посредство украинского и белорусского языков или непосредственно из польского языка. В польском языке слово *żebrak* имеет значение ‘нищий’, это значение представлено и в русских говорах Латгалии:

Тут Навицкый жывет, жабрак такой. Яны жабраки. Давней жабракоф была многа.[20]

Вспоминали як у вёски нашай жабрак Михей был. (Даугавпилсский р-н, д. Малиновка, 1990)

Приходит жабрак и просит чего-либо. (Даугавпилсский р-н, п. Субате, 1977)

Жебраки жабруют. (Даугавпилсский р-н, п. Субате, 1977)

От существительного *жебрак* с помощью суффикса *-к(а)* образовано существительное женского рода *жебрачка* – ‘нищенка’. Впрочем, здесь может быть явление множественной мотивации, это существительное может быть мотивировано глаголом *жебровать*:

Йдё жабрачка. Йэстя тут нидалёка жабрачка.[21]

А я хошь и была жабрачка, но ребенка не отдала. (Даугавпилсский р-н, п. Субате, 1992)

От существительного *жебрак* с помощью суффикса *-ова*, который имеет значение: *совершать действие, свойственное тому, кто/что назван мотивирующим существительным*[22] (например, *плутовать*), образован глагол *жебровать* – ‘просить милостыню, нищенствовать’:

Яны атвэку жъбравали. Йа ня жабравала.[23]

Йийо жабравать и гадать пасылали. (Даугавпилсский р-н, п. Субате, 1971)

Атец жабравал, шчастя не была. (Даугавпилсский р-н, 1969)

Хадили мы жебровали, сичас я б ни пашла. (Резекненский р-н, д. Гарюшка, 1990)

Кто даст крупы сколечка, кто что, так они и жабровали. (Прейльский р-н, д. Большие Дзеркали, 1992)

Слово *жебрак* – ‘нищий’ представлено в *Словаре русских народных говоров* в Литве:

А у нас тогда жебрак ночевал (Йонав. Лит. ССР);

жебрачка – ‘женск. к жебрак’: Опять эта жебрачка с торбой идет (Йонав. Лит. ССР);

жебровать – ‘просить милостыню, нищенствовать’: Лучше давать, чем идти жебровать (Йонав. Лит. ССР).[24]

Диалектизмы *жебрак* – ‘нищий’, *жебрачка* – ‘нищенка’, *жебровать* – ‘побираться, просить милостыню’ отмечены в псковских говорах:

Па Латвии жыбравать хадили.[25]

Как видим, ареал распространения лексического гнезда с вершиной *жебрак* охватывает западные русские говоры.

Адаптация слова

Свидетельством высокой адаптации иноязычного слова в русских говорах является образование новых слов. От слова *жебрак* образованы слова:

1. с помощью суффикса *-ок* деминутив *жебрачок*, с чередованием *к/ч*:

   Навицкий жабрачок, а Кавалевскый то багатырь, фсяво в йих много.[26]

2. образование существительного женского рода, мотивированное существительным мужского рода с помощью морфа *-овк(а)* (после сочетаний *согласная + сонорная*, где морф *-к(а)* невозможен) – *жебровка* – ‘попрошайка’:

   Па улице идешь, жабровки на каждом шагу. (Даугавпилс, 1996)

3. прилагательное *жебрацкий* ‘бедный’:

   Ну, жабрацкие дети. Атэц жабрак, дятей давел в жабраки.[27]

4. от глагола *жебровать* с помощью приставок *на-* и *по-*:

   нажебровать – ‘напросить’

   Ну, что нажабровала уже! Не жабруй конфет! (Даугавпилсский р-н, Грива, 2013)

   пожебровать – ‘понищенствовать, прося подаяние’

   Пажабравал недельку и пут хлеба принес, прадал нам для курей.[28]

5. от глагола *жебровать* при помощи суффикса *-уй* образовано существительное со значением лица *жебруй* ‘нищий, просящий милостыню’:

   Жабруй пошёл жабровать. (Даугавпилсский р-н, Грива, 1993)

6. приставочно-постфиксальным способом образован глагол *нажеброваться* – ‘набрать подаяний’:

> *Давней жабрако́ф была многа, пожабру́ют, нажабру́ющца, фсяво им дадут: хлеба, денек. Навицкий был такой жабрачо́к, пайдет, бывала, нажабру́ецца, так и жыл.*[29]

Приведем полную схему словообразовательного гнезда с вершиной *жебрак*:

	→ жебрачка		
	→ жебрачок		
	→ жебровка		
Жебрак	→ жебрацкий		
		→ пожебровать	
	→ жебровать	→ жебруй	
		→ нажебровать	→ нажеброваться

Адаптацией слова являются и его семантические изменения или семантическая деривация. В русских говорах Латгалии слова *нищий* и *жебрак* разграничиваются в сознании староверов. Так, например, в экспедиции 2013 года информант нам объяснял:

> *Жебраки для сваей выгады, на бутылку. Жебрак ходит и жебрует у людей, а у нищего ничего нет.* (Прейльский р-н, д. Фольварк)

Таким образом, *жебрак* получает дополнительную отрицательную коннотацию:

> *Жебраки нахальные были, лезли везде.* (Краславский р-н, д. Калниеши, 2005)

> *У, жабрак идет!* (Даугавпилсский р-н, п. Субате, 1997)

Глагол *жебровать* может получать новый оттенок значения ‘выпрашивать, приставать с просьбами’. Например, бабушка говорит внучке:

> *Не жабруй конфет! Хватит жабровать!* (Даугавпилс, Грива, 2013)

Свидетельством адаптации заимствованного слова в языке-реципиенте является появление у него синонимов. Синонимом к слову *жебрак* может стать слово *попрошайка*. В *Толковом словаре русского литературного языка*: *попрошайка* – 1. ‘тот, кто просит милостыню,

нищий’; 2. ‘тот, кто пристает с просьбой дать, подарить что-л., выпрашивает’.[30]

Всё ходит да просит – настоящий жебрак он у тебя. (Резекненский р-н, д. Римшаны)

Приходит жабрак и просит чего-либо. (Даугавпилсский р-н, п. Субате, 1997)

На кладбищах мног жабраков было. (Даугавпилсский р-н, Грива, 2007)

Значение слова *нищий* – 1. ‘живущий подаянием, милостыней’; 2. ‘неимущий, крайне бедный’; 3. перен. ‘испытывающий острый недостаток в чем-л., скудный, бедный’.[31] В русских говорах происходит семантическая дифференциация слов: *жебрак* – ‘это не просто нищий, а тот, кто пристает, выпрашивает что-л.’.

Синонимом к слову *жебрак* в русских говорах Латгалии выступает слово *побираха* – ‘нищий, нищая’:

Побираха ходит по деревне и жебрует. (Краславский р-н, д. Калниеши, 2001)

Однако в следующем примере мы можем наблюдать у слов существенные отличия:

Побираха идёт, он просит ради Христа, а жабраки: дай! – и всё! (Прейли, 2014)

Слово *побираха* отмечено в *Словаре русских народных говоров* и имеет пометы: Пск., Твер., Смол., Сев.-зап., Калуж., Лит. ССР, Эст. ССР, Латв. ССР.[32]

Слово *торбешник* ‘нищий’ образовано от слова *торба* – ‘сумка’:

Когда война была, торбешников была многа, торбешники ходили.[33]

Следует отметить, что в русских говорах Латгалии *торбой* называют любую сумку, в том числе и самую модную.[34]

У нищего всегда с собой была сумка – *торба*, в которую он складывал подаяния:

Дунька на могильнику целую сумку еды нажебровала. (Росл. Смол.) *Опять эта жебрачка с торбой идет.* (Йонав. Лит. ССР.)[35]

Эти дети ходят по базару с торбами и жабруют. (Даугавпилс, 1995)

Если их пасадят на плечи, эти торбы, их не здеть, привыкли ане жебровать. (Даугавпилсский р-н, п. Субате, 1997)

В градационные синонимические отношения с лексемой *жебрак* в русских говорах Латгалии вступает слово *кутник* ‘нищий’, ‘очень бедный человек’:

Некоторые были при старой Латвии очень бедные: жебраки, кутники. (Даугавпилс, 2001)

В *Словаре русских народных говоров* у слова *кутник*, мотивированного диалектным *кут* ‘угол’, отмечается несколько значений:

14. ‘бобыль, батрак’. Зап. Даль. 15. ‘квартирант’: Квартера у них была большая, кутников держали (Йонав. Лит. ССР, 1963) // *‘наемный сельскохозяйственный работник, пользующийся жильем нанимателя’: Он как кутник, хочет иде на работу, хоче – не иде.* (Йонав. Лит. ССР, 1963)[36]

Таким образом, слово *жебрак* в русских говорах Латгалии имеет синонимы: *кутник*, *побираха*, *попрошайка*, *торбешник*.

В русских говорах Латгалии бездельника сравнивают с *жебраком*:

Он как жабрак, как байструк[37] *какой.* (Даугавпилсский р-н, Земгале)

Следует отметить, что люди, собиравшие различные подаяния, могли продать собранные продукты другим людям:

Пажабравал недельку и пут хлеба принес, прадал нам для курей.[38]

В городах нищие, бомжи занимаются сбором стеклянных бутылок, которые сдают в специальные пункты приема стеклянной тары и за это получают деньги, в деревне возможен такой вид заработка, как продажа собранных пищевых продуктов на корм скоту, птице.

Выводы

Иноязычное слово социальной сферы *жебрак* является старонемецким заимствованием, в русские говоры Латгалии оно могло прийти через посредство польского языка, что объясняется историей данного региона.

На территории сопредельных государств, в белорусском, украинском, польском языках, слово функционирует в составе литературных языков. На территории Латгалии это диалектное слово, поэтому оно имеет ограниченную сферу употребления.

Слово имеет западный ареал распространения, оно представлено в латгальских, литовских, смоленских, псковских русских говорах. На территории Латгалии слово отмечено в Даугавпилсском районе (Грива, Земгале, Малиновка, Субате, Червонка); Краславском районе (Городищи, Калниеши, Ковалево); Прейльском районе (Большие Дзеркали, Риебини, Пизани); Резекненском районе (Гарюшка, Римшаны, Устрош). Можно говорить о повсеместном распространении слова в русских говорах Латгалии.

Появление у слова словообразовательных дериватов свидетельствует о его активности в словообразовательных процессах и высокой степени адаптации в говорах Латгалии (*жебрачка*, *жебрачок*, *жебровка*, *жебрацкий*, *жебровать*, *жабруй*, *нажебровать*, *пожебровать*, *нажеброваться*).

В русские говоры Латгалии слово *жебрак* первоначально входит со значением ‘нищий’ и имеет ареол святости, с течением времени значение слова начинает трансформироваться и получает отрицательные коннотации, постепенно оно становится в один ряд со словом *бомж*. В современных русских говорах Латгалии происходит его семантическая дифференциация со словом *нищий*. Слово в русских говорах Латгалии имеет синонимы: *кутник*, *побираха*, *попрошайка*, *торбешник*.

Причин заимствования слова может быть несколько. Во-первых, это связано с оппозицией «свой – чужой». Происходит разграничение в названиях «своих» нищих и «чужих», пришлых нищих, к которым всегда относились с настороженностью, как и ко всем чужим людям вообще. В староверческих селениях это проявлялось в большей степени, чем в других местах, дистанцируясь от чужих, староверы сохранили свою веру, язык и самобытность. Во-вторых, это связано с экономией речевых ресурсов: *нажебровать* заменяет конструкцию ‘набрать подаяний’. В результате замещается двучленное наименование одиночным. Это можно рассматривать как проявление принципа экономии выразительных средств.[39] В-третьих, это связано с языковой возможностью, например, образование с тем же значением слова **нанищенствовать* является искусственной формой, чтобы функционировать в говорах, а *нажебровать* образовано по продуктивной модели, лишенной признака литературности, поэтому существует в русских говорах Латгалии и в смоленских говорах. В-четвертых, из польского языка в русские говоры приходили слова из криминальных слоев, с целью обогащения, мошенники и плуты могли маскироваться под нищих. Возможно, слово *жебрак*

пришло из польского как наименование таких социально опасных элементов.

В современных русских говорах Латгалии слово выходит из употребления. Это связано с сокращением русских сел, а в городской жизни не используется диалектное слово. *Сейчас жабраков уже нет, а раньше много их у нас по селу проходило* (Резекненский р-н, п. Устрош, 1990). В настоящее время это слово употребляют только представители старшего поколения, а среднему и младшему поколению оно неизвестно.

---

[1] Прыжов П. *Нищие на святой Руси*. Москва, 1862, с. 3–6.

[2] Там же, с. 21.

[3] Королёва Е. Е. Концепт труда по данным говоров староверов Латгалии. *Humanitāro Zinātņu Vēstnesis* Nr. 7, 2005, с. 60.

[4] Там же.

[5] Макашина Т. С. *Фольклор и обряды русского населения Латгалии*. Москва, 1979, с. 112.

[6] Михайлова К. О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре. *Язык культуры: Семантика и грамматика*. Москва, 2004, с. 138. Цитируется по: Королёва Е. Е. Концепт труда по данным говоров староверов Латгалии. *Humanitāro Zinātņu Vēstnesis* Nr. 7, 2005, с. 60.

[7] Прыжов П. *Нищие на святой Руси*. Москва, 1862, с. 32.

[8] Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. T. 1–6. T. 6. Kraków, 1900 – 1911, s. 437.

[9] Никонов В. *Староверие Латгалии*. Изд.: Резекненская кладбищенская старообрядческая община, 2008, с. 57.

[10] Там же, с. 58.

[11] Там же.

[12] Сцепура Ф. *Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда, Минской губернии местечка Семежова*. Т. 37. Кн. 1. Зап. имп. АН, 1881, с. 188–199.

[13] Brückner A. *Słownik Etymologiczny Języka Polskiego*. Warszawa, 1985, s. 663. *Этымалагічны слоу нік беларускай мовы*. Т. 1–11 (р–с). Т. 3. Мінск, 1978 – 2006, с. 194.

[14] Демьянов В. Г. Отражения языка оригинала в иноязычных словах перевода (по материалам вестей-курантов). *Источники по истории русского языка XI – XVII вв.* Москва, 1991, с. 107.

[15] *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1–11 (р–с). Т. 3. Мінск, 1978 – 2006, с. 194.

[16] *Словарь литовского языка*. www.lkz.lt (без дат).

[17] Lukaševičs V. *Latgaliešu-latviešu vārdnīca*. Vīna cylvāka specvuorduojs. Daugavpils, 2011, 201. lpp.

[18] Віденська Л. Деякі з них мають квартири, прописку, але живуть у підвалах. Газета *Новини Надросся* № 44. http://h.ua/story/149397/ (22.10.2013).

[19] *Хто просить у нас грошей в Інтернеті, або подавати на глобальній паперті?* http://arhiv-statey.pp.ua/index.php?newsid=20499 (22.10.2013).

[20] *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига: ЛУ, 1963, с. 88, 165.

[21] Там же, с. 88.

[22] Шведова Н. Ю. (Гл. ред.) *Русская грамматика*. Т. 1. Москва, 1982, с. 338.

[23] *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига: ЛУ, 1963, с. 88.

[24] *Словарь русских народных говоров*. В – 9. Москва – Ленинград, 1965 – 2010, с. 95.

[25] *Псковский областной словарь с историческими данными*. В – 10. Ленинград, 1967 – 2011, с. 176.

[26] *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига: ЛУ, 1963, с. 30.

[27] Там же, с. 88.

[28] Там же, с. 232.

[29] Там же, с. 165.

[30] *Словарь русского языка*. В 4-х томах. Т. 3. Москва, 1985 – 1988, с. 298.

[31] Там же, с. 503.

[32] *Словарь русских народных говоров*. В – 27. Москва – Ленинград, 1965 – 2010, с. 195.

[33] *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига: ЛУ, 1963, с. 325.

[34] Королёва Е. Е. Диалектные черты городского просторечия г. Даугавпилса. *Valoda – 1998. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Humanitārās fakultātes VIII Zinātniskie lasījumi. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 1998, с. 23.

[35] *Словарь русских народных говоров*. Москва – Ленинград, 1965 – 2010, в – 19, с. 267; в – 9, с. 95.

[36] Там же, в – 16, с.163.

[37] *Байструк* – 'незаконнорожденный ребенок, вне брака'.

[38] *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига: ЛУ, 1963, с. 232.

[39] О принципе экономии в языке. *Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое*. Москва, 2004, с. 32.

ЛИТЕРАТУРА

Brückner A. *Słownik Etymologiczny Języka Polskiego*. Warszawa, 1985.

Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. T. 1–6. Kraków, 1900 – 1911.

Lukaševičs V. *Latgaliešu-latviešu vārdnīca*. Vīna cylvāka specvuorduojs. Daugavpils, 2011.

Віденська Л. Деякі з них мають квартири, прописку, але живуть у підвалах. Газета *Новини Надросся* № 44. http://h.ua/story/149397/ (22.10.2013).

Демьянов В. Г. Отражения языка оригинала в иноязычных словах перевода (по материалам вестей-курантов). *Источники по истории русского языка XI – XVII вв.* Москва, 1991, с. 99–109.

Королёва Е. Е. Диалектные черты городского просторечия г. Даугавпилса. *Valoda – 1998. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Humanitārās fakultātes VIII Zinātniskie lasījumi. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 1998, c. 14–24.

Королёва Е. Е. Концепт труда по данным говоров староверов Латгалии. *Humanitāro Zinātņu Vēstnesis* Nr. 7, 2005, c. 44–63.

Крысин Л. П. *Русское слово, свое и чужое*. Москва, 2004.

Макашина Т. С. *Фольклор и обряды русского населения Латгалии*. Москва, 1979.

Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига: ЛУ, 1963.

Михайлова К. О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре. *Язык культуры: Семантика и грамматика*. Москва, 2004.

Никонов В. *Староверие Латгалии*. Изд.: Резекненская кладбищенская старообрядческая община, 2008.

Прыжов П. *Нищие на святой Руси*. Москва, 1862.

Псковский областной словарь с историческими данными. Выпуски 1–22. Ленинград, 1967, Санкт-Петербург, 2011.

Словарь литовского языка. www.lkz.lt (без дат).

Словарь русских народных говоров. Выпуски 1–43. Москва – Ленинград, 1965, Санкт-Петербург, 2010.

Словарь русского языка. В 4-х томах. Москва, 1985 – 1988.

Сцепура Ф. *Русско-нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда, Минской губернии местечка Семежова*. Т. 37. Кн. 1. Зап. имп. АН, 1881, с. 188–199.

Хто просить у нас грошей в Інтернеті, або подавати на глобальній паперті? http://arhiv-statey.pp.ua/index.php?newsid=20499 (22.10.2013).

Шведова Н. Ю. (Гл. ред.) *Русская грамматика*. Т. 1. Москва, 1982.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–11. Мінск, 1978 – 2006.

Anna Stafecka

JĒDZIENI *PUSNAKTS* UN *PUSDIENA* LATVIEŠU UN LIETUVIEŠU VALODAS IZLOKSNĒS: ETNOLINGVISTISKAIS ASPEKTS

Summary

The Notions of 'Midnight' and 'Noon' in Latvian and Lithuanian Subdialects: the Ethnolinguistic Aspect

The present article compares the names for two parts of the day – midnight and noon – in Latvian and Lithuanian dialects. In both languages, many of the words denoting parts of the day are related. Thus, Latvian 'day' ('diena') corresponds to Lithuanian 'day' ('diena'), Latvian 'night' ('nakts') to Lithuanian 'night' ('naktis'), Latvian 'evening' ('vakars') – to Lithuanian 'evening' ('vakaras'). Dialectal data show that there is a greater variety of names for the notions of midnight and noon or midday. In Lithuanian there are also several names for morning – ('rýtas', 'ižgrýtas', 'rýtmetis', 'rýkmetis', 'rytmetỹs' (sal. liet. izl. 'mētas' 'time/laiks').

Latvian word 'midnight' ('pusnakts'), which belongs to standard language, can be observed in the whole territory of Latvia. In some subdialects, a form 'pusnakte' is also registered. Lithuanian 'pùsnaktis' and especially 'pùsnaktė' is characteristic of western subdialects, particularly those belonging to the Zhemaitian dialect. In the eastern part of Latvia, particularly Latgale, we can observe the form 'pušnakts' or the plural form 'pušnaktis' which, as J. Endzelīns believed, was related to Lithuanian 'pusiáunaktis', cf. Lithuanian 'cut in half'/'pusiaũ' (ME III 439). Lithuanian 'pusiáunaktis', however, is used in a large, compact area in eastern, southern and central Lithuania.

Almost everywhere in Lithuania one can observe compounds containing elements that mean 'middle' and 'night' – 'vidùrnaktis' comprises a large, compact area in western and central Lithuania, while 'pusnaktis' is used in the eastern part of the country. In Latvia, the word 'vidnakts' and its variants are registered mostly in the Livonian subdialects in Vidzeme.

The collocation 'nakts vidus' and compound 'naktsvidus' are observed in the whole territory of Latvia. The corresponding Lithuanian word 'naktóvidis', 'naktóvidas' is registered mainly in some Zhemaitian subdialects.

The Latvian word 'noon, mid-day' ('pusdiena'), according to the materials of the 'Atlas Linguarum Europae', is most widespread in the regions of Kurzeme un Vidzeme. In Lithuanian, too, there is a corresponding word 'pusdienis'. In the region of Latgale, one can observe compounds with 'puš-', usually in plural – 'pušdienas', 'pušdienes'.

In the whole territory of Latvia, one can encounter the word 'dienvidus' and its variants, consisting of the components 'day' ('diena') and 'middle' ('vidus'). In Lithuanian, the corresponding word is 'dienóvidis', and semantically also 'vidùrdienis', 'vidùdienis'.

In any case, midnight is regarded as the most mysterious part of the day, therefore both in Latvian and Lithuanian culture (as well as in many others) there are many legends and ghost stories involving this notion.

As we can see, both Baltic languages have related terms for denoting noon and midnight.

Key-words: dialectology, geolinguistics, dialects of Baltic languages, ethnolinguistics

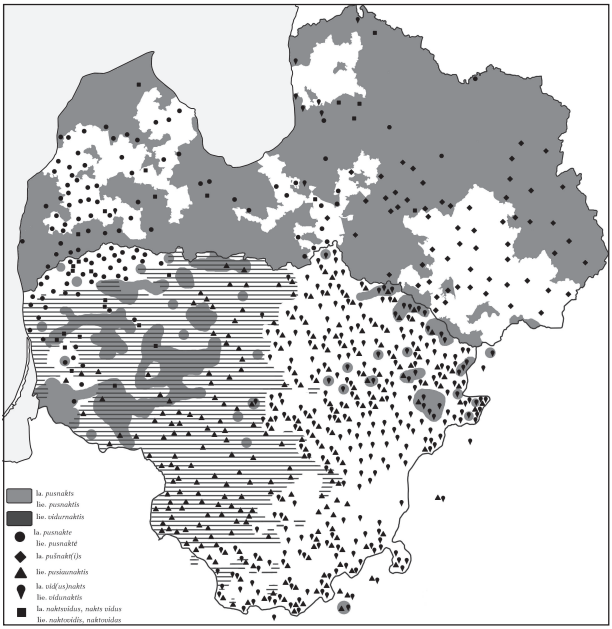
*

Cilvēka mūžs un pasaules uztvere ir nesaraujami saistīta ar dabu. Kā zināms, saules gaita pie debesīm nosaka cilvēka dzīves ritmu. Par laika mērīšanas pamatu pieņemta *diennakts* – 'laiks, kurā zemeslode apgriežas ap savu asi, 24 stundu ilgs laika posms, kas ietver vienu otrai sekojošu dienu un nakti'.[1] Diennakti mēdz sadalīt gan divās daļās (diena un nakts), gan četrās – rīts, diena, vakars un nakts. Laika periodiem starp šīm galvenajām diennakts daļām arī ir savi nosaukumi, turklāt to dažādība ir visai liela. Rakstā aplūkoti divu diennakts daļu – pusnakts un pusdienas – nosaukumi, to izplatība latviešu valodas izloksnēs salīdzinājumā ar lietuviešu valodas materiālu. Jāatzīst gan, ka materiālu vākums ir visai nevienmērīgs un dažkārt arī neprecīzs, ne katrreiz var noteikt, uz kuru diennakts daļu konkrētais vārds ir attiecināts.

Gan latviešu, gan lietuviešu valodā ir radniecīgi diennakts daļu nosaukumi. Tā latv. *diena* atbilst liet. *diena*, latv. *nakts* – liet. *naktis*, latv. *vakars* – liet. *vakaras*. Tie abās baltu valodās ir vienīgie šo diennakts daļu nosaukumi. Kā liecina izlokšņu materiāli, lielāka nosaukumu dažādība attiecināma uz jēdzieniem *pusdiena* un *pusnakts*, lietuviešu valodā, kā to rāda *Eiropas valodu atlanta* (ALE) materiāli, ir arī vairāki *rīta* nosaukumi (*rýtas*, *ižgrýtas*, *rýtmetis*, *rýkmetis*, *rytmetỹs* (sal. liet. izl. *mētas* 'laiks')).

Laika momentu, kad beidzas viena diennakts un sākas nākamā un kad notiek arī datumu maiņa, sauc par *pusnakti*. Latviešu literārajā

valodā vārds *pusnakts* apzīmē gan nakts vidu jeb laiku, kad saule atrodas viszemāk zem horizonta, gan pulksteņa laika momentu, kad mainās kalendāra dienas.[2] Taču *pusnakts* var apzīmēt ne tikai šo momentu. Llvv 6_2, 467 vārds *pusnakts* dots arī ar citu nozīmi – proti, 'puse nakts (aptuveni četras stundas)'. Šķiet, ka tā varētu būt senākā nozīme, tajā vārds *pusnakts* reģistrēts arī dažās izloksnēs[3], piemēram, *pusnaktê ceļ aûkšâ* 'pusnaktī ceļ augšā [strādniekus]' Allažos, *dožs sák nuo pus·no:kc strādāt* 'dažs sāk jau no pusnakts strādāt' Aizkrauklē, *pusnaktí dzíd gaíļi* 'pusnaktī dzied gaiļi' Dvietē, *gãja piê zirgiêm pusnaktī* 'gāja pie zirgiem [zirgus apraudzīt] pusnaktī' Džūkstē, *nùo pusnakc jàu klaũsiês, a četri vàli viê ņèm, pa nāburgìm, tâ velējâs* 'no pusnakts jau klausies, ar četrām vālēm vien velē, kaimiņos tā velējās' Ērģemē, *ogri cèlàs – jòu nuo pu:snokc, un mo:ła* 'agri cēlās – jau no pusnakts, un mala' Iršos, *pusnaktî jaû cêla aûkšâ* 'pusnaktī jau cēla augšā [strādāt]' Lenčos. Savukārt daļā izlokšņu piemēru atspoguļota vārda *pusnakts* nozīme 'pulksteņa laika moments, kad mainās kalendāra dienas', piemēram, *divpasmituôs naktî ir pusnakc* 'divpadsmitos naktī ir pusnakts' Babītē, *pusnakts – tas i tàisni pac nakc vidus* 'pusnakts – tas ir tieši pats nakts vidus' Ērģemē, *nakts vidu sàuc par pusnakti* 'nakts vidu sauc par pusnakti' Sinolē, *pusnakt, jò dipacmit* 'pusnakts, jau divpadsmit' Spārē.



1. att. **Jēdziena *pusnakts* apzīmējumi latviešu un lietuviešu valodas izloksnēs**

Latv. *pusnakts*, kas arī ir literārās valodas vārds, sastopams visā Latvijas teritorijā.[4] Daļā izlokšņu reģistrēta arī *e*-celma forma *pusnakte*. Gan latviešu, gan lietuviešu valodā laika momentu, kad beidzas viena diennakts un sākas nākamā, apzīmē salikteņi ar komponentu *-nakts*, kam pamatā ir ide. sakne **nek^{u}-* ar piedēkli *-ti-*.[5]

Pusnakts ir visvairāk noslēpumiem apvītā diennakts daļa, saistībā ar to latviešiem, tāpat kā daudzām citām tautām, izveidojušies daudzi spoku stāsti un teikas, piemēram, *pusnaktíe spùokùojas* 'pusnaktī spokojas' Adulienā, *ap pusnakti spùoki ràdùotiés* 'ap pusnakti spoki rādoties' Bērzaunē, *pusnaktî pazarùodieś gòrs* 'pusnaktī parādījies gars [spoks]' Bērzgalē, *pusnaktî càr kofìm baîśś ît́* 'pusnaktī gar kapiem bail iet' Nautrēnos, *pusnakte vels staĩgâ* 'pusnaktī velns staigā' Jūrkalnē, *pusnaktê spuõkuôjâs* Kurmenē, *tur pusnaktî spuõkuõjas* Ķoņos, *pusnaktê spuõki rãduôtiês* Rudbāržos.

Lietuviešu izloksnēs, galvenokārt žemaišu dialektā, reģistrēta atbilstošā forma *pùsnaktis*, it sevišķi *pùsnaktė*, piemēram[6], *lig pùsnakčio vis dirbau* 'līdz pusnaktij parasti strādāja' Vainutā, *pùsnaktė* [je] *parejo i dabar miegta* 'pusnaktī pārnāca, un tagad guļ' Kuļos, *lig pùsnakčui gieda* 'līdz pusnaktij dzied' Daugelišķē.

Liet. *pùsnaktis* dažviet lieto arī ar nozīmi 'nakts ēdienreize' (sal. latv. *pusdienas* 'dienas ēdienreize'), bet *pùsnaktė* – 'atpūta, strādājot naktī'[7], piemēram, *[..] vėlai pùsnaktį davė* 'vēlu *pusnakti* [ēst] deva' Kuļos, *pùsnakčiuo pataisyk ėdimo gero* '*pusnaktij* pagatavo labu ēdienu' Užventē, *kad par naktį gieda pry nabaštiko, duoda pùsnaktį* 'kad nakti dzied pie mirušā, dod *pusnakti'* Pluņģē.

Latvijas austrumu daļā, galvenokārt Latgalē, sastopams variants *pušnakts* vai dsk. forma *pušnaktis*, ko J. Endzelīns saista ar liet. *pusiáunaktis*, sal. liet. *pusiaũ* 'pušu'.[8] Izlokšņu piemēri: *pušnakć že vidyn nakt́s* 'pusnakts taču nakts vidū' Asūnē, *pušnakć daguoja* 'iestājās pusnakts' Barkavā, *gaĩļs dzîd, jù pušnakšu làiks*' 'gailis dzied, jo pusnakts' Bērzpilī, *nu jau pušnakc klât* 'nu jau pusnakts klāt' Birzgalē, *zàm pošu pusnakšu atgùoja iz sàtu* 'īsi pirms pašas pusnakts pārnāca mājās' Nautrēnos, *pušnaktí vysódi múški ún spúki ròdùtès* 'pusnaktī visādi mošķi un spoki rādoties' Līvānos, *zàm puš: no:kti* 'pirms pašas pusnakts' Pļaviņās.

Liet. *pusiáunaktis* savukārt veido plašu kompaktu areālu Lietuvas austrumu, dienvidu un centrālajā daļā, piemēram, *pusiáunaktis, jau dvyl'ka valandų* 'pusnakts, jau pulkstenis divpadsmit' Nemenčinē, *jau buvo pusiáunaktis, kai parvažiavo* 'jau bija pusnakts, kad atbrauca' Šetā, *vėlai jie išėjo, pusiáunakty* 'vēlu viņi izgāja, pusnaktī' Sulamiestē, *po pusiáunakčio bijojo eit* 'pusnaktī baidījās iet' Jonišķos.

Gandrīz visā Lietuvā izplatīti salikteņi ar komponentiem, kuru nozīme – 'vidus' un 'nakts': *vidùrnaktis* veido plašu kompaktu areālu Lietuvas rietumu un centrālajā daļā; *vidùnaktis* izplatīts Lietuvas austrumu daļā. Sporādiski reģistrēts arī *vidùnakčia*. Daži piemēri: *vidùrnaktis, jau gaidžiai pradėjo giedoti* 'pusnakts, jau gaiļi sāka dziedāt' Jonavā, *apie vidùrnaktį atejo prie mano lovos mama* 'ap pusnakti pie manas gultas atnāca māte' Plašķos, *ateina vidùrnakčiai, ir kelia iš miegų* 'pienāca pusnakts, un cēla no miega' Žilinos.

Latvijā *vidnakts* un varianti reģistrēti galvenokārt Vidzemes lībiskajās izloksnēs, piemēram, Duntē (sal. arī *viddârzs* 'dārza vidus'), Skultē (*ka vidnakc – vellu stunda, ka gaîlis sâk dziêdât, ta aizbêg* 'kad pusnakts – velnu stunda, kad gailis sāk dziedāt, tad aizbēg'), Svētciemā, Ternejā, Lēdurgā, Nabē, pierakstīts arī Ikšķilē (*vidus naktì* 'pusnaktī'), Kurcumā, Sējā.

Vārdkopa *nakts vidus* un saliktenis *naktsvidus* reģistrēts Aiviekstē, Asītē, Dundagā, Skrundā, Tomē, Džūkstē (*nakc vidũ uznāca pêrkuõns un liêtus* 'pusnaktī uznāca pērkons un lietus'), Lenčos (*pusnaktî, pašā nakc vidû, jaû cêla aûkšâ* 'pusnaktī, pašā nakts vidū, cēla augšā'), Vānē (*nakc vidû ir spuõku stunda* 'pusnaktī ir spoku stunda'), Vecsvirlaukā (*pa naktcvidu jaû nivar cilvêkus traũcêt* 'pusnaktī jau nevar cilvēkus traucēt'), Lielstraupē, Naukšēnos, Raiskumā, Remtē, Rozulā, Skrundā, Tomē.

Lietuvā atbilstošais nosaukums *naktóvidis*, *naktóvidas* reģistrēts dažās žemaišu izloksnēs, piemēram, *par patį naktóvidį nenorėčiau par tus miškus važiuoti* 'pašā pusnaktī negribētos caur tiem mežiem braukt' Barstīčos, *ir drąsumas tavo naktóvidžiu pro kapus eiti!* 'ir gan tev drosme nakts vidū gar kapiem iet' Švēkšnā, *pačiu naktóvidu atsibaldė* 'pašā pusnaktī pieklauvēja' Alsēdžos, *ans visumet naktóvidu vaikščio* [ja] 'viņš visu laiku pusnaktī staigā' Vēžaičos.

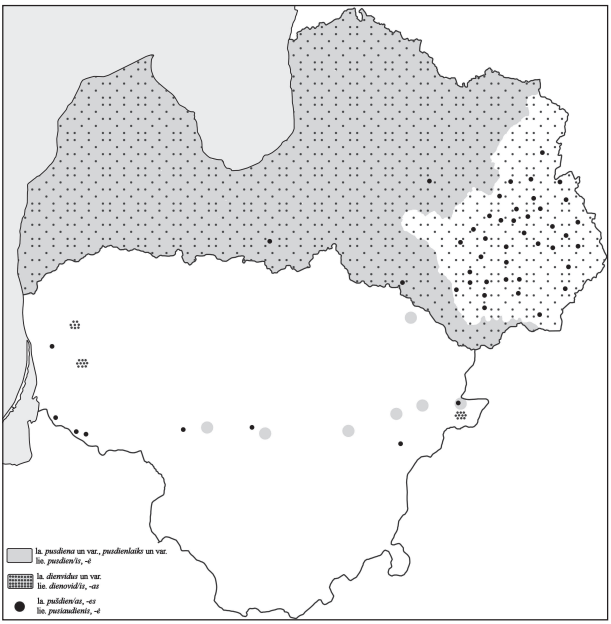
Dienas vidu jeb laiku, kad saule atrodas visaugstāk virs horizonta, latviešu literārajā valodā apzīmē saliktenis *pusdiena*, kuru veido komponenti *pus-* un *diena* (pamatā ide. sakne **dei-* 'gaiši spīdēt, mirdzēt, laistīties'[9]). Llvv 6_2 453–454 dotas vairākas vārda *pusdiena* nozīmes: 'dienas vidus, laiks, kad saule atrodas visaugstāk virs horizonta; pulksteņa laika moments: divpadsmit; diendusa'. Taču *pusdiena*, līdzīgi kā *pusnakts*, var apzīmēt ne tikai šo laika sprīdi, tā var būt arī ar citu nozīmi – proti, 'puse dienas, aptuveni sešas stundas'.[10]

Nosaukums *pusdiena* pēc ALE materiāliem biežāk sastopams Kurzemē[11], tas reģistrēts Alsungā, Dundagā, Kursīšos, Nīcā, Ventā, Ziemupē, kā arī Vidzemē, tas pierakstīts Duntē, Idū, Lazdonā, Kauguros, Sinolē,

un Zemgalē – Blīdenē, Džūkstē, piemēram, *pusdiẽnã saũle vis·aûkstâk* ‘pusdienā saule visaugstāk’ Blīdenē, *gani ismeta pêdas, kâ nãca us puzdiênu, dzina guôvis mãjâ* ‘gani mērīja ar pēdām, kā nāca uz pusdienu, dzina govis mājās’ Džūkstē, *jòu sàulîte puzdìenā* ‘jau saulīte pusdienā’ Aknīstē, *puzdìenã deva viênu stundu* ‘pusdienā deva vienu stundu [atpūtai]’ Ērģemē, *puzdiên ta i, ka såũle vis·aûkstâk* ‘pusdiena tā ir, kad saule visaugstāk’ Kandavā, *ka diên i puse, i pusdiên* ‘kad diena ir pusē, tad ir pusdiena’ Rendā, *pusdena nuô darb nãk uz mãi eîst* ‘pusdienā no darba nāk mājās ēst’ Svētciemā.

Arī lietuviešu valodā sastopami atbilstošie nosaukumi *pusdienis*, *pusdienė*, tie reģistrēti galvenokārt ap Kēdaiņiem, Molētiem, Raseiņiem, piemēram, *tą pùsdienį teip ir pravaikščiojau* ‘to pusdienu tā arī nostaigāju’ Karsakišķē, *tokioj pievoj tik pùsdienį padėsi, o nieko nenupjausi* ‘tādā pļavā tik pusdienā iesāksi, neko nenopļausi’ Tauragņos, *pùsdieniu pabaigsim* ‘pusdienā pabeigsim’ Daukšos.

e-celma forma *pusdiene* reģistrēta Sunākstē un Aknīstē (*nùguĺèju da puźdìńèi* ‘nogulēju līdz pusdienai’).



2. att. **Jēdziena *pusdiena* apzīmējumi latviešu un lietuviešu valodas izloksnēs**

Izplatīta arī vārdkopa *pusdienas laiks*, ar to nereti apzīmē ilgāku laika sprīdi, kas ietver gan ēdienreizi, gan pusdienu atpūtu, piemēram,

pusdìena(s) laīks Ērģemē, *pusdìenas laīks* Vecpiebalgā, Panemunē, *pusdiẽnas laīks* Blīdenē, *pusdiênas laīks* Augstkalnē, Kazdangā (*pusdiên^{a}s laīkâ iẽt diêndusu gulêt* 'pusdienas laikā iet diendusu gulēt'), Kursīšos, Nīcā (*saũle puzdiêns laīkā, jãiẽt mãjâ guôves slaûkt* 'saule pusdienas laikā, jāiet govis slaukt'), Ropažos, *pusdìenas làiks – Krapē, drìz bûs puzdìenas làiks – atpùta* 'drīz būs pusdienas laiks – atpūta' Sinolē, *puzdìnas làikâ vosaru pùora stùndas jùopaguļ pa kor̂stumu* 'pusdienas laikā vasarā karstumā pāris stundas jāpaguļ' Stāmerienā, *puzdìnas làiks ir brèidc(-dis), kod sàule izkôpuse vusaûškuôk* 'pusdienas laiks ir brīdis, kad saule uzkāpusi visaugstāk' Ziemerī, *pa puzd^{i}en's laīk spiêto bit's* 'pusdienas laikā spieto bites' Idū.

Sunākstē pierakstīts variants *pusdìenes làiks – kad ána viseísoàka, go:ni zinoāja, ka puzdìenes làiks* 'kad ēna visīsākā, gani zināja, ka pusdienlaiks'.

Salikteņnosaukums *pusdienlaiks* reģistrēts Dundagā (*pusdienlaīkę izvār rūšrāciņs*; *pusdiênlaīks ir dipacmętęs* 'pusdienlaikā izvāra kartupeļus ar mizu'; 'pusdienas laiks ir divpadsmitos'), Duntē, Rendā (*ka diên i puse, i pusdiên, pusdiênlaīks* 'kad diena ir pusē, ir pusdiena, pusdienlaiks'), Vainižos (*bên taīs tračš, vęc cil̂vek nedabu puzdenlaīka nuôguletes* 'bērni trokšņo, veci cilvēki nevar pusdienlaikā izgulēties'), Ventā, Svētciemā (*puzden laīka guôvi stãu kũti* 'pusdienlaikā (no 12 – 14 vai 15) govis stāv kūtī'), Sinolē.

Līdzīgi pusnakts nosaukumam *pušnakts*, galvenokārt Latgalē izplatīti nosaukumi ar *puš-*, parasti daudzskaitlī, *pušdienas* reģistrēts Kalupē un Šķilbēnos: *pàr pošys pušdìnys ćiš kor̂sc* 'pašā pusdienlaikā ļoti karsti' Kalupē, *mes is pužd̂ìnu sadzynam gùś* 'mēs pusdienās sadzinām lopus' Šķilbēnos. Plašāk sastopams ir variants *pušdienes*, piemēram, *kot sàuĺä pošâ vìersâ, tot pužd̂ìńiś* 'kad saule visaugstāk, tad pusdienas' Asūnē, *jùodzàn lùpi pužd̂ìńâś pakr̂ìesl̂î* 'jādzen lopi pusdienās ēnā' Nautrēnos, *pužd̂ìņu sàulä* 'pusdienu saule' Varakļānos, arī Izvaltā, Kārsavā, Pildā u. c. Lieto arī vārdkopu *pušdieņu laiks*, piemēram, *pužd̂iņu làikâ skrìejom da uṕei mỳłduôtîś* 'pusdienlaikā skrējām uz upi peldēties' Kalupē. Latgales izloksnēs lieto arī variantu *pušdines*, piemēram, *is pošu pužd̂iņu b'ić bàrnus laîd̂ä* 'pašās pusdienās bites spietoja' Makašēnos, *'sàuĺä pužd̂ińâś* Ozolainē, arī Nautrēnos, Skaistā.

Lietuviešu valodā reģistrēts radniecīgais nosaukums *pusiáudienis*.

Visā Latvijā pazīstami arī nosaukuma *dienvidus* varianti ar komponentiem *diena* un *vidus*: *dìenasvidus* Ērģemē, Kauguros, *dìenasvids* Vecpiebalgā, *diênsvids* Dundagā, Popē (*japaguļ diẽnsvids*), *dìenvidis* – Sinolē (*dìenviža tok vajag atpùstiês* 'dienvidū taču vajag atpūsties'), *diena-*

vids – Aknīstē (*ď navydá poc leloákais kořstums* ‘dienvidū pats lielākais karstums’), Nautrēnos (*śeņoîk vus jàu ď navydu guĺà, ŕeîtûs agŕi ćäĺäś* ‘senāk vis jau dienvidu gulēja, rītos agri cēlās’), kontrahēta forma *dienauds* pierakstīta Pildā, bet salikteņnosaukums *diensvidlaiks* pierakstīts Dundagā. Vārdam *dienvid(u)s* atbilst liet. *dienóvidis*, piemēram, *per dienóvidį labai saulė kaitina* ‘dienvidū saule ļoti karsē’ Panemunē, *vasarą dienóvidžiu karvės į tvartus pargyliuo*[ja] ‘vasarā dienvidū govis kūtīs sabizo’ Upīnā.

Semantiski latv. *dienvid(u)s* atbilst liet. *vidùrdienis*, *vidùdienis*, piemēram, *par pačią kaitrą vidùrdieny i tai turėdavai dirbt* ‘pašā karstajā pusdienlaikā arī vajadzēja strādāt’ Jurbarkā, *sekmadienį pačiame vidùrdieny bažnyčiose suskambėdavo varpai* ‘svētdienā pašā pusdienā baznīcās sāka skanēt zvani’ Pilvišķos, *vidùdieny pats saulės karštumas* ‘pusdienā pats saules karstums’ Ērišķos, *grybaut vidùdienį niekas neina* ‘sēņot pusdienā neviens neiet’ Šeduvā, *lapkritį aušra ir sutemos vidùdienį susitinka* ‘novembrī ausma un krēsla pusdienā satiekas’ Vaškos.

Lietuviešu valodā ar nozīmi ‘pusdiena’ lieto arī nosaukumu *pietūs*, *pietai* (sal. liet. *pietūs* ‘pusdienas (ēdienreize); pusdiena; dienvidi’; latv. *pusdienas*).

Arī saistībā ar pusdienu ir izveidojušies dažādi nostāsti, parasti tie ir saistīti ar apmaldīšanos mežā vai purvā, arī ar spokiem jeb mirušo gariem kapos.

Kā redzams, abām baltu tautām ir radniecīgi jēdzienu *pusnakts* un *pusdiena*, tāpat kā pārējo diennakts daļu, apzīmējumi. Latviešu valodas nosaukumam *pusnakts*, *pusnakte* atbilstošais lietuviešu nosaukums *pùsnaktis*, *pùsnaktė* izplatīts žemaišu dialektā, kas ir vistuvākais latviešu valodai. Galvenokārt Latgalē sastopamais nosaukums *pušnakts* (vai *pušnaktis*) veido nepārtrauktu areālu ar Lietuvas austrumos, dienvidos un centrālajā daļā izplatīto radniecīgo nosaukumu *pusiáunaktis*. Lietuviešu valodā vārdu *płsnaktis* dažviet lieto arī ar nozīmi ‘nakts ēdienreize’, bet *pùsnaktė* – ‘atpūta, strādājot naktī’. Latviešu valodas izloksnēs šādas vārda *pusnakts* nozīmes nav konstatētas.

Gan Latvijā, gan Lietuvā izplatīti salikteņi ar komponentiem, kuru nozīme – ‘vidus’ un ‘nakts’: *naktsvidus*, *vidnakts* un varianti (galvenokārt latviešu valodas Vidzemes lībiskajās izloksnēs), *vidùrnaktis* (Lietuvas rietumu un centrālajā daļā), *vidùnaktis* (Lietuvas austrumu daļā), dažās žemaišu izloksnēs reģistrēts nosaukums *naktóvidis*, *naktóvidas*.

Līdzīgi darināti arī pusdienas nosaukumi: latv. *pusdiena* arī saliktenis *pusdienlaiks* un vārdkopa *pusdienas laiks* (sastopami visā Latvijā, retāk Latgalē), liet. *pusdienis*, *pusdienė* (reģistrēts galvenokārt Lietuvas vidus-

daļā). Latviešu nosaukumi ar *puš-* (*pušdienas*, *pušdienes*) raksturīgi Latgales izloksnēm, lietuviešu valodā atbilstošais nosaukums ir *pusiáudienis*.

Abās valodās sastopami nosaukumi ar komponentiem *diena* un *vidus*: latv. *dìenasvidus*, *dìenasvids*, *dienvidus*, *dienavids*, kas semantiski atbilst lietuviešu *vidùrdienis*, *vidùdienis*.

Radniecīgie diennakts daļu apzīmējumi liecina par abu baltu tautu līdzīgu pasaules uztveri.

---

[1] *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 2. sējums. Rīga: Zinātne, 1973, 334. lpp.

[2] Plašāk skat. *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 6_2. sējums. Rīga: Zinātne, 1987, 467. lpp.

[3] Izmantotas atbildes uz *Latviešu valodas dialektu atlanta* leksikas daļas 607. jautājumu, *Lietuviešu valodas atlanta* (*Lietuvių kalbos atlasas*) Morfoloģijas daļas 136. karte un komentārs.

[4] Skat. 1. att.

[5] Plašāk skat. Mīlenbahs K. *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 2. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923, 690.–691. lpp., Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. 1. sējums. Rīga: Avots, 1992, 616.–617. lpp.

[6] Lietuviešu izlokšņu materiāls ņemts no *Lietuviešu valodas vārdnīcas* (LKŽ) elektroniskās versijas.

[7] *Lietuvių kalbos atlasas*. III. *Morfologija*. Vilnius: Mokslas, 1991, p. 146.

[8] Mīlenbahs K. *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 3. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923, 439. lpp.

[9] Plašāk skat. Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. 1. sējums. Rīga: Avots, 1992, 215. lpp.

[10] *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. 6_2. sējums. Rīga: Zinātne, 1987, 454. lpp.

[11] Skat. 2. att.

LITERATŪRA

Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. 1.–2. sējums. Rīga: Avots, 1992.

Latviešu literārās valodas vārdnīca. (Llvv). 1.–8. sējums. Rīga: Zinātne, 1972 – 1996.

Lietuvių kalbos atlasas. III. *Morfologija*. Vilnius: Mokslas, 1991.

Lietuvių kalbos žodynas. Pieejams: http://www.lkz.lt/.

Mīlenbahs K. *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 1.–4. sējums. Rīga: Izglītības ministrija, 1923.

Елена Евгеньевна Королёва

СРАВНЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ДВУХ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

Summary

Comparing Dialectal Speech of Two Linguistic Personalities

The present paper analyses dialectal speech of two women related to each other and the author of the paper. The material of the analysis is drawn from the dictionary compiled by the author, 'Dialectal Dictionary of One Family – 2 (Pytalovo Region of Pskov District)'. The dictionary is the result of 45 years long work produced by the author by collecting the linguistic material and processing it lexicographically. The analysed linguistic personalities differ in age – one of the women was born in 1899, another – in 1936. Their social status differs as well: one of them had never worked either in industry or kolkhoz. Another had worked for 23 years as a milker in kolkhoz and for 16 years as a nurse in the hospital of the town of Pytalovo that is a small regional centre in Pskov district. The article analyses the women's attitudes towards folk culture and use of folk phraseology in their speech. Besides, we note contemporary phenomena of urban speech that were manifested in the younger woman's speech. The author has come to the conclusion that both women are bearers of traditional culture. There exists a layer of rituals, beliefs that are common in their linguistic awareness. They differ in one of them using in her speech many proverbs, while another knows many 'chastushki' since the times of kolkhoz. The speech of the younger woman manifested features testifying to the destructive impact of mass media on the contemporary peasants' speech. The speech of both women differs by figurativeness and expressivity; both of them are bright linguistic personalities and that is achieved by their belonging to traditional culture.

Key-words: dialectal, linguistic personality, traditional culture, proverbs, 'chastushki', phraseology

*

Интерес к языковой личности носителей традиционной культуры не случаен. Это уходящая культура, поэтому так важны любые фиксации исчезающего на наших глазах феномена. В рамках данной статьи

мы рассмотрим две диалектные языковые личности (ЯЛ), связанные между собой родственными отношениями, а точнее, свойством, поскольку ЯЛ не являются кровными родственниками. Они – выходцы из одной местности, принадлежат к разным возрастным группам. Термин «языковая личность» ввел в лингвистику В. В. Виноградов в 1930 году.[1] Но использовался термин по отношению к персонажам художественной литературы. Такая традиция изучения идиолекта представлена в большей части современных исследований.[2] Другое направление современных исследований ЯЛ – изучение языка ярких, одаренных личностей, мастеров слова[3], представителей разных социальных слоев, психологических типов совокупной языковой личности[4]. Создаются словари языка писателей, которые при этом не являются отражением языковых особенностей личности писателя, появляются и теоретические работы об идиостиле писателей.[5] Интересуют языковедов и лингвистические портреты знаменитостей прошлых эпох.[6] Исключение составляют работы диалектологов, основанные на современном полевом материале, фиксирующие живую речь крестьянского населения.[7] Остро стоит вопрос о базе для исследования диалектной языковой личности (ДЯЛ). Мы полностью согласны с мнением Е. В. Иванцовой о том, что это должны быть записи текстов, являющиеся результатом *долговременного наблюдения над речью реальных информантов (а не дискурса героев художественных произведений как модели ЯЛ)*[8]. Записи должны быть достаточно объемными и разнообразными, это должны быть записи диалогов, монологов, полилогов. Необходимо учитывать не только диалектные особенности, но и общенародные факты лексикона ДЯЛ. В диалектных словарях дифференциального типа содержится только диалектно окрашенная лексика, поэтому их материал не может служить базой для изучения ДЯЛ в полном объеме.

В основе нашего исследования лежит материал *Диалектного словаря одной семьи – 2*[9], являющегося итогом 45-летнего наблюдения автора над речью своих родственников, носителей диалектной речи. Материал первого информанта записан вручную из-за отсутствия диктофона, собранный от второго информанта материал уже записан на диктофон. Автор хорошо знает людей, которых интервьюировал, и обстоятельства их жизни, что очень важно, на наш взгляд, для изучения ДЯЛ.

Основные сведения об информантах

МБ (1 информант) – Мария Ивановна Байкова (1899 – 1987) (в девичестве Антипова) – русская, православного вероисповедания, закончила 4 класса церковноприходской школы. Родилась в деревне Малиновка, расположенной в шести километрах от Пыталово. Во время войны 4 года провела в эвакуации в Башкирии и Ярославле. С 1953 по 1985 годы жила в семье дочери в Валдае Новгородской области. Не вступала в колхоз, нигде не работала, что позволило сохранить родной говор вдали от родины.

ВС (2 информант) – Валентина Ивановна Скокова (в девичестве Петрова), 1936 года рождения. Родилась в деревне Хлюстино, образование 4 класса, православная. 21 год проработала дояркой в деревне Хлюстино и после переезда в Пыталово 16 лет – нянечкой в больнице г. Пыталова.

Как видим, кроме возраста информанты отличаются социальным положением: ВС проработала 21 год дояркой в колхозе и 16 лет нянечкой в городской больнице, МБ никогда нигде не работала: до войны жила доходами со своего хозяйства, поскольку имела 20 гектаров земли. Информанты имеют разную связь с родным говором: ВС никогда не выезжала на жительство за пределы родного края, МБ провела 32 года в «чужой земле», но провела эти годы в кругу своей семьи.

Изучая речь представителей традиционной культуры, важно выявить степень их погруженности в стихию устного народного творчества, принадлежность к церкви, особенности их лексикона с точки зрения активного и пассивного словарного запаса, использование устаревшей лексики и лексических новообразований, а также заимствований, нейтральной и экспрессивной лексики. Важно также проанализировать выразительные средства языка, которыми пользуются носители диалектной речи при создании текста. При анализе языковых особенностей важно изучить фразеологию, образные средства идиолекта, сравнительные конструкции, слова с прозрачной внутренней формой, выявить стилевые доминанты речи, случаи языковой рефлексии как наиболее значимые показатели особенностей идиолекта ЯЛ. В рамках данной статьи рассмотрим только фольклорные реминисценции как факт принадлежности к традиционной культуре и фразеологию, а также собственно языковые факты, характеризующие особенности речи представителей двух возрастных групп – выходцев из одной местности, носителей традиционной народной культуры.

Традиционный фольклор

Информантам известна одна и та же потешка: МБ *Идёт коза рогатая, идёт коза бородатая* ***бости*** *маленьких ребят!* Однократный глагол **бости** в значении ‘бодать’ встречается еще в *Поучении Владимира Мономаха*, которое включается в *Лаврентьевскую летопись* в запись 1096 года: *Олень мя одинъ больть*[10]. Отмечается этот архаичный глагол и в современных говорах староверов Латгалии: *Меня бык бол*. У староверов зафиксированы также формы *бостись* и *забости*.[11] ВС *«Идёт коза рогатая, идёт коза бодатая – сбодёт-сбодёт маленьких ребят»! – выставят пальцы, там его пощекочут-пощекочут, им нравится, смеются, а другие даже заплачут, им страшно ай что. А что там ещё присказывают, не знаю*. Диалектными являются формы *сбости* и *бодатый*. Информант не только приводит саму потешку, но подробно описывает сопровождающее ее действие.

Средства народной медицины (от ячменя). *Ячмень является глазным (и видимым глазом) заболеванием – и логика мифологического мышления подсказывает, что возникает оно вследствие сглаза, отсюда особое внимание к этой болезни в народной медицинской обрядности, которое отражается и в языке*.[12] МБ Три раза показывают нарыву на глазе кукиш и произносят слова: *Жичка-жичка, на тебе фичку!* (*жичка* – ‘ячмень, острое гнойное воспаление сальных желез век’; *фичка* – ‘кукиш’). **ФИГУ ДАВАТЬ** – ‘Показывать фигу ячменю с целью избавления от болезни’. ВС *Фигу давали – первое средство было. «Никак в тебя ячмень? – Ну!» – насуют-насуют*. МБ приводит вербальную заговорную формулу, используемую при лечении ячменя, ВС дает только описание акционального элемента заговора.

Приметы: МБ говорит детям, когда они слишком громко смеются и балуются: *Ишь расстрадались, смотрите, плакать будете!* – ср.: *Велик смех – не мал и грех*[13]. *Что смешно, то грешно*.[14] В данном случае хочется обратить внимание на императивный характер приметы. Категория запрета очень важна для МБ. Нормы поведения передаются ею молодому поколению через разного рода императивы. Это отличает ее личность от личности ВС, которая учит ненавязчиво, является по природе своей очень деликатным человеком.

МБ *Завтра будет тёпло – толкачи полетели*. ВС *Комары толкутся к вёдрам*. Мотиваторами приметы являются слова *толкачи* и *толкаться*. МБ предпочитает отглагольное существительное, ВС – глагол. Таким образом, у МБ символическое значение приметы основано на семантике субъекта, у ВС – на семантике предиката.

Заклинание: МБ *Бывало сожнёшь нивку-то эту, посидишь на снопке: «Нивка-нивка, отдай мою силку!» Роди, Бог, хлебинки на всякую долинку!* (оставшиеся после посадки семена разбрасывают, кидая за спину, желая будущего хорошего урожая). ВС работала в колхозе, поэтому такие заклинания уже не могли быть использованы. Смена общественного строя привела к исчезновению элементов обрядового фольклора, распространенного при системе частного землепользования.

Обряд при первом выгоне скота: ВС *Скот выгоняли и обносили: и коровы, и овцы, и свиньи бегают, надо так пройти, чтоб всех обнести, тогда хорошо вестись будут и болеть не будут*. От МБ подобный обряд не записан.

Речевой этикет: В ответ на приветствие *Доброе утро!* – МБ отвечает: *Весёлый денёк!* В ответ на благодарность ВС отвечает: *На доброе здоровьице!* При прощании перед дальней дорогой отправляющимся в путь людям преклонного возраста ВС говорит: *Хорошего вам здоровьица, не болейте, не старейте!* МБ говорит, провожая в дальнюю дорогу: *Дай Бог вам гладенькую дорожку, чтоб всё хорошо было!*

Приговорка. От МБ записана приговорка, которая сопровождает обряд битья детей освященной в церкви в Вербное воскресение вербой. Обряд должен способствовать быстрому росту детей и их послушанию: *Верба бела бьёт за дело – верба красна бьёт напрасно!* ВС свидетельствует: *Вербу ломали, освящали и потом стебали этой вербой – вербовина называлась*. Как видим, МБ снова приводит словесную формулу обряда, а ВС описывает само действие и приводит название самого обряда. Этот обряд широко распространен в русской традиционной культуре, в том числе и у староверов Латгалии.[15]

Обычай поминать родителей при посещении могил не совпадает у информантов. МБ считает, что не нужно поминальную еду крошить на могилу: *Не дроби дробками!* ВС свидетельствует о необходимости это делать, чтобы птички склевали крошки с могилы: *У нас дробят, говорят, это хорошо, птички склюют, а некоторые говорят, грешно хлеб дробить на могилки*.

От МБ записано только два эпизода свадебного обряда, от ВС зафиксировано более подробное описание свадебного обряда. МБ *Ещё я когда ишла, меня опевали!* (исполняли свадебные песни). ВС *Опевали перед замужеством, на выданье невеста, вот-вот замуж выйдет, свадебные старинные песни пели, грустные, невесту опевали – говорят, плакали все*. МБ *Запивины были, запивают, а после запивки тогда уже назначают, када свадьба, када что*. ВС *Запивины? Вот при-*

дут свататься к невесты: жених с отцом или с родителями приходит, договорятся, просватают, тада садятся за стол – это называется запивины.

Как видим, у МБ приводятся все дериваты, связанные с этим элементом обряда: *запивины*, *запивать*, *запивка*. ВС приводит более подробную информацию об актантах и предикатах, обозначающих последовательность действий участников этого обряда.

От ВС записано много сведений о свадебном обряде, например, об использовании кода родства в номинации свадебных чинов: *Выходит девушка замуж, чтоб было две сестры. «Кто был за сестру? – спрашивают – тая-тая». Присматривать, ухаживать, поправить.* Представлена информация о свадебной символике платка невесты: ВС *Сёстры ведут к саням* [невесту из родительского дома], *она бросает платок – как бы оставляет слёзы* [элемент свадебного обряда]. Об угощении гостей на свадьбе: ВС *Столы ломились от изобилия, а с печи* [носили], *а народ собравши весь в избы, вся округа, избы большие были, на два конца, тарелки через головы передают, чтоб токо на столы поставить.* О специальном угощении для детей: ВС *Шелуга такая, шили, чем она таким набитая и обшитая марлей, и конфеты привязаны, повешан на угол – вот за что дети и бегали, щипали там яну.* ВС *Как длинная конфета, шулуга называли, она повисит, а потом детям отдавали, вот они зато и бегали, шулугу щипали.* Об элементе свадебного обряда, который назывался **кашу крыть**, проводимого через несколько дней после свадьбы в доме жениха: ВС *О, кашу крыть поехали сегодня!* ВС *Кашники кашу крыли: невеста должна покупать ситцу метров десять, ставят кашу и тарелку, от тарелки так и накрывают* [если материал остается, говорят]: *стену рубить надо, отец жениха откупается: «Ой, не, не рубите, я приплачу»!* От МБ записан только обрядовый термин **кашники** – ‘родственники невесты’ и его мотивация*: едят кашу.*

Записано от ВС описание народной игры, исполняемой на посиделках: ВС *«Суп варили» – уже гармонист знает, кого остановить, кто будет петь, кто смешные знает, у нас такая девка была боевая, всё пела песни с таким с частушкам.* ВС *«Суп варили» хошь с парнем выходишь, кто попадёт: под руку, пойдём суп варить! Музыкант остановил – любую песню, не нараспев, а так, словам* [надо произнести].

Записан от ВС интересный обычай на вечеринке измазывать сажей детей, чтобы они не мешались у старших под ногами. ВС *Сажа разведена, на палку тряпка завязана, ребяты придут: «Щас блины будем печи, ну-ка, хозяин, ребята пришли»! – те ходу, так даже догоняют*

и сажей всю спину вымажут, чтоб больше не ходили. ВС *Блины пекут детей гонять, чтоб не ходили на вечеринку, напекут блинов – золы намешают: «Шчас блины, хозяин, где блины»? – они уже знают, только пяты сверкают, как бегут, а их догоняют, и не одному так намазали.*

Записана от ВС и топонимическая легенда: ВС *В Шкурлах, там тоже могильник есть, не столь высокий. Моя бабушка рассказывала, в этом могильнике в древности когда-то зарыта полная рота солдат: с одной стороны лисы взялись норы рыть, с другой деревья посеялись, видимо, самы собой.*

Записано от ВС зимнее гадание молодежи во время святок о том, как слушали под окнами: ВС *Помнишь, с бани пришли: «Пойдёмте к Тане слухать»! Надо слухать, что говорят в доме. Ходила ваша Маня, ей правильно вышло. А там Люба с Таней разговаривали, собирались кушать, вот как мы сейчас, Люба и говорит Тане: «Сходи-сходи, чего ленишься»? Люба тихо говорит, а Таня отвечает: «А иди ты, сидишь, так и сиди»! Маня говорит: «Наверно, долго буду сидеть». Колька был взятый в ёй, что страшно одной. Не понравился разговор. Сугробы тогда большие, окошки низкие в изёбке, подлезши туда к окошку. Тася в меня сестра высокая была, подслушивают, что говоря, в баню ушли все, они и пошли под окно слухать.*

Если говорить о фольклорной доминанте ЯЛ, то следует признать, что такой доминантой МБ являются пословицы, а ВС – частушки. Речь МБ изобилует пословицами, что соответствует мнению о ней как о мудром, рассудительном человеке. От ВС записано много частушек. ВС веселый, задорный, иногда отчаянный по натуре человек. Многие пословицы, записанные у других членов семьи, являются, по сути дела, пословицами МБ. Даже теперь, через много лет после смерти Марии Ивановны, все вспоминают ее пословицы и поговорки, часто их используют, предваряя словами: *Как говорила баба Маня...* или *Как говорила бабушка Маша.* Сама же Мария Ивановна узнала эти пословицы от своей мамы – Екатерины Антиповой. Большая часть этих пословиц не зафиксирована в фольклорных сборниках, в том числе и в сборнике пословиц В. И. Даля.

Пословицы, записанные у МБ, можно условно разделить на несколько тематических блоков. Половину составляют пословицы, посвященные воспитанию детей и отношениям в семье, что вполне понятно, если вспомнить, что материалом послужил *Диалектный словарь одной семьи.* Кроме того, она занималась воспитанием дочерей и внучки. Большой пласт составляет тематический блок, связанный с болезнями, старостью и смертью, что тоже понятно, если

вспомнить возраст МБ. Концептуальным для носителя традиционной культуры является отношение к труду, поэтому большой пословичный материал посвящен этой теме. Судя по представленному материалу, главными героями пословичного дискурса МБ являются дурак и бес.

Воспитание детей: *Какие детки, такие и бедки. И в игрушках бывают бобушки. Дай Бог маленького родить и большого вырастить. Хоть моли – да боле* [о детях, помогающих взрослым в какой-л. коллективной работе]. *Дитё сам не властитель. И жаль кулака, да бьёшь дурака!* [о воспитании детей] (ср.: *Жаль кулака бить дурака*[16]). *Краса приглядится, а ум пригодится* [наставляют ребенка при выборе спутника жизни]. *Знайка бежит – незнайка на печи лежит! Лисливое теля двух маток сосё, а нелисливому и ни одной не попадает!* (ср.: *Ласковое телятко две матки сосёт, а лихое и одну потеряет*[17]). *С лысинкой родится – с лысинкой помрёт! Какие пенушки, такие и отростелочки!* (ср.: *От доброго корня и поросль добра*[18]). *Прок за собой не носить!* [о необходимости детям овладевать разными умениями]. *На двух дворах скорей собака сдохнет. Что миру, то и бабьему сыну. Хорошая голова, да не тому дана. Осторожка ворожка* [береженого Бог бережет; лучше самому поостеречься] (ср.: *Береженье лучше вороженья*[19]). *Ворона прямо летала, да в стогу ночевала* [короткий путь не всегда лучший]. *Твоё – что в жопы воё! По доходам и расходы. Нет такого молодца, которого не омманило бы винцо!*

Дом, семья, отношения между родственниками: *Свой своему поневоле брат.*[20] *Брат любит сестру богатую, а жену здоровую. Своя собака гложись – чужая не мечись!* (ср.: *Свой с своим дерётся, чужой не приставай*[21]). *Две собаки гложись – третья не мечись! Счастье тому, в кого Настя в дому. Хоть какой Пантелей – в дому веселей. Все вместе душа на месте! Кум да кума – никому не ума. Кума с возу – коню легче! Кума пеша – а куму легше!* (ср.: *Кума шла пеша, коню легше*[22]). *Жалко матки с батькой, а везёшь на погост! Свой со своим поневоле друг. Наварила тёща щи, что хоть лапти полощи! Брат брату сосед, да дальний, брат по брату тужит, а желает хуже. Свинье не до поросят, когда на огонь везут. У Поли домов, что у зайца холомков! Поехали все вместе: опричь хором со всем двором! От домашнего вора не спрячешься* (ср.: *Домашнего вора не убережёшься*[23]).

Человек в социуме, взаимоотношения людей: *Расчёт дружбы не теряет! Лакей на барина три года сердился, а барин не знал, чего лакей дуется. Охоту тешить – не беду платить! В хвастливого с богатым правду не узнаешь. Хвастливого от богатого не отличишь. Волк собаки*

не боится, да брюзги не любит. Смирного Бог нанесёт – бодрый сам наскочит. Один язык и в будень день, и в праздник. Одныи глазы и смеются, и плачут. Бойся мужука пуще гада! Пожалел волк кобылу – оставил хвост да гриву. Вор вору не верит. Хоть пересолить, но выхлебать [совершить решительный поступок и пережить его последствия]. *Наш Герасим на всё согласен. Не дорога ежка, дорога притешка.*

Торговля: *Барыш с накладом, хоть и рядом* (ср.: *Барышу наклад большой брат*[24]).

О недостижимости чего-л.: *Твои бы речи да Богу в плечи! Дай Бог попову телёнку ноги!* [не верится в способности человека] (ср.: *Дай Бог нашему теляти да волка поймати*[25]). *Бывать шишке на елушке! Бывать быку на байне* [о том, что жизнь умерит желания человека]. *Купил бы сало, да денег мало! Споминай корова лето!* (ср.: *Ешь, корова, солому, поминай лето*[26]).

О сытой, хорошей жизни: *Счастливые к обеду! Частые обеды лучше редких побоев! Недоедкам хлеб не скопишь! Густо – не пусто! От хорошей жизни кудри вьются, от плохой – секутся. Сладко есть любят, а побираться не хотят! Сыты, только не биты.*

О наглости: *Отойми Бог стыд – будешь сыт! Ссы в глаза – скажет, божья роса! У собаки обед отоймет. Нос между глаз унесут* (ср.: *Меж глаз да нос пропал*[27]). *За хвост да на погост!* [о нахальном человеке] (ср.: *Подняв хвост – да на погост*[28]).

О неопрятном человеке: *Что в костеле, то и в постеле!* [о неопрятном, неряшливом человеке].

О бедности: *Хорош цвет, да листьев нет.*

О торжестве справедливости: *Докуда кувшин по воду ни плавает, всё равно утонет!* [о воровстве]. *Бог долго ждёт, да больно бьёт.*

О бесе: *Два беса – один глаз* [разницы нет]. *Бес на беса налетел и дрызги врозь. В озере не без рыбины, в болоте не без беса.*

О дураке: *Смешно дураку, что котомка на боку. Умный проспится, дурак – никогда! Дурак не дурак, а сроду так. Дураки не седеют. И дурак знает, что Христов день – праздничек!*

Философия жизни: *На лето будет два лета – и оба тёплые! Думал-думал жить нельзя, передумал – можно! Вдаха – пиво, невдаха – квас* (*Удастся – квас, а не удастся – так кислые щи*[29]). *Час минёшь – и век живёшь. Человек два века не живёт, а одного не минёт. Часом с квасом, порой с водой! Дай Бог в добрый час сказать, в плохой – промолчать.*

Как видим, здесь представлен в основном крестьянский практицизм и жизнеутверждающий взгляд на мир. В организации послович-

ного дискурса активно используются гипербола, ирония, антитеза, синтаксический параллелизм (предложений и синтагм), неполные предложения, повторы, инфинитив с модальным значением, императивы. Используется архаическая диалектная лексика: *ворожка*, *гад*, *лисливый*, *осторожка*, *погост*, *проки*, *теля*, в том числе распространенные на данной территории диалектные словообразовательные дериваты: *ежка*, *елушка*, *отростелочки*, *пенушки* и дериваты, по-видимому, окказионального характера: *вдаха*, *невдаха* и диалектно-просторечные: *винцо*, *недоедки*, грубо-просторечная лексика, на употребление которой существует табу в литературном языке: *жопа*, *ссать*. Это совсем не свидетельствует о грубости диалектоносителя, а скорее – о правдивости или даже беспощадности народных пословиц. 15 из этих пословиц встречаются в записях псковских пословиц и поговорок XVII века Тённиса Фенне: *Барышу наклад большой брат*; *Береженье лучше вороженья*; *Домашнего вора не убережёшься*; *Дай Бог нашему теляти да волка поймати*.

От ВС записано немного пословиц, ВС свидетельствует: *Шчас никто никаких поговорок не знает, со старинушки кто ещё помнит, шчас матом пустят – сразу всё в одном слове!* В этом высказывании мы видим проявление ироничности, свойственной ВС. К числу архаичных в дискурсе ВС можно отнести следующие пословицы: *Бабе дорога от печи до порога. За ваши переборы лапти да оборы* [о разборчивой невесте]. *Кто скачет, кто плачет*.

Чаще в речи ВС встречаются пословицы, распространенные среди русского населения на территории современной Латгалии, а также и на других территориях проживания русского этноса: *Туго придётся, и Кузьму батькой назовёшь. Один ничего не сделаешь и в каше загинешь. Жизнь прожить – не мех сшить. Живой о живом* (ср.: *Живой человек вживую и промышляет*[30]). *Господь намочит, Господь и высушит* (ср.: *Какой Бог обмочит, тот и высушит*[31]). Присловье: *Памжа – вси будем там же* [*памжа* заимствовано из польск. – ‘горе, беда, несчастье’]. *Белый свет не натопишь*.

От ВС записано много частушек. ВС говорит об этом так: *Я петь любила, частушки, песни долевые, в Ломаши ходили, там клуб в совхозе поставлен на горы, большой, красивый!* В один прием я записала от ВС больше 20 частушек о любви, об измене, частушки, которые пела молодежь в годы ее молодости. При этом я произносила слово или строчку, а ВС пела сразу целую серию, в сборнике частушек И. Д. Фридриха (1902 – 1975), собирателя русского фольклора Латгалии[32], я нашла только одну частушку из записанных мною от ВС.

Важно, что собирать частушки И. Д. Фридрих начал в 1926 году в Пыталовском крае.[33] Отсутствие параллельных текстов свидетельствует о быстрой сменяемости частушечного репертура.

1. *Говорят, я боевая, боевая не совсем, боевая сушит десять, а по мне страдает сем.*
2. *Меня милый изменил, и сказал: «Погуливай!— Обо мне не беспокойся, о себе подумывай».*
3. *Ты, подружка, не робей, свого дроли не жалей, мы с тобой ходовые, найдутся дроли новые!*
4. *Меня милый провожал, всю семейку рассказал: «Папа, мама, две сестры, пятый я, шестая — ты»!*
5. *Меня милый изменил, девчонку сероглазую, думал, сзади погонюсь за такой заразою.*
6. *Мне милёнок письма пишет: «Гуляй, Валечка, потише! — Я ему в ответ пишу: минуты дома не сижу»!* (ср.: *А мне Миша письма пишет, гуляй, девочка, потише. А я Мише отпишу, часу дома не сижу*[34]).
7. *На гулянье я справлялся, папаша дал мне пятачок, мамаша вышла за ворота: «Не напейся, дурачок»!*
8. *Меня милый не целует, только обещается, говорит, будто поцелуи строго воспрещаются.*
9. *Говорят, я боевая, правда, я отчаянная, не повешаю головку, не пройду печальная.*
10. *Говорят, я боевая, ну какой же это бой — при глазах дролю отбили от меня от боевой.*
11. *Говорят, в нашей породы нету моды, нос повесивши, ходить.*
12. *Ах, зачем я боевая, боевой остануся. Ох, и горе тому будет, кому я достануся.*
13. *Ты скажи, хороший дроля, ты скажи уверенно, меня любишь постоянно или только временно?*
14. *Я любила тебя, милый, я любила, дорогой, как придёшь ты на гуляночку в рубашке голубой.*
15. *Меня милый провожал, всю дорогу вображал, если думал провожать, не надо было вображать.*
16. *Живё волк, живё собака, токо жись неодинака: волк бегая по воли, а собака на цепи.*
17. *Что это за любовь к человеку вяжется? Некрасивого полюбишь, а красивым кажется.*
18. *Что это за любовь: ты — домой, и я — домой, а, по-моему, любовь: ты — домой, и я — с тобой.*

19. *Дорога моя подруга, до чего ж милёнок мил: он покурит у порога, до меня доходит дым!*
20. *Полюбила я милёнка, чёрненького, кажется, а он, рыжая зараза, гуталином мажется.*
21. *Я частушек много знаю и хороших, и плохих, а хорошо тому живётся, кто не знает никаких!*

Разные фольклорные пристрастия информантов объясняются не только особенностями их психологического склада, но также и тем, что молодость информантов пришлась на разные исторические эпохи. Революция явилась границей не только разного общественного устройства, но и сменой фольклорных традиций. МБ не работала в колхозе, не посещала молодежные вечеринки, вышла замуж в 17 лет, поэтому не знакома с частушками, они не находят отклика в ее душе. Поворот, сдвиг в фольклорной традиции очевиден, однако фольклорная традиция не исчезает мгновенно. Судя по записям, свадебный и похоронный обряды, а также приметы, обычаи передаются от поколения к поколению почти без изменения смысла.

Для характеристики ЯЛ очень важна сфера фразеологии.

Фразеология

Для МБ характерно использование диалектной образной фразеологии, нередко включающей в свой состав архаические элементы. В ее речи отсутствуют клише и цитаты, просторечная лексика, канцелярит, бранная лексика, окказионализмы. Рассмотрим типичную для дискурса МБ фразеологию:

◊ **БЕЛОЕ ДЕЛО**. В значен. сказ. Очень хорошо. *Белое дело было бы!* Белый цвет значим для русской культуры: *за белым закреплено преимущественно значение жизни, света, добра, чистоты, неба, женского начала*[35]. Как видим, в данном случае белый цвет имеет общеоценочное значение, связаное с положительной оценкой.

◊ **ВОБКЛАД ОБКЛАДАТЬСЯ**. Запасать в большом количестве [о ягодах, грибах]. *Люди вобклад обкладаются.*

Тавтологичность, представленная здесь, характерна для диалектного дискурса и русского фольклора.

◊ **ВО ВСЕ ВОЯННЫЕ**. Очень громко. *Кричит во все воянные!*

◊ **В САМУЮ ПОТЕМНУЮ**. Очень сильно, до бесчувственного состояния [об алкогольном опьянении]. *Зачем же он бросил работу и в самую потемную пьянствовал?*

Экспрессивность фразеологизмов достигается за счет введения в качестве местоименных интенсификаторов *все*, *самый*: Такой способ интенсификации смысла фразеологизма является типичной чертой русской, немецкой и английской фразеологии.

◊ **ВОЛК ТРАВУ ЕШЬ**. Пусто, никого нет. *Вы все спуститесь вниз, а там что – волк траву ешь?* [об оставленном без присмотра верхнем этаже дома].

◊ **ВЫСТИРАТЬ РУБАХУ С ПЕРЕПИРАХОЙ**. Выстирать всё до единой вещи.

Диалектное слова **перепираха** обозначает тяжелые вещи, которые при стирке **прали**, т.е. выбивали специальной деревянной палкой. В пыталовском говоре отмечаются слова с этим корнем: **пралище** ‘источник воды, место для полоскания белья’; **пральник** ‘длинная толстая палка с плоским широким концом’; **прать**, **праться** ‘отбивать палицей при стирке и полоскании крупные и тяжелые вещи’. В латышском языке слов с этим корнем еще больше: **pirtnieks**, **pirtniece** – ‘банщик, банщица’; **pirts** – ‘баня’; **pirts lāva** – ‘полок’; **pirts priekšiņa** – ‘предбанник’; **pirtsaugša** – ‘чердак в бане’; **pirtskrāsns** – ‘каменка (печь) в бане’; **pirtskuris** – ‘истопник в бане’; **pirtsslota** – ‘веник (банный)’.

◊ **ГОВОРИТЬ ПОД ТИТЛОМ**. Говорить намеками, иносказательно. *Ну, разговаривали мы под титлом.*

Образность фразеологизма основана на понятии *титло* – ‘надстрочный знак, служащий в древних памятниках письменности для сокращения слов’. Симптоматична апелляция к древним текстам.

◊ **НЕЧИСТАЯ ВОРОГУША**. *Бран*. Нечистая сила. МБ *Уту! Нечистая ворогуша!* [*ворогуша* – лихорадка].

◊ **КАК НА ЛИХУЮ ГОРУ ИДТИ**. Идти неохотно, преодолевая себя, со страхом. *Домой идёшь как на лихую гору!*

◊ **НЕНАСПАННЫЙ ГЛАЗОК**. О горячо любимом, долгожданном ребенке. *Да, Ленушка у нас ненаспанный глазок!*

◊ **УМА ДВА ГУВНА**. Очень умный. *В ей ума-то два гувна: она девка-то умная!*

◊ **ЧУЖАЯ ИЗЁБКА**. Человек, не имеющий привязанности к своему дому, предпочитающий проводить свободное время в гостях. *Во Поля – чужая изёбка!*

Из диалектной фразеологии, представленной в других русских говорах, можно назвать следующие:

◊ **ГОЛОВА ПЕЛАМ НАБИТАЯ**. МБ *Ой, голова пелам набитая: безмозглая, дурковатая!* ВС *Что у него голова пелам набитая, не-*

ужель он не соображал, что делал? [*пелы* – ‘отходы после обмолота зерна’].

◊ **СОБИРАТЬСЯ В СВАТЫ**. Прокисать. *Смотрю, оно в сваты собирается!* [о молоке].

◊ **МИНКОЙ ЗВАЛИ**. Скрыться, пропасть, исчезнуть. *Все меня ищут, всем я нужна, а меня Минкой звали!*

◊ **ТЯНУТЬСЯ В НИТКУ**. Испытывать нужду, недостаток денежных средств. *А денег нет, вот и тянется в нитку!*

Архаической фразеологии в речи ВС не представлено. Диалектное влияние в области фразеологии почти не проявляется.

◊ **НА МОЛОДЫЕ НОГИ**. О проявлениях беременности. *Вкусно, умираю, хочу! – Тебе что на молодые ноги? – Он смеётся.*

◊ **ПОСЛЕДНИЕ ЛАПТИ ДОНАХЫВАТЬ**. Быть накануне смерти. *Вы-то молодые, это мы, пристарки, последние лапти донахываем.*

В этой сфере чувствуется влияние жаргонов, просторечия, устойчивых сравнительных оборотов, клише.

◊ **ВЕШАТЬ ЛАПШУ НА УШИ**. *Лапшу на уши вешает-вешает, а она всё слушает* [комментирует телесериал].

◊ **ОТ ДУШИ**. От всего сердца. *Ну, сегодня бабка от души с тобой поговорила, будет спать хорошо.*

◊ **ПОНЕСЛАСЬ ДУША В РАЙ**. О быстром действии. *Вырвется на улицу, бежит по дороге, только пятки шерчат, ну, я говорю, всё, понеслась душа в рай!* [о собаке во время собачьей свадьбы].

◊ **ПОТЕШИТЬ ДУШУ**. Удовлетворить желание. *Сливы гроздьями висят, на земле жёлто-жёлто насыпавши, так немножко потешу душу.*

◊ **НАГОВОРИТЬ БОЧКУ АРЕСТАНТОВ**. Много рассказать. *Вот тебе наговорила бочку арестантов.*

◊ **НАМЯТЬ БОКА**. Избить. *Намяли бока, бежи домой, хотел с бабой погулять?!* [комментирует телесериал].

◊ **ВЕСЬ ИЗ СЕБЯ**. Надменный, высокомерный, превозносящий себя человек. *Эта Надя такая вся из себя, она ему изменила в санатории – шчас уже не живут – всё!*

◊ **НОЛЬ ЭМОЦИЙ**. Никакой реакции. *Маша говорит: «Мама, мы тебя на риск берём! – Поеду и всё, никаких делов»! – Ноль эмоций, она не разговаривая, развернула, посмотрела, отбросит, потом другое берё, что взять!*

Речь ВС отражает профессиональную сферу ее деятельности: *автопоилка*, *автодоилка*, *брать на откорм*, *кормовоз*, *льномялка*.

Встречается в ее речи и просторечная лексика: *Чево разлопанился, что* ***с приветом****?*

Встречается и жаргонная лексика, например, междометие *опа!* ВС *Опа! И листик в холодце!*

Отмечается стремление при текстопорождении опираться на какие-то модели: ВС *Серо жили в деревне, это всё* [старина] ***уходило в сторону***.

Лексикон ВС содержит много деминутивов, в речи МБ они также встречаются, но не обладают такой частотностью, как в речи ВС.

Уменьшительные формы: ВС *Усатенький*, *рогатенький*, *разрогатился*. *Лён расстилают тоненьким слойком, он вылёживается, тада поднимают граблями, ставят в такие стопочки, эти стопочки стоят долго на поле, пока просохнут. Стояночки делала, шляпу надевала, отойдёшь, посмотришь, ой, надо шляпу поправить! Сад долго стоял* [после того, как дом сгорел], *большенные кусты, такая смородина крупная, ягоды светятся все насквозь! Анна Ивановна худенькая, щупленькая такая, а с трёсточкой ничего, шагая-шагая!*

Чужая речь передается ВС дословно и достаточно часто: ВС *Толик говорит*, ***я дома не бываю, я утонул в снегу, два дня чистил, никак не расчистить!*** ВС *Говорит,* ***Танька записана, а я работаю, Танька ещё спит жопу оттянувши, а я работаю***. ВС *Можно вас спросить,* ***а вот который жил тут раньше, как бы евонов телефон***. ВС *«Баба Лей, а ты дай мне завтра сарахван, пойду колядовать! – Иди, холера, сарахван разорвёшь»*.

Экспрессивность высказывания создается ВС разными способами, в том числе и за счет использования в одном контексте целой цепочки наречий со значением мгновенности, быстроты, при этом может наблюдаться и онаречивание словосочетаний: ВС ***Раз, готово дело – откуда*** *всё берётся,* ***с ходу, сразу!*** [наводнение в Америке].

Встречаются разговорные клише, включающие местоимения и местоименные наречия, засоряющие речь: *Такая наросла,* ***как типа*** *дичи* [шпора на пятке]. ВС *Она уже* ***сама с себя восприняла****, что не буду подчиняться* [собака, которую не воспитывали]. ВС *Не могу сказать* ***по этой части****, я думаю, что сядешь, не может быть* [о покупке билета на поезд в праздник]. ВС *У него какая-то проблема, он в таможне работает,* ***он где-то что-то****, зато его* ***где-то что-то****, сразу прекратил всё, внутренняя отделка не сделан, так говорили, не знаю.* ВС ***Такое дело*** *– таблеток надо попить.* ВС *Тот не, не работал, любит* ***это дело*** [выпивать]. ВС *Покупаю окорочка,* ***что такое***.

Большую роль в текстообразовании ВС играет повтор: *А ходьба такая, как выйдешь,* ***и пошёл, и пошёл: то тое*** *надо,* ***то тое, то тое***.

Эти таблетки бесплатно – и ***туда надо, и туда, и туды и сюды*** *ходишь-ходишь, тебе печатей наставят, не зайдёшь в аптеку не возьмёшь.*

Отмечается прецедентность: *Откуда что берётся, сходу* ***всемирный потоп*** *сразу!* [наводнение в Америке].

Сближает обе ЯЛ то, что они являются носителями традиционной культуры. Именно поэтому их речь выразительна и образна, они хорошо владеют языком, обладают богатым лексиконом, являются творческими языковыми личностями, хорошо знающими фольклорную традицию. Отличают ЯЛ то, что их молодость пришлась на разные эпохи и у них разная социализация. ВС 23 года проработала в колхозе и 16 лет в городе. Город играет разрушительную роль не только в утрате традиционной культуры, но и отражается на качестве речи. Это проявляется у ВС в таких новых языковых чертах, как использование языковых клише, возрастание количества местоимений и других опустошенных семантически лексем (дело), элементов канцелярита, жаргонизмов, явлений просторечия и т.д. МБ никогда нигде не работала, в семье ей удалось сохранить свою речь в первозданном виде.

---

[1] Виноградов В. В. О художественной прозе. *Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы*. Москва, 1980, с. 53–175.

[2] Антропова М. В. *Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественного текста)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 1996; Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва, 1987.

[3] Борзунова С. Н. Фрагмент орфоэпического портрета Ивана Михайловича Москвина. *Русское сценическое произношение*. Москва, 1986, с. 131–143; Девятайкин А. И. *Устная речь писателей и ученых. Соотношение общеустного и функционально-стилевого*. Саратов, 1992; Панов М. В. *История русского литературного произношения XVIII – XX вв*. Москва, 1990.

[4] Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету. *Литературный язык и культурная традиция*. Москва, 1994, с. 262–282; Земская Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии). *Русский язык сегодня*. Вып. 1. Москва, 2000, с. 100–121; Голубева-Монаткина Н. И. *Язык и культура. О русской «эмигрантской» речи в Канаде. Облик слова*. Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. Москва, 1997, с. 321–332; Беспамятнова Т. Н. *Языковая личность телевизионного ведущего*: Автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1994; Пауфошима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность. *Язык и личность*. Москва, 1989, с. 41–48; Гуц Е. Н. *Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в свете концепции языковой личности)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Барнаул, 1995; Ляпон

М. В. Языковая личность: поиск доминанты. *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. Москва, 1995, с. 260–276; Ляпон М. В. Картина мира: языковое видение интроверта. *Русский язык сегодня*. Вып. 1. Москва: Азбуковник, 2000, с. 199–207.

[5] Григорьев В. П. *Грамматика идиостиля: В. Хлебников*. Москва, 1983; Зубова Л. А. *Лингвистический аспект поэзии М. Цветаевой*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Ленинград, 1990; Евтюгина А. А. *Прецедентные тексты в поэзии Высоцкого (к проблеме идиостиля)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995.

[6] Калугин В. В. Языковая личность и особенности стиля князя А. М. Курбского. *Русский язык за рубежом* № 1, 1999, с. 76–87.

[7] Тимофеев В. П. *Личность и языковая среда*. Шадринск, 1971; Лютикова В. Д. *Языковая личность и идиолект*. Тюмень, 1999; Лютикова В. Д. *Языковая личность: идиолект и диалект*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000; Маркелов В. С. Письма Агафьи Лыковой. *Русская речь* № 3, 2000, с. 65–73; Иванцова Е. В. *Феномен диалектной языковой личности*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Томск, 2002; Королёва Е. Е. Сравнительные конструкции в идиолекте (на материале старообрядческого говора Латгалии). *ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. Материалы и исследования по русской диалектологии* II (VIII). Москва, 2004, с. 219–231; Королёва Е. Е. Русская диалектная языковая личность. *XI конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Мир русского слова и русское слово в мире*. Том 4. Heron Press: Sofia, 2007, с. 117–124; Королёва Е. Е. Креативный потенциал диалектной языковой личности. *Материя диалекта и идиолект перевода*. Komparatīvistikas institūta almanahs. 22. sējums. Valoda un pasaule. 2. izdevums. Daugavpils: Saule, 2010, с. 105–116.

[8] Иванцова Е. В. *Феномен диалектной языковой личности*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Томск, 2002, с. 15.

[9] Королёва Е. Е. *Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области)*. Daugavpils: Saule, 2013.

[10] *Словарь русского языка XI – XVII вв*. Выпуск 1. Москва, 1975, с. 302.

[11] Синица А. И. Названия домашних животных и птиц в говорах русского старожильческого населения Прейльского и Даугавпилсского районов Латвийской ССР (Материалы для ОЛЯ). *Ученые записки*. Т. XXI. Серия филологическая. Выпуск 8. Рига, 1970, с. 122.

[12] Березович Е. Л. *Язык и традиционная культура*. Москва, 2007, с. 501.

[13] Псковские пословицы и поговорки XVII века в записи Тённиса Фенне. *Старая пословица не даром молвится. Поучения, поговорки и пословицы в переводе и обработке В. В. Колосова*. Санкт-Петербург, 2007, с. 109.

[14] Там же, с. 212.

[15] Королёва Е. Е. Гнездо корня *дяг-* в русских говорах Латгалии. *Valoda – 2007. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XVII. Daugavpils: Saule, 2007, с. 50–57.

[16] Там же, с. 137.
[17] Там же, с. 161.
[18] Там же, с. 181.
[19] Там же, с. 106.
[20] Там же, с. 194.
[21] Там же, с. 198.
[22] Там же, с. 150.
[23] Там же, с. 132.
[24] Там же, с. 103.
[25] Там же, с. 132.
[26] Там же, с. 134.
[27] Там же, с. 169.
[28] Там же, с. 188.
[29] Там же, с. 202.
[30] Там же, с. 137.
[31] Там же, с. 149.
[32] *Русский фольклор в Латвии. Частушки*. Собрание И. Д. Фридриха. Составитель Ю. И. Абызов. Рига, 2004.
[33] Там же, с. 5.
[34] Там же, с. 112.
[35] Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века. *Признаковое пространство культуры*. Москва, 2002, с. 425.

ЛИТЕРАТУРА

Антропова М. В. *Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественного текста)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 1996.

Березович Е. Л. *Язык и традиционная культура*. Москва, 2007.

Беспамятнова Т. Н. *Языковая личность телевизионного ведущего*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 1994.

Борзунова С. Н. Фрагмент орфоэпического портрета Ивана Михайловича Москвина. *Русское сценическое произношение*. Москва, 1986, с. 131–143.

Виноградов В. В. О художественной прозе. *Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы*. Москва, 1980, с. 53–175.

Голубева-Монаткина Н. И. *Язык и культура. О русской «эмигрантской» речи в Канаде. Облик слова*. Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. Москва, 1997, с. 321–332.

Григорьев В. П. *Грамматика идиостиля: В. Хлебников*. Москва, 1983.

Гуц Е. Н. *Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в свете концепции языковой личности)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Барнаул, 1995.

Девятайкин А. И. *Устная речь писателей и ученых. Соотношение общеустного и функционально-стилевого*. Саратов, 1992.

Евтюгина А. А. *Прецедентные тексты в поэзии Высоцкого (к проблеме идиостиля)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995.

Земская Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии). *Русский язык сегодня*. Вып. 1. Москва, 2000, с. 100–121.

Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века. *Признаковое пространство культуры*. Москва, 2002.

Зубова Л. А. *Лингвистический аспект поэзии М. Цветаевой*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Ленинград, 1990.

Иванцова Е. В. *Феномен диалектной языковой личности*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Томск, 2002.

Калугин В. В. Языковая личность и особенности стиля князя А. М. Курбского. *Русский язык за рубежом* № 1, 1999, с. 76–87.

Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва, 1987.

Королёва Е. Е. Гнездо корня *дяг-* в русских говорах Латгалии. *Valoda – 2007. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XVII. Daugavpils: Saule, 2007, с. 50–57.

Королёва Е. Е. *Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области)*. Daugavpils: Saule, 2013.

Королёва Е. Е. Креативный потенциал диалектной языковой личности. *Материя диалекта и идиолект перевода*. Komparatīvistikas institūta almanahs. 22. sējums. Valoda un pasaule. 2. izdevums. Daugavpils: Saule, 2010, с. 105–116.

Королёва Е. Е. Русская диалектная языковая личность. *XI конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Мир русского слова и русское слово в мире*. Том 4. Heron Press: Sofia, 2007, с. 117–124.

Королёва Е. Е. Сравнительные конструкции в идиолекте (на материале старообрядческого говора Латгалии). *ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. Материалы и исследования по русской диалектологии* II (VIII). Москва, 2004, с. 219–231.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету. *Литературный язык и культурная традиция*. Москва, 1994, с. 262–282.

Лютикова В. Д. *Языковая личность: идиолект и диалект*. Автореф. дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Лютикова В. Д. *Языковая личность и идиолект*. Тюмень, 1999.

Ляпон М. В. Картина мира: языковое видение интроверта. *Русский язык сегодня*. Вып. 1. Москва: Азбуковник, 2000, с. 199–207.

Ляпон М. В. Языковая личность: поиск доминанты. *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. Москва, 1995, с. 260–276.

Маркелов В. С. Письма Агафьи Лыковой. *Русская речь* № 3, 2000, с. 65–73.

Панов М. В. *История русского литературного произношения XVIII – XX вв.* Москва, 1990.

Пауфошима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность. *Язык и личность.* Москва, 1989, с. 41–48.

Псковские пословицы и поговорки XVII века в записи Тённиса Фенне. *Старая пословица не даром молвится. Поучения, поговорки и пословицы в переводе и обработке В. В. Колосова.* Санкт-Петербург, 2007.

Русский фольклор в Латвии. Частушки. Собрание И. Д. Фридриха. Составитель Ю. И. Абызов. Рига, 2004.

Синица А. И. Названия домашних животных и птиц в говорах русского старожильческого населения Прейльского и Даугавпилсского районов Латвийской ССР (Материалы для ОЛЯ). *Ученые записки.* Т. XXI. Серия филологическая. Выпуск 8. Рига, 1970.

Словарь русского языка XI – XVII вв. Выпуск 1. Москва, 1975.

Тимофеев В. П. *Личность и языковая среда.* Шадринск, 1971.

Анна Борисовна Коконова

О НАЗВАНИЯХ ПОКОЙНИКА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Summary

On Terms for a Dead Body in Arkhangelsk Subdialects. Ethno- and Areal Linguistic Analysis

The article investigates the denomination of a dead body in Arkhangelsk subdialects. This lexical field presents a series of synonyms with many derivational variants. The semantics of these terms does not correspond to Russian literary words. In the article the terms which denominate a dead body are analyzed in the framework of the semantics and ethnolinguistics. Each term is registered on the linguistic map that represents the area of distribution of the described words.

Key-words: dialectology, linguistic geography, semantics

*

Покойник, по определению С. М. Толстой, *объект погребального и поминального ритуалов, воплощение смерти; персонаж переходного статуса, пребывающий на границе «этого» и «того» света, причисляемый одновременно к миру сакральных потусторонних сил, управляющих земной жизнью, и миру опасных демонов*[1]. На территории архангельских говоров фиксируется около 30 номинаций покойника, которые, не всегда являясь синонимами, описывают разные представления о мертвецах и хорошо коррелируют с компонентами данного выше определения.

Названия покойника происходят от двух основ: основа **мерт-** указывает на неживое состояние объекта, **покой-** описывает смертное состояние как вечное успокоение.

1. Значение ‘мертвое тело, умерший человек’ реализуется с помощью наименований *умёршей*, *покойник*, *покойница*, *покойничек*, *покойной*, *упокойник*, *упокойной*, *мертвец*, *мёртвой*, *мёртой*, *вымёршей*.

> *Хо́лодно бы́ло, она фключи́ла обогрева́тель и ушла́, а де́ти-то бума́шки волочи́ли и бро́сили чё, она йдёт с магази́на, а де́ти у́мерли фсе́. Сосе́ди вы́ташшыли, а уш у́мершыйе фсе́. Она́ вот моло́денька-то была́, дак походи́ла г больны́м, ой, це́рез йейо́ ру́ки то́жо*

што́ перешло́ умёршых.

Шо́л до́шш, осы́палась моги́ла – фсё́ приме́ты схо́дяца, што невдо́лги ишшо́ поко́йниг будёт. Пти́ца йе́сыть – ка́нюк – больша́ така́ пти́ца, фся́ чёрна, го́лос толсто́й; когды́ прилети́т, над дере́вней кру́жыт, ска́жут: ско́ро кто́-то помрёт, в дере́вни поко́йник бу́дё. Как поко́йник умрёт на́до за го́лову держа́ть, погла́дить, што́бы не боя́цца.

Ходь бы како́й ле брат, броде́га, проспи́ца, дак пья́ница проспи́ца, поко́йной никогда́. Он ф сте́нку коло́тит в ба́не, я́ говорю́ к поко́йному. Я́ зна́ла мно́го приме́т-то йе́сли к поко́йному, кро́фь сни́цца дак к родно́му.

Упоко́йника по ноктя́м сра́зу уви́дыш. В дере́вни у́мер упоко́йник.

Вот да́ве во дворе́ ла́зила, зде́лалось тяжэло́, ду́мала упоко́йной зде́лаюси.

Верну́лся домо́й с фро́нта дак жыво́й, а остальны́йе бы́ли мертвецы́.

Надь жыво́го челове́ка боя́ца, а мёртвый каг бато́к, ходь две́ри потпира́й. Я́ гори́т, никогда́ не боле́ю – а пото́м на́! То́нька-то мёртва. С копылко́ф сьверну́лась. Мёртвой никто́ не сйе́л никого́. Челове́к у́мер – зна́чит фсё́.

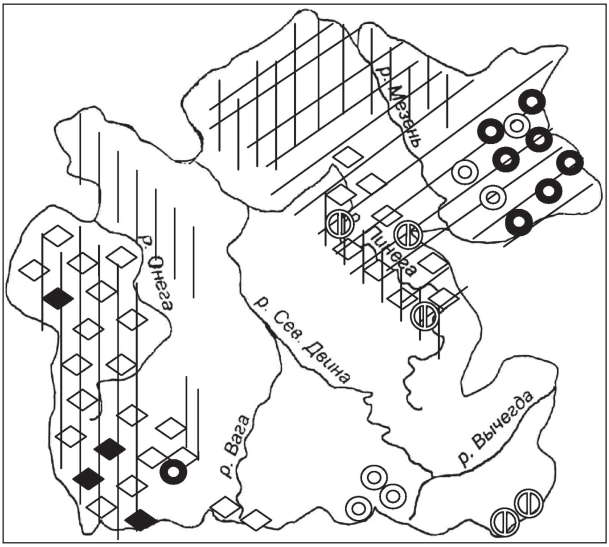
Ты́, бат, вы́стрелиш, а мы́ фсе перестреле́емся, приду́т, а мы фсе мёрты.

У меня́ фсё́ вы́мершые. Одна́ я́ оста́лась, фсе вы́мёршые.

Обратимся к карте-схеме. Слово *покойник* распространено повсеместно, потому не картографируется. Частотно слово *покойной*, показанное наклонной штриховкой, оно распространено в Мезенском и Лешуконском районах. Лексема *упокойной*, показанная черными ромбами, фиксируется в Каргопольском, Няндомском и Онежском районах. Слово *упокойник* (белые ромбы) более частотно и охватывает северо-западный и юго-восточный ареалы.

Вертикальной штриховкой показано распространение лексем *мёртвой* (*мёртой*) на северо-западе и юго-востоке Архангельской области. Слово *мертвец* (черные круги) в данном значении зафиксировано в Лешуконском районе, единичные употребления – в Няндомском районе. Слово *вымершей* (белые круги) фиксируется в Лешуконском и Устьянском районах. Наконец, лексема *умёршей* (разделенный пополам круг) распространена в Пинежском и Вилегодском районах.

Карта показывает распространение первого значения лексем – ‘мертвое тело’; так как это значение совпадает с литературным, неудивительно, что большую часть карты занимают общерусские слова *покойник*, *покойный*, *мёртвый*.



◇	упокойник	Вертикальная штриховка	Мёртвой, мёртой
◆	упокойной	◉	мертвец
Наклонная штриховка	покойной	◎	вымершей
		◍	умёршей

2. Значение ‘объект погребального или поминального ритуала’ реализуют лексемы *умёршей*, *покойник*, *покойница*, *покойничек*, *покойной*, *упокойник*, *упокойной*, *родители*, *предки*, устойчивое сочетание *умёршей человек*.

А вот у ва́с ка́к хоро́нят: сра́зу несу́т венки, крес, кры́шку од гро́ба, а пото́м умёршово. Пра́зьник За́говеньйо. У на́с уш та́г заведёно з де́цтва – За́говеньйо. Фсе́-фсе́ ходи́ли на кла́дбищё, к ро́цвеникам. Помина́ют свои́х умёршых. Кра́сили я́йца как ф Па́сху.

Поко́йника одново́ не оставля́ют, обы́чяй тако́й. Нат крова́тью, где лежа́л поко́йник, гво́зьдик де́лают, по́лочьку и прости́нку кладу́т, ве́шают. Говоря́т, зьдесь йево́ душа́ оддыха́йет. И поко́йника как принесли́ с кла́дбища, на́до посмотре́ть в у́сьйо – боя́цца не бу́деш. На́до привыка́ть к э́тому де́лу, дак не бу́деш бо́яцца.

Про поко́йницу и не фспомина́ют, зафспомина́ли, у кого́ ско́ко на зберкни́шке.

Ра́ньшэ ска́жут: покопа́йся в моги́лке, посмотри́, чего́ тебе́ поко́йничек присла́л, гости́нцы, принесу́т так незаме́тно, под

дерни́нку, земе́лькой накро́ют. И вот мно́го вы́мыла, шы́пко, у мня по́рченово поко́йничька не быва́ло.

Специа́льны лю́ди гро́б де́лали, ходи́ли поко́йново обмеря́ть. Ра́ньшэ фсе ще́пки од гро́ба жжыга́ли, а теперь фсё в гро́п. Но не по ка́жному пла́цет-то, не по ка́жному, не могу́ уш. А запла́цеш, запла́цис, дак зна́ш на́до ско́лько вы́плакать за фсю жы́сь поко́йново.

Йе́сли бере́менна хо́диш, никогда́ не провожа́й упоко́йника.

Во́т ту́т йе́сь, когда́ кто умрё́, даг за упоко́ного, я фсё цита́ю да. Тре́тей де́нь цита́ют, девя́тый, сороково́й и годови́ны. А ту́т опе́дь за умёршых, чита́ют, когда́.

На Тро́ицу – помина́льный де́нь, помина́ют роди́телей, и ужэ не сту́кают сто́пки, сто́л собира́ют. Помяни́ Го́споди на́шых бли́жних родны́х. Помя́нут роди́телей да вы́пьют, попла́чют, поревю́т. Ф Тро́ицу обы́чьно ма́ссово помина́ют роди́телей, ф саму́ Тро́ицу.

Пре́ткоф помина́ют: хо́дим на кла́дбище.

Когда́ умёршый челове́к – йешшо́ соблюда́ют, в гро́п пова́лят да покадя́т.

Данное значение не представлено на карте, так как является самым частотным для описываемых лексем.

3. Лексемы *покоенка*, *покойненка* реализуются только в ситуации воспоминания об умершем человеке:

А ма́ма поко́йенка уци́ла: то́лько не вору́йте. У на́с Ни́на Никола́йевна поко́йенка, она́ у на́с мно́го поколе́нийоф вы́уцила. А меня́ ма́ма поко́йенка не опусьти́ла ф шко́лу ходи́ть, и вот я негра́мотна оста́лась.

Тот самова́р ба́пки Оле́ны, поко́йненки.

С тем же значением мы находим фразему *покойная головушка*:

Зи́нка у меня́ сестра́ – поко́йна голо́вушка, она́ де́лала ре́пу, па́рницу. Де́тко тако́й поко́йна голо́вушка, не краснослово́й бы́л. У меня́ ма́тушка, поко́йная голо́вушка, гри́пом боле́ла.

Слова *покойник*, *покойница*, *покойной* в этом значении встречаются крайне редко:

Носи́ть не́чево бы́ло, ходи́ли в лапти́х. Ти́тя, поко́йник, пле́л из лы́ка.

Ма́ма поко́йниця лежы́т на пеце́.

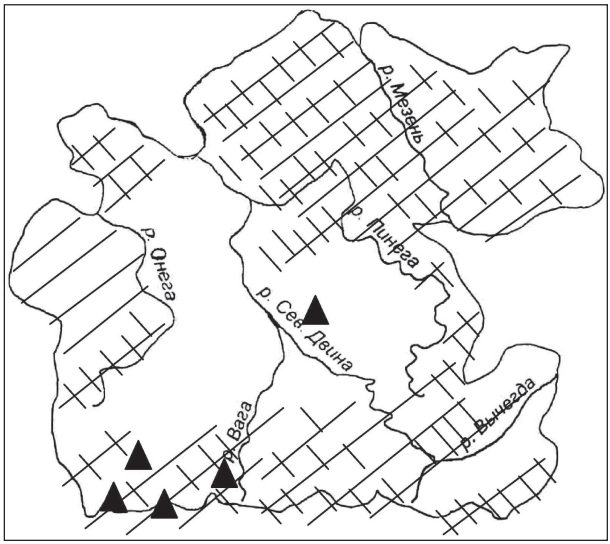
Я ушла́, не сказа́лась ма́ме-то поко́йной. Ушла́ взамуш, а не сказа́лась – ма́ма оби́делась. Ра́ньшэ ча́й наварили́, о́н у меня́ люби́л, поко́йный.

Слово *покойничек* часто употребляется в ситуации воспоминания, хотя и развивает значение ‘объект погребального и поминального статуса’:

Ко́ля Кли́моф поко́йницег где́-то прибежа́у вино́ нажыва́ть. Та́та-та поко́йницёк посыла́л ве́дь беда́ меня́ уци́ця-то. И кавале́р они́ прозыва́ли, он комуни́з бы́л, поко́йницёк, це́ркву-то лома́л.

Карта показывает, что лексемы с уменьшительными суффиксами *покоенка*, *покойненка*, *покойничек* занимают большую часть территории и не встречаются только в центральной части области – в Виноградовском и Няндомском районах. Слово *покоенка* не зафиксировано в Онежском районе, хотя в остальных случаях коррелирует с лексемой *покойничек* в ситуации воспоминания об умершем.

Особый интерес представляет фразема *покойная головушка*, имеющая ограниченный ареал (Каргопольский, Виноградовский, Коношский районы).



▲ Покойная головушка ＼ Покоенка, покойненка ／ Покойничек

4. Значение ‘воплощение смерти’ представлено лексемой *мертвец*.

У меня́ оцца́ фсё́ мертве́ц куса́л, ни с това́, ни с сево́ синяки́. А я́-то и не шшыта́ла, што о́н умре́т, вро́де от него́ поко́йником-то и не па́хло. А вы́шэл, лопа́той сне́к бро́сил ра́з-другой, да и упа́л, во́т ы нажы́лся.

5. Значение ‘персонаж из потустороннего мира, управляющий миром живых’: *покойник*, *покойной*, *упокойник*, *мёртвой*, *умерший человек*.

Иногда́ прихо́дит поко́йник и говори́т, што хо́лодно ему́. И посыла́ют ему́ посы́лку. Прихо́дят на по́хороны и ло́жат в гро́п кому́-нибуть, или о́коло моги́льново холма́ прика́пывают. Поко́йник не сни́ца – зна́чит, он дово́лен.

Йе́сли упоко́йник [приснится], *так э́то к моро́зу. Ма́му на уме́ де́ржыш – дак присни́цца, а мёртву уви́диш – к боле́зни, ма́ма ма́йет, говоря́т.*

Друг у друга спрашиваем, приснился ли кому покойный. И как он там, в царстве небесном, веселый или печальный? Женщины рассказывают, видела сон, недоволен чем-то умерший человек. Иду на кладбище и поминаю его. Как говорят у нас в Ценогоре, покойник у ворот не стоит, ести не просит, а внимания к себе требует, памяти и почитания.

6. Значение ‘привидение’: *мёртвой, умершее тело.*

И я ка́к пошла́ на у́лицу и йего́ каг жыво́го стре́тила, ме́ртвого. Я ходи́ла туд г ба́пкам – де́лали, штоп не каза́лось уме́ршэйе те́ло.

Как показывают примеры, большинство слов реализуются в первых трех значениях: ‘мертвое тело’, ‘объект погребального и поминального обряда’, ‘умерший родственник в ситуации воспоминания’. Довольно частотно и пятое значение: ‘персонаж из потустороннего мира, управляющий миром живых’.

Первое значение является наиболее зримым и очевидным; второе же связано с народными представлениями о правильной смерти: над умершим должны быть проведены все необходимые ритуалы, чтобы он остался частью социума и мог влиять на жизнь своих родных. Именно поэтому частотны контексты, в которых слова *покойник*, *мертвец* обозначают не просто объект обряда, а по всем правилам похороненного человека:

Жыву́ не жыле́ц, и умру́ не поко́йник. Жыву́ не жыле́ц и умру́ не поко́йник, никто́ меня́ не похоро́нит. Жы́л – не челове́к, и по́мер – не поко́йник. Ни Бо́гу све́чька, ни че́рту кочерга́ [о самоубийце]. *Разгово́р вяду́т: схорони́ли нева́жно, как соба́ку схоро́нят, или скажут жыл не челове́к и у́мер не поко́йник, йесли алкого́лик у́мер, или како́й броде́щий, бес семьи́. Жывём жыльцы́, умрём, не мертвецы́.*

Значение ‘воплощение смерти’, как наиболее абстрактное, встречается крайне редко, но можно видеть его отзвук в значении ‘мертвое тело’, когда информанты рассказывают о предвещающих смерть приметах.

Интересно, что шестое значение ‘привидение’ рассматриваемые лексемы почти не показывают, несмотря на то, что рассказов о *ходя-*

чих покойниках в наших материалах огромное количество. В таких рассказах опасный персонаж из потустороннего мира называется либо *нечистой силой*, либо не именуется вообще, заменяясь местоимением *он*. В связи с этим можно сделать вывод о том, что названия таких мертвецов табуируются как особо опасные, чтобы не накликать беду.

Из приведенного нами материала также видно, что лидирующее положение занимают названия, образованные от основы **покой-**. В отличие от основы **мерт-**, слишком явно намекающей на присутствие смерти, основа **покой-** описывает объект косвенно, ссылаясь на основной признак смерти, существующий в сознании диалектоносителей: смерть есть покой, отдых от земных трудов.

По сравнению с литературным языком, в диалектах представлено больше словообразовательных вариантов от описываемых основ, появляются новые значения, связанные с народными представлениями о покойниках.

В *Новом объяснительном словаре синонимов русского языка* под редакцией Ю. Д. Апресяна разница в семантике слов *мертвец* и *покойник* объясняется связью с обрядовыми действиями (*покойник*) и отсутствием «правильного» захоронения (*мертвец*). По мнению Е. В. Урысон, слова *покойник* и *мертвец* в литературном языке обозначают не просто тело неживого человека, т.е. труп, а как бы человека, но из другого мира. Поэтому покойники и мертвецы внушают страх. Следствием этого является наличие категории одушевленности у этих слов. Различия между этими наименованиями заключаются в том, что *покойник* включен в социум, так как над ним произведены все необходимые обряды, а *мертвец* – нет. Слово *покойник* описывает состояние смерти как результат перехода в него, *мертвец* – просто как состояние.[2]

Но есть и факты, свидетельствующие о том, что в системе диалекта мы, скорее, можем говорить о степени знакомства информанта с умершим человеком. Если он входил в ближний круг диалектоносителя, то для его обозначения будет употребляться слово *покойник* и его производные. Слова с корнем **мерт-** встречаются для описания только что умершего человека (*Я гори́т, никогда́ не боле́ю – а пото́м на́! То́нька-то ме́ртва. С копылко́ф сьверну́лась. Она́ вот моло́денька-то была́, дак походи́ла г больны́м, ой, це́рез йейо́ ру́ки то́жо што́ перешло́ умёршых. Ты́, бат, вы́стрелиш, а мы́ фсе перестреле́емся, приду́т, а мы фсе ме́рты*) и для описания покойника как находящегося в состоянии смерти (*Ме́ртвой никто́ не сиёл никого́. Челове́к у́мер – зна́чит*

фсё́. Одна́ я оста́лась, фсе вы́мёршые). Таким образом, несмотря на формальное совпадение слов литературного языка и диалекта, семантика их оказывается различной; диалектное слово всегда несет в себе отпечаток иного мировоззрения и встраивается в другую, более архаическую картину мира.

Это высказывание можно подтвердить тем фактом, что от основы **покой-** образуется большое количество уменьшительных наименований, которые снижают градус страха при разговоре о смерти и мире мертвых, переводят покойника в категорию «своих», введенных с помощью обряда в пантеон умерших родных, могущих помочь живым, подать им знак о предстоящих событиях. От основы же **мерт-** уменьшительные названия не образуются.

---

[1] Толстая С. М. Покойник. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Том 4. Москва, 2009, с. 112.

[2] Урысон Е. В. Мертвец и покойник. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* под ред. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. Москва, 1997, с. 254.

ЛИТЕРАТУРА

Толстая С. М. Покойник. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. Том 4. Москва, 2009.

Урысон Е. В. Мертвец и покойник. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* под ред. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. Москва, 1997.

Надежда Тельминова

РУССКИЕ И ЛАТЫШСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ *УМЕРЕТЬ*

Summary

Russian and Latvian Phraseological Units with the Meaning 'to Die'

The present paper regards phraseological units with the meaning 'to die'. The cultural code is a 'net' which the culture 'throws' on the surrounding world. With the help of culture codes the world becomes divided, categorized, and structured. In the paper there is an attempt to impose some definite cultural codes on Russian and Latvian phraseology. On the level of the somatic code in the formation of phraseological units the most active part is attributed to 'the legs'. The cultural code of dimension is introduced by the 'top-bottom' opposition. Here on the level of phraseology the human's belief in the netherworld is shown along with the human's observation of life – one is going to the coffin, tomb. On the level of time code the idea that destiny decides human's life is the main point. However, the human himself can determine the coming death. The fewest phraseological units are shown in cultural code of objectives as well as in the biomorphic cultural code. The most widely examined phraseological units are those bearing the cultural codes of dimension and time.

Key-words: phraseological unit, cultural code, somatic code, dimensional code, time code, objective code, spiritual code

*

Введение

В данной работе рассмотрены русские и латышские фразеологизмы со значением *умереть*.[1] Фразеологизмы рассматриваются с точки зрения кодов культуры. В. В. Красных дает следующее пояснение понятия «код культуры» — *это «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его*.[2] Код культуры соотносим с архетипичными представлениями человека, он «кодирует» эти древнейшие представления человека.[3] В. В. Красных выделяет шесть кодов культуры: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный.

Соматический код культуры

В соматическом коде, согласно классификации В. В. Красных, особое место занимают символьные функции частей тела.[4] В латышском языке активными в образовании фразеологизмов со значением *умереть* являются следующие части тела человека: глаза, голова, шея, кожа, ноги. Выделяются следующие фразеологизмы с компонентом *глаза – aizvērt (aizdarīt, slēgt) acis [uz mūžu; uz mūža (mūžīgu) dusu]* (LFV); с компонентом *голова – nùliḱt golvu* (KIV), *nolikt savu galvu* (LFV); с компонентом *шея – lauzt (arī nolauzt) kaklu* (LFV); с компонентом *ноги – ìkùort kùojis kopâ* (KIV), *aćtìṕt kùojis* (KIV), *aizstiept kājas* (LFV), *notirināt kājas* (LFV); с компонентом *кожа – āda (arī ādu) pār (arī pa(r)) kārti (arī kanti) (un gaļa (arī gaļu) baļļā, arī kubulā)* (LIV), *nuosprāgt ar visu ādu* (LIV). В русском языке активными в образовании фразеологизмов являются такие части тела человека, как глаза, голова, шея, руки, ноги, кости. Выделяются следующие фразеологизмы с компонентом *глаза – закрыть глаза* (ФСРЯ), *смежить очи [глаза]* (ФСРЯ); с компонентом *голова – класть голову [жизнь, живот]* (ФСРЯ), *свернуть <себе> шею [голову, башку]* (ФСРЯ), *снять голову* (ДСОС); с компонентом *шея – свернуть <себе> шею [голову, башку]* (ФСРЯ); с компонентом *руки – ручки сложить* (ДСОС); с компонентом *ноги – протянуть ноги* (ФСРЯ), *стоять одной ногой в могиле* (ФСРЯ), *вперед ногам* (ДСОС); с компонентом *кости – сложить свои кости* (ФСРЯ), *лечь костьми* (ФСРЯ). В латышском и русском языке наиболее частотны фразеологизмы с частью тела *ноги*.

Пространственный код культуры

Пространственный код культуры связан с членением пространства, человек окультуривает окружающий мир параллельно с осознанием категории «свой – чужой», делит пространство на «свой» мир и мир «чужой». Окружающий мир структурирован следующим образом: 1. внутренний мир человека (то, что находится внутри человека и ограничивается телесными границами, здесь важен соматический код культуры); 2. личная зона (фрагмент внешнего мира, который входит в личное пространство человека, является его «собственностью»); 3. фрагмент внешнего мира, осмысляемый как «свой»; 4. фрагмент внешнего мира, осмысляемый как «чужой».[5] «Свой» мир исторически связан с родной землей. Соответственно, за границами своего мира начинается «чужой» мир, связанный с миром мертвых.[6] Важной в

членении пространства является и оппозиция «верх – низ». «Верх» осмысляется человеком как «хороший», «благополучный», «плодородный», «обильный», «жизненный», «низ» осмысляется как «плохой», «неблагополучный», «скудный», «смертельный».[7] Смерть ассоциируется у латышского народа с могилой, отсюда и фразеологизм *kopa mola* (KIV) со значением *смерть*. Оппозиция «верх – низ» представлена в латышской фразеологии следующим образом: «верх» – *aiziet aiz zvaigznēm* (LIV), *aiziet viņā saulē*, *aiziet uz viņpasauli* (LIV); «низ» – *iet pie māla* (LFV), *būt (gulēt, dusēt) zem velēnām* (LFV), *būt (gulēt) zem (apakš) zemes* (LFV), *ielīst vai zemē* (LFV), *iegrimt vai zemē* (LFV), *aiziet pie kukaiņiem (uz kukaiņu ciemu, uz kalnu)* (LIV), *aiziet kapā* (LFV), *iet pie māla* (LFV), *bedrē līst (iet)* (LIV). В русской фразеологии «верх» – *отправиться на тот свет* (ФСРЯ), *уйти в лучший мир* (ФСРЯ); «низ» – *отойти от мира <сего>* (ФСРЯ), *лечь в гроб [в могилу, в землю]* (ФСРЯ), *в земельке лежать* (ДСОС), *сойти в могилу* (ФСРЯ), *сыграть в ящик* (ФСРЯ). Смерть и погребение акцентируют три аспекта пути – конец земного пути, начало жизни на «том свете», переход с «этого» света на «тот»[8], само отправление в путь ассоциируется с уходом из этого мира на «тот свет»[9]. В рассмотренных фразеологизмах также наблюдается идея ухода, пути. В латышском языке осмысление смерти как пути актуализируется в следующих фразеологизмах: *aiziet kapā* (LIV), *aiziet (Dieva) miegā* (LIV), *aiziet pie Dieva (Dievu, Pētera, Pēteri, Jēzus, Jēzu)* (LIV), *aiziet Dieva priekšā* (LIV), *aiziet Dievam par rīkiem* (LIV), *aiziet pie tēviem* (LIV), *aiziet viņā saulē* (LIV), *aiziet pie kukaiņiem (uz kukaiņu ciemu, uz kalnu)* (LIV), *aiziet uz neatgriešanuos* (LIV), *aiziet gulēt (gulētu, uz dusu)* (LIV), *aiziet aiz zvaigznēm* (LIV), *bedrē līst (arī iet)* (LIV), *aiziet Dieva mierā* (LFV), *aiziet (stāties) Dieva priekšā* (LFV), *aiziet pie Dieva* (LFV), *aiziet pie Pētera* (LFV). Следует отметить наибольшую частотность фразеологизмов, актуализирующих идею пути, в словаре латышских говоров (двенадцать фразеологизмов)[10], тогда как в словаре под редакцией А. Лауа встретилось только четыре фразеологизма. В представлении смерти как пути просматривается оппозиция «верх – низ», где «верх» актуализирует библейское представление о рае, «том свете», находящемся за звездами, который населяет Бог, Св. Петр, Иисус, предки; пространство «низа» представлено могилой, ямой, муравьиным поселком. В русском языке идея ухода, пути актуализируется в следующих фразеологизмах: *отправляться к праотцам* (ФСРЯ), *отойти от мира <сего>* (ФСРЯ), *отправиться на тот свет* (ФСРЯ), *пойти на тот свет* (ДСОС), *уйти в лучший мир* (ФСРЯ), *уйти из жизни* (ФСРЯ),

сойти в могилу (ФСРЯ). В большинстве перечисленных фразеологизмов (как латышских, так и русских) актуализируется идея ухода (куда?), особый интерес представляют фразеологизмы *уйти из жизни*, *отойти от мира <сего>* (откуда?), представленные в русском языке. В рассмотренных русских фразеологизмах с идеей пути связывается только одна часть оппозиции – «верх».

Временной код культуры

Временной код культуры отражает движение человека по временной оси, кодирует его бытие в материальном и нематериальном мире.[11] Время жизни человека, по народным представлениям, отмерено, изначально предопределено судьбой, должно быть прожито в соответствии с предначертанным человеку.[12] Отражение этого представления зафиксировано в следующих фразеологизмах: *pēdējā stundiņa (stunda)* (LFV), *kotràm sàus làiks* (KIV), *свой час* (ДСОС), *смертный [последний] час* (ФСРЯ). Человек осмысляет себя как существо смертное, что нашло отражение во фразеологизмах со значением *до смерти, до конца дней*: *līdz pēdējam elpas vilcienam* (LFV), *по гроб жизни [дней]* (ФСРЯ), *до гроба* (ФСРЯ), *до могилы* (ФСРЯ), *до гробовой доски* (ФСРЯ), *до последнего дыхания [вздоха]* (ФСРЯ), *до последнего издыхания* (ФСРЯ). Человек может предугадать скорую смерть – *kāda dziesma (arī dziesmiņa) ir nodziedāta* (LFV), *ir vakars kādam* (LFV), *þi śḿìrtiś* (KIV), *kapsētas suņi rej* (LFV), *много [долго] не надышит* (ФСРЯ), *дни сочтены* (ФСРЯ), *дышать на ладан* (ФСРЯ), *не жилец <на белом свете>* (ФСРЯ), *смотреть [глядеть] в могилу [в гроб]* (ФСРЯ), *при последнем издыхании* (ФСРЯ), *на краю могилы [гроба]* (ФСРЯ), *у края могилы [гроба]* (ФСРЯ), *перед смертью лежать* (ДСОС), *последние лапти донахывать* (ДСОС). Смерть также может наступить раньше какого-то момента, например, раньше нового хлеба, раньше кукования кукушки, *itys putnys jaûnys màiźiś najiêśś* (KIV), *dzaguzis nasagàideîť* (KIV). Само приближение конца жизни находит отражение в следующих фразеологизмах: *воротить к смерти* (ДСОС), *к смерти ближе* (ДСОС). Умереть – *bàikť tuužu* (KIV), *izlaist garu* (LFV), *отойти в вечность* (ФСРЯ), *окончить дни свои* (ФСРЯ), *отдать концы* (ФСРЯ), *найти конец [кончину, смерть, могилу]* (ФСРЯ), *заснуть [уснуть] вечным [последним, могильным] сном* (ФСРЯ), *почить вечным [непробудным] сном* (ФСРЯ), *испустить последний вздох* (ФСРЯ), *испустить дух* (ФСРЯ), *приказать долго жить* (ФСРЯ). Человек, который уже умер – *спит вечным [могильным, непробудным] сном* (ФСРЯ). В рассмотренных

фразеологизмах находит отражение понятие внезапности, неожиданности смерти, категория «вдруг»: *pajemt' śḿìert'i* (KIV), *iz vìtys gotàus (arī bàikc)* (KIV), *дух [душа] вон* (ФСРЯ), *карачун пришел* (ФСРЯ), *кандрашка хватил* (ФСРЯ). Важна семантика конца, которая проявляется во временном коде. Конец маркирует *границы временных периодов и процессов и служит знаком завершенности*[13]. Идея завершения жизни проявляется с акцентированием понятия конца в следующих фразеологизмах: *bàiḱt' tuužu*, *окончить дни свои*, *отдать концы*, а также *jemt nalobu golu* (KIV), *найти конец [кончину, смерть, могилу]* (ФСРЯ). Пространственный код неразрывно связан с кодом времени, это проявляется в восприятии конца жизни пространством могилы, гроба.[14] Также важным для пространственного и временного кода культуры является осмысление смерти как сна – *aiziet (Dieva) miegā*, *aiziet gulēt (gulētu, uz dusu)*, *заснуть [уснуть] вечным [последним, могильным] сном*, *почить вечным [непробудным] сном*, *спит вечным [могильным, непробудным] сном*.

Предметный код культуры

Предметный код культуры связан с предметами, заполняющими пространство окружающего мира (одеждой, предметами быта, едой и др.).[15] Предметный код в рассмотренном русском фразеологическом материале представлен малым количеством фразеологизмов: *последние лапти донахывать* (ДСОС). Интересно, что раньше одним из приготовлений к смерти было обязательное плетение лаптей, сам лапоть в народном восприятии был атрибутом покойника, материальным воплощением его путешествия после смерти.[16] В рассмотренном фразеологизме лапоть можно характеризовать как предмет, связывающий человека с жизнью. Латышский фразеологизм *nolikt karoti* (LFV) отражает в себе древнее представление о ложке. Ложка была личной вещью хозяина, его манифестацией[17], чужими ложками не пользовались. Считалось, что если ложку кто-то возьмет, то можно потерять жениха/невесту, жену.[18] В этом поверье отражается семантика потери, утраты, во фразеологизме же человек сам отказывается от жизни. Фразеологизм с мотивом откладывания/отбрасывания ложки с таким же значением существует и у кашубов.[19] Еда представлена следующими фразеологизмами: *tas vairs maizi neēdīs* (LFV), *tas vairs maizē nekodīs* (LFV), *itys putnys jaûnys màiźiś najiêśś* (KIV), *tas vairs putras strēbējs nebūs* (LFV), *tas vairs putru nestrēbs* (LFV). Хлеб и каша занимали важное место в рационе латышского крестьянина.

Характерно, что хлебом могли называть еду вообще.[20] Пища, согласно данным словаря *Славянские древности*[21], – посредник между природой (космосом) и человеком (социумом, культурой). Во фразеологизмах предметного кода, имеющих в своем составе еду, нашли отражение наблюдения человека над жизнью, но словесное воплощение они получили в виде указания на скорый отказ человека от пищи (кто-то что-то не будет есть).

Биоморфный код культуры

Биоморфный код культуры отражает представление человека об окружающем мире, а именно о мире животных, растительном мире. К биоморфному коду В. В. Красных также причисляет мир бестиариев (домовой, русалка и др.), который находится в пограничной зоне, пересекаясь с растительным миром и миром животных.[22] Растительный мир представлен следующими фразеологизмами: *дать дуба* (ФСРЯ), *birst kā lapas* (LFV). Мир насекомых представлен следующими фразеологизмами: *aiziet pie kukaiņiem (arī uz kukaiņu ciemu, uz kalnu)* (LIV), мир птиц – *dzaguzis nasagàideît'* (KIV), мир животных – *suņièm suņa śḿìerć* (KIV), *kapsētas suņi rej* (LFV), мир бестиариев – *atdot velnam dvēseli* (LFV). В рамках биоморфного кода можно выделить землю – *būt (gulēt) zem (apakš) zemes* (LFV), *ielīst vai zemē* (LFV), к земле можно отнести дерн – *tas vairs mauru nemīs* (LFV), торф – *būt (gulēt, dusēt) zem velēnām* (LFV) и глину – *iet pie māla* (LFV).

Духовный код

Духовный код культуры, согласно В. В. Красных, составляют нравственные ценности и такие оппозиции культуры, как «хорошо – плохо», «добро – зло». На духовный код культуры работают все коды. Он обуславливает поведение и деятельность человека.[23] Человек несет ответственность за свои поступки, в рай попадает за земные заслуги, это проявляется во фразеологизмах *aiziet Dieva priekšā* (LIV), *aiziet Dievam par rīkiem* (LIV), *aiziet (stāties) Dieva priekšā* (LFV), плохой человек не заслуживает рая, он отдает душу черту – *atdot velnam dvēseli* (LFV). Также дается оценка «тому свету»: *уйти в лучший мир* (ФСРЯ). Для русских и латышей характерно христианское представление о загробном мире, поэтому так много фразеологизмов, отражающих этот взгляд: *aiziet viņā saulē*, *aiziet uz viņpasauli* (LIV), *от-*

дать богу душу (ФСРЯ), *почить в бозе* (ФСРЯ), *aiziet (Dieva) miegā* (LIV), *aiziet pie Dieva (Dievu, Pētera, Pēteri, Jēzus, Jēzu)* (LIV), *aiziet Dieva priekšā* (LIV), *aiziet Dievam par rīkiem* (LIV), *aiziet viņā saulē* (LIV), *aiziet Dieva mierā* (LFV), *aiziet (stāties) Dieva priekšā* (LFV), *aiziet pie Dieva* (LFV), *бог [господь] прибрал* (ФСРЯ), *отойти от мира <сего>* (ФСРЯ), *отправиться на тот свет* (ФСРЯ), *пойти на тот свет* (ДСОС), *уйти в лучший мир* (ФСРЯ).

Выводы

На уровне соматического кода культуры в образовании фразеологизмов более активен компонент *ноги*, пространственный код культуры представлен оппозицией «верх – низ», смерть человека – это путь, здесь находит отражение вера в мир иной – уход человека к Богу, а также наблюдения над жизнью – уход человека в гроб, могилу. На уровне временного кода находят отражение представления о том, что время жизни изначально предопределено, а также о том, что человек сам может предсказать чью-либо смерть, ее примерное время. Наименее всего на данном этапе исследования представлен предметный код культуры, малое количество фразеологизмов и у биоморфного кода культуры. Фразеологизмы пространственного и временного кода отражают понимание смерти как сна, устойчивость такого сравнения имеет исторические корни: смерть осмыслялась как переселение души в другой мир, поэтому человек не умирал, а навечно засыпал.[24] Коды культуры образуют *систему координат, которая задает эталоны культуры*[25], с этой точки зрения в рассмотренном материале важную роль играет мир иной, куда «уходят» умершие, их души.

---

[1] Анализ фразеологизмов сделан на основе словарей, указанных в списке литературы.

[2] Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Языкознание, сознание, коммуникация*. Вып. 19. Москва: МАКС Пресс, 2001, с. 5.

[3] Там же.

[4] Там же, с. 7.

[5] Там же, с. 8.

[6] Там же.

[7] *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Т. 1. Под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995, с. 258.

[8] Там же, т. 4, с. 359.

[9] Там же, с. 357.

[10] *Latviešu izlokšņu vārdnīca*. Prospekts. / red. B. Bušmane, I. Jansone, E. Kagaine, A. Timuška. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2005.

[11] Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Языкознание, сознание, коммуникация*. Вып. 19. Москва: МАКС Пресс, 2001, с. 10.

[12] *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Т. 1. Под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995, с. 363.

[13] Там же, т. 3, с. 372.

[14] Ср. фразеологизмы *до могилы*, *до гроба*.

[15] Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Языкознание, сознание, коммуникация*. Вып. 19. Москва: МАКС Пресс, 2001, с. 12.

[16] Володина Т. Кто кого и зачем обувает в лапти. *Славянские языки в свете культуры*. Москва: А Темп, 2006, с. 238–239.

[17] *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Т. 4. Под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009, с. 60.

[18] Kursīte J. *Virtuves vārdene*. Rīga: Rundas, 2012, 493. lpp.

[19] Семёнова А. В. «Начало» и «конец» жизненного пути на материале кашубской фразеологии. *Категории жизни и смерти в славянской культуре*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008, с. 62.

[20] Kursīte J. *Virtuves vārdene*. Rīga: Rundas, 2012, 493. lpp.

[21] *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Т. 4. Под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 2009, с. 60.

[22] Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Языкознание, сознание, коммуникация*. Вып. 19. Москва: МАКС Пресс, 2001, с. 14.

[23] Там же, с. 19.

[24] Коконова А. Б. *Рождение и смерть в пространстве диалекта*. Диссертация. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011, с. 185.

[25] Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Языкознание, сознание, коммуникация*. Вып. 19. Москва: МАКС Пресс, 2001, с. 19.

ЛИТЕРАТУРА

KIV – Reķēna A. *Kalupes izloksnes vārdnīca*. 1. sējums. A–M. Rīga: Latviešu valodas institūts, 1998.

KIV – Reķēna A. *Kalupes izloksnes vārdnīca*. 2. sējums. N–Ž. Rīga: Latviešu valodas institūts, 1998.

Kursīte J. *Virtuves vārdene*. Rīga: Rundas, 2012.

LFV – Laua A. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Divos sējumos. 1. sējums. A–M. / A. Laua, A. Ezeriņa, S. Veinberga. Rīga: Zvaigzne, 1996.

LFV – Laua A. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Divos sējumos. 2. sējums. N–Ž. / A. Laua, A. Ezeriņa, S. Veinberga. Rīga: Zvaigzne, 1996.

LIV – *Latviešu izlokšņu vārdnīca*. Prospekts. / red. B. Bušmane, I. Jansone, E. Kagaine, A. Timuška. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2005.

ДСОС – Королёва Е. Е. *Диалектный словарь одной семьи – 2 (Пыталовский район Псковской области)*. Daugavpils: Saule, 2013.

Коконова А. Б. *Рождение и смерть в пространстве диалекта*. Диссертация. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2011.

Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Языкознание, сознание, коммуникация*. Вып. 19. Москва: МАКС Пресс, 2001, с. 5–19.

Семёнова А. В. «Начало» и «конец» жизненного пути на материале кашубской фразеологии. *Категории жизни и смерти в славянской культуре*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008, с. 57–68.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 томах. Т. 1, 3, 4. Под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995, 2004, 2009.

ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 словарных статей*. / Сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986.

Эльвира Исаева

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ЛАТЫШЕЙ

Summary

HUMAN in the Linguistic Consciousness of Russians and Latvians

The concept of Human lying at the basis of the picture of the world is one of the key objects in modern linguistic research. The concept of Human is the universal of the world culture.

The aim of the present research is to analyse the words-reactions in the associative field of the concept to reveal representation of its content in the national language and determine the features of associative fields.

The research is based on the material of an independent associative experiment with participation of Russian and Latvian young people. Russian is the native language for 410 participants of the experiment. Latvian is native language for 430 participants. The experiment was arranged in three research paradigms, such as educational (one social group), age (18 – 21), national. The method of the research was writing a questionnaire in the native language of the participants. The respondents were offered the word-stimulus 'человек' and 'cilvēks'. They had to react by any verbal reaction with the aim of allocation of the associative field of the concept Human in the linguistic consciousness of the given group of society. During the analysis of the experiment results all associations were taken into consideration, including the single ones. The result of the experiment is 371 reactions of Russian respondents (113 of them have different reactions) and 401 reactions of Latvian respondents (146 different reactions).

Associates which were similar in their semantic content were generalized. The data of the research were distributed according to conventional semantic groups.

Key-words: linguistic consciousness, free associative experiment, associative field

*

Введение

Каждая культура имеет свою систему ценностей и категорий. Хотя эти ценности и категории повторяются во множестве культур,

но там они могут иметь различную иерархию структуры и своеобразие проявления. Исследование и сопоставление двух культур является эффективным средством анализа содержания языкового сознания, так как такое исследование и анализ национальных сознаний и их взаимовлияния позволяет выявить то, что обычно скрыто или различно.

В современной лингвистике языковое сознание является актуальной категорией, но, к сожалению, нет единого ее определения. Языковое сознание понимается и рассматривается и как отражение специфической языковой структуры в сознании носителя языка, и как совокупность законов, правил и закономерностей использования языка на уровне умений, и как механизм управления речевой деятельностью.

В психолингвистике языковое сознание чаще определяется как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками. Большинство работ по исследованию языкового сознания в психолингвистике связано с анализом вербальных ассоциаций, полученных при помощи ассоциативного эксперимента. Многолетние исследования доказали, что ассоциативный эксперимент является одним из наиболее эффективных способов изучения языкового сознания и его национально-культурной специфики, так как он позволяет изучать различные связи между словами и механизмы вербальной памяти и является инструментом овнешнения образов сознания носителей разных языков.

Материалом для анализа в исследованиях по межкультурной коммуникации служат данные ассоциативного эксперимента, которые позволяют выявить системность сознания, то общее и различное в сознании носителей разных культур, что неосознанно оказывает влияние на их миропонимание и поведение. Результаты ассоциативного эксперимента позволяют увидеть особенности национально-культурного восприятия реального мира посредством фрагментов языкового сознания. Анализ фрагментов ассоциативно-вербальных сетей разных языков помогает выявить особенности мироощущения и мировидения через призму национального языкового сознания.

Ученые полагают, что значения слов в разных языках не могут быть эквивалентными, при этом под значениями слов понимаются знания в виде образов сознания и представлений, ассоциированные со словами, которые в разных культурах имеют свою специфику. В индивидуальном сознании представителей разных национальных

культур слова соотносятся с разными чувственными образами, разными ассоциациями и представлениями.

Например, в психолингвистике считается, что надежным средством исследования национально-культурных особенностей языкового сознания носителей разных языков и культур является свободный ассоциативный эксперимент.

> *Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов. Как и какие формы та или иная культура накладывает на восприятие окружающей действительности, и помогают понять результаты массовых ассоциативных экспериментов.*[1]

Исследование национальной особенности языкового сознания в современном языкознании проводится в различных направлениях. При анализе этой специфики отчетливо проявляется тенденция, свойственная современной лингвистике в целом, – тенденция все более частого обращения к понятиям, методам, исследовательским приемам, объективно выходящим за пределы собственно языковедческой парадигмы.

Единицей изучения фрагментов языкового сознания представителей различных национальных групп нами был избран концепт. Концепт является базовой категорией, которая отражает менталитет обобщенного носителя языка и представляет исследовательский интерес для сопоставительного анализа языкового сознания представителей разных групп. Как известно, национальный менталитет проявляется в межкультурной коммуникации при соприкосновении с другим менталитетом, а языковое сознание всегда национально обусловлено.

> *Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.*[2]

Еще в конце XVIII века И. Кант сформулировал один из важнейших вопросов – *Что такое человек?* И до сих пор проводятся исследования, выясняющие содержание концепта *человек* у представителей различных культур. Цель этих исследований – выявить роль различ-

ных факторов (в том числе и культуры) в содержании концепта *человек*. Это и работы японских ученых Маркуса и Китаямы, и немецкого ученого Р. Оертера и его школы. Исследовались представления о человеке у носителей западных культур в США и Германии и восточных культур в России, Корее, Китае, Украине.

К ключевым концептам любой национальной культуры относится концепт *человек*, без анализа которого не представляется возможным адекватно описать культуру этноса, так как место любой реалии в системе национальных ценностей может быть определено через ту роль, которую играет по отношению к этой реалии человек. В латышском языковом сознании *человек* передается лексемой *cilvēks*.

Л. Толстой писал:

> *Напрасно представляют себе человека сильным, слабым, добрым, злым, умным, глупым; человек бывает то то, то другое; то силен, то слаб, то разумен, то безумен, то добр, то зол; человек не определенная постоянная величина, а нечто постоянно изменяющееся, то опускающееся, то поднимающееся.*[3]

Убедиться в справедливости слов русского классика может помочь проведенный свободный ассоциативный эксперимент и его результаты.

Ассоциативное поле концепта ЧЕЛОВЕК в русском и латышском языковом сознании

Свободный ассоциативный эксперимент на материале русского и латышского языка был проведен автором в 2012 году в городе Даугавпилсе. В эксперименте участвовали две группы испытуемых: русские и латыши. В качестве экспериментальной методики использовался свободный ассоциативный эксперимент с фиксацией первого ответа. Эксперимент проводился в письменной форме с группой испытуемых (примерно по 20–25 человек) на родном языке, который для себя респонденты определяли сами или таковым его считали. Общее число участников эксперимента составило 840 человек, из которых 524 женщины и 316 мужчин. В группе Латыши количество испытуемых составило 430 человек, их них 269 женщин, 161 мужчина. В группу Русские вошло 410 человек, из них женщин 255, мужчин 155. Возраст испытуемых варьировался от 18 до 21 года. Репрезентативность выборки была обеспечена участием респондентов из разных средних общеобразовательных учреждений.

Обработка результатов ассоциативного эксперимента состояла из нескольких этапов:

1) предварительная обработка анкет;
2) обработка данных и объединение всех слов-реакций в словарную статью;
3) распределение реакций по семантическим группам.

В результате проведенного эксперимента полученные ассоциативно-вербальные поля концепта ЧЕЛОВЕК обладают следующими количественными характеристиками:

	РУССКИЕ			**ЛАТЫШИ**		
		мужчины	**женщины**		**мужчины**	**женщины**
Общее количество реакций	371	137	234	401	146	255
Количество различных реакций	113	58	85	146	67	110
Количество единичных реакций	71	35	57	97	43	77
Нет реакций	39	18	21	29	15	14

В обобщенном виде структуру ассоциативного поля (АП) ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS можно представить как:

	АП **ЧЕЛОВЕК**	АП CILVĒKS
Ядро	34,5% или 128 реакций	30,2% или 121 реакция
Ближняя периферия	31% или 115 реакций	18,2% или 73 реакции
Дальняя периферия	15,4% или 57 реакций	27,4% или 110 реакций
Крайняя периферия	19,1% или 71 реакция	24,2% или 97 реакций

Таким образом, основная форма структуры АП – это ядро и периферия. При сравнении особенностей ядра и периферии ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS становятся очевидными следующие факты:

1. Как в АП ЧЕЛОВЕК, так и в АП CILVĒKS можно выделить 4 зоны – ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии.
2. Зону ядра ЧЕЛОВЕК образуют 5 различных слов-реакций – *живое существо* 42, *личность* 23, *друг* 22, *душа* 21, *я* 20; зону ядра CILVĒKS – 4 различных ассоциации: *dzīvā būtne* [‘живое существо’] 37, *draugs* [‘друг’] 32, *personība* [‘личность’] 29, *es* [‘я’] 23.
3. Четыре ассоциации (*живое существо* 42/37; *личность* 23/29; *друг* 22/32; *я* 20/23) являются общими для ядерной зоны ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS, которые различаются только порядком расположения.

4. Граница между ядром и периферией, как и между ближней, дальней и крайней периферией является диффузной и в определенной мере условной.

В ядро АП ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS входят самые типичные языковые единицы, которые отражают словарное значение лексемы ЧЕЛОВЕК. Характерно, что ядро АП составляют стилистически нейтральные единицы. Существенный признак ядра АП – это актуальность языковой единицы в жизни современного общества. АП образуется вокруг ядра, которое лучше всего выражает смысл или функцию, общие для всех единиц поля. Словарное значение ЧЕЛОВЕКа выражает самая частотная реакция АП – *живое существо* 42/37 и *личность* 23/29 (Ср.: *1. Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. 2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств. 3. О каком-л. лице; кто-то, некто. 4. В России при крепостном праве: дворовый слуга, служитель, лакей, а позднее официант, слуга.*[4]) Отметим, что использование респондентами личного местоимения *я* и местоимений *любой*, *мой* выявляет эгоцентричность и антропоцентричность восприятия человека; а ядерные реакции *личность* и *друг* свидетельствуют о том, что человек не только живое существо, но и социально-общественное, выполняет определенную социальную роль и не мыслится вне общества людей.

Наиболее частотные реакции суммировались с синонимическими ассоциатами, что позволило выделить следующие семантические группы в АП концепта ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS :

1. Персоналии – слова-реакции, которые обозначают
   - животных – *животное*, *зверь*, *обезьяна*, *червяк* и др.;
   - родственников – *семья*, *отец*, *мама*, *сестра* и др.;
   - лиц – *ученик*, *одноклассник*, *прохожий*, *собеседник* и др.;
   - конкретных личностей – *Галя*, *Лена*, *Игорь*, *Адам*, *Роман*, *Усевич*, *Маугли*, *Паук* и др.
2. Бытие человека – слова-реакции, которые определяют
   - сущность человека – *мудрость*, *любовь*, *дружба*, *одиночество*, *жизнь*, *развитие* и др.
3. Действия человека – слова-реакции, которые обозначают
   - деятельностную динамику – *умирает*, *совершает ошибки*, *ходит*, *жить*.
4. Характеристика человека – слова-реакции, которые обозначают
   - качества – *вежливый*, *душевный*, *открытый*, *милый*, *улыбчивый* и др.;

- оценку по определенной шкале:
  а) свой-чужой – *мы*, *он*, *чужой*, *свой*, *чужестранец*, *близкий*, *родной* и др.;
  б) хороший-плохой – *злой – добрый*, *плохой – хороший*, *умный – глупый* и др.

Широкое использование респондентами антонимичных и синонимичных слов-реакций указывает на амбивалентность восприятия феномена человека, а преобладающее ассоциирование через существительные и прилагательные свидетельствует о языковой оформленности и коммуникативной значимости концепта ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS в языковом сознании русских и латышских испытуемых.

Следует оговориться, что распределение ассоциатов по обозначенным группам носит условный характер, поскольку функционирование концепта в языковом сознании носителей языка предполагает динамичность и широкую сочетаемость составных элементов концепта.

Проведенный анализ АП ЧЕЛОВЕК позволяет сделать некоторые выводы:

1. У современных русских и латышей разнообразно представлена семантическая группа Персоналии. Так как эта семантическая группа самая большая, то видна тенденция к дроблению на подгруппы, что может привести к ее распаду.
2. Семантическая группа Характеристика в АП ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS не эквивалентна по количеству различных слов-реакций и по качественному составу. В АП CILVĒKS эта группа представлена большим количеством прилагательных, которые всесторонне характеризуют «общего человека» и отражают способ понимания данного объекта, выражая свое отношение к нему.
3. Интересно лексическое наполнение АП ЧЕЛОВЕК. В качестве слов-реакций использованы: синонимы (*личность*, *индивид*, *люди*, *народ*, *индивидуальность*); метафоры (*игрушка*, *кукла*, *загадка*, *пыль*).
4. Сравнивая АП ЧЕЛОВЕК и АП CILVĒKS, можно отметить некоторые национальные и культурные особенности:
   а) у латышской и русской молодежи в языковом сознании ЧЕЛОВЕК ассоциируется с *живым существом* и *личностью*, что является самой частотной реакцией.
   б) И. Стернин в целом ряде своих работ отмечал, что для русского менталитета характерно все оценивать. По нашему мнению, это характерно не только для русского менталитета, что и дока-

зывает проведенный эксперимент. В АП ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS как русские, так и латышские респонденты дали большое количество так называемых оценочных ассоциаций, которые образуют антонимические пары: *зло – добро*, *божество – черт*, *творец – ничтожество*, *гений – идиот*, *злой – добрый*, *плохой – хороший*, *умный – глупый*, *маленький – большой* и др.

в) В АП CILVĒKS есть определенное количество таких реакций как *гражданин*, *житель*, которые в языковом сознании латышских респондентов ассоциируются не только с *Хомо сапиенс* (одна из реакций), но и с иным социальным статусом человека. У русских респондентов такие реакции не зафиксированы. Н. В. Уфимцева, анализируя «ядро лексикона» современного русского и английского языков, отмечает:

> *<...> для русского «человек» ассоциируется с прилагательными – «хороший» (22), «добрый» (20), «разумный» (17), «умный» (15); это человек «дела» (8) и «слова» (5), но очень редко – «долга» (2) и «чести» (1). Это слово вызывает ассоциации со «зверем» (13), «животным» (12), «обезьяной» (10), но это и «друг» (10). Существенное различие и в том, что человек практически не воспринимается русскими как «гражданин» (4) и «личность»(4).*[5]

г) Латышские респонденты ассоциируют ЧЕЛОВЕКА с разнообразными представителями животного мира – *животное*, *зверь*, *обезьяна*, *мартышка*, *собака*, *муравей*, *паразит*, *червяк*, что типично и для русских респондентов, их реакции также связаны с фауной – *животное*, *млекопитающее*, *обезьяна*, *зверь*, *червяк*, *рептилия*, *птица*.

д) В АП CILVĒKS надо отметить наличие у латышских респондентов слов-реакций на латгальском языке – *muote*, *dzeive*, *tāvs*, *sāta*, *saime*, *as*, что несомненно является доказательством высокой степени проявления национального языкового сознания, в данном случае латгальского, хотя респонденты сами определили латышский язык как свой родной язык.

е) В обоих АП русских и латышских респондентов зафиксировано достаточное количество негативных слов-реакций, что позволяет задуматься над словами русского классика: – *Человек! Это звучит гордо!* А гордо ли?! Большое количество отрицательных ассоциаций характерно для единичных реакций, которых у русских – 71, у латышей – 97: *тварь*, *монстр*, *черт*, *псих*, *эгоист*, *идиот*, *предатель*, *урод*, *паразит*, *ничтожество*,

пыль, *червяк*, *тупость*, *скупость*, *бессилие*, *раб*, *разрушитель*. К вопросу о «гордом звучании» можно отнести и анкеты без ответа, которых у русских – 39, у латышей – 29. Возможно, такое проявление реакций можно объяснить и влиянием современной массовой культуры, нередко пропагандирующей жестокость и насилие.

ж) Самыми частотными общими и различными реакциями русских и латышских респондентов, которые отражают сущность понимания ими концепта ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS, являются 10 следующих ассоциаций:

Русские	**Общие реакции**	**Латыши**
душа	*живое существо*	*homo sapiens*
люди	*личность*	*мужчина*
Паук	*друг*	*мир*
	я	
	животное	
	жизнь	
	тело	

У русских следует отметить реакцию *Паук*, которая скорее всего восходит к американской массовой культуре, на которой и выросли наши респонденты, к американскому мультсериалу о Человеке-пауке, который был изначально героем комиксов, но с увеличением своей популярности вышел за пределы комиксов. Человек-паук – это всемирно известный супергерой, которому подвластно все. У латышских испытуемых интересна реакция *мужчина*, из чего следует, что человек – это больше мужчина, чем женщина.

Заключение

Языковое сознание носителей национального языка отражает определенное видение мира, которое может иметь общие черты, но и может отличаться по способу восприятия мира носителями другого языкового сознания и другого языка. Сравнительный анализ ассоциативных реакций дает возможность раскрыть своеобразие ментальности той или иной культуры, а также позволяет узнать наполненность и значимость определенных концептов для представителей различных национальных групп.

Результаты анализа данных свободного ассоциативного эксперимента позволяют сделать вывод, что организацию концепта

ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS можно представить как совокупность взаимодействующих элементов с акцентом на сфере повседневного существования человека. Идентификация концепта ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS в сознании рядовых носителей русского и латышского языка осуществляется с опорой на повседневный опыт испытуемых, представляющий собой эмоционально переживаемые представления о положительных и отрицательных качествах человека, его проявлениях и атрибутах жизни.

Таким образом, ЧЕЛОВЕК/CILVĒKS в обыденном сознании носителей русской и латышской культуры предстает и как биологическое явление, находящееся в границах рождения и смерти, и как психическое пространство человека, насыщенное актуальными повседневными, морально-нравственными и эмоционально-оценочными значениями.

---

[1] Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва, 2000, с. 140–141.

[2] Степанов Ю. *Константы: словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2004, с. 43.

[3] Виндгольц А. *К слову сказать...* (Словарь афоризмов, литературных, публицистических и фольклорных контекстов). Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2004, с. 608.

[4] Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка*. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.

[5] Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва, 2000, с. 147–148.

ЛИТЕРАТУРА

Виндгольц А. *К слову сказать...* (Словарь афоризмов, литературных, публицистических и фольклорных контекстов). Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2004.

Ефремова Т. Ф. *Новый словарь русского языка*. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.

Степанов Ю. *Константы: словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2004.

Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания. *Этнокультурная специфика языкового сознания*. Москва, 2000.

Марина Халимоне

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА ПО ВНЕШНИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СЕМАНТИКОЙ *ГНЕВ* В РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ)

Summary

Characteristics of a Person according to External Emotional Expression (by Comparing Russian and Latvian Phraseologisms with the Semantic Pattern 'Anger')

The phraseological units (PU) with a semantic meaning 'anger' in the Russian and Latvian languages which relate to the parameter 'external manifestation of emotions' are analysed in the given article. One of the ways to analyse emotions is to describe a prototypical scenario of the emotion under examination and to characterise a typical situation where this emotion may occur. Physiological reactions (paleness, shiver, goose bumps, fever, heat, heart beating, etc.) to various kinds of internal or external impacts which different parts of the body (the face, heart or throat) or the body in general has a certain reaction to are studied. This is reflected in the phraseological system and in the inner form of PU. The phraseologisms which describe the face, expression of the eyes, or change in the colour of the skin play an important part in the external manifestation of emotions. The external manifestation of emotions is also reflected in the patterns of behavior and in the change of the pitch of the voice. The nationally specific character is also reflected in the inner form of phraseologisms and is based on the national peculiarities of the language bearers' ideas about the human's emotional sphere.

Key-words: parameters of emotions, external manifestation of emotions, prototypical situation, internal form of a word

*

Особое место в исследованиях последнего времени занимают проблемы «эмоциональной» семантики, тесно связанные с так называемым эмоциональным аспектом человеческого фактора в языке.[1]

> *Способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере, до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им родной язык. <...> интерпретируются ли два внутренних состояния как проявление «одной и той же эмоции» или как «две разные эмоции», в большей мере зависит от того, через призму какого языка эти эмоции интерпретируются.*[2]

Одним из способов исследования эмоций является описание прототипического сценария изучаемой эмоции, другими словами, характеристика типической ситуации, в которой возникает данная эмоция, а также связанные с ней физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия (бледность, дрожь, мурашки, краска, жар, сердцебиение и др.), на которые реагируют различные части тела (лицо, горло) или тело в целом. Это находит отражение во фразеологической системе и во внутренней форме фразеологической единицы (далее ФЕ). И в этом смысле интересно выявить универсальные и культурно-специфичные ФЕ рассматриваемой группы.

Ю. Д. Апресян во внешнем проявлении эмоций выделяет две основные формы: а) неконтролируемые физиологические реакции тела на причину, вызывающую эмоцию: сужение глаз в случае гнева; б) до какой-то степени контролируемые двигательные и речевые реакции (агрессия в случае гнева).[3]

По утверждению В. И. Шаховского, *побледнение, покраснение, почернение лица, дрожание губ и голоса, слезы, улыбка, смех, нахмуренные брови, особая эмоциональная интонация, особая – эмотивная – семантика языковых единиц и многое другое являются формальными средствами проявления эмоции, внешними (выраженными)*[4].

Таким образом, необходимо отметить значимость следующих маркеров внешнего выражения эмоций: лицо, голос, жесты, манера поведения.

Исходя из положения В. Н. Телии об образном основании фразеологизмов, отображающем мировидение народа-носителя языка, запечатленном во внутренней форме содержания «буквального» их значения, которое просвечивает через материальную (звуковую или графическую) оболочку фразеологизмов и служит для них обозначающим знака, в настоящей статье рассмотрены ФЕ с семантикой *гнев* русского и латышского языков, соответствующие параметру *внешнее проявление эмоции*.

К ФЕ, характеризующим *внешние проявления эмоции*, относятся ФЕ с компонентом *глаза* в обоих языках. *Язык точно отмечает необычную способность глаз – их зрачки находятся в движении, отсюда сочетаемость большого круга глаголов движения со словом «глаза»*.[5]

ФЕ русского языка *сверкать/сверкнуть глазами* в латышском языке соответствует ФЕ *acis met zibeņus*. Данные ФЕ имеют идентичный семный состав (ср.: 'выражать', 'чувство гнева' – 'kāds raida dusmu'), но компонент *zibens* в составе ФЕ подчеркивает предельное выражение эмоции. На интенсивность проявления эмоции *гнев* в обоих языках чаще всего указывает также контекстное окружение:

> *– Лжете вы! – крикнула барыня и злобно сверкнула на нее глазами. Мне все известно! Я давно уже знаю вас! Я знаю, в последний месяц он просиживал у вас каждый день.*[6] (А. Чехов. *Хористка*)

> *Brīdi viņš skatījās gan kučierā, gan Undupā, briesmīgus dusmu zibšņus iz savām acīm pār abiem laizdams, tad viņš satvēra durvju kliņķi un ar lepniem soļiem nozuda pilī.*[7] (R. Blaumanis. *Undupa četrjūgs*)

Как видно из примеров, исследуемые ФЕ сопровождаются экспрессивной лексикой: *крикнула*, *злобно* – *briesmīgs*.

Характерной особенностью латышского языка является большое количество ФЕ данной группы, отличающихся вариативностью компонентного состава: *acis pārgriezis*; *ar baltām acīm (ar baltu aci; ar kaulainu aci, ar šķību aci, ar greizu aci, ar greizām acīm)*; *acis sprāgst (spriežas, krīt, lec, kāpj, lien, tek, pil, veļas) vai no pieres (no dobumiem, no dobuļiem) laukā (ārā)*.

В науке существует мнение, что варианты фразеологизма будут до тех пор вариантами одного фразеологизма, пока сохраняется их внутренняя форма.[8] ФЕ латышского языка можно разделить на глагольные: *acis pārgriezis*; *acis sprāgst (spriežas, krīt, lec, kāpj, lien, tek, pil, veļas) vai no pieres (no dobumiem, no dobuļiem) laukā (ārā)* и адвербиальные – *ar baltām acīm (ar baltu aci; ar kaulainu aci, ar šķību aci, ar greizu aci, ar greizām acīm)*. Следует учитывать, что все ФЕ с компонентом *acis* способны характеризовать широкий спектр эмоций: *acis pārgriezis* – 'ar pārmērīgu piepūli', 'ar lielām dusmām'; *acis sprāgst (spriežas, krīt, lec, kāpj, lien, tek, pil, veļas) vai no pieres (no dobumiem, no dobuļiem) laukā (ārā)* – 'lielas dusmas, izbrīns, bailes, skaudība, ziņkāre, sāpes, piepūle, sasprindzinājums'; *ar baltām acīm (ar baltu aci; ar kaulainu aci, ar šķību aci, ar greizu aci, ar greizām acīm)* – 'dusmīgi', 'naidīgi', 'ar nelabvēlību, nenovīdību'.

ФЕ латышского языка с глагольным компонентом условно можно разделить на 3 группы, фиксирующие разную степень проявления эмоции. Градуальный характер интенсивности эмоций содержится в глагольном компоненте и дублируется в толковании значений глаголов:

1. *lēkt*, *kāpt*, в семном составе имеют семы ‘pēkšņi’, ‘ar strauju kustību’[9];
2. *tecēt*, *pilēt* (*tecēt, krist*), *krist* – ‘nestingri’, ‘viegli virzīties’[10];
3. *līst*, *velties* – ‘virzīties’, ‘parasti lēni’[11].

По компонентному составу ФЕ *acis sprāgst (spriežas, krīt, lec, kāpj, lien, tek, pil, veļas) vai no pieres (no dobumiem, no dobuļiem) laukā (ārā)* соотносимы с ФЕ русского языка: *глаза вылезли из орбит* – (перен.) ‘широко раскрылись от удивления’ (ср. также *таращить глаза на кого-что* – ‘смотреть широко раскрытыми глазами в удивлении, испуге’, *пучить глаза* (преимущ. от удивления)). Анализ показал, что значения русских ФЕ с компонентом *глаза* связаны с выражением других эмоций: удивление, испуг, недоверие, в отличие от ФЕ латышского языка.

Значения адвербиальных ФЕ с компонентом *acis/глаза* в латышском языке конкретизируются в контексте их употребления. Как показал анализ, ФЕ *ar baltām acīm* используется в значении ‘гнев’ (‘dusmas’) и интенсивность эмоции поддерживается контекстным лексическим окружением:

> *Pēdīgi vecītis piegājis gan pie galda, bet citi kungi bijuši par to noskaitušies un skatījušies uz vecīti ar baltām acīm.*[12] (P. Šmits)

> *– Vai palīga nevajadzēs? – viņa to uzrunāja. Saimniece paskatījās baltām acīm. – Nu, tādu palīgu lai suns apēd!*[13] (A. Upīts)

ФЕ *ar šķību aci*, *ar greizu aci*, *ar greizām acīm* в семном составе отражают широкий спектр эмоций: ‘naids’, ‘nelabvēlība’, ‘nenovīdība’, что подтверждается следующим иллюстративным материалом:

> *Arī vecā saimniece tevi jau novēro ar šķību aci.*[14] (E. Salenieks)

> *Esmu pats ar sevi nemierā, arī skolas direkcija raugās uz manis ar ļoti greizām acīm.*[15] (V. Plūdonis)

> *Tad viņa ar greizu aci paskatījās uz mani un noteica: – Tev, zeperi, gan pēc tiesas un taisnības tagad pienāktos nolaist bikses un kārtīgi nosukāt, tā, lai visu mūžu atceries.*[16] (A. Jansons)

Характерной особенностью использования ФЕ исследуемой группы в латышском языке является, во-первых, прием контамина-

ции: *acis pārgriezis + ar baltām acīm = baltās acis pārgriezis*, во-вторых, нанизывание ФЕ: *baltās acis pārgriezis [..] atņirgtos zobus sakodis, viņš atvēzējās un nosēkdamies cirta jājamo pātagu pa noliekto muguru...* (Upīts 8, 41)[17]. Оба приема направлены на интенсификацию семантики ФЕ.

По именному компоненту ФЕ *ar šķību aci*, *ar greizu aci*, *ar greizām acīm* соотносимы с ФЕ *косой взгляд*, имеющей в семном составе семы ‘недоверчивый’, ‘подозрительный’, ‘недружелюбный’ (ср.: на Руси «дурным» считался косой глаз).

Внешнее выражение *гнева* проявляется в изменении цвета лица. Покраснение кожи представлено в латышском языке ФЕ с компонентом *кровь*: *asinis sakāpj (saskrien) vaigos kādam*. В семном составе – ‘nosarkst’, ‘aiz dusmām’:

> *Roplaiņam asinis sakāpa vaigos.. “Meli tu!” tēvs dēlam uzbrēca. “Vai tu nekaunies mani stāvu apmelot, vai man liecinieki būs jāmeklē, ko?”*[18] (R. Blaumanis)

В русском языке этой ФЕ соответствует *покраснеть до корней волос*, но данная ФЕ имеет связь с другими эмоциями: смущение, стыд. Стоит отметить, что *покраснеть до корней волос* иногда употребляется и в значении ‘разгневаться’, *намек на вспыхивание огня*. (ср.: вспылить – пыл, пламя):

> *Не умолкая в лганье, мой патрон неожиданно указал на меня и произнес с улыбкою: «Вот везу детям француза – три тысячи счистил, басурман...» Я вспыхнул до корней волос от этого разговора... у меня захватило дыхание...*[19] (Гл. Успенский. *Нов. Времена. Три письма.* 2.)

По структуре ФЕ *asinis sakāpj (saskrien) vaigos kādam* также соответствуют *кровь бросилась в голову кому-то* (‘прийти в сильное волнение’), *кровь бросилась в лицо* (‘покраснеть от стыда, смущения’).

Внешнее выражение эмоции проявляется в изменении тембра голоса, а также тона. Это отражено в ФЕ *метать громы и молнии* (*метать перуны*). В семном составе рассматриваемой ФЕ есть семы ‘говорить гневно’, ‘чрезмерно упрекая’. На высокую степень интенсивности эмоции указывает сема ‘чрезмерно’:

> [Лотохин:] *Мало вывелось кохинхинских цыплят, вы ужасно разгневались; мечете громы и молнии, грозите всех прогнать, а недочет двухсот четвертей пшеницы вы проглядели.*[20] (А. Островский. *Красавец-мужчина*)

В этой ФЕ отразились мифологические представления о боге грома и молнии. Как уже упоминалось, компоненты *гром* и *молнии* свидетельствуют также о предельной степени выражения эмоции *гнев*. В латышском языке ФЕ с подобной семантикой не найдены.

Внешнее проявление эмоции связано с жестами: *kost sev (vai) pirkstos (pirkstā, pirkstus)*; *kost sev (vai) pirkstus nost*; *vīstīt dūres*. *Kost sev (vai) pirkstos (pirkstā, pirkstus)*; *kost sev (vai) pirkstus nost* – ‘dusmoties’:

> *Dusmās jākož vai pirkstos.*[21] (Z. Ērgle. *Operācija “Kanna”*)

> *“To es tev atdarīšu! To es tev atdarīšu!” Miķelis zvērēja, pacēla abas dūres pret brūveri un drebēja aiz dusmām no saltuma, jo no upes kāpa vēsa migla.*[22] (R. Blaumanis. *Dziru Miķeļa atriebšana*)

ФЕ данной группы в латышском языке отличаются большим количеством и вариантами компонентов.

В русском языке данной ФЕ по компонентному составу соответствуют *ломать руки (пальцы)*, *кусать локти*, однако они имеют связь с другими эмоциями (ср.: ‘не скрывать чувство горя, отчаяния’, ‘досадовать, очень сильно сокрушаться о непоправимом, упущенном’).

ФЕ *vīstīt dūres* представлена семами ‘paust dusmas’, ‘gatavoties atmaksāt’:

> *[..] vācu muižnieki, kas sēž gubernatoru un viņu palīgu krēslos, gan rāda Voldemāram laipnu vaigu, bet aiz muguras vīsta dūres pret šo ienīsto vīru.*[23] (H. Dorbe. *Brāļi, piecelieties*)

В русском языке встречается устойчивое сочетание *сжимать кулаки* со значением ‘сдавливать, стискивать’:

> *Я их сожму в кулак! Возьму в руки, стану держать построже.*[24]

Внешнее проявление эмоций отражается в манере поведения. *Эмоциональное состояние человека в своем развитии может достигать такой степени интенсивности, что поведение субъекта полностью выходит из-под контроля его сознания и перестает управляться его волей.*[25] Параметр *внешнее проявление эмоции* тесно связан с параметром *контролируемость – неконтролируемость эмоции*, который может выражаться в потере самообладания. В ФЕ *рвать и метать* аффект отражается в структуре значения и подчеркивается семами ‘неистовствовать’, ‘буйствовать’. Следует отметить, что это выражение проникло в русский литературный язык из картежного жаргона. Первоначально оно характеризовало азарт банкомета, который то и дело рвал, то есть распечатывал новые колоды и метал карты. Ана-

лиз показал, что данная ФЕ используется в контекстах, где компоненты ФЕ выступают как свободные словосочетания:

> *Он успокаивался только тогда, когда Харитина выходила из себя и начинала рвать и метать.*[26] (Д. Н. Мамин-Сибиряк. *Хлеб*)

> *<...> и она в один миг, после самых ярких надежд и фантазий начинала клясть судьбу, рвать и метать все, что ни попадало под руку, и колотиться головой об стену.*[27] (Ф. М. Достоевский. *Преступление и наказание*)

Следующие ФЕ данной группы – *spļaut baltu (melnu)*, *spļaut uguni*. В их семном составе есть семы ‘būt ļoti dusmīgam’, ‘nevaldīt par sevi’. На предельную степень проявления эмоции указывает также компонент *uguns* в составе ФЕ *spļaut uguni*. Об интенсивном проявлении эмоции свидетельствуют и цветовые компоненты в составе ФЕ *spļaut baltu (melnu)*. Можно предположить, что семантика цвета связана с фазами процесса горения. Огонь (красный, оранжевый, голубой) является основной фазой процесса горения. При нагревании (в определенных условиях) предмет (металл) может раскалиться до такой температуры, что становится белым (ср.: *до белого каления*). При нагревании дерева, например, в последней стадии происходит разделение на древесный уголь и смолу черного цвета. Это гиперболические метафоры, устанавливающие связи с универсальной метафорой *огонь* и передающие высокую степень проявления чувства.

Соотносимые ФЕ *плевать/плюнуть в душу* – ‘оскорбить самое дорогое, сокровенное’, *плевать/наплевать/плюнуть в глаза (лицо)* – ‘проявить крайнюю степень презрения, пренебрежения и т.п.’. Как видно из анализа, в обоих языках ФЕ с компонентом *плевать* связаны с силой выражения эмоции и потерей самообладания. И в русском, и в латышском языках компонент *плевать* полностью не утратил связи с прямым значением, что может являться свидетельством интенсивности рассматриваемой эмоции, проявленной в действии. В качестве доказательства приведем иллюстративный материал:

> *Это ты его за то, что он тебе в Женеве плюнул в лицо!*[28] (Ф. М. Достоевский. *Бесы*)

> *Да я за то, батюшка, вам плюну в лицо, коли вы честный человек.*[29] (Н. В. Гоголь. *Женитьба*)

> *“Velns, sātans, velns...” dvesa puika. Viņa sārtais ģīmis bij sarkans, platās lūpas slapjas un lūpu kaktos baltas putiņas. Piepeši viņš Juram iespļāva ģīmī.*[30] (R. Blaumanis. *Slepkavas*)

Подводя итоги, следует отметить, что ФЕ, отражающие внешнее проявление эмоций, характеризуют эмоциональные реакции человека на внешние раздражители. Значимую роль во внешнем проявлении эмоций играют ФЕ, описывающие лицо, фиксирующие выражение глаз, изменение цвета кожи. В основе значений ФЕ рассматриваемой группы лежат прототипические ситуации, связанные с наблюдениями за поведением человека, переживающего эмоцию *гнев*.

Сила проявления *гнева* отражена в ФЕ с компонентом *глаза* в обоих языках: ФЕ *сверкать/сверкнуть глазами* соответствует ФЕ *acis met zibeņus*. Безэквивалентные ФЕ латышского языка *acis pārgriezis*; *acis sprāgst (spriežas, krīt, lec, kāpj, lien, tek, pil, veļas) vai no pieres (no dobumiem, no dobuļiem) laukā (ārā)* отличаются вариативностью глагольного компонента. Наличие вариантов в компонентном составе ФЕ позволяет делать выводы о разной степени интенсивности исследуемой эмоции и отразить градуальное проявление эмоции (ср.: *acis kāpj vai no pieres (no dobumiem, no dobuļiem) laukā (ārā) – acis pil vai no pieres (no dobumiem, no dobuļiem) laukā (ārā)*). Анализ показал, что в ряде случаев соотносимые по структуре ФЕ русского и латышского языков называют разные эмоции (ср.: *глаза вылезли из орбит* – ‘удивление’; *ломать руки (пальцы)* – ‘горе, отчаяние’).

Отличительной чертой внешнего проявления эмоции *гнев* в латышской лингвокультуре можно назвать покраснение кожи. Оно отмечено в ФЕ *asinis sakāpj (saskrien) vaigos kādam* – ‘nosarkst aiz dusmām’. Специфичным представляется также наличие большого количества ФЕ в латышском языке, где гневное состояние проявляется в жестах: *kost sev (vai) pirkstos (pirkstā, pirkstus)*; *kost sev (vai) pirkstus nost*; *vīstīt dūres*.

Характерной особенностью внешнего выражения эмоции *гнев* в русском языке является изменение тембра голоса: *метать громы и молнии* (*метать перуны)* – ‘говорить гневно, чрезмерно упрекая’, в то время как в латышском языке ФЕ с подобным значением не обнаружены.

Внешнее выражение эмоции отражается также в манере поведения. Предельная степень проявления эмоции *гнев*, потеря контроля над поведением представлены в ФЕ *spļaut baltu (melnu)*, *spļaut uguni* в латышском языке и ФЕ *рвать и метать* в русском языке. ФЕ *плевать/наплевать/плюнуть в глаза (лицо)* обозначает также предельную степень выражения эмоции, несмотря на то, что семантически ФЕ русского и латышского языков с компонентами *плевать/наплевать/плюнуть – spļaut* не совпадают. Особенностью данных ФЕ является

использование в близком контексте соотносительных с ними свободных словосочетаний, что является свидетельством живой внутренней формы ФЕ и их связи с прототипической ситуацией. Спецификой ФЕ со значением *гнев* является фиксирование внешних изменений, происходящих с человеком: чем сильнее эмоция, тем ярче ее физиологические проявления.

---

[1] Апресян Ю. Д. Метафора в лексикографическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания* № 3, 1993, с. 27–35; Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание.* / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз. Москва: Русский словарь, 2001; Шаховский В. И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

[2] Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание.* / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз. Москва: Русский словарь, 2001, с. 18.

[3] Апресян Ю. Д. Метафора в лексикографическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания* № 3, 1993, с. 27–35.

[4] Шаховский В. И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012, с. 51.

[5] Маслова В. А. *Лингвокультурология*. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2001, с. 132.

[6] *Фразеологический словарь русского литературного языка.* В 2 томах. Т. 2. / Сост. А. И. Федоров. Москва: Цитадель, 1997, с. 218.

[7] Laua A. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Divos sējumos. 1. sējums. Rīga, 2000, 16. lpp.

[8] Белобородова А. В. Вариативность фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «безразличие» в русском и английском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* № 1(3). Тамбов: Грамота, 2009, с. 27–29.

[9] *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Astoņos sējumos. 4. sējums. Rīga, 1980, 144., 642. lpp.

[10] Turpat, $7_{2.}$ sējums, 474. lpp.; $6_{2.}$ sējums, 180. lpp.; $6_{2.}$ sējums, 429. lpp.

[11] Turpat, 4. sējums, 725. lpp.; 8. sējums, 376. lpp.

[12] Laua A. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Divos sējumos. 1. sējums. Rīga, 2000, 27. lpp.

[13] Turpat.

[14] Turpat, 23. lpp.

[15] Turpat, 24. lpp.

[16] Turpat.

[17] Turpat, 16. lpp.

[18] Turpat, 86. lpp.

[19] Михельсон М. И. *Большой толково-фразеологический словарь*. В 3 томах. Москва, 2004.

[20] *Национальный корпус русского языка*. www.ruscorpora.ru.

[21] Laua A. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Divos sējumos. 2. sējums. Rīga, 2000, 152. lpp.

[22] Turpat, 1. sējums, 274. lpp.

[23] Turpat.

[24] Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 томах. Т. 4. Санкт-Петербург, 1863 – 1866, с. 179.

[25] Апресян Ю. Д. Метафора в лексикографическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания* № 3, 1993, с. 27–35.

[26] *Национальный корпус русского языка*. www.ruscorpora.ru.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Laua A. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Divos sējumos. 1. sējums. Rīga, 2000, 122. lpp.

ЛИТЕРАТУРА

Laua A. *Latviešu frazeoloģijas vārdnīca*. Divos sējumos. Rīga, 2000.

(LLVV) *Latviešu literārās valodas vārdnīca*. Astoņos sējumos. Rīga, 1973 – 1996.

Апресян Ю. Д. Метафора в лексикографическом представлении эмоций. *Вопросы языкознания* № 3, 1993, с. 27–35.

Белобородова А. В. Вариативность фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «безразличие» в русском и английском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* № 1(3). Тамбов: Грамота, 2009, с. 27–29.

Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание.* / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз. Москва: Русский словарь, 2001.

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 томах. Санкт-Петербург, 1863 – 1866.

Маслова В. А. *Лингвокультурология*. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2001.

Михельсон М. И. *Большой толково-фразеологический словарь*. В 3 томах. Москва, 2004.

Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru.

Шаховский В. И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 томах. / Сост. А. И. Федоров. Москва: Цитадель, 1997.

Галина Питкевич

ВИРТУАЛЬНЫЕ АНТРОПОНИМЫ ХОККЕЙНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Summary

Virtual Anthroponyms Used by Hockey Fans in Internet Communication

The present article is focused on the peculiarities of sports communication online. Development of Internet communication has led to a widespread use of proper names. Anyone entering the Internet space has to create a nickname for virtual communication. These nicknames are necessary to identify the user within the virtual environment – forum, chat, conference, or webinar. From a technical point of view, nickname is a unique sequence of characters (numbers, letters, special graphic characters). There cannot be complete namesakes within virtual communication.

The article analyzes virtual anthroponyms found within Russian and Latvian hockey sites. As a rule communication among fans is taking place in the form of comments in response to announcement of matches, published interviews and analytical articles. It is clear that the main topics of these chains are hockey matches, victories, defeats, forecasts, athletes, coaches, judges, transitions of players to other teams, etc. However, it is not only the news that is discussed in these chains; sometimes it is instead a space for settling relationships and arguing among the fans. Often there are so-called 'trolls' within these chains provoking and bringing arguments to live. The regular structure of these chains is constituted of both side fans and also these trolls. Therefore the nicknames of communicants, as a rule, contain identification tags allowing to determine the affiliation of each one of them. Trolls also usually declare their role in a nickname. Thus, nicknames in sports communication, unlike other web communities, serve as identifiers of the persons taking part in the conversation.

Key-words: Internet communication, Russian Internet, forum, chat, trolling, flood, fans, virtual anthroponyms, nicknames, nicknames designation

*

Интернет-коммуникация и ее признаки

Интернет сегодня – неотъемлемая часть коммуникации. Он выработал свой язык и свой стиль общения. Повышенная скорость обмена текстами, особенно в онлайновом режиме, приводит к ощущению спонтанности речи, при этом отсутствует продуманный план изложения, появляется стилистическая небрежность, ошибки, описки, к которым коммуниканты относятся с пониманием. Эти явления отмечаются на чатах, которые, благодаря скорости обмена фразами, становятся особой формой общения, промежуточной между письменной и устной, отражающей на письме все характерные черты устной речи. Принимая во внимание степень популярности и распространенности Интернета, многие исследователи полагают, что компьютерно-опосредованная коммуникация является сегодня знамением нашего времени и выражает его дух. М. М. Бахтин писал, что *в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры*[1].

В наше время такими жанрами следует считать жанры интернет-коммуникации, такие, как, например, форумы, блоги, чаты и т.п. Активное развитие Интернета как коммуникативной среды привело к тому, что за последнее десятилетие появилось значительное число лингвистических работ, посвященных данной проблематике. По мнению Е. И. Горошко, *на данный момент можно уже говорить о формировании особой дисциплинарной парадигмы «Лингвистика Интернета». Ее исследовательским объектом является электронная коммуникация, под которой понимается коммуникативное взаимодействие в глобальной компьютерной сети Интернет, а предметом исследования становятся лингвистически релевантные особенности электронной коммуникации на различных языковых уровнях: морфологическом, лексическом, синтаксическом, текстовом (на уровне текста или совокупности текстов), коммуникативном (уровне коммуникативной стратегии) и т.д.*[2]

Некоторые ученые считают, что появилось особое электронное письмо (*третья форма речи*, наряду с *устной* и *письменной*), а также особая функциональная разновидность языка.[3] По мнению Л. Ю. Иванова, об этом свидетельствуют в числе прочих следующие факторы:

во-первых, сфера функционирования этого языка средств электронной коммуникации четко отграничена от других сфер комму-

никации, так как она осуществляется при помощи технических электронных средств и является всегда опосредованной ими;

во-вторых, этот язык служит удовлетворению специфических коммуникативных целей (*фатической цели* – контактоустанавливающей, т.е. общение ради общения и т.д.). Этот язык нельзя связать ни с одной специальной сферой коммуникации или типом дискурса (научного, религиозного, образовательного и прочее). И эта разновидность языка наряду со специфическими зонами и функциями «обслуживает» и обыденное человеческое общение.[4]

По мнению Е. И. Горошко, интернет-коммуникацию характеризуют следующие черты:

- *полифоничность общения*, объединяющего в себе громадное количество различных типов дискурса и речевых практик;
- *анонимность* и *дистантность* наряду с физической непредставленностью коммуникантов, возможностью «отсоединиться» в любой момент от общения в Сети, отсутствием инструментов принуждения способствуют, с одной стороны, усилению девиантного коммуникативного поведения (т.е. поведения, отклоняющегося от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся норм в определенных сообществах в тот или иной период их развития), когда до минимума снижается ответственность за свои проступки в Сети (в случае интернет-коммуникации это явления *спама*, *троллинга* или *флуда*). С другой стороны, *анонимность* и *дистантность* стимулируют нарушение языковой нормы в целях установления и поддержания виртуальных контактов. В Сети существует проблема постоянного создания, поддержания и удержания контакта, что требует максимальной мобилизации предназначенных для этого языковых средств. И это *не только нарушения языковой нормы*. По наблюдениям многих лингвистов и по данным разных языков, обслуживающих Интернет, здесь исключительное значение приобретают *перформативные высказывания*. Ситуация установления и поддержания контакта приводит к коммуникативному новаторству, делая это общение необыденным и оригинальным. Креативность языковой виртуальной личности в коммуникативном пространстве Сети постоянно растет. В Интернете наблюдается взрыв народного речетворчества, захватывающий все языковые уровни, но особенно ярко это проявляется в сетевой лексике и особом компьютерном сленге, в возрождении эпистолярного жанра, частом использовании приемов языковой игры и пр. Однако часто это новаторство выра-

жается в намеренном *отклонении от графических и грамматических языковых норм*. Исследователь языка Интернета Кирилл Денисов считает, что вся интернетовская «кривография» должна основываться на грамотном письме, иначе ведь ее никто не заметит. Ошибка становится забавной тогда, когда пишущий твердо знает, в чем она состоит[5];

- *эмоциональная* насыщенность виртуальной коммуникации, имеющая компенсаторный характер в условиях практически полного отсутствия невербальных средств для передачи эмоций и описания эмоциональных состояний, достигается в этой среде с помощью графических средств (использование заглавных букв, повторений пунктуационных знаков, смайлики и пр.)[6].

Для общения в виртуальном пространстве Интернета коммуниканты используют виртуальные антропонимы, заменяющие их личные имена. К ним относятся никнеймы, прозвища и прозвищные именования. Поскольку участники общения стремятся получить необходимую информацию о собеседниках (пол, возраст, хобби, любимая команда и т.д.) по нику, аватару или прозвищному имени, это заставляет их особенно тщательно относиться к выбору своего виртуального имени.

Виртуальные антропонимы на хоккейных сайтах в Рунете

В статье рассматриваются виртуальные антропонимы, представленные на русскоязычных хоккейных сайтах. Общение между болельщиками там происходит на ветках анонсированных матчей, интервью или аналитических статей. Понятно, что главными темами общения являются ход матчей, победы, поражения, прогнозы, спортсмены, *коучи* (тренеры), *полосатые* (судьи), переходы игроков в другие команды и т.д. Но не только это обсуждается на ветках, здесь горячо выясняются отношения между болельщиками команд-соперниц, с одной стороны, и с другой – между болельщиками и троллями. Следует отметить, что на спортивных сайтах, и не только хоккейных, процветают троллинг и флуд.

Троллинг (от англ. *trolling*, что означает ‘ловлю рыбы на блесну’) – это вид виртуального общения, в котором один из участников – тролль – нагнетает гнев, конфликт или осознанно начинает задирать, принижать, скрыто или явно оскорблять другого участника, вызывая конфликт, при этом нарочно нарушая правила сайта и этику сетевого взаимодействия. Это выражается в форме агрессивного,

издевательского и оскорбительного поведения. Основной целью троллинга является вывод собеседника на отрицательные эмоции.

Флуд (в переводе с англ. *flood* – 'наводнение') – обозначает беседу, которая не имеет в качестве основы какой-либо смысловой нагрузки. Флудом называют пустословие, сообщения на разнообразных форумах, чатах, которые занимают большой объем и не несут полезной информации. Запрет на использование флуда – одно из главных правил общения в сети. Часто причиной флуда является троллинг.

Особенностью общения на спортивных ветках являются три группы коммуникантов: первые две представляют *болел* (болельщиков) команд-соперниц, которые играли в данном матче, а третью составляют тролли. Такое трехстороннее общение представляет собой как бы продолжение *банкета*, т.е. матча. Поэтому ники коммуникантов, как правило, содержат опознавательные метки, своего рода форму, позволяющую определить без лишних вопросов, болельщиком какой именно команды является собеседник. Наиболее распространенные метки – названия команд (официальные или прозвищные), топонимы (названия города, региона или страны), связанные с командой, или имена ее игроков. Троллей также можно определить по их, как правило, агрессивным никам. Тех коммуникантов, кто остается инкогнито (в плане – не открывает свою команду), или тех, кто *топит*, т.е. болеет, за другие команды, не игравшие в матче, на который администрация сайта создала ветку, игнорируют или даже изгоняют. Вследствие этого коммуниканты крайне ответственно подходят к выбору своего виртуального имени, ведь оно служит своего рода паспортом, пропуском в круг виртуальных болельщиков. При продолжительном общении коммуниканты знакомятся, узнают настоящие имена друг друга, даже дают прозвища (!) и продолжают общаться, обращаясь уже по имени или прозвищу. А ники механически пересылают и используют как адрес. Надо заметить, что прозвища на хоккейных ветках весьма «летучи», да часто и прозвищем в классическом понимании не являются.

На мой взгляд, М. Ю. Стрельцова удачно называет такие антропонимы *прозвищными именованиями*. Она считает, что прозвищные именования – это любое дополнительное неофициальное именование лица (или другого объекта), функционирующее в непринужденной обстановке и обладающее экспрессивностью и мотивированностью. Кроме того, они могут называться ономастической лексикой лишь условно, так как в данный вид номинации включается не только

онимическая лексика, но и лексика апеллятивная. Таким образом, прозвищные именования обладают следующими категориальными признаками: *неофициальность*, *вторичность*, *факультативность*, *экспрессивность*, *непринужденность*, *мотивированность*. Они, помимо присущей всем онимам номинативной функции, обладают характеризующей, индивидуализирующей, дескриптивной, идеологической, эмоционально-оценочной, идентифицирующей, контактоустанавливающей и игровой функциями. Прозвищные именования функционально привязаны к неформальной межличностной коммуникации со сниженной и фамильярной тональностью, характеризуются отношением к определенным субкультурам.[7]

Прозвищные именования хоккейных болельщиков

По тематическому признаку среди прозвищных именований, представленных на хоккейных сайтах, можно выделить следующие группы:

Агрессивные:

Злодей, FreDDy Kruger, BADDOG, злой мусор, naglets, zlobniizritel, stervozina, Жесть, Маркиз де Сад, Gad, MadGreg, Джон-...Сильвер, stinger998, StingRay

Визуальные (даются за внешний облик человека в целом):

Borodach82, bugai, gnom99 (depulant@mail.ru), dedylia, Dedushka 81

Характеризующие (создаются на базе различных, чаще отрицательных, оценок человека, а также особенностей его поведения, увлечений, социального статуса и профессиональной деятельности):

Indieveed, krutoikirill, de_bill (нас иТУТ, а мы крепчаем) (de_bill@mail.ru), sadman, Remchik (Неисправимый алганавт :))), govorun, Трольпитнаццыть, aristokrat-kz, токарь1963, Культуролог, Beststomatolog, парикмахер, Магистр 53, Literator, biggeneral, ЦЕНЗОР, Beermacht, каудильо

Виртуальные прозвищные именования иногда могут быть мотивированы **апеллятивами**, не несущими дополнительных, присущих другим группам спортивных никнеймов, смыслов: Rocknroll, Pulse 360, Rain, Полотенце, ЭлектроВеник.

Гораздо чаще виртуальные именования мотивируются официальными и неофициальными **этноминациями**:

tatarin025, Skif;
кануки, бобры, бобростан – канадцы, Канада;
пиндосы, америкосы – американцы;
финики – финны;
сырники – швейцарцы;
макаронники – итальянцы;
шпроты, лабусы, карминовые – латыши.

Самую многочисленную группу составляют ***антропонимические*** прозвищные номинации, которые мотивируются антропонимами. Они могут быть образованы:

по вымышленному имени – Рубероид Варфоломеевич, Иван Пупкин, Откат Распилов, Адреналин Адреналинов, Инокентий Гарнастаив, sladik-84;

по настоящему официальному или неофициальному имени – andreyeremeev, danildanilov90, Eshe Robert, Валерий Ефремов, evgen-petrov-2013, Петров (sergei.avs@mail.ru), aleks19, andreyka (tania-pa@mail.ru), Игорёк один (borka4455@mail.ru), Андрей71 (orionop@mail.ru), E pifan;

по именам или номерам хоккеистов – друг Бару, biahockfoot (Kovy71), hemsky (*И за команду за одну мы все болеем*), Radulov47, modano99, №13, Lennox (jaromirjagr87@yandex.ru), Знакомый Наилича, Вовчик Войтов, Братья Гимаевы, Kovalchuk (kov83@mail.ru), tikhon10, redlihs, zaripov25.

Отдельную и многочисленную группу виртуальных прозвищных имен представляют ники болельщиков, указывающие на их любимую команду прямо (через ее официальное или прозвищное именование) или косвенно (через топоним):

а) *прозвищные именования, содержащие название команды (официальное или прозвищное) или ее символику*:

ники болельщиков *ТРАКТОРА*

Механизатор, MadeInChelyabinsk, Юж.Урал (traktor.xk@mail.ru), Traktor – The Best!!!, черно-белый (цвета команды)

ники болельщиков *ДИНАМО Москва*

Za Dinamo, злой мусор, dynamo2014, за мусорков еще надо притопить, бело-голубой (цвета команды)

ники болельщиков *ДИНАМО Рига*

RIVAAA DR, Twist (Динамо Рига), smash (карминовый етун – пленных не берет), карминовый (цвет команды)

ники болельщиков *ЛОКОМОТИВ Ярославль*
loko-forever, bronepoezdfan, parovoznik76, шпала

ники болельщиков *МЕТАЛЛУРГ Магнитогорск*
Magnitka174, reggyon22 (mmg), ИП174 (ММg-сила!!!), chaser (Металлург Магнитогорск = Кубок Гагарина!!!)

ники болельщиков *АК БАРС Казань*
kaz-barc, ap-ak-bars, кошколюб

ники болельщиков *АВАНГАРД Омск*
nrw-avangard, rodgeras (Всё равно, Авангард лучший!!!!), hant-ava

ники болельщиков *ТОРПЕДО Нижний Новгород*
Кто в Сборной Торпэдун ??, торпеда

ники болельщиков *САЛАВАТ ЮЛАЕВ Уфа*
БолелаСЮ, Бездаркин (СЮ-КГ!), magyar (не любишь зелень – жуй помет), green_heart, UFAsalavat, Green_Hunter_ (Агент Дацюка: Ак Барс – это разговор ни о чем), Sюbulba, зеленый (цвет команды)

ники болельщиков *АТЛАНТ Мытищи*
Amadei (Атлант), БолАт (aus@mail.ru)

ники болельщиков *СПАРТАК Москва*
Гладиатор7, спартач, красно-белый (цвета команды)

ники болельщиков *СКА С-Петербург*
brakodel (*ГазМяс-55* ни рогов, ни копыт...), Green eyes (СКА!!! Юкку снова люблю!!!), armeezz, RomeroSPB, регион78 (СКА – кузница олимпийских надежд..)

ники болельщиков *ЦСКА*
hcska1946, PSK.Narva.ee (ЦСКА)

ники болельщиков *АМУР Хабаровск*
ɹ nɯ ɐ

б) *прозвищные именования, содержащие топоним (город, регион или страна)*:

Yarik, Yaroc, Noname(Yar), diman-nn (*ТОРПЕДО Нижний Новгород*), vlad1973 (нижнийновгород), kimsterSpb (город на Неве) (*СКА С-Петербург*), Latvija (Riga) (men696@inbox.lv), Technic (LV, Riga), vang_lv, Anatoli_kz, город САЛАВАТ, ilgiz (Ufa), Кумертау (b.fidan2012@yandex.ru), Южный Урал, Дядюшка Мокус (KAZAN), Эд_19 (Казань), Алла (УФА-ГОРОД СОЛНЦА И ЛЮБВИ!!!!!), nevskoe-ice, омский пингвин, Gaargod (Хабаровск), CAPITAN_FLINT (Свердловскаяобл.) (capitan_flint@list.ru), ALx (СПб (aka Брент Со-

пел =))), ANT (Riga) (ant7@inbox.lv), Котлин, landoffruss1aNd, Nuker-Nuker (Мурманск), Sofi79 (РБ), Russia Russia, aristokrat-kz, НиНа (от Нижний Новгород)

Ники, мотивированные спортивными терминами

Comeback, hok277, forward, Hokkeist

Ники-лозунги, призывы и сообщения, послания

LordStanley (Объявлен набор в модеры. Адекватов просьба не беспокоить!), Люблю макароны, vpanike, ya-pridumal-khl, za-dobro-vsegda, Smotri Play-Off, Верим Валера, Анти жив, Русские вперед

Ники-маски

Фрёкен Бок, MarkizMonpans'e, Cruz, Дядя Скрудж, Адриано Челентано, Michelangelo.ru, Graf de Nibelung

Ники непонятные

Shiningforce, boomsic (баблальчук), SAW, ruve (...), 33.Айзат (33.aizat@mail.ru), Treidler, Buzz, Larss, a_k, shadea, точка P, XsHaWnX (xshawnx87@inbox.ru), Dundee, Viktuz

Источником для исследования послужили спортивные российские и латвийские порталы: sportacentrs.com, allhockey.ru, sports.ru, championat.ru, sportbox.ru, sovsport.ru, sport-express.ru, hockey-world.net.

Заключение

Таким образом, виртуальные антропонимы хоккейных болельщиков представлены никами, прозвищами и прозвищными именованиями. Спецификой этих номинаций является то, что они часто сопровождаются своеобразными лозунгами, девизами, посланиями, регулярно обновляющимися и отражающими эмоциональное состояние их носителей. Такие антропонимы имеют только графическую форму, они не предназначены для произнесения, поэтому в них могут быть нарушены все закономерности фонетической сочетаемости. Все они крайне экспрессивны, способами выражения экспрессии служат графические средства (буквы различных алфавитов, они могут комбинироваться, могут писаться перевернуто, пунктуационные знаки, смайлики, аватары).

Подавляющее большинство виртуальных прозвищных имен составляют ники болельщиков, выполняющих функцию опознавательных меток. Такие антропонимы образуются от официальных или

неофициальных (прозвищных) названий любимой команды, ее символов (цвета формы, эмблемы и т.д.), от имен ее выдающихся игроков или от топонимов, связанных с командой.

Виртуальные прозвищные имена хоккейных болельщиков несут в себе сильный эмоциональный заряд и отражают существенный фрагмент картины мира русского языка, где предельно ясно обозначены «свои» и «чужие».

---

[1] Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. *Собрание сочинений*. Т. 5. Москва: Русские словари, 1996, с. 167.

[2] Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 5. Орел: Картуш, 2007, с. 223–237. Интернет-публикация: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76 (02.11.2013).

[3] Трофимова Г. Н. *Языковой вкус интернет-эпохи в России (Функционирование русского языка в Интернете: концептуально сущностные доминанты)*. Монография. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Изд-во РУДН, 2008, с. 53–59.

[4] Иванов Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации. *Культура русской речи*. Москва: Флинта – Наука, 2003, с. 791–792.

[5] Денисов К. *Умераед зайчег мой. Русский интернет прощается с русским языком*. 2006. Интернет-публикация: http://izvestia.ru/news/313288 (02.11.2013).

[6] Горошко Е. И. Интернет-коммуникации в гендерном измерении. *Вестник Пермского университета*. Выпуск 3. *Язык – культура – цивилизация*. Пермь, 2006. Интернет-публикация: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=88 (02.11.2013).

[7] Стрельцова М. Ю. *Прозвищные именования в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Владивосток, 2010, с. 7–11.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. *Собрание сочинений*. Т. 5. Москва: Русские словари, 1996.

Горошко Е. И. Интернет-коммуникации в гендерном измерении. *Вестник Пермского университета*. Выпуск 3. *Язык – культура – цивилизация*. Пермь, 2006. Интернет-публикация: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=88 (02.11.2013).

Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Вып. 5. Орел: Картуш, 2007, с. 223–237. Интернет-публикация: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76 (02.11.2013).

Денисов К. *Умераед зайчег мой. Русский интернет прощается с русским языком*. 2006. Интернет-публикация: http://izvestia.ru/news/313288 (02.11.2013).

Иванов Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуникации. *Культура русской речи*. Москва: Флинта – Наука, 2003.

Стрельцова М. Ю. *Прозвищные именования в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели)*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Владивосток, 2010.

Трофимова Г. Н. *Языковой вкус интернет-эпохи в России (Функционирование русского языка в Интернете: концептуально сущностные доминанты)*. Монография. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Изд-во РУДН, 2008.

Валентина Калинина

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЦЕННОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТОВ

Summary

Person Name as the Value: Students' Perception

Person names constitute a lexical field that is not only important for the native speakers but also being an important sign that provides an insight into the culture of the community.

Person names are significant components of individual and ethnic identities. No doubt, in cross-cultural communication our interpretation of how person names are used might be shaped both by our own identity and that of our interlocutor. For all that we are not entirely free from difficult decisions, however, we still have to gauge the formality of the situation as well as our interlocutor's age, position before deciding to use his/her first name or first name + patronymic, or the title + surname. In this respect, broader competence contributes to the effective intercultural communication manifesting both understanding and tolerance.

Thus, person names are the sign of identity. National person names have an intricate relationship with the background: national history, traditions, religious faith, culture.

Each ethnic group faced with interference in person names from the outside feels the threat of a crisis of identity. The future of linguistic and cultural diversity and tolerance in a multicultural community depends upon the ability to understand that a person name bears the primary meaning of identity in common usage. Any study of language needs to take into consideration the functions of person names functions, how they are used in everyday life in various situations.

The knowledge of cultural differences and self-knowledge of how we usually respond to those differences can make us aware of hidden prejudices and stereotypes which are barriers to tolerance, understanding, and effective cross-ethnic communication.

Key-words: person name, culture, identity, self-knowledge, communication

*

Введение

Имена собственные являются неотъемлемой частью словарного состава любого языка. В чисто грамматическом аспекте все собственные имена являются обозначениями предметов. Вместе с тем личные имена имеют специфику. Имя отличает своего носителя от всех остальных людей, особенно в его самосознании, то есть является элементом самоидентификации. Как отмечают исследователи, собственные имена первыми усваиваются ребенком и последними утрачиваются при некоторых расстройствах речи. Имена функционируют как определенные социальные знаки, указывающие на национальность, социальный статус, происхождение, семейное положение и многие другие качества своих носителей.

В языкознании второй половины XX и начала XXI века на первое место выходит антропоцентрический подход в изучении любого явления. Наряду с продолжающимся описанием системы или структуры языка предпринимается многоплановое изучение языковой активности говорящего/слушающего, его языковых предпочтений, знаний, умений и компетенций. Особую актуальность приобрели антропонимические исследования. Как теоретический, так и практический интерес вызывает анализ личных имен – главных идентификаторов индивидуума в социуме. Функционирование антропонимов в коммуникации представляется особенно перспективным для осмысления, так как позволяет выявить личностные параметры человека, такие, как отношение к собственному имени и функционированию имен в различных сферах общения.

Собственное имя в структуре личности

Структуру личности и составляющие ее компоненты изучали известные ученые, начиная с 60-х годов XX века. Это В. Б. Ольшанский, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, Д. Н. Узнадзе, П. П. Лакис, А. А. Редович, В. С. Мерлин, В. Н. Мясищев, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, Б. Д. Парыгин, А. В. Иващенко, Н. В. Фролова и др. Их исследования выявили важнейшие элементы структуры личности – потребности и личностные ценности.

Присвоенные индивидуумом общечеловеческие ценности в психологии обозначаются понятием «личностные ценности» или «субъективные ценности», которые Д. А. Леонтьев определяет как

«консервированные» отношения личности с миром, отражающие инвариантные аспекты общечеловеческого опыта[1]. Каждой личности присуща индивидуально-специфическая иерархия личностных ценностей, которые выступают связующим звеном между духовной культурой общества и духовным миром личности, между общественным и индивидуальным бытием, являются механизмом детерминации индивидуальной жизнедеятельности, социокультурными регуляторами, формами представленности последних в психологической структуре личности.

Система личностных ценностей складывается в процессе деятельностного «распредмечивания» индивидуумом содержания общественных ценностей, объективированных в произведениях материальной и духовной культуры. Этот процесс является существенной составляющей социализации личности. В структуре зрелой, развитой личности ценности выполняют функцию перспективных стратегических жизненных целей и мотивов жизнедеятельности, реализация которых выражается во вкладе личности в культуру, создании новых, объективированных форм ценностей.

Таким образом, взаимодействие личности и социальных общностей выражается во взаимопереходах социальных и личностных ценностей. *Становление системы ценностей в процессе индивидуального развития происходит путем интериоризации ценностей больших и малых социальных групп и превращения их в источники индивидуальной мотивации, наряду с генетически более ранними индивидуальными потребностями.*[1]

В систему личностных ценностей человека психологи включают имя. Как часть самосознания имя определяет ценностные ориентации человека в его притязаниях на признание, в особенностях этнической и половой идентификации, в характере выстраивания жизненных перспектив, в системе установок, прав и обязанностей. Психолог О. Д. Волчек подчеркивает, что имена можно сравнить с наследственными родовыми типами в генетике, с конституциями и архетипами. Имена – это фокусы социальной энергии. Имя идентифицировано с телесной и духовной индивидуальностью. Исследователь указывает, что *звуки речи, звуки имени собственного являются одним из важнейших условий среды обитания человека.*

> *Наибольшей личностной изменчивостью под влиянием условий среды, воспитания и деятельности обладают мозговые функции коры головного мозга. Таким образом, имя как многолетний зву-*

ковой и вибрационный раздражитель воздействует на мозговые функции головного мозга, влияет на развитие индивидуальности человека.[2]

И. С. Кон пишет о том, что в чисто грамматическом аспекте все собственные имена суть обозначения предметов и одновременно средства коммуникации. Но личные имена имеют специфику, которая заключается в том, что имя отличает своего носителя от всех остальных людей, особенно в его собственном сознании. *Личное имя как бы подтверждает и утверждает достоинство индивидуальности.*[3]

Современное студенчество как особая социально-возрастная группа

Современные социально-психологические представления о студенчестве включают в себя разноплановые характеристики (И. С. Кон, А. Б. Кокин, В. Т. Лисовский, Т. Э. Петрова, Н. А. Вершинина, В. И. Добрынина, Т. Н. Кухтевич, А. Н. Семашко). Данные исследователи отмечают, что термин «студенчество» обозначает собственно студентов как социально-демографическую группу, характеризующуюся определенной численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением и т.д.; определенным общественным положением, ролью и статусом; особую фазу, стадию социализации (студенческие годы), которую проходит значительная часть молодежи и которая характеризуется определенными социально-психологическими особенностями.

Студенчество выполняет особую роль в системе общественного разделения труда, которая заключается в подготовке к выполнению функций интеллигенции. Не участвуя постоянно в производстве материальных и духовных ценностей, студенчество тем не менее частично участвует в опосредованном производительном и непроизводительном труде в форме учебы, роль которой в обществе возрастает.

В качестве отличительных черт студенчества как общественной группы исследователи называют характер труда студентов, заключающийся в систематическом накоплении, усвоении, овладении научными знаниями. Как социальная группа студенчество является объединением молодых людей с определенными социально значимыми устремлениями и задачами. Типичной чертой, свойственной представителям данной группы, является осознание социального престижа. В обществе принято мнение о том, что студенчество является наиболее подготовленной, образованной, воспитанной частью молодежи.

Важной особенностью является то, что специфика обучения в вузе приводит студенчество к большой мобильности и возможностям общения, в том числе межкультурного. Поэтому довольно высокая интенсивность общения и его высокий содержательный уровень – это специфическая черта студенчества.

Социально значимой чертой студенчества является также напряженный поиск смысла жизни, стремление к новым идеям и формирование системы ценностей.

Анализ работ указанных выше авторов позволяет сформулировать вывод о том, что студенчество, являясь составной частью молодежи, представляет собой специфическую социальную группу, характеризующуюся особыми условиями жизни, труда и быта, социальным поведением и психологией, системой ценностных ориентаций. В рамках нашего исследования студенчество анализируется фрагментарно, на уровне отношения к имени собственному. Но это очень значимый показатель, поскольку он позволяет выявить некоторые черты личности и речевого портрета представителя данной социальной группы в современном обществе.

Антропоцентрический подход к анализу любых явлений и фактов, провозглашенный современным языкознанием, приобретает особый смысл при изучении отношения студентов к собственным именам. Личное имя, будучи элементом языковой системы, является главным идентификатором человека в социуме. Предпринятое исследование реализует социолингвопсихологический подход к личности современного студента, а его замысел возник также из педагогического интереса к проблеме.

Практическое исследование: организация и методика проведения

Для получения качественных данных о восприятии студентами их имен собственных и анализа отношения к ним было важно комбинирование разнообразных методов, техник и процедур, составляющих в комплексе формирующий эксперимент. Он был проведен на основе поставленной исследовательской задачи, имел оригинальную разработку и авторский характер.

Базой исследования является профессиональная бакалаврская учебная программа Лиепайского университета *Руководство внешними связями* (*Ārējo sakaru vadība* – augstākās izglītības profesionālā bakalaura studiju programma).

Комплексное исследование осуществлялось на протяжении ряда лет:

- на этапе создания и подготовки программы к лицензированию и аккредитации разрабатывались содержание и структура учебного курса *Антропонимика*. Объем курса – 2 КП, статус – раздел В учебного плана – обязательный предмет, этап реализации – пятый учебный семестр;
- на этапе преподавания учебного курса (2008/2009; 2009/2010; 2010/2011; 2011/2012 уч. гг.) его содержание апробировалось, совершенствовалось и при необходимости корректировалось.

Ход исследования. Целью курса *Антропонимика* является создание учебных условий для овладения основами антропонимики как раздела науки о языке. В задачи включено усвоение лингвистических и культурно-исторических особенностей антропонимов, а также особенностей их функционирования в различных коммуникативных ситуациях. В связи с тем, что профессиональная деятельность выпускников профессиональной бакалаврской программы *Руководство внешними связями* – это главным образом многообразная коммуникация, дополнительную значимость приобретает изучение антропонимов в коммуникации. По определению А. В. Суперанской, собственные имена – это слова, одновременно самые общие и самые специальные, самые международные и самые национальные.[4]

Студенты в рамках указанной программы изучают обязательные языки: латышский, русский, английский, а также еще один язык по выбору (немецкий или французский). Это способствует формированию представлений об антропонимической системе разных языков и овладению общекультурными компетенциями, такими, как:

- ориентироваться в системе общечеловеческих ценностей и учитывать ценностно-смысловые ориентации различных социальных, национальных, религиозных, профессиональных общностей и групп;
- руководствоваться принципами культурного релятивизма и этическими нормами, предполагающими отказ от этноцентризма и уважение своеобразия иноязычной культуры, проявляющегося в том числе и в употреблении имен собственных;
- владеть основными дискурсивными способами реализации коммуникативных целей высказывания применительно к особенностям текущего коммуникативного контекста (время, место, цели и условия взаимодействия).

Безусловно, на момент поступления в университет молодые люди уже имеют большой коммуникативный опыт, связанный в том числе и с функционированием антропонимов в межкультурном общении. Этому способствует многонациональная окружающая среда, открытость границ, свойственная молодежи мобильность, Интернет и др. Однако и в наше время образование оказывает решающее влияние на личность как в профессиональном, так и в общекультурном плане. Изучение антропонимики как учебного предмета способствует не только лингвистическому образованию студентов и их профессиональной подготовке, но и личностному самосовершенствованию и воспитанию.

Источники исследования. После выполнения программы учебного курса *Антропонимика* на завершающем его этапе студенты всех групп писали эссе *Мое имя*. Нами проанализировано 87 работ, написанных в период с 2008 по 2012 годы, с целью выявления отношения студентов к их именам и критериев оценки значимости имен для их носителей. Для решения поставленной задачи были использованы методы исследования: описательный, аналитической индукции, статистический.

Каждое эссе было прочитано, проанализировано и охарактеризовано путем присвоения ему признаков, названных автором в числе личностно значимых при определении ценности собственного имени. Например, Artūrs Bitenieks (1. *izvēlējās mamma par godu vienam aktierim*; 2. *ar savu vārdu vienmēr esmu bijis apmierināts*; 3. *draugi mēdz locīt – Arčis, Artūriks*; 4. *ārzemnieki izrunā skaidri un saprotami, viņiem nav svešs šis vārds*; 5. *nekad nebiju lasījis vārda skaidrojumu*). Аналогичным образом обрабатывались остальные работы.

На основании этого из всех использованных авторами эссе и выделенных нами критериев были вычленены общие и повторяющиеся во всех работах. Таковых оказалось три, условно их можно определить следующим образом:

- связь с семьей/родителями/родными;
- комфортность «сосуществования» со своим именем;
- удобство в коммуникации.

Для 86% студентов при описании своего имени важным является его выбор в семье, и большинство из них знают обстоятельства этого выбора. Примеры:

> Evita: *[..] jautājot saviem vecākiem par to, kā personīgi man tika piešķirts šis vārds, uzzināju, ka tas noticis izlozes ceļā. Tika atrasti daži, viņuprāt, piemērotākie un skaistākie vārdi, un rezultātā, izvelkot lapiņu ar vārdu "Evita", tiku pie šī vārda, ar ko ļoti lepojos.*

Linda: *Man pašai ļoti patīk savs vārds un esmu apmierināta ar savu vecāku izvēli. Domāju, ka bieži, bet ne vienmēr vārds pats atrod savu valkātāju.*

Кира: *Имя Кира понравилось моей маме еще в школьные годы, так звали сестру ее одноклассницы. Перед моим рождением стоял выбор, как меня назвать – Александрой или Евгенией, но в конце 80-х этими именами новорожденных девочек называли очень часто, поэтому мне досталось редкое имя Кира. За редкость я и люблю свое имя.*

Marta: *Slimnīcā guļot, mana māmiņa domāja iespējamos variantus, lai atgriežoties mājās ar tēti kopīgi varētu vienoties par manu vārdu. Tanī laikā populāra bija latviešu mākslas filma "Ilgais ceļš kāpās", kur galvenā varone bija Marta. Arī tēta pirmais izdomātais vārds bija Marta.*

Екатерина: *В детстве моей маме была подарена кукла, которой изначально, по всей видимости еще производителем, было дано имя Катя. Куклу не стали переименовывать. Мама в Катьке души не чаяла. Уже тогда, будучи еще совсем маленькой девочкой, она с гордостью заявляла, что, когда у нее родится дочь, она непременно назовет ее Катей. Так все и произошло.*

91% студентов в качестве обстоятельства, определяющего ценность имени, называют комфортность существования с ним, возможность приспособить свое имя к различным видам общения, привычность, культурную коннотированность. В нашем исследовании не выявлено фактов абсолютно отрицательного отношения студентов к своему имени. При этом важно отметить, что примерно четвертая часть студентов указывает на то, что в детстве или в подростковом возрасте испытывали нелюбовь к своему имени по разным причинам (слишком длинное или короткое, легко преобразуется в дразнилки, трудно произносимое и др.). Все авторы указывают на то, что с возрастом отношение к своему имени кардинально изменилось. Примеры:

Mārtiņš: *Ar savu vārdu sadzīvoju tīri labi. Kādreiz bērnībā man tas nepatika, jo tika izdomāti visādi veidi, kā apsaukt šo vārdu, gan ar atskaņām, gan tāpat vienkārši. Pašreiz ar vārdu nav problēmas, cilvēkiem pieaugot, pieaug arī smadzeņu masa.*

Светлана: *В детстве мое имя мне не очень нравилось, все время казалось, что у моих подруг более звучные имена. Теперь, когда я выросла, я очень благодарна своим родителям. В моем имени мне особенно нравится, что его можно сократить до Света или же*

называться Светлана, что звучит очень солидно. А в кругу друзей меня называют Светик.

Sanita: *Jau no mazotnes es priecājos par savu vārdu un tai pat laikā man likās, ka tas man ideāli piederas. Es uzskatīju, ka mans vārds lieliski saderas ar uzvārdu un es biju lepna šī vārda nēsātāja. Šodien daudz nekas nav mainījies, joprojām lepna, joprojām laimīga.*

Екатерина: *Я, будучи ребенком, была недовольна выбором родителей и мечтала о другом имени. Имя Екатерина мне казалось слишком длинным и величественным, а Катя – слишком заурядным и распространенным. С тех пор я поменяла свое мнение. Теперь я очень довольна своим именем и благодарна за него своим родителям. Современные родители отдают предпочтение необычным и иностранным именам, что заставляет меня гордиться своим – русским и древним.*

83% студентов в качестве третьего значимого критерия назвали удобство функционирования имени в коммуникации, в том числе межкультурной. Несомненно, это можно объяснить профилем учебной программы, которая предполагает у будущего специалиста наличие такой профессиональной компетенции, как эффективная коммуникация, которая проявляется в наличии необходимых интеракциональных и контекстных знаний, позволяющих адаптироваться к изменяющимся условиям при контакте с представителями различных культур. Примеры:

Evita: *Mans vārds nav grūti izrunājams, un ir pazīstams daudzās kultūrās. Krievu valodā runājošie draugi parasti izmanto pamazināmo formu, saucot mani Evitka. Nepatīk, ja izmanto pamazināmo formu Eviţiņa, liekas, ka tas nav mans vārds. Angļiem gan parasti gribas izrunāt manu vārdu savādāk nekā tas ir rakstīts – Ivaita, Ivita. Man personīgi nav iebildumu, bet tomēr neuzskatu, ka tas būtu tas pats vārds, tāpēc labāk ir, ja sauc par Evitu.*

Kristiana: *Komunikācijā ar citiem mana vārda izrunāšana vai iegaumēšana nesagādā nekādas problēmas. Krieviski izrunājot vai rakstot manu vārdu, nekas nemainās. Atrodoties ārzemēs vai prakses laikā tiekoties ar pašvaldības ārzemju sadarbības partneriem, mans vārds tika izrunāts pareizi un cilvēki to uztvēra un iegaumēja bez problēmām.*

Евгения: *Приезжая к маме в Ирландию, я меняю свое имя на Юджиния (Jeugenija). Англоговорящие люди не могут выговорить мое имя. Я понимаю это, поэтому при знакомстве представляюсь одним из вариантов своего имени. Может, именно поэтому*

оно мне стало очень нравится сейчас, а в детстве я мечтала поменять его на Анастасия. Как бы Евгения ни звучала, на русский или английский манер, это имя стало по-настоящему моим.

Наряду с тремя критериями, определяющими ценностную значимость личного имени, в отдельных работах назывались другие признаки, но поскольку они не являются общими и повторяющимися во всех эссе, в рамках методики аналитической индукции они рассматриваются как специфические для отдельных случаев. К их числу можно отнести следующие: этимология имени; наличие известных (популярных) личностей, имеющих данное имя; время включения имени в календарь – *vārda diena*; то, что день рождения человека приходится на день памяти какого-либо святого по христианским святцам, и другие.

Вербализация *ценности имени* осуществляется посредством предложений и фраз типа:

Esmu pateicīga, ka mans vārds ir Guna, nespēju iedomāties sevi ar citu, jo šis vārds atbilst manam raksturam un būtībai.

Man liekas, ka vārds Agnese man piestāv, grūti iedomāties sevi ar citu vārdu, par to laikam jāsaka liels paldies vecākiem.

Esmu pieradis pie sava vārda Agnis un šobrīd nevaru iedomāties, ka mani vecāki man būtu varējuši izvēlēties savādāku vārdu.

Priecājos, ka vecāki ielika man vārdu Kristaps. Manuprāt, tas, kāds ir tavs vārds, lielā mērā nosaka tavu likteni.

Я хорошо чувствую свое имя Татьяна и счастлива, что меня зовут именно так. Это МОЕ имя.

Имя Юлия мне очень подходит. Оно легкое и приятное на слух. Такие тяжелые имена, как Ирина или Тамара не смогли бы отобразить меня. Нужно любить свое имя.

Я горжусь своим именем Оксана, так как оно полностью отражает мою сущность и национальную принадлежность.

С каждым днем я все больше и больше убеждаюсь, что мое имя Виктория полностью отображает мое Эго.

Выводы

Антропоцентрический подход к изучению фактов и явлений языка, принятый в современной лингвистике, позволяет исследовать не только систему и структуру языка, но и самого человека, использующего язык во всем многообразии его проявлений.

Антропонимика занимает особое место в языке, поскольку личное имя – это главный идентификатор индивидуума в социуме. Обозначая лицо, имя одновременно является неотъемлемым свойством личности.

Полноценно изучать личность, осмысливать ее жизненные проявления, ожидания, чаяния, систему ценностей невозможно вне понимания того социального и психологического контекста, в котором она существует и развивается.

Студенческая среда является актуальным объектом исследования именно в силу своей устойчивости, традиционности и значимости для общества. Осмысление приоритетов и ценностей современных студентов способствует улучшению как внутриуниверситетской коммуникации, так и взаимодействию академического сообщества с другими сферами.

В результате проведенного анализа отношения студентов к собственным личным именам были выявлены критерии ценностной значимости антропонима для современного молодого человека, что свидетельствует об актуальности данной проблемы для современного общества.

---

[1] Леонтьев Д. А. *Ценности общества и ценности личности*. http://iph.ras.ru/page52169422.htm (17.10.2012).

[2] Волчек О. Д. Имя собственное и личность человека. *Звуки, слова, имена*. Москва: Книжный дом, 2011, с. 192.

[3] Кон И. С. *В поисках себя (Личность и ее самосознание*). Москва: Политиздат, 1984, с. 214.

[4] Суперанская А. В. *О русских именах*. Ленинград: Лениздат, 1991, с. 92.

ЛИТЕРАТУРА

Волчек О. Д. Имя собственное и личность человека. *Звуки, слова, имена*. Москва: Книжный дом, 2011.

Кон И. С. *В поисках себя (Личность и ее самосознание*). Москва: Политиздат, 1984.

Леонтьев Д. А. *Ценности общества и ценности личности*. http://iph.ras.ru/page52169422.htm (17.10.2012).

Суперанская А. В. *О русских именах*. Ленинград: Лениздат, 1991.

Яна Бутане-Зарюта

АНТРОПОНИМЫ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТЫШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Summary

Anthroponyms in Contemporary Youth Communication (Based on the Latvian and Russian Languages)

The place of anthroponyms in linguistics and their specificity is a topical issue in modern onomastics. However, in many cases, apart from having a name and a surname, a person may have a nickname or some modification of a personal name used in everyday communication.

The present article is based on the data collected through the interviews of Daugavpils young people (students of higher educational establishments and secondary schools) about the use of anthroponyms in everyday communication.

The aim of the research work is to study the personal nomination in most typical functioning environments in their onomastic and sociolinguistic aspect: to focus on the personal names segment differentiation; to analyze the issue of understanding the concept of nicknames and hypocoristic names in Latvian and Russian languages; to compare pupils' and students' motivation for personal names and their formation. There has not been an expanded research of personal nominations, especially unofficial, for study and comparison of different segments of personal names in Latvian linguistics so far. Linguistic material of personal nominations is interesting and important for their uniqueness, variability, and their sociolinguistic role.

Key-words: anthroponyms, youth communication, personal nominations

*

В современной молодежной коммуникации большой интерес вызывает функционирование личных имен, особенно увлекательно исследовать их употребление в иноязычном окружении. Город Даугавпилс, располагающийся на юго-востоке Латвии, характеризуется мультиконфессиональной, мультикультурной и мультилингвальной ситуацией, представляя собой благодатную почву для взаимодей-

ствия латышских и русских антропонимов – русских имен в латышской среде и латышских антропонимов в русской среде.

Представленный языковой материал – разнообразные модификации личных имен, фамилий и прозвища (более 1 000 единиц) – является интересным и важным своей уникальностью, социолингвистической ролью, вследствие чего изучение антропонимов в современной молодежной коммуникации является актуальным.

Социолингвисты часто отмечают, что молодежная речь в сравнении с другими возрастными группами имеет особые черты. Так, людям юношеского возраста в наибольшей степени присущ специфический лексикон. К молодежной возрастной группе относят лиц примерно от 13 до 25 – 30 лет. Лаура Тидрике (*Laura Tidriķe*) язык молодежи определяет *как форму лингвистической самоидентификации, которая наиболее ярко выражается у молодых людей во взаимной коммуникации в неформальной ситуации и варьируется в зависимости от социальных и социально-демографических факторов (пола, возраста, образования говорящих и их принадлежности к определенным молодежным группам и т.д.)*[1].

Лаура Фреймане (*Laura Freimane*) подчеркивает характерное стремление молодежи быть неповторимой, что также способствует инновациям в языке молодых людей. Молодежный язык используется в повседневной неофициальной устной и письменной коммуникации. Устная коммуникация менее подвержена литературному и нормативному фильтру, так как молодые люди в разговорной речи обращают минимальное внимание на языковые нормы. Приемлемая для молодых людей неформальная коммуникация создается также выбранной ими лексикой, часто грубовато-фамильярной и нередко своеобразно остроумной, которая придает речи эмоционально-экспрессивную окраску.[2]

В качестве материала для статьи использовались данные, полученные в результате анкетирования, проведенного среди русских и латышских студентов и старшеклассников г. Даугавпилса (на момент написания текста общее число участников анкетирования составило 200 человек в возрасте от 13 до 30 лет).

В Даугавпилсе трудно изолировать латышскую и русскую лингвистическую среду, город отличается национально-культурным разнообразием. По данным Бюро управления по делам гражданства и миграции, в 2013 году в Даугавпилсе отмечался следующий национальный состав жителей на 94000 населения: латыши 17,9%, рус-

ские 51,4%, белорусы 7,5%, украинцы 2,1%, поляки 14,2%, другие 6,9%.[3]

Для получения необходимого лингвистического материала респонденты были выбраны в таких ориентированных на латышский язык и культуру образовательных учреждениях, как Государственная гимназия г. Даугавпилса, Даугавпилсский университет; русский язык и культура представлены в 6-ой и 15-ой средней школе г. Даугавпилса и в Даугавпилсском университете.

Антропонимический материал предполагает анализ русских и латышских имен, отчеств, модификаций личного имени, гипокористик, прозвищ в современной молодежной коммуникации.

Так, на вопрос *Кто и в каких ситуациях вас называет полным именем?* были получены похожие ответы: *сокурсники*, *друзья*, *учителя*, *преподаватели*, *родственники*, *незнакомые*, *в школе*, *в официальных ситуациях*. Следует отметить, что русские респонденты наряду с официальными полными именами часто называли традиционные для русской антропонимической системы гипокористики, такие, как *Миша* < *Михаил*, *Катя* < *Екатерина*, *Дима* < *Дмитрий*, *Вика* < *Виктория*. Это свидетельствует о том, что в ежедневной русскоязычной коммуникации, как официальной, так и неофициальной, гипокористики используются наравне с полными именами.

Возникновение неофициальных имен обусловлено самыми разными причинами, например:

1) у человека длинное имя. Его используют в официальных случаях. В домашнем обиходе или же в кругу близких, например, Александра называют сокращенным именем *Саша*, *Саня*, *Шура* или формами с суффиксами субъективной оценки – *Сашка*, *Сашок*, *Сашенька*, *Сашенция*, *Сашуля*;
2) у человека сложное имя, характерное для другого народа. Тогда в официальных случаях он именуется паспортным именем, а в неофициальных – более привычным для окружающих именем;
3) человек окружен людьми своей национальности, но он общается и с представителями другой национальности. В употреблении фиксируются две системы имен, принадлежащие разным народам.[4]

Первая и третья ситуации наиболее распространены и типичны для современной речевой коммуникации.

В исследуемом материале содержатся как стандартные, так и окказиональные преобразования личного имени. Стандартные формы хорошо известны и широко используются – *Пецис* < *Пете-*

рис, *Эвукс* < *Эва*, *Эрна* < *Эрнест*, *Зузе* < *Илзе*; *Вера* < *Вероника*, *Аня* < *Анна*, *Антоша* < *Антон*, *Юра* < *Юрий*, *Жека* < *Евгений*. Однако большую часть гипокористик в нашем материале составляют окказиональные дериваты.

Неофициальные формы личных имен представляют собой их модификации, которые осуществляются по определенным моделям. Наиболее продуктивными моделями модификации личного имени являются следующие:

1) суффиксация;
2) редуцирование антропонима;
3) образование неофициальной формы по иноязычным моделям.

Самую многочисленную группу представляют суффиксальные дериваты, образованные от личного имени. Высокопродуктивными суффиксами являются *-iņ-*, *-ik-*, *-uk-*, *-uc-*. Дериваты с этими суффиксами функционируют как деминутивы и выражают позитивное эмоциональное отношение: *Andziņš* < *Andis*, *Sandriņa* < *Sandra*; *Juriks* < *Juris*, *Arviks* < *Arvis*; *Dačuks* < *Dace*, *Māruks* < *Mārīte*; *Ivucis* < *Iveta*, *Līgucis* < *Līga*. Часто латышские женские неофициальные имена образуются по моделям мужских гипокористик, оформляясь соответствующими антропоформантами: *-uci(s)*, *-iņ(š)*, *-ik(s)*, *-uk(s)*, *-on(s)*: *Ingucis*, *Aijiņš*, *Intiks*, *Montuks*, *Zitons*. В свою очередь, в латышских мужских неофициальных именах нередко использован формант *-a*: *Andža* < *Andris*, *Edža* < *Edgars*.

Среди русских неофициальных личных имен также имеются суффиксальные дериваты. Наиболее продуктивными формантами здесь являются *-ча*, *-чик*, *-ик*, например, *Юльча*, *Юльчик* < *Юлия*, *Софик* < *София*, *Вовчик* < *Владимир*. Однако большую часть молодежных неофициальных антропонимических номинаций составляют либо суффиксальные дериваты с нестандартными антропоформантами, либо модификации антропоосновы, заключающиеся в различном ее редуцировании, например, *Вован* < *Владимир*, *Вадя*, *Вадёс* < *Вадим*, *Андрон*, *Андрюшка*, *Дрюня* < *Андрей*; *Аля* < *Алла*, *Кэт* < *Екатерина*, *Эга* < *Эдик*, *Сига* < *Сергей*, *Ася* < *Анастасия*.

Следует отметить, что в латышскоязычной молодежной коммуникации употребляются не только стандартные латышские, но также и иноязычные, чаще всего русские гипокористики: *Daiguška* < *Daiga*, *Dašeņka* < *Darja*, *Inuļa* < *Ina*, *Ļiguška* < *Līga*, *Marusja* < *Marina*. Здесь наблюдаются и разнообразные русские гипокористики (*Dašeņka* < *Darja*), и гибридные номинации, оформленные русскими антропо-

формантами (*Ļiguška* < *Līga*). Среди них встречаются гипокористики с формантом *-ка* (*Janka* < *Jānis*). Наш материал свидетельствует о типичности таких номинаций в молодежной коммуникации, хотя российские ономасты утверждают, что антропоформант *-ка* имеет презрительную окраску. В каких ситуациях в латышской речи используются типичные для русского языка гипокористики и выражается ли в них пренебрежительное отношение – все это вопросы актуальные для дальнейшего исследования. Тем не менее респонденты позитивно оценивают используемые в повседневном общении модификации своего личного имени.

Участникам опроса также был задан вопрос, обращаются ли к ним по фамилии и в каких ситуациях это происходит. Получены были утвердительные ответы: по фамилии называют в официальной ситуации в учебных и других учреждениях. Обширные комментарии в латышских анкетах свидетельствуют о том, что участникам опроса не совсем нравится обращение по фамилии, и сами молодые люди стараются избегать называть так кого-либо, например:

Друзья иногда шутят;
По фамилии называют родители, когда ругаемся;
Никого не называю по фамилии, так как мне кажется, что фамилия создаёт границы в общении;
Иногда учитель позволяет такую наглость;
По фамилии называют мои одноклассники, с которыми не дружу.

В неофициальных ситуациях фамилии часто подвергаются модификациям, аналогичным описанным выше личным именам. Такие модифицированные фамилии в молодежной коммуникации воспринимаются положительно, так как они снабжаются соответствующей ситуации коннотацией – уменьшительно-ласкательной, ироничной, шутливой, в редких случаях – уничижительно-пренебрежительной.

В русском языке традиционным является трехкомпонентное официальное именование, включающее имя, отчество и фамилию. Как показал собранный материал, отчество используется только в русскоязычной коммуникации в официальных ситуациях в соответствии с речевым этикетом русского языка, например, в школе, в университете при общении с преподавателями и другими взрослыми. Однако в неофициальных ситуациях в молодежной коммуникации между ровесниками, родственниками и друзьями отчество используется редко, шутливо или иронично.

Необходимо подчеркнуть, что в работах по латышской антропонимике, с одной стороны, и русской антропонимике – с другой, наблюдаются некоторые различия в трактовке неофициальных форм личного имени. Так, например, имя каждого человека в разговорной речи часто подвергается модификации. Такого рода онимы в латышской антропонимике определяются как *прозвища*, а в русской антропонимике их считают особым способом неофициального именования – *гипокористиками* и *различными вариантами личных имен*. Литовский антропонимист А. Буткус отмечает, что прозвищем может стать и вариант личного имени, если он используется для характеристики какой-либо особенности индивидуума. Если вариант личного имени не несет подобной дополнительной информации, то его не следует относить к прозвищам.[5] В этом случае речь идет о гипокористике, или о гипокористическом имени – сокращенной или как-то иначе преобразованной неофициальной форме личного имени.[6] Подобную мысль высказывает Н. В. Подольская, подчеркивая, что индивидуальное имя или модификация фамилии обычно не рассматривается как прозвище.[7]

В латышской антропонимике не существует последовательного разделения на прозвища и модифицированные формы личных имен, поэтому неофициальные формы личных имен рассматриваются наряду с прозвищами. Их семантика очень похожа, хотя они называют различные явления. Прозвища мотивированы индивидуальными чертами, присущими его носителю, и выполняют характеризующую функцию, неофициальные же формы личных имен не содержат такой информации и выполняют только назывную функцию.

Большинство респондентов прозвище понимают как специфический, регулярно используемый антропоним, который не является ни именем, ни фамилией. Мы же рассматриваем прозвище в узком смысле – как дополнительное имя, которое дают окружающие и которое характеризует человека по особенностям его характера, внешнему виду, той или иной жизненной ситуации, событиям, фактам его биографии и т.д. Многие прозвища из собранного материала имеют негативную окраску, их можно расценивать как так называемые *обзывалки*, *дразнилки*, к примеру: *Сельдь*, *Кобыла*, *Потнявая*.

Отвечая на вопрос, *чем, по Вашему мнению, мотивированы прозвища*, респонденты утверждали, что прозвища мотивируются внешностью именуемого, его специфической походкой, поведением, различными событиями в его жизни, особенностями речи, характера,

навыками, его интересами, сходством с героем художественного фильма или мультфильма и т.д. Таким образом, прозвища, как латышские, так и русские, по мотивации делятся на следующие группы:

1) по внешнему виду (305 единиц), например, *Дистрофик*, *м* – 'высокий и очень худой парень', *Киндер*, *ж* – 'миниатюрная, похожая на ребенка девушка', *Сапог*, *м* – 'парень с большим размером ноги';
2) по характеру и поведению (197 единиц), например, *Бенчик*, *м* – 'много курит', *Гусь*, *м* – 'бегает как гусь', *Приколист*, *м* – 'всегда веселый';
3) по различным событиям (78 единиц), например, *Человек-бассейн*, *м* – 'однажды в бассейне получил травму плеча', *Кастрюля*, *м* – 'когда был маленький, в кастрюле застряла голова'.

Обращает на себя внимание факт, что большинство прозвищ русского происхождения. Это объясняется тем, что Даугавпилс – преимущественно русскоязычный город, и для большей части молодых людей русский язык является родным. В лексике молодежи присутствуют также прозвища английского и немецкого происхождения.

Антропонимы как объект лингвистического исследования представляют собой особый и многообразный слой языка. Исследование антропонимов в молодежной коммуникации продолжается. Лингвистический материал позволяет сосредоточиться на дифференциации коммуникативной антропонимии в латышском и русском языках.

---

[1] Ernstsone V., Tidriķe L. *Jauniešu valoda*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2006, 16. lpp.

[2] Freimane L. Jaunvārdi jauniešu sarunvalodā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti*. Rakstu krājums 6. Liepāja: LiePa, 2002, 428. lpp.

[3] http://www.daugavpils.lv/lv/society (23.04.2014.).

[4] Суперанская А. В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении. *Антропонимика*. Москва: Наука, 1970, с. 181–182.

[5] Butkus A. *Lietuvių pravardės*. Kaunas: Aesti, 1995, p. 21.

[6] *Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca*. Rīga: Latvijas Universitātes Latviešu valodas institūts, 2007, 144. lpp.

[7] Подольская Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука, 1978, с. 50.

ЛИТЕРАТУРА

Butkus A. *Lietuvių pravardės*. Kaunas: Aesti, 1995.

Ernstsone V., Tidriķe L. *Jauniešu valoda*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2006.

Freimane L. Jaunvārdi jauniešu sarunvalodā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti*. Rakstu krājums 6. Liepāja: LiePa, 2002, 428.–433. lpp.

http://www.daugavpils.lv/lv/society (23.04.2014.).

Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca. Rīga: Latvijas Universitātes Latviešu valodas institūts, 2007.

Подольская Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука, 1978.

Суперанская А. В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении. *Антропонимика*. Москва: Наука, 1970.

Zaiga Ikere

DIMENSIONS OF HUMAN WORLD'S SYMBOLIC REALITY: SPACE AND LANGUAGE

Summary

Dimensions of Human World's Symbolic Reality: Space and Language

In the contemporary era of Modernity, the concept of the German classical philosophy 'Dasein' (being there) has become a term applied to denominate human existence. The human perception of the world differs from the animal perception of the world by its symbolic nature and ability to use metaphors. The human world's symbolic reality is marked by several factors, space and language being among them. Man's 'Ego – environment' and his language are significant dimensions of the symbolic reality. Looking at the issue of the interdependence between language and man's cultural world, the author refers to the peculiarities in the history of writing in Latgale, when the choice of the type of writing, to a certain degree, had determined the historical choice of the Latgale population about their belonging to a definite cultural space.

Key-words: human world, 'Dasein' (being there), human world's symbolic reality, dimensions of the symbolic reality: space and language, writing

*

The human world and human condition in the world are issues studied and interpreted by contemporary philosophers of different trends. The issue about *being*, which had already been tackled by the philosophers of Ancient Greece, more and more often takes on the context of *human world*, *life in the human beingness*, when viewed by contemporary philosophers. The Latvian philosophers Maija Kūle and Rihards Kūlis interpret this as follows:

> *In the field of meaning and understanding, there grows up and ripens a definite spiritual reality, which could be called a human world. This is the only real world we live in. The human world is the result of historical experience and historical memory, but it simultaneously determines also the concrete forms of our vision for today and for the future. When a universal sense of the epoch*

> *is being structured, there emerge definite archetypes, basic forms of culture, in which the specific features and values of culture root. Thus, the issue about being grows into the issue about the human world and regularities of its development.*[1]

Man is an individual being who exists in the world, the horizons of which are determined not only by a physical, material reality, but also by a symbolic world, created by a human spiritual activity and consisting of art, language, science and culture. In this respect, the Latvian philosopher Roberts Mūks says that since time immemorial man has existed in the world and this man's being-here (*In-der-Welt-Sein*) has to be deciphered.[2] Thus, philosophers' interests have shifted from *Sein* (being) to *Dasein* (being there). The concept and term of the German classical philosophy *Dasein* acquires a different content in Martin Heidegger's philosophy. According to him, *Dasein* is the place where being is revealed.[3] In Heidegger's work *Being and Time* (*Sein und Zeit*), the understanding of *Dasein* is marked by the introduction of a human element into the interpretation of the concept of *being*.[4] The Latvian philosopher Māra Rubene maintains:

> *[..] in relation to 'Dasein' the world acquires a new status, it can no longer be described as something transcendental. The quintessence of the world is not characterized by a scientific objectivity, but rather by the relationship with 'Dasein'. [..] In characterizations of 'Dasein', practical aspects of the relationships between man and world come to the foreground [..]. By means of the concept 'Dasein' Heidegger tries to say that the existence is not given to man in the form it has been created, ready-made, closed, unchangeable, but rather that it still is and remains exposed, open.*[5]

Man's world and a human individual Ego-world are open to influences; they are changeable and are in a continuous process of becoming. Human spiritual activity is creating horizons of our spiritual space in the situation of the present.

Contemporary scholars in semiotics treat the surrounding reality as a social text that has definite sign systems and codes, consisting of sounds, words, images, ideas and other symbols. In their interpretation, the surrounding world is a text which has to be decoded and whose readers we are. A reader is the subject of this text.[6]

In his work *Philosophy of Symbolic Forms* (*Philosophie der symbolischen Formen*), the German philosopher Ernst Cassirer (1874 – 1945) asserts that a man's world is a qualitatively different beingness, which does not resemble the natural and material world perceived by other

living beings. Man builds up the relationships with the world as symbolic relationships. Animals react to the irritations of the surrounding world in an immediate way, while human thoughts and activities are mediated by a symbolic reality. This symbolic reality is characterized by several factors. And here I would like to touch upon the dimension of space and language.

Space as Human World's Symbolic Reality

The symbolic world, symbolic reality encompasses everything that has been created as the result of human spiritual development, of human spiritual activity, namely, art, science, literature, myths and language. In man's being, life implies living not only in some definite space – in a city or in a country, but also living in some definite cultural space, which, in turn, consists of cultural symbols, texts and contexts, images and ideas.

Each man's being-in-the-world (*In-der-Welt-Sein*) is marked also by the boundaries of the physical environment of his Ego. Several linguists maintain that territoriality or strengthening and defining one's own territory is one of the basic human instincts, which has accompanied mankind since its beginnings.[7] By giving a name to some part of space, man marks the contours of this place in his world landscape. The name draws a borderline round a definite part of space. Several linguists, involved in toponym studies, assert that the most archaic way of how man sees the part of the world in which he lives, is in comparing it with a living being. Consequently, there are a rather large amount of anatomical generic elements referring to human body parts in every national geographic list of appellatives.[8]

Contemporary philosophers – specialists in culture – speak about the impact of the geographical environment upon the spiritual identity of man or nation. In the model of space, objective knowledge intertwines with a subjective vision. And specific symbols of space are interwoven in it as well.

In analyzing space as a semiotic phenomenon, philosophers-specialists in culture emphasize the significance of a spatial paradigm in the model of human spiritual space. The explorer of social integration processes in Western Europe and Latvia, Deniss Hanovs, states:

> *In comparison to the dynamics of time, place is not only more static, but offers also larger resources in the processes of developing identities and belonging. At the beginning of the 21st century, the*

> *representatives of Western, mostly continental, culture-related research trends established a rapid emergence of the so-called spatial turn or spatial paradigm in the analysis of processes of the development of Europe's collective identity meanings in both humanitarian and social branches.*
>
> *Within the understanding, dominating in the German scientific space [..], space is interpreted as a frame for individual and collective representations about meanings of the surrounding reality manifested in a spatial dimension – consequently, in a material environment where various symbolic activities can be established.*[9]

Speaking about the factors that determine national and regional identity, politologist Anthony D. Smith indicates that, first of all, this is a concept that relates to spatiality or territory. The understanding of region also bears on spatiality and on a definite territory. An essential factor in this understanding is the fact that space is not merely a geographic place, but for the local population it becomes a spiritual symbol-imbued environment, a meaningful space. A. Smith underlines that:

> *It is necessary that a territory should belong to people, and people should belong to a territory [..]. However, the land we are talking about cannot be located just in any place; it is not just any plot of land… The nation's native country becomes a store-house of historical memories and representations, a place where seers, saints and heroes of the respective nation have lived and worked, have said prayers and fought [..]. This makes the native country unique. And rivers and lakes, embankments, hills and towns of the native land become sacred – they radiate reverence and spiritual uplift, whose inner sense can feel only those who have been anointed in these values.*[10]

Space is not merely a place where you live; it becomes a meaningful cultural landscape, a frame for individual and collective representations, where the past and sacral perceptions intertwine with cognitions rooted in the present reality.

As the contemporary world gets more and more urbanized, the urban lifestyle leads to the situation that cities start to greatly resemble one another, be it in Latvia or Ireland. In the 19th century and at the beginning of the 20th century, when a rapid development of towns in Latvia had not yet occurred, the feelings about what is Latvian were closely connected with the landscape created by nature.

In 1841, the German writer and geographer, J. K. Kohl (1808 – 1878), observed:

> *If there is anything that a Latvian likes, then, it is the mysterious and peaceful life of nature, which so perfectly matches his character, his whole spiritual orientation and his conditions on this land, and whose depth and multiform meaning he is able to perceive with anticipation worthy of admiration. This is not only a natural disposition, but also customs and political conditions that constantly attract him to nature and draw him out of the whirlpool, out of the prosaic circle depleted by human bustling activities.*[11]

Nature in several of Latvia's regions is still different. The spatial contours of man's life-world may be marked by the azure hills, as your gaze slides over the open spaces of the river Daugava, or by the vibration in the green color shades of meadows, when your eyes linger on the inlets of the grassy banks of the river Venta. The cultural landscape plays an important role in the development of regional belonging and in maintaining the stability of this feeling. This feeling – close, familiar, dear and 'ours'– contrasts with that of – remote, strange, different and alien. The dichotomy 'ours – alien' is deeply rooted in the structure of European thinking. Janīna Kursīte states:

> *Spatial perception plays an important role in feeling the community stratum deeper. Folklore materials show that in ancient times certain trees, animals and a certain part of space (landscape) also belonged to the circle of 'ours'. The circle of 'ours' consisted of those who were mutually domesticated, tamed and were linked by some deeper bonds of community.*[12]

In the epoch of Modernity, the boundaries between nations and states, between territories and cultures get more and more obliterated. Philosopher Māra Rubene writes: *The world is transforming into the problem of communicative practice, decentalized subjectivity and plural existential space*[13].

Under the conditions of contemporary globalization and pluralized existence, when the dichotomy 'ours – alien' gets more pronounced, the spatial symbols assume an enormous significance for developing objective perceptions about the understanding of 'ours'. Monuments become symbols in the urban environment. For instance, for the Latvian nation the Monument to Freedom in the city of Riga is a symbol of Latvia, and it symbolizes its land, national spirit, its heroes and struggle for freedom, independence and its statehood.

Language as a Symbolic Reality of a Human World

Language – sounds and graphic signs – is one of the markers of the human world's boundaries. Here, I would like to touch upon the issue of the graphic representation of language – its writing systems, laying emphasis on its symbolic nature, peculiar history and its significance in Latvia's situation.

Due to the situation that Latvian writing traditions were developing during the time when a strong impact of German culture was felt here, the Gothic way of writing in Latvia had prevailed throughout centuries. Gothic writing was used here from the 16th century until the 1930s, when the transition to Latin writing took place.

The history of the development of the writing traditions in Latgale – one of the regions of Latvia – is a peculiar story. Though historically Latgale has been separated from other regions of Latvia for almost three hundred years (1629 – 1917), the sense of historical national consciousness and identity has been stronger than the impact of Polish and Russian cultures. This factor also affected the choice of the type of writing in Latgale.

The researcher of the Latgalian writing and dialects, Anna Stafecka, states that those, elaborating the norms for the Latgalian writing, have always tended to adjust it to the traditions of the Low Latvian writing, both in respect of grammatical forms and choice of vocabulary. As an illustration, she mentions the first book published in the language of Latgalian writing and still available today – *Evangelia toto anno* (Vilnius, 1753).[14]

The outstanding researcher and theorist of Latvian traditional culture, Janīna Kursīte stresses the symbolic impact of the style of writing on studies of national identity. She puts a question: *Why, since 1865, when Latin writing was banned in Latgale region, hadn't the Latgalians adopted the Cyrillic throughout all 40 years of the ban?* She maintains that for the Latgalians, the choice of the respective writing meant both: making their choice between the cultures – Polish or Russian – to which they would belong, and also the choice of the church – Catholic or Orthodox – to which they would link their spiritual world.[15]

In analyzing the symbolic nature of writing, Janīna Kursīte arrives at all-embracing conclusions about the significance of a symbolic reality of writing for maintaining national unity in Latvia's case:

> *In the Latgalian writing, neither the Gothic nor the Cyrillic, but the Latin tradition was developed; which, on the one hand, marked*

> *the symbolic function of the Latgalian writing – to separate the traditions of East from those of the West, but, on the other hand, to be a preserver of this medium situation.*
>
> *Perhaps, due to the fact that the Low Latvians, too, adopted the Latin writing, this externally formal aspect turned out to be an essential factor, which in the 20th century united the nation, state, regions and their cultures.*[16]

To conclude: human beingness in the world is determined by the material and spiritual reality. Space and language are the paradigms playing an important role in the structuring of the human world and determining its horizons. Geographical space wherein a man dwells is also a symbol-imbued environment where the past and sacred perceptions might intertwine with the present-day symbols. Language is another important dimension constituting the human life-world. A striking example in this respect is the history of the adoption process of the writing system in the Latgale region. It testifies to the fact that even a definite graphical representation of a language may bear a long-lasting impact on the forms of culture a nation or ethnic group might choose to adopt.

---

[1] Kūle M., Kūlis R. *Filosofija*. Apgāds "Burtnieks", 1996, 1997.

[2] Mūks R. *Martins Heidegers un filozofijas gals*. Rīga: Karogs, 1994, 14. lpp.

[3] Turpat, 18., 89. lpp.

[4] Turpat, 16. lpp.; Rubene M. *No TAGADNES uz tagadni. Mūsdienu filosofija ētiskā taisnīguma meklējumos*. Rīga: Minerva, 1995, 163. lpp.

[5] Rubene M. *No TAGADNES uz tagadni. Mūsdienu filosofija ētiskā taisnīguma meklējumos*. Rīga: Minerva, 1995, 163.–164. lpp.

[6] Chandlers D. *Semiotics: The Basics*. London; New York: Routledge, 1997, p. 244.

[7] Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we Live by*. London: The University of Chicago Press, 2003, p. 30.

[8] Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева. *Труды по знаковым системам памяти Владимира Яковлевича Проппа*. Тарту, 1971, с. 9–62; Невская Л. Г. *Балтийская географическая терминология*. Москва: Мысли, 1977, с. 195–198.

[9] Hanovs D. *Latvijas reģionu mazo pašvaldību stratēģijas dažādības vadība. Sabiedriskās politikas analīze un rekomendācijas situācijas maiņai*. Rīga, 2012, 26. lpp.

[10] Smits E. D. *Nacionālā identitāte*. Rīga: AGB, 1997, 18. lpp.

[11] Kols J. Par latviešu dzeju un dziedāšanu. *Avots* Nr. 9, 1988, 26.–32. lpp.

[12] Kursīte J. *Virtuves vārdene*. Rīga: Rundas, 2012, 22. lpp.

[13] Rubene M. *No TAGADNES uz tagadni. Mūsdienu filosofija ētiskā taisnīguma meklējumos*. Rīga: Minerva, 1995, 173. lpp.
[14] Stafecka A. Latgale: rakstiskais vārds un izloksnes. *Inkluzīvi*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, 195. lpp.
[15] See: Kursīte J. Rakstības simboliskā daba. *Inkluzīvi*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, 200. lpp.
[16] Turpat, 205. lpp.

BIBLIOGRAPHY

Chandlers D. *Semiotics: The Basics*. London; New York: Routledge, 1997.
Hanovs D. *Latvijas reģionu mazo pašvaldību stratēģijas dažādības vadība. Sabiedriskās politikas analīze un rekomendācijas situācijas maiņai*. Rīga, 2012.
Kols J. Par latviešu dzeju un dziedāšanu. *Avots* Nr. 9, 1988, 26.–32. lpp.
Kursīte J. Rakstības simboliskā daba. *Inkluzīvi*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.
Kursīte J. *Virtuves vārdene*. Rīga: Rundas, 2012.
Kūle M., Kūlis R. *Filosofija*. Apgāds "Burtnieks", 1996, 1997.
Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we Live by*. London: The University of Chicago Press, 2003.
Mūks R. *Martins Heidegers un filozofijas gals*. Rīga: Karogs, 1994.
Rubene M. *No TAGADNES uz tagadni. Mūsdienu filosofija ētiskā taisnīguma meklējumos*. Rīga: Minerva, 1995.
Smits E. D. *Nacionālā identitāte*. Rīga: AGB, 1997.
Stafecka A. Latgale: rakstiskais vārds un izloksnes. *Inkluzīvi*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.
Невская Л. Г. *Балтийская географическая терминология*. Москва: Мысли, 1977.
Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева. *Труды по знаковым системам памяти Владимира Яковлевича Проппа*. Тарту, 1971, с. 9–62.

Галина Сырица

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА *ВОЗРАСТ*: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Summary

Phrasal-Semantic Group 'Age': the Axiological Aspect

Axiological characteristics of the considered group are connected not so much with assessing the actual age, but with the evaluation of the correspondence or lack of correspondence to it, with specificities of correspondence between the calendar (chronological) age and subjective perception of it. The 'Aksiologichnost' ('аксиологичность') is first of all built on the binary opposition 'youth – old age'; the mature age is much less often involved in the system of secondary nomination. Dissatisfaction with being of a particular age finds reflection in paradoxical estimates such as that both youth and old age can be estimated identically. Paremia of both groups is expressed in close figurativeness and identical syntactic design of a 'compensatory' type (It is good, but it is bad; It is bad, but it is good). Youth possesses self-worth, it appears as the time for love; at the same time it receives lowered connotations because it is characterized by inexperience, immature mind, inability to objectively estimate oneself, etc. Old age is initially perceived as something negative, the time of weakness and diseases; at the same time, a positively estimated potential of old age is connected with wisdom resulting from life experience, endurance, etc. A specific manifestation of 'Aksiologichnost' is ambivalence whereby the same conceptual feature associated with age receives mutually exclusive estimates.

Key-words: phrasal-semantic group 'Age', axiological characteristics, opposition 'youth – old age'

*

Своеобразным эпиграфом к данной работе могли бы стать известные строки из романа в стихах *Евгений Онегин* Пушкина: *Блажен, кто смолоду был молод,/ Блажен, кто вовремя созрел*, отражающие некий идеал соответствия физиологического (хронологического, календарного) возраста психологическому его восприятию. Иносказательный смысл этого выражения – 'все хорошо вовремя'. Возраст человека постоянно оценивается с тех или иных позиций, и его

оценки чаще всего отражают некую неудовлетворенность тем или иным возрастным периодом – в детстве и ранней юности человеку хочется как можно скорее повзрослеть, в зрелом возрасте приостановить бег времени, в старости вернуться к дням юности. Парадоксальность оценки восприятия времени с его устремлением в будущее и переоценкой уже прожитого выражена в еще одних известных строках Пушкина: *Сердце в будущем живет;/ Настоящее уныло:/ Все мгновенно, все пройдет;/ Что пройдет, то будет мило*. Аксиологические характеристики связаны с оценкой не столько собственно возраста, сколько соответствия (или несоответствия) этому возрасту, характеризуют особенности соотношения хронологического (календарного) возраста с субъективным его восприятием. Извечная неудовлетворенность пребыванием в том или ином возрасте находит отражение в парадоксальности оценок, которая выражается в том, что как молодость, так и старость могут оцениваться негативно. При этом *зрелый возраст* (как возможный идеал, норма, физическое и духовное становление) значительно реже вовлекается в систему оценок, и они характеризуются добавочными коннотациями. Фразеологизмы *во цвете лет*, *во цвете сил* (‘в молодые годы, в пору расцвета физических и духовных сил’) тяготеют к связанности значения, имеют достаточно устойчивые валентные связи с лексикой, указывающей на преждевременную смерть, и получают контекстуально обусловленные коннотации сожаления о раннем уходе. Аспект «созревания» отражен во внутренней форме синонимичных устойчивых сочетаний *в самом соку*, *в самой поре* (‘в полном расцвете сил’). С оценкой зрелого возраста связана также гендерная характеристика – *бальзаковский возраст* – шутливо-ироническое выражение, восходящее к романам Бальзака. Интересно отметить, что в немецком языке ряд фразеологизмов, констатирующих зрелый возраст, представлен более широко: *steht im besten Alter*, *im männlichen Alter*, *kanonisches Alter*. Фразеологизм *kanonisches Alter* указывает на благоприятное время для занятия какой-либо должности, положения в обществе (ср.: *Im übertragenen Sinn ein bestimmtes Lebensalter, das zu einem Amt, einer Stellung, zum Tragen eines Titels berechtigt*[1]).

Пожалуй, нет ни одной другой характеристики бытия человека во времени и пространстве, которая имела бы столько дихотомий в своем осмыслении. Субъективность аксиологических характеристик, связанных с возрастом человека, определяется тем, что возраст (‘время, прошедшее со дня рождения’) может оцениваться с разных позиций (ср.: есть понятия «объективный возраст», «субъективный

возраст»). Кроме того, одним из интересных аспектов аксиологичности является оценка возраста, с одной стороны, «извне», с позиции наблюдателя со стороны (ср.: *молоко на губах не обсохло*, *молодой да ранний* и др.), с другой – оценка «изнутри», своего рода самооценка (*были когда-то и мы рысаками*).

Абсолютный (календарный, паспортный, хронологический) возраст датируется в единицах измерения времени (годы, месяцы, дни и др.), при этом неоднозначно решается вопрос о классификации возрастных периодов жизни человека в разные временные периоды и в разных лингвокультурах (ср, например, известное изменение хронологических рамок возрастных периодов в связи с процессом акселерации). Главному герою в романе Достоевского *Подросток* Аркадию Долгорукому девятнадцать лет. Соотнося понятие *подросток* с девятнадцатью годами героя, Достоевский в подготовительных материалах к роману отмечает несоответствие между его возрастом и традиционным толкованием возрастных границ номинации *подросток*:

> *Я бы назвал его подростком, если бы не минуло ему 19-ти лет. В самом деле, растут ли после 19 лет? Если не физически, так нравственно.*[2]

Любопытно, что вошедшее в современный русский язык английское слово тинейджер имеет возрастные рамки до 19 лет, о чем свидетельствует внутренняя форма лексемы (слово *teenager* включает суффикс числительных от 13 до 19 – *teen* и *age* – возраст).

Аксиологичность как характерная особенность рассматриваемой фразеосемантической группы строится прежде всего на бинарной оппозиции *молодость – старость*. Соотнесенность этих возрастных периодов находит отражение во фразеологизме *стар и мал* – с семантикой ‘все, без различия возраста’. Объективным показателем значимости той или иной возрастной характеристики человека является система вторичных номинаций, ее вовлеченность во фразеопаремиологический фонд языка. Фразеологизмы и паремии в образной форме отражают стереотипы народного сознания, передают многообразную гамму оценок. Широкая система номинаций в русской лингвокультуре характеризует юный, а также молодой возраст. Пополнение этой группы происходит за счет синонимичных номинаций, обладающих оценочной функцией. Так, номинации, характеризующие молодой возраст, незрелость, отражают эмпирическое знание, наблюдения над человеком в младенческом возрасте, а также над развитием животных, вегетацией растений. Аксиологичность

определяется внутренней формой лексем, указывающих на отсутствие опыта, незрелость, на некую связь юного возраста с незрелым внутренним миром. Неопытность как черта молодости передается группой оценочных прилагательных, отражающих физическую незрелость: *зеленый*, *желторотый*, *неоперившийся* (ср. также фразеологизмы: *молоко на губах не обсохло*, *от младых ногтей*, *молодо-зелено*). Примечательно, что номинации *pienapuika* ['молочный мальчик'] в латышском языке и *Grünschnabel* ['зеленый клюв'] в немецком также имеют близкую образность, отраженную во внутренней форме лексем.

Противительная конструкция во фразеологизме *молодой да ранний* с коннотацией шутливости призвана подчеркнуть не только раннее, преждевременное созревание, быстрое взросление, но и отрицательно оцениваемые качества (ловкость, изворотливость и др.). Во фразеологизме *не по годам умен* качество ума оценивается как нечто не сообразное юному возрасту. Валентные связи лексемы *молодой* часто указывают на незрелость, ее контекстуальными синонимами являются *незрелый*, *неопытный*, *легковерный* (ср., например, известные строки, тяготеющие к крылатому выражению: *Когда легковерен и молод я был,/ Младую гречанку я страстно любил*). В ряде паремий молодость получает сниженные коннотации и характеризуется неспособностью объективно оценить свои силы: *молодой журавль высоко взлетел, да низко сел*; неопытностью, неокрепшим умом: *молоденький умок, что весенний ледок*; *у молодого ум не окреп*. Оппозиция *молодой – старый* строится на актуализации оценочных сем *неопытный*, *глупый – опытный*, *зрелый*: *молод ещё стариков учить*. В сфере ограниченного употребления лексема *молодой* с коннотацией пренебрежительности используется как *обращение к начинающему, неопытному в каком-либо роде деятельности (напр., к солдату первого года службы)*[3]. Соотносительная с ней по семантике и коннотативному фону лексема *салага* ('молодой, неопытный солдат, матрос первых месяцев военной службы') развивает переносное значение: *2. Неопытный, неумелый молодой человек, новичок в каком-либо деле*[4]. Следует отметить, что лексика с семантикой молодости стилистически дифференцирована и включает традиционно-поэтическую лексему *младой*.

Молодость обладает самоценностью: *золотая пора – молодые года*; *золотое время – молодые лета*; *молод да пригож – всюду вхож*; *поколе молод, потоле и дорог*, предстает как время любви, при этом фразеологизм *любви все возрасты покорны* указывает на возможность этого чувства в любом возрасте – но как бы вопреки сложившимся представлениям.

Старость изначально оценивается как нечто негативное. Базовая паремия *старость не радость* дает широкий ряд вариантов: *старость не радость, горб не корысть*; *старость не радость, не красные дни* и др. Лексема *радость* в паремиях этой группы может обладать энантиосемичным значением, направленным на создание иронии: *при старости две радости: и с горбом и с бельмом*. Сниженные коннотации имеет группа разговорно-просторечных бранных номинаций лица с определением *старый*: *старый хрыч*, *старая вешалка*, *старая перечница* и др.; негативную оценочность имеет переносное значение собирательного существительного *старье*, характеризующее старых людей.

Пейоративная оценка старости носит многоаспектный характер:

- старость – грустное время: *старость придет – веселье на ум не пойдет*; *седина напала – счастье пропало*;
- в старости человек слабеет физически, в старости все кажется хуже: *придет старость – придет и слабость*; *старой бабе и на печи ухабы*; *старые кости перележиваются*;
- старость уязвимее молодости: *дитя падает – бог перинку подстилает*; *стар падает – черт борону подставляет*;
- в старости человек глупеет, с трудом поддается учению: *старого учить – что мертвого лечить*; *из старого ума выжили, нового не нажили*; *старые дураки глупее молодых*;
- в старости человек подвержен искушениям: *седина в голову, а бес в ребро*; *старого черта да подпер бес*; *на седину бес падок*; *стар кот, а масло любит*; *года (старость) от соблазна не затулье*;
- старость консервативна: *молод – перебесится, стар – не переменится*;
- в старости люди смешны, однако не стоит над этим смеяться: *не смейся над старым, и сам будешь стар*. В паремиях этой группы отражена назидательность.

Негативно оценивается слишком долгая, затянувшаяся старость: *чужой век живет*; *за него давно на том свете провиант получают*; *на старого Потапа выросла лопата*; *жить аредовы веки*; *песок сыплется*.

Как пейоративно оцениваемое время старость часто лишь парадоксальным образом, в качестве исключения, заключает в себе нечто позитивное. И в этом смысле частотной является семантическая модель компенсации (плохо, но зато). Синтаксическая конструкция часто содержит противительный союз *да*, который и семантически, и стилистически более ограничен, чем союз *но*, имеет разговорную окраску и по семантике приближается к союзу *зато* – со значением ‘но в то же время, однако’ с оттенком возмещения. Противительная

конструкция способствует выявлению ассоциативных сем оценочного характера: *сам стар, да душа молода*; *стар пес, да верно служит*; *стар пестрец, да уха сладка*; *стар, да дюж*; *старик, да лучше семерых молодых*; *стар гриб (дуб), да корень свеж*. С помощью противительной конструкции определяются также преимущества одного возраста по сравнению с другим в рамках одной паремии: *молод, да по миру ходит*; *стар, да семью кормит*; *молодость плечами покрепче, старость головою*; *сивому мерину смолоду цены не было, а под старость задаром отдали татарам*; *молодой на битву, а старый на думу*. Парадоксальные утверждения строятся на актуализации сем, отражающих характерные черты каждого возраста: *и стар, да весел, и молод, да угрюм*; *и стар, да петух, и молод, да протух*.

Позитивно-оценочный потенциал старости связан с указанием на

- умудренность жизненным опытом: *старый конь борозды не портит*; *старый конь мимо не ступит*; *старый волк знает толк*; *старого воробья на мякине не обманешь, старого волка в тенета не загонишь*. Компонентный состав паремий включает зоонимы, предопре-деляющие коннотацию шутливости. Семантику многоопытности, приобретенной путем невзгод и лишений, передают номинации лица *старый волк*, *старый (стреляный) воробей*.
- выносливость, крепость: *у старого козла больше рога*; *старое дерево трещит, молодое летит*.

Одновременно старость не защищает от промахов и оплошностей: *и на старуху бывает проруха*. Эта семантика в немецком языке передается паремией, строящейся на обыгрывании паронимов – сближении лексем *weiß* [‘белый’, контекстуально – ‘седой’] и *weise* [‘мудрый’]: *Alter macht zwar immer weiß, aber nicht immer weise* (ср. также: *Alter schützt vor Torheit nicht*).

Как уже отмечалось, старость и молодость в ряде паремий аксиологически уравнены: *человек два раза глуп живет: стар да мал*; *стар да мал – дважды глуп*; *старый, что малый, а малый, что глупый*; *молодость не без глупости, старость не без дурости*. Паремии обеих групп отличаются близкой образностью и идентичной синтаксической конструкцией «компенсирующего типа». Модель подобных конструкций такова: хорошо, да плохо; плохо, да хорошо: *молоды опенки, да черви в них*; *стар гриб (дуб), да корень свеж*. В ряде паремий сопоставительного характера выявляется безусловная позитивная оценочность молодости, причем позитивно оценивается прежде всего здоровье, сила, т.е. внешние характеристики: *молодость – пташкой, а старость – черепашкой*; *хоть кривое, да молодое, а старое – и прямое, да гнилое*.

Специфическим проявлением аксиологичности концептов является их амбивалентность, выражающаяся в противоположности целого ряда оценок, в двойственности отношения к одному и тому же объекту. Проблема амбивалентности (антиномичности) как характерная особенность разных концептов рассматривается в ряде работ. Так, Л. Грузберг описывает антиномичность концептов *слово*, *смерть*[5], С. Воркачев указывает на высокую степень значимости признака амбивалентность в интерпретационном поле концепта *любовь*[6] и др. Амбивалентность вызвана прежде всего тем, что фразео-паремиологический фонд отражает групповые ценности, оценка того или иного признака дается с разных точек зрения.

Амбивалентность членов рассматриваемой группы выражается в том, что один и тот же концептуальный признак, характеризующий возраст, оценивается с разных, взаимоисключающих позиций –

- в старости умнеют: *стар да умен – два угодья в нем*; *стар годами, да молод умом*;
- в старости глупеют: *век дожил, а ума не нажил*; *старый – что стареет, то дуреет*;
- старость лучше молодости: *и стар, да петух: и молод, да протух*;
- молодость лучше старости: *мал – да умен, стар – да глуп*;
- молодой не может понять старого: *молодой старому не верит*;
- старый не может понять молодого: *старый молодому не верит* и др.

Амбивалентность может возникать как результат языковой игры, когда соотносятся краткая и полная (восполненная) форма паремий:

- *старый конь борозды не испортит*;
- *старый конь борозды не испортит, да и глубоко не вспашет*.

Этот прием создания амбивалентности активно используется в речи: *бедность не порок* и *бедность не порок, а вдвое хуже*; *от работы кони дохнут* и *от работы кони дохнут, а люди крепнут*; *тише едешь – дальше будешь* и *тише едешь – дальше будешь от того места, куда едешь* и др.

В заключение хочется отметить такую особенность аксиологичности в рамках рассматриваемой группы, как оттенок шутливости, присущий многим паремиологическим единицам, наличие языковой игры, призванной «смягчить» известную драматичность осмысления темы возраста. Культурно-специфические особенности наиболее ярко проявляются в паремиях, строящихся на рифме. Рифмованные паремии легко запоминаются, лаконичны, входят в ядро концептосферы русской лингвокультуры и вовлекаются в разного рода обыгрывания: *старость не радость*, *старый волк знает толк* и др.

[1] *Idiome und Redewendungen Harry Walter: Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche*. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008, S. 158.

[2] Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*. В 30 томах. Т. 16. *Художественные произведения*. Ленинград: Наука, 1974, с. 77.

[3] Елистратов В. *Словарь московского арго*. Москва: Русские словари, 1994, с. 250.

[4] Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2004, с. 134.

[5] Грузберг Л. Концепт, или Почему Америка – концепт, а Финляндия – нет? *Филолог* № 1, 2002. Пермский госуд. гуманитарно-педагический ун-т, Пермь. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_1_31 (15.03.2014).

[6] Воркачев С. Г. *Любовь как лингвокультурный концепт*. Москва: Гнозис, 2007.

ЛИТЕРАТУРА

Idiome und Redewendungen Harry Walter: Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2008.

Авдеева О. А. Описание фрагмента лексико-семантического поля «возраст» в английском языке. *Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена* № 44, том 18, 2007.

Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры, 1998.

Воркачев С. Г. *Любовь как лингвокультурный концепт*. Москва: Гнозис, 2007.

Грузберг Л. Концепт, или Почему Америка – концепт, а Финляндия – нет? *Филолог* № 1, 2002. Пермский госуд. гуманитарно-педагический ун-т, Пермь. http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_1_31 (15.03.2014).

Даль В. И. *Пословицы русского народа*. Москва: Олма–Пресс, 1999.

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 томах. Москва: Русский язык, 1982.

Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*. В 30 томах. Т. 16. *Художественные произведения*. Ленинград: Наука, 1974.

Елистратов В. *Словарь московского арго*. Москва: Русские словари, 1994.

Литвиненко Ю. Ю. *Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира*. Автореф. дис. канд. фил. наук. Омск, 2006.

Телия В. Н. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры, 1996.

Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: НОРИНТ, 2004.

Jeļena Tretjakova

HUMAN IN METAPHORICAL REPRESENTATION OF TRANSPORT TERMS

Summary

Human in Metaphorical Representation of Transport Terms

The present paper addresses the issue of metaphorical representation of transport terminological units. It is studied through the prism of Conceptual Metaphor Theory (Lakoff and Johnson 1980) and theory of attributional and relational metaphor (Gentner and Jeziorski 1993). The analysis is based on the study of relevant terminological dictionaries with the identification of the terms presented metaphorically through the source domain of the human and the human body. The author considers the terms in the English language and their Russian counterparts with the purpose of revealing coincidences or differences in metaphorical representation. The paper aims at discussing the motives, reasons for metaphorization through a certain source object as well as the benefit of such metaphorization in technical communication. The human body is expected to be a yielding source domain for metaphorical representation of transport terms with its universality: the processes taking place in the human organism as well as the functions performed by various body parts are transparent across the world thus making the domain a perfect source of metaphorization.

Key-words: metaphor, term, domain, human body

*

Introduction

The issue of metaphor is nowadays indisputably found among the most extensively studied linguistic tropes. Its formation, use and comprehension are the aspects studied by scholars of various disciplines including even those standing far beyond the scope of linguistics, e.g. medicine, politics, sports, engineering, advertising, etc.[1] Such interest is to a certain degree conditioned by the shift in metaphor theory since the second half of the twentieth century. Metaphor acquired a new dimension for study, namely not just as a trope used in prose and poetry for the purpose of language ornamentation, but rather as a perspective for revealing the worldview through linguistic means.

Theoretical Framework

Metaphorical representation has lately become a topical issue discussed by scholars in various fields of both verbal and non-verbal communication.[2] It has been contributed to, to a certain degree, by the theory of metaphor pervasiveness not only in language but in our thought and world perception.[3] Moreover, metaphor itself has gained a new perspective as it stopped being viewed as a mere ornamentation or decorative element of the author's style, but rather as an integral part of communication leading to the understanding of our worldview. The trend has developed owing to both Lakoff and the associates' development of the Conceptual Metaphor Theory and the consideration of the theory of domains.[4] The Conceptual Metaphor Theory made the concept of metaphor resound differently, namely, as *a cross-domain mapping in the conceptual system. The term 'metaphorical expression' refers to a linguistic expression (a word, phrase or sentence) that is the surface realization of such a cross-domain mapping*[5].

The term *mapping* has been employed from mathematics to refer to systematic metaphorical correspondences between interrelated ideas. The mappings are considered to be the set of correspondences and they have a definite structure. Lakoff introduces a mnemonic designation of the mappings giving them the following form: TARGET-DOMAIN IS SOURCE-DOMAIN. We should perceive metaphor as the projection of one object through the conceptual metaphor from the source domain to the target domain. The source domain lays the foundation for the concept, which in its turn forms mappings, or conceptual metaphors. The conceptual metaphor will further provide a whole number of linguistic expressions, or, as we might call them, linguistic metaphors, that finally deliver the idea to the target domain.

The theory of domains is a pre-stage in the comprehension of the Conceptual Metaphor Theory. The idea implies that in comprehension of metaphor an obligatory pre-stage would be the identification of two domains of knowledge or experience which are mutually incorporated into the process of metaphorical representation. In other words, metaphor can be understood as naming one object from one domain of knowledge (given as the target domain) through the object from another domain of knowledge/experience (given as the source domain). To exemplify the theory, let us consider the example of the metaphorical terminological unit *angle rib*. In its core meaning, the term may both refer to the bending part of the rib and a prominent line in this area, a little in front of the

tubercle. The term in the terminological dictionary denotes a curved piece of metal that forms the frame of a boat, roof, etc. and makes it stronger. Metaphorization is based on the projection of the function performed by the rib in the human body onto the domain of technical sphere of transport. The Russian counterpart provided is *угловое ребро*, which is also metaphorical and has been mapped from the same source object. The knowledge of the source domain (i.e. the human body) provides us with a good basis that would contribute to a certain degree to the comprehension of the technical term formed through the same lexical unit. We juxtapose the information that we possess of the human body to the target object, which facilitates comprehension. Here another construct crucial for discussing the human body as the source domain for metaphorical representation is to be mentioned, i.e. the theory of embodiment. Numerous linguists have dwelled upon the subject of embodiment.[6] The theory of embodied cognition and experience implies that all meanings in the language are to a certain degree determined by human behavior and bodily experience and that these aspects shape the way humans perceive the world. Thus, humans adjust their worldview to the way their biological nature works. Tim Rohrer's definition of embodiment presents a precise summary: *Embodiment hypothesis is the claim that human physical, cognitive, and social embodiment ground our conceptual and linguistic systems*[7].

It might seem rather obvious that when finding denotation for a new technical object we might first turn to our closest, or immediate, environment, in order to find some coincidences, or possibly juxtapositions, so that the object could be given some denotation close to our perception.

Analysis of the Linguistic Material

The theoretical framework discussed above has proved to be sufficient to assume that the domain of the human is to be found among the source domains most frequently employed for metaphorical representation of terminological units.

The study material comprised around 209000 dictionary entries found in four terminological dictionaries (from the fields of car and railway engineering). The English terms have been analyzed and the ones mapped metaphorically from the source domain of the human have been identified. Then their Russian counterparts have been juxtaposed in order to see if metaphorization is found and whether coincidence or

difference may be observed in this respect. Thus, 1275 terms have been identified as metaphorically presented in the dictionaries considered. The study has proved that the domain of the human is indeed the most frequently employed for the purpose of metaphorical representation in this respect with 393 terms being identified as mapped metaphorically from the source domain of the human. It is essential to demarcate what is considered to constitute the source domain of the human in the present study. The first sub-group to be mentioned is the denotations of the limbs (*arm* and *leg*) and their immediate constituents (*shoulder*, *elbow*, *knee*, *foot*, etc.), which are among the most widely employed source objects for metaphorical representation. 126 terms (32.1%) metaphorically presented through the objects of this sub-group have been encountered in the corpus.

Parts of the body are perfect source objects for being employed for metaphorical representation. This can be easily explained. Parts of the body (e.g. legs, arms, elbows, fingers, feet, eyes, ears, a nose, etc.) are universal across the world, which means they are easily comprehended throughout the languages and speech communities. This makes them transparent and welcome in terminology of all languages. This explains the coincidence of metaphorical representation in the English and Russian languages. The technical term *a tooth* (*зуб*, *зубец*) has proved to be equally employed in English and Russian. Consider the following examples: *a gear tooth* (*зуб шестерни*), *an angular tooth* (*храповый зуб*), *an excavator tooth* (*зуб ковша экскаватора*), *a locked tooth* (*зацепленный зубец*), *a toothed bar* (*зубчатая рейка*), *a toothed chain* (*зубчатая цепь*), *a tooth clutch* (*зубчатая муфта*), *a tooth-cutting machine* (*зуборезный станок*), etc. It may be concluded that in the Russian language all the terms identified in English as metaphorical have been found as mapped from the same source object of *tooth* without any variation or deviation from the trend. The object of *tooth* is a perfect source of metaphorization as it is vivid in shape, hence it is found in the terminology of a variety of technical fields for devices having parts equally sharp; and it performs a certain function in our body, i.e. chewing (reducing or cutting food), tearing or biting. Thus, it is a perfect source object for denotation of target technical items that perform any similar function. The same is equally true for the terminological units comprising the lexeme *rib*, as in *a cooling rib* (*охлаждающее ребро*), *an angle rib* (*угловое ребро*), *a ribbed disc wheel* (*дисковое ребристое колесо*), *a ribbed insulator* (*ребристый изолятор*), *a reinforcing rib* (*ребро жесткости*; *усиливающее ребро*), etc. Simultaneous metaphorization of terms in both languages can be observed as the term *rib* (*ребро*)

is used here to denote a part or a structural member for reinforcing the bodywork. The function of a rib in our body (any of the paired curved bony or partly cartilaginous rods that stiffen the walls of the body) has been mapped to the target domain to denote a similar activity. Another finding is worth mentioning in this respect, i.e. differentiation between the attributional and relational metaphor.[8] Metaphorical mapping based on similarity in the appearance of the two objects involved in metaphorization is given as an attributional metaphor, while a relational metaphor presupposes the projection of relational commonalities from the source domain to the target domain. In case of terms comprising the lexemes *tooth* and *rib* both trends can be observed as we may clearly see that both the appearance match and function similarity take place here. The function and the shape have been simultaneously employed in metaphorization which makes the lexical units used the case of both relational and attributional metaphor.

It is noteworthy that the Russian language is more inclined to diversity in finding denotations for technical devices. Consider the term *finger*, which has been identified in a number of collocations, e.g. *a clutch release finger* (*палец выключения сцепления*), *a windshield finger* (*поводок стеклоочистителя*), *a finger contact* (*штыревой контакт*). Generally, the lexeme *finger* is used to denote a projecting machine part, especially one serving as an indicator, guide, or guard or having a pointed end, similar to a human finger. Through such definition it becomes obvious that the shape has served for metaphorical projection, and the metaphor here has the attributional nature. Further study will make it clear that the function is also implied. In the Russian language, though, the trend of multiple counterparts is obvious. The first terminological unit is presented metaphorically through the source domain of the human body, while the second term is also metaphorical through the object of a household item (a lead or some other device used for guidance), and, following the definition above, the motive for choosing such denotation becomes clear. The third terminological unit is non-metaphorical and manifests the ability of the language (in our case – the Russian language) to find a new denotation for a newly-formed technical concept as *штырь* is a technical term denoting a cylindrical pointed object used either to rotate or guide some part of a mechanism or penetrate into a certain material, or another object. Another irregularity noticed in this particular term is the use of the Russian term *палец* (*finger*) with a completely different English counterpart. Let us consider the following terms: *палец щеткодержателя* (*brush-holder arm*), *контактный палец*; *контактный рычажок* (*contact*

arm), *палец [кривошипа, шатуна]* (*wrist*). The lexeme *arm* is used in the English counterparts or, which is vaguer, *a wrist*. The use of *arm* can be explained by the similarity of the functions, the ability to move, hold or direct a certain part or a mechanism with the implication of being rather conical, sharp or pointed; as regards to the term *wrist*, the motives for such metaphorization might be analogues with no stress on the shape similarity. This argues for the case of relational metaphor, where the relations in the source domain hold for the object in the target domain. The examples testify to a bigger variation of terms denoting similar technical items in the Russian language. However, it may be arguable whether such a phenomenon is linguistically beneficial or not. On the one hand, it argues for the linguistic wealth, ability of the language to provide diverse linguistic means, though on the other hand, considering specificity of the specialized communication and terminology (i.e. precision, non-ambiguity), in particular, it may cause misinterpretation, difficulty in translation or even overlap of some notions if one is to deal with terminology in the two languages considered.

Let us consider other examples. The term *throat* is found in a number of collocations: *a hopper throat* (*разгрузочное отверстие ковша или бункера*), *a throat of frog* (*горло крестовины*), *a dual-throat/twin-throat carburetor* (*двухдиффузорный карбюратор*), *a throat area* (*площадь отверстия сопла*). In the Russian language only one term is presented metaphorically through the same source domain – *горло* (*a throat*), while other collocations are presented non-metaphorically (*отверстие* – a hole). This may be explained by the presence of another metaphorically presented term – a *neck* in a variety of collocations: *filler neck* (*заливная горловина*), *axle neck* (*шейка оси*), *neck bush* (*воротник сальника*), etc. Though it is obvious that a *throat* and a *neck* are distinctively different notions with the neck being a part of the human body connecting the head with the rest of the body and a throat being a part of the neck providing a passage through the neck to the stomach and lungs, there might be some overlap of the two notions observed. The obvious difference is that the *neck* in terminology may be referred more to the attributional metaphor being similar in shape to a certain part of the human body, while a *throat* is more concerned with the function thus being more relational metaphor than attributional one. According to the definition a *filler neck* ('the upper end of the fuel filler tube leading down to the fuel tank, which accepts the fuel hose nozzle at a filling station') is more preferable to be called a *filler throat*, as it explicates the essence of the technical device. The same is true for *a gasoline filter neck*. At the same

time, with the term *a throat of frog* (*горло крестовины*) the situation is vague in both languages, as the term denotes the narrowest part of the intersections of rails and it does not refer to the function of passing any kind of liquid throughout it, thus the choice of the particular source object is not quite clear.

The initial assumption made for the research has been that the conceptual metaphor VEHICLE IS THE HUMAN BODY is to be incontrovertible for the corpus. The human body is a system of organs and body parts that function according to definite principles. Absence or dysfunction of any of these may lead to malfunction of the human body. The same is equally true for any vehicle. It is the system of elements working in coordination and cooperation with each other (similar to the human body) and damage of any of them may lead to the overall malfunction. This explains why function has been identified as the main aspect of metaphorization in the case of metaphors mapped from the source domain of the human body. However, the study has revealed that the conceptual metaphor mentioned may work at various levels. First, it may be applied to the whole structure of the body, providing metaphorical terms for some basic parts of the *transport means*, as in case of an *all-weather head* (*открывающаяся [откидная, съемная] крыша*) or a *face bar* (*бампер*); but it more often reveals itself at the sub-level, by which we mean the introduction of metaphorically presented terms for technical items inside the vehicle or denotations of smaller parts and details. The examples of this are numerous. Thus, there have been 61 terms comprising the lexeme *arm* identified in the corpus, which denote a variety of technical details; the Russian counterparts included *рычаг*, *кронштейн*, *рукоятка*, *плечо*, *брус*, etc. This may be explained that any technical object (even a smaller part or a detail) may be viewed as a system and being the best system known to the human, the human body serves for metaphorization in each case where function or shape-function similarity is implied. This also facilitates our life to a certain degree as it spares us the difficulty of 1) finding denotations for new technical phenomena; 2) keeping in mind all the information denoted through the source domain considered. Just imagine if all 61 terms were each given a separate terminological unit instead of *arm*! Showing linguistic wealth in this particular case is not always beneficial. It especially concerns non-specialists. Transport has become an integral part of our everyday life, playing a vital role in life of the majority of people in the hectic, fast-moving society. Moreover, a personal car is not a rare phenomenon nowadays, which means that not only professional mechanics, but ordinary car users are

frequently dealing with the problems discussed in the technical language. The use of metaphorically presented terms in this case might facilitate the comprehension. Even if the same lexeme is used to denote a variety of technical objects (as in case of the term *arm*, for example), the process of visualization, juxtaposition of the source and target objects with the subsequent comprehension of similarity implied in metaphorization may contribute to the perception of the technical phenomenon described through metaphorical naming. However, the Russian language presents a different trend in the majority of cases, i.e. a variety of descriptive terms or technical specific denotations.

The processes taking place in the human organism or the lexemes usually applied for denoting processes more relevant to the human life have also been considered in this group of metaphorical terms. Consider the following examples. The term *an engine breather* (*вентиляционный клапан [в крышке топливного бака]*) has been encountered and is to be noted as an interesting case. It is metaphorical in the English language and non-metaphorical in Russian. The term denotes a passage to the open air from an enclosed space to provide ventilation, which makes it clear that to a considerable extent it relates to the process that takes place in our body while inhaling and exhaling air. However, in the Russian language a non-metaphorical term is presented, it is more descriptive as it contains the exact definition of the function of the device, though in English the performance of the device is comprehended through functional resemblance. It is close to the case of *air-breathing ability* (*способность [двигателя] обеспечивать оптимальное наполнение при различном числе*), where in English the metaphorical term explicitly shows the ability of a vehicle to perform something similar to breathing in the human organism, while the Russian language has avoided providing a metaphorical term and provided its descriptive equivalent, though a rather lengthy one. The following terms can also be analyzed in this respect: *life* (*долговечность*; *срок службы*; *ресурс*; *наработка*), *mortality* (1. *убыль [машин, деталей]*; *выход из строя*; 2. *выход из строя по непредвиденным случайным причинам, учитываемым при расчете постоянным коэффициентом*), *starvation* (*недостаток [напр., поступающего масла]*; *голодание [масляное]*). The words *life*, *mortality* and *starvation* are non-literal in reference to technical devices; we may assume that the processes taking place in our body have been mapped into the target domain of transport. *Life* is something used to denote a period of time allotted to humans or living organisms, and in case of terms it could have been something like period of work, validity, performance efficiency. Some other lexical units

might have been used instead of, e.g. *'life between overhauls'* ('the time between capital repairs of some mechanism'), or *'lifetime'* ('the time predicted for a mechanism to operate well') – e.g. *duration* or *length* of mechanisms' performance or operation. The reason to avoid it might be that the lexemes chosen perfectly visualize the phenomena taking place in the human body and juxtapose them to the processes taking place in the technical devices, a car, in particular. Technical devices might serve a certain period of time, and they perform definite activities for a certain period of time as humans do; the years of performance can also worsen their functions, as human health might deteriorate with years. It might be assumed that metaphoricity is implied in the term with the purpose of emphasizing the condition of a device between its release and failing. This may also be supported by the examples of the terms *a dead line* meaning 'the line that is switched off, not active'; *a dead engine* – 'the engine which is not operating'; *a dead joint* – 'a joint that has no moving parts, thus being non-rotating or not able to provide any movement'. The terms are united by the implication made by the lexemes *death* or *dead*, i.e. performing no action, being not alive and working.

The situation is similar with the term *mortality*, where again the Russian language presents a non-metaphorical counterpart with a lengthy definition of the notion. The term *starvation* could have been given as lack of something if it were presented non-metaphorically, though we admit that metaphorical denotation provided a more explicit idea of the term and its meaning, i.e. equally to the human body that lacks food and thus is dying, a vehicle may experience the same if it is not provided vital components such as oil, for example, for its full-fledged functioning. In the Russian language, the term *starvation* is presented both metaphorically and non-metaphorically, and it can be concluded that the metaphorical one provides a better comprehension as simply the *lack* (*нехватка*) may not be treated as threatening to life, while starvation presupposes that if it is not stopped, the consequences may be fatal (both for the human body and a vehicle).

The number of lexical units applied for metaphorization from the source domain of the human and the human body may be considered as rather limited. Universality and perfect knowledge of the domain makes this number restricted as it seems impossible to create new denotations for the body parts or the processes taking place in the human organism. Everything has been already cognized leaving little if no space for new lexemes. Just compare this domain to the source domain of household items, where a bigger variety may undoubtedly be observed, as the items

applied by humans in their everyday life indeed differ across the world thus providing more variation in the employment of the source objects in metaphorical representation.

Conclusions

The source domain of the human and the human body provides the introduction of numerous metaphorical terminological units. This may be explained by several reasons: 1) in the attempt of denoting a newly formed technical object, a person would first address their immediate environment. Technology is to a great extent the result of observing nature and the world around us. Therefore, the use of the lexemes denoting body parts is rather natural in naming various mechanisms as the body may be indeed juxtaposed to the mechanism and vice versa a mechanism, a vehicle may be viewed as a system of vital organs; 2) the human body and its constituents present a universal material as not so much diversity may be found in this respect. This leads to the assumption that metaphorical terms presented through the source domain of the human may be found in almost any language. The thesis proved to be true, though the Russian language showed more desire for non-metaphorical denotations with the provision of descriptive explanatory definitions and specifically technical terms. It is also noteworthy that the function of the body parts has been the most frequently employed aspect for metaphorical representation, thus testifying to the prevalence of relational metaphors over attributional ones in the domain considered.

---

[1] Mayer R. E. The Instructive Metaphor: Metaphoric Aids to Students' Understanding of Science. *Ortony A. Metaphor and Thought.* Second Edition. Cambridge University Press, 1993, pp. 561–578; Hallyn F. (ed.) *Metaphor and Analogy in the Sciences.* The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2000; Forceville Ch. *Pictorial Metaphor in Advertising.* Taylor & Francis e-Library, 2002; Veisbergs A. Latviešu politiskā metafora. *Akadēmiskā Dzīve* 44/2007, 14.–20. lpp.; et al.)

[2] Boroditsky L. Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time. *Cognitive Psychology* 43, 2001, pp. 1–22; Cameron L., Deignan A. The Emergence of Metaphor in Discourse. *Applied Linguistics* 27/4. Oxford University Press, 2006, pp. 671–690; Carver T., Pikalo J. (eds.) *Political Language and Metaphors: Interpreting and Changing the World.* Taylor & Francis e-Library, 2008; Deignan A., Skorczynska H. Readership and Purpose in the Choice of Economics Metaphors. *Metaphor and Symbol* 21(2), 2006,

pp. 105–120; Forceville Ch. *Pictorial Metaphor in Advertising*. Taylor & Francis e-Library, 2002; Guttenplan S. *Objects of Metaphor*. Clarendon Press, Oxford University Press, 2005; et al.)

[3] See Lakoff G., Johnson M. *Metaphors, We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

[4] Studied by e.g. Croft W. The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies. *Dirven R., Pörings R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-I0785 Berlin, 2003; Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Second Edition. Oxford University Press, 2010.

[5] Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. *Ortony A. Metaphor and Thought*. Second Edition. Cambridge University Press, 1993, p. 203.

[6] See Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburg University Press, 2006; Rohrer T. Embodiment and Experientialism. *Geeraerts D., Guyckens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford University Press, 2007, pp. 25–47; Gibbs R. W. Jr. Embodied Action in Thought and Action. *Ruiz de Mendoza Ibanez F., Cervel S. (eds.). Cognitive Linguistics: Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction*. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-1785, Berlin, 2005; Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Second Edition. Oxford University Press, 2010.

[7] Rohrer T. Embodiment and Experientialism. *Geeraerts D., Guyckens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford University Press, 2007, p. 27.

[8] Gentner D., Jeziorski M. The Shift from Metaphor to Analogy in Western Science. *Ortony A. (ed.). Metaphor and Thought*. Cambridge University Press, 1993, pp. 447–480.

BIBLIOGRAPHY

Boroditsky L. Does Language Shape Thought? Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time. *Cognitive Psychology* 43, 2001, pp. 1–22.

Cameron L., Deignan A. The Emergence of Metaphor in Discourse. *Applied Linguistics* 27/4. Oxford University Press, 2006, pp. 671–690.

Carver T., Pikalo J. (eds.) *Political Language and Metaphors: Interpreting and Changing the World*. Taylor & Francis e-Library, 2008.

Croft W. The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies. *Dirven R., Pörings R. Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-I0785 Berlin, 2003.

Deignan A., Skorczynska H. Readership and Purpose in the Choice of Economics Metaphors. *Metaphor and Symbol* 21(2), 2006, pp. 105–120.

Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburg University Press, 2006.

Forceville Ch. *Pictorial Metaphor in Advertising*. Taylor & Francis e-Library, 2002.

Gentner D., Jeziorski M. The Shift from Metaphor to Analogy in Western Science. *Ortony A. (ed.). Metaphor and Thought*. Cambridge University Press, 1993, pp. 447–480.

Gibbs R. W. Jr. Embodied Action in Thought and Action. *Ruiz de Mendoza Ibanez F., Cervel S. (eds.). Cognitive Linguistics: Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction.* Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-1785, Berlin, 2005.

Guttenplan S. *Objects of Metaphor*. Clarendon Press, Oxford University Press, 2005.

Hallyn F. (ed.) *Metaphor and Analogy in the Sciences*. The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2000.

Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Second Edition. Oxford University Press, 2010.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors, We Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. *Ortony A. Metaphor and Thought*. Second Edition. Cambridge University Press, 1993, pp. 202–252.

Mayer R. E. The Instructive Metaphor: Metaphoric Aids to Students' Understanding of Science. *Ortony A. Metaphor and Thought*. Second Edition. Cambridge University Press, 1993, pp. 561–578.

Rohrer T. Embodiment and Experientialism. *Geeraerts D., Guyckens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford University Press, 2007, pp. 25–47.

Veisbergs A. Latviešu politiskā metafora. *Akadēmiskā Dzīve* 44/2007, 14.–20. lpp.

Ilze Oļehnoviča

ENGLISH AND RUSSIAN LOAN PHRASEOLOGY IN LATVIAN JOURNALESE

Summary

English and Russian Loan Phraseology in Latvian Journalese

Newspaper discourse has a characteristic style and a language of its own. This style of language is often referred to as journalese. Journalists' writings are aimed at a great target audience, i.e. they are understood by most of the native speakers, which, in its turn, is assumed to manifest the present-state of phraseology of the respective language.

The article discusses the issue of borrowed phraseology of various types (from English and Russian) in the discourse of Latvian newspapers: phraseological translation loans, full phraseological loans, phraseological transcription loans, and phraseological semi-calques. The examples of the use of phraseological loans in Latvian journalese are presented and analysed: the variations that these phraseological units are subjected to are identified and the effects that such use (core use or instantial stylistic use) of phraseological units brings about in the discourse of Latvian newspapers are described. Though the examples of borrowed phraseological units are not numerous, their use in newspapers testifies to the close relations between the languages involved.

Key-words: newspaper discourse, loan phraseology, core use, instantial stylistic use

*

Introduction

Newspaper discourse, in the same vein as reporting in general, has its own style and a language. This style of language is often referred to as *journalese*. *The American Heritage Dictionary of the English Language* defines *journalese* in the following way: *The style of writing often held to be characteristic of newspapers and magazines, distinguished by clichés, sensationalism, and triteness of thought*[1].

Newspaper language is the domain of written language, which is produced in a rather limited time and contains a lot of interviews, thus the samples of natural language use and spontaneous spoken language

can be studied. Besides, journalists' writings are meant to be read and understood by a large target audience, the general public, i.e. they are understood by most of the native speakers, which, in its turn, is assumed to manifest the present-state of phraseology of the respective language. Dite Liepa states that journalists are those who participate in the development of their readers' language.[2] And in this respect one might argue that journalese is abundant in clichés and triteness.

Since newspapers usually report the news in brief, a journalist has to present the most essential parts of the news in the most economical way possible, while attracting and keeping the reader's attention. Another aspect is that when studying newspaper discourse one should take into account also the cultural and/or social context of the event discussed. Liepa states that, nowadays, considering journalese, one might speak about tuned-in, depoeticized expressive means in which the simplicity of conversational language contrasts with the complexity of the style that complies with the traditional norms.[3] The author of a text addresses his readers in various ways: as a passionless narrator of facts, or as a personality who constantly evaluates and describes the situation discussed and thus demonstrates his position and, by means of individuality and stylistic freedom of his language he tries to deviate from the clichés of newspaper language.[4]

Journalists use phraseological units to show their attitude to the events discussed; as put by Carter: *idiom uses do not simply describe but comment in positive and (more usually) negative ways on events, processes and persons*[5].

Borrowing of Phraseological Units

Borrowing is the transfer of language elements from a source language to a receptor language.[6] Liepa acknowledges that among borrowings in Latvian (though it does not pertain only to phraseological units, but lexis in general), the greatest part is made up of the borrowings from English, and this fact is related both to the increase of the use of English in the whole world and to the wide distribution of the knowledge of English in Latvian society. Besides, the popularity of English may be accounted for by the spread of information technologies and the increase in the role of English in many different spheres of life.[7]

As to the borrowings from Russian, it is considered that nowadays they have obtained the status of *forbidden fruit*.[8] They are mostly used in informal situations when it is appropriate to use slang and various expressions that are considered to be unwelcome borrowings, for instance,

vulgar words. But journalists' slang is often regarded as a result of the search for a peculiar style and originality.[9]

According to Andrejs Veisbergs, the language of newspapers abounds in conventionally used phraseological units[10], i.e., phraseological units used in core use. And, as testified by the results of the present research, this is particularly true for loan phraseology.

Phraseological borrowing is a transfer of PUs from the source language to the target language.[11]

Phraseological borrowing results from language contact, bilingualism and multilingualism and has been studied in many languages by a number of scholars.[12] But, similar to phraseological terminology in general, also in regard of this phenomenon there is no agreement on the questions of terminology and the basic concepts, classifications, etc. Veisbergs mentions a number of terms used in relation to the phenomenon of loan phraseology, for instance, phraseological borrowings, loans, real borrowings or loans, calqueing, calques, semi-loans, semicalques, translations, insertions, etc.[13] Nowadays there are a number of studies, in which scholars speak not only about common European phraseology, but even about universal phraseology.[14]

According to Veisbergs, there are four methods of borrowing (namely, loan translation; full borrowing; phraseological transcription; mixed type that combines loan translation and phraseological transcription), on the basis of which, four types of phraseological loan are distinguished:

1) phraseological translation loan (calque);
2) full phraseological loan;
3) phraseological transcription loan;
4) phraseological semi-calque.[15]

The Use of Phraseological Translation Loans

Phraseological translation loans make up the greatest part of borrowed phraseology, they appear in the receptor language due to precise or imprecise transfer of the model (structure and semantics). Each lexical component of the model should correspond to a component of the translation loan, but the syntactic structure is not always fully imitated. This is determined by the necessity to adapt the borrowed unit to the structure of the receptor language so that it might successfully function and be used in that language.[16] However, as rightly stated by Veisbergs, translation loans always preserve some exotic tinge and the properties of an alien element in the receptor language.[17]

Thus, in the discourse of the latest Latvian newspapers the following phraseological translation loans from Russian have been encountered: *jumts aizbrauc* (*крыша поехала – lose one's head*), *kārt makaronus uz ausīm* (*вешать лапшу на уши – 'to (try to) fool, intentionally mislead'*), *laist muļķi* (*валять дурака – to play dumb*), *pēc līdakas pavēles* (*по щучьему велению – 'as if by wander'*), *ar dakšām ūdenī zīmēts* (*вилами по воде писано – it is still up in the air*), *kuces dēls* (*сукин сын – son of a bitch*), *kāda mārrutka pēc* (*какого хрена – why the hell*):

> *Izdzīvošanas jautājums mākslā kļuva aktuāls kā vēl nekad – no sociālisma mākslinieka – marginālā autsaidera – komforta zonas nonākot potenciāli neierobežotos mākslinieciskо ideju, izpausmju un darbību konkurences apstākļos, daudziem patiešām "**aizbrauca jumts**" – māksla pirmo reizi reāli draudēja kļūt par to, kas tā ir pēc būtības, – luksusa preci emocionāli un intelektuāli attīstītiem patērētājiem.*[18]

> *[..] ziniet, televīzijai (presei) vajag runāt patiesību, nevis melot un **kārt makaronus uz ausīm** tautai, aizbildinoties ar dzīves sarežģītību, daudzplākšņainību utt.*[19]

> *[..] nevar ļaut visai sabiedrībai svarīgus lēmumus pieņemt aiz slēgtām durvīm un dziļā slepenībā, nevar ļaut vēlētiem tautas kalpiem **muļķi laist** imitējot darbošanos, nevar noslēgties sevī, uzskatot, ka valstī notiekošais uz tevi pa tiešo neattiecas.*[20]

> *Kas traucē sākt citu dzīves veidu? Tikai boļševistiskā apziņa, ka tas notiks kā brīnums, ar kaut kāda lēmuma palīdzību, **pēc līdakas pavēles**.*[21]

> *Bet turpat blakus **ar dakšām ūdenī zīmētajam** ciparam redzama arī bez problēmām iekasējama summa, atceļot samazināto pievienotās vērtības likmi mājsaimniecībās patērētajai dabasgāzei un **pie vienām sāpēm** paaugstinot tai akcīzes nodokli.*[22]

> *Ar mani viss kārtībā. Ja kāds tev pasaka, ka esi **kuces dēls**, un tu par to apvainojies, tas nozīmē, ka tu nezini, kas ir tava māte.*[23]

A stylistically marked (*vulgar*) PU – a translation loan[24] from Russian ***kāda mārrutka pēc*** is used in the extract below; its use manifests the author's indignation, which is rather often expressed by Russian phrases in spoken Latvian.

> *Varētu jau atrunāties – "**kāda mārrutka pēc**" politiskais vājprāts būtu jāreflektē mākslā, ja reālajā dzīvē šis "politkabarē" jau ir līdz kaklam?*[25]

Not only Russian PUs are used in Latvian newspapers; there are also examples of phraseological translation loans from English, for example, *white collar workers*, – 'non-manual employee, such as an office worker or manager'.

> *"Ir viegli saprast, kāpēc krīzes skarto Austrumeiropas valstu "**baltās apkaklītes**" metušās zelta skrējienā uz Briseli," raksta avīze.*[26]

Or the phraseological unit ***ļaunuma impērija*** *– evil empire*:

> *Reigans, kurš bija nodēvējis padomiju par "**ļaunuma impēriju**", 1987. gadā Maskavā tikās ar Gorbačovu un parakstīja vienošanos par stratēģiskā bruņojuma ierobežošanu. Konservatīvais Reigans pastaigājās "**ļaunuma impērijas**" sirdī Sarkanajā laukumā un pēc līguma parakstīšanas jokoja, atgādinot krievu teicienu: "Doverjai, no proverjai" ("Uzticies, bet pārbaudi").*[27]

The phraseological unit, the source of which is Shakespeare's *Hamlet – to be or not to be – būt vai nebūt*; *strausa politika – ostrich policy*, and *a skeleton in the cupboard – skelets skapī.*

> *Un raksta memuārus, atkal un atkal atgriežoties ne tikai savas dzimtenes svarīgos vēstures mezglupunktos (1991. gads Latvijai taču ir hamletiskais **būt vai nebūt** gads), bet arī pie savas profesijas, sava amata, savas cunftes.*[28]

> *Latvijā latviešus apsaukāt par fašistiem ir sena krievu tautas tradīcija. Šobrīd uzskatāmi redzamas gadiem piekoptās **strausa politikas** sekas. Nevar mūžīgi izlikties, ka ar integrāciju Latvijā viss ir kārtībā. Nekas nav kārtībā un nekad arī nav bijis.*[29]

> *Daudziem ir savs **skelets skapī**, tāpēc var uzspiest un manipulēt. Nebūs tā, ka pūķim trīs galvas nocirtīs un viss būs kārtībā. Ataugs jaunas. Un mēs vēl nezinām, kur īsti ir jācērt. Šodienas lielā uzvara ir tā, ka mēs sākam runāt to, ko domājam. Nevis tā, kā pareizi Zatlers sacīja, vienu domājam, otru rakstām, trešo darām.*[30]

As it is obvious from the examples, the sources of phraseological units in the original have entered the stock of phraseology from different sources (colloquial language, slang, folklore, literature) and belong to different registers (bookish, literary, colloquial, low colloquial, slang, taboo). The choice of a particular loan is determined by an author's wish to depict the situational context, to make readers feel involved in the situation discussed, to feature the main characters more precisely. In the majority of cases the use of phraseological units also designates the writer's attitude to a person, a situation or an event described or commented on.

The Use of Full Phraseological Loans

The idea of the use of phraseological loans with the aim to create a more picturesque and detailed presentation of the situation especially refers to the use of full phraseological loans, which have been long considered to be *alien and uncharacteristic elements of a language*[31]. At times, such phraseological loans have been termed *insertions*, but this use of terminology may result in misunderstanding, since *insertion* is the term that designates one of the patterns of instantial stylistic use of phraseological units, no matter whether they are native or borrowed. Full phraseological loans are international in character and constitute an integral part of phraseology of the receptor language. Veisbergs states that the number of full loans in Latvian is rather limited and the richest source of phraseological units of this type is Latin, but there are loans of this type from other languages, including also English and Russian. Though, this type of borrowing from Russian is hindered by the difference in the alphabets; therefore there are no full phraseological loans from Russian (apart from slang and taboo phrases used in speech); the appearance of such loans in journalese is determined by the situational context and in newspaper discourse they are transliterated. These loans never get assimilated in the receptor language. They always preserve their alien, foreign nature and are used occasionally for stylistic purposes.

The examples of full phraseological loans from English include such phraseological units as *American dream*, *face control*, *shit happens*. They usually appear in the articles related to international affairs, in interviews with speakers of English.

> *Tas nav stilīgi. Stilīgi ir censties kļūt bagātam un varenam. Iespējams, sākot rakstīt šo sāgu, Dž. R. R. Mārtins (starp citu, cik man izdevās noskaidrot, iniciāļi R. R. tiešām ir no vecāku dotajiem vārdiem Reimonds Ričards, nevis pievienoti vēlāk, lai raisītu asociācijas ar Tolkīnu) apziņas dzīlēs turēja nevis Aivenho un Simtgadu karu, bet gan daudz vienkāršāku iedvesmas avotu – **american dream**. Un vienlaikus auga sabiedrībā, kas no sirds ticēja un tic, ka visam, kas mēs kļūstam dzīvē, pamatā ir lielākas vai mazākas bērnības traumas, nevis mūsu izvēles.*[32]

> *Vizuāli iespaidīgs (kaut man nepatīk Malika, ģeniālā dabas rituālu iedzīvinātāja kinotēlos, spēlītes ar kompjūterģenerētiem dinozauriem un meteoroloģisko Zemes karti) kino ar milzīgām pretenzijām caur amerikāņu ģimenes laimes un **american dream** krahu aizfantazēties līdz bibliskai līdzībai par cilvēku dzimuma dabu, kurā visas vainas ceļas no (nesmejieties)… valdonīgu tēvu Edipa kompleksa.*[33]

Tādējādi īpaša reģistra izveide būtu uztverama kā sava veida ***face control*** *mehānisms naktsklubos. Respektīvi, ja kluba apsardzes dienests uzskata, ka personāžs, kurš izrāda interesi par iekļūšanu klubā, ar savu uzvedību varētu tikai radīt problēmas gan pārējiem apmeklētājiem, gan arī pašam klubam, viņš vienkārši netiek ielaists iekšā, un arī ieejas biļete viņam netiek pārdota.*[34]

*Iemīlējos jau pirmajā sekundē, apzinoties, ka neesmu "īstā auditorija", jo komponista pielūdzēji savus biļešu pieteikumu apstiprinājumus ikgadējam Baireitas festivālam gaida desmit un pat vairāk gadu. Galvenais ir statuss sabiedrībā, nevis ieejas maksa. Šis "****face control****" ar izsmalcinātas elegances lakonismu piesātinātajā pilsētā valda kopš 19. gadsimta vidus.*[35]

Joks ir tāds, ka ASV neatkarīgā kinematogrāfa censonim režisoram Derekam Sienfrānsam nolūks ir parādīt, kā pazūd mīlestība, kā tā izčākst burtiski no nekā un ka racionālu iemeslu nemīlestībai nesameklēt, tāpat kā nesameklēt to arī pašam jūtu uzplaukumam. Taču tas nav fatālais ***shit happens*** *– tā notiek. Lai gan, jā, tieši tā notiek. Mīlestība pazūd aiz nekā. Bez iemesla.*[36]

*Turklāt es runāju par jebkuru baznīcu. Arī par pareizticīgajiem, arī par luterāņiem. Vai tad Vanags šajā ziņā ir labāks par Pujatu? Nē, taču! Tad man jāteic: "****Shit happens****." (Sūdi notiek. – Angļu val.) Un vissliktākais, ka "****shit happens****" baznīcā. Bet baznīcā "****shit****" nedrīkst notikt, jo baznīca ir svēta vieta. Taču mācītāji tagad, redz, sēž partiju kongresos.*[37]

The Use of Phraseological Transcription Loans

Phraseological transcription loans, according to Veisbergs, *occupy a middle position between translation loans and full loans*[38]. They are closer to full loans phonetically and semantically as the link with the source language is retained. The common feature with translation loans is that they are adapted to the receptor language in grammar and orthography.

Since phraseological transcription loans usually are proper names (designating not a single person but rather representing a class – people, occupation, etc.), their number in Latvian is not great, for example, Šerloks Holmss (a detective), Ivans Ivanovičs (a Russian), etc. There is a specific class of phraseological transcription loans distinguished that are rude and taboo Russian phrases, which are mainly characteristic of oral speech, but occasionally are encountered also in written discourse in transliterated form.

The same as in the case of full phraseological loans, also in the case of the use of phraseological transcription loans in newspaper discourse it implies code-switching. These types of loans are often used to express irony, disdain, sarcasm, etc. In the articles analyzed the following phraseological transcription loans (only from Russian) have been elicited: *Doverjai, no proverjai* (*trust, but check*); *skoļko ļet, skoļko zim* (*so many summers, so many winters*); *sila jestj – uma ņe nado* (*if there is strength, no mind is needed – 'brawn instead of brain'*); *Jei bogu* (*by golly – 'really and truly'*); *kačāt pravas* (*stand up for one's rights*), *Jolki palki* (*hang it all* – used to express emotions like surprise or annoyance or delight); *shoģit s ruk* (*'get away with'*):

> ***Doverjai no proverjai***
>
> *Amerikāņi turas pie savulaik Ronalda Reigana Gorbačovam paustā* ***doverjai no proverjai*** *principa. Tas labi, jo tā ir papildu garantija projekta kvalitātei.*[39]
>
> *Teātra žurka 2009 jeb Kornēlijas atgriešanās ir muzikāliem priekšnesumiem un parodijām piesātināts uzvedums. Tā scenāriju balsta seno paziņu, apsviedīgās grābējas Svetlanas Bless Kornēlijas un trūcīgā tautas pārstāvja, diriģenta Jāņa Skaņa Circeņa saruna, satiekoties pēc "****skoļko ļet, skoļko zim****".*[40]
>
> *Principā jau filma tikai apliecina vispārzināmo klišeju par armiju:* ***sila jestj – uma ņe nado*** *(ja spēks ir, prātu nevajag), tikai jautājums – vai tas ir labi?*[41]
>
> *Kā politiķis Urbanovičs varēja iet, ka tevi divi deviņi zibens zellis un trallināt "kas man beja Saeimā nadzeivot", kamēr viņam SAB (ir taču iestādes valsts drošības sardzē!) nepasniedza "mello zīmi". Ko tas nozīmē? Ja nav pielaides, atņem šefti Saeimas Nacionālās drošības komisijā.* ***Jei bogu****, kad pirms nākamajām vēlēšanām Jānis Urbanovičs lielīsies, ka būs Ministru prezidents, kā gailis uz zināmas konsistences vielas čupas, lai nesmīdina visu Latgali, ka tā krīt garzems un smejas, vēderu turēdama.*[42]
>
> *Krievijā viens otrs jūtas labāk, ja te ir slikti un ja te ir pietiekami daudz ļaužu, kuri vēlas* ***kačāt pravas*** *un to arī dara.*[43]
>
> *Koļa, vanadziņ, mūc!* ***Jolki palki****, cilvēka pauris nav ar čugunu oderēts! Tad viņš lidoja. Ne akurāt kā Maija Pļisecka, bet ar vējiņu.*[44]
>
> *Valdītājiem viss "****shoģit s ruk****". Noiet no rokas – latviskojot. Lūk, ar ko nodarbojas vadītāji: ar masturbāciju valstiskā līmenī.*[45]

The Use of Phraseological Semi-Calques

Phraseological semi-calques appear in the result of the combination of two methods of borrowing, namely, loan translation and phraseological transcription. They occur in the case of *'untranslatability' of one or several components of the unit. Usually these PUs contain proper names or words that are characteristic of foreign language realia*[46], for instance, *Potjomkina sādžas* (from Russian ***потемкинские деревни***, *Potemkin villages* – a deceptive front that conceals the miserable state of affairs behind the external splendor), *Bīta pasaule* (*the beat generation* – from English).

The number of loans of this type in the newspaper material analyzed within the present research is very small – only three phraseological units, one borrowed from English, and two – from Russian: *blāblāblā*, *dzīve – maļina* (***жизнь — малина*** – *'life is wonderful'*); *atsēdēt savu sroku* (***отсидеть срок*** – to serve one's full sentence in prison).

> *Jums ir pamatotas tiesības teikt, ka es kuļu tukšus salmus. Tā vietā, lai riktīgi izstāstītu, kas uz ekrāna notiek ar filmas Blue Valentine galvenajiem varoņiem Dīnu un Sindiju .. es te leju dzeju –* ***blāblāblā***.[47]

> *Deju grīdā skan klusināta mūzika, Ļeontjevs vai kazarmu kuplejas, vienkārši un glīti klāto galdu rotā izmeklētas uzkodas ar kaltētām zivīm un skābētiem gurķiem, bet kā firmas ēdiens ir "poņuhaj vot eto!". Lai arī ap patvāri guļ kritušie, zārku meistaram Bezenčukam velti meklēt darbu ballītē.* ***Dzīve, biedri, maļina!***[48]

> *Dīki zvilnēt kamerā pie televizora vai mēģināt kādā cietumā izvietotā ražotnē nopelnīt kādu latu ir katra paša ziņā. Ne viens vien, par strādāšanu vaicāts, lepni atcērtot – es te esmu likts* ***savu sroku atsēdēt****, nevis strādāt!*[49]

Instantial Stylistic Use of Phraseological Loans in Latvian Journalese

Almost all the examples of phraseological loans considered so far are used in core use, i.e. without any major changes in their structure and/or meaning. In core use PUs are varied with the only aim to fit them into the context grammatically. Discoursal variations of PUs can be inconspicuous and thus even pass by unnoticed by the reader; and these variations can be highly conspicuous and produce a number of effects and arouse various emotions and reactions on the part of the reader. Some of the commonest techniques of instantial stylistic use are: insertion,

addition, substitution (replacement), ellipsis (deletion) of some element/s, permutation, etc. The use of these techniques may lead to the emergence of such more sophisticated patterns of instantial use[50] as phraseological allusion, extended phraseological metaphor, dual actualization, and cleft use.

In the material analyzed, only two types of phraseological loans have been encountered in instantial stylistic use, namely, phraseological translation loans and semi-calques.

Thus the first, the most elaborated example is the extended phraseological metaphor of the PU ***pēc līdakas pavēles*** (*по щучьему велению*; *as if by magic*). Its extension encompasses the whole paragraph, different images pertaining to the image of the phraseological metaphor – *a pike*, *crucian carps*, *pond*, *goldfish*, *waters* – are added to complete the picture: *Therefore a pike is needed, so that crucians wouldn't fall asleep [..] Vladimirs Lindermans, who has decided to chase about the pond of Latvian politics… [..] Linderman's 'pike' can scare not only 'the crucians' but also Nils Ušakov's 'goldfish' that has comfortably settled in the waters of Riga City Council*:

> ***Pēc līdakas pavēles***
>
> *Vladimirs Lindermans*
>
> ***Tādēļ jau līdaka vajadzīga, lai karūsas nesnaustu*** *– ar šādu atziņu nācis klajā apvienības "Par dzimto valodu" līderis Vladimirs Lindermans, kurš apņēmies pirms nākamā gada pašvaldību vēlēšanām* ***patramdīt Latvijas politikas dīķi****. [..] Latvijas faktu aptauja šonedēļ atklāja, ka Saskaņas centrs zaudējis populārākās partijas statusu.* ***Lindermana "līdaka" var pabiedēt ne tikai "karūsas", bet arī Nila Ušakova "zelta zivtiņu", kas ērti iekārtojusies Rīgas domes ūdeņos.***[51]

In the next example the image of the loan from English ***a skeleton in the cupboard*** is extended: a skeleton is locked in the cupboard, people usually do not like seeing skeletons and this fear is played upon in the extension: *The skeleton is locked in the cupboard. While it is in the cupboard, it can be gossiped about, but, taken out of the cupboard it might frighten not only children but also some citizens of voting age.*

> *Versijas klīst dažādas, pēkšņā rīcība kongresa prologā un tai sekojošie partijas vadības uz ausīm kārtie makaroni atstājuši plašas telpas spekulācijām.* ***Skelets skapī ir ieslēgts. Kamēr tas skapī, to var aprunāt, bet, arī izvilkts ārā, tas varētu nobiedēt ne tikai bērnus, bet arī kādus balsstiesīgā vecuma pilsoņus.***[52]

The loan from English *put all your eggs in one basket* is used twice in the next extract: at first the allusion to the PU is used as a sub-headline, and then its image is extended: *The party actually has selected the only golden eggs that were to be found in the basket of the government development.*

> ***Zelta olas groziņā***
>
> *Vērojot no tālienes pēdējā laika stīvēšanos valdošās koalīcijas iekšienē un klīrēšanos kopš valdības izveidošanas, nāca atskārsme, ka ārēji pieticīgā valdības partnere ZZS patiesībā ir* ***izvēlējusies vienīgās zelta olas, kādas nu valdības veidošanas groziņā bija atrodamas.***[53]

Allusion has been discovered in the use of the already mentioned phraseological translation loan *a skeleton in the cupboard*, and in the following sentence the phraseological unit contains a number of inserted elements specifying the size of the skeleton our ex-president has: *[..] To influence the situation, special services of any country make use of the officials' skeletons. None of the presidents in the whole world have such a big skeleton in the cupboard as Zatlers does.*

> *Situācija ar Zatleru varētu būt izdevīga arī, piemēram, ASV, jo jebkuras valsts specdienesti, lai ietekmētu situāciju, izmanto* ***amatpersonu skeletus. Nevienam prezidentam pasaulē nav tik liels skelets skapī kā Zatleram.***[54]

The phraseological loan ***the bubble bursts*** has undergone similar instantiation: the allusion and the insertion intensifying the meaning of the phraseological unit: *All of that is an artificially blown bubble, it has no coverage.*

> *Bet ko tad viņi bija iedomājušies – ka šajā mazajā tautiņā pēkšņi būs entie miljonāri? Tas viss ir* ***mākslīgi uzpūsts burbulis****, tam nav nekāda seguma. Ja normālie cilvēki dzīvo no rokas mutē, tad cik ilgi tie miljonāri mums būs? No kā tad viņi taisīs savu baigo piķi?*[55]

The pattern of phraseological allusion is featured in the extract with the phraseological translation loan from English ***one who pays the piper calls the tune*** used in the article about basketball: *For three quarters, Ventspils' players call the tune...*

> *Spēle pret Šiauliai. Trīs ceturtdaļas ventspilnieki* ***pasūta mūziku*** *un nav nekādu pazīmju, ka Šiauliai ir spējīga mainīt spēles ritējumu. 64 : 51 – ar šādu rezultātu sākās pēdējā ceturtdaļa.*[56]

The most frequently used pattern of instantiation in the case of phraseological loans appears to be insertion. Here are some examples: *plīsa* ***atvasināto vērtspapīru*** *burbulis* (*the bubble* ***of secondary securities*** *burst*), ***savs*** *skelets skapī* (***one's own*** *skeleton in the cupboard*), *skapī* ***ir atrasts nejauks*** *"skelets"* (***an ugly*** *skeleton* ***has been found*** *in the cupboard*), *skalo* ***jau tāpat no domāšanas atradinātās*** *smadzenes* (*washes the brains* ***that are already broken of a habit to think as they are***), *spraust* ***jebkurus*** *batonus ausīs* (*to thrust* ***any*** *loafs of bread into one's ears*).

No examples of instantial stylistic use have been encountered in the usage of full phraseological loans and phraseological transcription loans. But the one encountered among the selection of semi-calques is cleft use, i.e. the parts of a PU are separated by one or more elements, which in no way influence the meaning of the PU: *Life,* ***my comrades****, is all raspberries* ('*life is wonderful*'). This example has already been mentioned in the discussion of semi-calques.

> *Deju grīdā skan klusināta mūzika, Ļeontjevs vai kazarmu kuplejas, vienkārši un glīti klāto galdu rotā izmeklētas uzkodas ar kaltētām zivīm un skābētiem gurķiem, bet kā firmas ēdiens ir "poņuhaj vot eto!". Lai arī ap patvāri guļ kritušie, zārku meistaram Bezenčukam velti meklēt darbu ballītē.* ***Dzīve, biedri, maļina!***[57]

Conclusion

Loan phraseology in newspaper language reflects the actual processes of language development, language contacts (including code-switching and interference), the trends of globalization and democratization. Most of phraseological loans appear in the language due to extra-linguistic factors. As put by Carter:

> *The purpose for creative language in common everyday speech is [..] highly varied and can [..], include: offering some new way of seeing the content of the message; making humorous remarks; underlining what is communicated; expressing a particular attitude, including negative and adversarial attitudes; making the speaker's identity more manifest; playing with language form to entertain others...*[58]

To conclude:

1) The most frequent type of phraseological loans in journalese is phraseological translation loan – 56%, they are followed by phrase-

ological transcription loans – 21%, full phraseological loans – 17%; and semi-calques – 6%.

2) In most cases borrowed phraseological units are used without discoursal variations: core use – 74%; instantial stylistic use – 26%, and the most frequent pattern of instantiation is insertion.
3) On the basis of the data studied, it has been discovered that only two types of phraseological loans are used in instantial stylistic use. These are phraseological translation loans and semi-calques.
4) The goal of the use of phraseological loans is to make the situational context of the article more vivid and thus attract, entertain, involve readers and influence their opinion, to express the author's evaluation of the event or a person discussed.
5) The phraseological units borrowed from Russian and English have entered and belong to various registers of language (folklore, conversational style, and one of the most numerous groups of Russian loans consists of slang and taboo expressions).

---

[1] *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Fourth Edition. Houghton Mifflin Company, 2000.

[2] Liepa D. *Latvijas preses valoda*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2011, 91. lpp.

[3] Turpat, 90. lpp.

[4] Turpat, 93. lpp.

[5] Carter R. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. London: Routledge, 2004, p. 132.

[6] Van Coetsem F. *A General and Unified Theory of the Transmission in Language Contact*. Heidelberg: Winter, 2000.

[7] Liepa D. *Latvijas preses valoda*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2011, 113. lpp.

[8] Turpat, 120. lpp.

[9] For the reasons why journalists use slang in their writings see Liepa D. *Latvijas preses valoda*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2011, 130.–131. lpp.

[10] Veisbergs A. Frazeoloģismu okazionāla lietošana latviešu valodā. *Rubīna A. (sast.) Latviešu valodas kultūras jautājumi*. 22. laidiens. Rīga: Avots, 1986, 111.–122. lpp.

[11] Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, p. 35.

[12] Betz W. *Der Einfluss des Lateinischer auf den Altoch deutschen Sprachschatz*. Heidelberg, 1936; Weinreich U. *Explorations in Semantic Theory*. The Hague/Paris: Mouton, 1972; Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.

[13] Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, p. 35.

[14] See, for instance, Dobrovol'skij D., Piirainen E. *Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives*. The Netherlands, Amsterdam: Elsevier Ltd., 2005.

[15] Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, p. 45.

[16] For more see ibid., pp. 45–47.

[17] Ibid., p. 47.

[18] Naumanis N. Neiespējamais Vilnis. *Diena* 09.03.2006.

[19] Naumanis N. Kārtējais Oskaru pasjanss? *Diena* 24.01.2013.

[20] Ex-seržants. Tā dzīvot nevar. Ko tālāk? *Pietiek.com* 16.01.2013.

[21] Naumanis N. Sakopt savu māju. *Diena* 06.07.2012.

[22] Zīle M. Konsolidēšanas tupiks. *Latvijas Avīze* 02.03.2011.

[23] Veidemane E. Jānis Jurkāns: "Bez manas atļaujas mani nearestēs". *Vakara Ziņu Žurnāls* 23.02.2007.

[24] For more on phraseological translation loans see Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, pp. 45–47.

[25] Naumanis N. Gulošos Latvijā nesit. Nospārda. *Diena* 27.03.2010.

[26] Zelta skrējiens uz Briseli. *Latvijas Avīze* 02.03.2011.

[27] Bērziņš V. Pārbūves aizsācējam Gorbačovam – 80. *Latvijas Avīze* 02.03.2011.

[28] Naumanis N. Sakopt savu māju. *Diena* 06.07.2012.

[29] Liepiņš A. Paskatīties patiesībai acīs. *Latvijas Avīze* 12.03.2011.

[30] Točs S. Pēc ķirurga grieziena. *Diena* 31.05.2011.

[31] Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, p. 47.

[32] Sadovska K. Aizzemes karaļi, punduri un pūķi. *Diena* 13.01.2012.

[33] Rietuma D., Naumanis N. Vērtē kritiķi. *Diena* 13.10.2011.

[34] Redakcija. "Bomžiem" un citiem deklasētiem elementiem ieeja aizliegta. *Dienas Bizness* 11.09.2013.

[35] Ušča A. Iemīlēt neiemīlamo. *Bauskas Dzīve* 20.08.2012.

[36] Naumanis N. Dīns un Sindija. *Diena* 18.08.2011.

[37] Veidemane E. Jānis Jurkāns: "Bez manas atļaujas mani nearestēs". *Vakara Ziņu Žurnāls* 23.02.2007.

[38] Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, p. 52.

[39] Zauers A. Kam muļķim nauda. *Nedēļa* 31.03.2008.

[40] Dūmiņa L. Žurka Kornēlija – Nacionālā teātra Latvijas stāsts. *Neatkarīgā Rīta Avīze Latvijai* 08.04.2009.

[41] Naumanis N. Mačo militārporno. *Diena* 07.06.2012.

[42] Līcītis E. Iezīmēts, neitralizēts un izolēts. *Latvijas Avīze* 27.02.2012.

[43] Veidemane E. Dzintra Geka: Latgale ir mūsu sāpe. *Neatkarīgā Rīta Avīze Latvijai* 20.02.2012.

[44] Līcītis E. Mūc, Koļa, mūc! *Latvijas Avīze* 07.11.2013.

[45] Veidemane E. Jānis Jurkāns: "Bez manas atļaujas mani nearestēs". *Vakara Ziņu Žurnāls* 23.02.2007.

[46] Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012, p. 50.

[47] Naumanis N. Dīns un Sindija. *Diena* 18.08.2011.

[48] Līcītis E. Mūc, Koļa, mūc! *Latvijas Avīze* 07.11.2013.

[49] Vīksna G. Kurā pusē žogam vieglāk? *Liesma* 05.10.2010.

[50] For more on the particularities of core use and instantial stylistic use of phraseological units see Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001; Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 2010.

[51] Kasparāns Ģ. Periskops. *Diena* 06.07.2012.

[52] Lulle B. Moris savu padarījis. *Neatkarīgā Rīta Avīze Latvijai* 20.02.2010.

[53] Upleja S. Zelta olas groziņā. *Diena* 07.02.2011.

[54] Dreiblats U., Rozenbergs R. Aivars Lembergs: Zatlera solis Latvijai maksās vismaz 200 miljonus. *Neatkarīgā Rīta Avīze Latvijai* 02.06.2011.

[55] Šaitere T. Bērziņš dailes ceplī. *Diena* 06.11.2010.

[56] Strauss E. Nozagtās bronzas medaļas. *Neatkarīgā Rīta Avīze Latvijai* 26.04.2010.

[57] Līcītis E. Mūc, Koļa, mūc! *Latvijas Avīze* 07.11.2013.

[58] Carter R. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. London: Routledge, 2004, p. 148.

BIBLIOGRAPHY

Betz W. *Der Einfluss des Lateinischer auf den Altoch deutschen Sprachschatz*. Heidelberg, 1936.

Carter R. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. London: Routledge, 2004.

Dobrovol'skij D., Piirainen E. *Figurative Language: Cross-cultural and Cross-linguistic Perspectives*. The Netherlands, Amsterdam: Elsevier Ltd., 2005.

Liepa D. *Latvijas preses valoda*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2011.

Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001.

Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 2010.

The American Heritage Dictionary of the English Language. Fourth Edition. Houghton Mifflin Company, 2000.

Van Coetsem F. *A General and Unified Theory of the Transmission in Language Contact*. Heidelberg: Winter, 2000.

Veisbergs A. *Borrowed Phraseology in Latvian (17th – 21st century)*. Riga: LU Akadēmiskais apgāds, 2012.

Veisbergs A. Frazeoloģismu okazionāla lietošana latviešu valodā. *Rubīna A. (sast.) Latviešu valodas kultūras jautājumi*. 22. laidiens. Rīga: Avots, 1986, 111.–122. lpp.

Weinreich U. *Explorations in Semantic Theory*. The Hague/Paris: Mouton, 1972.

Бируте Ясюнайте, Елена Коницкая

АНТРОПОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ ВЕТРА В ЛИТОВСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Summary

Anthropomorphic Metaphors of the Wind in Lithuanian and Russian Poetry

Anthropomorphic metaphors of wind are widely spread in Lithuanian and Russian poetic texts. Very frequently names of human beings according to their age, social group (profession, nationality, etc.), character traits are included into metaphors, similes and other poetic devices, for example: 'vėjas – žilas senis' (Nėr), 'ветер плакал, как старик' (Харм), 'muzikanto vėjo' (Miež), 'ветер восточный – трубач' (Март), 'viesulai-padaužos' (Nėr), 'только ветер резвый, озорник такой' (Есен).

Comparing the essential features of Lithuanian poetic expressions with those of the Russian language, we may conclude that the greatest similarities in how the concept of the wind is included in anthropomorphic metaphor system regard the names of social groups or family relations. We mean such metaphoric models as 'wind – relative' (brother, friend, etc.) or 'wind – representative of profession' (woodcutter, shepherd, etc.). The analysis shows that the poetic systems of two languages may have a different, individual character: Lithuanian poets use motives of traditional ethnic culture more frequently than Russian authors.

Key-words: anthropomorphic metaphors, Lithuanian and Russian poetic tradition

*

Вводные замечания

Ветер – мощное, запоминающееся природное явление. Сегодня, когда научная картина мира представляется образованному человеку XXI века фундаментом объективного понимания реальной действительности, гораздо чаще можно услышать разговоры о холодном атмосферном фронте или о ветряных электростанциях, а не о поэтических метафорах ветра. В поэтическом мире это атмосферное явление может быть обозначено или предметно (лит. *vėjo smuikas* 'скрипка ветра', *vėjo stygos* 'струны ветра', *vėtrų vėliavos* 'знамена

вихрей'; рус. *ветра чёрные мечи*, *ветров бесноватая плеть* и др.), или зооморфно (лит. *vėjo šuo* 'собака ветра', *vėtrų žirgas* 'скакун бурь', *vėjo paukštis neramus* 'беспокойная птица ветра'; рус. *ветр, как дикий зверь*, *вьюга лошадью пляшет буланой*), или же антропоморфно: в литовских поэтических текстах встречается ветер – *jaunikaitis* 'парень', *senis* 'старик', *karalius* 'король', *valkata* 'бродяга', в русских – *висельник*, *хулиган*, *пастух*, *гонец*. Такие метафорические выражения широко распространены как в художественной литературе, в которой, как известно, преобладает индивидуальное творческое начало, так и в традиционной этнической культуре. Обилие образных выражений, связанных с этим стихийным явлением, не позволяет охватить их все сразу, поэтому мы ограничились одним аспектом: объектом данной работы являются антропоморфные метафоры ветра в поэтическом творчестве литовских и русских поэтов.

Художественные метафоры вообще и метафоры явлений природы, в том числе и ветра, не раз рассматривались в разных аспектах в русской научной литературе. Назовем лишь диссертацию Н. Осколковой (2004)[1], где анализируется структура эстетического поля денотативного класса *ветер* на материале русской поэзии XVIII – XX вв. и анализируются частотные тропы, в том числе сравнения, олицетворения и метафоры. Отмечая, что в русской поэзии ветер сравнивается с животными, человеком или орудиями[2], автор отмечает количественный рост сравнений ветра с человеком, часто за счет использования в них «составляющих» человека частей тела, эмоций, памяти. Н. Осколкова, исследуя тропы и проводя разграничение между метафорой и сравнением, рассматривает их в рамках одного эстетического поля.

Лингвистическим анализом поэтических метафор в художественной литературе одной из первых в литуанистике занялась молодая исследовательница Рута Казлаускайте (2009)[3]. Она поставила задачу проанализировать образы месяца в творчестве литовских поэтов, рассмотреть различные аспекты их семантической парадигмы.[4] В статье анализируется около 400 фрагментов из литовской поэзии с позиций когнитивной семантики, иначе говоря, лингвистически. Вместе с тем автор творчески учитывает мнение других ученых-гуманитариев (литературоведов, этнологов) о роли представлений о месяце в литовской народной культуре и профессиональном искусстве.

Наш опыт и теоретические позиции несколько отличаются от представлений названных выше авторов. Мы ставим перед собой задачу не только раскрыть разнообразие антропоморфных метафор

ветра, но и сравнить наиболее характерные образы в литовской и русской поэзии, обращая при этом внимание на связь некоторых авторских метафор с устным народным творчеством и с традициями народной культуры.

Сопоставительный аспект в этнолингвистике, по нашему убеждению, в большой степени способствует выявлению национальной специфики антропоморфных образов ветра. «Экспериментировать» с литовскими и русскими поэтическими метафорами побуждает и высказанное признанным специалистом в области сопоставительной семантики А. Гудавичюсом несколько скептическое мнение о том, что с точки зрения этой научной дисциплины антропоморфные метафоры не представляют большого интереса, так как специфика лексических систем двух языков раскрывается только в некоторых случаях антропоморфизма, в частности, когда названия частей тела человека используются для обозначения объектов неодушевленного, предметного мира.[5]

Прежде чем приступить к установлению, насколько справедливо утверждение А. Гудавичюса об антропоморфных метафорах в отношении к такому объекту неодушевленного мира, как ветер, необходимо сказать о принципах отбора метафорических выражений для анализа. Известно, что определение образных средств языка представляет собой серьезную методологическую проблему. В лингвистике разрабатывается несколько различных подходов к метафоре, ведутся споры о ее сущности, соотношении со сравнениями и олицетворениями. Большинство ученых сходятся в том, что общим принципом в образовании сравнений, олицетворений и собственно метафор является использование сходства между двумя далекими друг от друга предметами. Традиционно, со времен Аристотеля, считается, что метафора представляет собой усеченное сравнение и находится со сравнением и олицетворением в системных отношениях. Нам более близка точка зрения тех исследователей метафоры, которые признают сравнения и олицетворения частью метафорических конструкций. С их позиций, *не метафора представляет собой усеченную разновидность сравнения, а сравнение входит в состав широкой сферы средств метафорической интерпретации действительности*[6]. Антропоморфные метафоры, в которых явления действительности представлены в ассоциативной связи с человеком, его физическими качествами, свойствами характера и т.д., имеют различные структуры и могут формироваться разными частями речи – существительными, глаголами, прилагательными и т.д. В центре нашего внимания –

антропоморфные метафоры ветра обоих языков, где метафоризирующим компонентом выступает существительное из лексико-семантической группы *человек*.

Антропоморфные метафоры в литовской и русской поэзии

Для исследования и сравнения антропоморфных образов ветра в литовской и русской поэзии был собран обширный материал в авторских поэтических сборниках и авторитетных антологиях литовской и русской поэзии, преимущественно XX века (отчасти XIX века), а также в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка. Учитывались случаи, в которых антропоморфные образы связываются не только с лексемами лит. *vėjas* ‘ветер’, рус. *ветер*, но и *vėtra* ‘буря, ураган, вихрь’, *audra* ‘буря’ и соответствующими им русскими лексемами.

Такие примеры мы выявили в творчестве 12 литовских и 30 русских поэтов. В статье рассматривается 40 антропоморфных метафор ветра в литовской поэзии и 53 – в русской. Было выделено шесть лексико-семантических групп антропоморфных определений ветра: 1) по возрасту; 2) по степени родства/знакомства; 3) по отнесенности к определенной социальной группе (профессия, национальность и др.); 4) по социальному статусу; 5) по способу передвижения в пространстве; 6) по особенностям характера и поведения.

1. Ветер – человек определенного возраста

Начнем анализ с антропоморфных наименований ветра, указывающих на возрастной период человека. В литовской поэзии зафиксировано 7 таких примеров: *Karalystėj naujagimio vėjo* (Rad) ‘В царстве новорожденного ветра’, *Ir vėjai klykia kaip išgąsdinti vaikai* (Sant) ‘И ветры кричат, как испуганные дети’, *Šilts vėjelis medžiuos šnabžda, prie jų glaudžiasi kaip vaiks* (Vaič) ‘Теплый ветер шумит в деревьях, льнет к ним, как ребенок’, *Ir bėga neramiai žaliais laukais ištrūkę vėjai kaip vaikai basi* (Nyk-Nil) ‘И беспокойно бегают по зеленым полям вырвавшиеся ветры, как босые дети’, *Vėjas – svaigus jaunikaitis plaukais palaidais* (Nag) ‘Ветер – опьяняющий юноша с распущенными волосами’, *Vėjas – žilas senis* (Nėr) ‘Ветер – седой старик’, *Senis vėjas nebepakelia rudens naštos* (Nyk-Nil) ‘Старик-ветер не может больше нести бремя осени’.

Примеры показывают, что в литовской поэзии ветер предстает как человек любого возраста – новорожденный, ребенок, юноша, старик. На конкретный выбор метафоры влияют различные особенности атмосферного явления, воспринимаемые органами чувств: сила и температура (метафора *ветер – новорожденный*, безусловно, основана на ассоциации с приятным ощущением, вызываемым теплым, едва веющим ветерком, который у П. Вайчайтиса сравнивается с ласкающимся ребенком); быстрые разнонаправленные перемещения (вызывает ассоциации с бегающими в чистом поле детьми-подростками: для этого возраста важно чувство свободы, независимости). Одна из самых красивых метафор этой группы – определение ветра как сводящего с ума юноши с распущенными волосами – передает конденсированное впечатление молодости, красоты, наступательности. Противоположные ассоциации вызывает образ ветра-старика, седина которого является аллюзией на снег, иней, мороз. Унылый осенний пейзаж мастерски передан А. Никой-Нилюнасом антропоморфным образом старика-ветра, не способного нести бремя осени, в котором почти ощутима телесность согбенного, измученного, бессильного ветра.

Русские поэты также говорят о ветре как о юноше, старике или подростке. В обнаруженных нами 8 примерах подчеркиваются свойственные ветру-ребенку акустические эффекты: *Ветер всхлипывал, словно дитя* (Рубц), *То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя* [буря] (АСП). Появляется также образ озорного *ветра-пострела* (Ас). «Хулиганский» образ ветра-подростка предстает в строках С. Есенина: *Отрок-ветер по самые плечи заголил на березке подол.* Вместо ласкового, ластящегося ребенка (см. в литовской поэзии), мы обнаруживаем молодого влюбленного: *Как влюбленный, прильнул ветерок* (Буд). Оба образа, тем не менее, основаны на одном и том же ощущении приятного, нежного прикосновения ветра. В русской поэзии нами не обнаружено субстантивного определения ветра как молодого человека, хотя в адъективных определениях он появляется: *Утренний ветер, как юный поклонник* (Зенк). Образ ветра-старика находим в лирике М. Светлова: *Ветер, смешной как старик, танцующий на именинах* и Д. Хармса: *Да ветер плакал, как старик*, причем эти примеры базируются на разных признаках: первый – на впечатлении от разнонаправленных перемещений ветра, а второй – на ощущении слабости, бессилия.

Можно констатировать, что в обеих поэтических традициях антропоморфные метафоры этой группы конструируются на базе

осязательных, оптических и акустических эффектов (тепло, нежность прикосновения; слабость; разнонаправленность перемещений; звуки).

2. Ветер – родственник/близкий знакомый

Среди антропоморфных метафор ветра часто встречаются слова, обозначающие родство или близкое знакомство. К этой лексико-семантической группе относится 12 фрагментов литовской поэзии: *Vėjas – iš kelionių grįžęs brolis* (Nyk.-Nil) ‘Вернувшийся из странствий брат’, *Vėjas tavo brolis* (Rad) ‘Ветер, твой брат’, *Galingas vėjas, vyresnis brolis* (Rad) ‘Могучий ветер, старший брат’, *Tėvynės vėjužėliai – laisvės broliai* (Nėr) ‘Ветры родины – братья свободы’, *Rūsti audra – kvailų vaikų pamotė negera* (Sant) ‘Грозная буря – злая мачеха глупых детей’, *Pamotė vėtra plaukus nuglostys* (Nėr) ‘Мачеха-буря волосы причешет’, *Gausi tu patėvį – šaltą piktą vėją* (Mież) ‘Получишь ты отчима – злой холодный ветер’, *Vėjas, atskriejęs čia kaip piršlys – neteptu vežimu* (Mież) ‘Ветер, приехавший сюда как сват – на несмазанной телеге’, *Vėtra – mano draugė nerami* (Nėr) ‘Буря – моя беспокойная подруга’, *Man, senam bendrakeleiviui, vėjas pasakoja, naktimis parimęs lange žodžiais subtiliais* (Mač) ‘Мне, старому спутнику, ветер рассказывает нежными словами ночами, опершись на окне’, *Mane namo už rankos vedė vėjas* (Nyk-Nil) ‘Меня домой за руку ветер вел’.

Образ ветра – родственника, «близкой души», друга соткан из тонких аллюзий на различные качества этого атмосферного явления. Это отчетливо видно по определениям основного существительного метафоры: в примере *iš kelionių grįžęs brolis* ‘вернувшийся из странствий брат’ подчеркивается такое качество, как движение; в *vyresnis brolis* ‘старший брат’ – сила, превосходство стихии; в *laisvės brolis* ‘брат свободы’ – стихийность, невозможность ограничения перемещений ветра в пространстве. Все эти примеры отличает положительная окраска. Отрицательную коннотацию литовские поэты передают фольклоризованным образом бури-мачехи, вызывающим в памяти народные песни и сказки. Строки о причесывающей голову буре-мачехе создают образ несчастного бездомного ребенка-сироты. Ветер расчесывает волосы дочери-предательницы Осинки в литовской сказке *Эгле – королева ужей*: *Tepraus jos veidelį buinas lietus, tešukuoj jos kaselę šiurkštas vėjas*[7] ‘Пусть ее лицо умывает сильный дождь, а ее косы расчесывает противный ветер’. Надо подчеркнуть, что в литовской поэзии антропоморфизация ветра тесно связана с грам-

матическим родом существительного, называющего это стихийное явление: слова *vėtra* ‘ураган, буря’, *audra* ‘буря’ – женского рода, поэтому происходит ассоциация с *мачехой*, тогда как *vėjas* ‘ветер’ (мужского рода) – с *отчимом*. Подобные факты известны в традиционной культуре: так, о мифологизации грамматического рода у славян довольно много говорит, в частности, Н. И. Толстой (1995) при описании хорошо известных фактов распределения на «мужские» и «женские» деревья или дни недели[8].

В контексте народной культуры представляет интерес и образ *ветра – свата* в творчестве Э. Межелайтиса. Как известно, в традиционной литовской крестьянской свадьбе сват играет важную роль. Обычно это пожилой, опытный, хорошо владеющий речью человек, который при необходимости может и приврать, превознося имущественный достаток жениха или красоту невесты. Сват и жених едут по деревне на красивых быстрых лошадях с конской сбруей, украшенной колокольчиками; они специально пускают коней рысью, а не шагом, чтобы все видели, что жених родом из богатого дома. Метафора *ветер – сват* опирается на впечатление быстрого движения и коррелирует с метафорой *ветер – всадник*.

В других литовских фрагментах мы встречаемся с ветром – чутким, понимающим собеседником, другом, спутником. Метафора *ветер – собеседник*, несомненно, связана с часто встречающимися в поэтических текстах субстантивными, глагольными или адъективными метафорами, передающими акустические впечатления: ветер *говорит*, *рассказывает*, *рыдает*, *смеется*, *поет*, *играет на различных музыкальных инструментах* (струнных, духовых, ударных). Использованием образа *ветра – друга* или *спутника* тонко передается традиционное одиночество поэта, его обособленность, мотив духовной свободы.

Несколько иная картина предстает в русской поэзии, где нами зафиксировано 15 примеров. Здесь очень часто встречается метафора *ветер – брат*: *Братец ветер, ты гоняешь тучи* (Волош), *Ветер – плачущий брат мой* (Бел), *Ой ты, братец ты мой, ветер с полудня* (Луговск), *Ветер – брат мне, а буря – сестра* (Забол). Наряду с этим, довольно часто можно встретить и метафорический образ *ветра – сына*: *Вестник смены, сын времен* (Гип), *То – ветер, как блудный сын, вернулся в отчий дом* (Брод). В русской поэзии встречается также метафорический образ *ветра – свойственника*: *Ветер, мой давний свояк* (Паст), отличающийся яркой положительной окраской. Основой метафоры является, в первую очередь, такое качество ветра, как постоянное

перемещение в пространстве, а также динамичность, напористость, иногда – сила, что близко душе поэта.

Следует отметить разницу в приведенных метафорических образах. Определение весеннего ветра у З. Гиппиус (*сын времен*) является авторским, индивидуальным, как и метафора *ветер – свояк* у Б. Пастернака. Связь с русскими фольклорными традициями можно видеть в поэтической метафоре *ветер – брат*, ср. в заговорных текстах: *Встану я и пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев, семь Ветров буйных*[9]. Как и в литовской поэзии, в русской лирике антропоморфизация может быть связана с грамматическим родом, однако есть разница: в литовских примерах, окрашенных отрицательно, выступают *мачеха* и *отчим*, тогда как в русских, окрашенных положительно, – *брат* и *сестра*.

Сравнение в поэзии И. Бродского отсылает нас к хорошо известной библейской притче о блудном сыне, с которой связан и фразеологизм *блудный сын*. Исследовательница русской библейской фразеологии К. Дубровина выделила четыре значения этого выражения: 1) ‘непочтительный сын, покинувший отчий дом’; ‘человек, бросивший семью ради другого образа жизни, новой обстановки’; 2) ‘испорченный человек без моральных принципов’; 3) ‘человек, испытавший несчастья и сожалеющий о своих ошибках и грехах’; 4) ‘надолго отлучавшийся, но в конце концов вернувшийся человек’.[10] В строках И. Бродского реализовано последнее из перечисленных значений, которое отражено и в самом тексте Евангелия от Луки: блудный сын, перенесший тяжелые жизненные испытания, счастливо возвращается в отчий дом и встречается со своими близкими.

М. Волошин, воспевший не только реальный крымский пейзаж, но и космические дали Вселенной, использует антропоморфную метафору *ветер – друг*: *Этот ветер был нам верным другом*. В строгом военном ритме звучит довольно суровое обращение А. Ахматовой к морскому ветру как к соратнику: *Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест*? Стихотворение отвечает духу времени: оно написано в период окончания войны, когда поэтесса вернулась после эвакуации в переживший блокаду Ленинград.

Неожиданным может показаться обнаруженный в русской поэзии мотив робкого любовника: *Ветер, моря кроткий любовник* (Станк). Интересно, что море выполняет здесь роль женщины, а ветер – мужчины. Можно заметить, что в русской поэтической традиции присутствует образ целующего, ласкающего ветра (напр., у А. Фета: *ветра немое лобзанье*), что связано с осязательными ощущениями несиль-

ных порывов ветра; видимо, это послужило основой и для рассматриваемой метафоры.

Как и в литовской поэзии, в русских поэтических текстах встречается метафорический образ попутчика: *Ветер, мой верный попутчик* (Елаг). В русской лирике широко распространен метафорический образ *ветер – гость*, который, по нашим данным, нехарактерен для литовской поэзии: *Буйный ветер гостем был единым* (Ахм), *Гость залетный* (Ход), *Ветер – гость нахальный* (Бл), *Буря, вихрь и град кипят, теснятся и спешат, как гости к браку* (Глинк). Образ опирается на уже отмечавшееся качество стихии – ее динамичность, всепроницаемость. Особенно выразительным кажется последний пример, где природные явления сравниваются с торопящимися на свадьбу веселыми гостями.

Обобщая наблюдения над этой группой, следует сказать, что в обеих поэтических традициях есть общие мотивы дружбы, родственных связей, духовного родства ветра и поэта, вернее, его лирического героя. Как в русской, так и в литовской части отражаются связи с фольклором, с народными представлениями. Различия заключаются в том, что в литовской поэзии это относится к метафорам *ветер – отчим*, *буря – мачеха*, тогда как в русской – к метафоре *ветер – брат*. Отмечается общий прием антропоморфизации по грамматическому роду, реализуемый в двух традициях в отношении членов семьи разных уровней: в литовской поэзии *ветер – отчим*, *мачеха*, в русской – *ветер – брат*, *сестра*). Кроме того, русская часть обнаруживает связь с Евангелием, общими христианскими представлениями (*ветер – блудный сын*), а также отражает непростую историю страны (ср. официальное обращение к ветру – *товарищ зюйд-вест*).

3. Ветер – представитель определенной профессии или социальной группы

В метафорической системе ветер может определяться как лицо, относящееся к той или иной социальной группе. Чаще всего субстантивная метафоризующая часть называет представителя определенной профессии. В литовской поэзии мы нашли 6 таких фрагментов: *Marių vėjas kaip sėjėjas rytą sėja* (Sruog) ‘Морской ветер, как сеятель, сеет утро’, *Liūdnų miškų rūstus kirtėjas, į juodą girią šoka vėjas* (Rad) ‘Грозный рубщик грустных лесов, в черный бор прыгает ветер’, *Kaip arkliaganis švilpauja vėjas* (Mież) ‘Как пастух в ночном, свистит ветер’, *Juodaplaukis maestro vėjas* (Mież) ‘Черноволосый маэстро ве-

тер', *Muzikanto vėjo* (Mież) 'Музыканта-ветра', *Vėjas – nematomasis architektas kuria fantastinių konstrukcijų ansamblius* [iš debesų] (Mież) 'Ветер – невидимый архитектор создает ансамбли фантастических конструкций [из облаков]'.

Наименования в этой лексико-семантической группе относятся как к крестьянской культуре (*сеятель*, *рубщик леса*, *пастух коней в ночном*), так и к более современной городской (*маэстро*, *музыкант*, *архитектор*). Удачной антропоморфизации подвергаются различные действия ветра: он может разбросать, рассеять разные предметы – так он становится сеятелем; он может вырвать деревья с корнем или повалить их – то есть, он принимается за ремесло рубщика леса, дровосека; он может издавать определенные мелодичные звуки – например, свистеть, как пастух, пасущий коней. Со способностью издавать звуки связана также метафора *ветер – музыкант*, *маэстро*. В своем «амплуа» архитектора ветер имеет дело с необычным строительным материалом – облаками. Метафора *облака – здание или его часть* (стена, башня, замок, развалины и т.д.) уже рассматривалась нами ранее.[11] Порывы ветра трансформируют вид легких облаков, создавая из них разные формы, уподобляемые архитектурным сооружениям.

В русской поэзии метафора *ветер – представитель определенной профессии* дает новую богатую палитру: обнаружено 16 фрагментов с метафорами этой группы. Здесь особенно популярны «профессии» ветра, связанные с движением, дорогой, странствиями: в поэзии Б. Пастернака это лодочник: *Ветер, как лодочник, греб*, кормчий: *И ветер – кормчим увозимых грез*, бойкий кучер: *Этот ветер, как кучер в мороз, рвется вперед*, у В. Набокова – гонец: *Дальний ветер, воздушный гонец*. Появляется и экзотический, как будто из сказок тысячи и одной ночи, погонщик верблюдов: *Сырой погонщик гнал устало Невы горбатого верблюда* (Маяк). К ним примыкает и выявленный также в литовской поэзии образ *ветра – пастуха*, хотя у русских поэтов он более романтически-возвышенный: *Пастух пространств небесных* (Бальм), *Ветер – пастух божьих очей* [облаков] (Хлебн) или веселый: *Ветер – соглядатай и веселый сторож всех беспутных* (Багр). В литовской поэзии нам не встретился *ветер – сторож*, аналогичный русскому: *Ветры – сторожа покинутой земли* (Волош), но есть *ветер – необычный музыкант*: *Здесь под музыку дивного мэтра – ленинградского дикого ветра* (Ахм), *Ветер восточный – трубач* (Март). Современник А. Ахматовой Б. Пастернак дал жизнь одной из самых оригинальных метафор этой группы: *Откуда-то, как в бочку бондарь, ударит буря*.

Следует добавить, что все «профессии» ветра в литовской поэзии, как деревенские, так и городские, являются светскими, профанными. Среди русских поэтических антропоморфных метафор удалось обнаружить и представителей духовных профессий: попа (духовное лицо в православии), инока (будущего монаха), схимника (монаха-аскета высшей степени): *Ветер голосит, словно поп с амвона* (Луговск), *Ветер – непослушный инок* (Светл) и *Схимник-ветер шагом осторожным мнет листву* (Есен). Еще одно яркое отличие – подчеркивание национальной принадлежности в русских антропоморфных метафорах: *Усатый ветер гулял, как лях* (Сам). Отрицательно окрашенный образ усатого поляка отсылает читателя к далекому прошлому, придавая тексту своеобразный исторический колорит.

Обобщая эту группу, можно заметить, что она отличается наибольшим разнообразием. Литовские поэтические антропоморфные метафоры весьма сильно отличаются от русских, во-первых, крестьянскими наименованиями (*сеятель*, *рубщик леса*), тогда как в русских «профессиональных» метафорах преобладают такие, которые связаны с перемещением, движением, в частности, по водной поверхности (*лодочник*, *кормчий*); образ вызван ассоциацией со способностью направленного перемещения ветра в пространстве. Яркой спецификой русской поэтической метафорической системы является наличие в ней наименований духовных профессий (основанных как на акустических, так и на зрительных эффектах), тогда как специфика литовской метафоры *ветер – архитектор* основана на способности ветра взаимодействовать с другими атмосферными явлениями (в русской поэзии то же качество передано образом ветра, пасущего облака). К числу общих для двух поэтических традиций можно отнести образы *ветер – пастух* и *ветер – музыкант*.

4. Ветер – носитель определенного социального статуса

Для человека как социального существа важна не только его профессиональная или национальная принадлежность, но и отчасти коррелирующее с профессией социальное положение. В поэтических текстах образ ветра в этом отношении амбивалентен: он трактуется и как человек с высоким статусом, и как представитель социального дна.

В литовской лирике эту лексико-семантическую группу представляют следующие 7 фрагментов: *Vėjas – senas plėšikas* (Nėr) ‘Ветер – старый разбойник’, *Vėjas pamišėlis* (Mież) ‘Ветер-сумасшедший’,

Parpuolęs žemėn vėjas, senas valkata (Nyk-Nil) ‘Упавший на землю ветер, старый бродяга’, *Pavasario girtuoklių vėjų užburta* (Nyk-Nil) ‘Заколдованная весенними ветрами-пьяницами’, *Vėjas tarsi belaisvis stūgaus* (Miež) ‘Ветер, словно пленник, будет завывать’, *Kaip karalius* [vėjas] *žengia priemiesčio vaikų benamių šventėj* (Nyk-Nil) ‘Как король, [ветер] шествует на празднике бездомных детей предместья’.

Можно заметить, что в этой лексико-семантической группе преобладают примеры с отрицательной коннотацией. Такие характеристики ветра, как холод, суровость, неупорядоченное движение в пространстве способствуют возникновению соответствующих образов. Своеобразно «наркотирующее», пьянящее ощущение весеннего ветра прекрасно передает метафора А. Ники-Нилюнаса; неприятное завывание ветра напоминает унылые стоны пленника, здесь мы снова сталкиваемся с аллюзиями на историю, на страшную действительность лагеря военнопленных. Напротив, гордо шествующий ветер-король вызывает впечатление свободы, величия, уверенности в себе. Оппозиция *король – бродяга* едва ли не наилучшим образом передает двойственную природу этого атмосферного явления.

В русской поэзии, где мы выявили 8 фрагментов этой группы, часто встречающийся образ *ветра – бродяги* окрашен, как правило, положительно, напр.: *Кто я? Вольный бродяга я. Бессребреник ветер, по холмам, по оврагам я блуждаю, пьян и светел* (Манд). Этот веселый, не обремененный заботами об имуществе странник вызывает живое чувство свободы и совсем не напоминает сурового старого бродягу из литовской поэзии. Очень удачно передан акустический эффект такого веселого ветра в поэзии Н. Орешина: *Бродяги-ветра звон кудрявый*. Любовь к свободе и непостоянство отличает ветер во фрагменте: *Не бери в гонцы гуляку-вихря* (Кл). Встречается и окрашенный в печальные, скорее отрицательные тона образ: *Ветер, как бродяга, стонет под окном* (Солог).

Следует, однако, признать, что и в русской лирике ветрам хватает «криминального опыта»: *Как разбойник над землей засвищет ветер, ветерок, ветрище* (Яроцк), *Грабитель-ветер ходит в их хоромах* (Иван), *И где-то ветер вертким вором гремит заржавленным запором* (Бел). Последняя метафора виртуозно, при помощи аллитераций (повторением звонких *в – г – р – з* с перемежающим их глухим *т*), передает не только вызываемый ветром акустический эффект, но и его быстрые перемещения. Ярко отрицательно окрашен второй из приведенных фрагментов. Первая же «криминальная» метафора вызывает ассоциацию с былинным Соловьем-разбойником. Продуманное рас-

положение градуальных синонимов (*ветер – ветерок – ветрище*), усиливающее впечатление разбойничьего ветра, также связывает этот поэтический фрагмент с фольклорной стилистикой: известно, что языку фольклора свойственна определенная стереотипизация, повторение стилистически мотивированных элементов.[12] Повторение, на этот раз глагольной формы, как художественный прием для усиления использует М. Волошин в антропоморфной метафоре *Плачьте, плачьте, безумцы-ветры*. Здесь мы видим параллель к литовской поэзии (см. выше). Редким примером метафоры, включающей наименование верха социальной лестницы, в русском поэтическом языке являются строки из М. Цветаевой: *Торопит ветер-господин*. Такое определение ветра в русской культурной традиции известно по Плачу Ярославны (*О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты сильно?*) из *Слова о полку Игореве* – памятника древнерусской литературы конца XII века с многочисленными фольклорными мотивами.

Обобщая, можно отметить, что в литовском поэтическом языке все метафоры, включающие названия низа социальной лестницы, окрашены отрицательно, тогда как в русской метафорической системе они могут иметь как положительную, так и отрицательную окраску. Редкие примеры, ассоциирующие ветер с высоким социальным положением, безусловно положительно окрашены в обеих традициях. Обращает на себя внимание связь с фольклорными мотивами в русских метафорах этой группы.

5. Ветер – перемещающийся определенным способом человек

Ранее уже упоминалось, что в метафорической системе ветер весьма часто трактуется как перемещающийся объект. Так интерпретируются, по сути, все «профессиональные» метафоры, связанные с движением: *лодочник*, *кормчий*, *кучер*, *погонщик* и др. Однако в нашем материале встретились также антропоморфные метафоры *ветер – всадник* или *пеший путник*, где ветер антропоморфизируется не как носитель того ли иного социального статуса или представитель определенной профессии, а как путник. Надо признать, что таких случаев немного и они обнаружены преимущественно в литовской поэзии: *Pasenęs vėjas lyg keleivis* (Nyk-Nil) ‘Постаревший ветер, как путник’, *Šaunus Rytys, rūsčiai nukaitęs, ant viršukalnės staigios užjojo raitas* (Aist) ‘Славный восточный ветер, гневно разгоряченный, вмиг поднялся на коне на вершину горы’, *Skrido vėjas, žirgą plakė be taku, be kelių*

(Nėr) ‘Летел ветер, нахлестывая коня, не разбирая дороги’, *Vėjai, žirgus plakdami, dejavo* (Brad) ‘Ветры, настегивая скакунов, стенали’.

Красочный, семантически богатый образ *ветра – всадника* в литовской лирике также может связываться с фольклорной традицией, в которой очень почитаем и конь, и его хозяин. Ветер – постоянный спутник всадника, символ тяжелой доли мужчины-воина. Это хорошо ощущали авторы фольклорных стилизаций: *Oi, broleli brolužėli, kareivėli raitužėli! Kelias dunda, vėjas ūžia – ar begrįši iš karužio?* (Nėr) ‘Ой, братик-братичек, воин-всадничек! Дорога гремит, ветер воет – вернешься ли ты с войны?’ Антропоморфная метафора *ветер – всадник* связана и с актуализацией цвета: всадник – восточный ветер разгорячен, то есть покраснел от гнева, в чем можно видеть аллюзию на красный цвет восходящего солнца. Северный ветер едет на сивом коне, а такая масть коня явно символизирует снег и мороз, ср. в литовском выражении о погоде: *Jurgis parjoja širmu žirgu* ‘на св. Георгия снег выпал’ (досл.: ‘Георгий едет на сивом коне’).[13]

Мы зафиксировали образ пешего путника также в русской лирике XIX века: *То как путник запоздалый к нам в окошко застучит* [буря] (АСП). Интересно, что эти широко известные строки А. С. Пушкина удачно переведены на литовский язык, но при этом *запоздалый путник* превращается в *бездомного бродягу*: *Tai kaip valkata benamis pasibels į langą mums* ‘То, как бездомный бродяга, постучит к нам в окно’. В других наших примерах антропоморфная идея *ветра – путника* передается не прямо, а опосредованно, через глаголы движения, напр.: *В обнимку с ветром иду по скверу* (Рубц), *Только ветер бредет наугад все по той же заросшей тропинке* (Паст).

Обобщая данные этой группы, можно заметить яркое отличие литовской метафорической системы, в которой весьма актуальным является образ *ветра – всадника*, связанный, прежде всего, с таким качеством ветра, как способность к быстрому перемещению.

6. Ветер – носитель определенных черт характера и особенностей поведения

Некоторые антропоморфные метафоры ветра связаны с человеком, обладающим особенностями характера и поведения. Для литовских поэтов, у которых обнаружено 2 примера из этой группы, ветер или ураган – озорник, беспокойный человек: *Viesulai-padaužos jau sparnus pakėlė* (Nėr) ‘Ураганы – озорники уже подняли крылья’, *Su padauža vėju* (Miež) ‘С озорником-ветром’.

В русской лирике, где выявлено 5 примеров, наряду с похожим образом озорника: *Только ветер резвый, озорник такой* (Есен), обнаруживаются более сильные образы *ветра – хулигана* и даже *висельника*: *Плюйся, ветер, охапками листьев – я такой же, как ты, хулиган* (Есен), *Ветер – висельник и ветреник* (Цвет). Эти метафоры, несомненно, основываются на уже упомянутой способности к беспорядочному перемещению с разной силой: метафора выстраивается градуально в зависимости от большей или меньшей силы ветра. В последнем примере также есть еще одна метафора *ветер – ветреник*, основанная на качестве непостоянства, переменчивости.

На акустических эффектах основан русский поэтический образ *ветра – запевалы*: *Теплый ветер вихревой <...> Запевалой голосит* (Иван), *Ветер, лихой запевало* (Брюс); аналога ему в литовской поэзии не обнаружено.

Выводы

Анализ антропоморфных метафор атмосферного явления – ветра в литовской и русской поэзии XX и, отчасти, XIX вв. показал богатство и разнообразие метафорических систем этих двух поэтических традиций, во многом совпадающих и в то же время различающихся. Сходство двух поэтических метафорических систем заключается прежде всего в том, что антропоморфные метафоры основаны на одних и тех же характеристиках стихийного явления – ветра, сополагаемых с качествами метафоризующего объекта. Среди этих характеристик: сила/слабость, динамизм, однонаправленность или разнонаправленность перемещений, всепроницаемость, температура, способность к акустическим эффектам, взаимодействие с другими атмосферными явлениями и др.

В обеих поэтических традициях антропоморфные метафоры ветра распределяются в 6 количественно неравномерных групп. Наиболее многочисленными можно считать группы метафор *ветер – родственник/близкий знакомый* (12 в литовской части и 15 в русской) и *ветер – представитель определенной профессии* (6 в литовской части и 16 в русской), самой малочисленной – группа *ветер – перемещающийся определенным образом субъект* (4 в литовской части и 1 в русской) и *ветер – носитель определенных черт характера и особенностей поведения* (2 в литовской части и 5 в русской). Сходство поэтических традиций в отношении антропоморфных метафор сказывается в со-

поставимости количества примеров в литовской и русской части групп метафор по возрасту (7 : 8), по родству/близкому знакомству (12 : 15), социальному статусу (7 : 8); различие – в несоразмерности литовской и русской части в группах метафор по профессии (6 : 16), способу перемещения (4 : 1), свойствам характера и особенностям поведения (2 : 5).

Обнаруживаются определенные сходства и различия в организации национальных систем метафорических образов одной и той же группы: так, в группе метафор, связанных с профессиями, в обеих частях представлены, напр., музыканты, но литовская часть показывает большую роль крестьянских образов, тогда как в русской части превалируют профессии, связанные с перемещениями, часто по водным пространствам. Одни и те же метафорические образы могут иметь различную окраску, ср. отрицательную коннотацию в литовской системе и положительную – в русской общей метафоры *ветер – бродяга*, разницу в окраске метафоры *ветер – старик* и др.

В обеих системах антропоморфных метафор есть примеры, содержащие исторические аллюзии, а также отражающие традиционные ценности, уклад жизни данного народа. В этом отношении привлекает внимание наличие христианских мотивов, церковной лексики в русской части метафорики.

Важной особенностью системы антропоморфных поэтических образов является связь ряда групп с фольклорными традициями, народными обычаями и др. Это в первую очередь относится к литовской и русской частям группы *ветер – родственник*. Фольклорные мотивы обнаруживаются также в других группах. Связь с фольклором видна в использовании приема мифологизации по грамматическому признаку и в использовании стилистических приемов повтора.

Перечисленные характеристики антропоморфных метафор в литовской и русской поэзии, полученные в ходе анализа, приводят к общему выводу о ярко выраженном индивидуальном характере этого звена метафорических систем двух поэтических традиций.

---

[1] Осколкова Н. В. *Особенности структуры эстетического поля денотативного класса <ветер> (на материале русской поэзии XVIII – XX вв.)*. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. Архангельск, 2004.

[2] Там же, с. 17.

[3] Kazlauskaitė R. Mėnulio stereotipai lietuvių poezijoje. *Baltistika 2009*, pp. 355–377.

[4] Ibid., p. 355.

[5] Gudavičius A. *Gretinamoji semantika*. Šiauliai: Šiaulių universitetas, 2007, p. 167.

[6] Глазунова О. И. *Логика метафорических преобразований*. Санкт-Петербург: Изд-во Питер, 2000, с. 127.

[7] *Pasaka "Eglė – žalčių karalienė"*. Red. L. Sauka. T. 1. Vilnius: LLTJ, 2007, p. 297.

[8] Толстой Н. И. «Мужские» и «женские» деревья и дни в славянских народных представлениях. *Язык и народная культура*. Москва: Индрик, 1995, с. 333–340.

[9] Афанасьев А. Н. *Древо жизни*. Избранные статьи. Москва: Современник, 1982, с. 92.

[10] Дубровина К. Н. *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*. Москва: Флинта-Наука, 2012, с. 84.

[11] Ясюнайте Б., Коницкая Е. Колесница Пяркунаса (атмосферные явления в выражениях с переносным значением: облака). *Балто-славянские исследования*. Москва: Индрик 2009, с. 522.

[12] См.: Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. *Язык фольклора*. Москва: Флинта-Наука, 2006, с. 168 и далее.

[13] См. подробнее: Jasiūnaitė B., Konickaja J. "Atlėkė paukštis be sparnų" (Atmosferos reiškiniai frazeologijoje: sniegas). *Kalbotyra* LII (1), 2004, p. 47.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ФАМИЛИЙ ПОЭТОВ

Aist – J. Aistis
Brad – K. Bradūnas
Mač – V. Mačernis
Mież – E. Mieželaitis
Nag – H. Nagys
Nėr – S. Nėris
Nyk-Nil – A. Nyka-Niliūnas
Rad – H. Radauskas
Sant – S. Santvaras
Sruog – B. Sruoga
Vaič – P. Vaičiūnas
Vaičiūn – J. Vaičiūnaitė

Ас – Н. Ассев
АСП – А. Пушкин
Ахм – А. Ахматова
Бальм – К. Бальмонт
Бел – А. Белый
Бл – А. Блок
Брод – И. Бродский
Брюс – В. Брюсов
Волош – М. Волошин
Гип – З. Гиппиус
Есен – С. Есенин
Забол – Н. Заболоцкий
Зенк – М. Зенкевич
Иван – В. Иванов
Кл – Н. Клюев

Клыч – С. Клычков
Луговск – В. Луговской
Молч – И. Молчанов
Наб – В. Набоков
Паст – Б. Пастернак
Рубц – С. Рубцов
Сам – Д. Самойлов
Светл – М. Светлов
Сол – Ф. Сологуб
Станк – Н. Станкевич
Харм – Д. Хармс
Хлебн – В. Хлебников
Цвет – М. Цветаева
Яроцк – В. Яроцкая

ЛИТЕРАТУРА

Gudavičius A. *Gretinamoji semantika*. Šiauliai: Šiaulių universitetas, 2007.

Jasiūnaitė B., Konickaja J. "Atlėkė paukštis be sparnų" (Atmosferos reiškiniai frazeologijoje: sniegas). *Kalbotyra* LII (1), 2004, pp. 45–60.

Kazlauskaitė R. Mėnulio stereotipai lietuvių poezijoje. *Baltistika 2009*, pp. 355–377.

Pasaka "Eglė – žalčių karalienė". Red. L. Sauka. T. 1. Vilnius: LLTJ, 2007.

Афанасьев А. Н. *Древо жизни*. Избранные статьи. Москва: Современник, 1982.

Глазунова О. И. *Логика метафорических преобразований*. Санкт-Петербург: Изд-во Питер, 2000.

Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. *Язык фольклора*. Москва: Флинта-Наука, 2006, с. 162–179.

Дубровина К. Н. *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*. Москва: Флинта-Наука, 2012.

Осколкова Н. В. *Особенности структуры эстетического поля денотативного класса <ветер> (на материале русской поэзии XVIII – XX вв.)*. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. Архангельск, 2004.

Толстой Н. И. «Мужские» и «женские» деревья и дни в славянских народных представлениях. *Язык и народная культура*. Москва: Индрик, 1995, с. 333–340.

Ясюнайте Б., Коницкая Е. Колесница Пяркунаса (атмосферные явления в выражениях с переносным значением: облака). *Балто-славянские исследования*. Москва: Индрик 2009, с. 504–527.

Татьяна Стойкова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СЛОВА *ЛУНА*, *ЗВЕЗДА*, *СОЛНЦЕ* В АВТОРСКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: ИВАН БУНИН, ВЛАДИМИР НАБОКОВ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Summary

Poetic Words 'the Moon', 'the Star', 'the Sun' in an Author's Esthetical System: Ivan Bunin, Vladimir Nabokov (Comparative Aspect)

The present article considers the esthetical realization of words 'the moon', 'the star', 'the sun' in Ivan Bunin's and Vladimir Nabokov's author's systems on the basis of the semantic-stylistic analysis in a comparative aspect. Esthetical realization is analyzed in the context of the typology of art word meanings developed by the Petersburg school of poetic speech. The typology of poetic word meanings includes: nominative word meanings, different types of figurative word meanings and esthetical meaning as the highest type of poetic meaning. Esthetical meaning is characterized by semantic ambiguity and potentiality, associativity and diversity, novelty of communications of words, conditionality in a wide context of the whole work. In a work of art all words have esthetical value, but not each poetic word develops esthetical meaning in the text. Thus, esthetical meanings of the nominations 'the moon', 'the star', 'the sun' are expressed by a 'set' of generally-symbolical word meanings which differ in individual author's systems. The present research is topical for the theory of poetic speech and lexical semantics, literary lexicography, applied studying of the Russian language in the foreign-language audience.

Key-words: lexical semantics of the Russian language, literary lexicography, text linguistics, applied studies of Russian

*

Введение

Эстетическая реализация художественных слов в авторской системе обусловливается многими факторами: и литературным направлением, и жанром, и тематикой произведения, но в большей сте-

пени – языковой личностью автора. Концепция языковой личности определила антропоцентрическую парадигму современной лингвистики и, следовательно, направления многих современных лингвистических исследований.

Цель данной статьи – рассмотреть, как антропоцентризм художественной речи проявляется в эстетической реализации художественных слов, а именно: в их выборе и авторском предпочтении; в том, какие преобразования происходят в семантике художественного слова; в развитие каких художественных идей оно включается – в целом, какое место занимает в авторской эстетической системе, авторской картине мира. Все это значимо характеризует художественное мировидение и языковую личность автора, отражая ее специфику, неповторимую индивидуальность, а вместе с тем и отличия от других авторских эстетических систем.

В статье в сопоставительном аспекте анализируется эстетическая реализация слов-названий небесных светил – *солнце*, *луна*, *звезда* – в авторских художественных системах русских классиков – современников в литературном процессе – И. Бунина и В. Набокова. Семантико-стилистический анализ и выводы основываются на полной выборке контекстов употребления художественных слов *луна*, *звезда*, *солнце* в цикле новелл И. Бунина *Темные аллеи* и в романах В. Набокова *Подвиг* и *Защита Лужина*. Выводы не распространяются на все художественные тексты каждого автора, однако авторские тенденции в эстетическом употреблении, в характере осложненности семантики рассматриваемых художественных слов отмечаются вполне определенные.

Проследить эстетическую реализацию номинаций небесных светил в индивидуально-авторских системах словесного искусства небезынтересно еще и потому, что данные номинации «отягощены» традицией символического использования и традиционные символические смыслы составляют определенные пласты в семантике данных слов, своеобразно преломляясь и в авторской системе.

Типология художественного значения

Слово в художественном тексте – это *художественное слово*. Оно всегда образно, хотя и не всегда метафорично[1], поэтому в отношении художественного слова используется и другой термин – *словесный образ*. Петербургская школа художественной речи и писательской

лексикографии разработала типологию художественного значения. В художественной семантике слов, в *его трансформациях разграничиваются три уровня, в соответствии с которыми и складывается типология художественного значения: прямое номинативное употребление; образная реализация слова; эстетическое значение слова как высшее проявление художественных свойств слова. <...> различные уровни художественной семантики слова – ее типы и разновидности – не существуют изолированно, а находятся в тесном взаимодействии*[2].

Художественное слово даже в номинативном употреблении выполняет эстетическую функцию, однако не всякое художественное слово развивает эстетическое значение. Эстетическое значение как высший тип художественного значения характеризуется семантической неоднозначностью и потенциальностью, невозможностью окончательной конкретизации, ассоциативностью и многоплановостью, новизной и алогичностью словесных связей, обусловленностью не ближайшим, а широким контекстом – вплоть до контекста всего произведения.[3]

В художественном тексте словесные образы *солнце*, *луна*, *звезда* прежде всего элементы природного описания, где актуализуются их прямые номинативные значения: *луна* – ‘*ближайшее к земле небесное тело, спутник земли, вращающийся вместе с нею вокруг солнца и светящийся по ночам отраженным светом*’[4]; *звезда* – ‘*небесное тело, светящееся собственным светом, представляющееся взору человека светящейся точкой на небесном своде*’[5]; *солнце* – ‘*центральное небесное светило нашей планетной системы, представляющее собою гигантский раскаленный шар, излучающий свет и тепло*’; ‘*свет, тепло, излучаемые этим светилом*’[6]. На основе номинативных сем развиваются разные типы образной реализации слова, а в случае особой выделенности в авторской семантико-стилистической системе художественные слова-номинации развивают эстетические значения. В эстетических значениях словесных образов небесных светил находят отражение и те символические смыслы, которые с ними традиционно связываются и зафиксированы в различных словарях символов. Смысловую значимость и эстетические возможности рассматриваемых художественных номинаций в индивидуальной системе вскрывает семантический анализ текстов.

Художественные слова *солнце*, *луна*, *звезда* в эстетической системе И. Бунина: цикл *Темные аллеи*

Луна

Художественные номинативные употребления словесного образа *луна* в контекстах описания и повествования сочетаются со «стертыми», т.е. утратившими яркую образность, привычными, метонимическими и метафорическими употреблениями, ср.: номинативное употребление: *появился на пороге кабинета, **освещённого** тоже только **луной***[7] (*Муза*); «стертая» метонимия: ***Возвратился** уже **при луне***[8]; «стертая» метафора *луна, стоявшая высоко*: *Девочка высунулась из окна, чтобы взглянуть **на луну**, не видную из комнаты, **стоявшую** всё ещё очень **высоко***[9] (*Ночлег*).

Однако художественное слово *луна* образует в контекстах и необычные лексические связи, реализуя яркие, отмеченные новизной сочетаемости, образно-метафорические значения:

> *В застывшей тишине ночи и лесов **неподвижным ломтем дыни краснела** вдали, невысоко над смутным полем, **поздняя луна**.*[10] (*Зойка и Валерия*)

> *Над головой только лёгкие белые* [облака – Т. С.], *и **высокая луна алмазно слезится** в них.*[11] (*Таня*)

И бытовой образ *ломоть дыни* в развернутом контексте сравнения, и контрастная, поэтично персонифицирующая луну глагольная метафора *алмазно слезится* характеризуют индивидуальную выразительность авторского стиля. В подобных развернутых контекстах индивидуально-авторского образного употребления, соотнесенных с художественным целым (названия новелл указываются в скобках), с конкретной художественной ситуацией глубокого любовного переживания на фоне описания, включающего луну, – художественное слово *луна* развивает обобщенно-символический план ‘другой, неземной, высший лучший мир, инобытие’. Этот смысловой план и формирует в метатексте (рассматриваем цикл новелл о любви как единый метатекст) эстетическое значение слова *луна*. Ср.:

> *<...> тот **таинственный** час, когда из-за гор и лесов, **точно какое-то дивное существо, пристально смотрела поздняя луна!***[12] (*Кавказ*)

> *И ночь **какая-то странная**. Широкий, пустой, светло освещённый **высокой луной** двор. <...> на северном небосклоне медленно расходятся **таинственные** ночные облака – снеговые мёртвые*

> *горы. Над головой только лёгкие белые, и* ***высокая луна алмазно слезится*** *в них, то и дело* ***выходит*** *на тёмно-синие прогалины, на звёздные глубины неба, и будто ещё ярче* ***озаряет*** *крыши и двор. И* ***всё вокруг как-то странно*** *в своём ночном существовании,* ***отрешённом от всего человеческого****, бесцельно сияющее.*[13] (*Таня*)

> *Ночная синяя чернота неба в тихо плывущих облаках, везде белых, а* ***возле высокой луны*** *голубых. Приглядишься – не облака плывут –* ***луна плывёт****, и близ неё, вместе с ней,* ***льётся золотая слеза звезды****:* ***луна плавно уходит в высоту****, которой нет дна, и* ***уносит*** *с собой всё* ***выше и выше звезду****. <...> И когда вот так смотришь на всё это, как же не верить, что* ***есть рай, ангелы, божий престол****.*[14] (*Смарагд*)

Для развития смыслового плана ‘другой, неземной, высший, лучший мир; инобытие’ значима символика пространственных координат описания «верх – низ» (дважды *высокая луна*; *луна уходит в высоту, которой нет дна, всё выше и выше*; *глубины неба*): иной мир – верхний и высший относительно земного, человеческого мира. Семантика неопределенности (*какое-то дивное существо*, *какая-то странная ночь*, *всё как-то странно*) подчеркивает обобщенность данного смыслового плана словесного образа *луна*. Признакам ‘таинственный, странный, нечеловеческий, райский, божественный’ (*таинственный час*, *таинственные облака*, *странная ночь*, *отрешённое от человеческого существование*, *рай*, *ангелы*, *божий престол*) в контекстах сопутствует положительная экспрессия, поэтизирующая тот запредельный инобытийный мир, знаком которого в эстетической системе И. Бунина выступает словесный образ *луна*.

В эстетическом значении словесного образа *луна* преломляется символический смысл, известный в ряде восточных мифологий, где луна олицетворяет иной мир, место посмертного пребывания праведных душ до их возвращения на землю[15]; ср. в связи с этим сопряженность словесного образа *луна* в последнем контексте с рядом художественных слов *рай*, *ангелы*, *божий престол*. Этот дивный неземной мир, едва видимый сквозь ночные формы, способны (по сюжету новелл) почувствовать, «прозреть» только те герои Бунина, которым доступно переживание любви.

Звезда

В контексте лаконичных природных описаний номинативные художественные употребления слова в форме множественного числа – *звёзды* – обычно указывают на сюжетное (ночное) время развития действия:

Когда глаз привыкал к темноте, ***выступали*** *вверху* ***звёзды*** *и гребни гор, над деревней вырисовывались деревья, которых мы не замечали днём.*[16] (*Кавказ*)

Еле видны ***тусклые звёзды****, кое-где мерцающие в облачном небе.*[17] (*Волки*)

Девочка <…> распахнула ставни на сияющую лунную ночь, на огромное светлое небо с ***редкими звёздами****.*[18] (*Ночлег*)

Однако в развернутых метафорических контекстах, как правило, соотнесенных с художественной ситуацией любовного переживания, актуализируются, преломляясь и развиваясь в авторской системе, традиционные амбивалентные обобщенно-символические смыслы слова *звезда*: с одной стороны, *звезда* означает земное счастье[19], с другой – предупреждает о разлуке с возлюбленными[20], олицетворяет душу, ушедшую в иной мир[21] и вечность[22]. Эти смыслы входят в эстетическое значение слова *звезда* в художественной системе И. Бунина.

Особенностью эстетических значений, в силу их семантической неоднозначности, ассоциативности и невозможности окончательной конкретизации, является «мерцание» в контексте нескольких обобщенно-символических смыслов, нередко семантически контрастных. Так, в великий миг свидания влюбленных – в ассоциативном метафорическом контексте ряда качественных, персонифицирующих образ слов (*бесстрастно*, *выжидательно*, *беззвучно говорившую*) проявляются символические значения ‘предупреждение о разлуке’ (соотносится со словами *одинокая*, *выжидательно*, *что-то говорившая*) и ‘счастье’ (соотносится с сочетанием *лучистое мерцание глаз*): *видел <…>* ***одинокую зелёную звезду, теплившуюся бесстрастно и вместе с тем выжидательно, что-то беззвучно говорившую****. <…>* ***звезду*** *я видел только мельком – одно было в мире: лёгкий сумрак и* ***лучистое мерцание*** *твоих* ***глаз*** *в сумраке*[23] (*Поздний час*).

Значения ‘знак разлуки с возлюбленной/возлюбленным’, ‘вознесшаяся в иной мир душа’, ‘вечность’ проявляются также в образной семантике художественного слова *звезда* в составе распространенной качественными словами индивидуально-авторской персонифицирующей глагольной метафоры *глядела немая звезда*: над последним пристанищем возлюбленной героя ***дивным самоцветом глядела невысокая зелёная звезда, лучистая, как та, прежняя, но немая, неподвижная*** (там же)[24].

В иных контекстах обобщенно-символическое значение ‘знак разлуки с возлюбленным’ варьируется, осмысляясь как ‘знак пре-

дупреждения о разлуке с возлюбленным, предупреждения об опасности'; ср. например, контексты из новеллы *Холодная осень*:

> *Я подошла к балконной двери и протёрла стекло платком: в саду, на чёрном небе,* ***ясно и остро сверкали чистые ледяные звёзды****.*[25]

> *<...> стали обозначаться в светлеющем небе чёрные сучья, осыпанные* ***минерально блестящими звёздами****.*[26]

Вместе с тем в этих же контекстах *звезда* выступает знаком «чужого» мира (по ту сторону балконной двери и окна – символической границы миров), противопоставленного «своему» пространству Дома. Семантические признаки 'опасный', 'холодный', 'враждебный', как характеристики «чужого» пространства, передаются значениями слов *остро сверкали*, *ледяные*, *минерально блестящие.* Ср. другие контексты с другими обобщенно-символическими пространственными значениями словесного образа *звезда* – 'вечность', 'иной, лучший, высший мир':

> *<...>* ***льётся золотая слеза звезды****: луна плавно уходит в высоту, которой нет дна, и уносит с собой всё* ***выше и выше звезду****. <...> И когда вот так смотришь на всё это, как же не верить, что* ***есть рай, ангелы, божий престол****.*[27] (*Смарагд*)

> *Уходящая всё* ***глубже и глубже ввысь звёздность*** *и там* ***какая-то*** *страшная чёрно-синяя* ***темнота, провалы куда-то*** *<...> и спокойствие, молчание,* ***непонятная великая пустыня, безжизненная и бесцельная красота мира****... <...>* ***звёзды*** *отражаются расплющенным блеском в чёрных стёклах окон – и в стёклах её окна.*[28] (*Зойка и Валерия*)

Солнце

Художественное слово *солнце* в метатексте новелл И. Бунина реализует потенциал амбивалентной семантики. Дуализм символа *солнце* отмечается и в словарях.[29] С одной стороны, положительно окрашенные, «сочные» пейзажные зарисовки содержат образно-метафорические значения художественного слова *солнце*, отражающие гимн жизни: *В яркой синеве <...> скопляются белые облака, высоко перекатывается гром, потом* ***начинает сыпать сквозь солнце*** *блестящий* ***дождь***[30] (*Муза*). На основе номинативных сем развивается обобщенно-символическое значение: так, естественно и традиционно жизнеутверждающее начало мира олицетворяется у Бунина солнцем: *солнце* – 'сияющий, явленный символ жизни, ее источник', в противовес смерти: *У нас* ***тут солнце, цветы, травы, мухи, шмели, ба-***

***бочки**, мы можем играть, бегать <...> а они всегда лежат там в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках*[31] (*Часовня*).

Но вместе с тем словесный образ *солнце*, участвуя в создании психологического пространства, которое надстраивается над природным – описанием заката солнца, в ряде новелл связывается с художественной идеей осознания героем произошедшей в его жизни утраты самого ценного и значительного – утраты любви, по причине гибели возлюбленной/возлюбленного или по причине предательства любви одним из них, как, например, в новелле *Темные аллеи*:

> *К закату проглянуло **бледное солнце**.*[32]
>
> ***Низкое солнце жёлто светило** на пустые поля, лошади ровно шлёпали по лужам.*[33]

Угнетающий пейзаж, окрашенный пейоративной экспрессией качественных слов (*бледное*, *низкое солнце жёлто светило*, *пустые поля*), передает угнетенное состояние персонажа: герой только к своему закату понял, что любовь к женщине низшего сословия была самым дорогим, что он *имел в жизни*[34].

Смысловая амбивалентность словесного символа *солнце* проявляется в развитии обобщенно-образного значения ‘страдание, душевная боль вследствие утраты возлюбленного/возлюбленной’ – в контекстах, включающих смысловой параллелизм словесных образов *солнце* (заходящее) и *тоска* – параллелизм эмоционально-экспрессивной окраски образно-метафоричного пейзажа и психологического состояния персонажа. Так, герой новеллы *Генрих* узнает о гибели возлюбленной:

> *Дымчато-сизый запад за Антибским мысом был мутен, в нём стоял и мерк **диск маленького солнца, апельсина-королька**. Он долго смотрел на него, **подавленный ровной безнадёжной тоской**.*[35]

Как семантический вариант указанного выше значения художественное слово *солнце* может символизировать ‘душевные страдания от предчувствия разлуки с возлюбленной/возлюбленным’ в аналогичных пейоративно окрашенных контекстах с параллелизмом *солнце (закат) – тоска*:

> *Слева от меня лежала речная низменность, за ней слегка поднимались к горизонту тоже **пустые поля**, там только что **село солнце**, **горел закат**. Справа от меня краснел против него правильный **ряд** белых **одинаковых хат** точно **вымершей деревни**, и **я с тоской смотрел** то **на закат**, то на них.*[36] (*Натали*)

Художественные слова *солнце*, *луна*, *звезда* в эстетической системе В. Набокова: романы *Подвиг* и *Защита Лужина*

Луна

Художественное слово *луна* крайне редко появляется в текстах В. Набокова. В романах *Подвиг* и *Защита Лужина* отмечены единичные случаи номинативных и образных употреблений. Ср. номинативное употребление: *летней крымской ночью <...> бледной, как мел, от неживой белизны татарских стен* ***против луны***[37] (*Подвиг*); «стертое» метафорическое: *тут Мартын заметил* ***при вспышке луны****, что у него в руке крупный револьвер* (там же); образно-метафорическое употребление:

> *Лужин <...> глядел* ***на луну****, которая,* ***дрожа, выпутывалась*** *из чёрной листвы*;[38] (*Защита Лужина*) ***луна вышла*** *из-за угловатых чёрных веток, –* ***круглая, полновесная луна, – яркое подтверждение победы***.[39] (там же)

Можем предположить, что художественное слово *луна* в семантико-стилистической системе В. Набокова, в отличие от системы И. Бунина, не развивает эстетического значения. Однако данное предположение требует подтверждения лингвистическим анализом других произведений В. Набокова.

Звезда

Художественное слово *звезда* в эстетической системе В. Набокова реализует весь потенциал художественных значений; ср. номинативные употребления (во втором контексте номинативное употребление в составе метонимического образа):

> *Я не желаю* ***спать под звёздами***.[40] (*Подвиг*)
>
> *Он не спеша вернулся в дом, представляя себе <...> Зиланова с портфелем на какой-то разрушенной станции* ***под украинскими звёздами***.[41] (там же)

В контексте урбанистического описания номинативное употребление слова *звёзды* переживает семантический сдвиг, оказавшись на периферии глагольной метафоры: *они оба пошли дальше* ***по*** *ночной пустынной* ***улице, которая то плавно поднималась к звёздам, то уходила вниз***[42] (*Защита Лужина*). Подобное осложненное номинативное употребление сочетается с образно-метафорическими употреблениями слова *звёзды* в составе ядра глагольных метафор *кружатся звёзды*, *текли звёзды*:

> *«Как они **кружатся**». «**Звёзды**», – объяснил Карл, и оба некоторое время неподвижно глядели ввысь, где **в чудесной бледно-сизой бездне** дугообразно **текли звёзды**.*[43] (*Защита Лужина*)

Если рассматривать романы В. Набокова как единый метароман, то в таком глобальном контексте раскрывается эстетическое значение словесного образа *звезда*, обобщенно-символический план которого связан с важными в авторской картине мира художественными идеями – идеей избранничества героев, романных двойников автора, и идеей *метафизического «сомнения»*[44]. В контексте первой идеи словесный образ *звезда* развивает смысловой план ‘избранная, одинокая, свободная и счастливая душа’:

> *<…> огромное, всепоглощающее, **сизое от звёзд** небо было головокружительно, и Мартын вдруг опять ощутил то, что уже ощущал не раз в детстве, – **невыносимый подъём всех чувств**, что-то очаровательное и требовательное, присутствие такого, **для чего только и стоит жить**.*[45] (*Подвиг*)

> ***Сорвалась звезда** <…> «**Звезда**. Туман. Бархат, бар-хат», – отчётливо произносил он и всё удивлялся, как непрочно смысл держится в слове. И в какую даль этот человек забрался, какие он уже перевидал страны, и что он делает тут, ночью, в горах, – и отчего всё в мире так странно, так волнительно. <…> Опять **покатилась звезда**. <…> **Чувство богатого одиночества**, которое он часто испытывал **среди толпы**, **блаженное чувство** <…> – это чувство было необходимо **для полного счастья**.*[46] (там же)

В становление второй идеи – *метафизического «сомнения»* – намеком включаются значения словесного образа *звезда* – ‘инобытийный мир’, ‘вечность’:

> *Воздух был нежен и тускловат, это были не совсем сумерки, но уже не день, и террасы олив, и мифологические холмы вдалеке, и отдельно стоящая на бугре сосна – **всё было плоско** и обморочно, а ровное, потухшее **небо теснило**, дурманило, и хотелось поскорее, чтобы в нём **просквозили живительные звёзды**.*[47] (*Подвиг*)

> *Я готов был стать единоверцем последнего шамана, только бы не отказаться от внутреннего убеждения, что себя я не вижу **в вечности** лишь **из-за земного времени, глухой стеной окружающего жизнь**. Я забирался мыслью **в серую от звёзд даль**, но **ладонь скользила всё по той же непроницаемой глади**.*[48] (*Другие берега*)

Обобщенно-символическая семантика художественного слова *звёзды* (вместе со словесными образами *вечность*, *даль*) вводит образ верти-

кали, вертикального – высшего – мира, разрывающего пределы земного мира и противостоящего ему. В речевом образе земного мира основными характеризующими признаками выступают ‘предельность’, ‘ограниченность’ ‘плотность’ (*все было* ***плоско***, ***ровное небо теснило***; ***земное время***, ***глухой стеной*** *окружающее жизнь*; ***непроницаемая гладь***).

Солнце

Словесный образ *солнце* является одним из ключевых в семантико-стилистической системе В. Набокова: в художественной семантике слова *солнце* в образной форме отражаются существенные аспекты авторского мировидения. В. Набоков *не вымышляет той реальности, которой не осязает, он пишет о том, что доступно его «земной природе», хотя такое положение его отнюдь не удовлетворяет*; в его мировидении младенчество и раннее детство – *это приближение к «другой» реальности, посильный выход из системы «земного времени»*[49], это *набоковский рай*, *память об изначальном, идеальном состоянии мира*[50].

Художественное слово *солнце* включается в становление и развитие идеи и образа *набоковского рая*, изначального идеального мира. В контексте этой художественной идеи слово *солнце* развивает эстетическое значение: *солнце* – ‘чувственная характеристика идеального состояния мира’, *солнце* – ‘знак абсолютной гармонии, цельности мира’, ‘«доземное» блаженство’. Ср. некоторые из многочисленных контекстов:

> *<...> он* ***с обморочным восторгом*** *вспомнил эти часы чтения на веранде <...>* ***Воспоминание пропитано было солнцем*** *и сладкочернильным вкусом <...> И обойные гвоздики <...> были* ***в его воспоминании равноценны и солнцу, и шуму сада, и комару****, который присосавшись к его ободранному колену, поднимал* ***в блаженстве*** *рубиновое брюшко.*[51] (*Защита Лужина*)

> ***Солнце – в глаза****. <...> трудно, трудно изловить* ***счастье****. Скрытые листвой, журчали ручьи, с мокрых мест на дороге вспархивали голубые бабочки, в кустах возились птицы, – всё было до грусти* ***солнечно*** *и* ***беспечно****.*[52] (*Подвиг*)

> ***Солнце так пекло****, так трещали цикады, так пряно и жарко пахло, что он вконец разомлел <...> Вдруг он услышал прохладный звук воды и подумал, что в мире нет лучше музыки. Он, потерянный странник, был один* ***в чудном мире****, совершенно к нему равнодушном, – играли в воздухе бабочки, юркали ящерицы по камням и блестели листья.*[53] (там же)

Он с ***восторгом предвкушал*** *вот такую же* ***прохваченную солнцем глушь****, с паутинами, растянутыми на лучах, с зарослями царского чая в серых ложбинках, – и вдруг просвет, и дальше – простор, пустые осенние поля, на пригорке плотную белую церковку <...>.*[54] (*Подвиг*)

К полудню ***весь мир нежно вспыхивает на солнце****, блестят стволы деревьев, горят синие лужи на дороге, и горы, разогревшись, освобождаются от туманного облачения.*[55] (там же)

Синкретичный, целостный образ идеального состояния мира создает единство пространства (*чудный мир*, *простор*, *пустые поля*, *глушь* и др.), запахов (*пряно*, *жарко пахло*), звуков (*журчали ручьи*, *трещат цикады*, *прохладный звук воды – музыка*), красок (преобладают священные цвета: *рубиновое брюшко*, *голубые бабочки*, *синие лужи*, *белая церковка*), движения (*юркали ящерицы*, *вспархивали*, *играли бабочки*), света и тепла (*пропитано солнцем*, *прохваченная солнцем*, *солнце – в глаза*, *солнце пекло*, *мир вспыхивает*, *блестят стволы*, *горят лужи*), чувств (*обморочный восторг*, *счастье*, *до грусти беспечно*).

Однако эстетическое значение словесного образа *солнце* в художественной системе В. Набокова, как и в системе И. Бунина, характеризуется амбивалентностью – включает и противоположные обобщенно-символические смыслы. Немногочисленные контексты все-таки дают возможность говорить об устойчивости эстетического употребления слова *солнце* в значении ‘бессмысленность жизни, утрата высшего смысла жизни’. Ср. например, пейоративно оценочные (благодаря семантике слов *серый*, *муть*, *плоский*, *бескровный*) контексты, отражающие потерю Лужиным, оказавшимся в «капкане» брака, смысла жизни:

А проснёшься – трезвый ***серый свет*** *за окнами,* ***в молочной мути*** *неба* ***скользит солнце****, похожее на луну.*[56] (*Защита Лужина*)

<...> небо в одном месте бледно посветлело, и там проплыл ***плоский, бескровный солнечный диск****.*[57] (там же)

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ художественной реализации слов *луна*, *звезда*, *солнце* в произведениях И. Бунина и В. Набокова позволяет представить эстетические значения этих слов, которые в обобщенно-образной форме в широком контексте объективируют важнейшие аспекты авторского мировидения.

Предположительно, что словесный образ *луна* развивает эстетическое значение только в семантико-стилистической системе И. Бунина – ‘неземной, высший, лучший мир; инобытие’.

Эстетические значения словесных образов *звезда* и *солнце* в обеих системах характеризуются смысловой амбивалентностью. Художественное слово *звезда* отличается особой семантической емкостью и многоплановостью в авторской системе И. Бунина, объединяя смысловые линии развития значения: ‘счастье’, ‘разлука с возлюбленной/возлюбленным’, ‘предупреждение о разлуке с возлюбленным’, ‘вознесшаяся в иной мир душа’, ‘«чужой», враждебный мир’, ‘иной, лучший, высший мир’, ‘вечность’. В авторской системе В. Набокова эстетическое значение слова *звезда* объединяет смысловые компоненты – ‘избранная, одинокая, свободная душа’, ‘вечность’, ‘инобытие’.

В эстетическое значение художественного слова *солнце* в сематико-стилистической системе И. Бунина входят контрастные смыслы: ‘сияющий, явленный символ жизни, ее источник, одухотворяющее начало’ – ‘душевные страдания, боль вследствие разлуки с возлюбленной/возлюбленным, утраты любви’, ‘утрата любви как высшей ценности жизни, дающей ей смысл’. Эстетическое значение словесного образа *солнце* в системе В. Набокова формируют также контрастные семантические компоненты: ‘абсолютная гармония и целостность идеального мира’ – ‘бессмысленность жизни’, ‘утрата смысла жизни’.

Исследование эстетических значений художественных слов в авторских системах необходимо при разработке писательской лексикографии, обогащает теорию лексического значения, а также обеспечивает более глубокое понимание художественных текстов, в том числе в иноязычной аудитории, изучающей авторские идиостили на «продвинутом» этапе освоения русского языка.

---

[1] Винокур Г. О. *Филологические исследования*: *Лингвистика и поэтика*. Москва: Наука, 1990, с. 142.

[2] Поцепня Д. М. *Образ мира в слове писателя*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997, с. 108–109.

[3] Об эстетическом значении см.: Ларин Б. А. *Эстетика слова и язык писателя*. Ленинград, 1974; Поцепня Д. М. Эстетическое значение слова как семантико-стилистическая категория. *Словоупотребление и стиль писателя*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996, с. 13.

[4] *Толковый словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 2. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1938, с. 96.

[5] *Толковый словарь русского языка*. В 4 томах. Т. 1. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935, с. 1081.
[6] Там же, т. 4, 1940, с. 372.
[7] Бунин И. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1988, с. 275.
[8] Там же.
[9] Там же, с. 481.
[10] Там же, с. 326.
[11] Там же, с. 329.
[12] Там же, с. 259.
[13] Там же, с. 329.
[14] Там же, с. 304.
[15] Тресиддер Дж. *Словарь символов*. Москва, 1999, с. 205.
[16] Бунин И. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1988, с. 259.
[17] Там же, с. 308.
[18] Там же, с. 481.
[19] *Эмблемы и символы*. Москва, 2000, с. 55.
[20] *Словарь символов, знаков, эмблем*. Москва, 2004, с. 182.
[21] Бидерманн Г. *Энциклопедия символов*. Москва, 1996, с. 90.
[22] *Эмблемы и символы*. Москва, 2000, с. 55.
[23] Бунин И. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1988, с. 280.
[24] Там же, с. 282.
[25] Там же, с. 431.
[26] Там же, с. 432.
[27] Там же, с. 304.
[28] Там же, с. 325.
[29] *Словарь символов, знаков, эмблем*. Москва, 2004, с. 462–465.
[30] Бунин И. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1988, с. 273.
[31] Там же, с. 472.
[32] Там же, с. 254.
[33] Там же, с. 255.
[34] Там же.
[35] Там же, с. 369.
[36] Там же, с. 385.
[37] Набоков В. *Собрание сочинений*. В 4 томах. Т. 2. Москва: Правда, 1990, с. 164.
[38] Там же, с. 66.
[39] Там же, с. 67.

[40] Там же, с. 262.
[41] Там же, с. 216.
[42] Там же, с. 83.
[43] Там же, с. 84.
[44] Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова. *Набоков В. Собрание сочинений*. В 4 томах. Т. 1. Москва: Правда, 1990, с. 12.
[45] Набоков В. *Собрание сочинений*. В 4 томах. Т. 2. Москва: Правда, 1990, с. 168.
[46] Там же, с. 187–188.
[47] Там же, с. 267.
[48] Набоков В. *Собрание сочинений*. В 4 томах. Т. 4. Москва: Правда, 1990, с. 136.
[49] Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова. *Набоков В. Собрание сочинений*. В 4 томах. Т. 1. Москва: Правда, 1990, с. 14.
[50] Там же, с. 15.
[51] Набоков В. *Собрание сочинений*. В 4 томах. Т. 2. Москва: Правда, 1990, с. 5–6.
[52] Там же, с. 186–187.
[53] Там же, с. 265.
[54] Там же, с. 270–271.
[55] Там же, с. 273.
[56] Там же, с. 100.
[57] Там же, с. 119.

ЛИТЕРАТУРА

Бидерманн Г. *Энциклопедия символов*. Москва, 1996.
Бунин И. *Собрание сочинений*. В 6 томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1988.
Винокур Г. О. *Филологические исследования*: *Лингвистика и поэтика*. Москва: Наука, 1990.
Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова. *Набоков В. Собрание сочинений*. В 4 томах. Т. 1. Москва: Правда, 1990, с. 3–32.
Ларин Б. А. *Эстетика слова и язык писателя*. Ленинград, 1974.
Набоков В. *Собрание сочинений*. В 4 томах. Москва: Правда, 1990.
Поцепня Д. М. *Образ мира в слове писателя*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
Поцепня Д. М. Эстетическое значение слова как семантико-стилистическая категория. *Словоупотребление и стиль писателя*. Вып. 1. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996, с. 12–29.
Толковый словарь русского языка. В 4 томах / Под. ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1935 – 1940.
Тресиддер Дж. *Словарь символов*. Москва, 1999.
Эмблемы и символы. Москва, 2000.
Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Москва, 2004.

Валентина Петровна Щаднева

ТЕМПОРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТОНИКА РОМАНА МИХАИЛА БУЛГАКОВА *МАСТЕР И МАРГАРИТА* И ЕГО ЭСТОНСКОГО ПЕРЕВОДА[1]

Summary

The Temporal Architectonics of Mikhail Bulgakov's Novel 'Master and Margarita' and its Translation to Estonian

The article is devoted to the comparative analysis of an artistic text and its translation. The research is based on the material of Mikhail Bulgakov's novel 'Master and Margarita'. The subject of discussion is the temporal architectonics of the Russian original and the reflection of this temporal structure in the Estonian translation. In particular, the study focuses on space-time relations and the figurative representation of time.

The novel contains two kinds of temporality: 1) the general temporality of the text combines storylines, 2) the temporality within the plot organizes three storylines. Semantically various lexical and phraseological units with the archeseme 'time' depend on the composition of the novel and are represented by different parts of speech: numerals, adverbs, nouns, adjectives. However, a special role is played by verbs which interact with the linguistic resources of the first type. The choice of semantically and stylistically diverse verbs and their various grammatical forms depends on the communication strategy of the narrator who, combining the storylines into a single text, creates vivid images of characters in time.

When choosing an Estonian equivalent, translators seek to preserve the denotative semantics and emotionally expressive shades of the temporal resources of the Russian text. However, due to the national specificity of different languages, the discrepancy between the shades of meaning of words, and sometimes due to the preference of the translator, the offered equivalents are at times denotatively inaccurate (but functionally possible), or less expressive which causes some loss of meaning. At the same time, in general, the translation reproduces the temporal structure of the original and its combination of dynamism and stasis.

Key-words: temporality, temporal structure, space-time relations, artistic text, translation, Russian, Estonian

*

Введение

Изобразительный потенциал любого художественного произведения заключается в органичной взаимосвязи *композиционных* и *языковых* элементов текста. Читатель воспринимает эти стороны произведения в их единстве, которое членится лишь для исследовательских целей. Основным постулатом данного анализа является признание неповторимости каждого литературного творения с точки зрения набора и организации всех текстовых элементов. Задача переводчика – передать эту неповторимость средствами другого языка. В то же время отличие языковых систем оригинала и перевода, а также индивидуальность речи переводчика порождают определенные несоответствия между языковыми составами первичного и вторичного текстов. Иначе говоря, по объективным причинам некоторые языковые потери неизбежны, однако важно, чтобы они были минимизированы и не приводили к несоответствиям и в области содержания, ибо в художественном тексте языковая форма содержательна и несет эстетическую нагрузку.[2]

Цель исследования – выявить роль разных способов выражения идеи времени в темпорально-локальной архитектонике русского оригинала и его эстонского перевода, который совместно выполнили Майга Варик и Юри Оямаа. Текстовый материал оригинала и его перевода рассматривается в русле сопоставительной стилистики художественного текста. Выявление семантических, стилистических и грамматических особенностей темпоральных средств разных языковых уровней предполагает учет облигаторной взаимосвязи системно-языкового, нормативного и стилистического компонентов перевода.

Понятие времени относится к числу сложнейших концептов. Однако специалисты различных областей научного знания давно единодушны в вопросе о неразделимости времени и пространства, например, академик В. И. Вернадский писал:

> *Мы не знаем ни одного явления в природе, которое не занимало бы части пространства и части времени. Только для логического удобства представляем мы отдельно пространство и отдельно время.*[3]

На эту точку зрения опираются и лингвисты.[4] Отражаемая в языке глубокая связь между временем и пространством, тесное переплетение между собой этих форм бытия материи по-разному воплощается

в текстах разных стилей, разных авторов. В романе Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита* единство времени и пространства проявляется особенно наглядно. По этой причине в ходе сопоставительного анализа учитывается взаимосвязь между названными формами материи.

Теоретические основы исследования

С точки зрения перевода особо значимо то, что способы вербализации темпорального сознания в разных языках могут быть не только национально своеобразными, но и общими для разных языков, например, цифровое обозначение временных отрезков, легко переводимые с одного языка на другой числительные и многие наречия времени и др. Наличие универсальных черт позволяет представить языковые средства выражения времени в *функционально-семантическом поле* (ФСП) *темпоральности*.

Согласно теории ФСП, разработанной в русле функциональной грамматики, темпоральность как функционально-семантическая категория отражает восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи или иной точке отсчета. Охватывающая различные уровни языковой системы темпоральность представлена грамматическими (морфологическими, синтаксическими), лексическими и комбинированными (лексико-грамматическими, грамматико-контекстуальными) средствами.[5] В обобщенном виде строение ФСП темпоральности с настоящим момента речи в качестве дейктического центра можно представить в схеме, первый вариант которой был опубликован нами в 2010 году.[6]

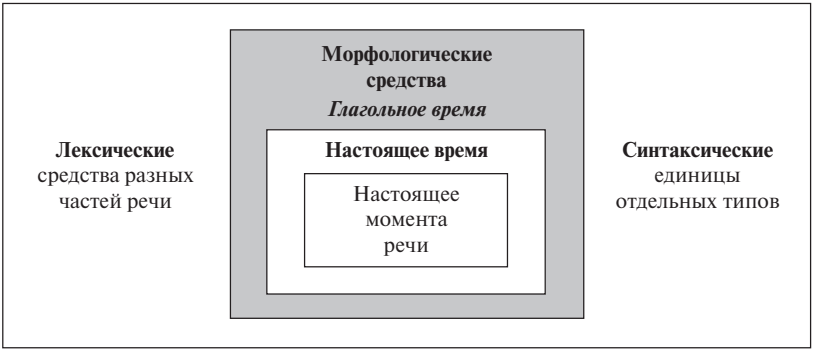


Рисунок 1. **Строение ФСП темпоральности**

В ФСП темпоральности проявляются как универсальные, так и национально своеобразные черты. При этом в художественных текстах и их переводах используются все лексические и грамматические богатства языков. Но особую роль всегда играет специализированная на идее времени морфологическая основа, закрепленная в глагольных словоформах. Полная глагольная парадигма эстонского глагола не совпадает с русской. Существенно различаются и ядерные для глагольных систем парадигмы форм категории времени. Некоторое представление о грамматических задачах, которые вынуждены решать переводчики, дает сравнение этих парадигм в таблице, предложенной соавторами краткого справочника по контрастивной грамматике[7]:

Семантика временного плана		**Прошлое**			**Настоящее**	**Будущее**
Формы времени	Эст.	Lihtminevik (imperfekt)	Täisminevik (perfekt)	Enneminevik (pluskvamperfekt)	Olevik (preesens)	
	Рус.	Прошедшее НСВ и СВ			Настоящее НСВ	Будущее НСВ и СВ

Рисунок 2. **Формы времени в русском и эстонском языках**

В то же время системность подхода к ФСП темпоральности также означает необходимость учета степени *динамики*, меры *интенсивности* действия, то есть скорости его протекания, ибо осуществление действия, называемого глаголом, всегда выступает в единстве с динамическими параметрами развития процесса во времени от прошлого к будущему. Динамика события отражается не только в семном составе глагольных и наречных слов, но и в нанизывании однотипных синтаксических единиц. Тем самым в сопоставительном анализе оригинала и перевода обязательна регистрация и этих языковых характеристик – для выявления целостной картины происходящего. Аналогично поступает и квалифицированный переводчик, заботящийся о качестве перевода.

Реализация общетекстовой темпоральности

В художественной (образной) репрезентации темпоральности единство пространства и времени отражается в полной мере, ибо в

художественных произведениях взаимосвязь этих двух форм существования материи создает собственную реальность, которая воплощается в специфических пространственно-временных планах. Темпоральная архитектоника романа М. Булгакова своеобразна.

Исследователи не раз отмечали, что на уровне построения роман М. Булгакова *Мастер и Маргарита* отражает «многомирие» произведения, олицетворенное в реальных и фантастических образах. По мере развития событий в художественном пространстве романа в реальный мир современной автору Москвы вторгается мир фантастический. Сюжет произведения строится на событиях, происходящих в трех вполне самостоятельных произведениях, представляющих относительно независимые темпорально-пространственные миры: 1) эпическое повествование о пятом прокураторе Иудеи Понтии Пилате и бродячем философе Иешуа Га-Ноцри (мир древнего Ершалаима); 2) романтическая история Мастера и Маргариты в современном писателю московском мире 30-х годов; 3) сатирически-фантастическое описание похождений Воланда и его свиты в Москве с последующим их возвращением в свой потусторонний мир. Такая же сложная композиция должна быть отражена и в переводе романа.

Темпоральные средства каждой из перечисленных сюжетных линий заслуживают отдельного обсуждения, что невозможно в рамках статьи. Поэтому укажем ряд наиболее значимых черт языка романа: 1) разнообразные темпоральные средства и художественные приемы объединения сюжетных линий; 2) стилистическая сниженность большинства глагольных лексем (обычно совершенного вида прошедшего времени), обеспечивающая повышенную динамичность свиты Воланда; 3) стилистическая нейтральность значительной части глагольных лексем, создающих динамизм образа Маргариты; 4) языковые единицы, передающие статичность Понтия Пилата, образ которого только в мистической вечности становится динамичным. Значения времени выражаются в романе семантически разнообразными глагольными словоформами, их взаимодействием с другими частями речи, синтаксическими конструкциями.

Внесенная в роман библейская история Иешуа и Пилата, имеющая форму текста в тексте[8] и созданная как бы не самим автором, а его героями (в рассказе Воланда и в романе Мастера), органично переплетается с московскими событиями благодаря композиционному совмещению концовок одних и начал других глав, что осуществляется посредством лексического повтора разного объема. Однако при переводе (в силу необходимости соблюдения синтаксических

закономерностей) структура повтора может оказаться иной: между соседними главами переводного текста используется не только простой прогрессивный повтор точных переводческих соответствий, как в примерах (3) и (4), но и регрессивный (обратный) повтор, при котором в конце предыдущей главы воспроизводится фраза из начала следующей главы, как в примерах (1) и (2). Такой повтор обусловлен порядком слов в эстонском языке. Ср.:

Конец главы 1:

(1) *– И доказательств никаких не требуется, – ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: – Все просто:* ***в белом плаще...*** [9]

"Tõestada pole midagi," vastas professor ja alustas vaikselt, kusjuures tema aktsent oli ääki kadunud: "Kõik on üsna lihtne: ***ratsaväelise lohiseval sammul, valge, vereva palistusega mantel õlgadel...*** *"*[10]

Начало главы 2:

(2) ***В белом плаще*** *с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.*[11]

Ratsaväelise lohiseval sammul, valge, vereva palistusega mantel õlgadel*, astus kevadkuu niisani nelateistkümnenda päeva varahommikul Herodes Suure palee tiibu ühendavasse kaetud sammaskäiku Juudamaa prokuraator Pontius Pilatus.*[12]

Конец главы 2:

(3) ***Было около десяти часов утра***.[13]

Kell oli umbes kümme hommikul.[14]

Начало главы 3:

(4) *– Да,* ***было около десяти часов утра****, <...>, – сказал профессор.*[15]

"Jah, ***kell oli umbes kümme hommikul****, <...>", ütles professor.*[16]

Так формируется *общетекстовая темпоральность*, объединяющая разные сюжетные линии романа в единое текстовое пространство. В то же время локализованный *лексический повтор* средств темпоральности сочетается с *параллелизмом* событий, происходящих в произведении в одно и то же время, что обусловливает связь эпизодов и персонажей как между сюжетными линиями (бал в Грибоедове

и у сатаны проходит в полночь), так и внутри отдельных художественных миров, благодаря чему создается и *внутрисюжетная темпоральность*. Подобный параллелизм тоже может фиксироваться в начальных фразах разделов романа, как в главе 8:

> (5) ***Как раз в то время**, когда сознание **покинуло** Степу в Ялте, то есть **около половины двенадцатого дня**, оно **вернулось** к Ивану Николаевичу Бездомному, проснувшемуся после глубокого и продолжительного сна.*[17]
>
> ***Just sellal**, kui Stjopa Jaltas teadvuse **kaotas**, see tähendab **kella poole kaheteistkümme paiku päeval, tuli** teadvusele Ivan Nikolajevitš Bezdomnõi, kes ärkas pärast kauakestnud ja sügavat und.*[18]

Использование отмеченных композиционных приемов, воспроизводимых в переводе, позволяет устранить временно́е смещение, в результате чего события как бы перетекают одно в другое, совмещаясь на одной плоскости, а герои произведения, находящиеся в разном времени, в разных местах, гармонично сосуществуют, поскольку их полярная сущность снимается единым текстовым пространством.

Общетекстовая темпоральность романа, соединяющая относительно автономные сюжетные линии произведения, формируется и вынесением важных событий на середину временного отрезка (месяца, дня), что символизирует переломный момент в судьбе героев[19]: 14 нисана казнят Иешуа; в середине октября уничтожен роман о Понтии Пилате; в среду в Москве появляется Воланд и его свита и т.п.

Реализация внутрисюжетной темпоральности

М. Булгаков использует в романе разнообразный спектр лексических и фразеологических единиц с архисемой «время», либо прямо выражающих временное значение, либо соотносимых с идеей времени в рамках контекста (последние в статье не учитывались). При этом идея времени передается словами разных частей речи. Для создания образов отдельных персонажей философски значимыми оказываются лексемы, обладающие значением временного интервала: *миг*, *вечность*, *век*, *год*, *день*, *час*. Кроме единиц измерения времени широко представлены обозначения частей суточного, недельного, годичного циклов. Подобные наименования локализуют события во времени (*вернулся после безвестного отсутствия в течение почти двух суток*[20]), относят их к разным дням недели (*днем в четверг <...> в одиночку напился пьяным*[21]), частям суток (*так продолжалось до вечера*[22]),

к определенному часу (*в десять часов вечера в Массолите состоится заседание*[23]) и т.п. В тексте их появление обусловлено композицией произведения: значительное преобладание подобных языковых единиц, обстоятельно фиксирующих хронологию событий, наблюдается, как отмечает С. О. Драчева[24], в московских главах, отличающихся особой динамикой повествования, например: *Правда*, *не через секунду*, *но даже не через минуту*, *а через четверть минуты Аркадий Аполлонович* <... >[25]. Для библейских глав такая подчеркнутая детализация времени не характерна. Все перечисленные примеры приводятся здесь без перевода, поскольку в силу своей стилистической нейтральности в переводном тексте они имеют точные словарные соответствия. Такие лексемы разной частеречной принадлежности, указывая на временную приуроченность действия, организуют художественное время и выполняют текстообразующую и сюжетообразующую функции.

Сказанное относится и к глаголам, которые имеют в тексте значительную художественную нагрузку, поскольку изначально ориентированы на передачу времени события. Автор романа использует самые разные формы времени с их богатой палитрой видо-временных значений. Грамматические формы в совокупности с лексическим значением глагольных слов в отдельных сюжетных линиях то замедляют, то динамизируют разворачивающиеся события, взаимодействуя при этом с языковыми единицами других уровней языка. В тексте представлен широкий семантический и стилистический спектр глаголов разных лексико-семантических групп (ЛСГ). При этом выбор книжных, нейтральных, разговорных, просторечных глагольных словоформ, отличающихся по степени интенсивности действия, обусловлен композиционно. Однако роль разных ЛСГ в создании темпоральной структуры текста специфична.

Соединяя авторскую речь с речью персонажей, как нейтральные, так и экспрессивные *глаголы речи* (и собственно-речевые, и несобственно-речевые) фиксируют сам факт уже осуществленной речи. Тем самым их темпоральные характеристики в определенном смысле предсказуемы: глаголы говорения, оформляющие прямую речь персонажей, используются преимущественно в типичном для художественного воплощения речи персонажей прошедшем времени (обычно совершенного вида, если не ставится задача подчеркнуть процессуальность акта говорения). Эта особенность, присущая художественному нарративу в целом, сохраняется и в переводе: русское прошедшее время регулярно передается эстонским имперфектом (см. примеры ниже). Особую смысловую ценность приобретают лексические ха-

рактеристики процесса говорения, ибо в обоих текстах лексемы речи (в широком смысле) характеризуют героев произведения, передавая их отличительные особенности (в том числе и с точки зрения статики/динамики) и создавая яркие художественные образы. Нейтральные собственно-речевые лексемы и даже некоторые экспрессивные сниженные глаголы переносного употребления имеют точные словарные соответствия, но встречаются и субъективные переводы, впрочем, порой обусловленные контекстом (6); ср. также словарные переводы в примерах (7) и (8) с контекстуальным в (9):

(6) – *Принцесса! – плаксиво* ***проорал*** *боров, галопом неся всадницу.*[26]

"Printsess!" ***ruigas*** [хрюкать] *orikas nutuselt, galoppi katkestamata.*[27]

(7) – *Убить упрямую тварь, –* ***шепнул*** *Азазелло.*[28]

"Maha tappa see jonni täis elukas," ***sosistas*** *Azazello.*[29]

(8) – *Очень приятно, – тем временем смущенно* ***бормотал*** [pomisema, pobisema] *редактор, и иностранец спрятал документы в карман.*[30]

"Väga meeldiv," ***pobises*** *toimetaja kohmetult ja välismaalane pistis dokumendid taskusse.*[31]

(9) – *Я тебя вылечу, вылечу, –* ***бормотала*** *она, <...>.*[32]

"Ma teen su terveks, teen terveks," ***sosistas*** *ta, <...>.*[33]

Однако наиболее существенными являются темпоральные характеристики универсальных – в силу их особой онтологической значимости – *глаголов физического перемещения* в пространстве, которые с точки зрения видо-временных форм весьма разнообразны. Объединяя пространство, время и движение[34], они играют важную роль, ибо в произведении непосредственно организуют ход событий, что для художественной речи[35] весьма значимо с точки зрения организации и сюжета, и конкретного образа.

Система эстонских глаголов перемещения существенно отличается от русской не только а) отсутствием семантических пар в базовой части (ср. группу русских бесприставочных лексем движения), но и б) наличием у ряда эстонских глаголов дейктического компонента значения. Бóльшая часть употреблений ядерных бесприставочных глаголов движения относится к однонаправленным членам русских семантических пар. Их перевод осуществляется с учетом специфики эстонских дейктических лексем, указывающих на отправ-

ление от говорящего или приближение к нему, а также с учетом того, что сочетаемость эстонских и русских глаголов с существительными может не совпадать. В подобных случаях реализуется коммуникативно-функциональный тип переводческой эквивалентности, при котором передается общий смысл исходного текста. Иначе говоря, отражаясь в переводе, базовые расхождения в сфере глаголов движения дополняются и несовпадениями в узуальном употреблении слов:

(10) ***Еду!*** *– с силой воскликнула Маргарита и ухватила Азазелло за руку, –* ***еду****, куда угодно!*[36]

"Ma ***tulen!"*** [иду] *hüüatas Margarita kindlalt ja haaras Azazellol käest. "****Tulen****, kuhu aga tahate!"*[37]

(11) *Маргарита* ***пошла*** *вниз и, приземлившись, увидела, что фасад дома выложен чёрным мрамором, <...>.*[38]

Margarita ***lendas*** [летела] *allapoole, maandus ja nägi, et maja esikülge katab must marmor, <...>.*[39]

(12) *Маргарита* ***поехала*** *к следующему окну.*[40]

Margarita ***lendas*** [летела] *järgmise akna taha.*[41]

В то же время производные приставочные лексемы в романе явно превышают число непроизводных глаголов перемещения. Совпадение ряда сем в значении приставочных глаголов с семами эстонских составных глаголов создает предпосылки для использования последних в качестве точных регулярных переводческих соответствий, например:

(13) *– А пусть* ***войдет****, – раздался из кабинета разбитый голос Коровьева.*[42]

"Las ***läheb sisse,"*** *kostis kabinetist Korovjevi jõuetu hääl.*[43]

(14) *– Я еще кофе не пил, – ответил кот, – как же это я* ***уйду****?*[44]

"Ma pole veel kohvigi joonud," ütles kass, "kuidas ma siis ***ära lähen****?"*[45]

Хотя количественная соотнесенность глаголов перемещения в целом сохраняется, в переводе зафиксированы и случаи добавления в текст не только глаголов движения, но глагольных лексем иных семантических групп, как в примере (17). Это объясняется тем, что эстонский язык можно оценить как более глагольный: ему не свойственны эллиптические конструкции с нулевыми глаголами. По этой причине при переводе русских безглагольных предложений в эстон-

ской синтаксической конструкции глагол обязателен. Глагольная словоформа эксплицируется и при передаче на эстонский язык русских предложений с наречно-междометными словами (16). Иными словами, во вторичном тексте используется прием лексической компенсации – обычно с сохранением значения интенсивности.

(15) – *Откуда вы сейчас?*[46]

"Kust te praegu ***tulete*** [идете]*?"*[47]

(16) *Он –* ***вон****, а вместо него входит толстяк, тоже с какой-то кошачьей мордой, <...>.*[48]

Kass ***volksab*** *uksest välja* [сиганул] *ja tema asemel astub tuppa tüse kodanik, kah kangesti kassi moodi, <...>.*[49]

(17) – *Вон он! Вон он за шкафом! Вот ухмыляется!*[50]

"Ta ***on*** *seal! Ta* ***on*** *kapi taga! Ja irvitab!"*[51]

Статика и динамика сюжетных линий

Как уже упоминалось ранее, темпоральность включает и скоростной параметр: степень интенсивности протекания действия во времени. На динамизацию повествования могут быть нацелены глаголы разных ЛСГ, в том числе и глаголы речи (см. примеры выше), но наиболее ярко и органично динамичность проявляется у глаголов перемещения: бесприставочных, их приставочных производных и особенно у семантически и стилистически разнообразных лексем, не входящих в ядро ЛСГ перемещения.

Вместе с глаголами динамизируют сюжет и разные адвербиальные лексемы со значением времени: дейктические наречия *тотчас* (*же*), *сейчас* (*же*), *тут* (*же*), производные наречия *мгновенно*, *мигом*, *вмиг*, *миг*, *моментально*, *вскоре*, *вскорости*. Характеризуют событие как очень быстро свершившееся и такие именные группы, как *в тот же момент*, *через несколько мгновений*, фразеологизмы *в мгновение ока*, *на глазах*, *сию минуту*, *сию секунду*, *только что*, *вот-вот*. Взаимодействуя в предложениях с глаголами, такие единицы помогают осуществлять перевод грамматических форм глаголов.

Особо следует отметить прием нанизывания глаголов-сказуемых (как правило, в форме прошедшего времени совершенного вида) в рамках либо простого предложения (в случае однородных сказуемых), либо сложного предложения (сложносочиненного или бессоюзного), что также интенсифицирует повествование. Тем самым харак-

теризует событие как очень быстро свершившееся целый комплекс языковых средств, и глаголу здесь отводится отнюдь не последняя роль.

Красочные экспрессивные глаголы с семой временнóй интенсивности преобладают в московском сюжете, что заметно контрастирует с повествованием о мире древнего Ершалаима. В приведенных ниже языковых иллюстрациях наглядно проявляется взаимодействие семантически интенсивных лексем, относящихся к разным частям речи:

(18) *Тройка* ***мигом*** [silmapilk, silmapilkselt, imekiiresti] ***проскочила*** *по переулку и оказалась на Спиридоновке.*[52]

Kolmik ***lipsas välgukiirusel*** [молниеносно] *põiktänavast* ***läbi*** *ja oligi juba Spiridonovi tänaval.*[53]

(19) ***Ворвавшись*** *в подъезд, Иван Николаевич* ***взлетел*** *на второй этаж,* ***немедленно*** *нашел квартиру и позвонил* ***нетерпеливо.***[54]

Ivan Nikolajevitš ***tormas*** *trepikotta ja* ***jooksis*** [бежал] *teisele korrusele, leidis* ***silmapilk*** *õige korteri ukse ja helistas* ***kärsitult*** [нервно, суетливо].[55]

Противопоставление статики и динамики реализуется и в образной конкретизации героев романа. Ход времени как бы замедляется для наиболее пассивных персонажей, к которым можно отнести Иешуа и его двойника Мастера, поскольку в тексте они характеризуются относительно малым количеством стилистически нейтральных глагольных лексем, часть которых представлена каузативными глаголами, что, на наш взгляд, весьма значимо. Поэтому можно признать оправданным то, что в переводе в ряде случаев используется форма эстонского неопределенного залога:

(20) *По знаку Марка вокруг Иешуа сомкнулся конвой и* ***вывел*** *его с балкона.*[56]

Marcuse märguande peale võttis konvoi Ješua enda vahele ja ta ***viidi*** *rõdult* ***minema*** [его вывели некие неопределенные лица].[57]

Наиболее мобильным персонажем романа является Маргарита Николаевна, которая активно перемещается в обеих ипостасях: и неведьмы, и ведьмы. Это объясняется тем, что героиня всеми силами борется за своего возлюбленного. Но с точки зрения качества лексем, их стилистической окраски более динамичным персонажем оказывается представитель темных сил кот Бегемот, который перемещается в пространстве самыми разнообразными способами: его передвижениям свойственны и человеческие, и кошачьи черты. При

этом автор характеризует Бегемота не только нейтральными – как Маргариту, но и экспрессивными, порой очень сниженными, грубыми (что далеко не всегда может быть точно передано во вторичном тексте, как в примере 21) глагольными лексемами разной семантики, то есть глаголами не только с денотативной, но и с коннотативной семой интенсивности:

(21) *Фагот становился на колени, орудовал роговой надевалкой, кот,* ***изнемогая*** *под грудами сумочек и туфель,* ***таскался*** *от витрин к табуреткам и обратно, <...>.*[58]

Fagot laskus põlvili ja aitas neid sarvest kingalusikaga, kass ***traavis*** [сновал] *vitriinide ja toolide vahel, selg* ***lookas*** [согнувшись дугой] *käekottide ja kingade koorma all, <...>.*[59]

(22) *Кот* ***вскочил*** *живой и бодрый,* ***ухватив*** *примус под мышку,* ***сиганул*** *с ним обратно на камин, <...>.*[60]

Kass ***hüppas jalule****, elus ja erk,* ***haaras*** *priimuse kaenla alla,* ***kargas*** *tagasi kaminasimsile, <...>.*[61]

Активное использование интенсивных глагольных лексем (особенно в рамках детализирующих повествование цепочек однородных сказуемых) усиливает динамику повествования, в результате чего хаотические, неупорядоченные передвижения членов свиты Воланда и связанных с ними людей и предметов оказываются выразителями неуправляемой демонической стихии. При передаче экспрессивной функции лексической единицы переводчики явно стремятся найти точный экспрессивный эквивалент, однако в ряде случаев при подборе соответствий для стилистически маркированных глаголов наблюдается утрата адекватной коннотации, хотя в словаре могут иметься и более точные стилистические соответствия, например, фразеологизмы *jalga laskma*, *sääred tegema*, как в следующем случае:

(23) *Там его, к сожалению, также безрезультатно обстреляла охрана, стерегущая дымовые трубы, и кот* ***смылся*** *в заходящем солнце, заливавшем город.*[62]

Ka seal tulistasid teda korstnaid valvavad mehed, kuid kahjuks samuti tagajärjetult, ning kass ***kadus*** [пропал, исчез] *linna kuldava madala päikese särasse.*[63]

С точки зрения статики и динамики показательны главы, посвященные Понтию Пилату, который в начале романа предстает перед читателями как человек, застывший в состоянии физических страданий и моральных переживаний. События в этой сюжетной линии

изображаются нейтральными лексемами с денотативным значением неинтенсивного перемещения. В их числе и глаголы общего перемещения (с ослабленной динамикой): *двинуться*, *перемещать*, *вернуться*, *удалиться*. Относительная статичность оказывается здесь проявлением разрушительного начала: читатель обнаруживает у героя затаенную обиду на судьбу. Повторяющийся в романе мотив тоски и обездвиженности героя обеспечивается не только сравнительно малым количеством глаголов перемещения, но и выбором соответствующих слов других частей речи, а также усложненностью синтаксиса. В совокупности все это способствуют созданию трагического образа. В финале романа автор устами Воланда подтверждает статичность образа Пилата: прокуратор сидит в своем каменном кресле тысячи лет и смотрит на луну. Ощущение тревожной неподвижности подчеркивается и выбором времени суток (ночь). Исключением оказывается лишь один глагол перемещения с денотативным значением интенсивности: данное Пилату прощение, освобождение от одиночества завершается предложением с глаголом *побежать*:

(24) *Видно было только, что вслед за своим верным стражем по лунной дороге* ***стремительно побежал*** *и он.*[64]

Võis ainult näha, et oma ustava valvuri kannul ***jooksis*** *mööda kuuvalgusevirgu* [рябь лунного света] ***kiiresti minema*** *ka tema.*[65]

Это единственный случай использования семантически интенсивного глагола движения в сочетании с интенсивным наречием для создания образа Пилата. Заканчивая сюжетную линию, данный фрагмент завершает роман Мастера, что оказывается значимым с точки зрения характеристики персонажа, поскольку означает переход Пилата в иное состояние: статичность все-таки сменяется динамичностью. В итоге идея движения оказывается связанной с идеей времени.

Тем самым сюжет романа основан на явном и скрытом противопоставлении статики и динамики. Качественная и количественная характеристика персонажей, степень их активности/пассивности в процессе осуществления тех или иных действий оказывается важной в обоих текстах. Стилистически маркированные лексемы разных частей речи с семантикой интенсивности создают ощущение напряженности повествования. Стремительность развития действия и сопровождающий ее хаос приводят к трагическим последствиям (эпизод гибели Берлиоза, сцена преследования Иванушкой Воланда). Иначе говоря, важен и количественный аспект (передается лексе-

мами со значением меры времени типа *миг – вечность*), и качественный, отражающий динамику событий.

Выводы

Итак, организуя своеобразное художественное время, темпоральные средства выполняют в композиции произведения *текстообразующую* и *сюжетообразующую* функции. Эти разноуровневые средства не только скрепляют отдельные сюжетные линии, но и отличают сюжеты друг от друга количественно и качественно. При этом темпорально-локальная структура текста создается путем тесного взаимодействия лексических, морфологических и синтаксических средств. В результате в романе проявляются два вида темпоральности: *общетекстовая* и *внутрисюжетная*.

Структура временного порядка в оригинале и его переводе отличается разнообразным комбинированием динамичности и статичности, одновременности и линейной последовательности событий. Повышенную динамичность фантастических персонажей в значительной степени обеспечивает стилистическая сниженность целого ряда глагольных лексем. В то же время многочисленные глаголы, придающие динамизм образу Маргариты, в большинстве случаев стилистически нейтральны. Основное морфологическое средство выражения темпоральности и динамичности – прошедшее время совершенного вида (в перфектном значении), хотя используются и формы несовершенного вида (аористическое, имперфектное). Прошедшее время сохраняется и в переводе (по большей части, это эстонский имперфект), а видовая семантика обычно передается синтагматически.[66]

В художественном тексте, как известно, языковая форма содержательна и несет значительную эстетическую нагрузку.[67] При этом изобразительный потенциал произведения заключается в единстве его композиционных и языковых элементов, ибо на восприятие читателя воздействует весь формально-содержательный комплекс текста. Именно поэтому признание уникальности художественного творения с точки зрения набора и организации языковых и текстовых элементов обусловливает основную задачу переводчика, которая заключается в достижении максимально адекватного воплощения неповторимости оригинала средствами системы переводящего языка.

В этом отношении переводчикам в целом удалось сохранить композиционные и языковые особенности романа М. Булгакова: смысло-

вые блоки локализуются одинаково, а перевод осуществляется, как правило, достаточно точно и с лексической, и с грамматической, и со стилистической точек зрения. Разумеется, речь идет не только о словарных переводах и об абсолютной идентичности выбранных языковых единиц, но и об их коммуникативно-функциональной эквивалентности, которая обусловлена объективными различиями языков. В итоге обеспечивается и квалитативное, и квантитативное сходство оригинала и перевода, поскольку переводчики явно нацеливают выбранные ими варианты перевода на создание художественных образов в пространственно-временной архитектонике романа. В результате время и пространство выступают как средство изображения не только реальной и фантастической действительности, но и нравственного мира человека.

---

[1] **Исследование выполнено в рамках гранта *Temporaalsus eesti ja vene keeles/ Темпоральность в эстонском и русском языках* (ETF9300).**

[2] Кухаренко В. О. и др. Ключевые и тематические слова. *Филологические науки* № 4, 1983, с. 69.

[3] Вернадский В. И. Из рукописного наследия. *Вопросы философии* № 12, 1966, с. 112.

[4] Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов). *Концепты. Научные труды Центроконцепта.* Архангельск, 1997, с. 154–173.

[5] *Теория функциональной грамматики*. Т. 2. *Темпоральность. Модальность.* Ленинград: Наука, 1990, с. 5.

[6] Щаднева В. Темпоральная архитектоника текстов разных стилей. *Valoda – 2010. Valoda dažādu kultūru kontekstā.* Zinātnisko rakstu krājums XX. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2010, с. 468.

[7] Кюльмоя И., Вайгла Э., Соль М. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков.* Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003, с. 81.

[8] Лотман Ю. М. *Культура и взрыв.* Москва: Гнозис, Изд. группа «Прогресс», 1992, с. 104–122.

[9] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита.* Москва: Художественная литература, 1988, с. 397.

[10] Bulgakov M. *Meister ja Margarita.* Tallinn: Varrak, 1995, lk 25.

[11] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита.* Москва: Художественная литература, 1988, с. 398.

[12] Bulgakov M. *Meister ja Margarita.* Tallinn: Varrak, 1995, lk 26.

[13] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 420.
[14] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 53.
[15] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 420.
[16] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 54.
[17] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 459.
[18] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 107.
[19] Драчева С. О. *Темпоральная организация романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвистический аспект*. Автореферат дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Тюмень, 2007, с. 18.
[20] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 696.
[21] Там же, с. 696.
[22] Там же, с. 488.
[23] Там же, с. 395.
[24] Драчева С. О. *Темпоральная организация романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвистический аспект*. Автореферат дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Тюмень, 2007, с. 11.
[25] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 690.
[26] Там же, с. 606.
[27] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 300.
[28] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 620.
[29] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 318.
[30] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 396.
[31] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 24.
[32] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 518.
[33] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 185.
[34] Щаднева В. Лексико-семантическая группа глаголов физического перемещения в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и в его эстонском переводе. *Valoda – 2004. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XIV. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2004, с. 305–310.
[35] *Лексико-семантические группы русских глаголов.* Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1989, с. 134, 155.
[36] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 592.

[37] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 281.
[38] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 600.
[39] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 292.
[40] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 602.
[41] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 295.
[42] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 572.
[43] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 252.
[44] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 644.
[45] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 349.
[46] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 646.
[47] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 352.
[48] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 558.
[49] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 235.
[50] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 531.
[51] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 201.
[52] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 427.
[53] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 63.
[54] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 428.
[55] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 65.
[56] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 411.
[57] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 42.
[58] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 500.
[59] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 160.
[60] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 701.
[61] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 420.
[62] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 702.
[63] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 423.

[64] Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988, с. 736.

[65] Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995, lk 469.

[66] Эслон П. Значение аналогии для лингвистики. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat* 1. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2005, с. 43–47.

[67] Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. Москва: Просвещение, 1983, с. 198–209.

ЛИТЕРАТУРА

Bulgakov M. *Meister ja Margarita*. Tallinn: Varrak, 1995.

Булгаков М. *Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита*. Москва: Художественная литература, 1988.

Вернадский В. И. Из рукописного наследия. *Вопросы философии* № 12, 1966, с. 101–112.

Драчева С. О. *Темпоральная организация романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвистический аспект*. Автореферат дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Тюмень, 2007.

Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов). *Концепты. Научные труды Центроконцепта*. Архангельск, 1997, с. 154–173.

Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. Москва: Просвещение, 1983.

Кухаренко В. О. и др. Ключевые и тематические слова. *Филологические науки* № 4, 1983, с. 68–71.

Кюльмоя И., Вайгла Э., Соль М. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003.

Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1989.

Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. Москва: Гнозис, Изд. группа «Прогресс», 1992.

Теория функциональной грамматики. Т. 2. *Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука, 1990.

Щаднева В. Лексико-семантическая группа глаголов физического перемещения в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и в его эстонском переводе. *Valoda – 2004. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XIV. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2004, с. 305–310.

Щаднева В. Темпоральная архитектоника текстов разных стилей. *Valoda – 2010. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XX. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2010, с. 467–476.

Эслон П. Значение аналогии для лингвистики. *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat* 1. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2005, с. 35–51.

Фаина Тимошенко

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К АРХЕТИПУ *ЧЕЛОВЕК-СОСУД*, В СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА И ЭДВАРТА ВИРЗЫ

Summary

Poetic Phraseology Based upon the Archetype 'Human-Vessel' in the Poems by Valery Bryusov and Edvarts Virza

The author examines the examples of structural-semantic transformations of traditional units of poems based upon the archetype 'human-vessel', as found in the poems by the Russian poet Valery Bryusov and the Latvian poet Edvarts Virza. The author researches the lexical environment of the transformations and their interaction with poetic phraseology drawn from other semantic-syntactic models in a specific context.

A special attention is paid to comparative structures and circumlocutory expressions that refer to an individual (a poet, a woman, or a man), revealing common and individual features of transformation of traditional poetic models. Cases of special interest are renewal of traditional image that are based upon wide associative links between lexemes; this is one of the characteristic features of the poetic language of symbolists.

Irrespective of differences in lexical and grammatical structures between the Latvian and Russian languages, there are common trends of the process of transformation of poetic phraseology in the works by Bryusov and Virza. Moreover, the transformation process follows the same rules and yields analogous results since it is based on common notions of ancient mythology.

Key-words: poetic phraseology, semantic universals (archetypes), archetypal models, structural-semantic transformations, paradigm of images

*

Текст, создаваемый человеком, отражает его представления об окружающем мире, его иерархию ценностей, с помощью средств языка автор демонстрирует движение и направление своей мысли. Все это в полной мере относится и к поэтическому языку, где одним из способов индивидуального отражения действительности является

трансформация традиционных поэтических фразеологизмов, базирующихся на семантических универсалиях (архетипах): *жизнь – дорога*, *юность – весна*, *любовь – вино* и т.д. И если сами семантические архетипы – явление вневременное, то отдельные их языковые варианты (поэтические формулы) могут выступать маркерами текстов определенного стиля или жанра, относящихся к конкретному историческому периоду.

Поэтическая формула, по определению Н. А. Кузьминой, – *одно из проявлений универсалий поэтического языка, способ индивидуального образного мышления о мире в категориях, выработанных коллективной поэтической практикой*[1]. Эта *коллективная поэтическая практика* предоставляет художнику своего рода *набор объектов уподобления*, т.е. *готовые структурно-семантические модели*[2] поэтических фразеологизмов, автор же в поисках новых форм изображения *оживляет* стандартный образ с помощью разнообразных лексико-грамматических и семантических трансформаций, а также за счет актуализации значения в условиях определенного контекста. Несомненный интерес представляют и такие случаи, когда обновление традиционного образа происходит на основе широких ассоциативных связей между лексемами, что является одной из отличительных особенностей поэтического языка символистов, элементы которого полисемиотичны и представляют собой особого рода художественные *коды*. Эти *коды* необходимо расшифровать, правильно интерпретировать, так как они несут в себе целый пласт культурной информации.

Символизм стремился к обновлению поэтического языка, чтобы выразить изменение мировосприятия при смене исторических эпох, когда культура из категории узконациональной становится категорией общеевропейской и общемировой. Поэтому особый интерес вызывает вопрос о взаимодействии универсальных для мирового словесного искусства образов с национальными, а также межнациональные взаимодействия как в контексте индивидуального творчества авторов, так и всего литературного направления.

В русской литературе с поэтикой символизма тесно связан ранний период творчества Валерия Брюсова, в латышской литературе – раннее творчество Эдварта Вирзы. Несмотря на индивидуальную, национальную специфику и временную дистанцию: Брюсов вошел в литературу в начале 90-х гг. XIX в., а первый сборник Вирзы – *Biķeris* – увидел свет только в 1907 г. (для такого стремительно развивающегося направления, каким являлся символизм на рубеже веков, по-

добное временное отдаление представляется довольно значительным), в работах обоих авторов явно прослеживаются общие тенденции в попытках создания *нового* поэтического языка для передачи душевного опыта *нового* европейского человека. В данный период поэзии требовалась перестройка на самых разных уровнях, этот процесс не мог не затронуть и поэтическую фразеологию. Кроме того, на рубеже веков особое значение приобретает циклизация лирических произведений. Некоторые темы, лишь намеченные в одном стихотворении, продолжают свое развитие в последующих, где они взаимодействуют и переплетаются с другими темами, опираясь на все более сложные трансформации поэтических фразеологизмов, которые, в свою очередь, связывают между собой как циклы стихотворений, так и целые стихотворные сборники. Достаточно часто трансформированные поэтические фразеологизмы наследуются другими авторами и получают в их произведениях новую жизнь, а соответственно – и новые возможности трансформации. А так как поэтический язык – категория весьма специфическая, количество потенциальных трансформаций может быть практически безграничным, они регулируются лишь законами развития языка.

Все это можно наблюдать, обратившись к метафорическому архетипу *человек-сосуд*. Мотивируя это традиционное сопоставление, исследователи часто обращаются к Библии, ведь только в Новом Завете человек сравнивается с сосудом 11 раз. Господь говорит об апостоле Павле: *он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое*[3]. Апостол Павел называет *сосудом глиняным (скудельным)* тело человека, в котором он носит сокровище Евангелия.[4] *Сосудами гнева, готовыми к погибели*, названы неверующие[5], а *сосудами милосердия* – спасенные кровью Христа[6]. Павел призывает *соблюдать свой сосуд в святости и чести*[7], апостол Петр сравнивает с *немощнейшими сосудами* жен, которым мужья должны оказывать уважение[8].

Сравнение человека с сосудом свойственно и русской национальной картине мира, опирающейся как на библейскую, так и на мифологическую, устно-поэтическую символику, о чем свидетельствуют, например, привиденные в словаре В. И. Даля загадки о горшке:

> *Взят от земли, яко же Адам; ввержен в пщерь огненную, яко три отроки; взят от пещи и возложен на колесницу, яко Илия; везён бысть на торжище, яко же Иосиф; ставлен на лобное место и биен по главе, яко же Иисус; возопи велиим гласом, и на глас его прииде некая жена, яко же Мария Магдалина, и, купивши его за*

медницу, принесе домой; но расплакася по своей матери, умре, и доныне его кости лежат не погребены.

Родился я в каменной горе, крестился в огненной реке, вывели меня на торжище; пришла девица, ударила золотым кольцом; мои кости рассыпучие, в гроб не кладучие, блинами не помянучие.[9]

Обратившись к *Словарю поэтических образов*[10], мы видим, что архетипическая модель *человек-вместилище* (а модель *человек-сосуд* входит в состав этой большой парадигмы в качестве самого частотного элемента) является одной из самых продуктивных для образования тропеических выражений в русской литературе XVIII – XX веков.[11] Важно отметить, что автор Словаря, поясняя понятия, входящие в названия разделов, и представляя образные парадигмы[12], подчеркивает, что эти понятия в значительной степени не совпадают с обычным общеязыковым тезаурусом. Люди, как отмечает Н. В. Павлович, в мире образов делятся не на мужчин и женщин, а на такие категории: 1) *человек*, 2) *женщина*, 3) *мужчина и женщина* (двое).[13] Мужчина же в таких компаративах всегда назван или по роду деятельности (воин, работник, поэт), или имеет возрастную характеристику (старик, юноша).

В библейском тексте *сосуд* (*человек*) связан с его содержимым (чистотой или греховностью помыслов, наполненностью верой или неверием), именно на таком основании сосуды делятся на сосуды *для почетного употребления и для низкого*[14], есть сосуды не только *золотые и серебряные*, но и *деревянные и глиняные*; *и одни в почетном, а другие в низком употреблении*[15]. В подобных выражениях эпитеты *золотые*, *серебряные // деревянные*, *глиняные* являются аксиологическими компонентами, т.к. характеризуют не внешний вид, а акцентируют ценностность мира внутреннего. Выражение *глиняный (скудельный) сосуд* указывает лишь на факт создания *горшка горшечником*, Библия говорит нам, что Бог сотворил человека по образу Своему и подобию Своему как сосуд[16]. Цель сосуда – что-либо содержать, т.е. человек был создан для *содержания Бога*. Единственное библейское сравнение со *скудельным сосудом* женщины встречается в обороте, где мотивацией сравнения является его хрупкость, но не его недолговечность, так как сосуд, наполненный истинной верой, имеет жизнь вечную: *Ибо если мёртвые не воскресают, то и Христос не воскрес*[17]. В данном контексте не существует противопоставления мужчины и женщины *как вместилища для Бога*, поэтому сосуществующие в современном русском языке выражения *женщина* (= мужчина) – *сосуд*

скудельный и *женщина* (≠ мужчина) – *сосуд немощнейший* (из Синодального перевода Библии) не являются синонимичными, так как основаны на разной мотивации сравнения.

В мифах и ритуалах всех народов архетип *женщина-сосуд* (*чаша*, *бочка*, *ковчег*, *котёл* и т.д.) связан с Началом, с происхождением мира (Космоса) из пустоты (Бездны, Хаоса). Сосуд – это лоно Матери Прародительницы. Несмотря на то, что в космогонических мифах Хаос беспол, точнее, имплицитно включает в себя и мужское, и женское в неразделенном виде (ср. с семантикой лексемы *человек*), образы рождения мира совпадают с биологическим процессом вынашивания и рождения женщиной ребенка. Подтверждает такое положение и тот факт, что самый распространенный образ Хаоса совпадает с образом стихии воды (в славянской мифологии прародительница всего сущего – Мать Сыра Земля), женской стихии. Как мы видим, здесь также прослеживаются уже знакомые нам соотношения, ср.: *Хаос* (*мужское* + *женское начало*) // *Прародительница* (миф.) и *человек* (*мужчина* + *женщина*) // *женщина* (библ.).

Все, что в мифологии связано с Началом, в равной степени соотносится как с жизнью, так и со смертью: смерть – это всего лишь перерождение, *другая жизнь*, она не имеет однозначного негативного смысла. Умерших хоронили в сосудах, что имело сакральный смысл: *помещение в лоно матери для последующего рождения*. Таким образом, любой сосуд (особенно предназначенный для жидкости (воды, вина) являлся универсальным символом женского начала, *Утробы Великой Матери*.[18]

В литературных произведениях XVIII – XX вв., как уже отмечалось, поэтическая модель *человек-сосуд* оказалась представлена достаточно широко. Однако при употреблении в качестве опорного слова гиперонима *сосуд* данная парадигма включает лишь небольшую группу элементов, причем до начала XX века наиболее частотными являются модели *человек – сосуд скудельный / сосуд праздный / сосуд дьявольский*. Как мы видим, данные выражения несут в себе отрицательные коннотации. В XX веке парадигма *человек-сосуд* не только расширяется, но многие трансформированные поэтические фразеологизмы видоизменяют и эмоционально-психологический фон контекста: у Бунина человек – *сосуд драгоценный*, у Клюева – *из берёзовой коры* (что в контексте произведения также имеет положительную коннотацию), у Олейникова – *роскошный*. Программным в данном случае можно назвать стихотворение Ходасевича (как известно, в ранний

период своего творчества тяготевшего к символизму), где наблюдается своеобразный *коннатационный переход*:

И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но ***драгоценный и счастливый***
Тем, что вмещает он – тебя?[19]

Творчество символистов находится на своеобразном стыке этого перехода от восприятия человека *как сосуда непрочного*, *праздного*, *пустого*, *выпитого* к восприятию его как *сосуда драгоценного* и *счастливого*. Такое восприятие в целом соотносится с поэтикой символизма (и с библейской традицией), где индивидуальное начало утверждается в качестве главного, где ценность и богатство определяется красотой внутреннего мира, результатом духовного развития.

Символисты, часто обращаясь к архетипу *человек-сосуд*, распространяют эту модель также и на основании родо-видовых трансформаций: *человек-склянка*, *человек-банка*, *человек-кофейник* (А. Белый). И хотя подобные трансформации достаточно частотны именно в прозаических произведениях[20], в стихах мы также их наблюдаем: *душа-чаша* (*Как чаша, полна тоски/ Душа – до самого края*[21]); *сердце-фиал* (*Сердце мое как фиал,/ Не пощаженный судьбою*[22]).

Приведенные примеры демонстрируют еще одну особенность поэтического языка символистов: основой многих трансформаций являются соматизмы, что подчеркивает *расчлененность* поэтического мира как отражение *расчлененности* мира реального. Н. А. Кожевникова также указывает, что в XX веке *увеличивается количество тропеических обозначений разных частей одного целого, которое представляется более расчлененным, нежели в поэзии XIX века*[23], причем части человеческого тела *приписываются самым разным предметам речи – и конкретным* (в нашем случае – разнообразным сосудам)*, и отвлеченным*[24].

Кроме того, интересом символистов к человеческой индивидуальности можно объяснить и частотность в их произведениях выражений, в которых *общее* наименование заменяется *частным*, *индивидуальным*, т.е. поэтическая парадигма *человек-сосуд* расширяется за счет трансформаций, связанных с наименованием самого субъекта. Частотной, например, является модель *я* (или другое личное местоимение) – *сосуд: я-чаша* (*Возношу к верховным солнцам чашу,/ Переполненную светами, – себя*[25]); *вы-сосуды* (*Вы были сосудами силы несметной*[26]) и др.

Подобную трансформацию мы наблюдаем и в одном из произведений В. Брюсова:

Сокровища, заложенные в чувстве,
Я берегу для творческих минут,
Их отдаю лишь в строфах, лишь в искусстве.

А в жизни ***я*** *– как* ***выпитый сосуд****;*
Томлюсь, дрожа, весь холоден, ликуя,
Огни страстей лишь вспыхнут, как умрут.[27]

(*Встреча после разлуки*)

В роли субъекта сравнения выступает лирический герой произведения, объект же представлен не лексемой в прямом значении, а перифразой *выпитый сосуд*, обозначающей человека, не способного испытывать сильные чувства. Однако в контексте всего произведения мы отмечаем, что с *выпитым сосудом* сравнивается не просто *человек* (лирический герой), а *человек* – НЕ-поэт, отрицательные коннотации, связанные с выпитым (пустым) сосудом, связаны лишь с «не-поэтом». Таким образом, автором заявлено логическое противопоставление *поэт – сосуд полный // не-поэт – сосуд выпитый*.

В следующем примере в качестве опорного слова фразеологизма выступает лексема, обозначающая не самого человека, а (на основании метонимии) результат его творческой (в данном случае – поэтической) деятельности:

Свой суд холодный и враждебный
Ты произнёс, но ты не прав!
Мои стихи – сосуд волшебный
В тиши отстоянных отрав![28]

(*Одному из братьев*)

Особо интересными являются трансформации поэтических фразеологизмов, восходящих к архетипу *женщина-сосуд*.

В эпоху символизма, как известно, женщина занимает господствующее место. В поэзии этого периода противостоят друг другу две основные тенденции: с одной стороны, женщину идеализируют, изображая ее чистой, целомудренной, глубоко религиозной или недосягаемой; с другой – создается образ роковой женщины, подчас даже развратной, проклятой, увлекающей мужчину на путь порока и падения. Такая амбивалентность наблюдалась и ранее (см., например, у Пушкина: *Зизи <...> предмет стихов моих невинных, любви приимчивый фиал*[29] и *Глицерия <...> равно всем общая как чаша круговая*[30]), но именно символисты значительно расширяют данную поэтичес-

кую парадигму. Причем и здесь, как и в случае с парадигмой *человек-сосуд*, наблюдаются сходные явления: наименование субъекта часто заменяется личным местоимением: если *человек* для символистов прежде всего – *Я*, то *женщина* – *Ты* (или *Она*).

Для поэзии Брюсова в целом характерно восторженное отношение к женщине. И даже если речь идет о женщине – обольстительнице, женщине *роковой*, приносящей мучения, он продолжает славословить ту, которая приготовила для мужчины сладкую пытку. Это подтверждается и при наблюдении за использованием поэтических фразеологизмов с ключевым словом *сосуд*. Следует отметить, что большинство из таких выражений – это перифразы, относящиеся к разряду индивидуально-авторских сочетаний, тем не менее они представляют определенный интерес именно в силу своей специфики. Например:

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой ***златой пинджан*** *ты для меня!*

Ты вся – чинарный кипарис: твое лицо – пранги атлас;
Язык твой – сахар, мед уста, а зубы – жемчуг и алмаз!
Твой взор – ***эмалевый сосуд****, где жемчуг, изумруд, топаз.*
Ты бриллиант! Бесценный лал индийских стран ты для меня![31]
(*Армянская песня*[32])

Меня спасая и меня губя,
На всех путях, под всеми именами,
Ты – воплощенье тайны мировой,
Ты – мой Грааль*, я – верный рыцарь твой!*[33]
(*К Пасифае*)

Как мы видим, данные перифразы заключают в своей смысловой и образной структуре культурологические компоненты. В первом случае таким компонентом является лексема *пинджан*, участвующая в создании специфического национального колорита и отсылающая читателя к реалиям армянской культуры. Во втором примере лексема *Грааль* (наряду с лексемами *рыцарь*, *тайна*) связывает контекст с западноевропейскими средневековыми легендами, где *Грааль* – таинственный сосуд, ради приближения к которому и приобщения его благим действиям рыцари совершают свои подвиги; как глубоко психологический символ *Грааль* является также элементом женственности.

В данном контексте с темой *Грааля* логично будет связать и следующий образ Брюсова:

*Ты – женщина, ты – **книга между книг**,*
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

*Ты – **женщина**, ты – **ведьмовский напиток**!*
Он жжёт огнём, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.[34]

(*Женщине*)

Провести такое сопоставление (*Грааль* (*чаша*) / *книга*) нам помогает не только поэтическая анафора: ты – женщина // ты – книга // ты – напиток, но и обращение к культурологическому контексту. Известно, например, что для арабских мистиков именно книга была метафорой самой жизни, всего мироздания, кроме того, в некоторых легендах о Граале рыцари ищут не чашу, а книгу и потерянное слово. Связать в данном контексте образы *женщина-книга* / *женщина-чаша* помогает и поэтический фразеологизм *ведьмовский напиток* (*напиток* – содержимое *чаши*; кроме того, в *языке* слово *чаша* обозначает не только сосуд, но и его содержимое: *выпить чашу*). Таким способом Брюсову удается соединить *форму* и *содержание*. *Женщина* – это и *сосуд*, и его *содержимое*, способное опьянять лирического героя. Но одновременно в этом контексте явно прослеживается также аллюзия: *книга между книг* / *Книга книг* (Библия), что в еще большей степени усложняет образ *женщины-сосуда*.

Несколько иначе представлены отношения между *женщиной-сосудом* и его *содержимым* в произведениях, где перифразы связаны с темой зарождения жизни и с темой связи времен:

Что женщина?
– Мать, принявшая в лоно,–
Чтобы длить бесконечно преемственность сил.
Вы пестры, миражи бытия: рождений, падений, могил
*– **Женщина – некий сосуд драгоценный**,*
Тайну таящий во мгле сокровенной.[35]

(*Неужели это была ты...*)

Её движенья непроворны,
Она ступает тяжело,
*Неся **сосуд нерукотворный**,*
В который небо снизошло.

Иди походкой непоспешной,
*Неси **священный свой сосуд**,*

В преддверьи каждой ночи грешной
Два ангела с мечами ждут.[36]
(*Habet ilia in alvo*/*Она имеет во чреве* (лат.))

Здесь мы также видим своеобразную контекстуальную цепочку: перифраза *некий сосуд драгоценный*, обозначающая женщину, и перифраза *сосуд нерукотворный* (*чрево*, а также *ребёнок*) связаны не только метонимией, обе они могут восходить к древней египетской культуре:

> *В египетской системе иероглифов знак, обозначающий сосуд – детерминатив, соответствует идее вместилища вообще. Непосредственное значение данного символа – тот контекст, в котором происходит смешение сил, дающих начало материальному миру.*[37]

Вспомним также православную Икону Божией Матери *Неупиваемая Чаша*, на которой Мария изображена в молитвенной позе перед чашей, а Младенец Христос – стоящим в чаше. В стихотворениях явная параллель между *миром земным* и *миром небесным* прослеживается и на лексическом уровне, таким образом актуализируется тема *священного материнства*.

У Брюсова поэтическая парадигма *женщина-сосуд* расширяется также и в связи с использованием соматизмов (*уста*, *губы*, *грудь*), причем лексема *сосуд* часто заменяется как видовым синонимом, так и на основе метонимической замены *сосуд / его содержимое*. Один из таких примеров мы уже рассмотрели (*твой взор – эмалевый сосуд*). Обратим внимание еще на несколько контекстов:

И когда в блестящем зале,
Взор склонив, скользит она, –
Словно ***искрится в бокале***
Ледяной огонь вина*!*

Что за радость к этим губкам
Губы алчные склонить,
Этим жгучим, ***острым кубком***
Жажду страсти утолить![38]
(*Е.Т.*)

В этом произведении используется сравнение, субъектом которого является женщина (*она*), в объектной части употребляется название сосуда и его содержимого. Такой прием помогает автору передать портрет героини и впечатление, которое она оказывает на лирического героя (представлена портретная характеристика с эмоционально-оценочным компонентом).

Если *уста – сосуд*, что же является его содержимым? Поцелуи даруют *напиток:*

Днём на пиру сижу блаженно-пленным,
В ночь с уст царицы пью ***пьянящий мёд****...*[39]
(*Одиссей у Калипсо*)

Образная параллель *уста – сосуд* появляется на основе развития языковых связей ключевой лексемы *сосуд*: *вместилище для жидкости* (*пьянящего мёда*).

Иногда содержимым такого сосуда у Брюсова является *яд*, однако это не снижает коннотационного фона всего контекста:

Улыбку уст твоих благославляю!
Она меня пьянила, как вино.
Твоих ***лобзаний яд*** *благославляю!*[40]
(*Благословение*)

Еще одним соматизмом, связанным с образом сосуда, является *грудь* (*груди*) (у Брюсова мы находим оба варианта наименования). В одном из произведений данный соматизм представлен перифразой *две вазы*:

Две малых вазы из альвастра
Прижать к губам и долго ждать
В палящей мгле, над близкой бездной...

Тогда ***живой фиал*** *поднять*
К трехликой, в высь, к лучам, ad astra!
И вот, пред тем, как телом стать,
В руках начнут слегка дрожать
Две малых вазы из альвастра.[41]
(*Две вазы*)

В данном контексте употребление соматизма обусловлено не только (и не столько) стремлением представить портрет лирической героини, но и необходимостью передать эмоционально-психическое состояние героя. Соматизм приобретает также аксиологический смысл, благодаря несогласованному определению *из альвастра*, которое несет основную часть сообщения. *Алавастровый* (*алебастровый*) *сосуд* в различных культах – сосуд, в котором хранят елей для помазания, освященное вино, жертвенную кровь. При обращении к широкому культурологическому контексту мы отмечаем также темы *греха*, *раскаяния*, *благоговейного почитания*, связанные с библейским повествованием о грешнице, которая пришла в дом фарисеев, где

был Иисус, *принесла алавастровый сосуд с миром; и <…> начала обливать ноги Его слезами <…>, и мазала миром*[42].

С библейской тематикой связан и еще один брюсовский образ:

Твоё обиженное тело
Землёй и травами прикрыто…

В блаженной неге униженья
***Я оцет пью** из груди милой…*[43]
(*Памяти другой*)

Здесь *оцет* является опорным словом перифразы, обозначающей страдания лирического героя от потери возлюбленной. Данная перифраза может быть основана в том числе и на евангельском предании о том, что оцетом – скисшим вином (уксусом) была смочена губка, поднесенная на конце копья к устам распятого Христа; появление в контексте самого распятия Христа подчеркивает тему страдания, которое испытывает лирический герой.

Как мы видим, употребление соматизмов у Брюсова связано с их особой смысловой значимостью, т.к. помимо собственного значения они несут информацию о самом *нарекающем субъекте* – лирическом герое, от лица которого ведется повествование, являются обозначением его внутреннего состояния.

Обратимся к третьей группе рассматриваемых нами моделей: *мужчина* и *женщина* (*двое*) – *сосуд*, входящих в парадигму *мужчина* и *женщина* – *целое*, к которой можно отнести, например, индивидуально-авторские тропеические выражения Вяч. Иванова: *единых тайн двугласные уста* (*Единых тайн двугласные уста,/ Мы бросили довременное семя*[44]); *Сфинкс единый* (*Себе самим мы Сфинкс единый оба,/ Свой делим лик, закон свершая свой*[45]); *двужалая стрела* (*Одной судьбы двужалая стрела/ Над бездной бег расколотый стремила*[46]) и др. Модель *мужчина* и *женщина* – *сосуд* в словаре Павлович представлена лишь одним примером, причем относящимся ко второй половине XX века (*мужчина* и *женщина* – *сообщающиеся сосуды*): *Мы как сосуды/ налиты синим,/ зеленым, карим,/ друг в друга сутью,/ что в нас носили,/ перетекаем*[47] (А. Вознесенский).

Значит ли это, что для поэтов-символистов данный образ не представлял интереса? У Брюсова, по крайней мере, мы ничего подобного не находим. Зато находим, причем в достаточно неожиданной интерпретации, у латышского поэта Эдварта Вирзы. Кстати, этот факт является подтверждением гипотезы, высказанной Н. Павлович:

> *Мы предполагаем, что большие парадигмы универсальны для мирового словесного искусства. Но предпочтение тех или иных малых парадигм может составлять особенность образного языка данной культуры.*[48]

Вирза создал подобную *малую парадигму* в своем первом поэтическом сборнике *Biķeris*.

В своих воспоминаниях об Эдварте Вирзе Элза Стерсте пишет, что название для этого сборника выбрал не сам автор, его предложил Антон Аустриньш.[49] Естественно, для этого имелась достаточно сильная мотивация (ведь и сам Вирза принял такое название). На чем основан такой выбор? Ведь в стихотворениях, включенных в сборник, лексема *biķeris* употребляется только один раз и то лишь в составном наименовании (*ģiftsbiķeris* – 'чаша/кубок яда'), да и синонимичная лексема *kauss* ('кубок, чаша') не является частотной (используется лишь трижды). Таким образом, ответ на вопрос о мотивации названия сборника следует искать в более широком контексте, опираясь на представления о поэтическом языке символистов, где каждая лексема являет собой своеобразный *свернутый текст*, который нужно восстановить. Для этого нам предстоит понять, какова *авторская семантизация* лексемы, заявленной в названии сборника. Однако сформулировать некоторые выводы по данному вопросу без дополнительных пояснений представляется невозможным.

Мы сталкиваемся с проблемой передачи *контекстуального значения* лексемы *biķeris*, а также ее синонима – *kauss* на русский язык. Проблема эта связана с особенностями тематических групп наименования сосудов для питья в русском и латышском языке. В латышском языке эта группа представлена не столь широко, как в русском. Но именно эта *лексическая компактность* и помогает автору *закодировать* достаточно широкий контекст. В русском же языке многие контексты, объединяемые Вирзой с помощью одной лексемы *biķeris*, оказались закреплены за разными лексемами, поэтому подобная компактность была бы невозможной.

Значение устаревшей лексемы *biķeris* на русский язык можно передать двумя способами: ***biķeris*** – 'novec. (liels, parasti metāla)' ***кубок***; '(puslodes veidā)' ***чаша***; *iztukšot rūgto biķeri* – 'испить горькую чашу'. Однако в немногих упоминаниях этого сборника на русском языке *Biķeris* переводится исключительно как *Кубок*:

> *Первый сборник стихов Вирзы, «Кубок» (латыш. Biķeris; 1907), носил декадентско-эротический характер и был принят консервативной критикой в штыки.*[50]

Первые стихи опубликовал в 1906 году, а через год вышла в свет его первая поэтическая книга Biķeris («Кубок»).[51]

В приведенных контекстах такой вариант перевода не вызывает нареканий, т.к. здесь с функциональной точки зрения важно лишь выделить указанное произведение из ряда других. Такой перевод кажется оправданным и с точки зрения грамматики, потому что сохраняется мужской род лексемы *biķeris*.

Однако при обращении непосредственно к содержательной стороне лирического сборника, для передачи русскоязычному читателю *авторского замысла* такого формального подхода к словарю недостаточно. Необходимо учитывать и те семантические связи, которые автор специально устанавливает в поэтическом тексте; причем некоторые из связей, как отмечал Ю. М. Лотман, имеют индивидуально-психологический, порой интимно-психологический характер[52]. Брюсов же, сам будучи переводчиком и неоднократно сталкиваясь с подобными проблемами, говорил, что *передать сознание поэта с одного языка на другой – невозможно, но невозможно отказаться от этой мечты*[53].

Поэтому важно иметь в виду, что название сборника можно было бы перевести и как *Чаша*. Дополнительной мотивацией такого выбора служит уже упомянутая лингвистическая параллель *iztukšot rūgto* ***biķeri*** *– испить горькую* ***чашу***. Необходимо также отметить, что в различных словарях отношения между лексемами *кубок/чаша // biķeris/kauss* передаются непоследовательно, кроме того, в данную парадигму оказываются включены лексемы *потир*, *бокал* и *ковш*. Столь же непоследовательно в словарях представлена и взаимосвязь между лексемами *сосуд/посуда // trauks/trauki*. Однако проведенные исследования дают все основания лексемы *trauks*: *biķeris/kauss // сосуд*: *кубок/чаша/потир/фиал/бокал/ковш* объединить в общую семантическую парадигму.[54] Поэтому при переводе на русский язык (особенно поэтического произведения) лексема *biķeris* может быть представлена по-разному, в зависимости от контекста. Парадокс заключается в том, что в нашем случае любой из выбранных вариантов оказывается неприемлемым. Ключевым для понимания данной ситуации является ставшее крылатым выражение американского лингвиста Чарльза Дж. Филлмора: *Когда вы выбираете слово, вы тащите вместе с ним целую сцену*. Какую же *сцену тащит за собой* лексема *biķeris* в качестве названия сборника поэтасимволиста? И как это связано с расширением поэтической парадигмы *мужчина* и *женщина – сосуд*?

Эротические мотивы, мотивы соития (как физического, так и духовного) мужчины и женщины, пересечение темы любви и темы поэзии (образов мужчины – поэта и женщины – его Музы), индивидуализация (*Я/Ты*) и снова соединение (*Мы*), тема жертвенности, служения, любовных и творческих страданий, поэтического восторга и любовного экстаза – одним словом все, что является характерным для поэзии символистов, мы находим в этом сборнике. И все это объединено образом *сосуда* (чаши, кубка, бокала), представленного лексемой *biķeris*. Становится понятным, почему данная лексема практически не встречается в самих стихотворениях. Ее роль значительно важнее: она выступает в качестве инварианта для обозначения целой группы разноплановых понятий, объединенных общим контекстом.

Biķeris – это и сам поэтический сборник, *сосуд*, наполненный *лирикой*. Аналогию мы находим во втором сборнике Эдварта Вирзы *Dievišķīgās rotaļas*[55] (оба этих сборника имеют традиционную для символистов тематическую и образную связь): *Kur labāks trauks būs manam jūtu tvaikam/ Par tercinēm… un sonetrindām? (Tercines)*[56] [Какой сосуд будет лучшим для пыла моих чувств, нежели терцины... и ряды сонетов?[57]]

Biķeris (*сосуд*) – это *поэт*. *Biķeris* (*содержимое сосуда*) – это *женщина*. Тема поэзии и тема возлюбленной объединяются лексемой *tēls* (*образ*; эти лексемы в русском и латышском языках имеют сходную семантику):

Sen smadzenēs Tavs ***kailais tēls*** *man snaužu*
Un sev no viņām ***dzīves sulu*** *smeļas...*[58]
(*Dāvinājums*)

Важно отметить также, что сборник открывается посвящением *Tev vienīgai* [Тебе единственной], а это стихотворение (*dāvinājums* – ‘дар, подарок’) является своего рода эпиграфом; далее идет *Пролог*, в котором помещено стихотворение *Sieviete* [Женщина]. Эта особенность композиции также представляет дополнительную мотивацию для подобных сопоставлений. Далее в сборнике (как это часто бывает у символистов) выстраивается целая парадигма: *Tavs kailais tēls* [Твой обнаженный образ], *tavs tēls* [твой образ], *tēls daiļais* [художественный, поэтический, образ, а также прекрасный образ], *baltais tēls* [белый образ], *kaislais tēls* [страстный образ], что также позволяет нам провести параллель *поэзия – женщина*. В одном из стихотворений, например, темы *поэтического образа* и *женщины* объединяются

контекстуальной связью *рационального* и *иррационального* (в том числе и с помощью взаимодействия лексем, относящихся к реальному миру (*dārzs* – ‘сад’, *staigā* – ‘ходит’) и к миру мечты, фантазии (*sapnis* – ‘сон, мечта’[59], *tēls* – ‘образ’):

Man sapnī likās ka pa dārzu staigā,
Kā pusnakts elpa viegls tavs ***baltais tēls.***[60]
(*Man sapnī likās ka pa dārzu staigā…*)

Еще в одном стихотворении Вирзы представлены мотивы, сходные с теми, что мы видели у Брюсова (см. *Благословение*), где поэтический контекст также опирается на сопоставление *женщина – сосуд*:

Es tanī naktī ***tavus skūpstus dzēru,***
Kā izmisumā ***ģifti saldi dzer…***

Un sarkans valganums, iz tavām lūpām dots…
Bij tā kā ***ģiftsbiķers*** *no manis* ***iztukšots.***[61]
(*Es tanī naktī tavus skūpstus dzēru...*)

Так же, как и у Брюсова, расширение поэтической парадигмы происходит в связи с использованием соматизмов, а гипероним *сосуд* заменен видовым синонимом, в данном случае *biķeris*. И так же, как лирический герой Брюсова, герой Вирзы, *выпив чашу нектара* (в греческой мифологии *нектар* – ‘напиток богов, дающий бессмертие’), испытывает сладкие муки:

Guļ tavas miesas sastingušas,
Kā ***ģifts bij viņu nektārs salds…***[62]
(*No rīta*)

Нельзя не отметить еще одно стихотворение, где *женщина/поэтический образ* сравнивается с наполненным *сосудом*. Здесь мы тоже наблюдаем пересечение нескольких образных рядов, объединяемых семантикой лексемы *biķeris*:

Kur nu tagad slēpies, ***daiļais tēls,***
Kas gulēji pilns maigas reizi manās rokās?..

Tu sulas pilnais, saldais vīna koks,
Kas trīci tā, kā ***pildīts trauks****, ar katru glaudu...* [63]
(*Nāk siltu dvašu pūsdams baltais maijs...*[64])

Еще раз обратимся к стихотворению *Dāvinājums*, в котором контекстуальное взаимодействие соматизма *мозг* с поэтическими фразеологизмами *обнаженный образ* и *жизненный сок* не только объединяет

поэта, результат его деятельности – *поэзию*, *поэтические произведения* и *женщину*, но и пополняет образную парадигму новым элементом: *Biķeris-мужчина*. Подтверждение этому мы находим и при рассмотрении следующих контекстов:

No manis ārā ***dzīves spēks***
Tek lēni ***sulā bāli saldā...***[65]
(*Mēnešainā naktī*)

Bet jūtu skaidri – slābst mans vergs un cars, –
Tā atvars tukšs, tur viss kā nāvē gula...
Ak, ***manas dzejas valgums****, manas miesas svars,*
Tu izsīkstošā, ***balti karstā sula!***[66]
(*Necilvēks*)

С одной стороны, мы видим здесь образ *поэта* (исходя из традиции словаря Павлович, подобные тропеические выражения следует отнести к парадигме *человек-сосуд*), с другой стороны, мы не можем не отметить актуализацию образа именно *мужчины* (*sexus*).

В контексте сборника тропеические выражения *dzīves sula* [жизненный сок], *dzīves spēks* [жизненная сила], *dzejas valgums* [влага поэзии], *bāli saldā sula* [бледный сладкий сок], *balti karstā sula* [беложаркий сок] создают единую парадигму, объединяющую образы *мужчины-поэта* и *мужчины-любовника*[67]; данная парадигма вступает также в различные структурно-семантические связи с парадигмой поэтических фразеологизмов, относящихся к *женщине – поэтическому образу* и *женщине – возлюбленной*. Одновременно данные связи поддерживаются и актуализируются семантикой заглавной лексемы *biķeris*, обозначающей как сосуд, так и его содержимое. Реализация авторского замысла базируется также на коннотационной амбивалентности данной лексемы. Таким образом, Эдварту Вирзе удается создать своеобразный поэтический контекст, в котором половой акт и акт художественный оказываются соотнесенными. И название сборника *Biķeris* как нельзя более точно актуализирует подобные импликации.

В латышском языке лексема *biķeris* синонимична нейтральной лексеме *kauss*, однако употребление именно устаревшей лексемы создает определенный коннотационный фон: в переносном значении эта лексема обычно обозначает неприятные переживания (ср. в русском языке *испить горькую чашу*, *да минует меня чаша сия*), в то время как лексема *kauss* амбивалентна (ср. в русском: *чаша гнева*, *чаша страданий*, *чаша жизни*, *дом полная чаша*). И в определенных контекстах

эта амбивалентность, естественно, на может не влиять и на реализацию лексемы *biķeris* как синонимичной.

С другой стороны, прямое значение интересующей нас лексемы (*paliels (parasti metāla) dzēriena trauks* – ‘большой (обычно металлический) сосуд для питья’) связывает ее семантику с семантикой русской лексемы *кубок*: в толковых словарях именно семы *металлический*, *из драгоценного металла* являются определенными маркерами, позволяющими разграничить семантику лексем *кубок* и *чаша* (что для произведений русских символистов, несомненно, является значимым). А форма латышской лексемы отсылает нас непосредственно к названию греческого сосуда – *бикосу* (*βίκους*), который был похож на *фиал* и представлял собой ***широкий плоский*** жертвенный сосуд (*чашу*) без ручек с полусферическим выступом на дне. В русском языке именно *чаша* – ‘*округлый* сосуд для вина’ или ‘старинный сосуд для питья в *форме полушария*’ – символизирует женское начало, что отражает также и грамматический род данной лексемы. *Кубок* же (лексема мужского рода) чаще всего представляется как ‘сосуд в *виде бокала, на ножке или подставке*’. Поэтому в некоторых контекстах его символика связана не только с темой смешения, соединения (кубок – ‘сосуд для смешивания вина с водой’), но также сходна с символикой *кувшина* и связана с реализацией мужского начала (*кубок* – ‘фаллический символ’).

Уникальность латышской лексемы заключается в том, что она является универсальной для одновременной передачи большого количества лексико-культурологических контекстов, которые в русском языке распределяются между несколькими лексемами.

Именно семантика лексемы *biķeris* объединяет мужское и женское начало, поэтому, обращаясь к контексту всего сборника в целом, мы отмечаем также появление образной парадигмы *мужчина* и *женщина* (*двое*) – *сосуд*. Видим мы это и на примере отдельных стихотворений, например:

Mēs savā vientulībā ejam,
Kaut ***dzīves sula*** *iekšā briest;*
Pēc otras miesas mums uz sejām,
Kā sarkans tumšums, ilgas riest.[68]
(*Kā bailēs, slepu drebu pilni…*)

Biķeris – это «*мы*» (*мужчина* + *женщина*). В отличие от стихотворения *Dāvinājums*, где тропеическое выражение *dzīves sula* [жизненный сок] соотносится с образом мужчины, в этом произведении

(наряду с лексемами *mēs* [мы] и *vientulība* [одиночество], семантика которых, так же как и единственное число существительного *сок*, подчеркивает неразделимость понятий), оно объединяет и мужчину, и женщину. Поэтому пытаться разделить эти образы в контексте сборника – значит порвать сложные структурно-семантические связи, тщательно создаваемые автором.

В заключение рассмотрим подробнее стихотворение *Sieviete* [Женщина] из Пролога сборника:

Es atvērusies tā, kā ***sarkans zieds***
Ap pusnakti, un sveicu gaismu vēlo...

Un krūtis kailās atsedzu es sev,
Kā ***Gangus lotosu****, ar mēness lēktu...*

Tu ***asinis*** *iz sevis manī lej,*
Pats pīšļos sakrizdams ar bālu seju,
Es tālāki, kur ***ziedons*** *jauns man smej,*
Kā ***melna liesma*** *ņirgādamās skreju.*[69]

Специфический орнамент этого произведения создается за счет множества пересечений и переплетений образов. Содержимым *сосуда* здесь является *кровь* (еще один элемент в парадигме *жизненный сок*, *жизненная сила*, *влага поэзии*, *бледный сладкий сок*, *бело-жаркий сок*), раскрывшийся цветок – *красный*, дополнительные смысловые акценты вносят также цветовые лексемы *восход*, *пламя*.

Темы *лотоса* и *реки Ганг* также не случайны, эти образы являются не только актуализирующими, но и связующими мужское и женское начало, земное и небесное, реальное и вымышленное, физическое и духовное, тему рождения и смерти, тему греха и святости. Ганг в индуистской мифологии – персонификация богини Ганги, которая спустилась на землю и стала рекой. В легендах подчеркивается способность Ганги к очистке или снятию грехов, ее значение как символа материнства и как посредницы между мирами. В искусстве Ганга изображается в виде чувственной и красивой женщины, несущей в руке переполненный кувшин, который символизирует богатство жизни.

Лотос в греко-римской культуре – эмблема Афродиты (Венеры). Этот цветок являлся также эмблемой Древнего Египта. Его появление из воды каждое утро и погружение каждый вечер рассматривалось в связи между прошлым и настоящим. В его сомкнутых лепестках был заключен бог Ра (Солнце), появляющийся над миром, когда лепестки раскрывались.

В китайской культуре лотос означает чистоту, совершенство, духовное изящество, плодовитость. Кроме того, он олицетворяет прошлое, настоящее и будущее, поскольку каждое растение имеет бутоны, цветы и семена одновременно. Основное и, видимо, исходное значение этого мифопоэтического символа – творящая сила, связанная с женским началом, отсюда возникает и более специальное символическое значение лотоса: лоно как место зарождения жизни (*Я раскрылась как красный цветок*[70]). Структура цветка лотоса (периферийная, лепестковая часть и центр) символизирует взаимодействие женского и мужского начала. Кроме того, лотос, который зарождается в иле, но выходит из него чистым, благоухающим, является образом высокого стремления, а также символом одного из *сокровищ* или *драгоценностей*.

Все эти мифопоэтические контексты, актуализированные семантикой заглавной лексемы, помогают автору сборника *Biķeris* отразить глубоко индивидуальное восприятие поэтической картины мира. Причем опирается он в этом на достаточно традиционный прием трансформации устойчивых поэтических фразеологизмов, затрагивающих сразу несколько образных рядов. Именно нетрадиционные авторские трансформации представляют наибольший интерес при исследовании поэтического языка символистов, в том числе и с позиций сравнительного и сопоставительного анализа.

Как мы видим, несмотря на различия между латышским и русским языками, процессы трансформации поэтических фразеологизмов в произведениях Валерия Брюсова и Эдварта Вирзы имеют общие тенденции, проходят по сходным правилам, демонстрируют аналогичные результаты, так как базируются на сходных древних мифопоэтических представлениях – архетипах. Метафорический архетип *человек-сосуд* не только является одним из древнейших, но и остается продуктивной моделью для развития образной системы поэтического языка как в русской, так и в латышской культуре.

---

[1] Кузьмина Н. А. Культурные знаки поэтического текста. *Вестник Омского гос. ун-та* № 1, 1997, с. 78.

[2] Структурно-семантическая модель – это инвариант по отношению к ряду фразеологизмов, составляющих определенную поэтическую парадигму.

[3] Деян. 9 : 15.

[4] 2 Кор. 4 : 7.

[5] Рим. 9 : 22.

[6] Рим. 9 : 23.

[7] 1 Фес. 4 : 4.

[8] 1 Петр. 3 : 7.

[9] Даль В. И. *Пословицы русского народа.* Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО – Пресс, 1999, с. 376.

[10] Павлович Н. В. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII – XX веков.* В 2 томах. Москва: Эдиториал УРСС, 2007.

[11] В Словаре данная модель помещена сразу после моделей *человек-другое существо* и *человек-растение*.

[12] Понятия *парадигма* и *модель* в Словаре синонимичны.

[13] В контексте исследования произведений символистов представляется необходимым выделить и метафорическую модель *мужчина – это X* (*X* – объект сопоставления), как это предлагает, например, Комиссарова (Комиссарова О. В. Метафорические образы мужчины в русском поэтическом дискурсе (на материале словаря Н. В. Павлович «Словарь поэтических образов»). *Вестник Томского гос. ун-та* № 347, 2011, с. 20–21). В нашем случае это модель *мужчина-сосуд*. Кроме того, целесообразным также представляется выделение в отдельную группу поэтических фразеологизмов, относящихся к модели *мужчина* и *женщина – целое*. Эту модель невозможно разделить на более простые, как это в некоторых случаях возможно с отмеченной у Павлович образной моделью *мужчина* и *женщина – две части одного целого*.

[14] Рим. 9 : 21.

[15] 2 Тим. 2 : 20.

[16] Рим. 9 : 21–23.

[17] 1 Кор. 15 : 16.

[18] Для греков сосуды – живые существа, как правило, женского рода. Поэтому не удивительно, что сосуд часто имел не название, а имя собственное.

[19] Ходасевич В. К Психее. *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель, 1989, с. 130.

[20] По материалам Словаря.

[21] Гиппиус З. Н. За что? *Сочинения. Стихотворения. Проза*. Ленинград: Художественная литература, 1991, с. 232.

[22] Анненский И. Негибнущий аромат. *Избранные произведения*. Ленинград: Художественная литература, 1988, с. 212.

[23] Кожевникова Н. А. Эволюция тропов. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация*. Москва: Наука, 1995, с. 71.

[24] Там же.

[25] Волошин М. *Ветер с неба хлопья облак вытер*. http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/mv_kimm.htm (12.01.2014).

[26] Коневской И. *К служителям*. http://www.e-reading.ws/book.php?book=95732 (12.01.2014).

[27] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. I. Москва: Художественная литература, 1973, с. 48.

[28] Там же, с. 428.

[29] Пушкин А. С. *Евгений Онегин: Роман в стихах*. Москва: Художественная литература, 1981, с. 144.

[30] Пушкин А. С. Лицинию. *Стихотворения*. Москва: Художественная литература, 1983, с. 31.

[31] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. III. Москва: Художественная литература, 1974, с. 521.

[32] Так как исследования поэтической фразеологии проводятся в рамках сравнительного и сопоставительного анализа, перевод произведения Саят-Новы здесь рассматривается в общем контексте. В Словаре Павлович примеры из произведений, переведенных авторами с других языков, также не обособляются.

[33] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. I. Москва: Художественная литература, 1973, с. 476.

[34] Там же, с. 179.

[35] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. III. Москва: Художественная литература, 1974, с. 272.

[36] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. I. Москва: Художественная литература, 1973, с. 295.

[37] Кэрлот Х. Э. *Словарь символов*. Москва: REFL – book, 1994, с. 488.

[38] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. I. Москва: Художественная литература, 1973, с. 543.

[39] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. III. Москва: Художественная литература, 1974, с. 98.

[40] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. I. Москва: Художественная литература, 1973, с. 479.

[41] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. III. Москва: Художественная литература, 1974, с. 69.

[42] Лука : 7.

[43] Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. III. Москва: Художественная литература, 1974, с. 84.

[44] Иванов Вяч. *Единых тайн двугласные уста*. http://slova.org.ru/ivanovviacheslav/edinykhtajn (12.01.2014).

[45] Иванов Вяч. *Себе самим мы Сфинкс единый оба*. http://rvb.ru/ivanov/1_critical/3_bp/01text/01text/vol1/328.htm (12.01.2014).

[46] Иванов Вяч. *Одной судьбы двужалая стрела*. http://slova.org.ru/ivanovviacheslav/odnojsudby (12.01.2014).

[47] Павлович Н. В. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII – XX веков*. В 2 томах. Т. 1. Москва: Эдиториал УРСС, 2007, с. 88.

[48] Там же, с. XLIII.

[49] Divdesmit kopā nodzīvoti gadi. *Rakstnieka Vārds* 1992. gada 23. jūlijs.

[50] Материал из Википедии. http://ru.wikipedia.org (18.01.2014).

[51] Кузнецова Т. И. К. Улманис: миф и человек. *Философия. История. Культура. – Латвия от истоков к современности. Русский мир и Латвия: Индивидуалистическая и коллективистская тенденции в культуре*: Альманах Nr. 18, с. 31. http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2009/01/04.pdf (18.01.2014).

[52] Лекции по структуральной поэтике. *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Москва, 1994, с. 235–239.

[53] Брюсов В. *Избранные сочинения*. Т. II. Москва: Гослитиздат, 1955, с. 188.

[54] Данной теме посвящено отдельное исследование, здесь же представлены лишь некоторые выводы.

[55] *Божественные игры*.

[56] Цитаты из произведений Эдварта Вирзы здесь и далее приводятся по сборнику: Virza E. *Raksti*. 1. sējums. Rīga: Zinātne, 2005.

[57] Здесь и далее перевод мой – Ф. Т.

[58] *Давно уже в моём мозгу дремлет твой* ***обнаженный образ***
И черпает из него ***жизненный сок***...

[59] В латышском языке лексема *sapnis* включает в себя оба значения; при исследовании поэтического языка символизма этот факт представляет несомненный интерес.

[60] *Во сне казалось мне, что по саду ходит*
Легкий, как полуночное дыхание, твой ***белый образ***.

[61] *Той ночью я* ***пил твои поцелуи***
Как от отчаяния ***пьют сладкий яд***...
И красная влага, дарованная твоими губами...
Была ***как чаша яда***, ***выпитая мною***.

[62] *Лежит твоё застывшее тело,*
Как яд был сладок его нектар...

[63] *Где же ты теперь скрываешься,* ***прекрасный (поэтический) образ,***
Что лежал однажды, полон нежности, в моих руках?..
Ты наполненное соком сладкое винное дерево,
Дрожащее от каждой ласки так, как ***наполненный сосуд***.

[64] Virza E. *Biķeris*. Rīga: Vārds, 1991, 27. lpp. (цитата приводится по указанному сборнику в связи с тем, что в сборнике Virza E. *Raksti*. 1. sējums. Rīga: Zinātne, 2005 в данном отрывке допущена опечатка: отсутствует слово *trauks*).

[65] *Из меня* ***жизненная сила***
Медленно истекает ***бледно-сладким соком***...

[66] *Но чувствую ясно – слабеет мой раб и царь –*
Пуст его омут, там всё словно умерло...
Ах, ***влага моей поэзии****, вес моей плоти,*
Ты иссякающий, ***бело-жаркий сок****!*

[67] Эта взаимосвязь становится еще более очевидной, если мы вспомним, что стихотворение *Necilvēks* в сборнике является заключительным и помещено в *Эпилог*, таким образом автор особо подчеркивает значимость данного контекста на фоне других произведений.

[68] *Мы идем в своём одиночестве,*
Хотя внутри бродит ***жизненный сок****;*
У нас на лицах красной тьмой
Восходит жажда второй плоти.

[69] *Я раскрылась, как* ***красный цветок***
В полночь, и приветствую поздний свет...
И обнажаю грудь себе
Как ***лотос Ганга*** *с восходом луны...*
Ты из себя льешь ***кровь*** *в меня,*
Сам с бледным ликом обращаясь в прах,
Я дальше, навстречу улыбающейся весне,
Убегаю с насмешкой, как ***черное пламя****.*

[70] И в русском, и в латышском языке образы *цветка* и *сосуда* (*чаши*) тесно переплетаются и на лексико-семантическом уровне: *чашечка цветка*, *чашелистик*, *чашеложе*, *zieda kauss*, *kauslapa*, *biķerītis* (устаревшее название чашечки цветка) и т.д. Кроме того в латышском языке *biķerīši* '(apv.) – parastā ozolīte (*Aquilegia vulgaris*)' – водосбор, аквилегия обыкновенная, многолетнее травянистое растение семейства лютиковых (ядовитое!).

ЛИТЕРАТУРА

Sproģe L., Vāvere V. *Latviešu modernisma aizsākumi un krievu literatūras "sudraba laikmets"*. Rīga: Zinātne, 2002.

Virza E. *Biķeris*. Rīga: Vārds, 1991.

Virza E. *Raksti*. 1. sējums. Rīga: Zinātne, 2005.

Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Российское Библейское Общество, 1994.

Брюсов В. *Избранные сочинения*. Т. II. Москва: Гослитиздат, 1955.

Брюсов В. Я. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. I–III. Москва: Художественная литература, 1973 – 1974.

Даль В. И. *Пословицы русского народа*. Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО – Пресс, 1999.

Истомина Н. А. (авт.-сост.) *Энциклопедический словарь символов*. Москва: АСТ, Астрель, 2008.

Кожевникова Н. А. Эволюция тропов. *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация*. Москва: Наука, 1995, с. 3–79.

Комиссарова О. В. Метафорические образы мужчины в русском поэтическом дискурсе (на материале словаря Н. В. Павлович «Словарь поэтических образов»). *Вестник Томского гос. ун-та* № 347, 2011.

Кузьмина Н. А. *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*. Москва: КомКнига, 2006.

Кузьмина Н. А. Культурные знаки поэтического текста. *Вестник Омского гос. ун-та* № 1, 1997, с. 74–78.

Кэрлот Х. Э. *Словарь символов*. Москва: REFL – book, 1994.

Лекции по структуральной поэтике. *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Москва, 1994, с. 235–239.

Мифологический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1987.

Павлович Н. В. *Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII – XX веков*. В 2 томах. Москва: Эдиториал УРСС, 2007.

Панченко А. М., Смирнов И. П. *Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века*. feb-web.ru/feb/todrl/t26/t26-033.htm (12.12.2013).

Руднев В. П. *Энциклопедический словарь культуры XX века*. Москва: Аграф, 2009.

Холл Дж. *Словарь сюжетов и символов в искусстве*. Москва: АСТ: Транзиткнига, 2004.

Любовь Борисовна Парубченко

ЯЗЫК И ЧЕЛОВЕК (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ 20-Х ГГ. XX В.)

Summary

Language and Human (Based on the Issues of the Scholarly Papers Published in the 1920s)

The 1920s appeared to be the turning point not only in Russian history, but in Russian culture and education. Changes in social and political life are always followed by new phenomena in language. The article presents description of the language of scientific-methodical publications of one of the most notable journals in the history of Russian science and education – the journal 'Native Language in School'. The periodical was founded in 1914 by A. M. Lebedev, survived the revolution and reflected the new language of the new time: some roughness of style, political terms, and Bolsheviks' rhetoric, as well as concepts connected with the new Marxist approach to schooling. The lexicon of the journal was also supplemented by pseudoscientific theories: 'A New Study of Language' by N. Y. Marr, 'Vulgar-Sociological Method in Literary Studies' and others. Nevertheless such linguists as Ushakov, Peshkovsky, Mirtov managed to fill school manuals with an important scientific content.

Key-words: the journal 'Native Language in School', linguistic theory, Fortunatov's school, political rhetoric, language and life

*

Журнал *Родной язык в школе* был основан в 1914 г. на собственные средства замечательным ученым-педагогом Алексеем Матвеевичем Лебедевым (1881 – 1953). До 1918 г. редакция располагалась в мужской гимназии г. Ярославля, но журнал скоро привлек к себе внимание и с 1918 г. стал издаваться в Москве. В 20-е гг. XX в. это было уникальное издание: в нем печатались крупнейшие лингвисты и литературоведы – А. М. Пешковский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Л. А. Булаховский, М. Н. Петерсон, А. В. Артюшков, С. И. Абакумов, А. В. Миртов, В. А. Малаховский, А. Н. Гвоздев, И. П. Лысков, Г. Н. Поспелов, С. И. Дмитриев, И. П. Плотников и др., методисты – П. О. Афанасьев, Н. С. Рождественский, А. М. Смирнов, Н. М. Со-

колов, А. В. Текучев, М. А. Рыбникова, С. А. Золотарев, В. В. Голубков, В. С. Габо, В. К. Сережников, А. И. Павлович и др.

Родной язык в школе в 20-е гг. был на гребне современных научных и школьных проблем. Только этот журнал, единственный среди множества современных ему, подробнейшим образом осветил Первый Всероссийский съезд учителей русского языка 1916/17 года: публиковал доклады или их подробные рефераты, излагал дискуссии по поводу докладов, в том числе и те, которые выплеснулись на страницы других журналов и газет. Так как труды съезда, в силу социально-политических условий, не были изданы, публикации журнала *Родной язык в школе*, наряду с брошюрой тезисов докладов, до сих пор являются единственными свидетельствами о съезде. Журнал опубликовал первую послесъездовскую школьную программу по русскому языку, положившую в основу научную, фортунатовскую грамматическую теорию (авторы программы: Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон, Н. М. Соколов), и последующие ее редакции.

После этого пошла череда школьных учебников, написанных лучшими отечественными учеными: А. М. Пешковским, Д. Н. Ушаковым, С. И. Карцевским, Н. Н. Дурново, А. В. Миртовым, В. А. Малаховским, Л. А. Булаховским, С. И. Абакумовым, А. Б. Шапиро и др., – учебники несли в школу новую, формально-грамматическую теорию, журнал был ареной научных дискуссий по поводу школьных учебников, и в этих дискуссиях развивалась и оттачивалась сама фортунатовская теория.[1] Именно этот журнал опубликовал первую каноническую статью теории МФШ.[2] Новое научное содержание школьной грамматики требовало новой методологии и методики: журнал 20-х гг. – кладовая методических идей и педагогических открытий.

Яркая черта журнала – злободневность. Он не только откликался статьями на новые идеи в науке и методике, но и вел литературную хронику, публиковал отзывы о книгах (в журнале был раздел *Книги, поступившие в редакцию*), отдельно – раздел *Новости учебной и научной литературы*, где публиковались аннотации и рефераты интересных статей из других журналов. С 1930 г. журнал заводит раздел *Книжная полка*, где публикует списки вышедшей научной (литературоведение и языкознание) и учебно-методической литературы. Анализ истории журнала *Родной язык в школе* и его роли для отечественной науки и школы – задача большого научного исследования.

Вместе с тем журнал 20-х гг. – историческое свидетельство переломной эпохи. Показательна история смены редакций и названий

журнала. С № 7 1925 г. соредактором А. М. Лебедева становится литературовед вульгарно-социологического направления В. Ф. Переверзев. С 1928 г. в редакционной коллегии А. М. Лебедева уже нет. Состав: И. И. Векслер, А. В. Ефремин, И. Н. Кубиков, А. М. Пешковский, Е. Т. Руднева. Отв. редакторы – И. Н. Кубиков (по отделу литературы), А. М. Пешковский (по отделу языка). Сам журнал, в соответствии с новой концепцией единой трудовой школы (об этом ниже), переименован: теперь это *Родной язык и литература в трудовой школе.* В 1929 г., в связи с отменой «единой трудовой» школы, журнал переименовывается в *Русский язык в советской школе*, редакционная коллегия: И. И. Векслер, И. Н. Кубиков, П. И. Лебедев-Полянский, И. М. Нусинов, А. М. Пешковский, И. М. Розенталь, Е. Т. Руднева, И. В. Устинов, Р. О. Шор. Отв. редактор – П. И. Лебедев-Полянский. В 1932 г. журнал называется *Литература и язык в политехнической школе*, редакционная коллегия: К. А. Алавердов, А. М. Еголин, Ф. М. Головенченко, Т. П. Ломтев, А. И. Поповкин, отв. редактор – Ф. М. Головенченко; в 1934 г. – *Русский язык и литература в средней школе*, ред. коллегия: С. Л. Белевицкий, С. А. Каменев, И. М. Машбиц-Веров, И. Шор. Отв. редактор – С. А. Каменев. В 1936 г. журнал распался на два: *Русский язык в школе* и *Литература в школе*, в этом виде он существует до сих пор.

Большевики хорошо понимали роль школы в воспитании преданных режиму граждан и сразу же взяли дело обучения и воспитания в свои руки. Школа, которая в просвещенном государстве должна быть вне политики, в стране советов была объявлена орудием политики. *Наше дело в области школьной есть тоже борьба за свержение буржуазии, мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики – это ложь и лицемерие*, – говорил В. И. Ленин на I Всероссийском съезде по просвещению 25 августа 1918 г.[3] На знаменитом III Всероссийском съезде РКСМ (4 октября 1920 г.) Ленин призвал молодежь *учиться, учиться и еще раз учиться*, он заявил: *Я постараюсь ответить и на вопрос, как нужно учиться: только связывая каждый шаг деятельности в школе, каждый шаг воспитания, обучения и образования неразрывно с борьбой всех трудящихся против эксплуататоров*[4].

Одним из главных деятелей по преобразованию школы в указанном партией направлении была Н. К. Крупская. В 1917 г. она составила проект программы партии по народному образованию, после Октябрьской революции становится членом коллегии Наркомпро-

са, руководит внешкольной работой, организует Главполитпросвет, является председателем Научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУСа). Под руководством Н. К. Крупской в 1922 г. стали разрабатываться новые школьные программы, которые должны были отвечать политическим требованиям правящей партии. Эти программы получили название к о м п л е к с н ы х.

В 1922 г., в № 2 журнала *На путях к новой школе*, который был органом научно-пед. секции ГУСа, Н. К. Крупская опубликовала статью *К вопросу о программах*, где она критиковала старые программы, с обычным для большевиков враньем:

> *Старые программы школы начальной в прежние времена составлялись с расчетом, что рабочему и крестьянину много знать не для чего, что не его дело организовывать производство, его дело – быть усердным, аккуратным, умелым исполнителем. Программы школ второй ступени писались для привилегированных классов, которым – по старым обычаям – трудиться придется мало, которые имеют свободного времени видимо-невидимо и могут наполнять его изучением древних языков и всяких других предметов, с живой действительностью не связываемых.*[5]

В 1924 г. вышли *Новые программы единой трудовой школы*. Методическое письмо к ним было подписано Председателем Научно-педагогической секции ГУС'а Н. Крупской, Зав. Главсоцвосом О. Бем, Зав. отделом единой школы А. Толстовым. Здесь была заявлена новая, большевистская концепция школьного обучения. Прежде всего, школа была переименована в *единую трудовую*. Почему *трудовая*? – *Не только потому, что преподавание в ней ведется при помощи трудового метода, не только потому, что труд входит непременной составной частью в школьную жизнь, но также и потому, что труд, трудовая деятельность людей должна являться той жизненной осью, вокруг которой должна вращаться вся школьная программа*[6].

В трудовую деятельность детей включалось и школьное самоуправление:

> *Такой характер работы школы, какой нарисован выше, и существо самих задач, стоящих перед школой, – все это требует того, чтобы дети привыкали к о р г а н и з о в а н н о м у к о л л е к т и в н о м у т р у д у. Поэтому очень важно дать в школе должное место детскому самоуправлению и важно при этом втягивание детей в п л а н и р о в а н и е с в о е й р а б о т ы и е е у ч е т.*[7]

Почему *единая*? – Потому что *в основу программы, как первой, так и второй ступени, кладется изучение трудовой деятельности людей*.

Этим создается та внутренняя связь между темами отдельных бесед, между различными предметами, которая так необходима, так осмысливает все преподавание[8].

Как осуществлялся этот принцип единой трудовой школы? – Предметы преподавания были заменены комплексами. Работа школы была организована по трем циклам: 1) Природа и человек, 2) Труд, 3) Общество.

Содержание учебы разделялось еще по сезонам: осенне-зимний триместр, зимне-весенний триместр, весенне-летний триместр. И по темам: Октябрьская революция, Зимние революционные праздники, Приближение весны и т.д. Комплексные программы связали обучение с производством. Поскольку производственная жизнь в городе и деревне разная, то разными были и программы для школ: городских и деревенских. Вот фрагмент программы 1924 г.[9]:

Схема программы деревенской школы 2 года I ступени зимне-весеннего триместра

3. Домашние животные

Природа и человек	Труд	Общество
Жизнь и строение домашних животных. Корова и теленок. Мелкий рогатый скот в сравнении с коровой. Лошадь – рабочее животное. Свинья – мясное животное. Разведение кроликов. Кошка – хищное животное. Собака, ее служба в доме. Зарисовка домашних животных. Чтение соответствующего литературного материала и усвоение соответствующих песен и стихов.	Помощь в уходе за домашними животными. Участие в обработке молока и получение из него разных продуктов. Подсчет удоя коровы и козы. Подсчет корма домашних животных. Умножение в пределах 1000.	Экскурсии по мере возможности (молочная ферма, племсовхоз, кожевенный завод). Добывающая и обрабатывающая деятельность человека (на примере). Что такое фабрика и завод? Город как промышленный центр. Рассказы о городе и городской жизни. Количество деревенского скота (подсчет и сравнение). Наемный труд в деревне. Классовый состав в деревне: бедняк, середняк, кулак. Коллективные письменные работы на вышеозначенные темы с иллюстрациями.

В Программе обращает на себя внимание отсутствие систематического подхода к изучению русского языка и математики. Это оговаривалось особо: *Усвоение навыков речи, письма, чтения, счета и измерения должно быть теснейшим образом слито с изучением реальных явлений, – и не должно быть в школе арифметики и русского языка как отдельных предметов*[10].

Программа Н. К. Крупской была идеалистичной и утопичной: в ее осуществлении должны были участвовать самые широкие круги общественности:

> *Наркомпрос вырабатывает общую программу. Места определяют – соответственно району – тот материал, который подлежит изучению, обследованию учителями и учениками. Было бы чрезвычайно важно устроить ряд учительских съездов по производственным районам, с представителями Исполкомов, Местных Земотделов, Отделов ВСНХ, Здравотделов, представителей с.х. Опытных станций, промышленных предприятий и пр. и обсудить производственный материал, который необходимо проработать в школе. Отдельному учителю не под силу произвести эту работу. Тут необходима работа целого коллектива, устанавливающего связь школы с производством того района, где эта школа находится. Как это сделать, и должны намечать учительские съезды производственных районов.*[11]

> *Придется работать каждому* [учителю] *самостоятельно, придется обратить особое внимание на коллективную работу, организовывать кружки для проработки материала, придется устраивать конференции, совещания. Губ и УОНО должны всячески содействовать этой работе. Будет содействовать ей и союз работников просвещения. Должны помогать педагогические вузы и педтехникумы. Каждый должен сделать, что может.*[12]

Следствием установки школьных программ на производство было внимание к краеведению. Но при этом:

> *Не памятники старины, не архитектурные стили построек, не фольклор должны составлять стержневую ось школьного краеведения. Такой осью должна быть трудовая деятельность людей и ее организация.*[13]

Как видим, большевистская программа имеет коренное отличие от программ дореволюционной школы. В старых программах и трудах ученые говорили о развитии д у х а учащегося – через ознакомление с литературой и языком, с историей России, с историей культуры (Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, К. Д. Ушинский, В. В. Розанов и

др.). В большевистских программах историю культуры заменили историей средств производства. Духовное сменилось материальным: *материя первична, сознание вторично.*

Комплексные программы действовали до 1928 г., когда под влиянием роста безграмотности, безуспешности обучения чтению методом целых слов, невозможности поднять на школьное дело широкую общественность и др. они были заменены более реалистичными. Однако политизация и идеологизация школы не была отменена, она росла, вместе с усилением политической диктатуры. Свидетельством тому является язык публикаций журнала *Родной язык в школе.*

Прежде всего бросается в глаза композиционная особенность рецензий 20-х гг.: **отрицательное дается в начале, и много, положительное – немного, и в самом конце**. Другая особенность – **нигилистическое отношение к наследию**. Так, в статье о краеведении автор содержательно пишет об изучении истории, этнографии и топонимии родного села. Но в конце – шаблонная фраза, характеризующая отношение к традиции: *Молодое поколение решительно становится на сторону новых веяний, а старое, ворча и негодуя, сходит со сцены, теряет почву*[14].

Культурный язык первых сборников журнала сменяется языком улицы:

> *Возьмите Николая Ростова. Что это за тип? Оценим его объективно: тип* ***сволочного помещика****. Вначале помещичий сынок, а потом (говоря нашей терминологией)* ***белогвардеец****. Его бы* ***в расход пустили*** *в два счета. Он бьет мужиков по зубам и разбивает кольцо* ***о морду*** *своего холопа.*[15]

Не церемонится даже образованный Луначарский:

> *В группе Маяковского имеются несколько поэтов с крупными талантами – Асеев, Третьяков. Всем им, по-видимому, трудновато дается их новая дорога. Богатство сюжетов, сила чувства, которые принесла с собой революция, плохо вкладываются в ту изощренность, которую они приобрели раньше в качестве* ***последышей буржуазной культуры****.*[16]

Другая особенность – **«фронтовая» и политическая лексика в названиях учебных пособий**: Кременский Н., Мамонов В., Феддерс Г. *Путь борьбы.* Рабочая книга по литературе. Москва, 1927[17]; Петрова Е. *Рабочий класс в борьбе.* Москва, 1926[18]; Войтоловский Л. *Героизм революции (Парижская Коммуна – Октябрь).* Историко-литературная хрестоматия XIX и XX вв. Москва, 1924[19]; Петрова Е. *Пролета-*

ризация деревни и крестьянские восстания. (б/г, б/м)[20]; *Хрестоматия по истории первой русской революции*. Под ред. Калашникова. Москва, 1925[21]; Введенский и Казмин. *Упражнения по правописанию. Пособие по ликвидации малограмотности*. Москва, 1925[22]; *Серп и молот*. Книга для чтения в труд. школе. Первый год II ступ. Сост. Ефремин, Игнатьев и др. 2 изд. Москва – Ленинград, 1925[23]; Голубков В., Горностаев Н., Лукьяновский П. и Сахаров И. *Марксистская хрестоматия по литературе*. Москва, 1925[24]; **статей:** Докукина З. *Красная армия в школьных программах по литературе (по материалам выставки Кабинета методики русского языка при Смоленском государственном университете)*[25]. Решения съездов словесников именуются *резолюциями*.

Однако **20-е годы – не только мир борьбы, но и созидательного труда**. Петрова Е. *Крестьянский труд в пореформенной деревне*. (Б/г, б/м); Курская А. и Розанова А. *Мы строим новый мир*. Хрестоматия для чтения и работы в кружках политграмоты и для самообразования. Москва, 1927; Богоявленский Л. П. *В полях*. Рабочая книга для I группы деревенской школы. (Б/м): Гиз, 1927; Левин М. и Юргенс О. *Литературная хрестоматия по политической экономии*. Ч. I. *От ремесла к машине*. 167 с. Ч. II. Вып. 1-й. *Капитализм*. 175 с. Ч. II. Вып. 2-й. *Капитализм. Разложение капитализма*. Ленинград, 1924; *У станка*. Хрест. для школ ФЗУ и старш. классов I ступ. Сб. I. Изд. 3. Ленинград, 1925; *Своими силами*. Рабочая книга для старш. кл. I ступ. Ч. I. Вып. I. Ленинград, 1925; *От станка к книге*. Ч. I. Под ред. А. Пешковского. Москва, 1925.

Важно отметить, что это названия пособий не по истории, а по русскому языку: это хрестоматии, которые содержали языковой материал для упражнений; в соответствии с методологической установкой на наблюдения над языком изучаться в школе должен не учебник грамматики, а живой язык, – это провозглашала программа по русскому языку, разработанная Д. Н. Ушаковым, М. Н. Петерсоном и Н. М. Соколовым[26], написанная в соответствии с резолюциями Первого Всероссийского съезда учителей русского языка 1916/17 г. Однако жесткое партийное руководство школой обрекло ее на политизацию всего школьного материала, включая математику.[27] Одни авторы приняли новый стиль с воодушевлением, другие, более просвещенные, сетовали:

> *Книга эта проредактирована проф. Д. Н. Ушаковым и в грамматической своей системе опирается, как заявляют и сами авторы, на его труд «Русский язык». Она уже не только правописное, но и*

грамматическое пособие... Как правописное же пособие, изданное «Военным вестником», оно прежде всего отличается военизацией самого материала для письма: здесь и фронт, и караульная служба, и отрывки из разных глав уставов и полевой, и гарнизонной службы. Правда, оно предназначено для военных школ, но сомнительно, чтобы такая военизация материала была бы уж так необходима для изучения в них правописания.[28]

В школьный обиход входят **новые, актуальные жанры работ по развитию речи**: сочинение лозунгов, газетных заголовков; составление докладов – отчетных, ревизорских, академических, литературных, докладов-проектов[29]; агитационных пропагандистских выступлений[30]; конспектирование политических статей[31].

Черта времени – **плакатный стиль**, в том числе в названии учебного пособия: *Долой неграмотность*. Материалы для занятий после букваря. Изд В. Ч. К. по ликвидации безграмотности[32]; *Грамотный, обучи неграмотного* (Как грамотный может научить читать и писать неграмотного. Составили В. Пупышев, Слайковская и Шумов). Новосибирск, 1926; *Прочитай и расскажи*. Подвижная хрестоматия для чтения и рассказывания в младших группах школы I ступени. Москва, 1926.

Чрезвычайно распространено слово «к р а с н ы й». В названиях хрестоматий: *Красный сказ*, *Красная Новь*. Хрест. для труд. школы[33]; *Красное слово*. Книга для чтения по русскому языку в трудовых школах Украины (на русском языке). 5 год обучения. Сост. И. Антонов и В. Родионов. (б/м), 1926; *На красных путях*. 1-я книга для транспортника (авторы А. Колодная и Е. Голант). Москва: Гудок, 1926; *Красная звезда*, вторая рабочая книга по русскому языку для татарских и башкирских школ. Изд. 2. Казань, 1930. Журналов: *Красная молодежь*[34]. Букварей: *Красное детство*. Русский букварь. Пенза, 1921; *Красный пахарь*. Деревенский букварь для взрослых. Москва, 1927. Издательств: *Красный мир* (Кострома), *Красная книга* (Орел), *Красная новь* (Москва) и др.

На втором месте – «новый». В названиях книг: Полтавский С. *Новому ребенку – новая сказка*. Этюд для родителей и воспитателей. Саратов, 1919; Голант В. и Соловьев В. *На новых путях*. Рабочая книга для сельских школ и малограмотных Северо-Западной области. Ленинград, 1926; Курская А. и Розанова А. *Мы строим новый мир*. Хрестоматия для чтения и работы в школах и кружках политграмоты и для самообразования. Москва, 1927. Издательств: Маштаков В., Мирский Л., Троицкий Л., Фомин Г. *Крестьянский труд и крепост-*

ная деревня. Задания и материал для проработки (5-й год обучения). Москва: *Новая Москва*, 1927.

20-е годы – это начало распространения в науке и образовании **вульгарно-социологического метода**. Его теоретики, марксистские философы, историки и литературоведы А. Богданов, М. Покровский, В. Фриче, В. Шулятиков, А. Деборин, В. Переверзев и др., рассматривали произведения культуры и науки в связи с развитием средств производства, материальными условиями жизни и классовой принадлежностью их создателей. История России была переписана заново. Духовная жизнь России была устранена из истории, исторические события подавались как результат действия материальных, производственных, а также социально-классовых обстоятельств.

Переосмысливалась и школьная программа. Вот как толкуется теперь творчество М. Ю. Лермонтова: *Либеральные и противокрепостнические сцены в его драмах можно было бы поставить в более широкую связь с быстрым подъемом промышленности в 30-е годы, падением крепостного хозяйства и ростом торгового и промышленного капитала*[35]. Восстание декабристов, изменение политических взглядов Пушкина ставились в зависимость от цен на хлеб. Толстой выражает взгляды патриархального крестьянства, Пушкин – мелкопоместного капитализирующегося дворянства, Гоголь – мелкопоместного консервативного дворянства. Почему же Пушкина, Толстого и Гоголя читают и любят тысячи непатриархальных крестьян? Эта мысль не была в числе указанных и спущенных вниз. Потом ее спустили: классики оказались «народными выразителями» и тем самым предшественниками «великой партии». Крупнейшим событиям русской истории давались вульгарно-социологические, упрощенные, зачастую оценочные толкования. Вот фрагмент словарной статьи из *Малой советской энциклопедии* об Отечественной войне 1812 года:

> *«Отечественная»* [кавычки! – Л. П.] *война, русское* ***националистическое*** *название войны, происходившей в 1812 между Россией, с одной стороны, и Францией (в союзе с Пруссией и Австрией), с другой. <…> Грандиозность задуманного Наполеоном плана превосходила технические возможности того времени: русское бездорожье, огромные переходы и полная невозможность организовать продовольственное снабжение быстро привели «Большую армию» к разложению и* ***мародерству; последнее и было причиной развития партизанской войны: вооруженные чем попало крестьяне, защищая от французов свое имущество, легко справлялись с разрозненными и голодными франц. отрядами****. Отсюда и берет*

> *начало т.н.* [sic! – Л. П.] *народная война 1812, из-за которой вся война получила* ***пышное название «Отечественной»: дело тут было не в подъеме патриотического «духа»*** [кавычки! – Л. П.], *но в защите крестьянами своего имущества.*[36]

О Смутном времени:

> *«Смута», название крупнейшей* ***крестьянской революции*** *нач. 17 в., принятое гл. обр. в* ***дворянской и буржуазной*** *историч. литературе. Термин «С.в.» возник в указанный период в* ***контрреволюционных*** *кругах и заключает отрицательную оценку* ***револ.*** *движения.*[37]

О Минине:

> ***Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую «матушку-Россию»*** *и пыталась сделать из него нац. героя.*[38]

О Пожарском:

> *Князь, деятель т.н. Смутного времени, выступивший представителем дворянства («служилых людей») и ставший во главе ополчения, организованного* ***мясником*** *Мининым-Сухоруковым (см.) на деньги богатого купечества. Это ополчение* ***покончило с крестьянской революцией*** *и освободило Москву (1612) от захвативших ее поляков, после чего собрался в 1613 земский собор, избравший на царство первого Романова – Михаила. В царствование последнего П. получил ряд крупных земельных пожалований и назначение новгородским воеводой (1628), а в 1636 – начальником Московского судного приказа.*[39]

Намек на то, что Пожарский действовал как бы не бескорыстно, но при этом ни слова о том, что Михаил Романов был поставлен на царство после отказа от царского престола Пожарского: первое предложение было сделано ему.

В духовном искали материальную основу буквально. А. Ф. Лосев вспоминает:

> *Э. К. Розенов <...> доказывал, что музыка есть «соляной» раствор студенистых белков, то есть на три четверти вода. <...> С. Л. Толстой (сын Льва Толстого), большой знаток музыкальной этнографии, «всерьез доказывал, что музыка – это не что иное, как биологическая борьба за существование животных видов, причем иной раз доказывал это своими записями каких-то узбекских или таджикских народных песен. Какой-то студент или аспирант прочитал однажды доклад с вдохновенным требованием*

> *отменить существующую теорию музыки и заменить ее рефлексологией мозга. Кто-то, не помню, уверял в те времена в консерватории, что две темы сонатного аллегро есть изображение борьбы капиталистов и пролетариата. <…> Один известный в те времена теоретик музыки, Б. Л. Яворский, проповедовал теорию так называемого «ладового тяготения» в музыке, причем тут же исступленно доказывал, что это есть разновидность всемирного тяготения.*[40]

Вульгарный социологизм, поддерживаемый официальной политикой, уничтожал культуру:

> *В те пролеткультовские времена то и дело выступали теоретики музыки, требовавшие категорического запрета исполнять Чайковского, якобы из-за его мещанства и нытья, Римского-Корсакова – за его либеральное народничество, Мусоргского – за его старомосковское мракобесие, Танеева – за академизм, Глинку – за его романтизм и монархизм, Скрябина – за мистицизм, Листа – за пустую и дешевую виртуозность, Рахманинова и Глазунова – за эмигрантство, Вагнера – за фашизм, Шопена – за салонщину.*[41]

В языковедении вульгарно-социологический подход нашел выражение *в новом учении о языке* акад. Н. Я. Марра. В публикациях 20-х гг. он выступил против сравнительно-исторического языкознания и встал на марксистские позиции: доказывал единство происхождения всех языков из процессов производства, а их эволюцию ставил в зависимость от смены социально-экономических формаций.

На страницах журнала появляются статьи новой тематики: Митягин К. С. *Метод экономического материализма и его применение в истории литературы*[42]; Григорьев М. С. *Проблема формы художественного произведения в биологическом освещении*[43]; Сейдев А. *Личность художника в рефлексологическом освещении*[44]; Сердюченко Г. П. *Обучение грамоте на рефлексологической основе*[45]; Цейтлин А. *Время в романах Достоевского (к социологии композиционного приема)*[46]; Благой Д. *«Евгений Онегин» Пушкина (опыт социологического анализа)*[47]; Данилов Г. К. *Марксистский метод в лексикологии*[48]; Коган П. С. *О вечном и классовом в литературе*[49]; Лезин Б. *Схема марксистского метода изучения художественного творчества*[50]; Алешина Т. *«Свидание» Тургенева и «Егерь» Чехова (влияние классовых особенностей на разработку тождественного сюжета)*[51]; Прохоров Г. *Классовый признак при характеристике действующих в художественном произведении лиц*[52].

Переписывалась история русской литературы: книга *не претендует на исчерпывающую научную историю литературы, она является*

только пособием для изучения ***отражения в литературе классовой борьбы****, подготовительной ступенью для чтения самих литературных произведений*[53]. В связи с этим один автор предлагал *сравнить стили Есенина и Казина в связи с классовой принадлежностью авторов*[54], другой писал о Горьком, который *не был рабочим определенной фабрики или завода*, и потому ему *был понятнее не законченный рабочий-социалист, а тип промежуточный, не порвавший еще связи с деревней, «правдоискатель», выдвигающий сентиментальную идею всеобщего примирения*[55]. Третий одобрительно отзывался о выставке преподавательницы Г. Н. Борисоглебской: *Оригинально выбрана и проведена здесь проработка «Бедной Лизы» Карамзина, давшей большой материал прежде всего для* ***выяснения классовых соотношений****, а также для работы над стилем автора и над жизнью языка*[56]. Еще пример: *Главный недостаток книги – анализ языка и творчества детей идет почти* ***без всякой связи с анализом социальной среды****, в которой ребенок живет <...> В центре книги проф. Соловьева анализ творчества Гали Б-ц (в периоде 11 – 13 с половиной лет), а между тем мы ничего не знаем,* ***кто были ее родители****, чем они занимались, какого были материального достатка и т.д.*[57]

Методика преподавания литературы в школе обогащается не только за счет педагогики, но и за счет «жизни»: в школу в качестве методического приема приносятся методы социально-политической работы с населением. Так, в Ленинградском обществе изучения преподавания языка и словесности на заседании русской секции 15 декабря 1925 г. был прочитан доклад Краснова *Анкета при изучении литературы*. Автор, отмечая достоинства *анкетного* метода, привел в качестве иллюстрации анкету *на Раскольникова*:

> *1) Имя, отчество, фамилия, 2) возраст, 3) национальность, 4) сословное положение, 5) имущественное положение, 6) психическое и физическое состояние, 7) средства к жизни, 8) семейное положение, 9) занятие, 10) особые приметы, 11) образовательный ценз, 12) основные черты характера, 13) политическая окраска, 14) печатные труды, 15) общее мировоззрение, 16) религиозные убеждения, 17) самооценка, 18) отношение к родине, 19) отношение к другу, 20) отношение к Соне, 21) причины преступления, 22) причины, приведшие к признанию, 23) отношение к жизни и к смерти.*[58]

Причем главным в такой работе является не знание литературы, а умение составлять анкету. Так, один автор советует *не зубрить биографию Пушкина, а составить анкету о жизни Пушкина*. При этом

учащийся получает не чисто отвлеченное знание биографии, а навык, метод работы. Он может забыть даты, факты, он может забыть всю биографию – и пусть! Но останется привычка, прочный условный рефлекс[59].

На уроки литературы пришли *литературные суды* над персонажами, статью против этого приема журнал напечатал *в порядке обсуждения*[60].

Наиболее последовательным автором вульгарно-социологического направления в журнале был В. В. Данилов. Вот названия его статей: *Метод применения анкетного метода при чтении «Бежина луга» Тургенева*[61]; *«Недоросль» в свете классового самосознания дворянства второй половины 18 века*[62]; *«Записки охотника» Тургенева со стороны социально-экономического момента*[63]; *«Отцы и дети» Тургенева как социально-экономический момент*[64]; *«Анна Каренина» Л. Н. Толстого и кризис среднедворянского владения после 1861 года*[65]; *«Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова и социальная идеология автора*[66]; *Классовая обусловленность «Повестей Белкина» Пушкина*[67]; *«Рудин» Тургенева в свете социально-экономической современности*[68].

Марксист В. В. Данилов предъявлял обвинения Д. Н. Ушакову при обсуждении новой программы по русскому языку, сменившей в 1928 г. комплексные (Д. Н. Ушаков руководил работой над программой):

> *Тезисы Д. Н. Ушакова указывают на сдвиг программы в сторону практики – это прекрасно. Но в программе ничего не говорится о сущности языка. Составители прошли мимо марксистского анализа языка (программы отстали в этом смысле на целое столетие) и стоят на идеалистической позиции, глядя на языки как на организм саморазвивающийся. Ряд тем социальной лингвистики должен быть поставлен в школе. И словарь, и стиль, и семантика социально детерминированы. Опыт работы по языку в 5 классе показывает, что дети могут воспринять язык как систему условных рефлексов. Классовый характер языка должен быть усвоен учащимися.*[69]

Д. Н. Ушаков отвечал с присущим ему достоинством и остроумием:

> *Тов. Данилову я отвечу пожеланием, чтобы он и другие марксисты поскорее дали материал, из которого школа могла бы отобрать пригодное ей для марксистского анализа языка.*[70]

Идеологическое ищут в самом языке:

> *Если и в грамматике мы сумели показать отражение борьбы двух миров и эволюцию языка от служения барам к служению мас-*

сам, то и она станет такой же интересной, как все живое и необходимое массам, покоряемое ими. <...> Упрямое, гордое слово «пальто». Почему оно не склоняется? И почему народ заставляет его склоняться? Вот два творительных: ***гречневою кашей*** *и* ***гречневой кашей****. Одинакова ли судьба этих форм? Которая из них выживет и почему? <...> Вот формы:* ***лекторы*** *и* ***лектора****. Которая из них выживет? <...> Откуда наши отчества? Откуда наши фамилии? Имена? Почему один Петр стал Петькой, а другой Петром Семеновичем? <...>* ***Нет ли связей между правописанием, революцией и контрреволюцией? Какую роль играет старое правописание?***[71]

Политические ярлыки проникают даже в специальную терминологию: ***Лингвистические лишенцы*** *(К вопросу о междометии)* – так называлась статья[72].

Двадцатые годы – время формирования большевиками *нового человека*. Важнейшая задача этого процесса – **снятие личностного начала**. Человек – не особь, не индивидуальность, он представитель определенного класса, его место – в определенной графе классификации:

Сто двадцать семь ***био****-библиографических справок и характеристик современных русских писателей <...> Вместо того, чтобы дать четкие характеристики, вскрывающие* ***классовый характер тех или иных писателей****, их социальный генезис, автор книги приводит штампованные, бессодержательные, расплывчатые определения творчества писателей. <...>* ***Дифференциации крестьянских писателей для Тарсиса не существует****. Панферов, Демидов, Вольнов, Подъячев, Касаткин, Орешин, Есенин, Клюев, Клычков – все попадают за одни скобки. <...> В ряде характеристик мы не находим даже попытки* ***осветить классовую сущность того или иного писателя, вскрыть социальную значимость его произведений*** *(см., например, Шолохов, Олеша, Огнев и мн.др.). <...> Механическое распределение писателей по алфавиту,* ***вместо четкого расположения по классовым линиям, по литературным группировкам****, стушевывает социально-классовые противоречия современной литературы.*[73]

Обучение тоже связывается не с личностью, не с индивидуальностью, а с потоком, конвейером. *Единица – вздор, единица – ноль* (Маяковский), поэтому популярным становится слово *массы*: *широкие массы читателей*, *учительская масса* и т.п. *Наша задача – повышение общего среднего уровня, и* ***вся группа, класс в целом, важнее единицы*** *в таких частных случаях.*[74] Публикации 20-х гг. проповедуют **коллективизм**, в том числе своеобразно понимаемый:

> *Старая школа не признавала коллективных сочинений, как не признавала и вообще коллективной работы и – тем менее – коллективной ответственности учащихся. Каждый отвечал только за себя; одинаково преследовалось как товарищеское стремление оказать помощь (подсказывание, показ), так и желание эту помощь получить (спрашивание, заглядывание в тетрадь к товарищу и т.п.). Такой порядок вполне соответствовал целям и задачам прежней (да и современной) буржуазной школы.*[75]

Из образования изгоняется его человеческое, духовное содержание: обучаемый теперь *колесико и винтик одного единого социал-демократического механизма* (В. Ленин), орудие социально-политических преобразований – *гвозди бы делать из этих людей* (А. Безыменский). Соответственно говорят уже не о методике, а о *технологии* обучения и научных построений: Винокур Г. *Культура языка. Очерки лингвистической* ***технологии***. Москва: Работник просвещения, 1925.

В 1924 г. школа была объявлена *единой трудовой*, поэтому в употребление входит производственная терминология. Сборники упражнений называются теперь *рабочими книгами*. Задания (упражнения) в учебнике А. М. Пешковского именуются *Работой*. В методику вводятся новые понятия:

> *Новые* ***формы учета*** *<...> необходимо искать в самой* ***работе****, в самом* ***производстве****. <...> Мы найдем такие формы в установлении соотношений между* ***коллективной выработкой*** *и* ***выработкой индивидуальной****. Необходим тут именно известный* ***стандарт****, известный наглядный выразитель соотношений между* ***затратой силы*** *и результатом.*[76]

Ср. также: ***формовка*** *навыков учащихся*[77]. Сами успехи в сочинении отмечаются автором при помощи *кривых*, *диаграмм* и т.д. Перед традиционными формами работы на уроке ставятся новые задачи: *Коллективное сочинение как форма* ***учета***[78]; *Драматизация как форма* ***учета***[79]; вводятся технические приемы: ***Схемы*** *и* ***графики*** *в преподавании литературы*[80]; *К вопросу о* ***графиках*** *при изучении художественных произведений (социологическая схема содержания «Мужики» Чехова)*[81] – названия статей журнала.

Объектом «формовки» являются не только навыки, но и само сознание учащихся, и в ряде работ появляется страшноватенький термин *психотехника*.

> *Необходимо признать, что применение его* [дальтонского лабораторного плана. – Л. П.] *у нас в СССР особенно желательно,*

*потому что никому так не нужна быстрота обучения и систематизация (**психотехника**) усилий (образовательных), как нашей молодежи, учащимся наших школ.*[82]

*Направлять при работе над орфографией внимание учащихся не только на воспринимающие элементы, но и на элементы отвлекающие. Одним словом, сделать «орфографию» ритмичной, воспользоваться указаниями Жана Далькроза и **психотехники**.*[83]

И вместе с тем хочется сказать, что положение дел в школьном образовании в 20-е гг. не было таким уж мрачным. Во-первых, пока еще раздавались трезвые голоса, оценивавшие ситуацию по ее существу, со строго научных позиций. Так, Е. Д. Поливанов писал о *новом учении* Н. Я. Марра:

Далеко не всякая теория, именующая себя социологической, может представить интерес для марксистской разработки языкознания. Совершенно недостаточно для этого антагонизма с работой предшествующих поколений. Работа над созданием марксистского языкознания должна выражаться не в виде похоронного шествия над гробом естественно-исторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на том фундаменте бесспорных фактов и положений, которые даны лингвистикой, как естественно-исторической дисциплиной. Бессмысленно, например, отрицать конкретную картину звуковой и всякой другой эволюции, добытую компаративным языкознанием, ибо она, как и сам компаративный метод, достаточно уже проверена эмпирически; нужно не браковать, а пополнять те стороны картины, где остался пробел, – именно дать этим фактам социологическое обоснование.[84]

С таким же профессиональным достоинством высказался о книге проф. Скафтымова *Поэтика и генезис былин. Очерки* С. И. Дмитриев:

Как и всякое генетическое рассмотрение поэтических явлений, изучение былин с точки зрения их внепоэтического фактора бесцельно. Конечно, для того, чтобы создались былины, нужно было, чтобы крестьяне пахали и сеяли, а купцы торговали, а дружина воевала – но все это общие условия, безусловные, но мало говорящие о содержании былины. Поэтому, сколько бы логических тонкостей ни прилагалось к расшифровке былин, нельзя пойти дальше того, что былинный Владимир есть исторический Владимир, но, может быть, и не он, а былинный Муром есть географический Муром, но, может быть, совсем и не он. Кажется, сейчас приходит время, когда генетическая точка зрения на былины отмирает и становится нужным изучать былину как

поэтическое произведение. Мысль о невозможности усмотреть историческую действительность сквозь былину лежит в основе книги Скафтымова.[85]

О самодовлеющем характере литературы высказался и Северо-Кавказский съезд словесников 1927 года (в работе съезда участвовали Д. Н. Ушаков, С. И. Абакумов, Л. А. Булаховский, А. В. Миртов и др.): *Следует отказаться от взгляда на литературу как на иллюстративный материал для пояснения общественных вопросов*. И: *В работе по литературе нужно исходить из самого произведения, причем теперь же следует повести борьбу с отрывочным хрестоматийным уродованием произведений*[86]. С позиций здравого смысла выступали и другие ученые.

Во-вторых, и это, может быть, самое поучительное, – ряд авторов сумели наполнить идеологические формулы советской демагогии реальным, нужным для школы содержанием. Так, А. М. Пешковский на призыв разработать формы учета в *школьном производстве* отозвался замечательной статьей *Зачем нужен учет орфографических ошибок*, где дал строго научный анализ ненормативного письма, не потерявший своего значения до наших дней[87]; А. В. Миртов написал вдохновенную книгу *Сочинение в школе. Уроки коллективного творчества*[88], пособие *Уменье говорить публично. Теория, задачи, упражнения*, выдержавшее к 1927 г. 5 изданий[89], – обе книги актуальны и сегодня. Многому можно научиться у методистов П. О. Афанасьева, Н. С. Рождественского, В. В. Голубкова, Н. М. Соколова и др., а многочисленные учебники 20-х гг. выходили хоть и с вынужденно идеологизированным языковым материалом, но с безупречной грамматической частью и составляют сегодня часть истории отечественной лингвистики.

Научно ценного, созидательного, творческого, того, что можно назвать положительным, светлым началом, в журнале 20-х гг. было неизмеримо больше, чем отрицательного, идеологически-фальшивого и методологически порочного. Это отличает пореволюционную ситуацию 20-х гг. от современной пореволюционной ситуации.

---

[1] См. об этом Панов М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество. *Русский язык*. Москва, 1995, с. 36–39.

[2] Аванесов Р. и Сидоров В. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. *Русский язык в советской школе* № 4, 1930, с. 110–118.

[3] Цит. по: *Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения*. Гиз, 1924, с. 10. Разрядка моя – Л. П.

[4] Цит. по: *Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения*. Гиз, 1924, с. 15. Разрядка моя – Л. П.

[5] Крупская Н. К вопросу о программах. *На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Гос. Ученого совета* № 2. Москва, 1922, с. 5.

[6] Там же, с. 3.

[7] *Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения*. Гиз, 1924, с. 15–16. Разрядка источника.

[8] Крупская Н. К вопросу о программах. *На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Гос. Ученого совета* № 2. Москва, 1922, с. 4.

[9] *Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения*. Гиз, 1924, с. 30.

[10] Там же, с. 14.

[11] Крупская Н. К вопросу о программах. *На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Гос. Ученого совета* № 2. Москва, 1922, с. 6.

[12] *Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения*. Гиз, 1924, с. 17.

[13] Там же, с. 19.

[14] Крылов Н. – Реферат статьи из Методического сборника Тверского ГУБОНО. 1924. № 7. – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 179.

[15] Литературная хроника. *Родной язык в школе* № 11–12, 1923, с. 93–94. Жирный курсив мой – Л. П.

[16] Литературная хроника. *Родной язык в школе* № 11–12, 1926, с. 92. Жирный курсив мой – Л. П.

[17] *Родной язык в школе* № 1, 1927, с. 367.

[18] Там же.

[19] *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 204.

[20] *Родной язык в школе* № 1, 1927, с. 367.

[21] *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 204.

[22] *Родной язык в школе* № 11–12, 1926, с. 298.

[23] Там же, с. 297.

[24] *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 204.

[25] *Родной язык в школе* № 5, 1929.

[26] Программа Наркомпроса и отдела Наробраза М.С.Р.Д. 1918. Родной язык в трудовой школе. Примерный план занятий по трудам Народн. Комис. по Просвещению и Отдела Нар. Образ. Московского С.Р. и К.Д. *Родной язык в школе* № 1, 1919, с. 51–78.

[27] См.: Куляпин А. И. Красная математика. *Новый мир* № 11, 2011.

[28] Поздняков Н. Новые книги по изучению языка и орфографии. *Родной язык в школе*. Кн. 1-я. 1927, с. 359. О книге: Земский А. М., Крючков С. Е. *Русский язык*. Пособие для взрослых по грамматике и правописанию / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Москва: Военный вестник, 1926.

[29] Чистяков В. О коллективных сочинениях в школе. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 193–194; Миртов А. В. *Исправление речи учащихся*. Москва, 1929, с. 22–24, 77–79.

[30] Миртов А. В. *Уменье говорить публично. Теория, задачи, упражнения*. Изд. 5. Москва, 1927, с. 52–62.

[31] Павлович Андрей. Конспектирование прочитанного (примерный план урока). *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 217–222.

[32] *Родной язык в школе* № 1(2), 1919 – 1922. Москва, 1923, с. 172.

[33] *Родной язык в школе* № 11–12, 1926, с. 297.

[34] Там же, с. 91.

[35] Данилов Владимир – Рецензия на книгу: Яковлев М. А. Лермонтов как драматург. Изд. т-ва Книга. (б/м). *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 197.

[36] *Малая советская энциклопедия*. Т. 6. Москва, 1930, с. 186–187.

[37] *Малая советская энциклопедия*. Т. 8. Москва, 1930, с. 63.

[38] *Малая советская энциклопедия*. Т. 5. Москва, 1930, с. 229.

[39] *Малая советская энциклопедия*. Т. 6. Москва, 1930, с. 651–652. Жирный курсив в цитатах мой – Л. П.

[40] Лосев А. Памяти одного светлого скептика. *Что с нами происходит? Записки современников*. Выпуск I. Москва, 1989, с. 183.

[41] Там же, с. 186.

[42] *Родной язык в школе* № 3, 1923.

[43] *Родной язык в школе* № 7, 1925.

[44] *Родной язык в школе* № 8, 1925.

[45] *Родной язык в школе* № 4, 1927.

[46] *Родной язык в школе* № 5, 1927.

[47] *Родной язык в школе* № 5, 6, 1927.

[48] *Родной язык в школе* № 6, 1929.

[49] *Родной язык в школе* № 1, 1930.

[50] *Родной язык в школе* № 1, 1927.

[51] Там же.

[52] *Родной язык в школе* № 2, 1927.

[53] М. Я. – Рецензия на книгу: Назаренко Я. А. История русской литературы XIX века. Ленгиз, 1925. *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 197. Жирный курсив мой – Л. П.

[54] Плотников И. П. Реферат статьи «Опыт применения Далтон-плана к изучению современной литературы». – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 187.

[55] Рукавишников В. Марксистское истолкование литературных произведений // Школа и жизнь. Н. Новгород, 1924. № 11. «Из педагогической печати». *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 174.

[56] Кибардин Н. Об экспонатах старших групп по родному языку на отчетной выставке Московской школы. – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 175.

[57] Бархин К. Рецензия на книгу: Соловьев И. М. Литературное творчество и язык детей школьного возраста. М.–Л., 1927. *Родной язык в школе* № 6, 1927, с. 342. Жирный курсив мой – Л. П.

[58] Роде Н. Ленинградское общество изучения преподавания языка и словесности. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 251.

[59] *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 177.

[60] Каноныкин Н. Суд над судом (к вопросу о литературных судах). *Родной язык в школе* № 11–12, 1926, с. 120–124.

[61] *Родной язык в школе* № 3, 1923.

[62] *Родной язык в школе* № 6, 1924.

[63] *Родной язык в школе* № 7, 1925.

[64] *Родной язык в школе* № 8, 1925.

[65] *Родной язык в школе* № 9, 1926.

[66] *Родной язык в школе* № 1, 1927.

[67] *Родной язык в школе* № 3, 1927.

[68] *Родной язык в школе* № 4, 1927.

[69] Конференция преподавателей русского языка и литературы (23 – 28 января 1928 г.). Прения по докладам Д. Н. Ушакова и В. И. Сахарова. *Родной язык и литература в трудовой школе* № 2, 1928, с. 138.

[70] Там же, с. 147. Разрядка моя – Л. П.

[71] Федоров И. П. О постановке преподавания родного языка и литературы в московских школах ФЗУ, работающих по индивидуально-лабораторному методу. – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 11–12, 1926, с. 284–286.

[72] Романов А. П. «Лингвистические лишенцы (к вопросу о междометии)». *Русский язык в советской школе* № 2–3, 1931, с. 52.

[73] Поляк Лидия – Рецензия на книгу: Тарсис В. Современные русские писатели. *Русский язык в советской школе* № 1, 1930, с. 186–187. Жирный курсив мой – Л. П.

[74] Габо В. Практика исправления учащимися собственных работ (Из коллективного опыта). *Русский язык в советской школе* № 1, 1931, с. 151.

[75] Чистяков В. О коллективных сочинениях в школе. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 193–194.

[76] Богоявленский В. Коллективное сочинение как форма учета. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 203.

[77] Там же, с. 201.

[78] *Родной язык в школе* № 4, 1927.

[79] *Родной язык в школе* № 5, 1927.

[80] *Родной язык в школе* № 2, 1927.

[81] *Родной язык в школе* № 7, 1925.

[82] Богоявленский Л. Интересные методические моменты в книге Эв. Дьюи «Дальтонский лабораторный план». *Родной язык в школе* № 5, 1924, с. 70–71.

[83] Богоявленский Л. Преподавание родного языка на специальных уроках. *Родной язык в школе* № 5, 1924, с. 54–55. Жирный курсив мой – Л. П.

[84] Поливанов Е. Круг современных проблем современной лингвистики. *Русский язык в советской школе* № 1, 1929, с. 62.

[85] Дмитриев С. Рецензия на книгу: Скафтымов, проф. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.-Саратов, 1924. *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 199. Разрядка моя – Л. П.

[86] Текучев А. Из отчета о работах Северо-Кавказского съезда словесников. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 236.

[87] Пешковский А. М. Зачем нужен учет орфографических ошибок. *Родной язык в школе* № 4, 1929, с. 78–95.

[88] Миртов А. В. *Сочинение в школе*. Вып. первый. *Уроки коллективного творчества*. Харьков, 1923.

[89] Миртов А. В. *Уменье говорить публично. Теория, задачи, упражнения*. Изд. 5. Москва, 1927.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. и Сидоров В. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка. *Русский язык в советской школе* № 4, 1930, с. 110–118.

Бархин К. Рецензия на книгу: Соловьев И. М. Литературное творчество и язык детей школьного возраста. М.–Л., 1927. *Родной язык в школе* № 6, 1927, с. 341–343.

Богоявленский Л. Интересные методические моменты в книге Эв. Дьюи «Дальтонский лабораторный план». *Родной язык в школе* № 5, 1924, с. 69–71.

Богоявленский В. Коллективное сочинение как форма учета. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 201–213.

Богоявленский Л. Преподавание родного языка на специальных уроках. *Родной язык в школе* № 5, 1924, с. 52–62.

Габо В. Практика исправления учащимися собственных работ (Из коллективного опыта). *Русский язык в советской школе* № 1, 1931, с. 145–154.

Данилов Владимир – Рецензия на книгу: Яковлев М. А. Лермонтов как драматург. Изд. т-ва Книга. (б/м). *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 196–197.

Дмитриев С. Рецензия на книгу: Скафтымов, проф. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.-Саратов, 1924. *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 199.

Каноныкин Н. Суд над судом (к вопросу о литературных судах). *Родной язык в школе* № 11–12, 1926, с. 120–124.

Кибардин Н. Об экспонатах старших групп по родному языку на отчетной выставке Московской школы. – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 173–175.

Конференция преподавателей русского языка и литературы (23 – 28 января 1928 г.). Прения по докладам Д. Н. Ушакова и В. И. Сахарова. *Родной язык и литература в трудовой школе* № 2, 1928, с. 137–147.

Крупская Н. К вопросу о программах. *На путях к новой школе. Орган научно-педагогической секции Гос. Ученого совета* № 2. Москва, 1922, с. 3–10.

Крылов Н. – Реферат статьи из Методического сборника Тверского ГУБОНО. 1924. № 7. – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 178–179.

Куляпин А. И. Красная математика. *Новый мир* № 11, 2011.

Лидия Поляк – Рецензия на книгу: Тарсис В. Современные русские писатели. Л., 1930. *Русский язык в советской школе* № 1, 1931, с. 185–187.

Лосев А. Памяти одного светлого скептика. *Что с нами происходит? Записки современников*. Выпуск I. Москва, 1989, с. 182–192.

Малая советская энциклопедия. Т. 5, 6, 8. Москва, 1930.

Миртов А. В. *Исправление речи учащихся*. Москва, 1929.

Миртов А. В. *Сочинение в школе*. Вып. первый. *Уроки коллективного творчества*. Харьков, 1923. Републикация Л. Б. Парубченко: *Литература в школе* № 6, 1996, с. 84–95; № 4, 1997, с. 92–98.

Миртов А. В. *Уменье говорить публично. Теория, задачи, упражнения*. Изд. 5. Москва, 1927.

М. Я. – Рецензия на книгу: Назаренко Я. А. История русской литературы XIX века. Ленгиз, 1925. *Родной язык в школе* № 9, 1926, с. 197–198.

Новые программы единой трудовой школы первой ступени. I, II, III и IV годы обучения. Гиз, 1924.

Павлович Андрей. Конспектирование прочитанного (примерный план урока). *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 217–222.

Панов М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество. *Русский язык*. Москва, 1995, с. 8–40.

Пешковский А. М. Зачем нужен учет орфографических ошибок. *Родной язык в школе* № 4, 1929, с. 78–95.

Плотников И. П. Реферат статьи «Опыт применения Далтон-плана к изучению современной литературы». – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 186–187.

Поздняков Н. Новые книги по изучению языка и орфографии. *Родной язык в школе*. Кн. 1-я. 1927, с. 351–365.

Поливанов Е. Круг современных проблем современной лингвистики. *Русский язык в советской школе* № 1, 1929, с. 57–62.

Программа Наркомпроса и отдела Наробраза М.С.Р.Д. 1918. Родной язык в трудовой школе. Примерный план занятий по трудам Народн. Комис. по

Просвещению и Отдела Нар. Образ. Московского С.Р. и К.Д. *Родной язык в школе* № 1, 1919, с. 51–78.

Роде Н. Ленинградское общество изучения преподавания языка и словесности. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 240–254.

Романов А. П. «Лингвистические лишенцы (к вопросу о междометии)». *Русский язык в советской школе* № 2–3, 1931, с. 52–56.

Рукавишников В. Марксистское истолкование литературных произведений // Школа и жизнь. Н. Новгород, 1924. № 11. «Из педагогической печати». *Родной язык в школе* № 4, 1926, с. 173–175.

Текучев А. Из отчета о работах Северо-Кавказского съезда словесников. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 236.

Федоров И. П. О постановке преподавания родного языка и литературы в московских школах ФЗУ, работающих по индивидуально-лабораторному методу. – Из педагогической печати. *Родной язык в школе* № 11–12, 1926, с. 284–286.

Чистяков В. О коллективных сочинениях в школе. *Родной язык в школе* № 4, 1927, с. 193–194.

Svetlana Polkovņikova

VALODNIECĪBAS RAKSTU NOSAUKUMI: FUNKCIONĀLAIS UN SASTATĀMAIS ASPEKTS

Summary

Titles of Articles in Linguistics: the Functional and Contrastive Aspects

In recent years several studies have been published in Latvia with the focus on the linguistic analysis of research articles. This may be accounted for by several essential reasons; first, by a rapid growth of research articles (both in printed and electronic format), second, by insufficient investigation of the research discourse, third, by the mediocrity of research works, etc. A researcher usually acquires skills of academic writing by self-learning or as a result of experience updating.

The analysis of theoretical sources leads to a conclusion that one of the debatable issues of investigating a research article is related to the awareness of its structure. Though the structure of research articles is interpreted differently, it is significant to note that, as concerns determining the status of the title of a publication, one may agree with those linguists who consider a title as a matter-of-course structural element of a research article.

Functionality is one of the major characteristics of the structural elements of scientific text, and the task of a title is not only identifying the text, formulating its basic topic in a concentrated and general way, but also creating a certain pragmatic effect – motivating the addressee for intellectual activity and providing an adequate perception of a text. Hence, a question arises how to make an appropriate title (so that the content of the publication would reach the target audience), if there are no objective requirements and criteria for the formulation of a title.

The empirical material of the present study entails more than 300 titles of linguistic articles in Latvian and Russian. The analysis shows that, on the whole, excerpts from articles in Latvian and Russian are produced in a similar way and they may be considered from two standpoints – the formal and the semantic one.

Key-words: scientific style, text, pragmatics, title, linguistic article

*

Pēdējos gados Latvijā publicēti vairāki pētījumi, kuros pastiprināta uzmanība tiek pievērsta zinātnisko rakstu lingvistiskajai analīzei. Tas skaidrojams ar vairākiem būtiskiem iemesliem, pirmkārt, ar zinātnisko rakstu skaita strauju pieaugumu (gan drukātā, gan elektroniskā formātā), otrkārt, ar nepietiekamu zinātnes diskursa izpēti, treškārt, ar zinātnisko darbu viduvējo kvalitāti. Parasti akadēmiskās rakstīšanas prasmes pētnieks apgūst pašmācības ceļā vai pieredzes bagātināšanās rezultātā. Zinātniece B. Petre, atsaucoties uz redaktores I. Rozenvaldes teikto, raksta: *[..] zinātniekiem būtu nepieciešami kursi un semināri, kuros viņi varētu mācīties akadēmiskās rakstīšanas noteikumus, principus un citas gudrības [..] bet, kamēr šādu kursu un semināru nav, atliek vienīgi pašiem rakstītājiem būt prasīgākiem pret sevi un savu valodu*[1]. Savukārt D. Laiveniece norāda, ka *paradoksāla šķiet situācija, ka Latvijā joprojām ir visai neliels oriģinālpētījumu skaits par zinātnes valodu, konkrētāk, par zinātnisko rakstu kā centrālo pētījuma objektu*[2].

Lingvistiskajā literatūrā zinātniskie raksti ir aplūkoti no dažādiem viedokļiem, un, apkopojot Latvijas pētnieku teorētiskās atziņas, vispirms te jāmin valodnieces D. Laivenieces darbi (sk., piemēram, *Zinātniskā raksta struktūra: mūsdienu humanitāro zinātņu teksti* (2012); *Intertekstualitāte sociālo zinātņu tekstos* (2012); *Zinātniskā stila pazīmes: tekstveides aspekts* (2012); *Zinātniskā raksta mērķa formulējuma varianti sociālajās un humanitārajās zinātnēs: lingvistiskais aspekts* (2011); *Subjektīvā un objektīvā izteiksmes veidi zinātnes valodā* (2010) u. c.). Teorētiskās literatūras analīze ļauj secināt, ka viens no zinātniskā raksta izpētes diskutablajiem jautājumiem ir saistīts ar tā struktūras izpratni. Lai gan zinātnisko rakstu struktūra tiek interpretēta atšķirīgi, tomēr valodnieki pamatā ir vienisprātis, ka publikācijas uzbūvē var izcelt pamatstruktūru jeb pamatdaļas (to veido ievads, materiāli un metodes, diskusija, rezultāti) un citas atvasinātas jeb neobligātas sastāvdaļas (piemēram, virsraksts, ziņas par autoriem, kopsavilkums, atslēgvārdi, anotācija, izmantotās literatūras saraksts u. c.). Katrai no šīm daļām, kā atzīst valodnieks M. Baltiņš, ir savas funkcijas, kuru apzināšana ir viens no būtiskākajiem sekmīgas raksta tapšanas priekšnosacījumiem.[3]

Zinātniskā raksta dalījumam pamatdaļās un perifēriskajās (jeb neobligātajās) sastāvdaļās nav vērtējošas konotācijas. Viss ir atkarīgs no informācijas izklāsta veida, proti, vai tas ir eksplicīts vai implicīts. Publikācijas pamatdaļas, realizējot savu intelektuāli komunikatīvo funkciju, informāciju atklāj to attīstības dinamikā maksimāli pilnīgi un adekvāti, savukārt perifēriskās sastāvdaļas to atklāj vispārināti, statiski un segmen-

tēti (piemēram, bibliogrāfijas, saīsinājumu u. c. rubrikācijas).[4] Tādējādi zinātniskā raksta strukturēšanas pamatā ir funkcionalitātes kritērijs. *Jautājums par zinātniskā raksta struktūru nav aplūkojams atrauti no zinātniskās rakstīšanas principiem, jo struktūra pati par sevi nav vērtējama kā vajadzīga vai nevajadzīga; tās galvenais mērķis ir publikācijas satura organizācija. Labas rakstīšanas principi ir (1) vienkāršība, (2) uztveramība, (3) skaidrība un (4) veselums jeb viengabalainība*[5], atzīst D. Laiveniece. Pētāmā temata sakarā būtiski piebilst, ka virsraksta statusa noteikšanā var pilnībā piekrist to valodnieku viedoklim, kuri nosaukumu uzskata par pašsaprotamu zinātniskā raksta struktūrelementu.[6]

Iepriekš tika minēts, ka funkcionalitāte ir viens no svarīgākajiem zinātniskā teksta struktūrelementu raksturojumiem. Virsraksta uzdevums ir ne tikai identificēt tekstu, koncentrētā veidā formulējot tā pamattematu, bet arī radīt noteiktu pragmatisku efektu – rosināt adresātu intelektuālai darbībai un nodrošināt adekvātu teksta uztveri. Valodnieces M. Kotjurova un J. Baženova uzsver, ka zinātniskā teksta autora pragmatiskais uzdevums ir panākt optimālu līdzsvaru starp teksta saturīgumu un teksta komunikatīvo pieejamību.[7] Tāpēc aktualizējas jautājums par to, kā autoram izveidot atbilstīgu virsrakstu (tādu, lai publikācijas saturs nonāktu līdz mērķauditorijai), ja faktiski nav objektīvu prasību un kritēriju virsraksta formulēšanai.

Šī pētījuma empīrisko materiālu veido vairāk nekā 300 valodniecības rakstu nosaukumu latviešu un krievu valodā, kas publicēti Latvijas periodiskajos izdevumos (2006. – 2012. gads). Analīzes rezultāti rāda, ka kopumā latviešu un krievu valodas ekscerpti veidoti līdzīgi un tos var aplūkot no diviem skatupunktiem – formālā un semantiskā. Tā kā valodniecības rakstu nosaukumi latviešu valodā no kvantitatīvā viedokļa jau bija aprakstīti[8], šeit pārskata veidā tiek izklāstītas tikai vispārīgas iezīmes, kas konstatētas sastatāmo valodu materiālā.

No kvantitātes viedokļa vismazāk ir virsrakstu, kurus veido divi (jāpiebilst, ka šādi piemēri parādās tikai sporādiski) vai trīs pilnnozīmes vārdi, piemēram, *Adverbu gradācija*; *Lingvistika un izglītība*; *Prievārdu semantika*; *Problēmjautājumi pareizrunā*; *Могущество слова*; *Этимологические версии*; *Jaunvārds procesu dinamikā*; *Kalku vieta leksikā*; *Latviešu valodas rokasgrāmatas*; *Priedēkļverbu konjugācijas maiņa*; *Sintaktiskā obligātuma jēdziens*; *Sventājas izloksnes adverbi*; *Rucavas izloksnes salikteņi*; *Индивидуальные спортивные прозвища*; *Словообразовательный потенциал антропонимов*; *Ассиметрия поэтического слова*; *Топоформанты Даугавпилсского района*; *Антропонимы и лингвистическая коннотация*; *Языковая ситуация в Латвии*. Kā zināms, jebkurš

virsraksts reducētā veidā reprezentē zinātniskā raksta saturu, taču dažos iepriekš minētajos piemēros informācijas kompresija šķiet pārspīlēta. Bez šaubām, virsrakstā nevar būt minētas visas teksta satura izpratnei nepieciešamās nianses, tomēr reducēti virsraksti sava abstraktuma dēļ var apgrūtināt teksta turpmāko uztveri, radīt neizpratni vai pat izraisīt negatīvu efektu. Arī lingvistiskajā literatūrā informācijas saspiešanas jeb kompresijas stilistiskais izmantojums ir vērtēts visai kritiski, sal.: *Kompresija ir iespējama tikai tādā gadījumā, ja adresātam jau ir nepieciešamās fona zināšanas, kas ļauj saprast kodēto informāciju*[9]. Ja zinātnisko tekstu vispirms izprot kā komunikāciju starp autoru un mērķauditoriju, tad publikācijas autoram būtu rūpīgi jāizvērtē virsraksta interpretācijas iespējas un adekvātums, kā arī jārūpējas par to, lai adresātam par teksta saturu veidotos korekts priekšstats.

No teksta satura eksplikācijas viedokļa veiksmīgāki šķiet plaši virsraksti, kurus veido, piemēram, vairāk nekā desmit pilnnozīmes vārdu. Salīdzinot ar reducētiem virsrakstiem, skaitliski šādu ekscerptu arī ir vairāk, piemēram, *Tekstu tematiskais spektrs Miķela Alkšņa un Otomāra Vilāna mācību grāmatā "Latviešu valodas gramatika. Vidusskolas kurss (1945., 1948.)"*; *Uzvārdi Ērģemes un Opekalna draudzēs: 1826. gada dvēseļu revīzijas materiāli (Floras, faunas un frazeoloģiskās semantikas uzvārdi)*; *Fonētikas mācību satura izmaiņas latviešu valodas mācību grāmatās pamatskolai 20. gadsimta 40. gados*; *Augu un dzīvnieku apzīmējumi vācu un latviešu valodā G. Manceļa un G. F. Stendera vārdnīcās un to salīdzinošā analīze*; *О влиянии советских и российских фильмов на состав прецедентных высказываний в газетных текстах (на примере эстонского еженедельника «День за днем» за 2008 год)*; *Языковые и культурные контакты белорусско-балтийского пограничья: латгальские, латышские и литовские названия на географической карте Витебщины*; *Лексика как орудие коммунистической политики и пропаганды (на основе польской прессы, издававшейся в Советской Беларуси в междувоенном периоде)*; *Человек живой, жизненной, жиристой, жительской (семантика прилагательных с исходным значением "vita" в архангельских говорах)*. Kā akcentēts teorētiskajā literatūrā, viena no zinātniskā stila pamatpazīmēm ir precizitāte, kas tiek īstenota ar dažādu līdzekļu palīdzību, tostarp arī ar informācijas pārmērīgumu. Deskriptīvajos virsrakstos lingvistiskā pētījuma priekšmetu sīkāk raksturo dažādi paskaidrojoši elementi vai atkārtojumi, kuru mērķis ir palīdzēt adresātam uztvert informāciju un izprast teksta jēdzieniskās dominantes. Taču, kā raksta I. Lokmane (tiesa, attiecinot to uz plašsaziņas līdzekļu valodu), šāds paņēmiens, kad autors vienā teikumā cenšas ietilpināt pārāk daudz

informācijas, liekot būtiskas teikuma daļas iekavās, vienlaikus arī papildus apgrūtina lasītāju, jo iespraudums vēl vairāk sarežģī teikuma daļu sintaktiskās un jēdzieniskās attieksmes.[10]

Tomēr dažkārt vairākas teksta satura nianses deskriptīvajos virsrakstos varētu formāli arī neaktualizēt, jo šo informāciju var viegli secināt no konteksta. Turklāt uz semantiski detalizētu un sintaktiski smagnēju konstrukciju grūti ilgstoši koncentrēt uzmanību un paturēt to atmiņā. Lai arī eksplicīti virsraksti ir skaidrāki un nepārprotamāki, jo sašaurina to interpretācijas iespējas, sarežģīta izteiksme sāk līdzināties zinātniskā raksta satura izklāstam, nevis nosaukumam.[11]

Valodniecības rakstu nosaukumu kvantitatīvā analīze ļauj secināt, ka no formālā viedokļa galvenokārt virsrakstus latviešu valodā veido 5 – 6 pilnnozīmes vārdi, bet virsrakstus krievu valodā – 6 vai 7 pilnnozīmes vārdi, sal.: *Personas paradigmas struktūra latviešu valodā*; *Valodas variācijas intonācijas stilu izpausmē*; *Emociju verbi latviešu un krievu valodā*; *Interjekcijas mutvārdu runā: leksiski semantiskais aspekts*; *Sieviešu dzimtes radniecības nosaukumu lietojums publicistikā*; *Senākie mājvārdi Sāvienas muižā (17. gadsimts)*; *Промежуточные категории в лексике современного русского языка*; *Семантическая структура слова с точки зрения номинации*; *Правило употребления деепричастия и семантика глагольного предиката*; *Лексические свидетельства взаимодействия культур (на материале говоров Причудья)*; *Неофициальные варианты личных имен на социальном портале DRAUGIEM.LV*. Kā redzams, arī šajos virsrakstos paustā informācija ir detalizēta, taču kopumā tie nerada informācijas pārblīvētības iespaidu un nešķiet grūti uztverami. Salīdzinājumā ar reducētiem virsrakstiem iepriekš minētie nosaukumi nav pārāk vispārināti, bet salīdzinājumā ar deskriptīviem virsrakstiem – pārlieku detalizēti. D. Nītiņa pauž viedokli:

> *Emocionāli neitrālā teikumā rakstu valodā vārdus vajadzētu virknēt tā, lai vārdu kārta iespējami labāk iezīmētu teikumā paustās domas virzību. Ja šī norma bez redzama stilistiska nolūka nav ievērota, jēga var palikt neatklāta vai var būt atklāta grūti uztverami vai pārprotami. Īpaši svarīgi to ievērot zinātniskos un populārzinātniskos tekstos ar sarežģītu sintaksi.*[12]

Saprotams, ka virsrakstā no satura eksplikācijas viedokļa visas zinātniskā teksta dominantes nevar būt formāli realizētas, tāpēc valodas līdzekļu lietojumam jābūt īpaši semantiski un funkcionāli motivētam.

Raksta ierobežota apjoma dēļ sīkāk ir iztirzāta tikai viena no valodniecības rakstu nosaukumu formulēšanas īpatnībām. Apkopotais empīris-

kais materiāls liecina, ka valodniecības rakstu veidošanā latviešu un krievu valodā konstatētas kopīgas tendences, kas ir saistītas ar noteiktas semantikas vārdu aktivizēšanos. Analīze ļauj secināt (vairāk nekā puse latviešu un krievu ekscerptu apliecina šo virsraksta uzbūves īpatnību), ka abu sastatāmo valodu virsrakstos vērojams noteiktu leksēmu, kuras norāda pētījuma metodoloģisko aspektu, pastāvīgs izmantojums. Šie vārdi salīdzinājumā ar citiem leksiskajiem līdzekļiem ne tikai virsraksta struktūrā, bet zinātniskajā diskursā kopumā iegūst īpašu stilistisku uzsvaru; nozīmes un pragmatiskās slodzes dēļ šos līdzekļus var saukt arī par zinātnisko tekstu virsrakstu stiprajiem vārdiem.

No formālā viedokļa vispārstāvētākā ekscerptu grupa ir valodniecības rakstu nosaukumi, kuru struktūrā ir leksēma *aspekts/аспект*, sal.: *Atgriezeniskie darbības vārdi gramatizācijas un leksikalizācijas* ***aspektā***; *Salikteņi un tiem atbilstošie vārdu savienojumi leksikogrāfiskā* ***aspektā***; *Daļēji lokāmais divdabis latviešu valodā: semantiski funkcionālais* ***aspekts***; *Darbības vārdu gramatizēšanās sastatāmā* ***aspektā***; *Польские заимствования в латышском языке (тематический и геолингвистический* ***аспект)***; *Юмористические высказывания в радиорекламе: стилистический* ***аспект***; *Лингвокультурологический* ***аспект*** *разговорной речи русской диаспоры*; *Русское не надо: прагматический* ***аспект*** u. c. Piemēram, latviešu valodas virsraksti aktualizē vairāk nekā 30 aspektu: *analīzes aspekti*; *derivatīvi semantiskais aspekts*; *dzimtes aspekts*; *feministiskais aspekts*; *gramatiskie aspekti*; *gramatizācijas aspekts*; *gramatizācijas un leksikalizācijas aspekts*; *kontrastīvais aspekts*; *kultūras aspekts*; *laika un telpas aspekts*; *leksiski semantiskais aspekts*; *leksikogrāfiskais aspekts*; *lietojuma aspekts*; *lingvopoētiskās stilistikas aspekts*; *morfosintaktiskie aspekti*; *pedagogu aspekts*; *politiskais un etnopsiholoģiskais aspekts*; *pragmatiskais aspekts*; *prosodiskās sistēmas aspekti*; *psiholoģiskie aspekti*; *raksturošanas aspekti*; *sastatāmais aspekts*; *semantiskais aspekts*; *semantiski funkcionālais aspekts*; *sinonīmu pievienošanas aspekti*; *skolēnu aspekts*; *sociolingvistiskais aspekts*; *terminoloģijas aspekti*; *tekstveidnes aspekts*; *valodas tēlainības aspekti*; *veidošanas aspekti* u. c. Pārfrāzējot I. Lokmanes domu *[..] tādā vai citādā* ***kontekstā*** *notiek visdažādākās darbības*[13], varētu teikt, ka tādā vai citādā *aspektā* notiek visdažādākie pētījumi. Jebkurš zinātnisks pētījums lingvistisku parādību skata noteiktā griezumā, nereti kompleksi un visai plaši. Minētie virsraksti, protams, apliecina autora vēlmi precizēt pētāmās lingvistiskās parādības izpratnes specifiku, taču rodas jautājums: vai visi pētījumā skartie aspekti ir norādīti virsrakstā un vai adresāts netiek maldināts. Nenoliedzami, vārdam *aspekts* zinātniskajā diskursā ir marķiera funkcija, kas realizējas

gan informācijas strukturēšanā, gan stilistisko konotāciju aktualizēšanā un noteiktu pragmatisko mērķu īstenošanā. D. Nītiņa, analizējot pašreiz populāru latviešu valodas vārdu lietošanu moderna cilvēka leksikonā, raksta: *Jo vārds ir aktuālāks, populārāks, jo daudzveidīgākos vārdu savienojumos un kontekstos tas atrodams.*[14] Salīdzinājumā ar svešvārdu *aspekts* tā latviskais sinonīms *skatījums* faktoloģiskā materiāla vākumā konstatēts sporādiski, sal.: *Kalks kā valodniecības termins tipoloģiskā* ***skatījumā***; *Literārā kompetence vidusskolēnu* ***skatījumā***; *Runas verbi starpvalodiskā* ***skatījumā***; *Vārda semantika kognitīvās lingvistikas* ***skatījumā***. Te vietā minēt D. Nītiņas atzinumu, ka *[..] svešvārds* ***aspekts*** *salīdzinājumā ar latvisko vārdu* ***skatījums*** *daudziem autoriem licies kaut kas smalkāks, līdz ar to tas it kā vairāk piesaista uzmanības un šķiet interesantāks*[15] un ka *[..] valodā nepārtraukti izpaužas izteiksmes iespēju, strukturālo variantu un vārdformu konkurence, ko izraisa un iespaido dažādi iemesli, kā izrunas ērtums, laika ekonomija, analoģija, valodas lietotāju uztvere un asociācijas u. c.*[16]

Kvantitatīvi mazāk valodniecības rakstu nosaukumus latviešu un krievu valodā strukturē citas leksēmas, kuras funkcionalitātes ziņā ir tuvas vārdam *aspekts/аспект*. Abās sastatāmajās valodās konstatētas šādas leksēmu paralēles: *problēma/проблема*, *jautājums/вопрос*, *analīze/анализ*, *pētījums/исследование*, *pieeja/подход*, *interpretācija/интерпретация*, *raksturojums/характеристика*, *vērojumi/наблюдения*, *piezīmes/заметки*, *papildinājumi/комментарии*, piemēram, *Terminu atveides* ***problēmas*** *skaidrojošajās vārdnīcās*; *Прагматика атрибутивных словосочетаний:* ***проблемы*** *перевода*; *Eponīmu interpretācijas* ***jautājumi***; ***К вопросу*** *о функциональных особенностях безличных предложений*; *Emocijas 'dusmas (niknums)' metaforikas strukturāli semantiskā* ***analīze*** *latviešu un vāci valodā*; *Сравнительный* ***анализ*** *графики и орфографии списков Смоленского договора 1229 г.*; *Korpusa izvēles un izveidošanas problēma: nominālās determinācijas apguves* ***pētījums***; *О современных сопоставительных* ***исследованиях*** *(на примере семантической категории имперцептивной модальности)*; *Latviešu valodas nebalsīgo mēleņu elektropalatogrāfisks* ***raksturojums***; *Лексико-семантическая* ***характеристика*** *эргонимов Даугавпилса*; *Latviešu valodas divskaņu fonētiskā un fonoloģiskā* ***interpretācija***; *О фонологической* ***интерпретации*** *праславянских и латышских дифтонгов*; ***Vērojumi*** *publiskā intonācijas stila raksturojumā latviešu valodā*; ***Наблюдения*** *над греческими заимствованиями в древнерусском тексте*; *Dažas* ***piezīmes*** *par etnonīmu lietojumu onomasioloģijā*; *Лингвистические* ***заметки****: языковые контакты*; *Daži* ***papildinājumi*** *"Latviešu etimoloģijas vārdnīcai"*; *Историко-этимологи-*

ческие ***комментарии*** *к «Диалектному словарю одной семьи»*; *Franču valodas artikula apguve: izteikumu (enonsiatīvo) operāciju teorijas* ***pieeja***; *Собственные имена болот (гелонимы) в английском и белорусском языках: когнитивно-ономасиологический* ***подход***. Šajā gadījumā īpašu uzmanību piesaista leksēmas ar ierobežojuma semantiku, kas izteikumam piešķir noteiktas pragmatiskas konotācijas.

Veiktā analīze ļauj konstatēt, ka latviešu un krievu valodā valodniecības rakstu nosaukumu veidošanā vērojamas vispārīgas iezīmes. Virsrakstu kvalitatīvi kvantitatīvais raksturojums rāda, ka autoriem, formulējot valodniecības rakstu nosaukumus, ir vēlme, no vienas puses, detalizēt teksta informāciju un nodrošināt tā adekvātu uztveri, no otras, akcentēt pētījuma nozīmīgumu un rosināt adresātu intelektuālai darbībai.

---

[1] Petre B. Vēlreiz par neveiksmēm zinātnisko rakstu valodā. *Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi* 3. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2008, 18. lpp.

[2] Laiveniece D. Zinātniskā raksta struktūra: mūsdienu humanitāro zinātņu teksti. *Via scientiarum*. Starptautiskās jauno lingvistu konferences rakstu krājums. 1. laid. Ventspils, Liepāja: Ventspils Augstskola, Liepājas Universitāte, 2012, 13. lpp.

[3] Baltiņš M. Zinātniskā raksta struktūrelementi. *Konferences "Zinātnes valoda" materiāli*. Rīga: Rasa ABC, 2003, 8. lpp.

[4] Котюрова М. П., Баженова Е. А. *Культура научной речи: текст и его редактирование.* Москва: Флинта, Наука, 2008, с. 230.

[5] Laiveniece D. Zinātniskā raksta struktūra: mūsdienu humanitāro zinātņu teksti. *Via scientiarum*. Starptautiskās jauno lingvistu konferences rakstu krājums. 1. laid. Ventspils, Liepāja: Ventspils Augstskola, Liepājas Universitāte, 2012, 15. lpp.

[6] Sk., piemēram, turpat, 14. lpp.

[7] Котюрова М. П., Баженова Е. А. *Культура научной речи: текст и его редактирование.* Москва: Флинта, Наука, 2008, с. 50.

[8] Sk. Polkovņikova S. Valodniecības rakstu nosaukumi. *VALODA – 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils: Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2012, 440.–446. lpp.

[9] Liepa D. *Latvijas preses valoda*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2011, 146. lpp.

[10] Lokmane I. Liekvārdība plašsaziņas līdzekļos. *Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi* 2. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2006, 102.–103. lpp.

[11] Polkovņikova S. Valodniecības rakstu nosaukumi. *VALODA – 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2012, 444. lpp.

[12] Nītiņa D. *Moderna cilvēka valoda*. Rīga: Valsts valodas aģentūra, 2004, 9. lpp.
[13] Lokmane I. Sintaktisko struktūru veidojuma kļūdas publicistikā. *Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi* 1. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2005, 35. lpp.
[14] Nītiņa D. *Moderna cilvēka valoda*. Rīga: Valsts valodas aģentūra, 2004, 42.–43. lpp.
[15] Nītiņa D. *Valodniecības jautājumi*. Rīga: RTU, 2007, 150. lpp.
[16] Nītiņa D. Jauna latviešu valodas gramatikas apraksta tapšanas peripetijas. *Apvienotais Pasaules latviešu zinātnieku III kongress un Letonikas IV kongress "Zinātne, sabiedrība un nacionālā identitāte". Valodniecības raksti*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2012, 40. lpp.

LITERATŪRA

Baltiņš M. Zinātniskā raksta struktūrelementi. *Konferences "Zinātnes valoda" materiāli*. Rīga: Rasa ABC, 2003, 5.–11. lpp.

Laiveniece D. Zinātniskā raksta struktūra: mūsdienu humanitāro zinātņu teksti. *Via scientiarum*. Starptautiskās jauno lingvistu konferences rakstu krājums. 1. laid. Ventspils, Liepāja: Ventspils Augstskola, Liepājas Universitāte, 2012, 13.–26. lpp.

Liepa D. *Latvijas preses valoda*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2011.

Lokmane I. Liekvārdība plašsaziņas līdzekļos. *Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi* 2. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2006, 93.–104. lpp.

Lokmane I. Sintaktisko struktūru veidojuma kļūdas publicistikā. *Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi* 1. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2005, 39.–46. lpp.

Nītiņa D. Jauna latviešu valodas gramatikas apraksta tapšanas peripetijas. *Apvienotais Pasaules latviešu zinātnieku III kongress un Letonikas IV kongress "Zinātne, sabiedrība un nacionālā identitāte". Valodniecības raksti*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2012, 35.–52. lpp.

Nītiņa D. *Moderna cilvēka valoda*. Rīga: Valsts valodas aģentūra, 2004.

Nītiņa D. *Valodniecības jautājumi*. Rīga: RTU, 2007.

Petre B. Vēlreiz par neveiksmēm zinātnisko rakstu valodā. *Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi* 3. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2008, 20.–25. lpp.

Polkovņikova S. Valodniecības rakstu nosaukumi. *VALODA – 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Zinātnisko rakstu krājums XXII. Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2012, 440.–446. lpp.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. *Культура научной речи: текст и его редактирование*. Москва: Флинта, Наука, 2008.

Solvita Pošeiko

DAUGAVPILS UN NARVAS VIETĒJO UZŅĒMUMU UN IESTĀŽU NOSAUKUMU IZVEIDES ĪPATNĪBAS

Summary

The Features of Creating Names of Local Companies and Institutions in Daugavpils and Narva

Daugavpils (Latvia) and Narva (Estonia) are cities in the Baltic States and significant cultural and economic centres of their respective countries. These cities are characterized by a minority of nationals (19.8% of residents of Daugavpils are Latvian, 4% of residents of Narva are Estonian) and a similar linguistic situation: there is a dominance of Russian in the press, TV and radio, but the state language prevails in the urban language signs.

The aim of the study is to analyse the linguistic and extralinguistic means used for the creation of ergonyms. The data for this study were collected in city websites and outdoor linguistic landscape. They are attributable to two socio-linguistic areas: education and culture, healthcare, and household services.

Conclusions:

1) *Mixed names prevail: in Daugavpils there are more mixed names in the field of education and household services, while in Narva there are more mixed names in the cultural sphere. Onymization of nomenclature names can be observed.*
2) *Ergonyms are mostly created in the official language. In Narva, there is an explicit use of Russian (directly as the first/second or third language and indirectly – in transliteration).*
3) *In symbolical ergonyms, there are more lexemes representing or characterizing wildlife, while in Narva also the potential of mythology, literature and cinema is used. Denotative precedent is more often found in the ergonyms of informal educational institutions and the cultural sphere, connotative precedent – in the ergonyms of kindergartens and household services.*
4) *In general, it must be concluded that the specific things characteristic of the local environment are more often made in Narva, while respecting the unique experience of minorities.*

Key-words: linguistic landscape, ergonym, grammatical structures, semantic groups

*

Ievads

Kas ir vietējo uzņēmumu un iestāžu nosaukums?

Mūslaiku cilvēka ikdienas dzīve nav iedomāja bez dažāda veida tekstiem, ikviens no mums ir saistīts ar informācijas pārbagātību. Tā ir visuresoša: TV un radio, kafejnīcās un bibliotēkās, tīmeklī un pilsētas ielās. Kopš 20. gs. beigām valodniecībā tiek runāts par lingvistisko ainavu – LA[1], plašākā nozīmē ar to saprotot valodas lietojumu dažādās reālās un virtuālās dzīves sfērās, bet šaurākā – rakstveida ziņojumus publiskajā telpā (visbiežāk pilsētvidē), kas ir atšķirīgi pēc izveides īpatnībām un funkcionalitātes.

Uzņēmuma vai iestādes nosaukums ir viena vārda vai vārdkopas teksts, ko sauc par ***ergonīmu***.[2] Tā kā termins apzīmē cilvēku apvienību un uzņēmumu nosaukumu, kas var nebūt lasāms LA izkārtnē, atsevišķi tikai publiskajā telpā redzamo uzņēmuma un iestādes nosaukumu nereti dēvē par ***ergourbonīmu***, kas, *no vienas puses, pārstāv nosaukto uzņēmumu vai iestādi, no otras – pilsētvides objektu vai noteiktu tā daļu*[3]. Jāpiebilst, ka būtiska loma to semantikas vai uzņēmuma nodarbošanās profila demonstrēšanā un uztverē ir citiem komunikācijas modiem – simboliem, attēliem, cipariem u. c. neverbālajām zīmēm.

Latviešu onomasts Ojārs Bušs, lai vispārinoši apzīmētu uzņēmumu nosaukumus un produktu nosaukumus, lieto vārdu savienojumu *īpašvārdi ekonomikā* (*Names in the Economy*), labskanības un lietojuma ērtuma dēļ iesakot to aizstāt ar virsjēdzienu ***ekonomonīmi***.[4] Ikvienam šādam nosaukumam piemīt *nosaucošā, informatīvā, reklāmas, estētiskā, memoriālā un īpašuma apzīmēšanas funkcija*[5], kā nozīmīgākās izceļot *reprezentatīvi identificējošo*, *reklāmas un informatīvo funkciju*[6].

Nosaukums kā daļa no LA redzamā uzņēmuma vai iestādes uzrakstu kopuma jeb *ārtelpas reklāminformācijas*[7] veido pirmo iespaidu un raisa asociācijas par to, kā arī nodrošina atpazīstamību citu vidū, diferencējot no kategoriāli līdzīgiem uzņēmumiem. Atšķirībā no ārvalstu vai vietējo uzņēmumu ķēdes veikaliem, spēļu zālēm, mācību centriem u. tml., kam nosaukums galvenokārt tiek izvēlēts neitrāls, viegli lietojams neatkarīgi no atrašanās vietas (*Rimi*, *Statoil*, *Hesburger*, *Buts*), vietējo uzņēmumu un iestāžu nosaukumi bieži vien ir vienreizīgi un demonstrē vai, tieši pretēji, neatklāj lokālajai videi raksturīgās sociokultūras īpatnības.

Pētījuma metodoloģija

Pētījumam ir izvēlētas divas Baltijas valstu pilsētas – Daugavpils (Latvija) un Narva (Igaunija) – kā nozīmīgi kultūras un ekonomikas centri savā valstī. Izvēlētajās pilsētās ir veikta LA izpēte[8] un apzināta pilsētu mājaslapās[9] ievietotā informācija par vietējiem uzņēmumiem, iestādēm, organizācijām, biedrībām u. c. iedzīvotāju apvienībām.

Šajā rakstā uzņēmumu un iestāžu nosaukumi ir aplūkoti divās sociolingvistiskajās jomās (funkcijās)[10]: izglītība un kultūra, veselības aprūpe un sadzīves pakalpojumi, nošķirot virtuāli pilsētu mājaslapās iegūtos nosaukumus un LA izkārtnēs izlasītos nosaukumus. Pilsētu un atsevišķo iestāžu mājaslapās ir aplūkoti pirmsskolas izglītības iestāžu (arī grupu) nosaukumi, bērnu un jauniešu klubu un interešu izglītības pulciņu nosaukumi, tāpat nacionālo un kultūras biedrību nosaukumi. Savukārt pilsētu LA izpētē ekscerpētie nosaukumi galvenokārt ir attiecināmi uz veselības aprūpes (zobārstniecības kabinetu, ārstniecisko masāžu, aptieku nosaukumi) un sadzīves pakalpojumu (veikalu, frizētavu, kafejnīcu, remontdarbnīcu nosaukumi) jomu.

Pētījuma mērķis ir analizēt vietējo uzņēmumu un iestāžu nosaukumu izveides lingvistiskos un ekstralingvistiskos faktorus, par galvenajiem kritērijiem izvēloties valodas izvēli, gramatiskās struktūras, precedenta avotu un semantiskās grupas. Lai mērķi sasniegtu, ir izmantota LA izpētes metode datu ieguvei un sociolingvistiskai analīzei, komparatīvā metode nosaukumu konotatīvo un denotatīvo komponentu analīzei un secinājumu izveidei.

Pētījuma struktūra: vispirms ir aplūkoti pētāmās tēmas teorētiskie jautājumi, atklājot tos ar piemēriem no LA datubāzes. Tad ir dots izvēlēto pilsētu sociolingvistiskais raksturojums un valodas situācijas atainojums LA (plašākā izpratnē). Tālāk seko virtuālajā vidē un ārtelpā iegūto datu analīze. Beigās ir sniegts pētījuma apkopojums un būtiskākie secinājumi.

Uzņēmumu un iestāžu nosaukumi teorētiskā skatījumā

Pētījuma sakarā jāaktualizē trīs teorētiskie jautājumi. Pirmais ir saistīts ar nosaukumu struktūru un iedalījumu. Iestāžu (retāk uzņēmumu) nosaukumi sastāv no divām daļām: *nomenklatūrdaļas, kurā norādīts organizatoriskā veidojuma tips* (*skola, muzejs, veikals*), *un diferencētājdaļas, kurā dots organizatoriskā veidojuma raksturojums* (*vakara vidusskola, sporta skola, pārtikas veikals*)[11]. Latviešu valodniecībā visus nosaukumus iedala 5 grupās: *tiešajos jeb reālajos ar vismaz diviem kom-*

ponentiem (*nomenklatūras vienības un diferencētājdaļas*, piem., *Daugavpils Latgaliešu biedrība*), *simboliskajos jeb netiešajos* (*Leedi* 'Lēdija' Narvā), *jauktajos* (*tiešā un simboliskā nosaukuma kombinējumos*, piem., *bērnu klubs "Mezgls"* Daugavpilī), *saīsinātajos* (*abreviatūrās*, piem., *Nata-I. S.* no antroponīmiem Daugavpilī) *un komplicētajos nosaukumos ar papildu vārdiem vai vārdkopām*[12].

Otrais jautājums ir saistīts ar uzņēmumu un iestāžu nosaukumu izveides motivētāju – ***precedentu*** 'tas, kas noder par paraugu, attaisnojumu'[13] un tā semantiku. Par precedentu avotu grupām jeb tipiem var funkcionēt: literatūra, kino, mūzika, vēsture, ģeogrāfija, cilvēks u. tml. vai abstrakti nojēgumi. Tā, piem., apģērbu veikala nosaukuma H_2SO_4 precedenta avots ir ķīmija, mūzikas instrumentu veikala nosaukums *Mi* – mūzika (Daugavpils), kafejnīcas/bāra nosaukuma *Guliver* precedenta avots ir literatūra, pārtikas preču veikala nosaukums *Oksana* – cilvēks (Narva).

Pēc nosaukumā esošā vārda/-u nozīmes saistījuma ar nosaukto cilvēku apvienību, iestādi vai uzņēmumu precedenta lietojums var būt: ***denotatīvs****, ja ergonīmā izmantotajam precedentam ir tiešs, reāls sakars ar attiecīgā uzņēmuma precēm vai pakalpojumiem, vai* ***konotatīvs****, ja šis sakars ir metaforisks*[14]. Kā piemērus var minēt ziedu veikala nosaukumu *Liilia* 'Lilija' Narvā un aptieku *Dziednieks* Daugavpilī, kur ir izmantots denotatīvs precedents, kafejnīcas/bāra nosaukumu *Love* 'Mīlestība' un poļu tautasdeju kolektīva nosaukumu *Kukuļečka* 'Dzeguzīte' Daugavpilī ar konotatīvu precedentu.

Ikviena īpašvārda galvenais uzdevums ir nosaukt vienu objektu, bet reālais to izmantojums atklāj, ka atsevišķi onīmi funkcionē par vairāku objektu nosaucējiem (vienā vai atšķirīgās klasēs, piem., *Lietotas preces un apģērbi* – divu, savstarpēji nesaistītu veikalu nosaukumi Daugavpilī vai *Apteek* 'Aptieka' – Narvā, *Latgola* – reģiona un viesnīcas nosaukums latgaliski Daugavpilī, *Narva* – pilsētas, viesnīcas, klīnikas, deju kluba un foto kluba nosaukums). Šajos gadījumos var runāt par ergonīmu homonīmiem ar vienotu *denotatīvo semantiku* (*iekšējo semantiku* jeb *satursemantiku*), bet, iespējams, mainīgu *konotatīvo semantiku*.

Visbeidzot uzņēmumu un iestāžu nosaukumus ir iespējams grupēt, neņemot vērā precedenta saistību ar nosaukto cilvēku grupu vai objektu. Krievu valodniece Oksana Jemeļjanova (*Оксана Емельянова*), analizējot ergonīmus Ufas (Krievija) pilsētvidē, nosaukumus aplūko 5 leksiski semantiskās grupās[15], ergonīmos, kam pamatā: 1) dzīvas būtnes vai būtnes, kas uztveramas par dzīvām (*folkloras kopa «Русичи»* 'Poētisks Senās

Krievijas iedzīvotāju apzīmējums' Daugavpilī); 2) nedzīvi priekšmeti un parādības (*veikals/kafejnīca "Sāta"* 'Māja' Daugavpilī); 3) objektu grupu nosaukumi (svētki, literatūras, mākslas, mūzikas darbi, piem., veikals *Zima Leto* Narvā); 4) cilvēku, uzņēmumu raksturojoši vārdi (*spordikool "Energia"* 'sporta skola *Enerģija*' Narvā); 5) neskaidra semantika (apģērbu veikals *Iritam* Narvā), kas nav atšifrējama, nezinot nosaukuma izveides procesu. Tā, piem., Daugavpilī ir metālapstrādes uzņēmums ar nosaukumu *Alentex*, kas recipientam var neraisīt nekādas asociācijas. Turpretī, noskaidrojot tā izveidi, atklājas, ka tā ir abreviatūra no trīs antroponīmiem – **Al**eksejs **N**aumovičs **Te**ležņikovs (dibinātāja vārds, tēvvārds un uzvārds)[16] – un nelatviskas galotnes.

Tātad uzņēmumu un iestāžu nosaukumu izpētē var tikt iekļauti šādi kritēriji: ergonīmu organizatorisko veidojumu grupas; precedentu tipoloģija, denotīvo un konotatīvo precedentu izmantojums; ergonīmu semantika un leksiski semantiskās grupas.

Ārējais konteksts: pilsētu sociolingvistiskais raksturojums

Daugavpils un Narva ir republikas nozīmes pilsētas, kas atrodas valsts perifērijā attiecībā pret galvaspilsētas – centra – atrašanās vietu. Ģeogrāfiski tām ir būtiska nozīme valsts un ES robežlīnijas uzturēšanā, jo Daugavpils atrodas līdzās Zarasiem (Lietuva) un Braslavai (Baltkrievija), Krievijas robeža ir 120 km attālumā, savukārt Narva tiešā veidā ir robežpunkts ar Krieviju. 20. gs. 20. – 40. gados Narva un Narvas upei otrā krastā esošā Ivangoroda bija viena Igaunijas pilsēta Jānilinna (*Jaanilinn*), kas 1945. gadā atkal tika sadalīta divās atsevišķās pilsētās. Kultūrvēsturiskā kontekstā pilsētas ir kā krustpunkts rietumnieciskajam un austrumnieciskajam, vēsturiskajai pieredzei un mūsdienu perspektīvām.

Virtuāli Daugavpils tiek pozicionēta kā *pilsēta ar māju sajūtu*, kurā visa ir daudz: valodu, kultūru, ticību[17], savukārt Narva – kā *labas enerģijas pilsēta*[18]. Abos gadījumos tiek uzsvērta psiholoģiskā labsajūta, kas ir iegūstama, šeit dzīvojot vai uzturoties. Narvas gadījumā var pieņemt, ka tiek aktualizēts pilsētas viens no vadošajiem tautsaimniecības virzieniem.

Izvēlētās pilsētas raksturo līdzīga etnodemogrāfiskā situācija: valsts pamatiedzīvotāji (latvieši un igauņi) ir skaitliskā mazākumā. Pēc Tautas skaitīšanas datiem, 2011. g. Daugavpilī pastāvīgi dzīvo vairāk nekā 93 tūkstoši iedzīvotāju, no kuriem 54% ir krievi, 20% latvieši, 14% poļi un 7% baltkrievi.[19] Narvā, pēc Iedzīvotāju reģistra biroja datiem, 2012. g. ir vairāk nekā 67 tūkstoši iedzīvotāju, no kuriem 82% ir krievi, 4%

igauņi, 3% ukraiņi un 2% baltkrievi.[20] Kaut gan dati nav jaunākie, tie ataino galveno tendenci – slāvu valodu un kultūru pārsvaru.

Izvērtējot mājaslapā esošo informāciju, jāsecina, ka abu pilsētu infrastruktūra ir līdzīga un ka pētījuma izvēlētajās jomās nav būtisku atšķirību. Pilsētās dominē mazie un vidējie uzņēmumi, abās notiek pārtikas produktu, apģērbu un gatavo metālizstrādājumu ražošana, Daugavpilī vadošā nozare ir dzelzceļa nozare, Narvā – enerģētika. Redzamākās atšķirības izglītībā un kultūrā: Daugavpilī ir 11 augstākās izglītības iestādes, Narvā tikai Tartu Universitātes filiāle, Daugavpilī ir skaitliski vairāk kultūras namu (*Daugavpils Kultūras pils*, *Vecās Forštates kultūras nams* u. c., Narvā vien kultūras nams *Rugodiv* 'Senais Narvas pilsētas nosaukums'[21]). Atšķirīgais tūrisma sfērā – ārvalstu viesu dominante Narvā (~60% no tiem uz šejieni dodas darba darījumos) un vietējo un ārvalstu viesu līdzsvars Daugavpilī (53% latviešu, 47% ārvalstu tūristu).[22] Jāpiebilst, ka abas pilsētas galvenokārt apmeklē viesi no kaimiņvalstīm (Krievijas, Lietuvas, Somijas).

Apkopojot iepriekš teikto, jāsecina, ka pilsētu raksturojumā ir vairāk līdzību nekā atšķirību: abas atrodas vienotā ģeogrāfiskā telpā, tām ir līdzīgs teritoriālais raksturojums, kultūrvēsturiskā pieredze pēdējo 100 gadu laikā un samērā līdzīga etnodemogrāfiskā situācija.

Iekšējais konteksts: valodu lietojums lingvistiskajā ainavā

Šajā apakšnodaļā valodu funkcionalitāte tiks aplūkota LA plašākajā izpratnē, lai labāk izprastu valodu izmantojumu uzņēmumu un iestāžu nosaukumos.

Pilsētu mājaslapās informācija ir pieejama 3 valodās: katras valsts valodā, krievu un angļu valodā. Narvas pilsētas mājaslapā kā pirmā ir redzama igauņu valoda, bet informācijas apjoms salīdzinoši plašāks ir krievu valodā, savukārt angļu valodā tiek piedāvāta informācija, kas ataino vispārīgas ziņas par pilsētu: vēsturi, atpūtas un tūrisma iespējām. Valsts valoda kā pirmā redzamā valoda ir arī Daugavpilī, taču atšķirībā no Narvas tajā piedāvātais informācijas apjoms ir lielāks par krievu valodā esošo, savukārt salīdzinoši plašāka un daudzveidīgāka informācija ir angļu valodā, lasītājam piedāvājot aktualitātes dažādās dzīves jomās. Tā gan netiek bieži atjaunota, pēdējo reizi informācija angļu valodā ir pievienota 2013. g. augustā (resurss skatīts 18.01.2014.). Tātad virtuālajā vidē abām pašvaldībām funkcionāli nozīmīgas ir 2 valodas: krievu un igauņu valoda Narvas gadījumā, latviešu un krievu valoda Daugavpils

gadījumā. Angļu valodai drīzāk ir simboliska nozīme, kas būtiska priekšstata veidošanā par pilsētu ārvalstu kontekstā.

Plašsaziņas līdzekļos ir vērojama krievu valodas dominante: Daugavpils pašvaldības video portāls[23] ir pieejams abās valodās, tomēr tīmekļa vietnes apmeklētāji biežāk izvēlas krievu valodu[24], bet Narvā vietējā televīzija ir tikai krieviski. Katrā pilsētā ir 2 vietējie radio kanāli krievu valodā, Narvā 1 no tiem raida divās valodās (igauniski un krieviski). Vietējo preses izdevumu skaitliski ir visvairāk: Daugavpilī ir 6 laikraksti, no kuriem 1 ir latviešu valodā (ar paralēlu izdevumu krievu valodā), un 1 krieviski iznākošs žurnāls *Капитал Регион*. Narvā ir 6 laikraksti: 5 no tiem krievu valodā, 1 – igauniski. Jāpiebilst, ka Daugavpilī reizi ceturksnī iznāk žurnāls poļu valodā *Polis Latvijā*, bet reizi mēnesī var klausīties radio pārraidi *Jauno Poļu balss* un TV programmu *Daugavas viļņi* poļu valodā.[25]

Kā redzams, abās pilsētās tiek uzturēta samērā monolingvāla informācijas telpa. Ņemot vērā tendenci, ka jaunieši labprātāk izvēlas tīmekli informācijas iegūšanai, var izteikt pieņēmumu, ka Daugavpilī jauniešiem salīdzinoši biežāk ir nepieciešama valsts valodas kompetence datu apstrādē. Savukārt vidējās un vecākās paaudzes iedzīvotāji abās pilsētās valsts valodas kompetences trūkumu vai nepietiekamību var neizjust kā diskomfortu, tādā veidā "sasirgstot" ar lingvistisko (krievu valodas) pašpietiekamību. Mazākumtautību valodas un kultūras saglabāšanā būtiskas ir Poļu kultūras centra aktivitātes.

Domājot par uzņēmumu un iestāžu nosaukumiem kā LA elementiem valodas politikas kontekstā, būtiski ir norādīt, ka abu valsts valodu likumi paredz valsts valodas un latīņu alfabēta lietojumu, ja uzņēmuma, iestādes vai organizācijas lielākā daļa pieder valstij un tas ir reģistrēts attiecīgajā valstī. Privātajā sfērā ir atļauti katras valsts valodas skaņu un formu sistēmai atbilstoši jaunvārdi, bet nav pieļaujami aizvainojumi un naidu rosinoši uzraksti.[26]

LA izpētē iegūto datu (Narvā – 1478, Daugavpilī – 1544) analīze atklāj, ka dominē valsts valodas lietojums: Daugavpilī latviešu valoda kā pirmā, otrā vai trešā valoda pēc izmantojuma secības izkārtnē ir lasāma 88% gadījumu, Narvā igauņu valoda – 63% gadījumu. Ja Narvā krievu valodas lietojums ir vērojams 26% gadījumu, tad Daugavpilī tā ir redzama ievērojami retāk – 5% gadījumu. Te kā otrā biežāk lietotā valoda ir angļu valoda, kas ir konstatēta 22% no šeit iegūtajām valodas zīmēm. Var pieņemt, ka pilsētās informācija tiek izvietota valsts valodā, ievērojot katras valsts valodas likumu, Narvā tiek ņemts vērā arī krievu valodā runājošo pārsvars un piedāvāts burtisks tulkojums vai papildu

informācija krievu valodā. 169 valodas zīmēs tā ir vienīgā izmantotā valoda izkārtnē.

Pārsvarā zīmes ir lietotas valsts valodā, tomēr krievu valodas īpatsvars un zīmju saturs liecina arī par krievu valodas funkcionalitāti šajās pilsētās. Angļu valodu varētu dēvēt par komunikācijas kodu ar ierobežotām funkcijām un emocionālo neitralitāti. Kā atzina respondents Daugavpilī:

> *Angļu valoda ir angļu valoda. Tā pati par sevi neko neizsaka, nenostājas kāda runātāja pusē. To saprot latvieši, krievi, iebraucēji – tie, kas grib un kam vajag.*[27]

Ergonīmi virtuālajā vidē: izglītības un kultūras joma

Vidējās un augstākās izglītības iestādēm galvenokārt nav simbolisku nosaukumu[28], taču tādi bieži ir pirmsskolas izglītības iestādēm un interešu izglītības centriem.

Pirmsskolas izglītības iestāžu skaits izvēlētajās pilsētās ir samērā līdzīgs: Narvā – 23, Daugavpilī – 29. Būtiskākā atšķirība – Daugavpilī oficiāli nevienai izglītības iestādei nav simboliska nosaukuma, ir tikai kārtas numuri, kas nošķir vienu no otra, piem., *Daugavpils 3. pirmsskolas izglītības iestāde*, savukārt Narvā viens no bērnudārzu pilnā nosaukuma komponentiem ir simboliskais nosaukums, piem., *lasteaed nr. 31 "Sipsik"* 'bērnudārzs Nr. 31. *Knēvelis, knauķis*'. Tātad Daugavpilī pirmsskolas izglītības iestāžu ergonīmi ir tiešie nosaukumi, ko veido nemainīgā daļa – pilsētvārds (astionīms) un nomenklatūras vienība – un mainīgā daļa – diferencētājskaitlis, resp., kārtas skaitļa vārds. Savukārt Narvā visi bērnudārzu ergonīmi ir jauktie nosaukumi.

Tas gan nenozīmē, ka Daugavpils pirmsskolas iestādēm vēsturiski nav izveidojušies simboliskie nosaukumi, bērnudārzu mājaslapās ir konstatēti pavisam 22 netieši nosaukumi. Tā, piem., *Daugavpils 13. pirmsskolas izglītības iestāde* savu neoficiālo nosaukumu *Saules zaķis* ir ieguvusi, jo *bērnudārza iekārtojumā ir bagātīgi izmantota dzeltenā krāsa*[29]. Šajā gadījumā nosaukums ir metafora, kam precedents ir bērnudārzs kā ēka, tā vizuālā noformējuma asociācijas ar gaismas atspulgiem. Savukārt *Daugavpils 23. pirmsskolas izglītības iestādes* simbolisko nosaukumu *Rozīte* ir izvēlējusies pirmā iestādes vadītāja, jo ļoti patikuši ziedi[30]; tie (vispārīgi – botānika) funkcionē kā precedenta avots.

Grūti spriest, vai tā ir nejaušība vai apzināta likumsakarība, ka speciālajām pirmsskolas izglītības iestādēm (4) Daugavpilī nav papildu nosaukuma. No semiotiskā aspekta raugoties, arī ir konstatējama atšķirība:

ja vispārējo pirmsskolas iestāžu mājaslapās ir krāsaini logotipi, kas tiešā veidā ataino simbolisko nosaukumu (varavīksne bērnudārzam *Varavīksne*), tad speciālajām pirmsskolas iestādēm atsevišķu mājaslapu nav vispār vai tajās vizuāli tieši ataino bērnu veselības problēmu – *Daugavpils 9. speciālās pirmsskolas izglītības iestādes* mājaslapā ir emotikons ar lielām brillēm, šo bērnudārzu apmeklē bērni ar redzes traucējumiem[31]. Savukārt Narvā nav speciālo pirmsskolas izglītības iestāžu; bērni ar īpašām vajadzībām netiek nošķirti atsevišķos bērnudārzos, tikai citās grupās, kas nav lingvistiski vai semiotiski atšķirīgi marķētas.

Bērnudārzu simboliskie nosaukumi abās pilsētās ir lasāmi valsts valodā, Narvā vienā gadījumā ir izmantota transliterācija, resp., krievu valodas vārda rakstība ar latīņu burtiem, ievērojot igauņu valodas skaņu sistēmu – *Morjake* (*моряк* 'jūrnieks'). Daugavpils bērnudārzu mājaslapās nav iespējama valodu nomaiņa, Narvā – ir, bet krievu valodā tulkota tiek pilnā nosaukuma sākuma daļa, resp., nemainīgais vārdu savienojums – *bērnudārzs* vai *pirmsskolas izglītības iestāde* – un numurs. Taču divās valodās ir lasāmi grupu nosaukumi, piem., rühm *Lapseke* – группа *Малышок* 'grupa *Mazulītis*'.[32]

Skatot simbolisko nosaukumu izveides paņēmienus, redzams, ka abās pilsētās dominē deminutīvi vai vārdi ar leksisko nozīmi, kas izsaka pamazinājuma formu: ja Narvā ir konstatētas 9 pamazināmās formas (*Ojake* 'Strautiņš', *Tuluke* 'Uguntiņa', *Kuldkalake* 'Zelta zivtiņa', *Tareke* 'Naminš'), tad Daugavpilī pavisam 20 (*Bērziņš*, *Zīļuks*, *Rūķītis*, *Pasaciņa*). Tie saistās galvenokārt ar pozitīvu konotāciju – emocionāli subjektīvu vērtējumu (mīlinājumu), ar kaut kā samazinājumu pēc lieluma vai vecuma kritērija, tāpat ar bērna metaforisko izpratni attieksmē pret pieaugušajiem. Šis izveides paņēmiens ir konstatējams arī pirmsskolas izglītības iestāžu grupu simboliskajos nosaukumos (izņēmums ir *Daugavpils 32. pirmsskolas izglītības iestāde*, kur ir tikai to numerācija[33]). Tā, piem., Daugavpilī bērnudārzā *Ābelīte* ir 5 grupas: *Gudrīši*, *Putniņi*, *Ežuks*, *Kukulīši*, *Eglīte*[34], Narvā bērnudārzā *Ojake* ir 4 grupas: *Pardipojad* 'Pīles mazulis', *Jänesepojad* 'Zaķa mazulis', *Rebespojad* 'Lapsas mazulis' un *Tiigripojad* 'Tīģera mazulis'. Kā redzams, visi nosaukumi ir attiecināmi uz pamazinājuma formu.

Produktīvākais precedenta avots abu pilsētu pirmsskolas izglītības iestāžu simbolisko nosaukumu izveidē ir **dzīvā daba (bioloģija)**, precīzāk – koki (8), kukaiņi (4), putni (4), **literatūra**, izteikti dominējoša Narvā (8), un **dabas parādības (astronomija)**: saule (3) un varavīksne (2).

Narvā ir izmantoti pasaku un literārie tēli, kas pārtapuši arīdzan multiplikācijas filmu varoņos, funkcionējot par simboliem, pat kā no-

teikta laika kulturēmām, piem., *Potsataja* ‘Čeburaška’ (PS valstīs plaši zināms tēls), *Kakuke* ‘Rausītis’, *Tčipollino* ‘Sīpoliņš’, *Väikevend* ‘Brālītis (no *Karlsons*)’, *Sipsik* un *Põngerjas* ‘Knēvelis, knauķis’. Daugavpilī šāda semantiskā slodze ir simboliskajam nosaukumam *Sprīdītis*.

Bērnudārzu kopējā iezīme simbolisko nosaukumu izveidē ir dzīvas būtnes vai būtnes, kas uztveramas par dzīvām kā motivētāji, kā arī sugas vārdu onimizācija, to funkcionēšana par īpašvārdiem. Atšķirības ir vērojamas bērnudārzu grupu nosaukšanā: Daugavpils bērnudārzu grupām līdzās nosaukumiem, kuru pamatā ir dzīvu būtņu deminutīvu formas (*Lācēns*, *Cīrulīši*, *Taurenīši*), ir tādi nosaukumi, kuru precedenta avots ir **latviešu folklora** un **mitoloģija** (*Jumītis*, *Laimiņa*, *Austriņa*, *Auseklītis*), to konotatīvo semantiku tieši vai netieši attiecinot uz konkrēto grupiņu. Narvā savukārt atsevišķu pirmsskolu izglītības iestāžu grupu nosaukumiem ir viens precedents, tā, piem., bērnudārza *Pingviin* ‘Pingvīns’ visām 11 grupām – ziedi (*Moonid* ‘Magones’, *Kelluke* ‘Zvaniņš’, *Päevalill* ‘Saulespuķe’, *Незабудки* ‘Neaizmirstulītes’[35]), bērnudārza *Punamütsike* ‘Sarkangalvīte’ 9 grupām – **igauņu literatūra** (*Naksitrallid* ‘Naksitrallīši’, *Timbu-Limbu* ‘igauņu literārais tēls, meitene ar dzelteniem matiem’, *Klaabu* ‘igauņu literārais tēls, olveidīgs radījums ar rokām un kājām’[36]). Kā redzams, šajos piemēros grupas ir konceptuāli vienotas.

Par iecienītiem grupu nosaukumiem ir uzskatāmi: *Bitīte(s)* (7), *Saulīte* (7), *Mārīte(s)* (5), *Zaķīši* (arī *Zaķis*) (5), *Varavīksne* (4) Daugavpilī, *Jānkuke* (arī *Jänkud*, *Jänespojad*) ‘Zaķis (Zaķi, Zaķu mazulis)’ (5), *Mesilane/Mesilased* ‘Bite(s)’ (5), *Sipelgas/Sipelgad* ‘Skudra(s)’ (4), *Päikene* ‘Saule’ (4) Narvā.

Interešu izglītību Daugavpilī piedāvā bērnu un jauniešu centrs *Jaunība*, kā struktūrā iekļaujas vēl 8 bērnu klubi.[37] Tiem visiem ir jaukti nosaukumi, kuros viens no komponentiem ir simbolisks nosaukums. 3 ergonīmu pamatā ir cits onīms – pilsētas daļas (rajona) nosaukums: *Krīži*, *Grīva* un *Ruģeļi*, izceļot kluba atrašanās vietu un galveno darbības areālu. Neviennozīmīgi vērtējams ir ergonīms *Žēlsirdība* (klubs bērniem ar speciālām vajadzībām), kas, no vienas puses, pauž pašaizliedzīgu vēlmi palīdzēt, no otras puses, to, ka kluba bērni netiek uztverti līdzvērtīgi citiem, viņiem jāvelta īpaša uzmanība un kluba darbība ir uztverama kā liels pakalpojums bērniem ar speciālām vajadzībām.

Šajā centrā ir pieejami 54 dažāda veida pulciņi, no kuriem 35 gadījumos ir simbolisks nosaukums. To izveidē ir redzamas divas tendences – salikti nosaukumi (20 divu vārdu savienojumi) un tiešā veidā norādīta darbības joma, resp., precedenta avots ir attiecīgais darbības virziens:

Diedziņš, *Burvju kamols*, *Stils* (**lietišķā māksla**); *vokālā studija "Re-Mi"*, *akordeonistu ansamblis "Akords"* (**mūzika**); *Mūsdienu ritmi* (**dejas**); *Datoru pasaule* (**datorapmācība**); *Dabas draugi* (**vide**). Nereti ergonīmi nepārprotami ataino pulciņa darbību – *Tehniskā modelēšana*, *Ziedu veidošana*, *Dekoratīvie darbi svētku noformēšanā*, konkrētam procesam funkcionējot par īpašvārdisku savienojumu. Divos gadījumos – *Radīšana* un *Veidošana* – precedenta avots ir neskaidri nosakāms bez papildu informācijas. Ja pirmajā gadījumā simbolisko nosaukumu papildina diferencētājvārda un nomenklatūras vārda esamība (*Jaunatnes teātris*), tad otrajā – šādas konkretizējošas informācijas nav. Tikai dažos gadījumos ir konotatīvi precedenti, piem., *sporta dejas "Saulcerīte"* un *sporta dejas "Vita"* (**cilvēks**).

Narvā ir *Narva Laste Loomemaaja* 'Narvas bērnu jaunrades māja', kur ir 30 dažādi pulciņi: 16 tiešie nosaukumi (*Floristika*, *Maleklubi* 'šaha klubs') un 14 jauktie nosaukumi.[38] Dominējoši ir denotatīvo simbolisko nosaukumu precedenti (*fotostuudio "Positiiv"* 'fotostudija *Pozitīvs*', *aeroobika stuudio "Liigutus"* 'aerobikas studija *Kustība*', *vokaalstuudio "Šansoon"* 'vokālā studija *Šansons* (romantiska franču balāde)', *Inglise keel* 'Angļu valoda'), mazāk ir konotatīvo precedentu (*ballitantsud "Raduga"* 'balles dejas *Varavīksne*', *mängu- ja animafilmide stuudio "Rovesnik"* 'spēļu un animācijas filmu studija *Vienaudzis*').

Skatot valodu izmantojumu, redzams, ka Daugavpilī visi pulciņu nosaukumi ir latviski, bet Narvā atsevišķi simboliskie nosaukumi tiek transliterēti un, nomainot mājaslapas darba valodu, netiek tulkoti igauņu valodā. Šādu ergonīmu pavisam ir 7, piem., *teater "16. komnata"* 'teātris *16. istaba*', *tantsuring "Žemtšužina"* 'deju klubs *Pērle*', *kool "Malõšok"* 'skola *Mazulītis*'. Angļu valoda Narvā ir izmantota divos gadījumos – *Creative-stuudio* 'Kreatīvā studija' un *"Aksi-Art" stuudio* 'studija *Aksi-Māksla*'.

Abās pilsētās ergonīmi no leksiski semantiskā aspekta ir raksturojami kā objektu grupu (*dziedāšanas pulciņš "Pavasaris"* – gadalaiks), retāk kā nedzīvu priekšmetu un parādību (abstraktu nojēgumu, piem., *teatrikool "Voobrazilia"* 'teātra skola *Iztēle*') reprezentētāji.

Kopēja iezīme abu pilsētu interešu izglītības pulciņu nosaukumiem ir denotatīvo precedentu izmantojuma pārsvars, atšķirība – krievu valodas lietojums Narvā.

Pievēršot uzmanību kultūras jomai, redzams, ka pilsētu mājaslapās nosauktās nacionālās un kultūras apvienības ir biedrības un organizācijas etnisko kultūru saglabāšanai (Daugavpilī – 21, Narvā – 17). Tās ir gan

nacionālo kultūru (latviešu, latgaliešu, igauņu), gan mazākumtautību kultūru (ukraiņu, poļu, tatāru, lietuviešu, čigānu – Daugavpilī, baltkrievu, uzbeku, šveiciešu, čuvašu – Narvā) saglabāšanai. Atsevišķu kultūru pārstāvju skaita dēļ un aktīvas darbošanās rezultātā ir izveidotas vairākas apvienības, piem., 3 krievu kultūru apvienības Daugavpilī, 2 – Narvā, 2 poļu kultūras apvienības abās pilsētās. Narvā ir arī slāvu kultūru biedrība.

Skatot nosaukumu strukturālo izveidi, redzams, ka Narvā ir 11 tiešie nosaukumi, Daugavpilī – 9 (*Narva Poola Selts* 'Narvas Poļu biedrība', *Dvinskas kultūras biedrība* Daugavpilī), bet jaukto nosaukumu Daugavpilī ir 12, Narvā – 8 (*Čigānu kultūras attīstības biedrība "ME-Roma"*, *Narva Valgevene Selts "Sjabrõ"* 'Narvas baltkrievu biedrība *Kaimiņi*').

Vērojama tendence ergonīmus rakstīt etniskās kultūras valodā (*biedrība "Erfolg"* (vācu valodā) 'Panākums, veiksme', *Poola klubi "Polonez"* 'poļu klubs *Polonēze*') vai visbiežāk transliterēt (*Daugavpils Ukraiņu kultūrizglītības biedrība "Mrija"* 'Sapnis', *Vene Kogukond "Rusitš"* 'Krievu kopiena *Rusičs*'). Narvas mājaslapā ergonīmi paralēli ir sniegti krievu valodā, savukārt Daugavpils mājaslapā biedrību uzskaitījumā ir vērojama tendence nosaukumus rakstīt ar lielajiem burtiem, kas neatbilst latviešu valodas pareizrakstības nosacījumiem.

Simboliskos nosaukumus leksiski semantiskā aspektā raksturo abstraktu nojēgumu izmantojums: *Harmonie* 'Harmonija' un *Nadežda* 'Cerība' Narvā, *Uzdim* 'Pacēlums, kāpums' Daugavpilī, kas ir saistīti ar cilvēka garīgiem procesiem un psiholoģisko stāvokli, netieši norādot uz labvēlīgiem apstākļiem un rezultātu, koncentrēšanos uz pozitīvām izjūtām, pēdējā piemērā arī – kustību. Daugavpilī tiek aktualizēta arī telpas kategorija: *Vatan* 'Dzimtene' un *Promieņ* 'Rādiuss', demonstrējot piederību noteiktai telpai, arī simboliskai. Turpretī Narvā ir konstatēta mitoloģijas un literatūras aktualizācija, piem., slāvu kultūras biedrībai – *Svätogor* 'Slāvu mitoloģijas tēls', savukārt čuvašu apvienībai ir nosaukums *Narspi* 'Čuvašu poēma'.[39]

Apkopojot iepriekš sacīto par izglītības un kultūras jomu, jāsecina, ka simbolisko ergonīmu procentuāli vairāk ir Daugavpilī, ergonīmu izveidē tiek izmantotas minoritāšu valodas un bieži ir vērojams konotatīvo precedentu izmantojums.

Lingvistiskās ainavas ekonomonīmi

Ja iepriekš aplūkotie ergonīmi galvenokārt ir saistāmi ar vietējiem, pastāvīgi dzīvojošiem iedzīvotājiem, tad pilsētvides LA lasāmie nosaukumi – arī ar plašāku mērķauditoriju – pilsētas viesiem. Tāpat skaidra

un pamatojama ir šo nosaukumu dēvēšana par ekonomonīmiem, jo tie tiešā veidā ir saistīti ar komercdarbību, tiem piemīt ekonomiskā vērtība.

Izvēlētajās pilsētās ir ekscerpētas 386 izkārtnes ar vietējo uzņēmumu un iestāžu nosaukumiem, kas veido 13% no šeit iegūtajām valodas zīmēm. Jāpiebilst, ka bez simboliskā nosaukuma ir arī nomenklatūras vārdi, kas veido vienu īpašvārdisku nosaukumu. Abās pilsētās (arī Baltijas valstīs kopumā) ir konstatēta tendence uzņēmuma un iestādes galvenajā izkārtnē lietot atsevišķi īpašvārda funkcijā divu veidu nomenklatūras vārdus: uzņēmuma un iestādes tipus (*Veikals*, *Aptieka* Daugavpilī, *Kohvik* 'Kafejnīca', *Hambakliinik* 'Zobārstniecības klīnika' Narvā), preces un pakalpojumus vai to grupas (*Parfümeeria* 'Parfimērija', *Kellad* 'Pulksteņi', *Õigusabi Юридическая помощь* 'Juridiskā palīdzība' Narvā, *Pārtika*, *Garšvielas*, *Apavi* Daugavpilī). Tā kā tie tiešā veidā ataino denotātu vai ar to saistītus jēdzienus, pētījumā tie tiek attiecināti uz tiešajiem nosaukumiem. Īpaši veselības aprūpes jomas iestādēm un uzņēmumiem (zobārstniecības kabinetiem un aptiekām), bet arī lombardiem, foto saloniem, lietoto apģērbu un apavu veikaliem nav simboliskā nosaukuma.

Kopumā biežāk izkārtnēs ir lasāmi jaukti nosaukumi (156). Plašāka informācija lasītājam tiek piedāvāta Daugavpilī: 92 izkārtnēs jeb ~50% no šeit iegūtajām vienībām (*Credo autoserviss* 'Kredo', *autoskola Impērija*, *frizētava Saules salons*, *Vīriešu un sieviešu zāle*, *Pedikīrs manikīrs*, *Golden Dragon Chinese oriental restaurant ķīniešu restorāns* 'Zelta pūķis'). Narvā nav būtisku atšķirību jaukto, tiešo un simbolisko nosaukumu skaitā (attiecīgi – 64, 68 un 69: *Pere kaubakeskus* 'Ģimene preču veikals', *Notar нотариус* 'Notārs', *King* 'Karalis'), Daugavpilī vismazāk ir atsevišķo simbolisko nosaukumu (43 – *Vēsma*, *Sešas garšas*, *Vienības nams*). Tomēr kopumā abās pilsētās atsevišķi vai kopā ar papildu informāciju simboliskie nosaukumi ir 69% gadījumu, apliecinot to, ka tas ir nozīmīgs uzņēmumu un iestāžu nosaukuma komponents ārtelpas LA.

Pievēršot uzmanību valodu lietojumam ekonomonīmos, minamas divas kopīgas tendences: valsts valodas dominante (Daugavpilī – 152, Narvā – 141) un angļu valoda kā otrā atsevišķi izmantotā valoda izkārtnē (Daugavpilī – 17, Narvā – 36). Kā atšķirīgo jāmin krievu valodas funkcionalitāte Narvā (atsevišķi vai kopā ar igauņu valodu un/vai angļu valodu tā ir konstatēta 38 izkārtnēs), savukārt Daugavpilī ir salīdzinoši biežāk lasāmi "ārzemnieciski" nosaukumi – *De Lera*, *Inteiro*, *La Soare*, *Šanre*, kas ir labskanīgi un uzmanību piesaistoši, saistoties ar izsmalcinātību. Atsevišķos gadījumos ir vērojama pilnīga vai daļēja transliterācija, piem., *Ujut* 'Mājīgums', *Metšta* 'Sapnis', *Ljudmila* 'Ļudmila', *Чeburashka* 'Čeburaška' Narvā, *Moskva* 'Maskava' Daugavpilī. Interesanti, ka audumu

un aizkaru veikala *Ujut* pārdevēja nezināja nosaukuma precedenta avotu, bet paskaidroja, ka tur varot nopirkt lietas, kas jebkuru māju padara jauku un omulīgu.[40]

Ekonomonīmu izveides struktūra ir vienkārša – tie galvenokārt ir viena vārda nomeni (izņēmums veikala nosaukums-verbs – *Aust* Daugavpilī), 47 gadījumos ir konstatēti vārdu savienojumi (visbiežāk 2 vārdu, piem., *Alati odavalt* 'Vienmēr lēti' Narvā, *Pasaules brīnumi* Daugavpilī). Salikteņu izveide vairāk raksturīga tiešajiem nosaukumiem: *Datortehnika*, *Autoserviss* Daugavpilī, *Kosmeetikakabinet* 'Kosmētikas kabinets', *Fotoataljee* 'Foto ateljē' Narvā.

Lai izceltu simboliskos nosaukumus un piesaistītu lasītāju uzmanību, izkārtnēs tiek izmantoti dažādi lingvistiski un grafiski paņēmieni, piem., pēdiņas *"Spordihall"* 'Sporta zāle' Narvā, "*Fantāzija*", *"Feja"*, "*Strēlnieks*" Daugavpilī, lielie burti visā nosaukumā, piem., *BOLS*, *SOLO* Daugavpilī, *DOLCE VITA* 'JAUKĀ DZĪVE', *PERE* 'ĢIMENE' Narvā vai, tieši pretēji, mazie burti *ample* 'plašs, bagātīgs', *elisa* Daugavpilī, *super star* 'lieliskā zvaigzne', *narvabike* 'narvas motocikls' Narvā. Daugavpilī ir ekonomonīms *Autoskola **a**. Porieš **a***, kurā izceltie mazie burti *a* izmēra ziņā pārsniedz lielos burtus. Tāpat kā pirmsskolas izglītības iestāžu nosaukumiem virtuālajā telpā, arī ārtelpā uzņēmumu un iestāžu nosaukumiem izkārtnē klāt ir ilustratīvais materiāls, kas galvenokārt tiešā veidā ataino uzņēmuma/iestādes darbības jomu, paužot to pašu vai papildinot tekstuālo informāciju.

Viens no produktīvākajiem ekonomonīmu izveides paņēmieniem ir cita īpašvārda izmantojums. Visbiežāk tiek izmantoti **antroponīmi** (57, galvenokārt sieviešu dzimtē – *Victoria*, *Anna*, *Eva*, *RokSana* Daugavpilī, *Linda*, *Oksana*, *Dorina*, *Svetlana* Narvā, bet arī *Adams*, *Antony* Narvā) un **toponīmi** (20 – *Arizona*, *Latgale*, *Mia Italy* Daugavpilī, *Niagara*, *Narva* Narvā). Daugavpilī ir konstatēti 3 nosaukumi, kuru pamatā ir konkrēta atrašanās vietas adrese, resp., ielas nosaukums un numurs: *Alejas 62*, *Alejas 73*, *Frizētava Rīgas 66*. Ekonomonīmu pamatā ir arī cilvēku, uzņēmuma vai tā sortimenta raksturojošas leksēmas: *Clever* 'Gudrs', *Komfort* 'Komforts', *Level* 'Līmenis', *Imidž* 'Imidžs' Narvā, *Caller* 'Ciemiņš', *VIP Style* 'VIP stils', *Humana* 'Cilvēka-' Daugavpilī. Retāk ir lasāmi **abstrakti jēdzieni** (*Metšta*, *"Fantāzija"*, *Love*), **dzīvnieki** (*Pelican* 'Pelikāns', *Husky* 'Suns' Narvā), **ziedi** (*Liillid* 'Lilijas' Narvā, *Orhideja* Daugavpilī), **telpu izsakošas leksēmas** (*Galerija*, *Telpa*, *Sāta* Daugavpilī), **izsaucieni** (*yes*, *Mamma mia!*, *Ola lā!* Narvā), **literatūras tēli**, noteiktas kultūrzīmes – *Guliver*, *Buratino*, *Чeburashka* Narvā.

Redzams, ka biežāk pārstāvēta ir semantiskā grupa – dzīvas būtnes vai būtnes, kas uztveramas par dzīvām.

Apkopojot informāciju par ekonomonīmiem, jāsecina, ka vairums gadījumu LA zīmēs ir lasāmi simboliskie nosaukumi, lielākā daļa no tiem ir rakstīti valsts valodā. To izveidē tiek domāts par labskanīgumu, ērtu lietošanu un īpašuma tiesību norādīšanu, retāk par vietējo kultūrvēsturi un specifiku.

Nobeigums un būtiskākie secinājumi

Salīdzinot virtuālās un ārtelpas uzņēmumu un iestāžu nosaukumus, lietderīgs ir terminu *ergonīms* un *ekonomonīms* šķirums, jo abiem ir viens virsuzdevums (nosaukt kādu cilvēku grupu vai šīs grupas vai atsevišķa cilvēka radītu uzņēmumu/iestādi), bet niansēta atšķirība pamatfunkcijās. Pirmajā gadījumā tā ir identificējošā un apvienojošā funkcija, kur būtiska ekstralingvistiska nozīme ir valodas izvēlei un precedenta avotam. Otrajā gadījumā – reklāmas (uzmanību piesaistes) funkcija, izmantojot uzmanību piesaistošu komunikācijas kodu.

Kopumā Daugavpils un Narvas LA (plašākā nozīmē) biežāk ir lasāmi jaukti ergonīmi, kuros viens no komponentiem ir simboliskais nosaukums (nomens vai nomenu grupa). Šādu nosaukumu izglītības un sadzīves pakalpojumu jomā vairāk ir Daugavpilī, kultūras jomā – Narvā. Pilsētās ir konstatēta arī nomenklatūras vārdu patstāvība izkārtnēs, to funkcionēšana par īpašvārdiem.

Valodu izvēli abu pilsētu ergonīmos un ekonomonīmos ir noteikuši gan vēsturiskie apstākļi (pilsētu apvienošanās Narvas gadījumā), gan ģeogrāfiskie apstākļi, gan arī mūsdienu sociolingvistiskā situācija: krievu valodas dominēšana mutvārdu saziņā un plašsaziņas līdzekļos, angļu valodas prestižs un loma starpkultūru attiecībās. Lai arī nosaukumi galvenokārt ir lasāmi valsts valodā, krievu valoda uzņēmumu un iestāžu nosaukumos (jo īpaši Narvā) tiek izmantota gan tiešā veidā kā pirmā/otrā vai trešā valoda ārtelpas izkārtnēs vai kā paralēlā valoda virtuālajā vidē, gan arī netieši – transliterācijas gadījumos.

Skatot precedentu avotus un semantiskās grupas, jāsecina, ka aplūkotajos simboliskajos nosaukumos vairāk ir dzīvo dabu (cilvēkus, dzīvniekus, augus) reprezentējošo vai to raksturojošo leksēmu, Narvā bieži ir izmantots literatūras, mitoloģijas un kino potenciāls. Denotatīvais precedenta izmantojums biežāk ir konstatēts interešu izglītības un kultūras jomas nosaukumos, konotatīvais precedents – bērnudārzu un sadzīves pakalpojumu (veikalu, frizētavu, restorānu) nosaukumos.

Kopumā jāsecina, ka salīdzinoši biežāk Narvā tiek aktualizēts lokālajai videi raksturīgais un specifiskais (piem., pilsētvārda daudzveidīgais izmantojums), respektējot arī minoritāšu (t. sk. lokālās majoritātes) savpatīgo pieredzi.

---

[1] Spolsky B., Cooper R. L. *The Languages of Jerusalem*. Oxford: Clarendon Press, 1991; Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. *Empirical Study. Journal of Language and Social Psychology* 16 (1), 1997, pp. 23–49; Gorter D. (ed.). *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Clevedon, Multilingual Matters, 2006.

[2] Суперанская А. В. *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука, 1973; Емельянова А. М. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города*. Уфа, 2007; *Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca*. Rīga, 2007; Bušs O. Īpašvārdi ekonomikā: dažas izpētes iespējas pasaulē un Latvijā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti* 17 (1). Liepāja: Liepājas Universitāte, 2013, 50.–55. lpp.

[3] Козлов Р. И. *Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики*. Автореферат диссертации. Екатеринбург, 2000. http://www.dissercat.com/content/ergourbonimy-kak-novyi-razryad-gorodskoi-onomastiki (skatīts 06.11.2013.).

[4] Bušs O. Īpašvārdi ekonomikā: dažas izpētes iespējas pasaulē un Latvijā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti* 17 (1). Liepāja: Liepājas Universitāte, 2013, 50. lpp.

[5] Емельянова А. М. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города*. Автореферат диссертации. Уфа, 2007, с. 6.

[6] Трифонова Е. А. *Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: На материале русских и английских эргонимов*. Автореферат диссертации. Волгоград, 2006. http://www.dissercat.com/content/nazvaniya-delovykh-obektov-semantika-pragmatika-poetika-na-materiale-russkikh-i-angliiskikh (skatīts 06.11.2013.).

[7] Bušs O. Īpašvārdi ekonomikā: dažas izpētes iespējas pasaulē un Latvijā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti* 17 (1). Liepāja: Liepājas Universitāte, 2013, 51. lpp.

[8] Narvā lingvistiskās ainavas izpēti veica H. F. Martens, O. Senkāne, I. Matisovs, S. Murinska un raksta autore 2010. g. ESF projekta *Teritoriālās identitātes lingvokulturoloģiskie un sociālekonomiskie aspekti Latgales reģiona attīstībā* laikā. Raksta autore individuāli ir veikusi lingvistiskās ainavas izpēti Daugavpilī 2011. un 2013. g.

[9] Daugavpils pilsētas mājaslapa – http://www.daugavpils.lv/, Narvas pilsētas mājaslapa – http://www.narva.ee/ee/.

[10] Druviete I. Latviešu valodas sociolingvistisko funkciju dinamika kontaktvalodu ietekmē. *Letonika. Valodniecības raksti* 2. Rīga: Madonas poligrāfists, 2008, 224. lpp.

[11] Laugale V., Šulce Dz. *Galvenie problēmjautājumi nosaukumu veidošanā un rakstībā. Lielo burtu lietojums latviešu valodā: ieskats vēsturiskajā izpētē, problēmas un risinājumi*. Rīga: LVA, 2012, 31.–32. lpp.

[12] Turpat, 32.–34. lpp.

[13] *Latviešu valodas vārdnīca*. Elektroniskā versija: http://www.tezaurs.lv/lvv (skatīts 07.12.2013.).

[14] Bušs O. Īpašvārdi ekonomikā: dažas izpētes iespējas pasaulē un Latvijā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti* 17 (1). Liepāja: Liepājas Universitāte, 2013, 52. lpp.

[15] Емельянова А. М. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города*. Автореферат диссертации. Уфа, 2007, с. 8.

[16] Informāciju par ergonīma izveidi elektroniski sniedza SIA *Alentex* pārstāvis 12.11.2013.

[17] *Daugavpils pilsēta*. http://daugavpils.lv/lv/city (skatīts 09.12.2013.).

[18] *Narva*. http://www.narva.ee/ee/ (skatīts 09.12.2013.).

[19] *Pastāvīgie iedzīvotāji pa statistiskajiem reģioniem, republikas pilsētām un novadiem pēc tautības 2011. gada 1. martā*. http://data.csb.gov.lv (skatīts 09.12.2013.).

[20] *Elanikkonna rahvuseline koosseis/Ethnic Composition of Population*. http://web.narva.ee/files/6187.pdf (skatīts 09.12.2013.).

[21] *История*. http://www.rugodiv.ee (skatīts 06.11.2013.).

[22] Informāciju par tūrismu Daugavpilī 2012. g. elektroniski sniedza Daugavpils novada TIC informācijas konsultante Anna Čapule 05.11.2013., savukārt informācija par Narvu ir pieejama pašvaldības pašvērtējuma ziņojumā http://web.narva.ee/files/5620.pdf (skatīts 16.12.2013.).

[23] *TV Daugavpils*. http://www.tv.daugavpils.lv/ (skatīts 09.12.2013.).

[24] Statistisku informāciju par tīmekļa vietnes apmeklētāju skaitu pēc izvēlētās valodas 12.12.2013. elektroniski sniedza Jevgenijs Galapovs 13.12.2013.

[25] Informāciju par plašsaziņas līdzekļiem poļu valodā elektroniski sniedza Poļu kultūras centra direktore Žanna Stankeviča 07.01.2014.

[26] *Noteikumi par iestāžu, sabiedrisko organizāciju, uzņēmumu (uzņēmējsabiedrību) nosaukumu un pasākumu nosaukumu veidošanu un lietošanu*. http://likumi.lv/doc.php?id=10130 (skatīts 20.12.2013.).
Language Act on 1 April 1995. http://www.hm.ee/index.php?popup=download&id=6912 (skatīts 20.12.2013.).

[27] Nejauši satiktas garāmgājējas atbilde uz jautājumu: *Kā Jūs vērtējat angļu valodas izmantojumu pilsētā redzamajos uzrakstos?* Ekspresintervija notika Daugavpilī 27.08.2013.

[28] Velga Laugale Liepājas Universitātē 2009. gadā ir aizstāvējusi disertāciju *Izglītības iestāžu nosaukumi latviešu valodā: lingvistiskais aspekts*, kurā ir aplūkojusi izglītības iestāžu nosaukumus visos izglītības līmeņos. Pieejams: http://www.liepu.lv/uploads/files/Promocijas_darbs_Izglitibas_iestazu_nosaukumi_latviesu_valoda_lingvistiskais_aspekts.pdf (skatīts 21.12.2013.).

[29] *Par mums*. http://www.daugavpils13pii.lv/index.php?tab=1 (skatīts 29.12.2013.).
[30] *Par mums*. http://www.mazarozite.lv/par-mums (skatīts 29.12.2013.).
[31] *Daugavpils 9. speciālā pirmsskolas izglītības iestāde*. http://9specpii.ucoz.lv/ (skatīts 02.01.2014.).
[32] *Rühmad/Группы*. http://lasteaiad.narvakultuur.ee/kirsike (skatīts 02.01.2014.).
[33] *Grupas*. http://www.32pii.daugavpils.lv (skatīts 03.01.2014.).
[34] *Par mums*. http://www.11pii.daugavpils.lv/par-mums (skatīts 02.01.2014.).
[35] *Koolieelne lasteasutuse "Pingviin"*. http://lasteaiad.narvakultuur.ee/pingviin (skatīts 21.12.2013.).
[36] *Koolieelne lasteasutuse "Punamütsike"*. http://lasteaiad.narvakultuur.ee/punamutsike (skatīts 21.12.2013.).
[37] *BJC*. http://www.jauniba.lv/ (skatīts 27.12.2013.).
[38] *Narva Laste Loomemaaja*. http://www.nll.ee/ (skatīts 27.12.2013.).
[39] Konstantin I. *Narspi: poėma*. Shupashkar: Chavash gos. izd-vi, 1959.
[40] Veikala darbinieci intervēja S. Murinska un raksta autore 2010. g. 14. martā.

LITERATŪRA

Bušs O. Īpašvārdi ekonomikā: dažas izpētes iespējas pasaulē un Latvijā. *Vārds un tā pētīšanas aspekti* 17 (1). Liepāja: Liepājas Universitāte, 2013, 50.–55. lpp.

Bušs O. Īpašvārdu semantika (interpretācijas mēģinājums). *Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpieni*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2003, 275.–282. lpp.

Druviete I. Latviešu valodas sociolingvistisko funkciju dinamika kontaktvalodu ietekmē. *Letonika. Valodniecības raksti* 2. Rīga: Madonas poligrāfists, 2008, 224.–234. lpp.

Gorter D. (ed.). *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Clevedon, Multilingual Matters, 2006.

Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. *Empirical Study. Journal of Language and Social Psychology* 16 (1), 1997, pp. 23–49.

Laugale V., Šulce Dz. Galvenie problēmjautājumi nosaukumu veidošanā un rakstībā. *Lielo burtu lietojums latviešu valodā: ieskats vēsturiskajā izpētē, problēmas un risinājumi*. Rīga: LVA, 2012, 29.–36. lpp.

Spolsky B., Cooper R. L. *The Languages of Jerusalem*. Oxford: Clarendon Press, 1991.

Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca. Rīga, 2007.

Емельянова А. М. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города*. Автореферат диссертации. Уфа, 2007.

Козлов Р. И. *Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики*. Автореферат диссертации. Екатеринбург, 2000. http://www.dissercat.com/content/ergourbonimy-kak-novyi-razryad-gorodskoi-onomastiki (skatīts 06.11.2013.).

Суперанская А. В. *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука, 1973.

Трифонова Е. А. *Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика: На материале русских и английских эргонимов*. Автореферат диссертации. Волгоград, 2006. http://www.dissercat.com/content/nazvaniya-delovykh-obektov-semantika-pragmatika-poetika-na-materiale-russkikh-i-angliiskikh (skatīts 06.11.2013.).

Наталья Трофимова

ЛИСТАЯ СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Summary

Looking through the Old Photos

The present paper regards the life of a person whose fate was closely related to Latvia. The poet Alexander Perfilyev wrote poems for Oscar Strok to compose music with them. The poet never signed his lyrics, so his name is not known to the connoisseurs of Oscar Strok. The poet and journalist A. Perfilyev was born in 1895 in Chita where his father, general Mikhail Apollonovitch Perfilyev, was doing military service as the commander of the first Nerchinsk Cossack regiment. Perfilyev was awarded the Georg Cross for heroism in World War I; he escaped from persecutions of the soviet regime first to the White Army, then to the independent Latvia.

The given article investigates Perfilyev's work as a journalist and his poetic contribution to Russian culture. For more than 20 years he worked in Latvia and left in the cultural space of Latvia almost as much of poetry material as in Germany. In Germany he published poems, a book of memoirs, and since 1953 he worked on the radio 'Freedom' ('Свобода'). He died in Munich in poverty in 1973 at the age of 78 in an old people's home.

Key-words: family tree, memoirs, publication, poetry, Latvia, emigration, journalist

*

Из детства

Когда я была маленькой, главным собеседником у меня была бабушка. Она рассказывала обо всем: об их житье в Петербурге, о родственниках, о театрах и концертах, об известных людях, о путешествии в Покровское, родовое имение, о праздниках, нравах и обычаях. Для меня это было окно в неведомый мир, для бабушки – в дорогое прошлое. Мы обе любили наши разговоры. С особой теплотой бабушка рассказывала о внучатом племяннике Александре Михайловиче Перфильеве, которого всегда ласково называла Сашенькой. Так называла его и наша мама, которой он приходился кузеном. Будем называть его так же.

Перфильевы

отец
Михаил Аполлонович
1866 – 1938
расстрелян в Иркутске

мать
Екатерина Сергеевна
нет данных

Сашенька Перфильев
1895 – 1973

Сашенька Перфильев происходил из старинного казачьего рода. Его отец – генерал царской армии Михаил Аполлонович Перфильев – был начальником первого Нерчинского казачьего полка. Сашенька ведет свою родословную от сподвижника Ермака – казачьего атамана Максима Перфильева, известного своим благородством и бесстрашием. А родился он в Чите, там, где служил его отец. Сашенька – второй сын в семье Перфильевых. Забайкальский край – не самое лучшее место для новорожденных. Екатерина Сергеевна, супруга генерала, решила уехать подальше от экстремальных условий и отбыла с детьми в родной Петербург. Детство прошло в любви и комфорте. Мальчик рос, окруженный заботой родных, занимался музыкой, языками, много читал и слушал рассказы о своем героическом предке и о других первопроходцах Сибири и Забайкалья. С рассказами переплетались легенды и воспоминания. Так, в семье бытовала история о том, как атаман Максим Перфильев усыновил прямого потомка Тимура князя Гантимурова, который позже стал зятем казачьего атамана. Не удивительно, что в такой обстановке мальчик тоже мечтал о военной карьере. Он поступает во второй Петербургский кадетский корпус, но через некоторое время бросает учебу и отправляется в экспедицию.

Смутил мальчика полковник Генерального штаба, исследователь Центральной Азии Петр Козлов. Он собирал экспедицию в Монголию и дальше, в Китай. Помимо разведывательных и дипломати-

ческих целей планировалось также коллекционирование фауны. Козлов приглашает в экспедицию отца и сына Перфильевых, и Сашенька с восторгом отправляется в это увлекательное, с его точки зрения, но на самом деле непростое двухлетнее путешествие.

В ходе исследования было сделано немало открытий, удалось даже в китайской провинции Сычуань отыскать древний город Хара-Хото и целую забытую цивилизацию, империю тангутов. Полевая жизнь имеет свои особенности, подросток работал наравне со взрослыми. В целом же экспедиция помогла мальчику определиться с выбором будущего жизненного пути. Победила военная карьера. В 1909 году исследователи вернулись в Россию, и четырнадцатилетний юноша поступает в Оренбургское казачье училище.

Сабля или перо?

Это училище оказалось как раз тем, что требовалось юноше. Он с интересом постигал основы казачьего искусства, легко научился объезжать молодых лошадей, в вольтижировке не каждый мог с ним сравняться – годы учебы пролетели незаметно. После окончания училища Сашенька был выпущен в Первый Нерчинский казачий полк, которым командовал отец, и начал служить в гвардейской сводной казачьей роте.

В эту же пору он всерьез увлекается поэзией, много читает, пробует писать сам. Его первые публикации относятся к 1915 году. До начала Первой мировой войны он успевает отметиться публикациями в таких известных периодических изданиях России, как *Нива*, *Огонек*, *Солнце России*. Редакторы этих журналов положительно оценили молодого автора. Поэту не исполнилось тогда и двадцати лет.

Мог ли Перфильев оставаться в стороне, когда военные действия достигли России – вопрос излишний. С подлинным бесстрашием он сражается в составе Уссурийской конной бригады. Ранение, лазарет. Еще одно ранение... За отвагу, проявленную на поле боя, Александр Михайлович Перфильев был награжден Георгиевским крестом и произведен в чин есаула.

Пока перо и сабля были для нашего героя одинаково важны, шли, как сказал бы он сам, ухо в ухо. Все изменила революция и гражданская война. Эти трагические события застали Александра в Петрограде. Среди хаоса и полной неразберихи первых месяцев он умудряется влюбиться, успевает жениться, провести некоторое время в тюрьме, в одиночной камере, успешно избегает новых арестов и,

наконец, бежит на юг в Белую армию. Настает пора, когда перо должно уступить место сабле.

Через некоторое время Александр возвращается в Петроград – он не может бросить на произвол судьбы молодую жену и новорожденную дочку. В городе голод, аресты, расстрелы, грабежи. Уезжают все, кто куда может: в имение, просто в провинцию, в другую страну. Притягательной кажется Прибалтика, особенно Латвия, провозгласившая в 1918 году свою независимость. На семейном совете решили, что первым поедет мужчина, устроится, найдет жилье и работу, а потом уже привезет жену с ребенком.

Александр уехал в Ригу, там его и застало известие, что жена и маленькая дочь умерли в Петрограде от тифа.

Под знаком умолчания

Началась жизнь в изгнании. В Латвии Сашеньку Перфильева уже ждали родственники: тетушка Любовь Михайловна с семейством, кузина Катенька, были и прежние армейские знакомые. В то время перейти границу без виз или других документов было легче легкого. Подходил к пограничнику и сдавался, тебя арестовывали и задерживали. Дальше надо было найти двух поручителей, которые засвидетельствуют твою лояльность. После этого тебя отпускали на все четыре стороны.

Александр решил обосноваться в Риге. Первое время кем только ни работал, случалось даже зарабатывать на жизнь старой казачьей профессией – джигитовкой и выездкой молодых лошадей. Но постепенно все становится на свои места. Сложился второй брак с Ириной Сабуровой, нашлось жилье, определились отношения с коллегами. Перфильев оказался востребованным в журналистике. Он работает литературным сотрудником, фельетонистом и техническим редактором журналов *Огонек*, *Новая нива*, *Для вас*, публикуется в газетах *Русское слово* и *Сегодня*. Среди рижских журналистов он – на своем месте. И все-таки главным в своей жизни Сашенька Перфильев считает поэзию. Уже в 1926 году он выпускает первый поэтический сборник *Снежная месса* под псевдонимом Александр Ли. В него вошли произведения 1924 – 1925 годов. Он писал стихи постоянно, писал везде, для него это было так же естественно, как дышать. Когда один из журналистов спросил Александра, как ему удается мгновенно блеснуть каким-нибудь экспромтом по поводу сиюминутной беседы, он признался: *Говорить в рифму гораздо легче, чем прозой*.

Второй сборник *Листопад* (1929) и третий *Ветер с севера* (1937) он выпустил уже под своей фамилией – Александр Перфильев, хотя пользовался разными псевдонимами часто – такая уж особенность пишущей братии. Серьезные, глубокие публикации подписывал Л. Гантимуров, намекая на старинную семейную легенду. Для фельетонов, шуточных миниатюр и другого несерьезного материала был у него соответствующий псевдоним: Шерри-бренди – так назывался сладкий алкогольный напиток, популярный среди латвийской богемы.

Катенька очень гордилась кузеном, следила за его творческой деятельностью, собирала и берегла его публикации и много рассказывала нам о нем и о культурной жизни Риги и Латвии 30-х годов. Комплекты журнала *Для вас* заменяли для нас, детей, первые детские книжки.

В советские времена вспоминать довоенную Латвию в положительном контексте было небезопасно, а признаться в родстве с «недобитым буржуем» и белогвардейцем Перфильевым значило погубить себя и своих близких. Запрещалось вне дома даже это имя произносить. Не было такого поэта. Строгий «режим умолчания» сохранялся весь двадцатый век, и только на рубеже столетий наступило некоторое «потепление». Оказывается, такой поэт был, сохранились его дневники, сборники стихов и другие материалы, а главное – воспоминания о нем.

В первом номере за 1997 год латвийский журнал *Даугава* помещает отрывки из воспоминаний Перфильева, изданных в Париже (публикация Юрия Абызова и Бориса Равдина). Вот как Александр сам рассказывает о сотрудничестве с Оскаром Строком:

<...> В Риге же я познакомился и впоследствии долго работал вместе с Оскаром Давидовичем Строком. Очень способный пианист, окончивший Петербургскую консерваторию... Он был несомненно талантлив, но так как ему не хватало воображения и культуры, все, за редким исключением, было скомпоновано по чужим образцам. В те времена в Риге гремели «Бублички». Этот шлягер времен НЭПа, впоследствии в

Советском Союзе запрещенный как упаднический, вдохновил и «окрылил» Строка. Ничтоже сумняшеся он выпускает фокстрот «Новые бублички». И хотя в словах (к стыду моему, написанных мною) не было даже никакого намека на «бублички» – фокстрот так и вышел под этим названием. А слова, если мне не изменяет память, были таковы:

Я за границею,
свободной птицею,
В чулочках шелковых
и платье «мов»,
Всегда изысканна,
«Коти» опрыскана,
С прической модною
под «бубикопф».

Вслед за этим шлягером пошли «Яша-коммивояжер», «Белая сирень», «Амманула» и множество других. Так как их было, вероятно, около сотни, то я не могу их перечислить, хотя и писал для них слова. Строго говоря, все это было подражательно и недаром о Строке ходил по Риге следующий анекдот:

Строк идет по улице с барышней. Из окон кафе доносятся звуки красивого танго. Барышня спрашивает: «Оскар Давидович, скажите, – это ваше танго?» – «Пока нет, но скоро будет моим».

И, наконец, Строка, что называется, осенило. Появился настоящий, не подражательный шлягер – «О, эти черные глаза», быстро облетевший весь мир и в Советском Союзе пользующийся до сих пор большой популярностью.

Создание этого шлягера было связано с личным романом любвеобильного Строка и м.б. поэтому (в пределах легкой музыки, конечно) он вышел самым удачным из всех его вещей. Строку это танго принесло (правда, не сразу) большие деньги. Мне – автору слов – оно дало 10 латов гонорара и сознание нашей эмигрантской непрактичности и неумения из всего извлекать пользу. Произошло это потому, что ни на одной из написанных мною для Строка и других композиторов вещей я не ставил своего имени. Ни на нотах, ни на пластинках. Я считал, что автору лирических стихов, выпустившему тогда два сборника, нельзя ставить своего имени под халтурой. Мои заграничные коллеги были другого мнения, и лишь впоследствии узнал, что в Берлине, Вене, Париже и т.д. авторы слов зарабатывают не меньше, чем композиторы, и получают проценты с каждого экземпляра нот и пластинок.

Тридцать лет спустя, уже во второй эмиграции, я невольно попал в глупое положение. Жил я тогда в провинции, за Мюнхеном, и нигде не работал.

В мой барак зашли мои новые друзья из Советского Союза. Один – моряк торгового флота, второй – солдат-власовец. Моряк начал рассказывать о том, каким бешеным успехом пользовались в СССР пластинки Вертинского и другие «буржуазные» вещи.

– Вы, вероятно, знаете танго «О, эти черные глаза», «Татьяну» и «На Кавказе есть гора»?

И тут я имел неосторожность (или глупость) поведать, что являюсь автором всех этих стихов.

Эффект был необычайный... Мои собеседники как-то странно переглянулись, замяли разговор и перешли на другие темы. А когда через некоторое время они вышли из барака, я услышал через окно:

– Человек-то, кажись, того, заговариваться стал... Загнул такое: написал, мол, «Черные глаза» и «Татьяну»! Да их, можно сказать, весь Союз поет! А он в бараке без штанов сидит, самосейку курит... Жаль человека... Вот до чего эмиграция доводит!

И теперь, много лет спустя, я могу (чуть перефразировав) сказать:

«О, эти глупые слова, кто вас напишет, тот потеряет навсегда и счастье и покой!»[1]

Надо заметить, что не все так сурово оценивают легкую музыку в целом и шлягер, в частности. Известно, что наш любимый маэстро Раймонд Паулс в молодости играл в ресторанах, барах и других питейных заведениях. Досужие журналисты сегодня обратились к нему с вопросом, исполнял ли музыкант модные шлягеры Строка на слова Перфильева, и маэстро признался, что конечно исполнял, и заметил, что публика с восторгом его принимала.

Вот тебе и «глупые слова»! Они пережили своего создателя, живут и сегодня (не только в памяти поклонников легкой музыки). Помните?

Был день осенний,
И листья грустно опадали,
В последних астрах
Печаль хрустальная жила...

Русские тексты всех песен, вышедших в рижском издательстве Строка, принадлежали перу Перфильева.

А в конце 30-х годов, казалось, жизнь вошла в свою колею: Александр – успешный журналист, сборники его стихов выходят с хвалебными комментариями Георгия Иванова и Николая Гумилева, есть дом, семья, родился сын Олег. Тут-то и грянул 40-ой год.

Александр Перфильев уже был знаком с советской властью и имел свой счет к коммунистам, поэтому весь период оккупации Лат-

вии советскими войсками он был вынужден скрываться. Случайные заработки, постоянная угроза ареста... Востребованным он оказывается с началом второй, немецкой, оккупации. Александр – редактор журнала *Для вас* и газеты *Двинский вестник*. В это же время он готовит сборник рассказов и в 1942 году издает его под заглавием *Человек без воспоминаний*. Но война продолжалась, и опять (уже в который раз!) требовалось сделать жизненно важный выбор.

Поздней осенью 1944 года с побережья в Курземе отходило последнее эвакуационное судно с сотнями беженцев на борту. Среди них покидал Латвию и Александр Перфильев.

В кругу друзей-журналистов. А. Перфильев крайний справа. Рига, 30-ые годы.

Говорит радиостанция *Свобода*

Европа встретила эмигрантов неприветливо. Несколько спецлагерей для интернированных лиц, и Александр оказывается в Берлине. Там он сблизился с казачьим атаманом генералом и писателем Петром Красновым и в какой-то момент уже был готов «снова надеть военную форму»: участвовал в организации передачи союзникам казачьих частей, разбросанных по Европе. Сначала Италия, затем – Прага. Бежал из-под расстрела и оказался в Баварии, откуда перебрался в Мюнхен. А на дворе – 1945 год. Пора было строить новую, мирную жизнь.

Оказывается, что в Европе знали поэта и журналиста Перфильева. Редакторы сатирических газет *Петрушки* и *Сатирикона* посылают Александру предложение о сотрудничестве. Он принимает. В Мюнхене уже в 1947 году он издает книгу воспоминаний *Когда горит снег*. Через некоторое время на его публикации обращает внимание газета *Свобода*, и вскоре Александр Перфильев получает предложение работать на радиостанции *Свобода*. С 1953 года он штатный сотрудник на радио.

Не знаю, как нашей мамочке это удавалось, но она всегда была в курсе событий любимого кузена. «При немцах» они свободно переписывались, «при советах», конечно, молчали, но все равно мама знала все важнейшие события семьи Перфильевых: что Сашенька успешный радиожурналист, что Ирина тоже пишет, что, к сожалению, сына они потеряли...

Вновь оказавшись в изгнании, эмигранты информацию передавали из уст в уста, и она каким-то удивительным способом попадала туда, куда нужно. В том числе и по радио. Мы, конечно, все слушали *Свободу*, не просто слушали, мы с ней выросли. С утренней передачи у нас начинался день. Сначала только шум и треск – *Свободу* так глушили, что разобрать можно было только отдельные слова. Но люди как-то умудрялись понять все, что пытался донести до них Сашенька Перфильев. Это был глоток свежего воздуха.

На радиостанции Перфильев вел передачи более двадцати лет и всю жизнь писал. Стихи, прозу. Творческое наследие его рассыпано по многочисленным зарубежным изданиям. Время от времени предпринимаются попытки собрать то, что осталось в России, в Латвии и за границей – в Европе. В 1976 году вышла большая поэтическая книга А. Перфильева *Стихи*, куда вошли довоенные публикации, стихи, написанные в 40 – 70 годы, песни, романсы. А ведь есть еще проза, есть воспоминания разных лет и стихи, стихи...

Александр Михайлович Перфильев – человек нелегкой и сложной судьбы. Он ушел из жизни на 78-ом году в Мюнхене, в доме призрения. С ним произошло ровно то и ровно столько, что в XX веке выпало на долю России, Латвии и Германии.

Вместо послесловия

Каким Вы были, Сашенька Перфильев?

Скромный невысокий человек с печальными глазами или лихой казак?

Талантливый поэт-лирик или сочинитель эстрадных куплетов?
Одинокий скиталец или бонвиван, кутила и весельчак?
Независимый публицист или артист цирка?
А может быть, ответы в его стихах?

На свете нет чужих небес,
Чужих лесов, полей и злаков,
Для тех, кто верит в мир чудес,
Весь мир чудесно одинаков.

Пусть здесь береза и сосна,
А там – банановые рощи,
Но там и тут – любовь одна
И тем сильней она – чем проще...

И никогда в стране чужой
Совсем чужими мы не будем,
Раз мы туда несем с собой
В душе любовь и нежность к людям.

Я тем Руси не изменил,
Что колесил по странам всяким.
И женщин радостно любил,
Писал стихи, и пел, и плакал.

И здесь как прежде я пою,
Мир прославляя беспредельный,
Но в сердце родину мою
Ношу с собой, как крест нательный.[2]

---

[1] Перфильев А. О, эти черные глаза. *Русская мысль* 20 мая 1960 года. Цитирование *Даугава* № 1, 1997, с. 98–107.

[2] Перфильев А. *Ветер с севера.* Rīga: Filina, 1937, с. 32.

ЛИТЕРАТУРА

Гиммерверт А. *Оскар Строк – король и подданный*. ДЕКОМ, 2006.

Дименштейн И. *Имена русской Латвии.* Рига: POLARIS, 2007.

Перфильев А. *Ветер с севера.* Rīga: Filina, 1937.

Перфильев А. О, эти черные глаза. *Русская мысль* 20 мая 1960 года. Цитирование *Даугава* № 1, 1997, с. 98–107.

Сабурова И. *Корабли старого города.* Латвийское общество русской культуры. Даугава, 2005.

Шифрин М. Хара – Хото – мое открытие, мое фактическое завоевание для науки. *Вокруг света* № 1, 2013, с. 117–126.

AUTORI

Marina Beļajeva (1955) – Dr. habil. philol., Kubaņas Valsts universitātes Slavjanskas pie Kubaņas filiāles Filoloģijas fakultātes Krievu valodas, literatūras un mācīšanas metodikas katedras profesore
e-pasts: fliny@mail.ru

Nataļja Boļšakova (1952) – Filoloģijas zinātņu kandidāte, Pleskavas Valsts universitātes Krievu valodas katedras docente, Reģionālo filoloģijas pētījumu laboratorijas vadītāja
e-pasts: bolshakova55@yandex.ru

Jana Butāne-Zarjuta (1985) – Mg. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Komparatīvistikas institūta pētniece
e-pasts: jana.butane@du.lv

Marina Halimone (1966) – Mg. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes doktorante
e-pasts: mhalimone@inbox.lv

Daiki Horiguči (1984) – Dr. philol., Japānas Zinātnes popularizēšanas biedrības pētnieks
e-pasts: sirdspuksti@gmail.com

Zaiga Ikere (1945) – Dr. habil. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Angļu filoloģijas katedras profesore
e-pasts: zaiga.ikere@du.lv

Nataļja Iļjinska (1958) – Dr. habil. philol., Vitusa Beringa Kamčatkas Valsts universitātes Humanitārās fakultātes Krievu valodas katedras profesore
e-pasts: ngi2012@inbox.lv

Elvīra Isajeva (1968) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Rusistikas un slāvistikas katedras docente
e-pasts: elvira.isajeva@du.lv

Nataļja Ivanova (1969) – Mg. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes doktorante
e-pasts: natalja1969@inbox.lv

Birute Jasjūnaite (1958) – Dr. philol., Viļņas Universitātes Humanitārās fakultātes Baltistikas katedras profesore
e-pasts: birute.jasiunaite@flf.vu.lt

Irina Kačinska (1957) – Filoloģijas zinātņu kandidāte, M. Lomonosova Maskavas Valsts universitātes Filoloģijas fakultātes Krievu valodas katedras jaunākā zinātniskā līdzstrādniece
e-pasts: kacza@yandex.ru

Valentīna Kaļiņina (1953) – Dr. paed., Liepājas Universitātes Humanitāro un mākslas zinātņu fakultātes asociētā profesore
e-pasts: valentina.kalinina@liepu.lv

Anna Kokonova (1982) – Filoloģijas zinātņu kandidāte, M. Lomonosova Maskavas Valsts universitātes Filoloģijas fakultātes Krievu valodas katedras pasniedzēja
e-pasts: annakokonova@gmail.com

Jeļena Kolosjko (1956) – Filoloģijas zinātņu kandidāte, Krievijas Zinātņu akadēmijas Lingvistisko pētījumu institūta vecākā zinātniskā līdzstrādniece
e-pasts: evkolosko@mail.ru

Jeļena Koņicka (1958) – Dr. philol., Viļņas Universitātes Humanitārās fakultātes Krievu filoloģijas katedras docente
e-pasts: jelkon@mail.ru

Jeļena Koroļova (1951) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Komparatīvistikas institūta asociētā profesore
e-pasts: jelena.korolova@du.lv

Igors Koškins (1963) – Dr. philol., Latvijas Universitātes Humanitāro zinātņu fakultātes Rusistikas un slāvistikas nodaļas profesors
e-pasts: igors.koskins@lu.lv

Kristīne Kuņicka (1983) – Mg. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes doktorante
e-pasts: kristine.kunicka@e-apollo.lv

Anatolijs Kuzņecovs (1951) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Rusistikas un slāvistikas katedras asociētais profesors
e-pasts: anatolijs.kuznecovs@du.lv

Jeļena Mateikoviča (1983) – Mg. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes doktorante
e-pasts: jmatejkovic@mail.ru

Ilze Oļehoviča (1974) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Angļu filoloģijas katedras docente
e-pasts: ilze.olehnovica@du.lv

Ļubova Parubčenko (1947) – Dr. habil. philol., Altaja Valsts universitātes Masu komunikācijas, filoloģijas un politoloģijas fakultātes Krievu valodas, literatūras un verbālās komunikācijas katedras profesore
e-pasts: lbpar@mail.ru

Gaļina Pitkeviča (1954) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Rusistikas un slāvistikas katedras docente
e-pasts: galina.pitkevica@du.lv

Svetlana Polkovņikova (1974) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Latviešu valodas katedras docente
e-pasts: svetlana.polkovnikova@du.lv

Solvita Pošeiko (1985) – Mg. philol., Latvijas Universitātes doktorante, Rēzeknes Augstskolas Reģionālistikas institūta zinātniskā asistente
e-pasts: solvita.poseiko@gmail.com

Gaļina Sirica (1955) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Rusistikas un slāvistikas katedras asociētā profesore
e-pasts: galina.sirica@du.lv

Anna Stafecka (1953) – Dr. philol., Latvijas Universitātes Latviešu valodas institūta vadošā pētniece
e-pasts: anna.stafecka@inbox.lv

Tatjana Stoikova (1962) – Dr. philol., Ventspils Augstskolas Lietišķās valodniecības centra vadošā pētniece
e-pasts: stoikova@lanet.lv

Vilma Šaudiņa (1954) – Dr. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes Latviešu valodas katedras profesore
e-pasts: vilma.saudina@du.lv

Valentīna Ščadņeva (1948) – Dr. phil., Tartu Universitātes Slāvu filoloģijas nodaļas vecākā zinātniskā līdzstrādniece
e-pasts: valentina.schadn@mail.ru

Nadežda Teļminova (1986) – Mg. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes doktorante
e-pasts: nada10@inbox.lv

Faina Timošenko (1964) – Mg. philol., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes doktorante
e-pasts: fainatimoshenko@inbox.lv

Jeļena Tretjakova (1977) – Mg. philol., Rīgas Tehniskās universitātes Daugavpils filiāles lektore
e-pasts: jelenatretjakova@inbox.lv

Nataļja Trofimova (1937) – Dr. paed., Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes docente
e-pasts: tata1937@inbox.lv

Olga Trofimova (1959) – Dr. habil. philol., Tjumeņas Valsts universitātes Filoloģijas un žurnālistikas institūta Krievu valodas katedras vadītāja
e-pasts: otrofim@rambler.ru

Valentīna Zakrevska (1952) – Filoloģijas zinātņu kandidāte, Tjumeņas Valsts universitātes Filoloģijas un žurnālistikas institūta Krievu valodas katedras docente
e-pasts: zakrev@yandex.ru

Oļegs Žolobovs (1957) – Dr. habil. philol., Kazaņas Federālās universitātes Filoloģijas un starpkultūru komunikācijas institūta Krievu valodas un mācīšanas metodikas katedras profesors
e-pasts: ozolobov@mail.ru

CONTRIBUTORS

Marina Belyaeva (1955) – Dr. habil. philol., professor of Kuban State University (Slavyansk-on-Kuban Affiliate) Faculty of Philology Department of Russian Language, Literature and its Teaching Methodology
e-mail: fliny@mail.ru

Natalya Bolshakova (1952) – Candidate of Philological Sciences, docent of Pskov State University Department of Russian Language, head of Laboratory of Regional Philological Studies
e-mail: bolshakova55@yandex.ru

Jana Butāne-Zarjuta (1985) – Mg. philol., researcher of Daugavpils University Faculty of the Humanities Institute of Comparative Studies
e-mail: jana.butane@du.lv

Marina Halimone (1966) – Mg. philol., doctoral student of Daugavpils University Faculty of the Humanities
e-mail: mhalimone@inbox.lv

Daiki Horiguchi (1984) – Dr. philol., researcher of Japan Society for the Promotion of Science
e-mail: sirdspuksti@gmail.com

Zaiga Ikere (1945) – Dr. habil. philol., professor of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of English Philology
e-mail: zaiga.ikere@du.lv

Natalya Ilyinskaya (1958) – Dr. habil. philol., professor of Vitus Bering Kamchatka State University Faculty of the Humanities Department of Russian Language
e-mail: ngi2012@inbox.lv

Elvīra Isajeva (1968) – Dr. philol., docent of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of Russian and Slavic Studies
e-mail: elvira.isajeva@du.lv

Natalja Ivanova (1969) – Mg. philol., doctoral student of Daugavpils University Faculty of the Humanities
e-mail: natalja1969@inbox.lv

Birutė Jasiūnaitė (1958) – Dr. philol., professor of Vilniaus University Faculty of the Humanities Department of Baltistics
e-mail: birute.jasiunaite@flf.vu.lt

Irina Kachinskaya (1957) – Candidate of Philological Sciences, junior scientific assistant of M. Lomonosov Moscow State University Faculty of Philology Department of Russian Language
e-mail: kacza@yandex.ru

Valentīna Kaļiņina (1953) – Dr. paed., assoc. professor of Liepāja University Faculty of Humanitarian Sciences and Arts
e-mail: valentina.kalinina@liepu.lv

Anna Kokonova (1982) – Candidate of Philological Sciences, lecturer of M. Lomonosov Moscow State University Faculty of Philology Department of Russian Language
e-mail: annakokonova@gmail.com

Elena Kolosjko (1956) – Candidate of Philological Sciences, senior scientific assistant of Russian Academy of Science Institute of Linguistic Studies
e-mail: evkolosko@mail.ru

Elena Konickaya (1958) – Dr. philol., docent of Vilniaus University Faculty of the Humanities Department of Russian Philology
e-mail: jelkon@mail.ru

Jeļena Koroļova (1951) – Dr. philol., assoc. professor of Daugavpils University Faculty of the Humanities Institute of Comparative Studies
e-mail: jelena.korolova@du.lv

Igors Koškins (1963) – Dr. philol., professor of University of Latvia Faculty of Humanities Department of Russian and Slavic Studies
e-mail: igors.koskins@lu.lv

Kristīne Kuņicka (1983) – Mg. philol., doctoral student of Daugavpils University Faculty of the Humanities
e-mail: kristine.kunicka@e-apollo.lv

Anatolijs Kuzņecovs (1951) – Dr. philol., assoc. professor of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of Russian and Slavic Studies
e-mail: anatolijs.kuznecovs@du.lv

Jeļena Mateikoviča (1983) – Mg. philol., doctoral student of Daugavpils University Faculty of the Humanities
e-mail: jmatejkovic@mail.ru

Ilze Oļehoviča (1974) – Dr. philol., docent of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of English Philology
e-mail: ilze.olehnovica@du.lv

Ljubov Parubchenko (1947) – Dr. habil. philol., professor of Altai State University Faculty of Mass Communications, Philology and Politology Department of Russian Language, Literature and Speech Communication
e-mail: lbpar@mail.ru

Gaļina Pitkeviča (1954) – Dr. philol., docent of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of Russian and Slavic Studies
e-mail: galina.pitkevica@du.lv

Svetlana Polkovņikova (1974) – Dr. philol., docent of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of Latvian Language
e-mail: svetlana.polkovnikova@du.lv

Solvita Pošeiko (1985) – Mg. philol., doctoral student of University of Latvia, scientific assistant of Rēzekne Higher Education Institution Research Institute of Regional Studies
e-mail: solvita.poseiko@gmail.com

Valentina Schadneva (1948) – Dr. phil., senior scientific assistant of University of Tartu Department of Slavonic Philology
e-mail: valentina.schadn@mail.ru

Gaļina Sirica (1955) – Dr. philol., assoc. professor of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of Russian and Slavic Studies
e-mail: galina.sirica@du.lv

Anna Stafecka (1953) – Dr. philol., leading researcher of University of Latvia Latvian Language Institute
e-mail: anna.stafecka@inbox.lv

Tatjana Stoikova (1962) – Dr. philol., leading researcher of Ventspils Higher Education Institution Center of Applied Linguistics
e-mail: stoikova@lanet.lv

Vilma Šaudiņa (1954) – Dr. philol., professor of Daugavpils University Faculty of the Humanities Department of Latvian Language
e-mail: vilma.saudina@du.lv

Nadežda Teļminova (1986) – Mg. philol., doctoral student of Daugavpils University Faculty of the Humanities
e-mail: nada10@inbox.lv

Faina Timošenko (1964) – Mg. philol., doctoral student of Daugavpils University Faculty of the Humanities
e-mail: fainatimoshenko@inbox.lv

Jeļena Tretjakova (1977) – Mg. philol., lecturer of Riga Technical University Daugavpils Affiliate
e-mail: jelenatretjakova@inbox.lv

Nataļja Trofimova (1937) – Dr. paed., docent of Daugavpils University Faculty of the Humanities
e-mail: tata1937@inbox.lv

Olga Trofimova (1959) – Dr. habil. philol., head of the Tyumen State University Institute of Philology and Journalistics Department of Russian Language
e-mail: otrofim@rambler.ru

Valentina Zakrevskaya (1952) – Candidate of Philological Sciences, docent of Tyumen State University Institute of Philology and Journalistics Department of Russian Language
e-mail: zakrev@yandex.ru

Oleg Zholobov (1957) – Dr. habil. philol., professor of Kazan Federal University Institute of Philology and Intercultural Communication Department of Russian Language and and Teaching Methodology
e-mail: ozolobov@mail.ru

АВТОРЫ

Марина Беляева (1955) – Dr. habil. philol., профессор кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания филологического факультета Кубанского государственного университета (филиал в г. Славянске-на-Кубани)
эл. почта: fliny@mail.ru

Наталья Большакова (1952) – Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Псковского государственного университета, заведующая Лабораторией региональных филологических исследований
эл. почта: bolshakova55@yandex.ru

Яна Бутане-Зарюта (1985) – Mg. philol., исследователь Института компаративистики гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: jana.butane@du.lv

Олег Жолобов (1957) – Dr. habil. philol., профессор кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета
эл. почта: ozolobov@mail.ru

Валентина Закревская (1952) – Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета
эл. почта: zakrev@yandex.ru

Наталья Иванова (1969) – Mg. philol., докторант гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: natalja1969@inbox.lv

Зайга Икере (1945) – Dr. habil. philol., профессор кафедры английской филологии гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: zaiga.ikere@du.lv

Наталья Ильинская (1958) – Dr. habil. philol., профессор кафедры русского языка гуманитарного факультета Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга
эл. почта: ngi2012@inbox.lv

Эльвира Исаева (1968) – Dr. philol., доцент кафедры русистики и славистики гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: elvira.isajeva@du.lv

Валентина Калинина (1953) – Dr. paed., ассоциированный профессор факультета гуманитарных наук и искусства Лиепайского университета
эл. почта: valentina.kalinina@liepu.lv

Ирина Качинская (1957) – Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
эл. почта: kacza@yandex.ru

Анна Коконова (1982) – Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
эл. почта: annakokonova@gmail.com

Елена Колосько (1956) – Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской Академии наук
эл. почта: evkolosko@mail.ru

Елена Коницкая (1958) – Dr. philol., доцент кафедры русской филологии гуманитарного факультета Вильнюсского университета
эл. почта: jelkon@mail.ru

Елена Королёва (1951) – Dr. philol., ассоциированный профессор Института компаративистики гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: jelena.korolova@du.lv

Игорь Кошкин (1963) – Dr. philol., профессор отделения русистики и славистики факультета гуманитарных наук Латвийского университета
эл. почта: igors.koskins@lu.lv

Анатолий Кузнецов (1951) – Dr. philol., ассоциированный профессор кафедры русистики и славистики гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: anatolijs.kuznecovs@du.lv

Кристина Куницка (1983) – Mg. philol., докторант гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: kristine.kunicka@e-apollo.lv

Елена Матейкович (1983) – Mg. philol., докторант гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: jmatejkovic@mail.ru

Илзе Олехнович (1974) – Dr. philol., доцент кафедры английской филологии гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: ilze.olehnovica@du.lv

Любовь Парубченко (1947) – Dr. habil. philol., профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета
эл. почта: lbpar@mail.ru

Галина Питкевич (1954) – Dr. philol., доцент кафедры русистики и славистики гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: galina.pitkevica@du.lv

Светлана Полковникова (1974) – Dr. philol., доцент кафедры латышского языка гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: svetlana.polkovnikova@du.lv

Солвита Пошейко (1985) – Mg. philol., докторант Латвийского университета, научный ассистент Института регионалистики Резекненской высшей школы
эл. почта: solvita.poseiko@gmail.com

Анна Стафецка (1953) – Dr. philol., старший исследователь Института латышского языка Латвийского университета
эл. почта: anna.stafecka@inbox.lv

Татьяна Стойкова (1962) – Dr. philol., ведущий научный сотрудник Центра прикладной лингвистики Вентспилсской высшей школы
эл. почта: stoikova@lanet.lv

Галина Сырица (1955) – Dr. philol., ассоциированный профессор кафедры русистики и славистики гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: galina.sirica@du.lv

Надежда Тельминова (1986) – Mg. philol., докторант гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: nada10@inbox.lv

Фаина Тимошенко (1964) – Mg. philol., докторант гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: fainatimoshenko@inbox.lv

Елена Третьякова (1977) – Mg. philol., лектор Даугавпилсского филиала Рижского Технического университета
эл. почта: jelenatretjakova@inbox.lv

Наталья Трофимова (1937) – Dr. paed., доцент гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: tata1937@inbox.lv

Ольга Трофимова (1959) – Dr. habil. philol., заведущая кафедры русского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета
эл. почта: otrofim@rambler.ru

Марина Халимоне (1966) – Mg. philol., докторант гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: mhalimone@inbox.lv

Даики Хоригути (1984) – Dr. philol., исследователь Японского общества продвижения науки
эл. почта: sirdspuksti@gmail.com

Вилма Шаудиня (1954) – Dr. philol., профессор кафедры латышского языка гуманитарного факультета Даугавпилсского университета
эл. почта: vilma.saudina@du.lv

Валентина Щаднева (1948) – Dr. phil., старший научный сотрудник отделения славянской филологии Тартуского университета
эл. почта: valentina.schadn@mail.ru

Бируте Ясюнайте (1958) – Dr. philol., профессор кафедры балтистики гуманитарного факультета Вильнюсского университета
эл. почта: birute.jasiunaite@flf.vu.lt

Līdz 2012. gadam zinātnisko rakstu krājums *Komparatīvistikas institūta almanahs* publicēts ar ISSN numuru 1691-6107. No 2013. gada žurnāls *Komparatīvistikas almanahs* tiek izdots ar ISSN numuru 2255-9388.

Till 2012 the issue was published with the title *The Almanac of the Institute of Comparative Studies* and ISSN number 1691-6107. Since 2013 the journal is published with the title *Journal of Comparative Studies*, ISSN number 2255-9388.

До 2012 года сборник научных статей *Альманах Института компаративистики* публиковался с ISSN номером 1691-6107. С 2013 года журнал *Альманах компаративистики* издается с ISSN номером 2255-9388.

• • • • •

Izdevējdarbības reģistr. apliecība Nr. 2-0197.
Parakstīts iespiešanai 7.07.2014. Pasūtījuma Nr. 40.
Iespiests DU Akadēmiskajā apgādā "Saule" —
Saules iela 1/3, Daugavpils, LV–5400, Latvija.